This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ОПБ
Фб. 9
ПИ-219

25886/1

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

3 17

21360
3C

Пиленко, А. А.

МЕЖДУНАРОДНЫЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ КОНВЕНЦІ

Ф 306

Ал. Пиленко

студента Императорскаго С.-Петербургскаго Университет

Ф 6615

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Морскаго Министерства, въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1894.

Z 552
P6

Печатано по распоряженію Юридическаго Факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
Ф. 5757-35 прил
Л-13002 56

ПАМЯТИ

МОЕГО НЕЗАБВЕНН

Проверено
25886
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

21360
Ж

Delalande. Etude sur la propriété littéraire et artistique.
Delalain. Recueil des conventions conclues par la France.
Dambach. Das deutsche-französische Literar-Vertrag.
Dambach. Die Gesetzgebung des Norddeutschen Bundes.
Fliniaux. Essai sur les droits des auteurs.
Филипповъ. О правѣ собственности на произведенія наукъ и словесности (От. Зап. 1872 г. іюль—августъ).
Garreis. Das juristische Wesen des Autorrechts (Archiv für Theorie etc. 1877, XXXV).
Gastambide. Traité théorique et pratique des contrefaçons.
Heu. La réimpression (защита свободы международной контрафакціи).
Janlet. De la protection des oeuvres de la pensée.
Jolly. Die Lehre von Nachdruck.
Калмыковъ. О литературной собственности (Ж. М. Н. Пр. за 1851 годъ).
Klostermann. Das geistige Eigenthum.
Klostermann. Das Urheberrecht an Schrift-und Kunstwerken.
Kärger. Die Theorien über die juristische Natur des Urheberrechts.
Laboulaye. Etudes sur la propriété littéraire en France et en Angleterre au XVIII siècle.
Lavollée. La propriété litt. et la convention de Berne (Journal des Ec. 1887, XXXVII).
Lyon-Caën (et Delalain). Lois françaises et étrangères sur la propriété littéraire et artistique *).

*) Считаю своимъ долгомъ замѣтить, что несмотря на всю добросовѣстность этого изданія, въ него вкрались нѣсколько довольно грубыхъ недосмотровъ, которые съ перваго взгляда могутъ ввести читателя въ недоумѣніе. Такъ, на стр. 57-ой перваго тома напечатано: «c) Si l'auteur s'est réservé le droit de traduction sur le titre ou en tête de son ouvrage, pourvu toutefois que la traduction ainsi réservée ait entièrement paru dans le délai d'un an». Оригиналъ этого абзаца гласитъ: «c) Wenn der Urheber sich das Recht der Uebersetzung... vorbehalten hat, vorausgesetzt, dass die Veröffentlichung der vorbehaltenen Uebersetzung nach dem Erscheinen des Originalwerkes binnen einem Jahre begonnen und binnen drei Jahren beendet wird.» Это искаженіе ввело въ ошибку и меня (см. стр. 135).— Затѣмъ, на стр. 128-ой того же тома напечатано: «La permission donnée par

Laboulaye.	Du droit de propriété littéraire en Allemagne (Revue historique de droit français et etranger, T. I).
Mandry.	Das Urheberrecht an literarischen Erzeugnissen.
Муромцевъ.	Авторское право (Юрид. Вѣстникъ 1879, 3)
Мартенсъ.	Современное международное право цивилизованныхъ народовъ (2 тома).
Мартенсъ.	Россія и литературное общество западноевропейскихъ народовъ (В. Евр. 1881, 3).
Orelli.	Der internationale Schutz des Urheberrechts.
Панкевичъ.	Объектъ авторскаго права.
Побѣдоносцевъ.	Курсъ гражданскаго права, т. I.
Picard.	Embryologie juridique (Jour. Clunet, 1883).
Proudhon.	Majorats littéraires (Oeuv. compl. v. XVI).
Pataille et Huguet.	Code internationale de la propriété industrielle, littéraire et artistique.
Püttlingen.	(Vesque von—) Das Musikalische Autorrecht.
Pouillet.	Traité de la propriété littéraire et artistique.
Renouard.	Traité des droits d'auteur.
Renault.	De la propriété littéraire et artistique du point de vue international.
Soldan.	Union internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques (Revue de droit, de la législation et jurisprudence, 1887).
Спасовичъ.	Права авторскія и контрафакція.
Спасовичъ.	О фотографической собственности.
Спасовичъ.	Вопросъ о такъ называемой литературной собственности (В. Европы, 1874).
Спасовичъ.	Рецензія о книгѣ пр. Шершеневича «Авторское право» (СѢв. Вѣстникъ, 1891, XI).
Schürmann.	Autoren und Verleger.

---

l'auteur de représenter l'oeuvre donne aussi le droit à moins de réserve contraire de la reproduire de quelque manière que ce soit». Оригиналъ гласитъ: «Die vom Autor erhaltene Befugniss zur Aufführung berechtigt auch, wenn keine Beschränkung vorbehalten wurde, zur beliebigen Wiederholung derselben.» Другія искаженія отмѣчены въ §§ 130 и 346.

Sauvel. Des oeuvres photographiques et de leur protection légale.
Табашниковъ. Литературная собственность.
Шершеневичъ. Авторское право.
Wächter. Das Autorrecht nach dem gemeinen deutschen Recht.
Wächter. Das Verlagsrecht.
Wächter. Das Urheberrecht an Werken der bildenden Künste, Photographien und gewerblichen Mustern.
Worms. De la propriété littéraire.
Villefort. De la propriété littéraire du point de vue international.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ:

Pataille. Annales de la propriété industrielle, littéraire et artistique.
Annuaire de la législation étrangère.
Annuaire de l'Institut de droit international.
Archives diplomatiques.
Bulletin de l'association littéraire et artistique internationale.
Bulletin de la société de législation comparée.
Droit d'auteur.
Clunet. Journal de droit international privé *).
Journal des Economistes.
Moniteur officiel.
Dalloz. Recueil périodique.
Revue de droit international (Revue Gand).

Кромѣ того, благодаря любезности г-на Tharaud—Guillet, я имѣлъ возможность воспользоваться нѣкоторыми докторскими диссертаціями (thèses de doctorat), представленными въ разные французскіе юридическіе факультеты и собранными въ парижской Ecole de Droit. Изъ этихъ диссертацій, главнымъ образомъ, я пользовался тѣми, которыя принадлежатъ гг. Clément, Chenu, Castier, Paquy, Thuilliez, Vaunois и Florentin.

*) Цитированный подъ названіемъ Journal Clunet. Во всѣхъ остальныхъ цитатахъ, для сбереженія мѣста, я только указывалъ имя автора.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

I. *Экономическое значеніе авторскаго права.* Различные виды вознагражденій—1. Каково должно быть положеніе интеллектуальныхъ тружениковъ?—4. Каково должно быть уплачиваемое имъ вознагражденіе?—8.

II. *Юридическая природа авторскаго права.* Различные его элементы—10. Мѣсто въ современныхъ системахъ—12.

III. *Историческій очеркъ.* Античный міръ—13. Привилегіи—20. Авторское право во Франціи—23;—въ Германіи—28; —въ Англіи — 30. Защита правъ иностранныхъ авторовъ—31.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Международная контрафакція.

1. Очеркъ ея развитія. Первый періодъ—34. Второй періодъ, контрафакція въ Бельгіи—40. Контрафакція въ Соединенныхъ Штатахъ—49. Контрафакція въ Египтѣ—58.

2. Постепенное развитіе защиты иностранныхъ авторовъ. Территоріальная защита. Французскіе декреты 1791 и 1793 годовъ—60. Германія въ XVIII вѣкѣ—65. Соединенные Штаты — 67. Англія—69. Защита по системѣ взаимности. Германія въ началѣ XIX вѣка—74. Италія—78. Франція—80. Первыя конвенціи—83.

ГЛАВА ВТОРАЯ. **Анализъ защиты, гарантируемой иностранцамъ нынѣ дѣйствующими законоположеніями главнѣйшихъ государствъ.**

А. Французскій декретъ 28 марта 1852 года — 88. I. Произведенія на которыя простирается его защита—90. II. Какія дѣйствія запрещены декретомъ?—98. III. Нужно-ли, при примѣненіи декрета, обращать вниманіе на національный законъ автора?—103. Субъектъ авторскаго права—112. Формальности—115.

Б. Германское законодательство. Законъ 11 іюня 1870 года—116. I. Ausschliessliches Recht des Urhebers—117. II. Verbot des Nachdrucks—122. III. Was nicht als Nachdruck gilt—136. IV. Dauer des ausschliesslichen Rechtes des Urhebers—139. V. Entschädigung und Strafen—141. VI. Eintragsrolle—144. VII. Geographische, topographische etc. Zeichnungen — 144. VIII. Musikalische Compositionen — 145. IX. Oeffentliche Aufführung — 150. X. Allgemeine Bestimmungen—154.

Законъ 9 января 1876 года объ искусствахъ изобразительныхъ—156.

Законъ 10 января 1876 года о фотографіяхъ—163.

С. Законодательства остальныхъ главнѣйшихъ странъ (ихъ отношеніе къ иностранцамъ). Австро-Венгрія—167. Бельгія—169. Великобританія—174. Данія—176. Испанія—177. Италія—179. Соединенные Штаты—183. Швейцарія—186.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **Анализъ наиболѣе замѣчательныхъ литературныхъ конвенцій**—188.

Конвенціи перваго періода—189. Русскія конвенціи—195.

Конвенція Испанія-Франція 1880 года—199.

Конвенція Франція-Бельгія 1881 года—205.

Конвенція Швейцарія-Франція 1882 года—216.

Конвенція Франція-Германія 1883 года—225.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **Анализъ конвенціи Бернскаго Союза.**

А. Историческій очеркъ Союза — 243. Первый проэктъ конвенціи—250. Основаніе Союза—256.

Б. Анализъ конвенціи. Субъектъ права—258. Формальности—262. Продолжительность защиты—265. Объектъ—270. Переводы—273. Газетныя статьи—280. Право публичнаго исполненія—286. Косвенные способы воспроизведенія—290. Бюро—300. Присоединеніе новыхъ членовъ—304. Отказы прежнихъ членовъ—307.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Продолжительность защиты авторскаго права.

Общія понятія о необходимой величинѣ срока—311. Три системы защиты—313. Вѣчная защита—314. Système du délai fixe—330. Пожизненная система—331.
Обзоръ законодательствъ. I категорія — 334. II категорія—336. III категорія—341. IV категорія—346.
Синоптическая таблица—349.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Защита произведеній литературныхъ.

Общее понятіе объекта авторскаго права—351. Терминологія законодательствъ—360.
Компиляціи—361. Хрестоматіи—362. Компиляціи въ тѣсномъ смыслѣ—366.
Переводы—372. Исключительное право перевода — 373.
Переводъ, какъ объектъ частнаго авторскаго права—381.
Законодательства: I категорія—384; II категорія—384; III категорія—385; IV категорія—386; V категорія—390.
Произведенія словесныя—392.
Газетныя и журнальныя статьи—407.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Защита права публичнаго исполненія.

Публичное недозволенное представленіе, какъ контрафакція—415.
Что такое публичное исполненіе?—421.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **Защита произведеній искусствъ изобразительныхъ.**

Понятіе произведенія искусствъ изобразительныхъ—430.
Архитектурныя произведенія—434.
«Перенесенія» художественныхъ произведеній—442.
Воспроизведеніе художественныхъ произведеній въ промышленности—450.
Единичныя копіи—452. Заказы и портреты—453.

ГЛАВА ПЯТАЯ. **Защита произведеній музыкальныхъ.**

Объектъ защиты—456.
Нарушеніе права—459. Музыкальные ящики—464.

ГЛАВА ШЕСТАЯ **Защита фотографическихъ снимковъ.**

Возраженія противъ признанія фотографій за произведенія художественныя—466.
Есть-ли въ дѣятельности фотографа художественная концепція?—473.
Есть-ли въ дѣятельности фотографа художественное исполненіе?—476.
Значеніе ретуши—481.
Постановленія законодательствъ—482.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

I. *Роль Россіи въ дѣлѣ защиты правъ авторскихъ.*
Историческій очеркъ—485. Анализъ прил. къ ст. 420 Св. З. т. X ч. 1—497.
II. *Россія и международныя литературныя конвенціи*—511.
Приложеніе (таблицы)—545.
Указатель—551.
Опечатки—555.

МЕЖДУНАРОДНЫЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЯ КОНВЕНЦІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Писано есть, яко не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ.

Луки XII, 4.

«Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», не одного только хлѣба, не одной только тѣлесной пищи нужно ему для существованія. Именно въ томъ то и заключается превосходство его надъ всѣми окружающими его животными,—что, кромѣ матеріальныхъ благъ, онъ чувствуетъ необходимую потребность еще и въ духовныхъ. Развитіе умственное, сопутствующее и дополняющее развитіе тѣлесное, требуетъ, чтобы человѣкъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ благъ матеріальныхъ, еще не матеріальныя, способствующія этому развитію. Вотъ почему, уже съ давнихъ поръ всѣ производители раздѣлялись на двѣ группы. Декартъ проводилъ границу между матеріей и духомъ, и, согласно этому, прежніе экономисты раздѣляли производство на матеріальное и не матеріальное, въ зависимости—какъ тогда говорили—отъ характера силъ, участвующихъ въ производствѣ. Такой принципъ дѣленія, уже давно признанъ неточнымъ и неопредѣленнымъ: какъ нельзя придумать такого производства, гдѣ бы не участвовала мысль [1]) такъ нельзя указать и такого духовнаго, которое бы не выражалось въ матеріальной формѣ.

[1]) Schaeffle, Theorie etc.: «Die materiellen Güten sind auch Geistesproducte, ein Haus ist ein in Stein gefasster Plan».

Много правильнѣе раздѣлять производителей, какъ это дѣлаютъ теперь иногда, на основаніи того, какимъ потребностямъ человѣка эти производители удовлетворяютъ главнымъ образомъ: такъ что производство получаетъ названіе матеріальнаго, если оно направлено скорѣе къ удовлетворенію физическихъ потребностей человѣка, и духовнаго—если оно направлено скорѣе къ удовлетворенію потребностей духовныхъ [2]).

Разъ признавъ, что «пища духовная» необходима для человѣка, мы, тѣмъ самымъ, признаемъ цѣлесообразность существованія такихъ производителей, которые направляютъ всю свою дѣятельность на удовлетвореніе этихъ духовныхъ потребностей человѣка. А разъ признана цѣлесообразность такихъ производителей—необходимо признать и цѣлесообразность того вознагражденія, которое они получаютъ за свой трудъ, въ виду того, что послѣднее дастъ имъ средства для существованія и для продолженія своей цѣлесообразной дѣятельности. «L'homme de lettres, inventeur ou artiste a droit à une rémunération de son oeuvre: qui donc songe à réfuser un morceau de pain au poëte pas plus qu'au colon partiaire? On devrait, une fois pour toutes, bannir du débat cette question odieuse. texte aux déclamations les plus ridicules» [3]).

Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ о томъ, *какимъ образомъ* обезпечить авторамъ то вознагражденіе, на которое они, очевидно, имѣютъ полное право. Способы, которыми человѣкъ, обыкновенно, добываетъ себѣ средства для существованія, дѣлятся на слѣдующіе виды:

1) Человѣкъ обмѣниваетъ то, что онъ производитъ, — на необходимые ему продукты, производствомъ которыхъ онъ не можетъ или не хочетъ заниматься.

2) Человѣкъ пользуется или рентой съ земельнаго участка, или процентами съ капитала.

3) Человѣкъ живетъ на счетъ благотворительности государственной или частной.

---

[2]) Это дѣленіе также страдаетъ, въ извѣстной степени, неопредѣленностью; мы беремъ его въ виду того, что оно достаточно точно для послѣдующаго.

[3]) Proudhon, Majorats littéraires p. 10.

Посмотримъ теперь, насколько представителямъ интеллектуальнаго труда удобно и возможно пользоваться каждымъ изъ этихъ способовъ существованія.

а) *Человѣкъ живетъ на счетъ благотворительности государственной или частной.* Далѣе, въ историческомъ очеркѣ развитія авторскаго права мы подробнѣе разсмотримъ тотъ періодъ, когда поэты, художники, ученые и т. д., дѣйствительно, существовали на счетъ частной благотворительности; тамъ же мы покажемъ, какія слѣдствія имѣло подобное ихъ положеніе. Здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что, во-первыхъ, частная благотворительность—источникъ дохода очень непостоянный, зависящій какъ отъ благосостоянія патрона (величина измѣняющаяся), такъ и отъ отношеній между патрономъ и поэтомъ (величина, подверженная самымъ внезапнымъ измѣненіямъ). Для того, чтобы, по возможности, обезпечить себя отъ вліянія колебаній второй величины—поэту необходимо приходится унижаться, подличать и льстить—что, конечно, будетъ явленіемъ ненормальнымъ, особенно невыгоднымъ для читающей публики и, во всякомъ случаѣ, вызоветъ странное положеніе писателей, въ родѣ того, которое мы видимъ во времена Августа или Людовика XIV, когда поэтъ и художникъ изъ работника на пользу всего человѣчества дѣлался слугой богачей или короля, угождая тѣмъ, кто лучше ему платилъ, и забывая свою высшую, первую цѣль:

«...Буди сознанье въ человѣкѣ,
Пусть къ лучшей жизни онъ идетъ».

Въ наше время, даже мелкіе журналисты считаютъ оскорбительнымъ для себя состоять на содержаніи у «меценатовъ». «Слава Богу!—писалъ Louis Desnoyers еще въ 1837 году [1]): теперешній писатель уже не похожъ на одѣтаго, обутаго и накормленнаго на чужой счетъ писателя минувшихъ столѣтій. Слава Богу! теперешняго писателя уже нельзя считать непосредственнымъ пріемникомъ барскихъ шутовъ и карликовъ. Слава Богу! его нравственное достоинство много выиграло

[1]) Commettant. La propriété intellectuelle etc. p. 55.

*

отъ подобной эмансипаціи, ибо меценатъ, въ концѣ концовъ, всегда является господиномъ».

Не менѣе неудобно было бы предложить способъ государственной благотворительности, т. е. плату авторамъ отъ казны. Во-первыхъ,—въ какомъ видѣ организовать эту раздачу вознагражденія и кого считать достойнымъ ея? Всякаго автора можетъ вознаграждать и оцѣнивать только вся совокупность читающихъ [5]), потому что всякій авторъ заслуживаетъ вознагражденія только по стольку, по сколько самобытно его творчество. И вотъ этой то самобытности и не можетъ никогда измѣрить (да и какъ ее измѣрить?) никакая коммиссія, никакой комитетъ. По справедливому замѣчанію Шершеневича: «блестящій примѣръ несостоятельности подобнаго пріема составляетъ нашъ драматическій уставъ для столичныхъ театровъ 1827 года, производящій оцѣнку драмы по количеству актовъ [6])».

Необходимо замѣтить, что, говоря о вознагражденіи отъ казны, мы подразумѣваемъ прямое вознагражденіе за тѣ услуги, которыя авторъ оказываетъ своими сочиненіями народу, а вовсе не о вознагражденіи за тѣ услуги, которыя онъ можетъ оказать государству, какъ административному центру,—напримѣръ, состоя на коронной службѣ. Въ то же время замѣтимъ, что послѣдній способъ также довольно неудобенъ, ибо, хотя онъ и не стѣснилъ бы свободу авторовъ въ той же степени, какъ, напримѣръ, частная благотворительность, однако онъ, все-таки, отнялъ бы у автора то время, которое тотъ могъ бы, съ гораздо большей пользой для окружающихъ, употребить, посвящая себя исключительно художественной дѣятельности. На государственномъ посту автора всегда можно замѣнить тысячами другихъ лицъ, а на посту литературномъ или художественномъ его отсутствіе оказывается неисправимымъ: все то, чего онъ не успѣетъ сдѣлать, останется неисполненнымъ. Древняя, какъ свѣтъ, легенда говоритъ, что въ одной изъ уединенныхъ пещеръ Тибета жилъ святой отшельникъ, погру-

---

[5]) Для краткости мы употребляемъ выраженія «авторъ», «читающіе» подъ словомъ авторъ разумѣя всѣхъ интеллектуальныхъ тружениковъ, въ какой бы формѣ ни выражался ихъ трудъ.

[6]) Шершеневичъ, Авторское право, стр. 10, пр. 1.

женный въ совершенное созерцаніе; только разъ въ годъ, въ день весенняго солнцестоянія, онъ пробуждался на короткій мигъ—на столько времени, сколько могъ горѣть высохшій пальмовый листъ, покрытый священными письменами,—и въ этотъ короткій мигъ онъ поучалъ собравшихся, истолковывая имъ наиболѣе темныя мѣста ученія Будды—и съ благоговѣніемъ слушала толпа его мудрыя слова, открывавшія всю глубину божественнаго ученія.—Жизнь ученаго, философа, поэта, художника, музыканта—коротка, и окружающіе должны пользоваться ею настолько же полно, насколько полно пользовались въ былыя времена краткими мигами пробужденія великаго отшельника: и первые, и второй поучаютъ насъ тѣмъ истинамъ, которыя открываются только имъ, и которыхъ, безъ ихъ посредства, никогда не познало бы человѣчество. Нужно дать ученому, поэту и т. д. время и всѣ удобства для того, чтобы онъ могъ работать, ничѣмъ не отвлекаясь и ни о чемъ не безпокоясь. Конечно, это — картина до извѣстной степени утопическая, но, все-таки, нельзя одобрить того народа, который или самъ, взятый вмѣстѣ, убиваетъ своихъ интеллектуальныхъ вождей тупымъ невѣжествомъ, или позволяетъ отдѣльнымъ индивидуумамъ мстить имъ смертью за неосторожную шутку, слишкомъ рѣзкое слово.

Итакъ, ни частная, ни публичная благотворительность не могутъ быть источникомъ существованія интеллектуальныхъ тружениковъ.

b) *Человѣкъ живетъ или рентой съ земельнаго участка, или процентами съ капитала.* Этотъ способъ обезпеченія также очень мало примѣнимъ къ ученымъ, поэтамъ, художникамъ и т. д. Дѣло въ томъ, что если среди насъ, вообще, мало людей обладающихъ такимъ количествомъ земли или такимъ капиталомъ, чтобы доходами съ нихъ вполнѣ обезпечить себѣ существованіе, то еще рѣже можно встрѣтить такихъ обезпеченныхъ людей въ средѣ интеллектуальныхъ тружениковъ, именно потому, что чаще всего посвящаютъ себя интеллектуальной дѣятельности люди или мало, или вовсе не обезпеченные. «Легче верблюду пройти сквозь игольное ухо, чѣмъ богатому человѣку надлежащимъ образомъ развить своей геній»

(Schaeffle). И если мы видимъ нѣсколько примѣровъ полной имущественной обезпеченности поэтовъ, художниковъ и т. д. то многіе изъ нихъ составили себѣ состояніе только упорнымъ трудомъ и, слѣдовательно, также не имѣли обезпеченнаго положенія въ молодости, въ тотъ періодъ, когда человѣкъ часто погибаетъ именно отъ недостатка имущественной поддержки.

c) *Человѣкъ обмѣниваетъ продукты своего труда на тѣ продукты, которыхъ онъ не можетъ или не хочетъ производить* Къ сожалѣнію, и этотъ способъ удовлетворенія потребностей не приложимъ къ разбираемому нами вопросу. Что, собственно, производитъ авторъ?—извѣстное сочетаніе идей. Но, во-первыхъ, авторъ никогда не можетъ разсчитывать на сбытъ своихъ идей, какъ на источникъ дохода, т. е. никогда не можетъ работать для того, чтобы затѣмъ продать какъ можно больше своихъ произведеній. Такой взглядъ возможенъ только при производствѣ матеріальномъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ даже необходимъ, ибо производитель удовлетворяющій матеріальнымъ потребностямъ настолько только и цѣлесообразенъ и, слѣдовательно, достоинъ вознагражденія, насколько онъ приспособляется къ потребностямъ даннаго момента. Совсѣмъ иначе нужно смотрѣть на работу интеллектуальную: лучшія произведенія въ этой сферѣ — тѣ, которыя опережаютъ умственное развитіе массы, т. е. даютъ этому развитію тѣ періодическіе толчки, безъ которыхъ оно неминуемо бы остановилось. Между тѣмъ, очевидно, что произведеніе, опережающее умственное развитіе, и, слѣдовательно, умственныя потребности толпы,— никакъ не можетъ найти такого быстраго сбыта, какъ произведеніе болѣе удобопонятное, болѣе «современное», но, по существу своему, менѣе важное, чѣмъ первое. Вполнѣ понятно, что такая книга, какъ «Критика чистаго разума» всегда (и, въ особенности, въ первомъ своемъ изданіи) будетъ имѣть меньшій сбытъ, чѣмъ простой учебникъ грамматики, географіи и т. п. Въ виду всего этого, интеллектуальное производство, какъ источникъ дохода, неминуемо повело бы къ вырожденію самаго искусства въ стремленіи поддѣлаться подъ вкусъ толпы.

Вторымъ неудобствомъ является та непреодолимая труд-

ность, которая является всякій разъ, какъ мы желаемъ выразить мѣновую цѣнность извѣстнаго продукта интеллектуальнаго труда. Какимъ количествомъ хлѣба оцѣнить, напримѣръ, какую-нибудь повѣсть Пушкина или «Исторію Государства Россійскаго»? Когда сапожникъ мѣняетъ сапоги на хлѣбъ, то исходнымъ пунктомъ для сравненія цѣнности хлѣба и сапогъ является то количество труда, которое нужно употребить для того, чтобы добыть тотъ или другой продуктъ. Но какъ судить о произведеніяхъ науки или искусства? Вѣдь въ ученомъ сочиненіи цѣнится не трудъ, который нужно было употребить, чтобы написать буквы, а тѣ идеи, которыя оно выражаетъ. Наконецъ, обмѣнивать можно только то, что можетъ всецѣло принадлежать въ извѣстный моментъ только одному лицу; но какъ будетъ обмѣнивать авторъ свои идеи, «les idées, dont la communication, faite premièrement à un seul peut se répandre à l'infini sans l'intervention du producteur?» [7]) Въ самомъ дѣлѣ, никто не можетъ мнѣ запретить разсказывать третьему лицу сюжетъ прочитаннаго мною романа, или излагать новую теорію, изложенную въ только что вышедшемъ новомъ сочиненіи. Точно также, я имѣю право отдавать кому угодно на прочтеніе купленный мною экземпляръ безъ какого бы то ни было добавочнаго вознагражденія автору. Слѣдовательно, будетъ вполнѣ естественно, что всякое третье лицо, имѣя возможность воспринять новыя идеи отъ меня безплатно, не станетъ платить автору слѣдуемаго гонорара.

Уже изъ этого видно, что авторъ не можетъ существовать тѣмъ, что онъ станетъ обмѣнивать свои идеи на необходимые ему продукты. Добавимъ тотчасъ же, что по нашему мнѣнію авторъ, кромѣ того, не имѣетъ даже и права обмѣнивать, торговать идеями, по той простой причинѣ, что онѣ ему вовсе не принадлежатъ.

«Il faut être ignorant comme un maître d'école
«Pour se flatter de dire une seule parole
«Que personne ici bas n'ait pu dire avant nous»—

[7]) Proudhon, Majorats littéraires, p. 20.

говоритъ Alfred de Musset, указывая въ нѣсколько комическомъ видѣ на ту общеизвѣстную истину, что ни одинъ авторъ не можетъ претендовать на нераздѣльную принадлежность ему извѣстной идеи, на неотъемлемую собственность на ту или другую мысль. Всякое мало-мальски серьозное произведеніе есть только дальнѣйшее развитіе тѣхъ идей, до которыхъ дошли предшественники, всякій художникъ заимствуетъ идею или ея прообразъ у другого. «Самъ авторъ и его мысль, говоритъ Шершеневичъ [8]), есть продуктъ всемірнаго историческаго культурнаго развитія, чадо своего вѣка и народа. Ньютонъ былъ бы невозможенъ безъ Галилея, Гегель безъ Канта, Соловьевъ безъ Карамзина. Въ самомъ геніальномъ произведеніи умственной дѣятельности, кромѣ лично и непосредственно автору его принадлежащаго, есть весьма много заимствованнаго отъ его предшественниковъ и современниковъ, частью цѣликомъ взятаго въ основаніе его дальнѣйшихъ построеній. Поэтому было бы неправильно признавать за однимъ лицомъ право на то, надъ чѣмъ трудились поколѣнія» [9]), и отдавать въ собственность автору то, что ему, на дѣлѣ, не принадлежитъ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію: обмѣнъ продуктовъ интеллектуальнаго труда на продукты матеріальные невозможно совершать на общихъ условіяхъ, ибо 1) нельзя найти базиса для того, чтобы точно опредѣлять мѣновую цѣнность идей, заключенныхъ въ сочиненіи, 2) идеи невозможно обмѣнивать, т. к. онѣ могутъ принадлежать одновременно многимъ лицамъ, и 3) идеи несправедливо обмѣнивать, ибо онѣ не принадлежатъ автору, не составляютъ его собственности и, слѣдовательно, не могутъ быть въ его рукахъ мѣновою цѣнностью.

Итакъ, ни одинъ изъ общеизвѣстныхъ способовъ не годится для того, чтобы обезпечить существованіе автора.

---

[8]) Со словъ проф. Фойницкаго, см. стр. 7, пр. 1.

[9]) Ср.: Voltaire — «Les idées c'est du feu qu'on emprunte et qu'on prête a son voisin». Gastambide, a. a. p. 102 «L'auteur crée, mais il crée enu collaboration avec ceux qui le précédent».

Между тѣмъ, разъ авторъ заслуживаетъ вознагражденія—онъ долженъ получить его. Современная жизнь выработала спеціальныя нормы для того, чтобы обезпечить авторамъ слѣдуемое имъ вознагражденіе, и совокупность всѣхъ этихъ нормъ называется авторскимъ правомъ. Всякій изъ насъ имѣетъ представленіе о томъ, что такое авторское право, но юридическій анализъ этого института является дѣломъ весьма не легкимъ.

II.

Каковая юридическая природа авторскаго права? Гдѣ его мѣсто въ системѣ современнаго права? таковы вопросы надъ которыми трудились многіе юристы, всетаки, до сихъ поръ не установивъ ничего окончательнаго и общепризнаннаго. «Съ тѣхъ поръ, какъ положительныя законодательства приняли это злополучное право подъ свою защиту, говоритъ проф. Табашниковъ [10]), оно носится по горизонту науки безъ всякаго опредѣленнаго назначенія и, по дуновенію того или другого ученаго, или легко передвигается съ одного мѣста на другое, или же паритъ въ пространствѣ, подобно птицѣ, высматривающей мѣсто, куда бы ей удобнѣе спуститься».

Мы не собираемся здѣсь дѣлать разборъ всѣхъ многочисленныхъ мнѣній о юридической природѣ авторскаго права; послѣ трудовъ Darras'a, Renouard'a, Kaerger'a [11]), Табашникова, Шершеневича [12]), и друг. — это было бы безполезнымъ повтореніемъ прежде сказаннаго; кромѣ того, разсмотрѣніе различныхъ теорій авторскаго права не входитъ въ область поставленнаго нами вопроса: международная защита авторскаго права предполагаетъ уже установившееся внутреннее законодательство и, слѣдовательно, уже выработанный теоретическій взглядъ на природу разбираемаго института.

Поэтому, мы намѣтимъ здѣсь только главнѣйшіе признаки этого института настолько, насколько это необходимо для пониманія дальнѣйшаго.

---

[10]) Литер. собственность стр. 120 ср. Шершеневичъ а. а. стр. 28.

[11]) Kaerger, а. а. докторская диссертація у Страсбургскаго Университета на эту спеціальную тему.

[12]) Вся вторая глава его изслѣдованія: «Авторское право».

Итакъ, авторское право есть совокупность нормъ, регулирующихъ право исключительнаго распространенія какимъ бы то ни было путемъ или способомъ созданнаго авторомъ произведенія литературы или искусствъ. Всматриваясь внимательнѣе, мы можемъ замѣтить, что авторское право имѣетъ схожіе отличительные признаки со всѣми тремя категоріями нынѣшней системы дѣленія правъ вообще.

Прежде всего, *авторское право имѣетъ несомнѣнное сходство съ правами имущественными*, сходство настолько очевидное, что оно дало поводъ образованію одной изъ наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе упорныхъ теорій авторскаго права, такъ называемой теоріи «литературной, музыкальной и художественной собственности». Въ самомъ дѣлѣ, сходство двухъ институтовъ довольно близкое. Вещное право есть юридическое обезпеченіе пользованія извѣстными матеріальными предметами съ устраненіемъ всѣхъ остальныхъ отъ пользованія этими предметами [13]); авторское право есть юридическое обезпеченіе пользованія извѣстными дѣйствіями или вѣрнѣе результатами извѣстныхъ дѣйствій, также съ устраненіемъ всѣхъ другихъ лицъ. Эта то исключительность и ввела въ заблужденіе юристовъ конца прошлаго и доброй половины настоящаго вѣка, которые (юристы), увидѣвъ такое близкое сходство въ одномъ отношеніи, не захотѣли глубже вникнуть въ дѣло и поспѣшно окрестили вновь возникавшій институтъ правомъ собственности, можетъ быть, для того, чтобы имѣть возможность втиснуть его въ рамки, завѣщанныя римскими юристами. Однако, какъ мы уже замѣтили выше, не всегда является возможность провести параллель между авторскимъ правомъ и правомъ собственности. Послѣднее имѣетъ такіе признаки, которыхъ не имѣетъ первое, и наоборотъ. Такъ, напримѣръ, всякая собственность безусловна и вѣчна, авторское же право, по необходимости, является только временнымъ [14]). Собственность распространяется на предметы

[13]) Ср. у Шершенева ibid. стр. 73.

[14]) Рѣшаемся говорить о *необходимости* временнаго авторскаго права довольно голословно, въ виду почти всеобщаго признанія таковой. Во всякомъ случаѣ, подробный разборъ этого вопроса можно найти въ §§ 277—313.

матеріальные—авторское право распространяется на дѣйствія и т. д.

Однако, изъ того что авторское право имѣетъ своимъ объектомъ дѣйствіе, нельзя еще его отнести къ *правамъ обязательственнымъ*. Правда, что оно походитъ на послѣднія въ отношеніи объекта—но, зато, различается по многимъ другимъ признакамъ. Обязательственное право предполагаетъ обязанность извѣстнаго лица совершить извѣстное дѣйствіе, авторское—возможность устранить другихъ отъ совершенія дѣйствія. Въ обязательственныхъ правахъ извѣстныя лица понуждаются, а въ авторскомъ правѣ обязывается воздерживаться отъ исполненія опредѣленнаго дѣйствія все общество и т. д.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того, что авторское право имѣетъ не мало сходства и съ *правами личными*. Въ самомъ дѣлѣ это необходимо вытекаетъ изъ самой сущности того непонятнаго и неразгаданнаго акта, который мы называемъ «творчествомъ». Художникъ воспринимаетъ извѣстное впечатлѣніе, мало по малу развивающееся въ его душѣ въ болѣе или менѣе законченный художественный образъ. Самое это развитіе есть не что иное, какъ облегченіе абстрактной идеи въ субъективную форму; подъ вліяніемъ того или другого настроенія художникъ освѣщаетъ свою идею съ той или другой стороны, вноситъ въ ея выраженіе необходимую долю лиризма; изображая идею онъ изображаетъ часть своего «я», своей личности, ибо именно такою частью нужно признать художественную концепцію, зародившуюся въ тайникахъ его сердца и выношенную съ любовью до полнаго ея развитія. Между авторомъ и его сочиненіемъ возникаетъ извѣстная связь «какъ между произведеніемъ и его творцомъ—и авторъ имѣетъ, естественно, право на то, чтобы эта связь уважалась другими лицами [15])». Авторъ имѣетъ право требовать, чтобы его не оскорбляли въ его личности, равно какъ и въ его произведеніяхъ: онъ имѣетъ право требовать, чтобы его музыкальное произведеніе не исполнялось въ такой обстановкѣ, которую онъ считаетъ унизительною для серьознаго произве-

[15]) Блюнчли, Deutches Privatrecht, s. 111.

денія (въ балаганахъ, на шарманкахъ); чтобы его сочиненія не издавались въ безграмотныхъ и безтолковыхъ переводахъ, дискредитирующихъ его репутацію заграницей; чтобы первый встрѣчный маляръ не мазалъ копій съ его картины и не распространялъ таковыя, роняя своимъ искажающимъ воспроизведеніемъ реноме картины въ мнѣніи тѣхъ, кто будетъ судить о ней только по «копіямъ». Безспорно, что личный элементъ имѣетъ свое мѣсто въ той суммѣ, которую мы называемъ «авторскимъ правомъ» хотя, конечно, онъ не составляетъ всего его содержанія, какъ думаютъ Блюнчли, Beseler, Ortloff и другіе.

Слѣдовательно, авторское право имѣетъ схожіе признаки и съ вещнымъ правомъ, и съ обязательственнымъ, и съ личнымъ—но не можетъ быть подведено исключительно подъ одну изъ этихъ категорій. Съ недавняго времени [16]) началось въ средѣ юристовъ, занимающихся даннымъ вопросомъ, движеніе въ пользу признанія авторскаго права за самостоятельный институтъ правъ *интеллектуальныхъ* (напримѣръ, Darras) или *исключительныхъ* (напримѣръ, Шершеневичъ). Мы думаемъ, что вопросъ о названіи, которое мы дадимъ разбираемому институту, имѣетъ только второстепенный интересъ; для уясненія послѣдующаго намъ гораздо важнѣе только констатировать, что *авторское право заключаетъ въ себѣ нѣсколько элементовъ*, изъ которыхъ наиболѣе выдѣляются *личный и имущественный*. Нужно ли втискивать авторское право въ тѣ рамки, которыя завѣщаны намъ Римлянами?—Нѣтъ. Не только не нужно, но прямо невозможно: какъ ни универсальны въ вопросахъ права были эти послѣдніе, но они не могли предусмотрѣть тѣхъ соціальныхъ и экономическихъ условій, которыя могли возникнуть только черезъ 1000 лѣтъ, только тогда, когда культура достигала строго опредѣленнаго пункта (изобрѣтеніе книгопечатанія) а, слѣдовательно, не могли и урегулировать тѣхъ отношеній, которыя изъ этихъ новыхъ условій имѣли произойти. Все замедленіе въ правильномъ развитіи разбираемаго института произошло отъ того, что общество испугалось тѣхъ неимовѣрныхъ требованій, которыя представили юристы

[16]) Кажется, со статьи Picard'a Embryologie juridique (Jour. Clunet 1883 годъ).

«собственники»; а почему представили они эти требованія (вѣчность авторскаго права и т. п.)?—потому что эти требованія логически вытекаютъ изъ факта ассимиляціи авторскаго права съ правомъ собственности. Все же несчастье было именно въ этомъ желаніи непремѣнно остаться въ рамкахъ правовѣрныхъ романистовъ, въ желаніи влить «новое вино въ старые мѣхи».

Авторское право, очевидно, имѣетъ самостоятельный характеръ—зачѣмъ же заставлять его развиваться по извѣстному шаблону, задерживая его правильный ростъ и губя его, какъ губятъ свои растенія тѣ садовники, которые изъ деревца непремѣнно хотятъ сдѣлать конусъ или шаръ?

III.

Авторское право въ вышеуказанномъ пониманіи не имѣетъ особенно продолжительной исторіи. Впрочемъ, есть юристы, находящіе начала авторскаго права во времена даже Гомера [17]). Такъ, напримѣръ, государственный министръ Валевскій, открывая 22-го января 1861 года только что учрежденную, по волѣ Наполеона III, коммиссію для составленія новаго устава о собственности литературной и артистической (Commission de la propriété littéraire et artistique de 1861 г.), сказалъ слѣдующія громкія слова: «Когда Гомеръ обходилъ города Греціи, то онъ получалъ въ награду за свои чудныя повѣствованія ночлегъ и пищу; это было первымъ авторскимъ правомъ перваго изъ поэтовъ». Нужно очень странно понимать авторское право для того, чтобы видѣть его въ томъ ночлегѣ, который предлагался старцу рапсоду, въ томъ ночлегѣ, въ которомъ можно видѣть и исконное гостепріимство всѣхъ малоцивилизованныхъ народовъ, и жалость къ слѣпцу, и уваженіе къ старцу, и даже допустимъ, гонораръ пѣвцу,—но ужъ никакъ не вознагражденіе автору.

Изучая исторію развитія авторскаго права, мы должны тотчасъ же замѣтить одинъ моментъ въ исторіи цивилизаціи,

---

[17]) Въ библіотекѣ парижской Ecole de droit, я видѣлъ диссертацію, озаглавленную: «Propriété littéraire chez les Grecs et les Romains». Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени, я не успѣлъ познакомиться съ этимъ курьезнымъ сочиненіемъ.

моментъ, составляющій эру для этого института. Этотъ моментъ есть изобрѣтеніе книгопечатанія. Каково могло быть право автора до того времени, когда получалась возможность механическимъ путемъ увеличивать количество экземпляровъ одного и того же сочиненія, чуть ли, не до безконечности? До изобрѣтенія книгопечатанія авторъ не могъ помышлять о томъ, чтобы обезпечить себѣ плату за трудъ продажей своего сочиненія въ публикѣ. Единственнымъ источникомъ существованія для писателя были милости, подачки образованныхъ и достаточно богатыхъ людей. Такъ, мы знаемъ объ извѣстномъ Меценатѣ, прославленномъ за щедрость Вергиліемъ; нѣсколько позднѣе, Ювеналъ, не находя себѣ подобнаго покровителя, изливалъ свою скорбь въ краснорѣчивыхъ стихахъ [18]). Найти такого покровителя, конечно, было не легко, ибо «меценатъ» тѣхъ временъ долженъ былъ соединять много спеціальныхъ качествъ, а въ особенности два такія рѣдкія, какъ богатство и любовь къ изящнымъ искусствамъ. Несомнѣнно, что нашлось бы много такихъ лицъ, которыя согласились бы платить за книгу, какъ за нѣчто переписанное; но «меценатъ» долженъ былъ платить не только вознагражденіе переписчику, но и весь гонораръ автора. Этотъ гонораръ въ наши дни раскладывается на всѣхъ покупателей отдѣльныхъ экземпляровъ сочиненія; прежде же, до изобрѣтенія книгопечатанія, эту сумму сполна платилъ одинъ «меценатъ». Не мудрено, что авторъ, получивъ разомъ свой гонораръ, переставалъ заботиться (съ точки зрѣнія коммерческой) о судьбѣ своего сочиненія. Появленіе и распространенія новыхъ экземпляровъ его труда являлось для него только вопросомъ самолюбія: больше расходится книга—дальше звучитъ имя автора; о матеріальномъ же вознагражденіи не можетъ быть и рѣчи, ибо оно сполна уплачено «меценатомъ». Послѣ всего сказаннаго станетъ понятнымъ, какимъ образомъ выработалось то понятіе авторскаго права, о которомъ говорили, напримѣръ, Chevillier, цитируя [19]) одинъ изъ парагра-

[18]) Кажется, въ 7-ой сатирѣ

[19]) De l'origine de l'imprimerie de Paris, p. 307.

фовъ Статута Парижскаго Университета (въ XIV вѣкѣ), понятіе, повидимому, противорѣчащее нашимъ представленіямъ объ авторскомъ правѣ [20]). «Nullus stationarius denegabit» говоритъ Статутъ «exemplaria alieni etiam volenti per illud aliud exemplar facere, dum tamen pro eo pignus sufficiens exponat etc.».

Впрочемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывался недостатокъ въ «меценатахъ», авторы и безъ всякаго гонорара выпускали свои сочиненія, довольствуясь, по необходимости, одною только славою [21]): право ихъ не могло имѣть экономическаго значенія въ тѣ времена, когда «трудъ переписчика цѣнился болѣе, нежели трудъ автора [22])».

Вотъ почему, въ древніе и средніе вѣка ущербъ автору приносили не контрафакторы, а плагіаторы. Послѣдніе уменьшали славу автора, т. е. вредили его личнымъ правамъ. Поэтому, и въ древности, и въ средніе вѣка законодательства если защищали авторовъ—такъ только отъ плагіаторовъ да и то въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Такъ Morillot [23]) приводитъ единичное указаніе, что въ Александріи, по словамъ Витрувія, были наказаны два плагіатора по спеціальному приказу правителя. Чаще же авторы сами старались устыдить или усовѣстить лицъ, пользовавшихся чужими трудами. Такъ извѣстны стихи Вергилія:

Nos ego versiculos feci, tulit alter honores;
Sic non vos... [24]).

Въ эти времена общество также неодобрительно относилось къ плагіаторамъ, которые мѣшали этому обществу, воздавать должное любимымъ авторамъ. «Завладѣніе чужимъ произведеніемъ—говоритъ E. Pouillet [25])—и стараніе присвоить себѣ то, что въ тѣ времена было истиннымъ и единственнымъ вознагражденіемъ автора, т. е. славу, почести;—всѣ эти по

---

[20]) Переходъ отъ Ювенала къ Парижскому Университету XIV в не долженъ удивлять читателя: все время до изобрѣтеніе книгопечатанія составляетъ для разбираемаго института одинъ періодъ, характеризуемый общими чертами.

[21]) Ср. Горація: «Hic meret aera liber Sosiis» etc.

[22]) Проф. Мартенсъ Курсъ, т. II, стр. 140.

[23]) De la protection des oeuvres d'art p. 117.

[24]) Donat., vit. 17.

[25]) E. Pouillet. a.a. p. 8.

ступки считались предосудительными даже въ самую отдаленную эпоху».

Итакъ, въ древніе и средніе вѣка не было представленія о правѣ автора, какъ о правѣ исключительнаго воспроизведенія. На контрафакторовъ же писатели смотрѣли совсѣмъ обратно, по сравненію съ теперешнимъ положеніемъ дѣла: *они ихъ поощряли*. Контрафакторы увеличивали распространеніе книги. Изъ сказаннаго станетъ яснымъ, почему законы въ теченіи всего этого періода молчатъ объ авторскомъ правѣ. Если правительство обращало вниманіе на ту или другую книгу, изымая ее изъ обращенія, то это дѣлалось на основаніи общихъ законовъ (уголовныхъ), запрещавшихъ публично оскорблять частныхъ лицъ, или открыто дѣйствовать противъ правительства. Rénouard [26]) приводитъ единственный законъ 12-ти таблицъ, относящійся къ авторамъ литературныхъ произведеній, да и тамъ говоритъ о диффаматорахъ [27]). *Всякій могъ, слѣдовательно, писать, переписывать, продавать и распространять чьи угодно сочиненія*. Авторъ искалъ не богатства а славы, такъ что возможно большее увеличеніе количества экземпляровъ составляло его прямую выгоду—*и ничего похожаго на современное авторское право до изобрѣтенія книгопечатанія юристамъ извѣстно не было*.

Гуттенбергъ провелъ рѣзкую черту, вообще, въ исторіи цивилизаціи; въ исторіи разсматриваемаго правового института онъ сдѣлалъ, какъ мы уже замѣтили выше—эру, такъ какъ изобрѣтеніе книгопечатанія положило, собственно, начало авторскому праву. Около этого же времени былъ открытъ способъ полученія многочисленныхъ копій произведеній художественныхъ. (Pouillet указываетъ (a.a. стр. 4, пр. 2) на Maso Finiguerra, открывшаго гравированіе въ XV вѣкѣ), и такимъ образомъ, авторы какъ литературныхъ, такъ и художественныхъ произведеній, получили возможность разсчитывать и на матеріальную пользу отъ продажи своихъ сочиненій, которыя,

---

[26]) Rénouard, a.a. p. 17.

[27]) «Si qui populo occentassit, carmenve condisset, quod infamiam faxit, flagitumve alteri, fuste perito».

можно было начать воспроизводить въ какомъ угодно количествѣ.

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшое отступленіе для того, чтобы объяснить слѣдующій фактъ, повидимому, очень странный; книгопечатаніе создало защиту правъ, но, какъ мы увидимъ ниже—правъ не *авторскихъ*, а *издательскихъ*. Подобная аномалія, однако, вполнѣ естественна. Въ самомъ дѣлѣ. Авторы слишкомъ долго воспитывались въ духѣ тѣхъ воззрѣній, которыя господствовали въ предъидущій періодъ—для того, чтобы сразу отъ нихъ отрѣшиться. Безкорыстіе, бывшее вынужденнымъ въ древніе и средніе вѣка—осталось для послѣдующихъ авторовъ своего рода question d'honneur. Какъ сталъ бы авторъ «торговать» своими произведеніями, созданными священнымъ вдохновеніемъ и т. д.? Конечно, считая авторскій гонораръ унизительнымъ для себя, авторы гордились подачками съ барскаго стола—намъ кажется это непонятнымъ. Что же дѣлать? таковы были времена, таковы—взгляды. Не даромъ Буало писалъ въ громкихъ стихахъ

Je ne puis soufrir ces auteurs renommés,
Qui, dégoûtés de gloire et d'argent affamés,
Méttent leur Apollon aux gages d'un libraire
Et font d'un art divin un métier mércénaire.

Или, въ другомъ мѣстѣ [28]): «Je ne suis pas homme á tirer tribut de mes ouvrages»... Да и въ самомъ дѣлѣ: Горацій сочиненіями своими, вѣдь, никогда не торговалъ, Виргилій тѣмъ паче—какъ же будетъ торговать Буало, второй Горацій? По тогдашнимъ воззрѣніямъ, достойнѣе и гораздо почетнѣе было выпросить подачку у кого нибудь изъ сановниковъ. «Писатели XVI вѣка—говоритъ въ своей рѣчи Валевскій [29])—думали только о томъ, чтобы блистать при дворѣ Франциска I. Осыпаемые его милостями, можетъ быть, свыше заслугъ, они не помышляли о томъ, чтобы юридическимъ путемъ требовать себѣ то вознагражденіе, которое они быстрѣе получали путемъ милостей и подачекъ».

[28]) Письмо къ Кольберу о выдачѣ привилегіи на «Art poétique».
[29]) Commission de la propriété etc. Comptes-rendues, p. 19.

Итакъ, не входя въ особенно подробный разборъ причинъ (было ли то вслѣдствіе привязанности къ «чистому искусству» или просто вслѣдствіе предразсудковъ, существовавшихъ въ то время въ обществѣ), мы можемъ просто констатировать слѣдующій фактъ: *въ первое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія авторы сами отказывались отъ слѣдуемаго имъ гонорара.*

И не нужно думать, чтобы такое положеніе дѣла наблюдалось только во Франціи; Wächter, напримѣръ, приводитъ слѣдующее «увѣщеваніе Лютера къ печатникамъ»: «Eyn Vermanung an die Drücker. Gnade und Friede. Was soll doch das seyn, meyne lieben Druckerherrn, das eyner dem andern so öffentlich raubt und stilt das seyne, und unternander euch verderbt? Seyt yhr nu Strassen reuber und diebe worden?... *Nu vere der Schaden zu leiden*, wenn sie doch meyne bücher nicht so falsch und schendlich zu richten etc...» [30]).

Лютеръ не разсчитываетъ на подачки вліятельныхъ особъ, но и онъ отказывается отъ авторскаго гонорара и жалуется на контрафакторовъ главнымъ образомъ за искаженіе его сочиненій; опять средневѣковый взглядъ: перепечатывай сколько хочешь, но перепечатывай вѣрно.

Но нужно помнить, что со времени изобрѣтенія книгопечатанія, между публикой и авторами становится еще третье лицо; писецъ древности превращается въ книгоиздателя. Авторъ, которому «l'art pur» мѣшало заниматься матеріальными вопросами, за ничтожную плату отдавалъ свое произведеніе въ полную власть того, кто имѣлъ время и охоту этимъ произведеніемъ «торговать», т. е. взять на себя хлопоты и расходы по изданію и распространенію труда. Значеніе издателя неизмѣримо выше чѣмъ значеніе его прототипа, писца— и тѣ предварительные расходы, которые онъ долженъ сдѣлать, издавая сочиненіе, сразу достигаютъ очень крупной суммы.

Въ самомъ дѣлѣ. Издавая сочиненія, книгопродавецъ имѣлъ право включить въ цѣну каждаго экземпляра, кромѣ

---

[30]) M. Lüther, Auslegung der Episteln und Evangelien vom Advent an bis Ostern, посл. стр.

общихъ расходовъ по изданію и авторскаго гонорара (послѣдній, правда, былъ не значителенъ, а иногда и вовсе отсутствовалъ)—еще и «тотъ убытокъ, который онъ терпитъ при изданіи другихъ сочиненій» [31]). Всякое изданіе нужно печатать въ большомъ количествѣ экземпляровъ, ибо только этимъ достигается сравнительная дешевизна книги. Но предположимъ, что сочиненіе, почему либо, успѣха не имѣло и осталось нераспроданнымъ; книгопродавецъ несъ на такомъ изданіи серьезные убытки, и совершенно естественно было ожидать, что онъ эти убытки будетъ покрывать возвышеніемъ цѣнъ на другія, болѣе счастливыя изданія, выходящія изъ его типографіи. Итакъ, у всякаго честнаго книгопродавца (не контрафактора) цѣна изданнаго имъ экземпляра представляла сумму слѣдующихъ слагаемыхъ: 1) проценты на затраченный капиталъ, 2) гонораръ автора и 3) возмѣщеніе убытковъ по другимъ изданіямъ.

Представимъ теперь себѣ такой случай. Опредѣленная книга имѣетъ хорошій сбытъ; кто мѣшаетъ третьему лицу, какому нибудь иному типографщику, купить экземпляръ ея и по нему сдѣлать новое изданіе? Очевидно, что этотъ второиздатель можетъ назначить цѣну гораздо меньшую, чѣмъ первый, потому что эта цѣна у него будетъ состоять только изъ однихъ расходовъ (прямыхъ) по изданію, не заключая въ себѣ двухъ другихъ элементовъ, о которыхъ мы говорили выше: второ-издатель не платитъ авторскаго гонорара и не терпитъ убытковъ, если онъ постоянно занимается перепечаткой только тѣхъ сочиненій, сбытъ которыхъ уже заранѣе обезпеченъ, насколько это можно судить по предъидущимъ изданіямъ.

Въ виду очевидной ненормальности такого положенія дѣла, уже въ концѣ XV вѣка пришли къ убѣжденію [32]), насколько

---

[31]) Wächter, Verlagsrecht, s. 5.

[32]) Эразмъ Роттердамскій говоритъ по этому поводу: «Ubi quid novi operi prodit, quod putent fore vendibile, mox unus atque alter suffuratus ex ipsius Frobennii officina exemplar, excudit atque venditat minimo. Interim Frobennius immensam pecuniam impendit in castigatores, frequenter et in exemplaria». Erasmi opera T. III p. 1—ad Pirkheim d. 27 Jan. 1522. У Wächter'a Verlagsrecht, s. 6.

необходимо регулировать положеніе первоиздателей. Мы уже указывали, что эта регуляція не могла себѣ найти основаній въ римскомъ правѣ. «Это вытекало—говоритъ Wächter [33])—изъ самой сущности дѣла; интересы, которые нужно было защитить, были только незадолго передъ тѣмъ вызваны къ жизни изобрѣтеніемъ новыхъ способовъ размноженія копій. До тѣхъ поръ существовавшее право не могло предусматривать защиты такихъ интересовъ. Вотъ причина, почему первоначально защита издателей выразилась не въ видѣ законовъ, а въ видѣ исключеній изъ дѣйствующаго порядка, т. е. въ видѣ спеціальныхъ привилегій. Такія привилегіи давались сначала издателямъ книгъ, требовавшихъ на изданіе сравнительно бо́льшихъ расходовъ; и первымъ примѣромъ выдачи подобныхъ привилегій Pütter приводитъ слѣдующій [34]): 3 января 1491 года была выдана привилегія на исключительную продажу сочиненія Phoenix Magistri Petri Memoriae Ravennatis (Venet. X Ian. MCCCCXCI impressit Bernardinus de Choris de Cremona impressor).

Въ Германіи первая привилегія была дана, по словамъ

---

33) Wächter, ibid. S. 7.

34) I. Pütter. Beiträge zum deutschen Staats- und Fürstenrecht, Th. I s. 251. Я не могъ достать ни этой книги Pütter'a, ни его диссертаціи о литературной собственности. Поэтому, мнѣ пришлось ограничиться только тѣми свѣдѣніями, которыя цитируютъ позднѣйшіе историки. Замѣчу, что свѣдѣнія эти довольно разнорѣчивы, но провѣрить ихъ трудно, по понятнымъ причинамъ. Вотъ что говорятъ отдѣльные историки о первой выданной литературной привилегіи:

Klüber (Oeffen. Recht, § 505 пр. 9) указываетъ, что первая привилегія была выдана въ 1489 году, но не называетъ сочиненія.

Panzer (Annales Typographei, vol. III, p. 62, 63) говоритъ, что первая привилегія была выдана въ 1469 году на книгу M. T. Ciceronis epistulae, edidit Jochannus de Spira.

Pütter, о которомъ мы говорили выше со словъ Wächter'a, согласно указанію Rénouard'a (a. a. p. 107, v. I), «cite comme le premier privilège connu celui que la république de Venise a accordé en 1494 à Hermann Lichtenstein pour l'impression du Speculum Historiale de Vincent de Beauvais». Правда, что это указаніе взято изъ другого сочиненія Pütter'a, его диссертаціи, напечатанной въ 1774 году, въ Геттингенѣ. Pouillet (Traité de la propriété littéraire etc. p. 4. ss.) говоритъ, что первая привилегія была дана Венеціанскимъ сенатомъ типографщику Альду на его изданіе сочиненій Аристотеля.

Rössig'a [35])—въ 1490 году епископомъ Бамбергскимъ, а по указанію Pütter'a [36])—въ 1501 году на изданіе сочиненій Гросвита (Hroswitae). Во Франціи, по указанію Renouard'a [37]), первая привилегія подобнаго рода была дана въ 1507 году Людовикомъ XII Антонію Верарду на изданіе твореній апостола Павла въ переводѣ на французскій.

Мы не будемъ останавливаться подробно на исторіи развитія привилегій—это не входитъ въ нашу задачу [38])—скажемъ только нѣсколько словъ о значеніи этихъ привилегій въ исторіи книгопечатанія и авторскаго права.

Прежде всего нужно отмѣтить тотъ фактъ, о которомъ мы уже говорили выше: Привилегія давалась не автору, а издателю. Объ авторѣ никто не думалъ, и права его не защищались, такъ какъ никто, кажется, и не подозрѣвалъ ихъ. Напрасно Laboulaye утверждаетъ, что привилегіи были двухъ родовъ, изъ которыхъ однѣ давались издателямъ, а другія авторамъ. Онъ говоритъ [39]): ...«Мы находимъ два вида привилегій; однѣ изъ нихъ выдавались на нѣкоторыя изданія сочиненій классическихъ авторовъ, находившихся во всеобщемъ распоряженіи; другія выдавались на сочиненія имѣвшія опредѣленнаго автора или собственника (un auteur on un propriétaire?); первыя создавали монополію, вторыя санкціонировали защиту права». Аргументація его, которою онъ старается доказать, что привилегіи давались въ знакъ того, что государство признавала *право автора*—довольно неясна и непонятна. Во всякомъ случаѣ можно отмѣтить, что Лабулэ смѣшиваетъ издателя, какъ такого, съ издателемъ, какъ наслѣдникомъ правъ автора. Лабулэ необходимо было доказать существованіе авторскаго права въ XVII и XVIII вѣкахъ, такъ какъ вся его цитированная книга написана для того, чтобы дать нѣкоторыя историческія подтвержденія требованію (о вѣч-

---

[35]) Buchhandelsrecht, S. 238.

[36]) Beiträge zum etc, Th. II s. 241 ff.

[37]) a. a. p. 108.

[38]) Наибольшее количество данныхъ по этому вопросу можно найти у Wächter'a Verlagsrecht, s. 8. ff. и у Renouard'a, a. a.—вся III глава.

[39]) Laboulaye et Guiffrey. La propriétié. art. au XVIII Siècle. p. IX.

ной литературной собственности) тѣхъ издателей, которые потерпѣли фіаско на конгрессѣ 1858 года. Намѣренно или нѣтъ, но Лабулэ дѣлаетъ грубую ошибку, говоря: «En France, sous M. d'Aguesseau, on n'a jamais accordé une continuation de privilège qu'à celui qui l'avait eu, à moins qu'il n'apportât un désistement du propriétaire»—и утверждая, что этотъ «propriétaire» былъ *авторъ* книги. Совсѣмъ нѣтъ. Привилегія не могла выдаваться автору уже потому, что онъ не могъ бы ею даже воспользоваться, не принадлежа къ корпораціи издателей, ибо никто другой не имѣлъ права заниматься издательствомъ [40]). Въ то же время, привилегія давалась издателю даже не какъ наслѣднику правъ автора, такъ какъ мы имѣемъ свѣдѣнія [41]), что иногда давались привилегіи издателямъ на всѣ, напримѣръ, книги, которыя онъ издастъ въ теченіе опредѣленнаго срока (10 — 12 лѣтъ). Привилегія давалась не автору за его творческій трудъ, а издателю за ту пользу, которую онъ приносилъ своею издательскою дѣятельностью для государства. Для издателя привилегія была «grâce fondée en justice» (Arrêt 1777 года)—авторы же еще оставались въ тѣни. Такимъ только взглядомъ на привилегію можно объяснить, напримѣръ, тотъ фактъ, что привилегія на вѣчное исключительное право изданія сочиненій Ронсара была дана 16 января 1597 года Ивану Галандіусу [42]) «en considération de ses fidèles et agréables services». Очевидно, что въ данномъ случаѣ никто даже и не подумалъ о правахъ автора. Данной привилегіей правительство вознаграждало то лицо, которое принесло ему извѣстную пользу. (Въ разбираемомъ случаѣ—даже не издателя, а просто профессора коллегіи въ Ронкурѣ).

Rénouard цитируетъ [43]), между прочимъ, очень интересный памфлетъ, изданный въ 1720 году подъ заглавіемъ: «Mémoire sur les vexations, qu'exercent les libraires de Paris» — in folio, 16 страницъ. Неизвѣстный авторъ этого памфлета основательно разбираетъ всѣ неудобства, истекавшія изъ тогдашняго поло-

[40]) Pouillet, a. a. p. 7 r. 1.
[41]) Rénouard, a. a. p. 130.
[42]) Pouillet, p. 7.
[43]) Rénouard, a. a. p. 149.

женія дѣла, т. е. изъ системы выдачи привилегій издателямъ. Пользуясь исключительнымъ своимъ правомъ издавать извѣстныя сочиненія, эти послѣдніе «издаютъ книги какъ попало, на дурной бумагѣ, попорченнымъ шрифтомъ и безъ корректуры, все, чтобы, по возможности, сократить расходы»... Частныя же лица были поставлены въ такую зависимость отъ монополистовъ, что не имѣли права даже ввозить изъ-за границы книги, хотя бы, для собственнаго употребленія. По мнѣнію автора памфлета, привилегіи въ тогдашнемъ ихъ видѣ имѣли значеніе и приносили пользу только издателямъ, которые обогащались неимовѣрно. «Il n'y a point de risque à avouer que le privilège que le Roy a accordé au sieur Colombat pour son almanach, lui rapporte tous les ans 24,000 livres de rente et peut être 25 ou 26,000 livres». Другой издатель, какой-то Коньяръ, «выдавалъ замужъ по дочери» при каждомъ новомъ изданіи большого словаря, на который онъ имѣлъ привилегію.

И рядомъ съ такимъ обогащеніемъ издателей—система такихъ привилегій приводила авторовъ, почему либо не имѣвшихъ подачекъ,—къ крайней бѣдности, къ обязанности «travailler comme des forçats pour le compte des libraires». Нужно отмѣтить, что къ этому времени презрѣніе къ честно заслуженнымъ гонорарамъ стало мало-по-малу уступать противоположному стремленію, шедшему подъ знаменемъ здраваго смысла. Число и значеніе писателей стало возрастать; среди нихъ стали появляться такія лица, которыя, въ виду большой плодовитости, могли обезпечить себѣ существованіе доходомъ отъ сочиненій, даже при минимальномъ размѣрѣ тогдашняго гонорара. Немудрено, что эти немногіе писатели съ радостью схватились за такой способъ существованія, дававшій имъ свободу дѣятельности и избавлявшій ихъ отъ многихъ униженій и подлостей, начинавшихъ ложиться черезчуръ уже тяжело на авторовъ; не забудемъ, что доля автора-прихлебателя при дворѣ или сановникахъ, была далеко не сладка; примѣромъ можетъ служить, хотя бы, Лафонтенъ [44]).—А разъ появились писатели, собиравшіеся «въ потѣ лица своего добывать

[44]) См. у Кирпичникова, Вс. Исторія литерат. т. III, стр. 704.

хлѣбъ свой»—немедленно должна была начаться и агитація въ пользу ихъ безусловно справедливыхъ требованій.

Какъ парадоксально это ни покажется, но приходится указать, что начали эту агитацію въ пользу авторовъ и въ ущербъ издателей,—сами издатели въ брошюрѣ, написанной Эрикуромъ («Question s'il serait juste et équitable etc.»). Эта брошюра была написана для того, чтобы защитить интересы парижскихъ издателей отъ посягательствъ тѣхъ ихъ собратьевъ, которые имѣли типографіи по мелкимъ городамъ Франціи. Послѣдніе просили, чтобы, по окончаніи срока привилегій, выдаваемыхъ парижскимъ издателямъ, эти привилегіи не возобновлялись бы для тѣхъ же лицъ, а чтобы, такимъ образомъ, провинціальные издатели имѣли возможность печатать хотя тѣ книги, которымъ истекалъ срокъ первой привилегіи. (Первая привилегія на всякую книгу, изъ видовъ цензурныхъ, могла выдаваться только парижскимъ издателямъ).

Эрикуру, поэтому, нужно было доказать, что привилегія и соединенное съ нею исключительное право воспроизведенія есть не милость монарха, но нѣчто такое, что законно должно принадлежать издателю, какъ наслѣднику автора. Очевидно, что своей брошюрой Эрикуръ кореннымъ образомъ измѣнялъ взглядъ на положеніе дѣла. Разъ издатель есть только наслѣдникъ автора—нужно доказать существованіе извѣстныхъ правъ послѣдняго. Вотъ почему въ брошюрѣ Эрикура впервые поднимается уже вопросъ о томъ, что авторъ всякаго сочиненія имѣетъ на него извѣстныя права. «Манускриптъ, который не содержитъ ничего противнаго религіи, государственнымъ законамъ или личнымъ интересамъ частныхъ лицъ, есть имущество, которое настолько безусловно принадлежитъ автору, что этого манускрипта нельзя отнять у автора, какъ нельзя отнять деньги, мебель, земельный участокъ; имущество, коимъ онъ можетъ распоряжаться по своему желанію не только въ видахъ славы, но и матеріальныхъ выгодъ для себя или для тѣхъ, кто соединенъ съ нимъ узами родства, дружбы или благодарности»... Права свои авторъ передаетъ издателю, а потому и т. д. Оставляя въ сторонѣ теоретическій разборъ аргументаціи Эрикура, приходящаго въ концѣ своихъ разсужденій къ мысли о

необходимости вѣчныхъ привилегій (разборъ такой не входитъ въ нашу задачу) мы отмѣтимъ только большую заслугу Эрикура, выразившуюся въ томъ, что въ цитированной брошюрѣ онъ впервые освѣтилъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ авторовъ, издателей и публики съ достаточно правильной для того времени точки зрѣнія. Брошюра Эрикура достигла цѣли, которой добивались парижскіе издатели, но это не значитъ, чтобы она сослужила имъ хорошую службу:—уничтоживъ одного врага (издателей провинціальныхъ), эта брошюра поднимала новыхъ враговъ, болѣе могущественныхъ и настойчивыхъ. «De nouveaux adversaires [45]) s'élevaient contre les éditeurs, c'étaient les auteurs et leurs familles, plus puissants de jour en jour».

Разъ авторамъ дана была почва, на которую они могли твердо опереться, они тотчасъ начали борьбу, тѣмъ болѣе энергичную, что вопросъ касался ихъ личныхъ интересовъ. «До этого времени огонь тлѣлъ подъ золою,—споръ 1725 года является порывомъ раздувшимъ эту искру» [46]). Одной изъ первыхъ попытокъ со стороны авторовъ нужно признать требованіе внучекъ Лафонтена, въ которомъ онѣ просили короля, въ виду ихъ бѣдственнаго положенія, признать ихъ права на печатаніе послѣдующихъ изданій басенъ Лафонтена. Указомъ 14 сентября 1761 года [47]) было признано справедливымъ сдѣлать возобновленіе привилегіи уже въ пользу внучекъ Лафонтена, не смотря на то что этотъ послѣдній при жизни уступилъ—безъ всякихъ оговорокъ—право издать свои сочиненія нѣкоему Barbin, éditeur-libraire. Споръ о правахъ автора поднимался еще нѣсколько разъ послѣ этого указа (напр. дѣло [48]) объ изданіи сочиненій Фенелона)—и правительство, мало-по-малу проникаясь идеей авторскаго права, все болѣе и болѣе склонялось на сторону писателей, чему, конечно, не мало способствовали они сами, распространяя свое вліяніе на высшіе слои интеллигентнаго французскаго общества.

---

[45]) Renouard, a. a. p. 162, v. I.
[46]) Шершеневичъ, a. a стр. 27.
[47]) Renouard, a. a. стр. 161.
[48]) Шершеневичъ, a. a. стр. 99.

Наконецъ, въ 1777 году правительство уже вполнѣ ясно высказало свое мнѣніе о размѣрѣ защиты, которую необходимо было гарантировать авторамъ. Въ этомъ смыслѣ былъ составленъ знаменитый указъ 30 августа [49]), который безусловно признавалъ авторское право на вѣчныя времена. Впрочемъ, § 5-й этого указа объявлялъ, что авторъ лишался такого вѣчнаго права въ томъ случаѣ, если онъ продавалъ свое изданіе постороннему книгопродавцу. Послѣдніе же могли получить только временную привилегію. (Это постановленіе § 5-го, противорѣчащее общему духу указа было скоро отмѣнено, какъ мы увидимъ ниже).

Пораженіе издателей было полное—но они, всетаки, продолжали еще борьбу, надѣясь вернуть прежнія времена, столь выгодныя для нихъ. Масса памфлетовъ и брошюръ была напечатана противъ указа, который издатели изображали какъ «le renversement de la propriété, la substition du bon plaisir du prince au droit naturel que tout homme a sur le produit de son travail». Какъ ни странно подобное мнѣніе объ указѣ, о которомъ если и можно что нибудь сказать, то только прямо противоположное вышеприведенному,—однако подобное заявленіе не было единичнымъ. Въ особенности интересны три письма аббата Pluquet [50]), которой доказывалъ, что слѣдствіемъ указа будетъ: гибель печатнаго искусства, невозможность большихъ типографскихъ предпріятій, разореніе издателей, разореніе авторовъ (?), увеличеніе цѣны книгъ (доказательства часто очень софистичны — напр. по послѣднему пункту [51]).

Несмотря на такой энергическій протестъ противъ этихъ указовъ со стороны издателей, правительство подтвердило его самымъ энергичнымъ образомъ въ указѣ 30 іюля 1778 года, очевидно, сознавая вполнѣ ясно правоту авторовъ. Нужно замѣтить, что этимъ указомъ права автора были еще расширены; именно, въ параграфѣ второмъ [52]) было выяснено, что авторъ не те-

[49]) Полный текстъ у Laboulaye, a. a. p. 127—150.
[50]) Полный текстъ ibid a. a. p. 265—359.
[51]) См. ibid. p. 365.
[52]) см. ibid p. 365.

ряетъ права на свое сочиненіе даже въ томъ случаѣ, если онъ позволитъ постороннему издателю сдѣлать одно или нѣсколько изданій этого сочиненія.

Изъ редакціи этого указа, котораго мы не можемъ помѣстить за недостаткомъ мѣста, видно, что онъ представляетъ большой шагъ впередъ. Этимъ указомъ устанавливалось вполнѣ точно обусловленное право автора воспроизводить свои сочиненія независимо отъ издателей. И съ этого момента интересы автора принимаютъ доминирующее значеніе. Къ сожалѣнію, указъ 1778 года не возвысился до представленія о томъ, что необходимо регулировать отношенія авторовъ къ издателямъ и авторовъ къ публикѣ не случайными привилегіями, а точнымъ и строго обоснованнымъ законодательствомъ. Указъ, всетаки, употреблялъ терминъ privilège, точно права авторовъ нужно было все еще санкціонировать привилегіями, предполагающими исключеніе, нарушеніе дѣйствующихъ законовъ. Право авторовъ все еще, какъ будто бы, зависѣло отъ прихоти правительства, которое могло выдать, а могло и не выдать привилегіи.

«Въ концѣ XVIII вѣка подулъ вѣтеръ»—говоритъ Спасовичъ—«сметавшій всякія привилегіи». За одно были уничтожены и привилегіи авторовъ: французской революціи было ненавистно все, что называлось privilège. Такимъ образомъ, уничтоживъ привилегіи и не создавъ законовъ, республиканское правительство предоставило всѣмъ рыцарямъ легкой наживы такую свободу контрафакціи, что даже въ то бурное и безпокойное время быстро выяснилась ненормальность существовавшаго порядка. И вотъ, рядомъ законовъ [53]) французское правительство начало вырабатывать болѣе крѣпкое основаніе, на которомъ со временемъ должно было вырости величавое зданіе разбираемаго института.

Но тутъ уже начинаетъ врываться новая струя—защита авторовъ и иностранныхъ—такъ что разборъ дальнѣйшей эпохи мы позволимъ себѣ помѣстить нѣсколько дальше [54]).

---

[53]) 13—19 января 1791 года, 19 іюля того же года, 19 іюля 1797 года—полное собраніе у Lyon-Caën, a. a. p. 1 ss.

[54]) См. глава I.

Обращаясь къ Германіи, мы увидимъ, что и въ этой странѣ авторское право прошло въ своемъ развитіи, приблизительно, тѣ же стадіи, что и во Франціи. Вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія начали выдавать привилегіи на отдѣльныя изданія для того, чтобы обезпечить издателямъ ту выручку, на которую они имѣли право въ силу извѣстныхъ сдѣланныхъ ими затратъ, и которая могла сильно уменьшиться въ томъ случаѣ, если бы одновременно стали появляться болѣе дешевыя изданія того же самаго сочиненія. Какъ и во Франціи, въ Германіи привилегіи выдавались сначала не авторамъ, а издателямъ. Въ самомъ дѣлѣ. Въ то время, когда издатели ограничивали свою дѣятельность перепечаткой произведеній античнаго міра, привилегія выдавалась первому, кто печаталъ то или другое, неизданное до тѣхъ поръ, сочиненіе. Существованіе привилегій на такія «Bücher» [55]) ясно показываетъ намъ, въ чемъ заключалось основаніе выдачи такихъ привилегій: обращалось вниманіе не на творчество автора, а на расходы типографщика. Насколько мало цѣнился авторскій трудъ видно, напримѣръ, изъ того, что привилегія не выдавалась [56]) на новое изданіе такого классика, который былъ уже раньше напечатанъ привилегированнымъ издателемъ, не смотря на то, что новое изданіе могло представлять совершенно самостоятельную разработку, можетъ быть, иного списка, съ новыми сличеніями, исправленіями и комментаріями, т. е. съ массой оригинальнаго авторскаго труда.

Привилегіи выдавались какъ отдѣльными городами, такъ и самимъ императоромъ германскимъ, причемъ привилегіи послѣдняго должны были быть обязательными для всѣхъ германскихъ государствъ [57]). Перепечатка привилегированныхъ книгъ охранялась спеціальными законами, согласно которымъ контрафакторъ могъ быть наказанъ денежнымъ штрафомъ и,

---

[55]) Подъ названіемъ «Bücher» въ эти времена разумѣлись изданія классическихъ авторовъ, въ отличіе отъ «Auctores», т. е. произведеній современныхъ авторовъ см. у Eisenlohr Gesetzsammlung, Anhang S. 8—10.

[56]) см. у Schürmann, Rechtsverhältnisse der Autoren und Verleger, s. 19.

[57]) Wächter, Verlagsrecht, S. 3, an. 13.

кромѣ того, подвергался конфискаціи изданія. (Такіе законы были изданы, напримѣръ, въ Саксоніи 9 апрѣля 1617 года, 13 мая 1630 года и т. д. [58]).

Во всякомъ случаѣ, нужно замѣтить, что почти до конца XVIII столѣтія число выданныхъ привилегій было весьма незначительно. Объясняется это обстоятельство тѣмъ, что въ Германіи XVI и XVII в. почти не было читающей публики, въ особенности, послѣ ужасной тридцатилѣтней войны; книги обращались въ тѣсномъ кругу ученыхъ и студентовъ. Поэтому, всякая книга, какая бы выдающаяся она ни была, не могла имѣть большаго сбыта, а, слѣдовательно, не могла дать повода для появленія контрафакцій. Книгу было не для кого перепечатывать. Schürmann предполагаетъ еще и другую причину сравнительнаго отсутствія контрафакціи: до середины 18-го вѣка въ нѣмецкой литературѣ не было книгъ, которыя стоило бы перепечатывать. Только со времени Готтшеда въ Германіи началъ образоваться все большій и большій кругъ людей, интересовавшихся литературой. Фихте говоритъ уже о своего рода «Modekrancheit des Lesens», овладѣвшей публикой къ концу XVIII столѣтія. Въ это то время и стали выясняться всѣ неудобства, съ которыми была сопряжена раздача привилегій въ Германіи, неудобства, вытекавшія изъ ея политической организаціи. Если ея раздробленность причиняла не мало затрудненій населенію вообще, то въ особенности рѣзко и гибельно вліяла она на положеніе авторовъ, принужденныхъ добиваться привилегій чуть ли не въ десяткахъ отдѣльныхъ государствъ, чтобы хоть сколько нибудь оградить свои интересы. Привилегія охраняла отъ контрафакціи только въ предѣлахъ одной политической единицы; между тѣмъ, рядомъ, въ какихъ нибудь двухъ часахъ пути, находилось другое государство, привилегій перваго непризнававшее; въ то же время, населеніе этого второго государства говорило тѣмъ же языкомъ—контрафактору не было даже необходимости переводить оригиналъ. Общность интересовъ, общность читающей публики, общность языка—все это повліяло весьма замѣтнымъ

[58]) Ibid. S. 11 anm. 18.

образомъ на различныя законодательства германскихъ государствъ, и защита авторовъ приняла очень рано характеръ международный (въ предѣлахъ Союза). Но основаніи *взаимности* многія государства Германіи стали защищать и чужихъ подданныхъ.

Въ виду такого спеціальнаго характера этой эпохи, мы позволили себѣ отнести и ея разсмотрѣніе въ главу первую.

Въ Англіи идея авторскаго права проводилась такъ же постепенно, какъ во Франціи и Германіи, и проходила при этомъ проведеніи, приблизительно, тѣ же стадіи. Поэтому, мы ограничимся только указаніемъ этихъ главнѣйшихъ стадій, не вдаваясь въ подробности, не нужныя для нашей задачи.

Въ 1566 году въ Лондонѣ была учреждена корпорація Stationer'овъ, получившая исключительное право печатать книги. Всякая новая книга должна была получить разрѣшеніе на появленіе въ свѣтъ (licence), что, между прочимъ, позволило учредить строгую предварительную цензуру. Въ 1709 году, по предложенію Уортлея [59]), былъ проведенъ законъ «for the encouragement of learned men to compose and write useful books», по которому авторъ имѣлъ право, записавъ свою книгу въ реестръ стэшіонеровъ, перепечатывать ее въ теченіи 14 лѣтъ со дня перваго ея изданія; срокъ увеличивался до 28 лѣтъ, если авторъ былъ живъ ко времени истеченія перваго срока. Статутъ Георга III удвоилъ срокъ, положенный закономъ 1709 года: авторъ имѣлъ право исключительнаго воспроизведенія пожизненно, а наслѣдники 28 лѣтъ со дня перваго изданія. Наконецъ, законъ 1-го іюля 1842 года распространилъ право наслѣдниковъ на 42 года со дня перваго изданія или на 7 лѣтъ со дня смерти автора. Внесеніе въ реестръ Stationer'овъ было обязательно для того, чтобы имѣть право вчинать искъ о контрафакціи.

Англія довольно рано издала постановленія о международ-

---

[59]) Спасовичъ, Авторское право стр. 6—8.

ной защитѣ авторскаго права—ихъ мы разберемъ подробно въ надлежащемъ мѣстѣ [60]).

Намъ пришлось уже нѣсколько разъ отмѣчать о томъ, что главнѣйшія государства къ концу XVIII в. стали мало по малу поднимать вопросъ о томъ, какъ поступать съ защитой авторовъ не національныхъ, а иностранныхъ. Наполеоновскія войны дали послѣдній толчекъ всему европейскому обществу, уничтоживъ послѣдніе признаки обособленности и замкнутости въ сферѣ интеллектуальныхъ интересовъ. Всякій увидѣлъ наглядным образомъ, какъ много есть за границей такого, чему можно и должно научиться. Наука менѣе чего либо другого признаетъ политическія или какія иныя границы: не мудрено, что послѣ этого толчка интеллектуальные дѣятели не замедлили слиться въ одну общую семью, не зависимо отъ принадлежности къ тому или другому народу. И тогда то сталъ назрѣвать вопросъ, разрѣшеніе котораго занимало много выдающихся умовъ нашего столѣтія, именно: можно ли безъ дозволенія автора пользоваться его трудами въ томъ случаѣ, если онъ иностранецъ? Собственно, вопросъ это составляетъ неразрывное и естественное продолженіе вопроса о защитѣ авторовъ національныхъ. Почему же первый вопросъ уже давно рѣшенъ, а второй во многихъ странахъ еще считается утопіей юристовъ? Причинъ такому явленію много, но мы думаемъ, что не ошибемся особенно, если укажемъ на слѣдующую, какъ на главную: идея солидарности интересовъ подданныхъ того же государства уже давно считается неоспоримою истиною, а идея солидарности интересовъ отдѣльныхъ государствъ еще часто вызываетъ улыбку: не всѣ государства дорасли до нея окончательно.

Послѣдующее будетъ, именно, посвящено разсмотрѣнію того, какъ постепенно измѣнялось рѣшеніе вышеуказаннаго вопроса, и какъ вопросъ этотъ рѣшается въ наши дни.

---

[60]) Очеркъ развитія авторскаго права въ Россіи мы относимъ, по мотивамъ, выясненнымъ выше, въ заключительную главу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I.—Международная контрафакція.

1. Очеркъ ея развитія.

1.—Въ вышеизложенномъ введеніи мы старались выяснить, по какому, приблизительно, пути шла контрафакція внутри отдѣльныхъ странъ, и какъ ее мало-по-малу стѣсняли различными постановленіями. Мы указали, что до изобрѣтенія книгопечатанія не могло быть и рѣчи объ авторскомъ правѣ. Такимъ образомъ, до XV вѣка даже внутри своей родины авторъ не былъ защищенъ отъ самой наглой эксплуатаціи. A fortiriori не могло быть и рѣчи о защитѣ авторовъ за предѣлами государства. Кромѣ того, очевидно, не могло возникнуть идеи защиты авторскаго права иностранцевъ до тѣхъ поръ, пока во всей Европѣ вообще еще существовали средневѣковые взгляды на иностранца, пока держались тѣ privilegia odiosa, которыя только недавно стали мало-по-малу исчезать подъ вліяніемъ болѣе гуманныхъ взглядовъ. Обыкновенно считаютъ, и, по нашему мнѣнію, вполнѣ справедливо—1789 годъ тѣмъ моментомъ, съ котораго началось ясно выраженное движеніе въ пользу уравненія правъ иностранцевъ и національныхъ подданныхъ (уничтоженіе droit d'aubaine). Поэтому, первымъ періодомъ въ исторіи международной контрафакціи [1]) нужно считать—по нашему мнѣнію—періодъ отъ изобрѣтенія книгопечатанія до конца прошлаго столѣтія. Вторымъ всю

[1]) Подъ этимъ названіемъ мы понимаемъ воспроизведеніе сочиненій иностранныхъ авторовъ лицами, никакого на то разрѣшенія отъ этихъ авторовъ не получившими.

первую половину XIX в.—до 1852 года, то есть до изданія декрета (французскаго) 28 марта [2]). Третьимъ—отъ 1852 года до подписанія Бернской Конвенціи [3]) т. е. до 6-го сентября 1886 года. Четвертый и послѣдній періодъ течетъ съ этого момента и до нашихъ дней.

Всякій знаетъ, что періодизація историческаго развитія какого бы то ни было явленія бываетъ почти всегда въ значительной своей части произвольною. Первый и главный законъ всякой эволюціи есть строгая послѣдовательность; жизнь не признаетъ скачковъ, въ жизни—такъ какъ она есть—нельзя найти строго ограниченныхъ «періодовъ»; и бытъ французскаго общества послѣднихъ годовъ ancien régime'а отличался отъ быта начала слѣдующаго «періода», можетъ быть, гораздо меньше, чѣмъ то можно предположить a priori. Все сказанное выступаетъ еще болѣе рельефно, если объектомъ періодизаціи мы возьмемъ такой сложный институтъ какъ авторское право. Невозможность точно періодизировать развитіе этого института сдѣлается вполнѣ ясною, если мы напомнимъ, что при разсмотрѣніи историческаго развитія международной защиты авторскаго права приходится брать въ соображеніе законодательства и правосознаніе не одного какого нибудь государства, а почти всѣхъ, имѣющихъ хотя какое нибудь значеніе во всемірномъ интеллектуальномъ общеніи. Періоды, которые возможно, съ извѣстною точностью, опредѣлить для Франціи—могутъ не совпадать съ періодами полученными для Германіи и т. д. Между тѣмъ, самый смыслъ періодизаціи исключаетъ возможность обойти подобную трудность тѣмъ, чтобы дать особое спеціальное дѣленіе на періоды для каждаго государства въ отдѣльности. Вотъ мотивъ, почему мы позволили себѣ удовольствоваться вышеприведеннымъ дѣленіемъ на четыре періода, не смотря на то, что оно—скажемъ немедленно—имѣетъ очень немного основаній въ тѣхъ фактахъ, которые мы наблюдаемъ въ исторіи разбираемаго института: втиснуть все, изъ чего сложилось такое сложное историческое явленіе, какъ развитіе защиты авторскаго права въ десяткѣ разнообразныхъ

[2]) Подробно см. §§ 52—76.
[3]) Подробно см. §§ 212—274.

государствъ,—въ тѣсныя рамки указанной періодизаціи невозможно и, въ то же время, не такъ ужъ, думаемъ мы, необходимо. Приведенная періодизація сослужитъ свою службу-если она поможетъ намъ хотя отчасти сгруппировать факты и яснѣе указать смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ, важныхъ для разбираемаго вопроса, законодательныхъ актовъ.

2.—Послѣ такого отступленія, нѣсколько длиннаго, но, кажется, необходимаго, мы позволимъ себѣ перейти къ выясненію тѣхъ особенностей, которыми, по нашему мнѣнію, можно до нѣкоторой степени охарактеризовать каждый изъ указанныхъ періодовъ, повторяя еще разъ, что дѣленіе наше въ значительной степени не точно и что многія явленія даже конца втораго періода можно объяснить только принципами первой, самой грубой эпохи (примѣровъ искать не далеко: русское законодательство даже нынѣ руководится именно тѣми общими положеніями, которыя во Франціи, напримѣръ, господствовали лишь въ первомъ и началѣ втораго періода).

Выясненіе характера защиты въ послѣдніе два періода, т. е. съ 1852 по 1886 гг. (защита посредствомъ частныхъ конвенцій) и съ 1886 г. до нашихъ дней (защита посредствомъ общей конвенціи и первыя попытки международной кодификаціи вопроса)—составитъ предметъ главъ третьей и четвертой, такъ что здѣсь мы ограничимся только характеристикой первыхъ двухъ періодовъ, указавъ сперва на состояніе международной контрафакціи въ теченіе каждаго изъ нихъ,—а затѣмъ на тѣ мѣры, которыя были приняты для возможнаго прекращенія этой контрафакціи.

Первый періодъ, съ изобрѣтенія книгопечатанія до конца прошлаго вѣка (изданіе французскаго закона 1789 года) есть періодъ полнаго отсутствія какой либо законодательной защиты для иностранныхъ авторовъ. Подобное положеніе дѣла является вполнѣ естественнымъ. Интересы авторовъ (вѣрнѣе: интересы издателей) защищались привилегіями, имѣвшими исключительно территоріальное значеніе. Такимъ образомъ, авторъ, получившій привилегію отъ императора германскаго, этою привилегіею во Франціи, конечно, не защищался. Для

того, чтобы пользоваться защитою и въ этой странѣ, нужно было получить спеціально французскую привилегію.

Отмѣтимъ, что полученіе привилегіи de iure было вполнѣ свободно для всякаго—въ томъ числѣ, значитъ, *и для иностранцевъ*. Но не нужно забывать, что de facto эта свобода не имѣла никакого практическаго значенія, разъ автору приходилось хлопотать о привилегіяхъ, напримѣръ, чуть ли не въ 50-ти отдѣльныхъ государствахъ одной Германіи (каждую, конечно, за особую плату). Такимъ образомъ, защита иностранцевъ сводилась въ концѣ концовъ, къ нулю—ибо, за рѣдкими исключеніями, авторы оставляли заграничнымъ контрафакторамъ полную свободу дѣйствій, чему не мало способствовало тогдашнее плохое развитіе путей сообщенія: за контрафакціями за границей не было почти никакой возможности усмотрѣть.

3.—До какой дерзости доходили иностранные контрафакторы, можно видѣть, хотя бы, изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ.

Фридрихъ Великій написалъ еще въ молодости книгу *Анти-Макіавелли*. Когда онъ вступилъ на тронъ, обстоятельства принудили его измѣнить свои взгляды на политику. Къ несчастію, манускриптъ сочиненія оказался случайно въ рукахъ голландскаго издателя Van Düren, который не замедлилъ изготовить ея изданіе. Понятія объ авторскомъ правѣ вообще, а объ авторскомъ правѣ иностранцевъ, въ особенности,—были настолько смутны въ это время, что даже прусскій король не могъ помѣшать появленію въ Голландіи его книги, несмотря на то, что это появленіе доставило ему много серіозныхъ непріятностей. Самъ Вольтеръ обращался къ издателю съ «покорною просьбою» (!) не издавать сочиненія его друга, Фридриха Великаго. Но Van Düren заупрямился, и книга появилась въ продажѣ, причемъ, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, это появленіе не составило ничего незаконнаго.

Въ 1772 году тулонскій издатель перепечаталъ отдѣльнымъ изданіемъ трагедію Вольтера Pélopides (изъ полнаго собранія сочиненій, выходившаго въ Лозаннѣ) и имѣлъ наивную дерзость выставить свой поступокъ въ качествѣ услуги, оказан-

ной г-ну Вольтеру: «Я счелъ своимъ долгомъ»—говоритъ онъ въ предисловіи: «напечатать эту трагедію отдѣльнымъ изданіемъ. И я увѣренъ, что г. Вольтеръ не посѣтуетъ на меня за то, что я доставилъ большему количеству читателей возможность восхищаться этимъ мастерскимъ произведеніемъ» [4]).

4.—Особеннаго развитія достигла международная контрафакція XVII и XVIII вѣковъ въ Швейцаріи, Нидерландахъ и Ирландіи. Первыя два государства воспроизводили авторовъ французскихъ, а Ирландія—англійскихъ.

По поводу Швейцарскихъ и Голландскихъ контрафакторовъ, не безъинтересно будетъ привести выдержку изъ записки, представленной по этому поводу парижскими издателями въ 1764 году [5]). Записка эта горько жалуется на заграничныхъ контрафакторовъ, сбивающихъ цѣны: «....Позволимъ себѣ подтвердить всѣ наши соображенія ссылкой на слѣдующій общеизвѣстный фактъ. Нѣкоторые женевскіе издатели сдѣлали недавно объявленіе о выходѣ въ свѣтъ новаго изданія сочиненій Корнеля. Эта книга продавалась до сихъ поръ въ синдикальной палатѣ привилегированнымъ изданіемъ за 50 су. Теперь же, послѣ того какъ на глазахъ издателей... была произведена свободная подписка на женевское изданіе—цѣна эта упала до 12 су и — во время продажи состоявшейся въ сентябрѣ 1763 года — даже до 6 су»...

5.—Ирландія въ прошломъ столѣтіи имѣла особое, отъ Англіи, законодательство. Первый англійскій актъ объ авторскомъ правѣ [6]) касался только Англіи и Шотландіи, такъ что ирландскіе издатели совершенно законнымъ образомъ издавали сотни англійскихъ контрафакцій. Такъ, въ предисловіи къ роману «Грандиссонъ»—авторъ его и, одновременно, издатель,—жалуется на отсутствіе защиты въ Ирландіи, лишающее сбыта изданія: «... если нѣтъ закона,—приводитъ его слова Darras [7])—

---

[4]) См. Darras. Droits intellectuels, p. 142.

[5]) См. ibid. p. 140 ss.—такъ же, какъ и нѣкоторыя другія послѣдующія замѣчанія и цитаты.

[6]) Copyright act; Anne VIII, ch. XIX.

[7]) Ibid.

чтобы защитить издателя и, въ тоже время, автора этой новой книги отъ контрафакцій—я покорюсь неизбѣжному,—однако, не иначе, какъ съ надеждой что скоро наше законодательство пойметъ необходимость обезпечить авторамъ плоды ихъ трудовъ».

6.—Въ тоже время, замѣчается слѣдующее любопытное явленіе: контрафакторы грабятъ авторовъ, но сами—не желаютъ подвергаться ни малѣйшему риску, и, сами не признавая чужихъ правъ, создаютъ путемъ взаимныхъ соглашеній фантастическія, ничѣмъ не оправдываемыя права. Такъ, Эльзевиры [8]), присваивавшіе себѣ монополію французскихъ контрафакцій, добились установленія такого страннаго обычая: тотъ, кто предупреждалъ другихъ совершеніемъ преступленія (т. е. контрафакціи)—тѣмъ самымъ пріобрѣталъ, точно въ награду, опредѣленныя исключительныя права. Другими словами: первый книгопродавецъ, издавшій контрафакцію сочиненія иностраннаго автора,—пріобрѣталъ, въ силу этого факта, въ своей странѣ всѣ авторскія права на это сочиненіе, и никто уже не могъ издавать дальнѣйшихъ контрафакцій той же книги. Такимъ образомъ, обычай этотъ, устраняя конкурренцію внутри предѣловъ даннаго государства, какъ бы поощрялъ издателей торопиться изданіемъ контрафакцій. Одно это постановленіе уже достаточно рельефно характеризуетъ тѣ взгляды, которые существовали въ Европѣ въ прошломъ столѣтіи по отношенію къ институту авторскаго права иностранцевъ.

Этотъ голландскій обычай не былъ единичнымъ; такъ Laboulaye [9]) проводитъ слова Ричардсона: «У ирландскихъ издателей есть обыкновеніе, по возможности, торопиться изданіемъ контрафакцій англійскихъ сочиненій; счастливъ тотъ, кто имѣетъ въ Англіи агента, пересылающаго тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ тѣ сочиненія, которыя могутъ имѣть хорошій сбытъ. Англійскіе авторы не могутъ препятствовать ирланд-

---

[8]) Ср. Bulletin de l'Association etc. I série № 9, 1880 p. 60.

[9]) Etude sur la propriété littéraire en Angleterre. p. 21.

скимъ издателямъ, а послѣдніе взаимно уважаютъ права перваго издавшаго контрафакцію» [10]).

7.—Такимъ образомъ, положеніе иностранныхъ авторовъ было болѣе, чѣмъ печальнымъ, ибо ихъ право за границами родины вовсе не защищалось. Впрочемъ, въ этомъ не можетъ быть ничего удивительнаго, разъ мы вспомнимъ, что въ эти времена, право автора еле-еле признавалось даже на родинѣ. Даже въ предѣлахъ родной страны до 1789 года право это признавалось только въ силу особой «grâce». А иностранцы—на нихъ взгляды были распространены совершенно средневѣковые. Иностранецъ не имѣлъ неотъемлемыхъ юридическихъ правъ — слѣдовательно, ни о какой защитѣ иностранныхъ авторовъ не могло и быть рѣчи. Авторское право—одинъ изъ наиболѣе возвышенныхъ юридическихъ институтовъ, до которыхъ не скоро дорастаетъ общество. Нужно раньше постичь всю величину заслуги автора, нужно сперва изучить бѣдственное, но часто незамѣтное для постороннихъ глазъ, положеніе труженика-автора, нужно раньше обратить вниманіе на основныя причины нищеты его потомства, наконецъ, нужно подмѣтить ту неуловимую связь, которая всегда существуетъ между авторомъ и его произведеніемъ—и только тогда можетъ впервые появиться идея авторскаго права. Идея авторскаго права національныхъ подданыхъ можетъ вырости только на почвѣ сознанія общей солидарности всѣхъ отдѣльныхъ частей государства. Для того, чтобы провести то же право, но въ примѣненіи и къ иностранцамъ, нужно сперва—какъ мы уже указывали выше—добиться признанія солидарности всѣхъ отдѣльныхъ народовъ, хотя бы, только на почвѣ умственныхъ интересовъ.

8.—Въ заключеніе отмѣтимъ еще, что разбираемый нами первый періодъ отличается не только отсутствіемъ какой бы то ни было защиты правъ иностранныхъ авторовъ, но еще и и полнымъ отсутствіемъ даже представленія о томъ, что эти

[10]) Мы не имѣли возможности провѣрить по первоисточникамъ, но Dartas (см. p. 146 прим. 3-ье) утверждаетъ, что подобное право первоизданія было освящено не только обычаемъ, но прямо *закономъ*.

авторы *имѣютъ* какія-нибудь права подлежащія защитѣ. Контрафакція считалась не обходомъ закона и даже не правонарушеніемъ, а просто «способомъ торговли» естественнымъ и легальнымъ. Когда Мармонтель проѣзжалъ черезъ Люттихъ, онъ былъ приглашенъ на завтракъ мѣстнымъ издателемъ Bassompierre, который печаталъ уже четвертое контрафактное изданіе *Contes moraux* и третье — *Bélisaire*. На замѣчаніе Мармонтеля о томъ, насколько онъ терпитъ убытокъ отъ подобной контрафакціи, издатель совсѣмъ спокойно замѣтилъ: «Vos privilèges ne s'étendent pas jusqu'ici; Liège est un pays de franchise; nous avous le *droit* d'imprimer tout ce qu'il y a de bon; c'est là notre commerce» [11]).

9.—Таковъ былъ характеръ международной контрафакціи въ первый обозначенный нами періодъ. Французскій законъ 1789 года, о которомъ мы еще будемъ имѣть случай сказать подробнѣе, провелъ рѣзкую границу въ исторіи защиты авторскаго права вообще, авторскаго права иностранцевъ въ частности. Какъ мы увидимъ изъ разбора этого законодательнаго памятника, онъ впервые провозглашалъ уравненіе правъ авторовъ національныхъ и иностранныхъ (послѣднихъ, правда, только въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ; насъ интересуетъ теперь конечно, не объемъ защиты, а ея характеръ). Однако, если изданіе этого закона и провозглашало новыя общія положенія, не нужно думать, чтобы международная контрафакція была немедленно уничтожена послѣ 1789 года. Какъ мы увидимъ ниже, эта контрафакція не только не прекратилась, но даже, до середины 50-тыхъ годовъ, продолжала развиваться съ необычайной силою. Явленіе это можно объяснить двумя причинами: 1) указанный французскій законъ былъ единичнымъ въ Европѣ и, подобно многимъ другимъ законамъ, изданнымъ дѣятелями революціи, много опережалъ правосознаніе всѣхъ другихъ государствъ; эти послѣднія долго еще продолжали безусловно дозволять международную контрафакцію. 2) Указанное нами въ предъидущемъ абзацѣ отсутствіе самаго представленія о существованіи авторскаго

[11]) Darras, ibid. p. 148.

права (въ особенности, иностранцевъ) было такъ повсемѣстно распространено въ первомъ періодѣ—что и въ началѣ XIX столѣтія оно оказалось въ состояніи долго побороться съ новыми идеями, болѣе согласными съ требованіями справедливости, раньше чѣмъ уступить имъ поле битвы.

Итакъ, международная контрафакціи продолжала, повторяемъ, процвѣтать и во второмъ періодѣ, съ тою только разницею, что центръ ея былъ перенесенъ изъ Голландіи въ Бельгію. Переходъ этотъ совершился постепенно, и строгость французской цензуры, въ особенности, помогла развитію бельгійскихъ издательскихъ фирмъ, которымъ, конечно, было весьма выгодно издавать то, что было запрещено печатать во Франціи. До 1830 года, какъ говоритъ Darras [12]): «l'index de la police parisienne fut presque le catalogue de la librairie bruxelloise». Притомъ, нельзя не сказать, что Бельгія отчасти принесла этимъ пользу Франціи, и приносила до тѣхъ поръ, пока изъ издательскихъ фирмы ея не превратились въ контрафакторскія. Защитникъ бельгійской международной контрафакціи, Charles Heu [13]), говоритъ: «Всѣ сочиненія, запрещенныя цензурой во Франціи, немедленно печатались въ Бельгіи, гдѣ никакая полиція имъ не угрожала. Только этимъ способомъ и распространялись памфлеты Поля Курьэ и поэмы Бартелеми и Мэри. Только этимъ способомъ печатались сочиненія Беранже, причемъ не меньше 30000 экземпляровъ послѣднихъ было пущено въ обращеніе бельгійскими издателями».

Но, къ несчастью, эти бельгійскіе издатели скоро рѣшили, кромѣ честнаго труда, заняться еще и нечестнымъ, заняться заманчивою контрафакціей. Одною изъ первыхъ жертвъ былъ Шатобріанъ, которому бельгійскіе издатели имѣли любезность прислали первые оттиски его романовъ *Attala* и *René*. Напрасно даже Людовикъ XVIII обращался съ заявленіями къ бельгійскому правительству—контрафактныя изданія запрещены не были и, съ тѣхъ поръ, стали развиваться съ

---

[12]) ibid. p. 149.

[13]) La réimpression, brochure, p. 40.

СОЮЗНАЯ БИБЛІОТЕКА имени В. И. Ленина

особенною быстротою. Впрочемъ, спеціально контрафакціей бельгійскіе издатели стали заниматься только послѣ 1830 года, когда во Франціи была разрѣшена свобода печати.

10.—Впрочемъ, даже съ 1830 года, дѣло, по своей новизнѣ, шло сначала довольно медленно и только приблизительно съ 1834 года оно стало прогрессировать невѣроятно быстро. Darras приводимъ слѣдующую интересную таблицу, составленную на основаніи отчетовъ бельгійскихъ таможенъ. Таблица эта показываетъ количество книгъ, вывезенныхъ изъ Бельгіи.

Года.	Количество вывезенныхъ книгъ въ килограммахъ.	Года.	Количество вывезенныхъ книгъ въ килограммахъ.
1834	69.000	1842	154.000
1836	90.000	1845	274.000
1837	121.000	1846	205.000
1838	138.000	1847	183.000
1839	170.000	1849	184.000
1840	147.000	1850	224.000
1841	168.000	1851	336.000

Для эксплуатаціи этого ремесла, казавшагося такимъ выгоднымъ, образовалось даже пять коммандитныхъ обществъ въ короткій промежутокъ времени съ 1834 по 1838 годъ. Насколько значительными были эти предпріятія можно судить изъ слѣдующаго перечисленія, приводимаго нами изъ статьи Molinari [14]):

I. *La Société typographique belge* съ капиталомъ 1.000.000 frs.

II. *La Société belge de librairie, imprimerie et papeterie.* Капиталъ 1.500.000 frs.

III. *La Société de librairie, imprimerie et fonderie.* Капиталъ 2.000.000 frs.

---

[14]) Journal des Economistes, XXXI p. 265.

IV. *La Société encyclographique*—1.000.000 frs.

V. *La Société nationale*—капиталъ также 1.000.000 frs.

Итого пять обществъ съ суммой капиталовъ $6^1/_2$ милліоновъ франковъ.

И эти общества, имѣвшія столь постыдную цѣль, нисколько не преслѣдовались правительствомъ. Наоборотъ, второе изъ вышеуказанныхъ обществъ имѣло президентомъ бельгійскаго министра внутреннихъ дѣлъ и президента кассаціоннаго отдѣла г. de Sauvage. Въ числѣ членовъ комитета было нѣсколько сенаторовъ и даже одинъ инспекторъ народнаго образованія. Въ этомъ составѣ такихъ обществъ, между прочимъ, можно видѣть причину, почему Бельгія такъ упорно не соглашалась заключить первую литературную конвенцію съ Франціей.

11.—Какова же была судьба этой погони за дешевой и быстрой наживой?—Отвѣтить не трудно: судьба ея не обманула ожиданій всѣхъ благоразумныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, гибельныя послѣдствія конкурренціи не замедлили обнаружиться. Всякій имѣлъ право перепечатывать данное сочиненіе—слѣдовательно, продавалъ тотъ, кто назначалъ меньше цѣну (право «перваго завладѣнія» было скоро оставлено безъ вниманія, ибо оно черезчуръ сокращало дѣятельность обществъ). И вотъ, цѣны начали падать. Томъ in-18° продавался въ 1834 году за 3 fr. 50. Скоро цѣну уменьшили до 3 fr., 2 fr., 1 fr. 50 и т. д. Въ 1840 году [15]) такой томъ продавался за 75 cent. Впрочемъ, каждый томъ обходился издателю отъ $12^1/_2$—15 centimes, такъ что цѣна его скоро упала до 35 cent. (14 копѣекъ кредитныхъ по теперешнему курсу). Затѣмъ, слишкомъ размножившіяся и, потому, никому ненужныя изданія стали раздаваться даромъ, въ видѣ премій къ газетамъ. Такая даровая раздача въ 1 годъ распространяла, по исчисленію Darras'a, неимовѣрное количество экземпляровъ—около 512 тысячъ.

Не мудрено, что издатели подобною бѣшеною погонею за призрачной наживой убили мало-по-малу самихъ себя. Всѣ

[15]) См. Darras, ibid p. 152.

эти значительныя общества сгорѣли отъ черезчуръ лихорадочно-напряженной дѣятельности. Черезъ самый короткій промежутокъ времени изъ пяти обществъ осталось только одно, самое богатое: «Société de librairie, imprimerie et fonderie».

12.—Итакъ, обогатила ли свобода международной контрафакціи бельгійскихъ издателей?—Очевидно, что нѣтъ. Не говоря уже о мелкихъ единичныхъ издателяхъ, даже крупныя общества съ милліонными капиталами разорили другъ друга и, вмѣсто того, чтобы обогатиться, потерпѣли одни убытки. Дальше мы особо разберемъ вопросъ о томъ, насколько свобода перепечатки иностранныхъ произведеній можетъ быть выгодна странѣ. Тамъ же мы разсмотримъ, насколько она выгодна читающей публикѣ. Здѣсь же только вкратцѣ укажемъ на положеніе издателей, которые, казалось бы, должны были бы первые пожинать колоссальные барыши. Что можетъ быть заманчивѣе подобной картины: въ цѣну французскаго изданія, продаваемаго въ Бельгіи, входитъ не только гонораръ автору, но еще и плата за провозъ до Бельгіи. Ничего подобнаго нѣтъ въ цѣнѣ изданія контрафактнаго—слѣдовательно, это послѣднее отвоевываетъ рынокъ и приноситъ издателю громадные барыши—такъ это всегда казалось и кажется тѣмъ, кто защищаетъ свободу контрафакцій. Къ счастью, факты самаго недвусмысленнаго рода ясно указываютъ на ошибочность такого рода мнѣнія. Все, казалось, благопріятствовало бельгійскимъ издательскимъ обществамъ, а, между тѣмъ, они разорялись одно за другимъ. Взаимная конкурренція, ничѣмъ не предотвратимая, убиваетъ контрафакторовъ. Не нужно также думать, что «право перваго завладѣнія», которое иногда взаимно признаютъ контрафакторы, можетъ спасти ихъ отъ этой гибельной конкурренціи. Это «право» только измѣняетъ направленіе и видъ ея. До установленія «права» контрафакторы разоряются, уменьшая цѣны изданій, а послѣ установленія «права», они, опять таки, разоряются, увеличивая расходы на то, чтобы *первымъ* издать контрафакцію. (Въ Февралѣ 1887 года, одинъ американскій издатель, съ такою цѣлью, протелеграфировалъ въ Америку цѣлую книгу).

Слѣдовательно, даже смотря съ точки зрѣнія *чисто мате-*

ріальной выгоды издателей,—нельзя не признать, что всѣмъ имъ *выгоднѣе* заплатить не столь уже большой авторскій гонораръ и тѣмъ обезпечить себѣ авторское право, чѣмъ разоряться на контрафакціи. Впрочемъ, мы еще вернемся подробно къ этому вопросу.

13.—Итакъ, бельгійскія общества мало-по-малу разорялись. Однако, не смотря на значительное сокращеніе ихъ дѣятельности, ихъ контрафакціи, всетаки, не могли не приносить громаднаго вреда иностраннымъ авторамъ. Въ особенности же, страдала Франція (вслѣдствіи сходства языка, не требовавшаго даже перевода). Въ 1840 году каталогъ знаменитаго «Общества контрафакцій» состоялъ изъ 1290 названій—изъ которыхъ около 1130 составляли перепечатку французскихъ изданій. На 800 книгъ, изданныхъ фирмою Wahlen · 735 было французскихъ контрафакцій [16]). Журналъ La Revue des Revues слово въ слово перепечатывалъ французскій Revue des deux Mondes [17]). Напрасно французскіе авторы протестовали всѣми способами—бельгійцы перепечатывали книги, причемъ забывали вычеркивать въ предисловіяхъ, посвященныхъ лично контрафакторамъ, даже самыя ужасныя ругательства («les plus grands forbans de l'univers»—«la nation belge est un peuple moitié singe, moitié bédouin»).

Такимъ образомъ, положеніе французскихъ авторовъ было болѣе чѣмъ печально, и единогласныя требованія побуждали правительство заняться серьознымъ разсмотрѣніемъ этого вопроса.

14.—Въ добавокъ ко всему, бельгійцы къ контрафакціи стали еще присоединять нѣчто вродѣ шантажа. Такъ, Duvergier разсказываетъ о слѣдующемъ маневрѣ, который они стали практиковать. «Бельгійскіе издатели явились къ французскому автору или издателю и заявляли самымъ развязнымъ тономъ: «я собираюсь перепечатать ваше сочиненіе; рабочія руки и бумага стоятъ въ Бельгіи дешевле, чѣмъ у васъ; никакого авторскаго гонорара мнѣ платить не придется; я

---

[16]) См. Darras ibid p. 155. r. I.

[17]) См. Revue des deux Mondes. 1844 t. I p. 210, статья «La contrefaçon elge».

буду продавать сочиненія по дешевой цѣнѣ въ Германіи и Бельгіи—и вамъ не удастся сбыть за-границей ни единаго экземпляра; пойдемте на мировую. Сдѣлайте мнѣ скидку на извѣстное количество экземпляровъ—прибыль ваша будетъ не изъ большихъ, но вѣдь это все лучше, чѣмъ ничего» [18]). Притомъ, бельгійцы даже не подозрѣвали, къ разряду какихъ дѣйствій нужно было отнести всѣ эти ихъ выходки. Торгуясь вышеуказаннымъ образомъ, «le Belge avait un air simple et honnête qui formait un contraste singulier avec le cynisme de ses prétentions... Il était d'un calme imperturbable et répondait à tout en répétant avec des variations: «Votre droit s'arrête à la frontière».

15.—Первыми мѣрами, которыя предприняло французское правительство противъ бельгійской контрафакціи,—было запрещеніе транзита для тѣхъ книгъ на французскомъ языкѣ, издатели которыхъ не могли доказать, что онѣ напечатаны въ странѣ, защищающей интересы французскихъ авторовъ,—или составляютъ перепечатку французскихъ сочиненій, на которыя уже истекъ срокъ авторскаго права.

Впрочемъ, эта мѣра оказалась мало дѣйствительною. Правда, бельгійскимъ изданіямъ пришлось иногда сворачивать съ прямого пути, но цѣны на нихъ отъ этого возвысились мало, и въ концѣ концовъ, пострадала, всетаки, Франція въ лицѣ тѣхъ, кто занимался транзитомъ.

Декретомъ 13 Декабря 1842 года были установлены весьма стѣснительныя правила для ввоза тѣхъ французскихъ книгъ, которыя возвращались изъ за границы, не найдя тамъ сбыта. До изданія декрета. подъ этимъ общимъ названіемъ проникали, главнымъ образомъ, контрафакціи въ самую Францію (нужно замѣтить, что сами французы (покупатели) въ значительной степени поощряли [19]) бельгійскихъ контрафакторовъ). Многочисленныя формальности, установленныя этимъ декре-

---

[18]) См. Pataille. Annales. 1860 p. 34—35.

[19]) «Des flots de contrefaçons dirigés contre nos oeuvres nationales pénétrent par nos frontières du Nord et inondent la France»... (Докладъ M. Lefranc въ палатѣ депутатовъ. Moniteur. 1842, p. 3772).

томъ, стѣснили ввозъ контрафакціи,—но все это были только полумѣры. И только 22 Августа 1852 года Франціи удалось заключить съ Бельгіей долго-жданную конвенцію для защиты авторскаго права.

16.—Въ главѣ третьей мы, въ своемъ мѣстѣ (см. § 159) разсмотримъ эту конвенцію, которая, какъ первая попытка, была далека отъ совершенства—теперь же отмѣтимъ не безъинтересныя цифры, свидѣтельствующія о томъ, насколько неосновательными были предсказаніями тѣхъ издателей, которые говорили [20]), что заключеніе какихъ бы то ни было международныхъ конвенцій разоритъ всю книжную торговлю Бельгіи.

Нижеслѣдующая таблица, заимствованная нами у Darras'a, показываетъ по годамъ вывозъ книгъ изъ Бельгіи.

Годы.	Количество вывезенныхъ книгъ въ килограммахъ.	Г о д а.	Количество вывезенныхъ книгъ въ килограммахъ.
1851	336.502	1856	206.871
1852	358.906	1857	228.461
1853	390.074	1858	246.316
1854	448.256	1859	279.336
1855	320.473	1860	295.634

Изъ этой таблицы, правда, видно, что послѣ 1854 года количество вывезенныхъ книгъ много и много упало, но также видно и то, что, разъ вставъ на нормальный путь правильнаго развитія, книжная бельгійская торговля стала спокойно расширять свою дѣятельность, безъ тѣхъ толчковъ и внезапныхъ отступленій, которыми характеризуется лихорадочное развитіе ея до 1854 года. Уничтоженіе контрафакціи, конечно, должно было ослабить часть экспортной торговли, но, (отмѣтимъ съ особенною настойчивостью)—запрещеніе контрафак-

[20]) См. Нем. цит. сочин. passim.

ціи не повліяло *губительнымъ* образомъ на книжную торговлю. Другими словами, послѣ заключенія конвенціи, книжная торговля стала не падать, а развиваться; развиваться медленнѣе, но вѣрнѣе.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, исторія международной контрафакціи бельгійцевъ, которыхъ Бальзакъ называлъ «assassins». Переходя къ другимъ странамъ Европы, мы должны будемъ признать, что въ серединѣ даннаго столѣтія международная контрафакція была явленіемъ весьма и весьма распространеннымъ почти вездѣ.

17.—Такъ, въ Германіи особенно долго продолжалъ контрафактировать—главнымъ образомъ французскія изданія—Лейпцигъ, долго державшійся прежнихъ завѣтовъ. По словамъ M. Tissot [21]), нѣкто Poetz издавалъ собраніе Bibliothèque choisie, въ которомъ онъ перепечатывалъ лучшія сочиненія Al. Dumas, Th. Gothier, G. Sand, Sandeau, P. de Kock, Montépin, Malot, и еще многихъ другихъ,—всего болѣе 200 томовъ. Въ Биллелефельдѣ издатели Vilhagen и Klasing издавали Théâtre français, составленный изъ лучшихъ пьесъ французскихъ драматурговъ.

18.—Особенный видъ контрафакція приняла въ Англіи. Вслѣдствіи того, что рабочія руки въ этой странѣ дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, англійскіе издатели, вообще, перепечаткой, какъ не приносящею дохода, никогда не занимались,—«en Angleterre, où la main d'oeuvre est plus chère qu'en France, on ne réimprime aucun livre» [22]). Но англійское законодательство не защищали ни національныхъ, ни иностранныхъ авторовъ отъ «косвенной контрафакціи», т. е. отъ такъ называемыхъ «adaptations» (наиболѣе часто встрѣчающійся видъ: передѣлка романовъ въ драматическую форму). Вотъ почему, даже въ самое недавнее время, англійскіе издатели обращали свою дѣятельность, въ особенности, на эти adaptations. Mrs Henry Wood потеряла около 50 т. фунтовъ вслѣдствіи того, что ея романъ East Lynne появился

---

[21]) Voyages aux Pays annexés, см. Darras цит. соч., p. 160.

[22]) Renault. цит. соч., 124.

въ 5—6 передѣлкахъ, едва только появился первый томъ (изъ четырехъ) [23]). То же самое было и съ французскими авторами. Всѣ лучшіе французскіе романы немедленно передѣлывались въ драматическую форму (были случаи даже обратной передѣлки). Вотъ почему, между прочимъ, англійская делегація наиболѣе протестовала въ 1885 г. противъ включенія въ Бернскую конвенцію пункта 10 (ср. § 254).

19.—Соединенные Штаты причислили контрафакцію къ числу выгодныхъ отраслей промышленности и, потому, сочли необходимымъ,—какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ этой послѣдней,—превзойти своимъ производствамъ всѣ другія государства. И нельзя не признать, что на этомъ поприщѣ Соединенные Штаты, дѣйствительно, преуспѣли въ широкихъ размѣрахъ. Остается только, конечно, подъ большимъ сомнѣніемъ—на выгоду или убытокъ для себя? Очень интересенъ тотъ взглядъ, который высказало правительство Соединенныхъ Штатовъ по вопросу о защитѣ авторскаго права, въ отвѣтѣ на предложеніе Федеральнаго Совѣта Швейцаріи (см. § 225). Въ этомъ отвѣтѣ, правительство Соединенныхъ Штатовъ становится именно на точку зрѣнія поощренія промышленности. Оно вовсе не отрицаетъ того, что авторскія права иностранныхъ авторовъ должны, по справедливости, найти защиту такую-же, какъ и національныхъ. Но—говоритъ это посланіе [24]): «правительство Соединенныхъ Штатовъ не можетъ не принять въ соображеніе, сколько различныхъ отраслей промышленности заинтересовано въ производствѣ книги,—при обсужденіи вопроса о дарованіи автору права запретить или помѣшать такому производству. Существуетъ громадная разница между художникомъ и скульпторомъ съ одной стороны, и писателемъ — съ другой. Первые выпускаютъ свое произведеніе на рынокъ такимъ, какимъ оно вышло изъ ихъ рукъ,—а второй нуждается въ содѣйствіи фабриканта бумаги, словолитчика, типографщика, переплетчика и еще многихъ другихъ лицъ въ промышленности».

---

[23]) Journal de droit international. 1888 p. 223.

[24]) См. Journal de droit international. 1884 p. 444.

Подобная аргументація, конечно, не выдерживаетъ никакой критики, и несостоятельность ея видна съ перваго же взгляда. Обратимъ вниманіе, хотя бы, на слѣдующее: 1) Развѣ существуетъ какая-нибудь разница между художникомъ и литераторомъ, подобная той, которую указываетъ вышеприведенная цитата? Литераторъ даетъ работу фабриканту бумаги, хозяину словолитни, печатнику, переплетчику и «еще многимъ другимъ лицамъ въ промышленности»,—художникъ даетъ работу фабриканту полотенъ, красокъ, продавцу маслъ, сиккативовъ, кистовязу, рамочнику и также «еще многимъ лицамъ въ промышленности». 2) Еслибы такая разница даже и существовала—почему правительство Соединенныхъ Штатовъ разсчитываетъ посредствомъ контрафакціи «поощрить» національную промышленность?—Мы думаемъ наоборотъ, что уничтоженіе авторскаго права убьетъ литературу—а, слѣдовательно, и промышленность, съ нею связанную. 3) Если правительство Соединенныхъ Штатовъ считаетъ, что контрафакція «поощряетъ» національную промышленность,—то почему оно не лишаетъ авторскаго права и авторовъ національныхъ? Послѣднія, очевидно, въ такой же степени «даютъ работу и фабриканту бумаги, и словолитчику, и переплетчику» и друг.— Слѣдовательно, по взгляду правительства Соединенныхъ и національные авторы въ равной степени должны быть лишены авторскаго права въ видахъ развитія промышленности. Лишать же иностранца авторскаго права, сохраняя его за авторомъ національнымъ — это проповѣдывать ту теорію, которая, по словамъ пастора д-ра Henry Van Dyke, сводится къ слѣдующему: «Грѣхъ украсть булавку; ну, а книгу у англичанина украсть—это не грѣхъ» [25]).

20.—Еще меньше защиты признаетъ правительство Соединенныхъ Штатовъ для произведеній драматурговъ. По теоріи американцевъ, «въ Соединенныхъ Штатахъ изданіе драматическаго произведенія равняется отказу отъ авторскаго на него права» [26]). (Дѣло идетъ, конечно, о публичномъ исполненіи).

---

[25]) Droit d'auteur 1888 p. 26 статья: «Une conférence sur la propriété littéraire aux Etats-Unis».

[26]) Journal de droit intern. 1885 p. 476 ss.

Итакъ, только пьесы въ манускриптахъ даютъ автору исключительное право публичнаго исполненія не столько по законодательству, сколько по физической невозможности достать списокъ съ оригинала, тщательно оберегаемаго авторомъ или директоромъ театра. Впрочемъ, ловкость американскихъ антрепенеровъ обходитъ и это затрудненіе. Чувствуя какое-то точно инстиктивное отвращеніе договариваться съ авторами, они соглашаются на какіе угодно расходы, чтобы только достать запрещенный текстъ иллегальнымъ путемъ. Кажется, было бы такъ просто заплатить директору театра извѣстную сумму, которая, вѣроятно, не многимъ превзойдетъ расходы, необходимые, напримѣръ, для такого маневра, передаваемаго газетой Deutche Presse [28]): «Американскіе стенографы проникаютъ, вооружившись карандашами, въ нѣмецкіе театры, чтобы набросать текстъ драмы или комедіи, представляемыхъ къ первый разъ и еще не появившихся въ продажѣ въ печатномъ изданіи. Укравъ такимъ образомъ текстъ пьесы, они отправляютъ ее, со всѣми неизбѣжными при стенографированіи и спѣшной перепискѣ ошибками, въ Нью-Іоркъ и тамъ, измѣнивъ названіе, бросаютъ въ ту пропасть, которая все поглащаетъ и которая называется: публика».

21.—Подобное покровительство международной контрафакціи не могло не отразиться самымъ рельефнымъ образомъ на всей книжной торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ. Книгоиздатели, по примѣру Бельгіи и Голландіи, также устроили у себя право «перваго завладѣнія изданіемъ», или, какъ они называютъ,—«courtesy copyright». Слѣдствіемъ установленія этого «права», конечно, было развитіе дѣятельности издателей, направленной на то, чтобы прежде другихъ достать, какими бы то ни было путями, новое изданіе. Издатели Соединенныхъ Штатовъ отказывались платить авторамъ—и платили, вмѣсто того, громадныя суммы всякаго рода темнымъ личностямъ, воровавшимъ сырые еще корректурные листы,—платили за наемъ спеціальныхъ пароходовъ, на которыхъ изготовлялся наборъ во время перехода въ Америку,—платили за

[28]) См. № 1, 1888 года.

телеграммы, которыя передавали полный текстъ новаго изданія. Вообще, эта погоня во многомъ напоминаетъ того парижанина, который, по словамъ Бальзака, считалъ слишкомъ дорогимъ заплатить за какую-то книгу 5 франковъ и потому истратилъ чуть не 6 франковъ на извощиковъ, отыскивая тотъ магазинъ, гдѣ ему, дѣйствительно, продали бельгійскую контрафакцію за 2 франка.

Все то, что мы только что говорили о сумашедшихъ расходахъ американскихъ издателей во время погони за первымъ экземпляромъ, подтверждается фактами. Выше мы уже разъ упомянули о той книгѣ, которую издала въ февралѣ 1887 года королева Викторія. Спеціальные агенты телеграфировали ее въ теченіи 24 часовъ—по мѣрѣ полученія телеграммъ онѣ набирались въ Америкѣ, и черезъ 12 часовъ послѣ прибытія послѣдней телеграммы—книга была пущена въ продажу.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ—говоритъ Valadon [29])—одинъ изъ большихъ англійскихъ издателей L. купилъ за громадную сумму (10,000 фунтовъ) манускриптъ романа Endymion лорда Биконсфильда. Цѣна была высокая, но издатель разсчитывалъ на большую продажу не только въ Англіи, но и въ Америкѣ, ибо произведенія перваго министра Англіи возбуждали сильный интересъ въ обѣихъ странахъ. L. приготовлялъ свое изданіе въ большихъ размѣрахъ, не стѣсняясь временемъ. Одинъ изъ американскихъ издателей подкупилъ у L. рабочаго, который досталъ отдѣльные листы книги. Спеціальный пароходъ съ большимъ количествомъ наборщиковъ былъ приготовленъ заранѣе; лишь только оттиски были получены, онъ отправился въ море. Въ теченіи перехода весь наборъ былъ конченъ, такъ что по прибытіи осталось только «faire rouler les machines». Ловкій американецъ пустилъ, такимъ образомъ, романъ Дизраэли одновременно съ англійскимъ изданіемъ и составилъ себѣ цѣлое состояніе. За то, чтобы получить первый оттискъ послѣдняго сочиненія Ливингстона, одинъ американскій издатель заплатилъ 25,000 франковъ. Не проще ли было заплатить ихъ въ видѣ гонорара автору? Намъ кажется, что, отчасти,

[29]) Journal de droit intern. 1888 p. 322 s.

причина этого ненормальнаго явленія лежитъ въ характерѣ американской публики, которая требуетъ сенсаціонныхъ tour d'adresse'овъ: заплатить автору—слишкомъ просто; заплатить ворамъ, спеціальному пароходу—это составляетъ великолѣпную рекламу.

22.—Убытки, которые приносили американскіе контрафакторы англійскимъ издателямъ—неисчислимы. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ привести только одинъ — два факта изъ тѣхъ, которые собраны въ краснорѣчивой и краткой замѣткѣ Réné Valadon [30]).

Фирма Goupil et C-ie издала въ мартѣ 1887 года великолѣпнѣйшую гравюру, изображающую картину Рембрандта Ronde de nuit. Доска обошлась въ 100,000 frs., такъ что оттиски, выпущенные, къ тому же, въ весьма ограниченномъ количествѣ, продавались по очень высокой цѣнѣ (до $2^1/_2$ тысячъ франковъ). Въ маѣ мѣсяцѣ того же года гравюра уже была выпущена американскими контрафакторами по *одному* доллару (2 рубля) за штуку. По этому поводу г-нъ Valadon справедливо замѣчаетъ: «и все это происходитъ на глазахъ американскихъ судовъ, чуть что не поощряющихъ подобныя дѣйствія! И этотъ честный ремесленникъ, авторъ контрафакціи, нисколько не стыдится своего поступка, не падаетъ въ общественномъ уваженіи: вѣдь онъ ничего противнаго американскимъ законамъ не сдѣлалъ—онъ только обокралъ иностранца» [31]).

Но вредъ, наносимый этими контрафакторами произведеніямъ искусства, еще не такъ великъ въ сравненіи съ тѣмъ, что приносятъ контрафакторы литературные. Въ самомъ дѣлѣ. Спѣшное воспроизведеніе, хотя бы, напримѣръ, вышеуказанной гравюры, воспроизведеніе, разсчитанное на *дешевизну*, конечно, не можетъ представлять ничего болѣе, какъ грубую лубочную картину въ сравненіи съ первымъ, оригинальнымъ изданіемъ, такъ что истинные знатоки (какъ ихъ ни мало,— но они есть) не пожалѣютъ большей суммы денегъ, но возьмутъ то, что представляетъ дѣйствительное произведеніе искус-

---

[30]) Journal de droit internat. 1888 p. 330.

[31]) ibid. p. 332.

ства. Совсѣмъ не то съ книгами. Контрафакторъ можетъ издать книгу дешевле и, въ то же время, богаче и лучше;—да наконецъ,всякій экземпляръ одинаково передаетъ красоты оригинала, хотя бы онъ былъ напечатанъ допотопными литерами. Не мудрено, что покупатель уже выбираетъ не между произведеніемъ искусства и грубой контрафакціей, а между двумя произведеніями искусства, изъ которыхъ одно—дорогое, а другое—дешевое. Вотъ почему такъ страдали англійскіе книгоиздатели отъ безстыдной дѣятельности своихъ американскихъ собратьевъ, сбивавшихъ цѣны до невозможнаго minimum'а.

Вотъ интересная таблица, которую Шершеневичъ воспроизводитъ [32]) изъ «писемъ» Сагеу.

Цѣна въ доллярахъ.	Въ Англіи.	Въ Америкѣ.
Маколей, Исторія Англіи (томъ).	4,50	0,40
Hallam's Middle Ages	7,50	1,75
Braude's Encyclopedia	15,00	4,00
		и т. д.

Положеніе англійскихъ издателей было тѣмъ болѣе ненормально, что сбытъ англійскихъ изданій былъ заранѣе обезпеченъ въ Америкѣ, гдѣ говорятъ тѣмъ же языкомъ и гдѣ литературные вкусы тѣ же, что и въ прежней метрополіи. Къ тому же *американскіе* издатели вполнѣ могли защищать свои интересы въ *Англіи*, издавая тамъ свои сочиненія, какъ это сдѣлали, напримѣръ Hantorne (романистъ) и Mathey (историкъ) (Англійское законодательство защищаетъ всѣ изданія, появившіяся на территоріи Великобританіи,—американское же защищаетъ только изданія своихъ подданныхъ и резидентовъ, при чемъ послѣдній терминъ служилъ вѣчнымъ камнемъ преткновенія при интерпретаціи закона).

23.—Не меньше страдали и издатели нѣмецкіе. Мы не считаемъ нужнымъ распространяться о количествѣ эмигрантовъ, въ особенности, нѣмецкихъ, ежегодно переселяющихся въ Соединенные Штаты—фактъ этотъ общеизвѣстенъ. И вотъ именно эти-то эмигранты и составляютъ многочисленную пу-

[32]) Шершеневичъ. Авторское право, стр. 13.

блику, которой американскіе издатели преподносятъ контрафакціи, частью въ переводахъ, частью—въ оригиналѣ. По этому поводу Chauvegrin [33]) говоритъ слѣдующее: «Статистика показываетъ, что періодическія изданія, появляющіяся на нѣмецкомъ языкѣ въ Штатахъ: Калифорнія, Массачузетъ, Мичиганъ, Нью-Іоркъ, Нью-Джерсей, Огіо, Орегонъ и Пенсильванія,—содержатъ громадное количество контрафакцій. При разсмотрѣніи только одного номера каждаго изъ такихъ изданій (всего около 400)—въ нихъ было найдено 347 статей перепечатанныхъ незаконнымъ образомъ изъ германскихъ журналовъ».

Дерзость американскихъ издателей достигла крайнихъ своихъ предѣловъ, когда они захотѣли воспользоваться дешевизной рабочихъ рукъ въ Германіи, чтобы работать свои контрафакціи въ самой Германіи, оправдываясь тѣмъ, что контрафакціи предназначены спеціально для Америки. Мѣстный судъ даже призналъ такую точку зрѣнія, по какому то странному недоразумѣнію,—за правильную. Къ счастью, рѣшеніе было отмѣнено Рейхсгерихтомъ (см. рѣшеніе 1 октября 1883 г.).

Не мудрено, что въ Германіи уже давно былъ поднятъ вопросъ о прекращеніи этой «amerikanische Freibeuterei». Въ 1883 году, комитетъ ассоціаціи германскихъ писателей представилъ имперскому канцлеру петицію о заключеніи съ Соединенными Штатами литературной конвенціи. Петиція эта до сихъ поръ не получила движенія, и потому недавно вопросъ опять поднятъ еще въ болѣе энергичной формѣ, по почину мюнхенскаго издателя Ackermann'a.

24.—Но всего сказаннаго мало. Само правительство Соединенныхъ Штатовъ съ недавнихъ поръ стало сознавать всю невыгодность подобнаго положенія дѣла (отсутствіе защиты иностранныхъ авторовъ) для собственныхъ ихъ національныхъ авторовъ. Великолѣпнѣйшимъ доказательствомъ того, какъ гибельна для страны свобода международной контрафакціи—можетъ служить та петиція американскихъ авторовъ, въ ко-

[33]) Journal de droit international, 1886 p. 435.

торой они просятъ *обезпечить иностраннымъ авторамъ вознагражденіе и полное авторское право*, для того чтобы спасти отъ полной погибели *національную* литературу. Положеніе это кажется парадоксальнымъ: платить иностранцамъ для того, чтобы покровительствовать національной литературѣ. Между тѣмъ, положеніе это станетъ вполнѣ яснымъ для всякаго, кто пожелаетъ вникнуть въ самую сущность дѣла. Позже, мы еще вернемся къ этому вопросу (см. заключеніе).

Сознавая подобную анормальность того положенія, которое создается для національныхъ авторовъ и художниковъ свободой конкурренціи дешевыхъ иностранныхъ контрафакцій, правительство Соединенныхъ Штатовъ много разъ старалось помочь горю. Къ сожалѣнію, всѣ его старанія были направлены до сихъ поръ по ложному пути: до послѣдняго времени это правительство упорно продолжало думать, что, дозволяя свободную контрафакцію, оно кому то доставляетъ услугу, кому то покровительствуетъ (кромѣ, конечно, тѣхъ лицъ, что воруютъ корректурные листы). Способы же, которыми правительство Соединенныхъ Штатовъ хотѣло помочь національной литературѣ и національному искусству, весьма наивны, если не сказать больше. Въ самомъ дѣлѣ, для спасенія отъ вторженія иностранныхъ авторовъ и артистовъ, всѣ книги и гравюры были обложены ввозной пошлиной въ 25%, а картины—30% [34]). Мы говоримъ «наивны», ибо никогда никому въ Америкѣ не мѣшали ввозимыя книги. Мѣшали же и мѣшаютъ національнымъ авторамъ только мѣстныя контрафакціи.

Относительно пошлины на картины, г-нъ Valadon справедливо замѣчаетъ: «насколько я знаю, правительство Соединенныхъ Штатовъ является первымъ, которое бы стало принимать мѣры для затрудненія ввоза въ страну произведеній искусства; замѣтимъ также, что является непонятнымъ— если, какъ говорятъ, эта мѣра принята для облегченій участи американскихъ художниковъ — почему правительство Соединенныхъ Штатовъ не дѣйствуетъ послѣдовательно, и, всетаки, отказываетъ къ защитѣ иностраннымъ авторамъ, точно не

[34]) Darras, цит. соч. p. 327.

понимая что послѣдняя мѣра явится благодѣяніемъ для авторовъ національныхъ» [34]).

25.—Та петиція, о которой мы упоминали выше,—не единственная въ своемъ родѣ. Такъ Bowker въ своемъ обширномъ сочиненіи [35]) приводитъ петицію подписанную весьма многими американскими писателями, просившими также установленія авторскаго права для иностранцевъ. Въ самое послѣднее время не мало сдѣлали митинги, на которыхъ формулировалось все то же желаніе; изъ этихъ митинговъ мы уже упоминали о томъ, на которомъ пасторъ Van Dycke (въ Вашингтонѣ) если и не очень доказательно со стороны юридической, то, всетаки, очень краснорѣчиво и убѣдительно громилъ «le péché national de la piraterie littéraire».

Дѣло въ томъ—говоритъ онъ [36])—что «нравственные законы составляютъ точку соприкосновенія всѣхъ народовъ; прежде всего мы должны обращать вниманіе не на выгодность извѣстнаго закона, а на его справедливость.... Какъ ошибаются тѣ, кто говоритъ, что прежде всего нужно дать народу книги за дешевую цѣну! По моему нужно поставить вопросъ иначе: хочетъ ли американскій народъ удовлетворять свою любовь къ чтенію честнымъ или нечестнымъ путемъ? Если мой сосѣдъ любитъ хорошее освѣщеніе — вѣдь это еще не значитъ, что ему можно воровать у меня свѣчи» [37]).

Въ самое послѣднее время, правительство Соединенныхъ Штатовъ, рѣшилось, наконецъ, сдѣлать первый шагъ по пути защиты иностранныхъ авторовъ. Ниже (см. §§ 145—148) мы увидимъ изъ разбора послѣдняго американскаго закона объ авторскомъ правѣ, насколько еще малъ и незначителенъ этотъ первый шагъ.

---

[35]) A summary of the principles and laws of copyright.

[36]) Droit d'auteur 1886 p. 26.

[37]) Литература объ американской контрафакціи очень богата. Укажемъ: Bowker, цит. соч. p. 33 ss.— Bulletin de la société de législation comparée 1881 p. 251,— Bulletin de l'association littéraire internationale 1-ère série 11 № p. 6. — Droit d'auteur, 1888 нумера отъ 15 Февраля и 15 Апрѣля 1888 года. — Bricon. Les droits d'auteurs dans les rapp. internat. p. 96 ss.

26. Какъ на одинъ изъ центровъ контрафакціи, нужно еще указать на Турцію и Египетъ. Этому способствовало, во первыхъ, недостаточное количество національныхъ писателей и, во вторыхъ, то громадное количество иностранцевъ-европейцевъ, которые, живя въ этихъ странахъ, требовали умственной пищи. Вспомнимъ еще, насколько, вообще, смутны понятія объ основныхъ принципахъ права въ этихъ государствахъ—и мы ясно представимъ себѣ, какъ мало защиты для иностранныхъ и даже туземныхъ авторовъ можно ожидать въ Турціи или Египтѣ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить слѣдующаго недавняго рѣшенія Александрійскаго смѣшаннаго суда отъ 8 Мая 1889 года, воспроизведеннаго въ іюльской книгѣ [38]) журнала «Chronique de la Société de gens de lettres».

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого рѣшенія, дѣлающаго честь судьямъ и дающаго возможность возложить широкія надежды на скорое упроченіе авторскихъ правъ въ Египтѣ.

«Принимая въ соображеніе, что отсутствіе какого бы то ни было спеціальнаго закона для защиты литературной собственности въ Египтѣ не можетъ, очевидно, уничтожить, этого права въ принципѣ — а только помѣщаетъ его подъ защиту (согласно § 36-му устава смѣшанныхъ египетскихъ судовъ) общихъ принциповъ права и справедливости; — что подобные принципы очевиднымъ образомъ требуютъ защиты всякаго права собственности, а въ томъ числѣ литературной; — что возраженіе, будто пріобрѣтенія одного экземпляра даетъ покупателю право оный воспроизводить, — не выдерживаетъ критики, такъ какъ подобный покупатель пріобрѣтаетъ только право личнаго пользованія экземпляромъ; — что и т. д. Постановляемъ...».

На крайнемъ Востокѣ авторское право не защищается ни законами, ни международными трактатами [39]).—Относительно положенія Россіи въ дѣлѣ международной контрафакціи см. спеціально заключеніе.

---

[38]) 1889, стр. 146.

[39]) См. Journal de dr. internat. 1887 p. 72.

27.—Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, какъ печально положеніе иностранныхъ авторовъ въ тѣхъ странахъ, которыя ихъ интересовъ не защищаютъ, и насколько, поэтому, желательно какъ можно скорѣе уничтожить это ненормальное и вредное положеніе. Впрочемъ, изъ этого же очерка отчасти уже видно, что всѣ цивилизованныя государства (кромѣ Россіи) проникаются теперь, мало-по-малу, идеей справедливости, и, освобождаясь отъ средневѣковыхъ воззрѣній, приближаются къ полному уравненію правъ иностранныхъ авторовъ и національныхъ.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію того вопроса, какимъ образомъ, мало-по-малу, различныя государства достигли современнаго развитія ихъ законодательствъ относительно положенія иностранныхъ авторовъ, мы не можемъ не отдать должнаго Франціи, которая первая прониклась идеей покровительства лицамъ, двигающимъ нашу интеллектуальную жизнь: ученымъ, писателямъ, художникамъ, музыкантамъ и т. д. — и первая положила основаніе, между прочимъ, защиты не только національныхъ, но и иностранныхъ авторовъ, безъ всякаго ограниченія для послѣднихъ. Стыдно становится за Россію, когда подумаешь, что мы отказываемся признать, хотя бы на условіи взаимности и прочихъ ограниченій,—то, что Франція безусловно признала уже 40 лѣтъ тому назадъ. Стыдно подумать, что въ Россіи находились люди, которые ратовали за уничтоженіе тѣхъ двухъ конвенцій, которыя, въ сущности, почти ничѣмъ не защищали авторскаго права— ратовали въ то время, какъ другія государства подписывали Бернскую Конвенцію.

2. Постепенное развитіе защиты иностранныхъ авторовъ въ законодательствахъ.

28.—Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, защита даже національныхъ авторовъ не восходитъ позже конца XVIII столѣтія (защита, конечно, не случайными привилегіями, а положительными законодательствами). Поэтому, было бы напрасно,

тѣмъ паче, искать въ законодательствахъ европейскихъ государствъ даже середины прошлаго вѣка какихъ либо слѣдовъ защиты правъ иностранныхъ авторовъ. Эта защита не могла явиться раньше защиты авторовъ національныхъ. Послѣдніе же въ первый разъ были защищены законами 13 Января 1791 года и 17 Іюля 1793 (французскими). Посмотримъ, поэтому, прежде всего, насколько эти два закона, легшіе въ основаніе всѣхъ послѣдующихъ, защищали права иностранныхъ авторовъ, а потомъ отмѣтимъ главныя черты законодательствъ важнѣйшихъ государствъ Европы къ началу XIX вѣка по вопросу о защитѣ интересовъ иностранныхъ авторовъ, обративъ спеціальное вниманіе на Германію, Англію и Соединенные Штаты (Россія до 1838 года никакого законодательства по этому вопросу не имѣла).

29.—*Франція.* Революція 1789 года уничтожила всякія королевскія привилегіи, въ томъ числѣ — и авторскія. Но авторское право не долго оставалось безъ защиты въ этотъ періодъ, — бурный, но справедливый къ интересамъ частныхъ лицъ. Люди революціи не могли оставить въ своей всеобъемлющей дѣятельности безъ вниманія интересовъ авторовъ, — и вотъ, два закона, слѣдовавшіе одинъ вскорѣ послѣ другого, утвердили, наконецъ, на прочныхъ началахъ авторское право («propriété littéraire et artistique»).

Для большаго удобства, мы воспроизводимъ здѣсь тѣ два параграфа этихъ законовъ, которыя относятся къ разбираемому нами вопросу.

Законъ 13 Января 1791 года, статья 3: «Запрещается ставить на сценѣ какого бы то ни было театра, находящагося на территоріи Республики, драматическія прозведенія авторовъ, еще находящихся въ живыхъ, безъ особаго письменнаго на то разрѣшенія послѣднихъ. Виновные въ нарушеніи этого постановленія и т. д.

Законъ 17 Іюля 1793 года статья 1: «Авторы произведеній литературы всѣхъ видовъ (les auteurs d'écrits en tous genres), композиторы, художники и граверы, издающіе воспроизведенія рисунковъ и картинъ—имѣютъ при жизни исключительное право продавать и распространять (distribuer) свои

произведенія на всей территоріи Республики, а также передавать оное право другимъ лицамъ—цѣлостью или по частямъ.

Для болѣе подробнаго выясненія того значенія, которое имѣли эти два закона для иностранцевъ, необходимо рѣшить слѣдующіе два вопроса.

30.—*I. Защищаютъ ли эти законы интересы иностранца, первый разъ издающаго свое сочиненіе во Франціи?*—На этотъ вопросъ всѣ французскіе юристы отвѣчаютъ утвердительно [39]). Можетъ быть, законодатель и не думалъ о защитѣ интересовъ иностранцевъ, но нельзя не признать, что молчаніе закона слишкомъ краснорѣчиво: законодатель ни единымъ словомъ не обмолвился относительно своего взгляда на иностранцевъ, и они, слѣдовательно, подпадаютъ подъ дѣйствіе общаго правила. Законъ защищаетъ «écrits en tous genres» — выраженіе настолько обще, что вполнѣ объясняетъ защиту иностранцевъ. Darras [40]) выясняетъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе, съ точки зрѣнія своего весьма возвышеннаго взгляда на право авторовъ. Во всякомъ случаѣ, онъ приходитъ, въ концѣ концовъ, къ тому же заключенію.... «Вопросъ заключался въ необходимости защитить всякія произведенія, впервыя напечатанныя на французской территоріи. Авторъ иностранецъ, издавая свое сочиненіе во Франціи, подчиняется нашему законодательству; за неумѣстную рѣзкость онъ будетъ отвѣчать передъ нашими судами—и, можетъ случиться, понесетъ не малую кару. Но разъ онъ находится въ опасности испытать всю строгость французскихъ законовъ—онъ долженъ имѣть право пользоваться тѣми выгодами, которыя они предоставляютъ, напримѣръ, для борьбы съ контрафакторами. Законодательство всякой страны есть нераздѣльное цѣлое, и законъ, который можетъ васъ наказать, долженъ васъ и защищать». Къ сожалѣнію, Darras здѣсь смѣшиваетъ полицейское преслѣдованіе сочиненія и защиту авторскаго права—двѣ вещи, которыхъ

---

[39]) См. Renault p. 119.—Gastambide, Traité de contrefaçon p. 91.—Renouard—Traité T. II p. 206.—Clunet, Etude sur la convention de Berne p. 7.

[40]) Цит. соч. p. 223.

нельзя противополагать ни въ какомъ случаѣ. Punir—protéger не значитъ: наказывать за нарушеніе полицейскихъ постановленій и вознаграждать сохраненіемъ авторскаго права, ибо эти два понятія не контрастируютъ и составляютъ вещи несоизмѣримыя. Понятію же «полицейское преслѣдованіе сочиненія»—противоположнымъ будетъ: премія, вознагражденіе за изложеніе возвышенныхъ и согласующихся съ настроеніемъ правительства идей (еслибы такія преміи, конечно, существовали: нѣчто вродѣ Prix Montion за литературную добродѣтель).

Впрочемъ, какъ бы то ни было, но законъ и всѣ судебныя рѣшенія (см. Dalloz) начала этого столѣтія всегда защищали интереса иностранцевъ, издававшихъ свое сочиненіе впервые на французской почвѣ.

31.—*II. Защищали ли эти законы интересы французскихъ авторовъ, издававшихъ свои сочиненія заграницей?*—При рѣшеніи этого вопроса французскіе юристы расходятся. Нѣкоторые [41]) считаютъ, что «французъ, издающій свое сочиненіе за-границей не теряетъ отъ этого своего права на защиту, гарантируемую закономъ всѣмъ французскимъ подданымъ», что «французскіе законы сдѣланы для французовъ». Намъ кажется, что болѣе правильна точка зрѣнія принятая другою стороной [42]). Въ самомъ дѣлѣ, изъ чтенія полнаго текста законовъ очевидно, что французскій законодатель имѣлъ въ виду только тѣхъ авторовъ, которые оказываютъ своими сочиненіями услугу Франціи. «Общество гарантируетъ авторамъ своего рода привилегію потому, что взамѣнъ даруемыхъ исключительныхъ правъ—оно получаетъ отъ этихъ авторовъ сочиненія, которыя могутъ быть выпущены въ свѣтъ только именно при существованіи такого условія. Если же авторъ уже издалъ свое сочиненіе за-границей—онъ не можетъ требовать во Франціи никакихъ правъ: онъ не можетъ произвести такой мѣны сочи-

---

[41]) См. Darras op. cit. p. 241.—Dalloz. Répertoire, propr. littéraire № 330,—Pataille. Code international p. 45·

[42]) См. Renault p. 121. Rénouard T. II p. 178. Journal de droit international 1888 pp. 251 и 267.

нія на права—ибо сочиненіе уже ему не принадлежитъ, уже находится въ общественномъ пользованіи» [43]).

Взглядъ этотъ ошибоченъ въ томъ отношеніи, что Renouard не принимать во вниманіе слѣдующаго: книга издана заграницей, и всякій, кто покупаетъ ея экземпляры пользуется услугой автора—слѣдовательно, всякій разъ, какъ покупается экземпляръ изданія—услуга повторяется и должна быть оплачена (если уже принимать исторію Renouard'a объ, указанной «услугѣ»). Не вѣрно считать, что французская публика уже «se trouve en possession» той книги, которая уже издана заграницей. Если бы французская публика, дѣйствительно уже владѣла книгой—она не нуждалась бы въ контрафакціи. Разъ существуетъ спросъ на изданіе (удовлетворяемый контрафакціей)—значитъ существуетъ спросъ на услуги автора, спросъ, который можетъ быть удовлетворенъ только въ томъ случаѣ законно, если автору будетъ уплачена равноцѣнность. Итакъ, взглядъ Renouard'a неправиленъ, но нужно признать, что именно этотъ взглядъ положенъ въ основаніе вышеуказанныхъ законовъ, стоящихъ на строго-утилитарной точкѣ зрѣнія. «Французъ не оказываетъ услуги республикѣ, печатая свои сочиненія за-границей,—слѣдовательно, республика не должна его вознаграждать». «Le Français se fait étranger en publiant hors de France la première édition de son ouvrage» [44]).

Итакъ, законы 1791 и 1793 года не защищали интересовъ французскихъ авторовъ, печатавшихъ первыя изданія своихъ сочиненій за-границей. «Les lois de 1793 et de 1810 n'accordent aucune protection en France aux ouvrages publiés en pays étranger» [45]).—A fortiriori, законы эти не защищали интересовъ тѣхъ иностранцевъ, которые издавали свои сочиненія на родинѣ [46]).

Подобный взглядъ, конечно, не можетъ быть признанъ особенно удачнымъ. Результаты его часто доходили до абсурда. Французъ издаетъ въ Германіи свое сочиненіе, гдѣ оно

[43]) См. Renouard, op. cit. T. II p. 178.

[44]) ibid.

[45]) Кассація 25 Іюля 1887 года. Journal Clunet 1888 p. 267.

[46]) Contrà—Darras, цит. соч. p. 225.

раскупается, положимъ, до послѣдняго экземпляра. Тогда онъ ѣдетъ во Францію, издаетъ тамъ второе изданіе—и законъ не признаетъ за нимъ никакой защиты.

32.—Изъ разбора данныхъ двухъ вопросовъ видно, что законы 13 Января 1791 года и 17 іюля 1793 года проводятъ послѣдовательнымъ образомъ принципъ территоріальности. «Эти законы, такимъ образомъ, обращали вниманія на—если такъ можно выразиться—національность изданія; обстоятельство это составляло очень странную аномалію въ французскомъ законодательствѣ, которое обыкновенно защищаетъ права не обращая вниманія на мѣсто ихъ возникновенія» [47]). Но нужно отдать справедливость этимъ законамъ въ томъ отношеніи, что они хотя отчасти сравнивали права иностранныхъ и національныхъ авторовъ—шагъ впередъ былъ большой, не смотря на то что въ нѣкоторыхъ случаяхъ иностранные и даже національные авторы были поставлены въ невозможность защитить свои самыя законныя права.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію законодательствъ Германіи къ концу XVIII вѣка по вопросу о защитѣ иностранныхъ авторовъ, мы должны отмѣтить слѣдующіе главные пункты [48]).

33.—*Германія*. Относительно международной защиты авторскаго права—Германіи принадлежитъ честь перваго провозглашенія (въ теоріи) принципа полнаго уравненія иностранныхъ и національныхъ авторовъ. Именно, аугсбургскій юристконсультъ Pütter въ своемъ сочиненіи о контрафакціи, изданномъ въ 1774 году, выясняетъ свой взглядъ, весьма благопріятный для иностранцевъ. Онъ говоритъ, что контрафакція [49]) одинаково преступна, когда она посягаетъ на сочиненія какъ иностранныхъ, такъ національныхъ подданыхъ.

Разсматривая, насколько германскія законодательства слѣдовали этому принципу, мы приходимъ къ заключенію,—что во времена господства привилегій иностранцы пользовались въ Германіи всѣми тѣми правами на свои сочиненія, какія

---

47) Renault, цит. соч. p. 122.

48) Ср. Darras, ibid. p. 181—185.

49) Ср. Darras, op. cit. p. 1881.

были гарантированы и подданнымъ національнымъ. Даже больше: главный центръ контрафакторовъ, Лейпцигъ, всетаки, понималъ, что не на контрафакціи онъ долженъ былъ основывать свое благосостояніе, а на расширеніи своей книжной торговли привлеченіемъ значительнаго количества иностранцевъ. Laboulaye въ обширной статьѣ, помѣщенной въ первомъ томѣ Revue historique de Droit français et étranger [50]) воспроизводитъ полную картину той длинной процедуры, которой подвергались мѣстные авторы, желавшіе получить привилегію на свое сочиненіе. Для привлеченія же иностранцевъ «эти формальности были уничтожены, и простой записи въ Лейпцигскій регистръ дано было такое же значеніе, какъ и привилегіи» [51]).

Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ слѣдующій фактъ: привилегіи признавали право иностранцевъ на защиту ихъ интересовъ наравнѣ съ національными авторами, и даже безъ соблюденія тѣхъ формальностей, которыя требовались отъ послѣднихъ. Національные и иностранные авторы въ Саксоніи защищались закономъ даже безъ испрошенія привилегіи, причемъ въ подобномъ случаѣ законъ защищалъ только тѣхъ національныхъ авторовъ, которые издавали сочиненія на родинѣ и *всѣхъ* иностранцевъ, при одномъ условіи взаимности. Такимъ образомъ, этотъ Саксонскій законъ стоялъ впереди всѣхъ другихъ современныхъ ему, по характеру приближаясь къ законодательствамъ середины XIX столѣтія: онъ защищалъ даже иностранныя изданія иностранныхъ авторовъ, при условіи, конечно, взаимности [52]). Общій кодексъ прусскихъ государствъ 1791 года утверждалъ тотъ же принципъ, дозволяя [53]) контрафакцію изданій, принадлежащихъ перу подданныхъ только тѣхъ государствъ, которыя дозволяютъ контрафакцію по отношенію къ прусскимъ авторамъ.

Во всякомъ случаѣ, нельзя не признать, что въ концѣ прошлаго столѣтія, по отношенію къ защитѣ иностранныхъ

[50]) Стр. 272—300.
[51]) ibid. p. 285.
[52]) См. Laboulaye Op. cit. p. 286.
[53]) § 1033—Darras p. 184.

авторовъ, Германскія государства, въ большинствѣ случаевъ, стояли впереди другихъ странъ, признавъ уже въ это время принципъ взаимности. Впрочемъ, постановленія этихъ законовъ не имѣли особенной практической важности, ибо 1) не было еще государствъ, съ которыми можно было бы взаимно защищать интересы авторовъ (кромѣ Германіи, нигдѣ въ это время не признавался принципъ защиты иностранныхъ авторовъ въ заграничныхъ изданіяхъ). 2) по § 1027 того же кодекса *переводы* считались за оригинальныя произведенія, а мы знаемъ, что никакая международная защита не имѣетъ значенія, разъ не защищается право исключительнаго перевода [54]).

Итакъ, права иностранныхъ авторовъ уже защищались въ концѣ прошлаго вѣка въ нѣкоторыхъ германскихъ государствъ.

34.—*Соединенные Штаты.* Въ концѣ прошлаго вѣка, Штаты были еще въ зачаточномъ состояніи. Не мудрено, что тогда право авторовъ мало защищалось въ ихъ предѣлахъ. Darras приводитъ только два закона гарантирующихъ авторское право. Не нужно забывать, что въ тѣ времена Штаты еще имѣли различныя законодательства и сохраняли полный суверенитетъ. Насколько мало было развито представленіе объ авторскомъ правѣ въ Америкѣ въ это время, можно судить изъ того, что вышеупомянутые два закона (Коннектикутъ отъ 10 января 1783 года и Массачузетсъ въ мартѣ того же года) не защищаютъ безусловно даже подданныхъ другихъ Штатовъ. Законы эти *могутъ* быть распространены на подданныхъ тѣхъ государствъ и Штатовъ Сѣверной Америки, которые будутъ руководиться въ дѣлѣ защиты авторскихъ правъ—схожими законами. Изъ этого слѣдуетъ: 1) что гарантія не распространяется на всѣхъ членовъ Сѣверо-Американской Федераціи, какъ таковыхъ, и 2) что могутъ быть защищаемы авторы и другихъ государствъ, кромѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

Но послѣднее положеніе не долго удержалось въ законодательствѣ Штатовъ, ибо оно было категорическимъ образомъ

[54]) Подробно—см. § 161.

отвергнуто резолюціей конгресса отъ 2 мая 1783 года, въ которой всѣмъ Штатамъ предлагалось обезпечить не менѣе, какъ на 14 лѣтъ исключительное право воспроизведенія—авторамъ или издателямъ новыхъ сочиненій, при условіи, чтобы *это право распространялось только на подданныхъ Соединенныхъ Штатовъ* [55]). Слѣдствіемъ этой резолюціи были законы штата Виргинія въ 1785 году, Нью-Іоркъ въ 1786 и друг.

Только 31 мая 1790 года, былъ, наконецъ, изданъ общій законъ, который и оставался въ силѣ почти цѣлыхъ сто лѣтъ; законъ этотъ защищалъ права тѣхъ, кто издавалъ въ первый разъ книгу, карту и т. д., но при условіи, чтобъ авторъ былъ подданнымъ Соединенныхъ Штатовъ, или имѣлъ бы тамъ постоянное мѣстожительство (т. е. былъ т. наз. resident). Послѣдній терминъ [56]) настолько узко интерпретировался юристами, что, въ концѣ концовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ стали защищаться исключительно собственные подданные.

Таково было положеніе законодательства у американцевъ, законодательства, котораго они свято придерживались цѣлый вѣкъ, не только не признавая принципа взаимности, но даже того азбучнаго принципа, по которому защищаются сочиненія изданныя на территоріи даннаго государства. Вмѣсто какой-либо защиты—правительство Соединенныхъ Штатовъ предпочитало покровительствовать контрафакціи, какъ выгодной отрасли промышленности—и только тогда оно принуждено было отступиться отъ своихъ воззрѣній, когда—какъ мы уже указывали выше—со всѣхъ сторонъ послышались крики негодованія, указывавшія, какъ губительна была эта «выгодная отрасль промышленности» не только для развитія эстетическихъ вкусовъ толпы, но для развитія литературы и искусства, и даже—для самой промышленности, для книжной торговли.

35.—Указанный выше законъ 31 мая 1790 года, общій для всѣхъ Штатовъ, обезпечивалъ авторское право на книги, морскія и земныя карты и т. д. въ теченіи 14 лѣтъ. Послѣд-

---

[55]) Ср. Drone. A treatise on the law... p. 87.—Darras op. cit. p. 189.

[56]) См. Solberg. De l'interpretation du mot «resident»—въ хроникѣ «Journal de l'imprimerie et de la librairie» Апрѣль 1887 года.

ній срокъ могъ быть удвоенъ, если къ моменту истеченія его авторъ находится еще въ живыхъ. Дѣйствіе закона распространялось, какъ уже сказано выше, только на гражданъ и residents Соединенныхъ Штатовъ. Отдѣломъ пятымъ даннаго закона законодатель, какъ будто бы, спеціально покровительствовалъ международной контрафакціи, объявляя, что ни одно изъ постановленій закона не могло «воспрепятствовать ввозу, продажѣ или изданію въ Соединенныхъ Штатахъ морскихъ или земныхъ картъ или книгъ, написанныхъ, изданныхъ или напечатанныхъ лицомъ, не принадлежащимъ къ числу подданныхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ» [57]).

Защита была распространена на гравюры и эстампы закономъ 29 апрѣля 1802 года (только на 14 лѣтъ, безъ дальнѣйшаго продолженія). Срокъ защиты былъ удвоенъ (до 28 лѣтъ) по закону 3 февраля 1831 года, причемъ могло послѣдовать его продолженіе еще на 14 лѣтъ въ пользу автора, если послѣдній былъ живъ къ концу этихъ 28 лѣтъ; въ случаѣ его смерти—въ пользу вдовы и дѣтей. Этотъ же законъ защищалъ впервые музыкальныя произведенія—но только отъ механическаго воспроизведенія.

Законъ 18 августа 1856 года обезпечилъ авторамъ драматическихъ произведеній исключительное право публичнаго исполненія, а законъ 1865 года [58]) обезпечилъ авторское право на фотографіи.

Наконецъ, всѣ отдѣльные законы были соединены въ законъ 8 іюля 1870 года, по которому срокъ защиты остался тотъ же, но въ число объектовъ авторскаго права, впервые, вошли: картины, рисунки, статуи и хромолитографіи. Въ 1873 году этотъ законъ былъ включенъ въ число revised statuts, гдѣ онъ составилъ параграфы 4948—4971 (глава 60-я).

Ни одинъ законъ не гарантируетъ права публичнаго исполненія—композиторамъ.

---

[57]) Journal Clunet 1891 p. 380.

[58]) 1861 года?

Только 3-го марта 1891 года былъ, наконецъ, изданъ законъ, гарантирующій права иностранцевъ, хотя и при очень стѣснительныхъ условіяхъ [59]).

36.—*Англія*. Въ концѣ прошлаго вѣка, положеніе иностранныхъ авторовъ въ Англіи было довольно неопредѣленно. По статуту 8 Anne ch. 19 (1710 года)—говоритъ Darras—«les auteurs étrangers virent leurs droits consacrés d'une manière certaine». Въ доказательство такого положенія онъ приводитъ переводъ слѣдующаго отрывка изъ этого закона, утверждая, что онъ долженъ распространяться и на иностранцевъ, въ виду его «termes généraux». Вотъ этотъ отрывокъ:

...«Авторы или издатели книгъ, выпущенныхъ въ свѣтъ послѣ 10 апрѣля 1710 года будутъ имѣть исключительное право перепечатывать и пускать въ продажу таковыя въ теченіи 14 лѣтъ со дня ихъ изданія, съ продленіемъ этой защиты еще на 14 лѣтъ, если авторъ находится въ живыхъ къ концу перваго срока».

Къ сожалѣнію, мы не могли достать подлинника всего этого закона, такъ же какъ и рѣшеній англійскихъ судовъ, на которыя ссылается Darras («вообще», безъ указанія источниковъ), и мы не можемъ не придти къ заключенію, что изъ одного вышеприведеннаго отрывка трудно заключить—какъ это дѣлаетъ Darras—что-либо о томъ, насколько законодатель хотѣлъ распространить защиту и на иностранцевъ. Впрочемъ и самъ Darras, въ концѣ концовъ, отказывается высказаться окончательно относительно того значенія, которое можетъ имѣть данный текстъ. «Даже допустивъ, что приведенный текстъ не даетъ достаточныхъ основаній для окончательнаго рѣшенія—можно предположить, что чувство справедливости, съ такой очевидностью и постоянностью обнаруживающейся въ постановленіяхъ англійскихъ судовъ, и въ данномъ случаѣ склонило-бы ихъ къ благопріятному рѣшенію контроверзы»—и прибавляетъ: «Voir par analogie Laboulaye p. 22».

Мы уже сказали выше, что не могли достать рѣшеній

---

[59]) Подробный разборъ этого закона см. §§ 145—193.

англійскихъ судовъ, а у Laboulaye въ цит. статьѣ на страницѣ 22-й мы нашли, дѣйствительно, параграфъ, трактующій въ общихъ чертахъ объ этомъ статутѣ, но безъ какихъ бы то ни было указаній насчетъ положенія иностранцевъ. Вотъ почему, мы склоняемся думать, что вышеупомянутый статутъ не защищалъ интересовъ иностранцевъ такъ безусловно, какъ это считаетъ Darras, въ особенности, потому—думаемъ мы—что впослѣдствіи англійское законодательство проводило самымъ послѣдовательнымъ образомъ принципъ не безусловной, а чисто-территоріальной защиты. Если Drone [60]) и приводитъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ можно заключить, что англійскіе суды иногда признавали авторское право иностранцевъ,—то изъ тѣхъ же примѣровъ видно, насколько эта защита была непослѣдовательна и часто неустойчива. Скоро, впрочемъ, суды стали рѣшительнымъ образомъ отказывать иностранцамъ въ защитѣ. Lyon-Caën [61]) приводитъ нѣсколько рѣшеній, изъ которыхъ видно, что иностранецъ, не пріобрѣталъ правъ даже на тѣ сочиненія, которыя онъ издавалъ въ Англіи, самъ тамъ не находясь—и, такимъ образомъ, не могъ передать права воспроизведенія подобнаго сочиненія какому-либо англійскому подданному.

Дальнѣйшее развитіе англійскаго законодательства было слѣдующее. Въ 1839 г. [62]) палатѣ лордовъ было предложено высказаться окончательнымъ образомъ по вопросу о защитѣ иностранныхъ авторовъ. Была выбрана коммиссія изъ одиннадцати юристовъ. Шесть высказались за защиту иностранцевъ, пять—противъ, но палата приняла сторону меньшинства, а ея рѣшеніе «имѣло силу закона для англійскихъ судей». Каковъ бы, такимъ образомъ, ни былъ смыслъ закона, но суды съ тѣхъ поръ отказывали въ защитѣ иностраннымъ авторамъ.

Впрочемъ, такой крайній взглядъ былъ скоро оставленъ, и англійскіе суды стали защищать интересы тѣхъ иностран-

---

[60]) Drone a. a. p. 222.

[61]) Lois françaises et étrangères T. 1 p. 261.

[62]) Ibid.

ныхъ авторовъ, которые издали свое сочиненіе впервые въ Великобританіи, находясь сами въ моментъ изданія на территоріи, подчиненной англійской юрисдикціи [63]).

37.—Впрочемъ, необходимо отмѣтить, что дѣйствіе этихъ законовъ въ значительной степени могло быть ослаблено, въ силу позднѣйшихъ биллей (1838, 1844, 1848 годовъ и т. д.). Въ особенности замѣчателенъ билль 10 мая 1848 года. Этотъ послѣдній разрѣшаетъ королевѣ особымъ распоряженіемъ, общимъ или спеціальнымъ, распространять гарантію отъ контрафакцій даже на тѣ сочиненія, которыя были напечатаны заграницей, впрочемъ, на срокъ не больше того, который обезпеченъ для англичанъ. При этомъ необходимо, всетаки, соблюдать нѣкоторыя условія.

Такъ, къ этимъ сочиненіямъ примѣняются всѣ дѣйствующіе англійскіе законы, за исключеніемъ необходимости представить опредѣленное количество экземпляровъ въ королевскую Библіотеку. То же самое наблюдается относительно гравюръ, произведеній скульптуры и всѣхъ прочихъ искусствъ. Для того, чтобы пользоваться защитой, иностранцы должны зарегистрировать свои сочиненія въ срокъ, опредѣленный распоряженіемъ.

Всѣ сочиненія, пользующіяся покровительствомъ подобнаго распоряженія—защищаются отъ контрафакціи во всѣхъ ея видахъ (ввозъ перепечатанныхъ изданій, ихъ продажа и т. д.). Подобнымъ покровительствомъ могутъ пользоваться подданные только тѣхъ государствъ, которыя признаютъ одинаковую защиту за англійскими подданными [64]).

Такимъ образомъ, это распоряженіе имѣетъ большое сходство съ законодательствами тѣхъ странъ, которыя признаютъ принципъ взаимности. Но нужно замѣтить, что до самаго послѣдняго времени, съ Англіей не могло быть и рѣчи о какой либо взаимности, въ виду той массы законовъ, самаго разнообразнаго свойства, принаровленныхъ къ извѣстнымъ случаямъ и часто противорѣчивыхъ—т. е. въ виду отсутствія одного общаго опредѣленнаго закона.

---

63) См. Lyon-Caën, op. cit. T. I, p. 263.

64) Darras, op. cit. p. 206.

Вышеуказанные билли 1838 и 1844 года были послѣдовательно дополнены законами 28 мая 1852 года, 13 мая 1875 г. и 25 іюня 1886 г.

Англія, въ виду несистематичности ея законодательства, заключила очень не много международныхъ литературныхъ конвенцій; впрочемъ, 9 сентября 1886 года она подписала Бернскую Конвенцію.

38.—Выяснивъ, такимъ образомъ, въ самыхъ общихъ чертахъ ходъ развитія тѣхъ законодательствъ, которыя скорѣе относятся къ типу территоріальныхъ, мы позволимъ себѣ перейти теперь къ другому типу, болѣе распространенному во второй изъ отмѣченныхъ нами періодовъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя, изъ разсмотрѣнныхъ нами государствъ не пошли, по крайней мѣрѣ, до самаго послѣдняго времени — дальше территоріальной защиты — а другія (Франція, Германія) не остановились на такомъ узкомъ пониманіи защиты правъ иностранныхъ авторовъ и скоро расширили ея объемъ. Прежде всего расширеніе это совершилось принятіемъ, такъ называемаго, принципа взаимность (réciprocité légale): страна обѣщаетъ защищать авторовъ иностраннаго государства подъ тѣмъ условіемъ, что ея авторы будутъ взаимно и въ томъ же размѣрѣ защищаться на территоріи этого послѣдняго. Признаніе принципа взаимности, конечно, составило громадный шагъ впередъ; однако, система эта была еще очень далека отъ совершенства и, кромѣ практическихъ неудобствъ, имѣла коренные недостатки и съ теоретически-правовой точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ.

Въ чемъ заключается основная идея этой системы защиты? Намъ кажется, что эта система, все еще, находится подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ взглядовъ на иностранцевъ, которые мы называли уже не разъ средневѣковыми. Государство, принимающее эту систему, соглашается защищать авторскія права иностранцевъ не потому, чтобы оно признало ихъ справедливыми и вытекающими изъ воззрѣній на человѣка и его трудъ; не потому, чтобы оно согласилось признать неразрывную связь и «интеллектуальное право» автора на свое сочиненіе; не потому, чтобы оно признало одинаково

несправедливымъ оскорблять права всякаго человѣка, несмотря на его происхожденіе и національность, — нѣтъ, государства принимали эту систему только какъ обременительное, но неизбѣжное условіе для того, чтобы увеличить вознагражденіе своихъ подданныхъ—авторовъ. «Я защищаю твоихъ авторовъ не потому, что считаю это справедливымъ, но потому, что это доставляетъ *моимъ* авторамъ защиту на *твоей* территоріи» — таковъ былъ девизъ законовъ, основанныхъ на принципѣ взаимности. Въ этотъ періодъ защищались *свои авторы заграницей*, тогда какъ позднѣе стали защищаться скорѣе *иностранные авторы у себя*. Не мудрено, что при такомъ узкомъ и эгостичномъ взглядѣ на дѣло возникали очень часто недоразумѣнія: всякое государство старалось воспользоваться первымъ попавшимся случаемъ для того, чтобы, всетаки, обидѣть иностраннаго автора, не защитить его интересовъ, разъ это возможно было при какомъ либо іезуитскомъ толкованіи сходства или не сходства двухъ законовъ [65]) — разъ это не могло вызвать репрессалій. Этотъ періодъ характеризуется слѣдующей главной чертой: *отсутствіе сознанія своей собственной пользы въ защитѣ интересовъ иностранныхъ авторовъ*

39.—*Германія.* Законодательства, типа защиты на основаніи «взаимности» болѣе всего развились въ тѣхъ государствахъ, которыя по своему незначительному размѣру и количеству читателей — не могли обезпечить авторамъ своимъ достаточнаго вознагражденія, а, между тѣмъ, были окружены такими же мелкими государствами, говорившими тѣмъ же языкомъ и, потому, искавшимъ всякаго случая воспользоваться даровою контрафакціею. Къ такому типу нужно раньше всего, конечно, отнести мелкія государства Германіи начала этого вѣка. Эти государства соединяли всѣ только что указанные признаки, и, такимъ образомъ, раньше всѣхъ другихъ европейскихъ державъ почувствовали необходимость защитить интересы своихъ авторовъ, хотя бы, въ предѣлахъ другихъ членовъ Союза.

---

[65]) Интересный примѣръ см. у Klostermann. Geistige Eigenthum T. I § 9, (взаимность предполагала сходство законовъ).

Впервые, это желаніе было выражено въ актѣ 1815 г. (Вѣнскаго конгресса) въ слѣдующей формѣ [66]).

«...Статья 18. Союзные князья и вольные города соглашаются гарантировать своимъ подданнымъ слѣдующія права:... d) Союзный Совѣтъ, при первой возможности, позаботится изданіемъ однообразныхъ постановленій относительно свободы печати и обезпеченія авторовъ и издателей отъ контрафакцій».

Но государствамъ Германіи пришлось долго ждать того времени, когда, наконецъ, было приведено въ исполненіе, однообразно для всѣхъ отдѣльныхъ частей Союза, — это желаніе, столь естественное, но столь трудно выполнимое на практикѣ, въ особенности, въ тѣ времена. Спеціальная коммиссія, созванная для обсужденія этого вопроса, послѣ восьми мѣсяцевъ работы (съ 22 іюня 1818 года по 19 февраля 1819 года), составила проектъ въ 23 параграфахъ, который былъ сообщенъ отдѣльнымъ государствамъ — причемъ дѣло тѣмъ и кончилось, ибо, несмотря на всѣ старанія Пруссіи, не удалось получить отвѣтовъ отъ сколько нибудь значительнаго количества государствъ.

Поэтому, Пруссія, какъ производившая наибольшую часть книгъ, обращавшихся на германскомъ рынкѣ, рѣшила, въ ожиданіи лучшаго, заключить частныя конвенціи со всѣми отдѣльными государствами Германіи. Въ силу королевскаго приказа отъ 16 августа 1827 года, Пруссія заключила — въ періодъ 1827—1829 годы—на основаніи взаимности, частныя литературныя конвенціи со слѣдующими 32 государствами: Ангальтъ-Бернбургъ, Ангальтъ-Дессау, Ангальтъ-Кетенъ, Баденъ, Баварія, Брауншвейгъ, Бременъ, Данія [67]), Гамбургъ, Ганноверъ, Гессенъ (Великое Герцогство и Курфюршество), Гогенцоллернъ-Сигмартенъ, Любекъ, Мекленбургъ-Шверинъ, Мекленбургъ-Стрелицъ, Нассау, Ольденбургъ, Рейссъ, Саксонія, Саксъ-Альтенбургъ, Саксъ-Кобургъ, Саксъ-Гота, Саксъ-Мейнингенъ, Саксъ-Веймарнъ, Шаумбургъ-Липпе, Шварц-

---

[66]) См. Wächter. Verlagsrecht, S. 21 anm. 1.

[67]) По отношенію къ Гольштейну, Лауенбургу и Шлезвигу.

бургъ-Рудольштадтъ, Шварцбургъ-Зондергаузенъ, Вальдекъ, Вюртембергъ [68]).

40.—Только 6 сентября 1832 года желаніе, выраженное въ параграфѣ 18-омъ Союзнаго акта, было приведено въ исполненіе, ибо всѣ члены контрафакціи согласились, «что при примѣненіи законодательныхъ постановленій относительно авторскаго права, различіе между собственными подданными одного изъ союзныхъ государствъ и подданными другихъ государствъ - членовъ конфедераціи не будетъ болѣе приниматься во вниманіе—такимъ образомъ, чтобы писатель и издатель изъ одного союзнаго государства защищался бы во всякомъ другомъ союзномъ государствѣ по всей силѣ существующихъ тамъ законовъ относительно контрафакцій, наравнѣ съ мѣстными подданными [69])».

Къ сожалѣнію, этотъ законъ, сколько защиты онъ ни давалъ авторамъ, и издателямъ, — всетаки, не искоренялъ окончательно контрафакціи. Въ самомъ дѣлѣ. Онъ сравнивалъ права авторовъ національныхъ и иностранныхъ (понимая эти два термина, конечно, въ узкихъ предѣлахъ Германіи) — но, очевидно, онъ не дѣлалъ невозможнымъ существованіе такихъ государствъ, которыя авторское право признавали очень неполно, или вовсе онаго не признавали (напр. Вюртембергъ). «Такимъ образомъ, достаточно было утвердиться въ одномъ изъ тѣхъ германскихъ государствъ, которыя даже и собственныхъ - то авторовъ не защищали — чтобы имѣть полную свободу печатать всякія контрафакціи [70])».

Вотъ почему, спеціальная комиссія отозвалась о вышеприведенномъ соглашеніи слѣдующимъ образомъ [71]). «Защита, гарантированная постановленіемъ Союзнаго Совѣта отъ 1832 г., была чрезвычайно неполна и недостаточна, въ виду того, что разныя государства — въ защитѣ національныхъ авторовъ — выходили иногда изъ совершенно несогласуемыхъ принциповъ».

---

[68]) См. Darras op. cit., p. 194.
[69]) Wächter, op. cit. S. 23—24.
[70]) Darras, op. cit. p. 196.
[71]) Wächter, ibid.

Въ самомъ дѣлѣ, — стоитъ только вспомнить, что автору приходилось руководиться тремя десятками разнообразнѣйшихъ [72]) законодательствъ, чтобы понять, насколько затруднительно было ему услѣдить за всѣми нарушеніями его правъ. Нужно помнить, что рѣшеніе 1832 года не содержитъ, напримѣръ, относительно формальностей требуемыхъ отъ автора такихъ упрощенныхъ правилъ, какъ Бернская Конвенція, — нужно было все предусмотрѣть, исполнить всѣ формальности требуемыя 32 законодательствами, — чтобы быть въ полной безопасности отъ контрафакцій. Да вдобавокъ ко всему, и самая защита въ вышеуказанныхъ государствахъ было весьма неудовлетворительною. Въ виду всего этого, конечно, нельзя было признать подобное положеніе дѣла сколько нибудь терпимымъ. Всякій авторъ боялся начинать процессъ, ибо приходилось раньше подробно изучать чуждое ему законодательство чуждой странѣ.

41.—Вотъ почему, уже 2 апрѣля 1835 года союзъ высказалъ опять заключеніе о необходимости уничтожить контрафакцію во всей Германіи установленіемъ для этой цѣли, однообразнаго для всѣхъ государствъ законодательствъ. По рѣшенію 9 ноября 1837 года [73]), всякое произведеніе литературы или искусства защищалось въ теченіи 10 лѣтъ, считая со дня изданія (а для ранѣе изданныхъ — со дня опубликованія указа). Впрочемъ, каждое государство сохраняло свободу издавать постановленія относительно формальностей. Вообще, это рѣшеніе, такъ же какъ и послѣдующія, его дополненія (1841, 1845, 1856 годовъ) — рѣшали вопросъ въ формѣ слишкомъ общей, оставлявшей много мѣста недоразумѣніямъ и неправильнымъ толкованіямъ.

Такъ, напримѣръ, постановленіе 19 апрѣля 1845 года [74]), содержало, приблизительно, слѣдующее постановленіе: срокъ защиты—пожизненный, плюсъ 30 лѣтъ послѣ смерти автора (§ 1). Изданія анонимныя, псевдонимныя, посмертныя и из-

---

[72]) См. Klostermann. G. Eigenthum Bd. I. S. 86—94.

[73]) См. Wächter цит. соч. S. 26.

[74]) Darras, op. cit. p. 207.

данія юридическихъ лицъ — пользуются защитой всего только 30 лѣтъ (§ 2). Для того, чтобы пользоваться своими правами, авторы должны исполнить всѣ формальности, предписываемыя законодательствомъ каждаго германскаго государства въ отдѣльности (§ 3). Параграфы 4, 5 и 6 опредѣляютъ вопросы о возмѣщеніе убытковъ въ случаѣ доказанной контрафакціи. Очевидно, что подобный указъ нельзя даже назвать эскизомъ закона — ибо всѣ главнѣйшіе и наиболѣе сложные вопросы (переводы, adaptations и т. д.) — оставлены имъ безъ вниманія.

Нѣсколько подробнѣе и полнѣе былъ законъ вюртембергскій отъ 24 августа 1845 года, по которому защита могла быть гарантирована, кромѣ подданныхъ Германіи, еще и подданнымъ другихъ государствъ, но при условіи соблюденія слѣдующихъ условій: 1) необходимо испросить привилегію на 6 или болѣе лѣтъ. 2) Эта привилегія должна быть испрошена до выхода въ свѣтъ даже части сочиненія, и 3) полученіе ея должно было быть упомянуто на первой страницѣ всякаго тома сочиненія. Срокъ считался со дня выхода въ свѣтъ всего сочиненія въ его цѣломъ, даже въ томъ случаѣ, когда оно издавалось отдѣльными томами. Переводъ и извлеченія изъ привилегированныхъ сочиненій дозволялись.

42.—Но въ общемъ, положеніе дѣла оставалось еще весьма неудобнымъ и невыгоднымъ для всѣхъ германскихъ авторовъ. Поэтому, общество германскихъ книгопродавцевъ [75]), энергически защищавшее интересы своихъ членовъ, представило въ 1857 году, одинъ за другимъ, два проэкта [76]), первый подъ заглавіемъ: «Gesetz zum Schutze des Eigenthums an Werken der Wissenschaft und Kunst gegen Nachdruck und Nachbildung», а второй:—«Der Entwurf eines Gesetzes für Deutschland zum Schutze der Urheberrechte an Werken der Literatur und Kunst gegen Nachdruck sowie gegen unbefugte Nachbildung und Aufführung». Послѣдній былъ представленъ Саксонскому правительству.

Послѣднему проэкту пришлось долго лежать подъ сукномъ,

[75]) «Börsenverein der deutschen Buchhändler».

[76]) См. Dambach. Gesetzgebung и т. д. S. 2.

ибо только черезъ 5 лѣтъ (23 января 1862 года) Саксонія представила его Союзному Совѣту, сопровождая его слѣдующими соображеніями: «такъ какъ спеціальная регулировка вопроса о контрафакціяхъ общегерманскимъ закономъ является весьма желательно—было бы весьма полезно собрать комиссію свѣдующихъ людей и предложить ей на разсмотрѣніе настоящій проэктъ общества германскихъ книгопродавцевъ [76])».

Предложенію Саксоніи. изъ видовъ политическихъ, долго противилась Пруссія (срав. § 39). Однако, это не помѣшало назначенію комиссіи, въ которой Пруссія участія не приняла. Комиссія эта выработала проэктъ, который въ октябрѣ 1865 года былъ разосланъ всѣмъ отдѣльнымъ государствамъ. (Баварскій законъ 28 іюля 1865 года составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ этого проэкта). Распаденіе союза въ 1866 году помѣшалъ тому, чтобы этотъ проэктъ превратился въ законъ.

43.—Дальнѣйшая дѣятельность на этомъ пути принадлежитъ уже Сѣверо-Германскому Союзу. Съ 1868 года вопросъ былъ поднятъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, и новый законъ, общій для 21 государства, былъ вотированъ 11 іюня 1870 года. Этотъ законъ былъ распространенъ съ 1 января 1871 года на всѣ государства, вошедшія въ составъ Германской имперіи. Закономъ 22 апрѣля 1871 года онъ распространенъ на Баварію, составлявшую исключеніе и, наконецъ, 27 января 1873 года онъ признанъ дѣйствующимъ и въ Эльзасъ-Лотарингіи [77]). Этотъ законъ носитъ названіе «Gesetz betreffend das Urheberrecht an Schriftwerken, Abbildungen, musikalischen Kompositionen und dramatischen Werken [78]). Подробный его разборъ приведенъ ниже—см. §§ 77—113.

44.—*Италія.* Впервые авторское право было внесено въ Кодексъ Италіи 19 февраля года IX силою французскаго оружія, создавшаго конституцію Цизальпинской республики. Законъ, датированный этимъ днемъ, воспроизводитъ французскій

---

[76]) Dambach. op. cit. p. S. 3.

[77]) Lyon-Caën op. cit. T. I p. 53.

[78]) Bundes-Gesetzblat des Norddeutschen Bundes, 1870 № 19 S. 339—353.

законъ 19 іюля 1793 года [79]). Затѣмъ, Итальянское королевство, смѣнившее республику, воспроизвело въ законѣ 30 ноября 1810 года французскій декретъ 5 февраля 1810 года. Затѣмъ, въ 1811 году (7 ноября) двухлѣтній Іоахимъ Мюратъ издалъ декретъ, защищавшій права авторовъ драматическихъ и музыкальныхъ авторовъ, въ томъ числѣ и противъ публичнаго исполненія. Но по выраженію Rosmini «всѣ эти отдѣльные проблески были настолько случайны, что они не могли повліять на правосознаніе народа — и литературное пиратство царствовало въ эти времена почти безгранично».

Послѣ паденія Наполеона, Италія раздѣлилась на множество маленькихъ государствъ, имѣшихъ чрезвычайно неполныя постановленія объ авторскомъ правѣ. Такъ Австрія (для Ломбардіи) постановляло въ §§ 1164—1171 Кодекса 1811 года, что права авторовъ подлежатъ защитѣ, но безъ какихъ бы то ни было указаній на продолжительность и значеніе таковой [80]) Сардинія защищала эти права въ силу ст. 440 гражданскаго устава, а также §§ 406— 408 устава о наказаніяхъ 1839 года. Въ папской области имѣлъ силу эдиктъ Льва XII (отъ 23 сентября 1826 года), по которому авторъ имѣлъ исключительное право на свое произведеніе всю жизнь, а наслѣдники—15 лѣтъ послѣ его смерти. Впрочемъ, полученіе такого права было обставлено многими формальностями [81]). Въ Сициліи—авторское право было регламентировано декретомъ отъ 5 февраля 1828 года (авторъ и вдова—посмертно, наслѣдники—30 лѣтъ).

Общность языка и крайне-небольшой размѣръ отдѣльныхъ государствъ повліялъ на законодательство объ авторскомъ правѣ такимъ же образомъ, какъ и въ Германіи, съ тою только разницею, что эти государства (итальянскія) должны были заключать международныя конвенціи, ибо они не оставляли конфедераціи и, слѣдовательно, не могли идти по тому же пути, какъ члены германскаго союза.

---

[79]) См. Journal Clunet, 1890 p. 605—638, статья Rosmini «Des droits des auteurs étrangers en Italie».

[80]) См. Rosmini, op. cit. p. 607.

[81]) См. Lyon—Caën, op. cit T. 1 p. 377.

Пьемонтъ заключилъ первую литературную конвенцію съ Австріей 10 мая 1840 года [82]). Немного позже къ нимъ примкнули Тоскана, Модена, Парма, Папская область и другія (кромѣ Неаполя и Сициліи).

Дальнѣйшее развитіе не представляетъ никакого спеціальнаго интереса; нѣкоторыя факты его указаны въ §§ 141—144 и 155—156.

45.—*Франція*. Въ заключеніе настоящей главы мы позволимъ себѣ еще разъ вернуться къ законодательству этой страны, которая всегда шла впереди другихъ во всемъ, что касалось защиты правъ авторовъ національныхъ и иностранныхъ. Однако, помѣщая теперь Францію на ряду съ государствами державшимися защиты типа «взаимной» мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы подобный характеръ защиты иностранныхъ авторовъ имѣлъ бы когда нибудь доминирующее значеніе во французскомъ законодательствѣ или юриспруденціи. Спѣшимъ тотчасъ же указать, что подобной системы Франція никогда оффиціально не вносила въ свои законодательные памятники: они прямо перешли отъ территоріальной защиты (законы 1791 и 1793 года) къ защитѣ безусловной (декретъ 1852 года). Однако, какъ видно будетъ нѣсколько ниже, и во Франціи находились сторонники «взаимной» защиты, и мы относимъ предлагаемый очеркъ постепеннаго перехода отъ закона 1793 года къ декрету 1852 въ настоящій отдѣлъ, трактующій о защитѣ, основанной на принципѣ взаимности именно потому, что подобный очеркъ, въ виду самаго существа дѣла, долженъ будетъ подробнѣе выяснить нѣкоторыя невыгодныя стороны подобнаго рода защиты.

Исторія тѣхъ усилій, которыхъ стоило проведеніе декрета 1852 года, довольно сложна. Выше (см. § 29-й) мы указали, что въ началѣ этого столѣтія, Франція защищала только тѣхъ авторовъ, которые издавали свои сочиненія на ея почвѣ. Иначе сказать—вовсе, почти, не защищала иностранцевъ, ибо вполнѣ ясно, что при тогдашнихъ путяхъ сообщенія

---

[82]) См. Rosmini, Ibid. p. 606.

никто и не думалъ издавать свои сочиненія иначе, какъ на родинѣ, на мѣстѣ постояннаго жительства [83]).

Подобное положеніе продолжалось почти сорокъ лѣтъ [84]), и первый разъ вопросъ о международной защитѣ авторовъ былъ поднятъ только въ 1836 году. 18 октября этого года министръ народнаго просвѣщенія [85]) назначилъ спеціальную комиссію «à l'effet de rechercher tous les moyens propres à prévenir les inconvénients de la contrefaçon des livres français à l'étranger, soit par des mesures législatives, soit à l'aide de négociations avec les puissances etrangères». Эта комиссія въ своемъ отчетѣ [86]) изложила мнѣніе—что *для защиты французскихъ изданій отъ заграничной контрафакціи нужно прежде всего защитить изданія заграничныя отъ перепечатки во Франціи.*

46.—Въ виду этого, въ 1839 году былъ внесенъ въ палату пэровъ проэктъ закона, защищавшаго иностранцевъ на основаніи принципа взаимности. Параграфъ 18 этого проэкта гласилъ такъ [87]):

«Всѣ сочиненія, напечатанныя впервые на французскомъ или иномъ языкѣ заграницей, запрещается перепечатывать во Франціи безъ согласія на то автора при его жизни—или его наслѣдниковъ въ теченіе опредѣленнаго срока послѣ его, автора, смерти.

Всякое нарушеніе вышеприведеннаго постановленія будетъ считаться контрафакціей и наказываться какъ таковая.

Однако, оба эти постановленія будутъ примѣняться по отношенію къ подданнымъ только тѣхъ государствъ, которыя, въ свою очередь, будутъ гарантировать на своей территоріи не меньшую защиту сочиненіямъ, изданнымъ впервые во Франціи».

При обсужденіи этого проэкта въ палатѣ пэровъ, поднялись очень оживленные дебаты. Указывали, что подобной

---

[83]) См. Ch. Constant, Code général des droits d'auteurs p. 160 n. 1.

[84]) Commission de la propriété littéraire, см. Moniteur 14 Декабря 1825 года, p. 1650 ss.

[85]) См. Renault, a. a. p. 123.

[86]) Moniteur 20 Января 1837 года.

[87]) Revue Foelix v. VI p. 676 ss.

«взаимной» защитой воспользуются только тѣ государства, которымъ это будетъ выгодно; что Бельгія никогда не станетъ защищать французскихъ подданныхъ для того, чтобы защитить своихъ во Франціи—ибо ей это вовсе не нужно: она перепечатываетъ несравненно больше французскихъ изданій, чѣмъ Франція—бельгійскихъ, и только выигрываетъ отъ отсутствія запрещенія международной контрафакціи;—что Англія, наоборотъ, конечно, не замедлитъ предложить полную защиту французскимъ авторамъ для того, чтобы избавиться отъ парижскихъ контрафакцій—но что подобное соглашеніе будетъ совершенно лишнимъ для французскихъ авторовъ, которыхъ въ Англіи не перепечатываютъ. Графъ de Broglie резюмировалъ всѣ возраженія слѣдующимъ образомъ: «Принявъ эту статью 18-ую, вы тѣмъ самымъ поставите правительство въ чрезвычайно затруднительное положеніе; ему невозможно будетъ вступать въ какіе бы то ни было переговоры о защитѣ авторскаго права, ибо статья 18-я предписываетъ Франціи защищать всѣхъ тѣхъ иностранцевъ, о которыхъ захотятъ хлопотать ихъ правительства, и—замѣтьте—безъ какихъ бы то ни было ограниченій [88])».

Были и другія возраженія, изъ которыхъ нѣкоторыя чрезвычайно странныя. Такъ Victor Cousin восклицалъ [89]): «Que devons nous à l'auteur d'un ouvrage publié à l'étranger? Ou j'abuse étrangement, ou nous ne lui devons rien, absolument rien. Ici la question de justice n'existe pas.... *La contrefaçon étrangère est l'usage du droit naturel* (!)».

Противная партія, съ министромъ народнаго просвѣщенія во главѣ (Villemain), указывала, что необходимо было признать защиту авторскаго права иностранцевъ, какъ вытекающую изъ понятія о правѣ. Баронъ de Geraude указывалъ, что «разъ признавая право однихъ авторовъ (французовъ), невозможно было не признавать правъ другихъ только потому, что эти послѣдніе имѣли несчастье родиться иностранцами».

47.—Однако, не смотря ни на что, вышеуказанной проэктъ

---

[88]) Moniteur 1839 p. 818.
[89]) ibid.

утвержденъ не былъ. Изъ позднѣйшихъ попытокъ запретить международную контрафакцію—нужно отмѣнить проэктъ Ламартина въ 1841 году и петицію Общества французскихъ книгоиздателей, которые въ 1843 году добивались такого же запрещенія. Не смотря на все это, правительство долго еще отказывалось избрать подобный путь и предпочитало дѣйствовать посредствомъ заключенія частныхъ литературныхъ конвенцій. Начало перваго подобнаго соглашенія имѣло мѣсто еще въ 1840 году. Параграфъ 14 договора съ Нидерландами о торговлѣ и мореплаваніи, подписаннаго 25 іюля 1840 года, гласитъ:

«Литературная собственность будетъ взаимно защищаться. Спеціальная конвенція будетъ разработана въ возможно короткій срокъ для опредѣленія подробностей проведенія на практикѣ этого принципа».

Впрочемъ Франція ждала—какъ мы увидимъ ниже—ровно пятнадцать лѣтъ, до 29 марта 1855 года, заключенія такой дополнительной конвенціи. Главнымъ препятствіемъ было желаніе, выраженное Франціей, согласно которому, для подавленія бельгійской контрафакціи, считался бы контрафакціей ввозъ въ Голландію перепечатанныхъ незаконнымъ образомъ за-границею французскихъ сочиненій—желаніе, которое встрѣтило сильнѣйшій отпоръ голландскаго правительства.

48.—Не смотря на то, что эта первая попытка не увѣнчалась успѣхомъ, французское правительство, всетаки, продолжало свои pourparlers почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, оставивъ безъ вниманія то, что совѣтовала коммиссія 1836 года. Однако, несмотря на предсказанія гг. Siméon, Victor Cousin и другихъ, отсутствіе законодательства въ пользу иностранцевъ не помогало, а скорѣе тормозило все дѣло. Такъ, съ 1836 года, когда французское правительство начало первыя попытки и до изданія декрета 1852 года, Франція успѣла заключить только четыре конвенціи.

Первая изъ нихъ, первая французская конвенція для защиты авторскаго права, была заключена съ Сардиніей 28 августа 1843 года (см. § 155). Ратификація была подписана палатой депутатовъ только 10 апрѣля 1845 года. Въ это время

Сардинія занимала третье мѣсто въ ряду тѣхъ государствъ, куда экспортировались французскія изданія, и обороты съ нею равнялись $^1/_{10}$ всѣхъ оборотовъ французской экспортной книжной торговли. Такимъ образомъ, эта первая конвенція была довольно важна для Франціи, хотя, къ сожалѣнію, она вовсе не была построена на принципѣ сознанія необходимости защиты иностранныхъ авторовъ. Даже во Франціи, министръ Гизо придерживался того мнѣнія, что конвенція была невыгодна для Сардиніи, что послѣдняя сдѣлала, какъ бы, ошибку, подписавъ ее. «Такъ какъ Сардинія не имѣетъ»—говорилъ онъ въ засѣданіи 10 апрѣля 1845 года [90]) «никакой выгоды отъ заключенія этой конвенціи,—намъ пришлось заплатить за сдѣланную ею намъ уступку—уступками иного рода».

Впрочемъ, съ подобнымъ взглядомъ мы будемъ встрѣчаться еще очень часто. Очень долго будетъ держаться мнѣніе, что конвенція всегда невыгодна одной изъ договаривающихся сторонъ. Конвенція 1843 года, очевидно, подписана подъ вліяніемъ этой мысли: Франція путемъ таможенныхъ уступокъ покупала, а Сардинія продавала то «выгодное право контрафакціи», которое было до тѣхъ поръ въ распоряженіи послѣдней.

Вторая конвенція была заключена Франціей 12 апрѣля 1847 года для взаимной защиты произведеній литературы и искусства во Франціи и Португаліи (см. § 157). Подобная же конвенція подписана Франціей и Ганновером 20 октября 1851 года. Наконецъ, четвертая была заключена съ Великобританіей 3 ноября 1851 года.

49.—Такимъ образомъ, практика показала, что при тогдашнемъ состояніи законодательства Франціи—заключеніе конвенцій являлось очень и очень затруднительнымъ. Почти всѣ вышеуказанныя конвенціи были куплены цѣною разнаго рода таможенныхъ уступокъ. Причину этого явленія объяснили (депутатъ Vivien, маркизъ de la Grange)—именно неудовлетворительностью французскаго законодательства по данному вопросу. Такъ первый изъ нихъ говорилъ въ 1844 году [91]): «Намъ не разъ предлагали провозгласить во Франціи защиту иностран-

[90]) Moniteur, 1845, p. 933.
[91]) Moniteur, 1844, p. 2343.

ныхъ авторовъ на равныхъ съ національными условіяхъ. Таково желаніе многихъ писателей (согласно заявленію ихъ делегатовъ)—и даже многихъ издателей, несмотря на то что нѣкоторые изъ ихъ собратьевъ занимаются перепечаткой иностранныхъ изданій. Я лично—безъ всякаго колебанія склоняюсь къ такому же рѣшенію интересующаго насъ вопроса. Очень часто,—мы сами были свидѣтелями того—Бельгія, въ отвѣтъ на наши сѣтованія, указываетъ намъ на наше собственное законодательство, которое не запрещаетъ переиздавать во Франціи иностранныя сочиненія. Провозгласивъ принципъ безусловной защиты правъ всѣхъ авторовъ—мы подали бы остальнымъ европейскимъ государствамъ благородный примѣръ, доказавъ, что мы не только на словахъ уважаемъ и признаемъ священныя права авторовъ» [92]).

Такимъ образомъ, все громче и громче раздавались голоса, требовавшіе закона о полномъ уравненіи правъ авторовъ иностранныхъ и національныхъ. Но долгое время еще держались во Франціи тѣ опасенія, которыя были выражены еще Гизо: «Совершенно неразумно было бы—даровать иностранцамъ всякія права, не выговаривая рѣшительно ничего въ свою пользу. Будьте увѣрены, что, получивъ полную защиту для своихъ авторовъ—иностранныя государства, навѣрно, не будутъ торопиться дарованіемъ такой же защиты авторамъ французскимъ» (мнѣніе это столько же невѣрно, сколько невѣрна его основная идея, и доказательство—позднѣйшіе факты).

50.—Только, въ 1852 году восторжествовало то благородное и, скажемъ тотчасъ, предусмотрительное мнѣніе, которое Lherbette подтверждалъ слѣдующими краснорѣчивыми, хотя и нѣсколько односторонними, словами (вопросъ трактуется только съ точки зрѣнія «морали»). «Pour punir chez soi le vol commis au préjudice des auteurs étrangers, est-il nécéssaire que les gouvernements étrangers en agissent de même á l'égard de nos auteurs? La condition de réciprocité pour l'établissement d'un principe de morale! La morale ne serait plus une vertu, un devoir, mais un marché!» [93]).

---

[92]) См. также Moniteur, 1841, p. 856.

[93]) Moniteur, 1845, p. 933.

Декретъ 28 марта 1852 года прекратилъ, наконецъ, долголѣтніе споры, признавъ полное и безусловное уравненіе правъ національныхъ и иностранныхъ авторовъ;—для послѣднихъ,—безъ того, чтобы мѣсто изданія сочиненія имѣло какое-либо значеніе. Подробное разсмотрѣніе этого закона мы оставляемъ до слѣдующей главы, спеціально посвященной разбору современныхъ, дѣйствующихъ законодательствъ объ авторскомъ правѣ (см. глава II, А). Теперь же скажемъ нѣсколько заключительныхъ словъ о томъ значеніи, которое имѣлъ въ международныхъ сношеніяхъ Франціи этотъ декретъ.

51.—Мы уже много разъ мелькомъ говорили о томъ, что, по нашему мнѣнію, контрафакція не можетъ быть и никогда не была выгодною ни для одного государства. Оставляя въ сторонѣ всѣ принципы справедливости и основныя понятія права (хотя мы, конечно, признаемъ ихъ первенствующее значеніе въ дѣлѣ рѣшенія подобныхъ вопросовъ) обратимъ вниманіе исключительно на коммерческую, чисто денежную сторону вопроса о контрафакціяхъ. Мы не хотимъ здѣсь доказывать всю разорительность контрафакціи—всѣ подобные вопросы мы относимъ въ заключительную главу—обратимъ вниманіе только на слѣдующій фактъ, достойный изученія.

Много разъ утверждали и даже до сихъ поръ, обсуждая вопросъ о контрафакціи, о послѣдней говорятъ, какъ о чемъ-то чрезвычайно выгодномъ. И говорится это самымъ рѣшительнымъ тономъ, причемъ такая очевидная вещь никогда не подтверждается фактами. А, между тѣмъ, эти факты говорятъ вотъ что. Какъ во Франціи, такъ даже и въ Америкѣ сами контрафакторы черезъ нѣсколько лѣтъ лихорадочной, призрачно-выгодной дѣятельности—всегда начинали ратовать за установленіе правильной защиты иностранныхъ авторовъ, сознавъ всю убыточность своихъ прежнихъ стремленій. Фактъ подачи прошеній такого рода, подписанныхъ издателями, дѣйствительно, встрѣчается нѣсколько разъ въ исторіи разбираемаго нами института, какъ во Франціи, такъ и въ Соединенныхъ Штатахъ (см. § 48). Но еще болѣе поучительный фактъ замѣчается по отношеніи къ декрету 1852 года.

Никто не будетъ спорить, что даже теперь, а въ 50—60 годахъ и подавно, ни одно государство въ международныхъ (особенно: коммерческихъ) сношеніяхъ никогда не руководилось принципами безкорыстной справедливости настолько, чтобы жертвовать коммерческими интересами своихъ подданныхъ въ пользу интересовъ—даже вполнѣ справедливыхъ—подданныхъ чужихъ. Французскій декретъ 1852 года обезпечилъ безусловную защиту всѣмъ иностранцамъ, безъ соблюденія особыхъ стѣснительныхъ формальностей. Обратили ли свое вниманіе тѣ, кто считаетъ международную контрафакцію выгодною, на слѣдующее: ни одно государство не могло имѣть, по подобной теоріи, рѣшительно ничего, кромѣ убытковъ—отъ заключенія литературныхъ конвенцій съ Франціею послѣ изданія декрета 1852 года: права ихъ авторовъ во Франціи были уже и безъ того безусловно защищены, конвенція же лишала ихъ «выгоднаго» права перепечатывать французскія изданія.

Между тѣмъ, до 1852 года Франція заключила только четыре литературныя конвенціи въ шестнадцать лѣтъ, а послѣ 1852 года въ шесть лѣтъ—около 25 конвенцій, при этомъ, большинство послѣднихъ, не въ примѣръ предъидущимъ, было уже заключено безъ всякихъ таможенныхъ уступокъ со стороны Франціи. Очевидно, что ни одно государство, и ужъ ни въ какомъ случаѣ такая масса ихъ, не подписали бы конвенцій, не имѣя въ нихъ никакой прямой выгоды. Другими словами, если контрафакція выгодна—ни одно государство не подписало бы этихъ конвенцій. Слѣдовательно... Но этотъ фактъ можетъ быть, конечно, объясненъ еще многими другими причинами, и мы, отмѣтивъ его, какъ интересный, конечно, не рѣшимся строить какіе либо выводы на такомъ неустойчивомъ основаніи.

Повторяемъ только, что фактъ заслуживаетъ вниманія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Анализъ защиты, гарантируемой иностранцамъ нынѣ дѣйствующими законоположеніями главнѣйшихъ государствъ.

А. Французскій декретъ 28 марта 1852 г.

52.—Какъ мы уже указали выше (см. § 50), иностранцы-авторы подчиняются во Франціи дѣйствію декрета 28 марта 1852 года. Многіе французскіе юристы приписываютъ этому акту слишкомъ много, по нашему мнѣнію, значенія. Выше мы указывали, какое значеніе этотъ декретъ имѣлъ для международныхъ сношеній Франціи. Мы указали, что, несмотря на предсказанія пессимистовъ, этотъ декретъ не помѣшалъ Франціи заключить, по изданіи его, много литературныхъ конвенцій (см. § 51). Но выраженіе «не помѣшалъ» ни въ какомъ случаѣ не значитъ: «способствовалъ», какъ предполагаютъ нѣкоторые французскіе авторы. Конечно, онъ упростилъ заключеніе конвенцій, но послѣднія были бы заключены своимъ чередомъ и безъ изданія даннаго декрета — развивающееся сознаніе необходимости защитить права иностранныхъ авторовъ, рано или поздно, привело бы къ тому же результату. Несправедливо, поэтому, утверждать, что «декретъ 1852 года не только не помѣшалъ Франціи заключить громадное количество литературныхъ конвенцій — но даже въ значительной степени помогъ ей въ этомъ дѣлѣ» [1]). Во всякомъ случаѣ, декретъ этотъ, всетаки, чрезвычайно важенъ и заслуживаетъ подробнаго изученія:

---

[1]) Paquy, Thèse de doctorat, p. 49.

1) потому, что онъ проповѣдуетъ совершенно новый основной принципъ въ дѣлѣ защиты иностранныхъ авторовъ. За малыми исключеніями (по отношенію, напримѣръ, къ формальностямъ и еще нѣкоторымъ вопросамъ, отмѣченнымъ ниже) — данный декретъ удовлетворяетъ тому идеалу закона о «литературной собственности», который былъ начертанъ въ резолюціяхъ такого компетентнаго собранія, какъ Брюссельскій конгрессъ 1858 года [2]). Этотъ конгрессъ отозвался о разбираемомъ декретѣ такъ [3]): «Ses vérités, ses principes — nous demandons qu'ils deviennent d'une pratique générale et universelle».

2) потому, что этотъ декретъ до сихъ поръ дѣйствуетъ во Франціи, и именно имъ должны руководиться авторы тѣхъ странъ, которыя или не имѣютъ съ Франціей литературныхъ конвенцій (*Россія*, Соединенные Штаты, Греція и т. д.) — или которыя, почему либо, откажутся отъ дальнѣйшаго соблюденія конвенцій, заключенныхъ ранѣе (напримѣръ, въ случаѣ войны, и т. д.).

53.—Декретъ 28 апрѣля 1852 года настолько важенъ и, въ то же время, настолько коротокъ, что мы позволимъ себѣ привести его почти цѣликомъ. Вотъ его переводъ:

«Статья 1.—Совершенная на французской территоріи контрафакція произведеній, изданныхъ за границей и перечисленныхъ въ ст. 425 уголовнаго кодекса — составляетъ проступокъ.

Статья 2. — Такимъ же проступкомъ считается продажа, вывозъ или распространеніе контрафактныхъ изданій. Вывозъ подобныхъ изданій за границу преслѣдуется на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и ввозъ въ предѣлы Франціи такихъ изданій, которыя составляютъ перепечатку сочиненій, уже изданныхъ на французской территоріи.

Статья 3. — Всѣ дѣянія, предусмотрѣнныя предъидущими двумя статьями, будутъ преслѣдоваться согласно статьямъ 427 и 429 уг. кодекса. Статья 463 того же кодекса можетъ быть также приведена въ исполненіе.

---

[2]) Pataille, Annales etc. 1858 p. 452 ss.

[3]) ibid. p. 430.

Статья 4. — Однако (néanmoins) преслѣдованіе всѣхъ упомянутыхъ контрафакцій будетъ дозволено только подъ условіемъ исполненія тѣхъ условій, которыя считаются необходимыми для дѣйствительности защиты *французскихъ* произведеній, согласно ст. 6-ой закона 19 іюля 1793 г.».

По закону 9 декабря 1857 года, декретъ этотъ [4]), также какъ и всѣ другіе, касающіеся литературной и артистической собственности, распространенъ дѣйствіемъ на всѣ французскія колоніи.

I. Произведенія, на которыя распространяется дѣйствіе декрета 1852 года.

54.—Что нужно понимать подъ выраженіемъ «ouvrage», употребляемымъ въ декретѣ? Вопросъ этотъ, очевидно, весьма важенъ, ибо отъ правильнаго его рѣшенія будетъ зависѣть болѣе или менѣе правильное выясненіе тѣхъ случаевъ, *когда* декретъ 1852 года не можетъ имѣть примѣненія.

Изъ отчета garde-de-sceaux Abatucci [5]) видно, что подъ названіемъ «ouvrages» нужно понимать всякія «produits littéraires, scientifiques et artistiques». Такимъ образомъ, все, что французская юриспруденція считаетъ за объектъ авторскаго права — защищается декретомъ 1852 года. Мы сейчасъ увидимъ, что французская юриспруденція толкуетъ понятіе объекта авторскаго права очень широко.

55.—Такъ, декретомъ 1852 года будетъ защищаться *заглавіе книги или другого изданія*, если оно «n'est pas absolument général» [5]). Намъ кажется, что законъ 1793 года, въ выраженіи своемъ «écrits en tous genres» — долженъ, — если его толковать послѣдовательно, — защищать всякія заглавія. Но французская юриспруденція держится вышеприведеннаго толкованія, которое, однако имѣетъ мало значенія — очевидно,

---

[4]) См. Journal de droit international 1878 p. 130 примѣч. 1. — Sauvel, op. cit. passim, особенно p. 18.

[4]) См. Droit 1852 p. 93.

[5]) Darras, op. cit. p. 257.

что никого никогда не вздумаетъ присваивать себѣ авторское право на заглавіе, вродѣ «Dictionnaire franco-allemand» — такъ что вышеприведенное замѣчаніе имѣетъ очень мало практическаго значенія.

Лекціи иностранныхъ профессоровъ защищаются отъ воспроизведенія такъ же, какъ и лекціи профессоровъ французскихъ. Французская юриспруденція признаетъ (см. § 357) словесную передачу за изданіе сочиненія, хотя такое толкованіе и не вполнѣ согласуется съ техническимъ смысломъ слова «изданіе». Далѣе (см. § 349 сс.) мы укажемъ тѣ причины, на основаніи которыхъ мы считаемъ вполнѣ справедливымъ и даже необходимымъ обезпечить профессорамъ и прочимъ интеллектуальнымъ труженикамъ полное авторское право на ихъ лекціи, хотя бы еще и не напечатанныя, а только прочтенныя. Не лишнимъ будетъ отмѣтить, что главное возраженіе, на основаніи котораго, обыкновенно, считаютъ нужнымъ отказывать профессорамъ въ правѣ исключительнаго воспроизведенія ихъ лекцій—падаетъ само собою въ разбираемомъ случаѣ: государство, обыкновенно, платитъ профессору извѣстное жалованье, которое и выставляется какъ уже достаточное вознагражденіе за лекцію. Очевидно, что французское общество ничего не платитъ иностраннымъ профессорамъ и, слѣдовательно, не имѣетъ права пользоваться безнаказанно ихъ сочиненіями, не вознаградивъ ихъ за оныя,—разъ авторское право иностранцевъ признается, въ принципѣ, во Франціи.

56.—Статья 425 угол. кодекса, упомянутая въ статьѣ 1-й декрета 1852 года, послѣ «écrits» защищаетъ [6]) еще «compositions musicales». По этому поводу является чрезвычайно важ-

---

[6]) Для большаго удобства, мы позволимъ себѣ привести здѣсь извлеченіе изъ упоминаемыхъ въ данномъ декретѣ параграфовъ устава о наказаніяхъ (по изданію Codes français par Louis Tripier, p. 907).

«Art, 425. Toute édition d'écrits, de composition musicale, de dessin, de peinture ou de toute autre production, imprimée ou gravée en entier ou en parties au mépris des lois et des réglements relatifs à la propriété des auteurs, est une contrefaçon»..!

426.... (о дѣяніяхъ причисленныхъ къ контрафакціи).

427. «La peine contre le contrefacteur ou contre l'introducteur sera une amende de 100 francs etc».

нымъ рѣшеніе вопроса: защищаетъ ли декретъ 1852 г. музыкальныя и драматическія произведенія отъ *недозволеннаго публичнаго исполненія*?

Изъ всѣхъ французскихъ юристовъ, съ которыми мы имѣли возможность познакомиться, одинъ только Demangeat [7]) отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, руководясь слѣдующими соображеніями. Дѣло въ томъ, что законъ 1852 года, указывая на тѣ параграфы уложенія о наказаніяхъ, которыми должны регулироваться права иностранныхъ авторовъ, ни однимъ словомъ не обмолвливается о статьѣ 428, т. е. о той, которая защищаетъ авторовъ драматическихъ и музыкальныхъ произведеній отъ недозволеннаго публичнаго исполненія ихъ сочиненій (см. выноску 6-ую).

Demangeat объясняетъ этотъ пропускъ слѣдующимъ образомъ: пропускъ этотъ сдѣланъ потому, что законодатель не хотѣлъ подвергнуть виновныхъ въ недозволенномъ публичномъ исполненіи музыкальныхъ и драматическихъ сочиненій штрафу въ 50—500 франковъ, штрафу, о которомъ говоритъ art. 428. Декретъ—говоритъ Demangeat—отсылаетъ къ статьѣ 425 для опредѣленія того, какія сочиненія могутъ быть контрафактированы. Что же касается того, какъ будетъ происходить контрафакція, то «ни одинъ законъ не говоритъ и не можетъ сказать, какъ происходитъ контрафакція».

Намъ кажется, что, въ особенности, послѣднее мнѣніе нельзя не признать основательнымъ. Правда, контрафакція можетъ принимать различные виды, и перечислить *всѣ* эти виды нѣтъ возможности. Но не нужно забывать, что французское

«La confiscation de l'édition contrefaite sera prononcée tant contre le contrefacteur que contre l'introducteur et le débitant».....

«428. (не упомянутъ въ декретѣ, но мы помѣщаемъ его въ виду важности его для послѣдующаго») Tout directeur, tout entrepreneur de théâtre, toute association d'artistes, qui aura fait représenter sur un théâtre des ouvrages dramatiques au mépris des lois et réglements relatifs à la propriété des auteurs, sera puni d'une amende de cinquante francs au moins, de cinq cents au plus et de la confiscation des recettes»....

«429... (о той части, которую получаетъ авторъ изъ взысканной съ контрафакторовъ суммы») ...

[7]) Demangeat. Revue pratique de droit etc. v. II p. 259 ss.

законодательство перечисляетъ *нѣкоторые* виды контрафакціи, и въ томъ числѣ публичное исполненіе, которому даже посвященъ спеціальный законъ (1791 года). Уголовный кодексъ вполнѣ ясно указываетъ на возможность подобнаго рода контрафакціи и защищаетъ въ этомъ отношеніи авторовъ въ своей статьѣ 428. Законъ же 1852 года упоминаетъ о ст. 425, воспроизводитъ (§ 2 in fine) ст. 426, цитируетъ ст. 427, *обходитъ* ст. 428 и упоминаетъ опять о ст. 429.

Мы думаемъ, что подобное явленіе не могло быть случайнымъ въ столь обдуманномъ законодательномъ актѣ, какъ декретъ 1852 года—и что пропускъ ст. 428 ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что *иностранные авторы отъ публичнаго исполненія ихъ произведеній во Франціи въ силу декрета 1852 года не защищены*. Такого же мнѣнія придерживаются и Despagnet (Précis de droit international privé p. 453) Worms (Etude etc v. II p. 418) Pouillet (Traité p. 656) Dalloz (Repertoire № 190) Fliniaux (Traité p. 12) Pataille (Annales 1857 p. 46) Darras (op. cit. p. 258) Renault (op. cit. p. 136).

Гораздо сильнѣе было бы возраженіе, которое опиралось бы на общій духъ даннаго декрета. Послѣдній уравниваетъ права иностранныхъ и національныхъ авторовъ. Въ числѣ правъ авторовъ національныхъ есть право воспретить публичное исполненіе своего сочиненія. Почему не признать того же права и за иностранцемъ? Развѣ публичное исполненіе не вредитъ интересамъ автора столько же, сколько и обыкновенная перепечатка?—Всѣ подобныя возраженія вполнѣ справедливы, но въ виду категорическаго молчанія декрета на этотъ счетъ—приходится только признать, что этотъ *декретъ 1852 года не вполнѣ уравниваетъ права національныхъ и иностранныхъ авторовъ*. Обстоятельство это не согласуется съ общимъ духомъ закона—но намъ остается только констатировать фактъ и постараться объяснить его.

Послѣднее впрочемъ, не такъ легко. Renault [8]) говоритъ по этому поводу: «Во французскомъ законодательствѣ существовалъ обычай трактовать о двоякаго рода авторскихъ

[8]) Renault, op. cit. p. 136.

правахъ, принадлежащихъ композиторамъ и драматургамъ,—въ отдѣльныхъ другъ отъ друга независящихъ, законодательныхъ актахъ. Составитель декрета 1852 года только послѣдовалъ этой общей традиціи».—Но въ такомъ случаѣ, декрету 1852 года долженъ былъ бы слѣдовать подобный же объ авторахъ драматическихъ. «Въ то же время, весьма вѣроятно,—продолжаетъ Renault—что законодатель желалъ сохранить за Франціей возможности дѣлать болѣе широкія уступки тѣмъ изъ иностранныхъ державъ, которыя пожелали бы приступить къ заключенію литературныхъ конвенцій съ Франціею» [9]). Но это предположеніе совсѣмъ уже не согласуется съ цѣлью и духомъ декрета 1852 года: издавая его, Франція тѣмъ самымъ желала показать всѣмъ государствамъ, насколько она, въ принципѣ, считаетъ не только преступною, но даже и невыгодною для государствъ всякую международную контрафакцію,—для того, чтобы заключать дальнѣйшія конвенціи, именно, съ этой точки зрѣнія, — чтобы отказаться отъ прежняго способа, «покупки» конвенцій. Renault же опять возвращается къ этой «покупкѣ».

Итакъ, по нашему мнѣнію, фактъ отсутствія защиты для драматическихъ авторовъ остается необъяснимымъ—и тѣмъ больше тѣни бросаетъ онъ на декретъ 28 марта 1852 года.

57.—Слѣдующій вопросъ, который необходимо рѣшить, также весьма важенъ и касается интерпретированія словъ «*de dessin, de peinture ou de toute autre production*». Скажемъ прямо, что мы считаемъ подобную терминологію одновременно слишкомъ узкою и слишкомъ широкою. Широкою въ томъ отношеніи, что подъ нее можно отнести и *фабричные рисунки*,—узкою,—потому что она ничего не говоритъ опредѣленно *о скульптурѣ и архитектурѣ*. Между тѣмъ, утвердительное или отрицательное рѣшеніе этихъ вопросовъ можетъ имѣть очень важное значеніе. Если фабричные рисунки подразумѣваются этимъ декретомъ, то они защищаются безъ всякой взаимности по отношенію ко всѣмъ иностранцамъ. Если они не подразумѣваются—защита ихъ происходитъ на основаніи закона

[9]) Ibid.

1806 года, т. е. по отношенію къ иностранцамъ на основаніи ст. 13 и 11 гражд. кодекса.

Darras, въ своемъ стремленіи расширить защиту иностранныхъ авторовъ до крайнихъ предѣловъ, считаетъ даже фабричные рисунки за произведенія искусства и, слѣдовательно, относитъ ихъ подъ общее дѣйствіе закона 1852 года, говоря [10]): «Гарантируя авторамъ защиту—законъ не обращаетъ никакого вниманія на значеніе защищаемаго произведенія: онъ смотритъ только на моментъ творчества. Поэтому, даже тѣ произведенія, которыя, очевидно, назначаются для промышленныхъ цѣлей, могутъ, какъ удовлетворяющія указанному условію, имѣть право на защиту».

Въ принципѣ мы совершенно соглашаемся съ подобнымъ взглядомъ (см. § 387), ибо геніальнѣйшее произведеніе искусства можетъ быть приготовлено по заказу фабриканта для какого нибудь употребленія въ промышленности, и этотъ послѣдній фактъ не можетъ уничтожить авторскаго права творца. Однако—таковъ только теоретическій взглядъ, и мы имѣемъ ясныя указанія, что Darras поступаетъ совершенно произвольно, приписывая подобный смыслъ декрету 1852 года. По данному вопросу мы прежде всего имѣемъ слѣдующій неоспоримый фактъ: французское законодательство фабричные рисунки за произведенія искусства не считаетъ. (Доказательство: такимъ рисункамъ посвященъ спеціальный законъ). Разъ существуетъ подобный фактъ — его нельзя уничтожить никакими абстрактными соображеніями.

Французскіе суды придерживаются того же мнѣнія и фабричныхъ рисунковъ за произведенія искусства не считаютъ. Самъ Darras приводитъ [11]) нѣсколько рѣшеній въ такомъ смыслѣ. Впрочемъ, этотъ юристъ настолько увлекаетъ, что не обращаетъ вниманія даже на законъ 16 ноября 1873 года, который категорически заявляетъ, что защита коммерческаго имени, торговыхъ марокъ, фабричныхъ рисунковъ и моделей производится по отношенію къ иностранцамъ

---

[10]) Op. cit. p. 205.

[11]) Op. cit. p. 260.

въ томъ только случаѣ [12]) «si dans leur pays la législation et les traités internationaux assurent aux Français les mêmes garanties». Нужно было употреблять особые софизмы [13]) для того, чтобы хоть сколько-нибудь доказать, что даже при существованіи закона, фабричные рисунки пользуются защитой декрета 1852 года, въ томъ случаѣ, когда [14]) «иностранецъ, авторъ фабричнаго рисунка, принадлежитъ къ числу подданныхъ такого государства, которое въ своихъ сношеніяхъ съ Франціей по данному вопросу не примѣняетъ ни легальной, ни дипломатической взаимности». Софизмъ очевиденъ: предшествующій по времени законъ не можетъ отмѣнить постановленій послѣдующаго.

Можно утверждать такимъ образомъ положительно, что *декретъ 1852 года не защищаетъ фабричныхъ рисунковъ*. Въ этомъ отношеніи права иностранцевъ регулируются вышеуказаннымъ закономъ 1873 года. Такого же мнѣнія придерживаются, между прочимъ, Dalloz (Répertoire v. Industrie № 269 ss.), Pataille et Huguet (Code international etc. p. 75) и другіе.

58.—Другое дѣло—*произведенія архитектурныя и скульптурныя* и, въ особенности—послѣднія. Французская юриспруденція единодушно высказывается за то, чтобы признавать произведенія скульптуры за объектъ авторскаго права. Противоположнаго мнѣнія даже и не было — насколько мы знаемъ—высказано во Франціи. Вотъ почему намъ кажутся излишними тѣ старанія, которыя прилагаетъ Darras [15]) для того, чтобы доказать, что скульптура подходитъ подъ понятіе «dessin». Доказать это очень трудно, да, къ тому же, и совершенно безполезно, ибо мы думаемъ, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, что скульптура «замолчана» въ законѣ такъ, какъ это, напримѣръ, было выше съ публичнымъ исполненіемъ. Намъ кажется, что изъ прямаго сопоставленія ст. 425 и 427 уложенія о наказаніяхъ (см. выноску 6-ую) *очевидно*, что законодатель *имѣлъ въ виду* защиту этой отрасли искусства. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 425 употребляетъ выраженіе: «de

[12]) Paquy, Thèse de doctorat, p. 53.
[13]—[14]) Darras, op. cit. 186—262.
[15]) Op. cit. p. 263 in fine.

dessin, de peinture et *de toute autre production*». Въ то же время, ст. 427 говоритъ о конфискаціи «формъ и матрицъ»; ни тѣ, ни другія иначе какъ для скульптуры не употребляются. Слѣдовательно, подъ выраженіемъ «toute autre production»—нужно, безспорно, понимать и произведенія скульптурныя.

И такъ, вмѣстѣ съ Darras'омъ, мы должны признать, что *произведенія скульптуры находятся подъ защитой декрета 1852 года.*

59.—Относительно *произведеній архитектуры* ни уголовный кодексъ, ни предшествовавшіе законы объ авторскомъ правѣ—опредѣленныхъ указаній не содержатъ. Обращаясь къ юриспруденціи, мы видимъ, что Darras [16]) приводитъ нѣсколько примѣровъ, рѣшающихъ вопросъ въ смыслѣ благопріятномъ для архитекторовъ національныхъ. Но нужно отмѣтить, что всѣ эти рѣшенія постановлены въ 80-тыхъ годахъ. Что же касается до періода предшествовавшаго 1852 году, то Dalloz [17]) рѣшаетъ вопросъ весьма неопредѣленно. Такимъ образомъ, выяснить, каково было воззрѣніе самого составителя декрета 1852 года на защиту произведеній архитекторовъ очень трудно, — но, во всякомъ случаѣ, разъ французскіе суды защищаютъ нынѣ авторское право національныхъ архитекторовъ — эта защита должна распространиться и на иностранцевъ.

60.—Не трудно рѣшить вопросъ и о *фотографіяхъ*. Хотя, по очень простой причинѣ, законъ 1793 года о нихъ не упоминаетъ, однако, фотографическіе оттиски, по многимъ причинамъ (подробно, см. § 416 сс.) должны быть отнесены къ произведеніямъ искусства, и, слѣдовательно, подходятъ подъ общій терминъ, употребляемый ст. 425: «toute autre production». Что касается до закона 1793 года, то онъ обезпечивалъ защиту всѣмъ произведеніямъ «de l'esprit et d'art». Разъ, слѣдовательно, фотографіи составляютъ произведенія искусства (что признается и французской юриспруденціей)—

[16]) Op. cit. стр. 265.

[17]) Dalloz, Repertoir изд. 1858 г. см. Propriété littéraire.

они должны защищаться постановленіямъ закона 1793 года и декрета 28 марта 1852 года.

II. Какія дѣйствія считаются за контрафакцію въ силу декрета 1852 г.?

61.—Согласно статьямъ 1 и 2, декретъ 1852 года наказываетъ «la contrefaçon, le débit, l'exportation et l'expédition des ouvrages contrefaits». Здѣсь являются не вполнѣ ясными слѣдующіе два вопроса: 1) причисляетъ ли декретъ къ запрещенной контрафакціи публичное исполненіе музыкальныхъ и драматическихъ сочиненій? 2) причисляетъ ли декретъ къ контрафакціи недозволенные авторомъ переводы иностранныхъ сочиненій?

Выше, говоря о защитѣ музыкальныхъ и драматическихъ сочиненій, мы сочли болѣе удобнымъ рѣшить одновременно и первый изъ указанныхъ вопросовъ (см. § 56). Такимъ образомъ, намъ остается рѣшить только второй, о переводахъ.

Но раньше, чѣмъ рѣшать этотъ вопросъ, мы должны отмѣтить слѣдующее весьма важное обстоятельство. Какъ уже извѣстно, законъ 1852 года примѣняется къ подданнымъ только тѣхъ государствъ, *которыя съ Франціей литературныхъ конвенцій не заключали*. Между тѣмъ, изъ всѣхъ заключенныхъ Франціею литературныхъ конвенцій чуть ли не одна только (съ Испаніей) признала безусловно исключительное право автора на переводъ, т. е. признала за контрафакцію недозволенный авторомъ переводъ его сочиненія за границей. Поэтому, если признать, что декретъ 1852 года въ числѣ запрещенныхъ дѣйствій считаетъ и переводъ, то получится слѣдующее весьма печальное слѣдствіе: подданные тѣхъ государствъ, которыя заключили съ Франціей литературныя конвенціи и, слѣдовательно, защищаютъ интересы ея подданныхъ,—будутъ пользоваться (*согласно тексту конвенцій*) *ограниченнымъ* правомъ перевода. А подданные тѣхъ государствъ, которыя, не заключивъ съ Франціей конвенцій, интересовъ ея авторовъ не защищаютъ, пуская на рынокъ сотни вредныхъ

контрафакцій—будутъ пользоваться бо́льшими правами, именно, правомъ исключительнаго перевода въ теченіи всей продолжительности права исключительнаго воспроизведенія. Явленіе, бросающееся въ глаза своею непослѣдовательностью.

62.—Чтобы помочь этому горю, Duvergier проводитъ слѣдующую мысль [18]). Онъ признаетъ, что декретъ 1852 года, *взятый самъ по себѣ*, защищалъ право исключительнаго перевода (редакція его уничтожаетъ всякую возможность иного толкованія). «Французское правительство, — говоритъ онъ — признало этимъ декретомъ необходимость защиты авторскихъ правъ всѣхъ иностранцевъ, включая въ число этихъ правъ и право исключительнаго перевода. Нѣсколько позднѣе, Франція стала заключать многочисленныя литературныя конвенціи съ большинствомъ европейскихъ государствъ. Во время переговоровъ, которые велись при заключеніи такихъ конвенцій, выяснилось, сколько неудобствъ должно было быть результатомъ дарованія авторамъ, между прочимъ, и права исключительнаго перевода на полные сроки; въ виду этого,—съ общаго согласія — всѣ конвенціи установили сокращенные сроки исключительнаго права авторовъ на переводы. И съ этого момента, въ дѣлѣ международной защиты разбираемаго права произошло серьозное измѣненіе. Относительно странъ, заключившихъ конвенціи, измѣненіе это очевидно само собой; можно доказать, что въ той же степени были ограничены и права авторовъ, принадлежавшихъ къ странамъ, никакихъ конвенцій не заключившимъ (!). Конечно, указанныя конвенціи ни къ чему не обязывали послѣднія страны, къ конвенціямъ этимъ не приступившія. Однако, эти международные акты очевиднымъ образомъ предупредили всѣ страны, что въ сношеніяхъ своихъ, даже съ наиболѣе дружественными ей странами, Франція перестала защищать право исключительнаго перевода такъ, какъ она это дѣлала до тѣхъ поръ». Такимъ образомъ, Duvergier приходитъ къ убѣжденію, что всѣ иностранцы вообще пользуются правомъ исключительнаго перевода настолько, насколько оно защищено въ конвенціяхъ. Онъ объ-

[18]) См. Pataille, Annales etc. 1860, p. 58.

ясняетъ это положеніе слѣдующими соображеніями. «Международное право составляется изъ многихъ элементовъ, внѣ положительныхъ и точныхъ законовъ. Публицисты указываютъ справедливо, что въ образованіи его, напримѣръ, заключаемые международные трактаты могутъ имѣть двоякое значеніе. Для договаривающихся они имѣютъ значеніе и силу закона,—для всѣхъ другихъ странъ эти трактаты могутъ быть и часто бываютъ указаніемъ на направленіе воли договаривающихся сторонъ, на характеръ будущаго поведенія этихъ послѣднихъ» (ibid. p. 39). Для подтвержденія своихъ соображеній, Duvergier приводитъ слѣдующее мнѣніе Wheaton'a: «On peut considérer les traités comme explicatifs de principes de droit international ou des points, dont le sens est indeterminé. Dans ce dernier cas, les traités ont d'abord force de loi entre parties, et ensuite ils confirment le droit international déjà existant»... Свою теорію о переводахъ Duvergier резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «Я считаю возможнымъ утверждать съ полною увѣренностію, что для авторовъ, принадлежащихъ къ странамъ, отношенія которыхъ къ Франціи въ вопросахъ международной защиты авторскаго права регулируются только декретомъ 1852 года, — право исключительнаго перевода безусловно подчинено и заключено въ тѣхъ границахъ, которыя спеціально по этому вопросу установлены въ договорахъ съ наиболѣе благопріятствуемыми государствами [19])».

63.—По нашему мнѣнію, согласному съ взглядомъ большинства французскихъ юристовъ (Darras, op. cit. p. 292 — Renault, op. cit. 135) — теорія эта не выдерживаетъ никакой критики, на основаніи слѣдующихъ соображеній.

1) Основное и очевидное правило международныхъ конвенцій заключается въ томъ, что эти трактаты обязательны только для тѣхъ сторонъ, которыя эти трактаты подписываютъ. Duvergier совершенно невѣрно понялъ вышеуказанное мнѣніе Wheaton'a. Послѣдній совершенно ясно говоритъ:.... «comme explicatifs de principes.... dont le sens *est indéterminé*». Конвенціи выясняютъ взаимныя потребности государствъ, слу-

[19]) Ibid. p. 64.

жатъ матеріаломъ для будущихъ измѣненій въ законодательствахъ, регулируютъ международныя отношенія и, дѣйствительно, выясняютъ ихъ основные принципы, — но никакъ не могутъ отмѣнять изданные и дѣйствующіе законы. Конвенціи составляютъ важный *матеріалъ* для образованія нормъ международнаго права, но этотъ необработанный матеріалъ, конечно, не можетъ самъ по себѣ повліять на законодательство. Возьмемъ, хотя бы, Францію въ данномъ случаѣ. Декретъ 1852 г. представляетъ изъ себя дѣйствующій законодательный актъ. Позднѣе Наполеонъ III подписывалъ конвенціи въ силу права заключать международныя трактаты, права, обезпеченнаго ему конституціей. Но на существующее законодательство конвенціи эти не могутъ вліять уже потому, что императоръ *права издавать внутренніе законы не имѣлъ* [20]). Между тѣмъ, вышеуказанная теорія Duvergier предполагаетъ, что этими конвенціями императоръ измѣнялъ внутреннее законодательство Франціи — чего онъ, очевидно, сдѣлать не могъ. Поэтому, принципы, выраженные въ конвенціяхъ, могутъ служить *руководствомъ*, матеріаломъ для того лица, кто будетъ редактировать *новые* французскіе законы объ авторскомъ правѣ,—но никогда они не могутъ имѣть вліянія на раньше изданные законы, разъ послѣдніе не отмѣнены установленнымъ порядкомъ.

2) По справедливому замѣчанію Renault, теорія Duvergier не выдерживаетъ критики даже въ томъ случаѣ, если бы конвенціи, дѣйствительно, могли вліять на существующія законодательства вышеуказаннымъ способомъ. Эта теорія имѣла бы практическое значеніе — говоритъ Renault [21]) — «если бы правила, установляемыя международными трактатами были всѣ однообразны; между тѣмъ, этого то мы и не находимъ: конвенціи ограничиваютъ право перевода самыми различными способами. Разъ это такъ — становится невозможнымъ опредѣлить, которой конвенціи необходимо держаться? Которую изъ нихъ нужно считать за выраженіе дѣйствительной воли французскаго правительства (разъ онѣ различны)»? Duvergier

[20—21]) Renault, op. cit. p. 135.

пробуетъ рѣшить этотъ вопросъ, предлагая руководиться тѣми конвенціями, которыя заключены «avec la nation la plus favorisée» — и этимъ впадаетъ въ окончательное противорѣчіе съ самымъ основаніемъ своей теоріи.

Въ самомъ дѣлѣ. Онъ предлагаетъ свою систему для того, чтобы избѣжать нелогичной разницы въ защитѣ авторскаго права, разницы, указанный выше. Между тѣмъ, считая, что законъ 1852 года ограничивается послѣдующими конвенціями по отношенію ко всѣмъ иностранцамъ, онъ вдругъ предлагаетъ регулировать права иностранцевъ, принадлежащихъ къ тѣмъ государствамъ, которыя съ Франціею конвенцій не заключали — постановленіями, содержащимися въ конвенціяхъ, заключенныхъ съ *«наиболѣе благопріятствуемою націею»*. Нужно же быть, по крайней мѣрѣ, послѣдовательнымъ. По теоріи Duvergier, отрицающаго возможность большей защиты подданныхъ не договаривавшихся государствъ, чѣмъ договаривавшихся—всетаки, въ концѣ концовъ, выходитъ, что первые будутъ защищаться столько же, сколько тѣ изъ вторыхъ, которые *больше всего* защищаютъ интересъ французскихъ авторовъ; — *что первые (не договаривавшіеся) будутъ защищаемы больше чѣмъ тѣ изъ договаривавшихся, которыя обезпечиваютъ защиту французскихъ авторовъ, но не въ полномъ размѣрѣ.* Авторы не договаривавшихся государствъ защищаются такъ же, какъ авторы de la nation la plus favorisée, слѣдовательно, *больше* всѣхъ остальныхъ договаривавшихся націй. Такимъ образомъ, непослѣдовательность только усиливается отъ проведенія теоріи Duvergier — ибо, разсуждая послѣдовательно, авторовъ государствъ не договаривавшихся нужно защищать *меньше*, чѣмъ авторовъ *наименѣе* благопріятствуемой націи (la moins favorisée)—изъ заключившихъ конвенціи. Наконецъ, отмѣтимъ еще одинъ non sens: исторія доказываетъ, что конвенціи, заключенныя Франціей защищаютъ такъ мало право исключительнаго перевода не потому, чтобы этого желала Франція, а потому, *что другія изъ контрагентовъ-государствъ не соглашались* дать авторамъ въ этомъ отношеніи больше правъ. Такимъ образомъ, выйдетъ, что *декретъ 1852 года будетъ ограничиваться не по волѣ Франціи, а по волѣ заклю-*

чающаго съ нею конвенціи государства, и мы получимъ чистѣйшій видъ вмѣшательства одного государства во внутреннее законодательство другого.

64.—Такимъ образомъ, мы рѣшительнымъ образомъ отвергаемъ теорію Duvergier. Переходя къ мнѣніямъ другихъ французскихъ юристовъ, мы можемъ отмѣтить слѣдующее:

Большинство изъ нихъ (кромѣ Fliniaux — см. ниже) считаетъ, что декретъ 1852 года безусловно защищаетъ право иностранныхъ авторовъ на исключительный переводъ. Такъ Darras [22]) говоритъ: «en résumé, nous accorderons aux étrangers relativement à la traduction exclusive de leurs oeuvres le même droit qu'aux auteurs français.»

Paquy говоритъ такъ [23]): «декретъ 28 марта 1852 года имѣлъ цѣлью дать иностраннымъ государствамъ примѣръ наиболѣе широкой защиты артистической и литературной собственности» — и употребилъ, поэтому, наиболѣе широкое выраженіе, защищая «контрафакцію». Слѣдовательно, этотъ законъ защищаетъ иностранцамъ право исключительнаго перевода, если, на основаніи предъидущихъ законовъ, французская юриспруденція признавала его за подданными французскими. Послѣднее же доказывается всѣми рѣшеніями французскихъ судовъ (см. Rouen 7 ноября 1845, Seine 23 марта 1847 и т. д.). Слѣдовательно — заключаетъ Paquy — *право иностранныхъ авторовъ на исключительный переводъ защищается декретомъ 28 марта 1852 года безусловно.*

Однако, и съ этимъ взглядомъ мы также не можемъ согласиться — по причинамъ, выясненнымъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, изъ котораго естественно вытечетъ нашъ взглядъ на защиту исключительнаго права иностранцевъ на переводъ.

III. Нужно ли, при примѣненіи постановленій декрета 1852 г., обращать вниманіе на національный законъ автора?

65.—Выше (отдѣлъ I) мы рѣшили вопросъ о томъ, какія произведенія защищаетъ декретъ 1852 года. Теперь,

---

[22]) Op. cit. p. 295.

[23]) Op. cit. p. 66—88.

при обсужденіи вопроса о переводахъ, мы натолкнулись на вопросъ, также имѣющій не мало значенія, вопросъ о томъ, насколько безусловно можно принять все вышесказанное; о томъ, какъ, собственно, нужно понимать тѣ положенія, которыя мы выяснили выше. Другими словами: какое значеніе для французскихъ судовъ можетъ имѣть въ разбираемомъ нами вопросѣ національный законъ каждаго автора-иностранца.

Существуютъ два отвѣта на подобный вопросъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что декретъ 28 марта 1852 года проводитъ полное и безусловное уравненіе правъ авторовъ національныхъ и иностранныхъ. Другой—что этотъ декретъ только обезпечиваетъ иностраннымъ авторамъ во Франціи защиту тѣхъ правъ, которыя они могли пріобрѣсти на родинѣ. Мы считаемъ болѣе правильнымъ второе изъ двухъ указанныхъ мнѣній—болѣе правильнымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній.

66.—Во-первыхъ на основаніи самаго текста декрета 1852 года, который въ статьяхъ 1, 2 и 3 указываетъ, какія сочиненія и въ какихъ предѣлахъ онъ защищаетъ. Затѣмъ, статья 4 говоритъ о формальностяхъ, употребляя слѣдующаго рода выраженіе: «*néanmoins*, la poursuite ne sera admise que si etc»... Очевидно, что, если бы законъ этотъ проводилъ полное уравненіе правъ иностранцевъ и, слѣдовательно, подчинялъ бы одинаковымъ законамъ и правиламъ сочиненія, изданныя какъ за границею, такъ и во Франціи—онъ не имѣлъ бы никакой надобности указывать на необходимость исполненія извѣстныхъ формальностей въ *такой* формѣ («*néanmoins*...») Разъ всѣ изданія, вообще, уравнены передъ французскимъ закономъ—не нужно повторять о необходимости представленія извѣстнаго количества экземпляровъ иностранныхъ изданій. Всѣ сочиненія уравнены—слѣдовательно, всѣ должны (желая пользоваться защитой) передать два экземпляра въ Національную Библіотеку. Декретъ 1852 года, если бы онъ дѣйствительно уравнивалъ права,—употребилъ бы выраженія: ...et par suite, tous es étrangers, desirant obtenir la protection des lois françaises, doivent déposer etc... Или: ...en conséquence des paragraphes précédents etc... Употребляя же выраженіе «néanmoins», законъ ясно указываетъ, что онъ защищаетъ права иностранныхъ

авторовъ, гарантированныя имъ національными законами,—но, *однако*, требуетъ отъ нихъ исполненія извѣстныхъ формальностей, разъ они желаютъ, чтобы тѣ права, которыя они имѣютъ на родинѣ—признавались и во Франціи. *Новыхъ же правъ декретъ 1852 года никакихъ не создаетъ.*

Эта мысль очень удачно выражена у Lepelletier, когда онъ говоритъ въ своей рѣчи [24]): «Декретъ 1852 года (какъ это видно, между прочимъ, и изъ редакціи его) былъ изданъ исключительно для того, чтобы защитить во Франціи тѣ права, которыя могли имѣть у себя на родинѣ иностранные авторы, права, до тѣхъ поръ во Франціи не защищавшіяся... Но для того чтобы защита могла имѣть мѣсто, необходимо прежде доказать существованіе права; что же касается декрета, то онъ никакихъ особыхъ правъ не создаетъ; онъ создаетъ только защиту таковыхъ».

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что *декретъ 1852 года защищаетъ иностраннымъ авторамъ только тѣ права, которыя они имѣютъ на родинѣ*, и ни въ какомъ случаѣ не гарантируетъ имъ, такимъ образомъ, *большей* защиты, чѣмъ на родинѣ [25]).

67.—Намъ остается рѣшить еще слѣдующій вопросъ: какъ поступать въ томъ случаѣ, когда національное законодательство *гарантируетъ автору большую защиту, чѣмъ законы французскіе*? То есть: должно ли быть примѣненіе національнаго закона безусловнымъ, или оно должно комбинироваться съ примѣненіемъ (въ ограничительномъ смыслѣ) законодательства французскаго? На примѣрѣ это можно пояснить такъ (для ясности предположимъ не существующими всѣ литературныя конвенціи). Авторское право защищается во Франціи 50 лѣтъ, въ Германіи 30 лѣтъ, а въ Испаніи 80 лѣтъ со дня смерти автора. Предположимъ, что авторъ умеръ въ 1860 году; если

---

[24]) Journal de droit international, 1888, p. 253.

[25]) Подобное положеніе категорически подтверждается слѣдующимъ постановленіемъ 3-й апелляціонной Парижской палаты (отъ 9 ноября 1892 года): ...«Le decret du 23 mars 1852 n'a eu pour effet de créer au profit des ouvrages parus à l'étranger une protection d'une durée plus longue que celle qui leur est accordée par la loi de leur pays»... (см. Journal Clunet, 1893, p. 172—173).

онъ нѣмецъ и сочиненіе издано въ Германіи, защита его правъ прекратится въ Германіи въ 1890 году—причемъ одновременно наслѣдники его перестанутъ пользоваться защитой и во Франціи (никто не можетъ ссылаться на декретъ 1852 года для полученія во Франціи большихъ правъ, чѣмъ сколько онъ имѣетъ на родинѣ—какъ выяснено нами въ предъидущемъ абзацѣ). Теперь же намъ нужно разобрать вопросъ: комбинируются-ли въ рестриктивномъ смыслѣ съ національнымъ закономъ автора законы французскіе, т. е. (для нашего примѣра): когда прекратится защита правъ испанскаго автора во Франціи: въ 1910 или въ 1940 году? Одни юристы говорятъ, что Франція не можетъ защищать права иностранныхъ авторовъ больше, чѣмъ она защищаетъ національныхъ (слѣдовательно: не дольше 50 лѣтъ,—рестриктивная комбинація). Другіе,—что Франція защищаетъ всякія права иностранныхъ авторовъ, разъ послѣдніе могутъ доказать, что такія-то и такія-то ихъ права въ данный моментъ на ихъ родинѣ защищаются (теорія не-комбинированія).

Изъ всѣхъ юристовъ, съ которыми мы имѣли возможность познакомиться [26])—почти всѣ стоятъ за комбинированіе законовъ. Только одинъ Fliniaux стоитъ за противное.

Не смотря на такой перевѣсъ утвердительнаго отвѣта, мы, всетаки, рѣшаемся встать на сторону Fliniaux и сказать: нѣтъ декретъ 1852 года предполагаетъ защиту правъ, гарантируемыхъ національнымъ закономъ автора, безъ комбинированія его съ законами французскими—кромѣ опредѣленныхъ случаевъ, въ этомъ декретѣ указанныхъ. Мы должны остановиться нѣсколько дольше на этомъ вопросѣ, чтобы показать, какія соображенія заставили насъ принять мнѣніе противное мнѣнію большинства спеціалистовъ дѣла, французскихъ юристовъ.

68.—Разсмотримъ, прежде всего, чѣмъ доказываютъ свои положенія всѣ тѣ юристы, которые говорятъ, что необходимо комбинировать законы національный и французскій въ огра-

---

[26]) Ср. Renault op. cit. p. 21.—Calmels, Traité des contrefaçons № 409.—Berthauld, Questions pratiques, v. I, № 142 bis.—Despagnet, op. cit. p. 544.—Pouillet, op. cit. p. 655.– Darras, op. cit p. 281.

ничительномъ смыслѣ. Darras—отмѣтимъ не безъ удивленія—мнѣнія своего вовсе не доказываетъ. Онъ говоритъ по этому поводу [27]): «Il y a lieu selon nous de tenir compte à la fois de la loi du pays d'origine et de celle de 1866 [28]). *Nous n'avons pas à légitimer* spécialement cette solution; elle découle naturellement(?) de la précédente» [29]). Признаться, мы не можемъ понять, какимъ образомъ изъ того положенія, что законъ 1852 года защищаетъ только ранѣе пріобрѣтенныя, по національнымъ законамъ автора, права—вытекаетъ «естественымъ образомъ»—другое положеніе, согласно которому національныя права авторовъ вдругъ являются ограниченными всѣми французскими законами. По нашему мнѣнію, изъ перваго принципа, приведеннаго Darras'омъ, логически вытекаетъ защита автора, именно, въ такихъ предѣлахъ, въ какихъ она гарантирована только національнымъ закономъ. Повторяемъ, *логически* вытекаетъ изъ того принципа, который положенъ въ основаніе декрета 1852 года, что однако, не значитъ, чтобы онъ представлялся наилучшимъ для даннаго положенія. Во всякомъ случаѣ, справедливъ ли, или не справедливъ этотъ основной принципъ—но его нужно признать положеннымъ въ основаніе декрета, ибо иначе этотъ послѣдній принимаетъ жалкій видъ, точно авторъ его не отдаетъ себѣ отчета, что онъ, собственно, хотѣлъ защитить.

Впрочемъ, какъ бы для того, чтобы доказать, свою теорію, Darras опровергаетъ тѣ положенія, изъ которыхъ Fliniaux выводитъ свою противоположную систему. Отмѣтимъ, что эти послѣднія положенія заключаются, большею частью, въ томъ, что Fliniaux указываетъ на трудность комбинированія иностранныхъ законовъ съ закономъ 1810 года, весьма сложнымъ, напримѣръ, по вопросу о срокѣ защиты. Мы вполнѣ согласны съ Darras'омъ, когда онъ говоритъ, что подобное указаніе не можетъ служить основаніемъ цѣлой теоріи. Мы вполнѣ согласны, что изъ трудности комбимированія еще не слѣдуетъ,

---

[27]) Op. cit. p. 281

[28]) Законъ, опредѣляющій срокъ защиты правъ фр. авторовъ.

[29]) «La solution précédente»—говоритъ о необходимости принимать во вниманіе національный законъ автора.

что законъ это комбинированіе отвергаетъ. Но мы должны замѣтить, что, кромѣ указанныхъ Fliniaux и недостаточныхъ и по нашему мнѣнію, основаній,—существуютъ еще другія (см. ниже § 71), которыхъ Darras нигдѣ не опровергаетъ.

69.—*Renault* говоритъ [30]) слѣдующее: «Главною цѣлью автора декрета было устранить то исключительно-неблагопріятное положеніе, въ которомъ находились дотолѣ иностранные авторы; законодатель не могъ предписать, чтобы французскіе суда стали уважать права, которыя не признаются даже на родинѣ автора. Если произведеніе литервтуры находится въ общественномъ пользованіи въ той странѣ, гдѣ оно было впервые напечатано—оно подвергается той же участи и во Франціи». Со всѣмъ этимъ мы вполнѣ согласны;—но обратимъ вниманіе на то, какъ Renault продолжаетъ свои разсужденія (мы цитируемъ безъ всякихъ пропусковъ) «L'etranger ne peut avoir droit a une protection plus grande que celle que lui assure la loi de son pays». Съ этимъ мы также, въ данномъ отношеніи,—согласны. Но чѣмъ объяснить слѣдующій внезапный переходъ: «d'un autre côté, il ne pourra pas toujours avoir droit à toute cette protection si elle est plus grande que celle de la loi française, ce qui sera de nature à se présenter surtout quant à la durée; telles sont les deux limitations etc»... Такимъ образомъ Renault также подтверждаетъ общеупотребительную теорію, но, какъ видно изъ предъидущаго, не обмолвливается ни однимъ словомъ для того, чтобы доказать ее.

70.—Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ доводовъ за комбинированіе законовъ можно привести слѣдующій принадлежащій Florentin [31]): «Подобное объясненіе декрета 1852 года, (т. е. положеніе, доказывающее, что декретъ 1852 г. только подтверждаетъ національныя права иностранцевъ, не требуя ихъ комбинированія съ постановленіями французскихъ законовъ), привело бы, не больше, не меньше, какъ къ уничтоженію одного изъ главнѣйшихъ принциповъ международнаго права: именно, что иностранный законъ никогда не можетъ идти въ

---

[30]) Op. cit. p. 138.

[31]) Florentin, Thèse de doctorat p. 52.

разрѣзъ съ законами территоріальными во всѣхъ вопросахъ относительно права собственности» [32]). Мы не можемъ не отмѣтить. что этотъ юристъ смѣшиваетъ два вопроса: 1) насколько теорія комбинированія и не-комбивированія согласна съ принципами международнаго частнаго права, и 2) насколько эта теорія проводится декретомъ 1852 года. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ, что Florentin говоритъ въ вышеприведенной цитатѣ, но—скажемъ прямо—изъ нея не вытекаетъ никакихъ заключеній относительно декрета 1852 года. Florentin строитъ силлогизмъ, въ которомъ невѣрна вторая посылка. Въ самомъ дѣлѣ. Первая посылка есть: «Подобная теорія противорѣчитъ основнымъ принципамъ международнаго права». А заключеніе: «слѣдовательно, это теорія не проводится декретомъ 1852 года». Очевидно, что вторая посылка должна быть: «декретъ 1852 года удовлетворяетъ всѣмъ основнымъ принципамъ международнаго частнаго права»—чего апріорно сказать, конечно, нельзя. (Мы немного увлеклись въ сторону, но мы хотѣли указать, какъ опасно бываетъ иногда вѣрить умозаключеніямъ, которыя на первый взглядъ кажутся справедливыми).

Изъ всего этого видно, что французскіе юристы отвергающіе теорію не-комбинированія, или вовсе не доказываютъ своего мнѣнія, или приводятъ доказательства неудовлетворительныя. Постараемся теперь выяснить нашу точку зрѣнія, предупреждая, что, хотя мы приходимъ къ тому же выводу какъ и Fliniaux, однако не считаемъ возможнымъ принять его основаній, которыя, какъ мы указали выше, недостаточны.

71.—Для того, чтобы доказать, что, по нашему мнѣнію, декретъ 1852 г. не предполагаетъ (въ извѣстныхъ случаяхъ) комбинированія двухъ законовъ, мы выйдемъ изъ того положенія, которое признается всѣми французскими юристами, ратующими противъ нашей теоріи не-комбинированія. Этимъ мы облегчимъ себѣ задачу, ибо намъ не придется доказывать основнаго положенія—останется только не дѣлать ошибокъ въ логическомъ его развитіи.

---

[32]) Французскіе юристы называютъ авторское право «*propriété* littéraire et artistique».

Такимъ основнымъ принципомъ мы признаемъ слѣдующій: декретъ 1852 года не создаетъ новыхъ правъ, а только защищаетъ тѣ, которыя имѣетъ авторъ по національному закону. Выше мы видѣли (см. § 66), что это положеніе признается большинствомъ французскихъ юристовъ. Остается только рѣшить вопросъ, есть ли въ декретѣ 1852 года указанія на то, что эти права должны быть ограничены. Указанія, очевидно, есть. Декретъ, во-первыхъ, признаетъ права иностранцевъ, пріобрѣтенныя ими на родинѣ, только по отношенію къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя предусмотрѣны ст. 425 уложенія о наказаніяхъ. Во-вторыхъ, опять таки, признаетъ нарушеніемъ этихъ правъ только то, что считается за contrefaçon по французскимъ законамъ (исключая публичное исполненіе музыкальныхъ и драматическихъ произведеній — см. § 56). Такимъ образомъ, *всѣ тѣ права которыя не согласны съ французскими законами въ этихъ двухъ отношеніяхъ, — не гарантируются декретомъ 1852 года*. Что сказать о тѣхъ правахъ, *которыя несогласны съ французскими законами въ какихъ либо другихъ отношеніяхъ?* О нихъ декретъ молчитъ. Выводить ли изъ этого, что онъ не защищаетъ и этихъ правъ?

Обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Самъ Darras, такъ яро нападающій на теорію не-комбинированія, говоритъ, когда рѣчь зашла о публичномъ исполненіи: «декретъ 1852 года ничего не говоритъ объ этомъ; декретъ 1852 г. пропускаетъ въ перечисленіи ст. 428 уголовнаго кодекса—изъ этого молчанія слѣдуетъ, что онъ не защищаетъ авторовъ-иностранцевъ отъ публичнаго исполненія». Нужно быть послѣдовательнымъ. Darras толкуетъ законъ буквально, принимая данное *молчаніе* за отказъ въ защитѣ. Но законъ 1852 года *молчитъ* также и о тѣхъ ограниченіяхъ, которыя вытекаютъ изъ проповѣдываемаго Darras'омъ комбинированія двухъ законовъ. Здѣсь мы также имѣемъ *молчаніе*. И вдругъ Darras отступается отъ своего способа точнаго толкованія и говоритъ: то молчаніе нужно понимать буквально, а это молчаніе не нужно понимать буквально. Почему? Отчего? — этого онъ не объясняетъ.

Мы стоимъ только за послѣдовательность. Всѣ (или, по крайней мѣрѣ, всѣ позднѣйшіе юристы) объясняютъ первое молчаніе (о публичномъ исполненіи) въ его дословномъ значеніи, здравый смыслъ требуетъ такого же отношенія и ко второму молчанію. Скажемъ даже больше. Духу декрета 1852 года, проповѣдывающаго «возможно большую защиту»— *противно дословное толкованіе перваго молчанія, и согласно съ этимъ духомъ дословное толкованіе втораго молчанія.* Мы строго интерпретируемъ законъ — въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; мы интерпретируемъ его строго до такой степени, что принимаемъ даже тѣ выводы, которые противорѣчатъ общему духу декрета—это также можно объяснить. Но чѣмъ объяснить то обстоятельство, что мы вдругъ оставимъ это строгое интерпретированіе, оставимъ въ тотъ моментъ, когда оно должно дать намъ выводы согласные съ общимъ духомъ закона, — и обратимся къ совершенно противоположному способу, для того чтобы получить выводы совершенно несогласные съ этимъ духомъ?

Все вышесказанное можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: декретъ 1852 года не создаетъ новыхъ правъ, а только защищаетъ тѣ права иностранныхъ авторовъ, которыя они пріобрѣли по національнымъ законамъ. Въ то же время, этотъ декретъ ясно указываетъ въ какихъ отношеніяхъ (именно: объекта и понятія контрафакціи) эти права подчиняются ограничительному дѣйствію общихъ положеній французскихъ законовъ. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, декретъ 1852 года защищаетъ права иностранныхъ авторовъ безъ всякаго отношенія къ законамъ французскимъ. *Разъ иностранецъ можетъ доказать, что на родинѣ онъ въ данный моментъ имѣетъ такое-то право,—французскіе суды должны, въ силу декрета 1852 года, защитить это право.*

Мы не скрываемъ, что подобная система представляетъ весьма много неудобствъ, напримѣръ, для судопроизводства. Но, по нашему мнѣнію, таково значеніе даннаго декрета и именно такъ нужно его интерпретировать. Да и не естественно ли, подчиняя автора всѣмъ неудобствамъ и ограниченіямъ, проистекающимъ изъ его національнаго закона, —

гарантировать ему и тѣ сравнительныя преимущества, которыя даетъ ему этотъ законъ. Конечно, наиболѣе правильно, удобно и справедливо было бы, чтобы авторъ вносящій свои сочиненія на рынокъ чужой страны, подчинялся и ея, по этому вопросу, постановленіямъ. Декретъ 1852 года принимаетъ другую точку зрѣнія—она также возможна. Но невозможно предположить, чтобы этотъ законъ, проникнутый столь возвышенною идеею, защищалъ интересы авторовъ по той системѣ, которая, къ сожалѣнію, стала теперь входить во многія международныя литературныя соглашенія. По той системѣ, которую можно выразить такъ: возьмите два закона, національный и территоріальный, выберите изъ нихъ всѣ ограниченія, неудобства и нарушенія основныхъ принциповъ авторскаго права — и дайте эту «защиту» иностранному автору.

Намъ ничего почти не остается добавлять относительно того вопроса о переводахъ, который мы оставили нерѣшеннымъ въ предъидущемъ отдѣлѣ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ вопросъ, принимая вышеуказанное толкованіе декрета, рѣшается самъ собою и, притомъ, такъ, что не можетъ быть и рѣчи о тѣхъ иллогичностяхъ, о которыхъ мы говорили выше (см. § 61). Декретъ 1852 года, слѣдовательно, *гарантировалъ иностраннымъ авторамъ всякому столько правъ на исключительный переводъ, сколько онъ имѣлъ по національнымъ законамъ*. Отдѣльныя позднѣйшія конвенціи имѣли частное значеніе и измѣняли только права соотвѣтственныхъ подданныхъ. Всѣ затрудненія и несообразности падаютъ сами собой.

IV. Субъектъ авторскаго права по декрету 1852 года.

72.—Говоря о томъ, какъ декретъ 1852 года ограничиваетъ примѣненіе національнаго закона иностраннаго автора, мы упомянули только о двухъ вопросахъ, именно объ ограниченіяхъ относительно: 1) объекта и 2) нарушеній авторскаго права. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы постараемся выяснить, могутъ ли постановленія французскихъ законовъ имѣть ре-

стриктивное значеніе и въ отношеніи субъекта авторскаго права.

Главное практическое примѣненіе этой формулы заключается въ рѣшеніи слѣдующаго вопроса: можетъ ли быть субъектомъ авторскаго права, на основаніи декрета 1852 г., юридическая личность? И если можетъ, то на основаніи какого закона (національнаго или французскаго) нужно опредѣлять это послѣднее понятіе? — Мы думаемъ, что вопросъ этотъ не можетъ представить затрудненій. — Несомнѣнно, что всякая юридическая личность (даже само иностранное правительство) пользуется на основаніи закона 1852 года защитой своихъ правъ (по національнымъ законамъ пріобрѣтеннымъ) и во Франціи — говоримъ: несомнѣнно, ибо декретъ 1852 года не заключаетъ никакихъ исключеній относительно способа опредѣленія понятія субъектовъ авторскаго права.

73.—Однако, всякая юридическая личность,—опредѣляемая по законамъ національнымъ, — пользуется не всѣми тѣми правами, которыя обезпечены ей законами національными; замѣтимъ только, что эти новыя ограниченія будутъ вытекать изъ вышеуказанныхъ ограниченій относительно понятія *объекта* авторскаго права. Другими словами, всякая юридическая личность будетъ пользоваться авторскимъ правомъ только на тѣ свои изданія, которыя подходятъ подъ опредѣленіе статьи 1-ой даннаго декрета, т. е. которыя представляютъ «ouvrage» въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ понимается французскими юристами. Вотъ почему, если какое-нибудь иностранное государство, напримѣръ — Соединенные Штаты, — издало бы законъ, обезпечивающій ему исключительное право воспроизводить издаваемые законы (а послѣдніе во Франціи объектомъ авторскаго права не считаются) — то подобный законъ не могъ бы помѣшать свободной перепечаткѣ во Франціи американскихъ законовъ. Но, повторяемъ, — эта перепечатка осталась бы дозволенной во Франціи вовсе не потому, что правительство Соединенныхъ Штатовъ не можетъ быть во Франціи субъектомъ авторскихъ правъ. То же самое можно сказать и объ изданіяхъ университетовъ, ученыхъ обществъ и проч.

Такимъ образомъ—въ виду молчанія декрета 1852 года—для опредѣленія правоспособности того или другого лица нужно обращаться къ національнымъ законамъ. «La loi du pays d'origine doit être scrupuleusement consultée» [33]).

74.—Не безъинтереснымъ является еще вопросъ о соавторствѣ, именно, въ томъ его видѣ, когда одинъ изъ авторовъ—французскій подданный или подданный страны, заключившей съ Франціею конвенцію, а другой—подданный страны, съ Франціею конвенцій не заключавшей, и, слѣдовательно, находящейся подъ режимомъ декрета 1852 года.

Предположимъ, что книгу пишутъ германскій и русскій подданные и, издавъ ее, оба умираютъ въ 1890 году. По конвенціи Франція—Германія 1883 г., срокъ защиты авторскаго права германскаго подданнаго—30 лѣтъ, русскій же авторъ, въ силу декрета 1852 г. въ связи съ національными законами—пользуется защитой въ теченіе 50 лѣтъ. Такимъ образомъ, авторское право наслѣдниковъ германскаго подданнаго истечетъ въ 1920 году, а русскаго—въ 1940 году. Какъ поступать въ двадцатилѣтній періодъ съ 1920 по 1940 годы?

Очевидно, что, съ одной стороны, невозможно продлить право наслѣдниковъ германскаго подданнаго еще на 20 лѣтъ, ибо права этого наслѣдняго не могутъ увеличиться отъ одного только факта соавторства. Но, съ другой стороны, несправедливо уменьшить защиту русскаго подданнаго только потому, что онъ издалъ книгу вмѣстѣ съ другимъ лицомъ. Намъ кажется, что послѣ 1920 года наиболѣе справедливымъ будетъ дозволить печатаніе книги съ дозволенія однихъ только наслѣдниковъ русскаго автора, ибо, хотя они имѣютъ право только на часть дохода, но пользованіе авторскимъ правомъ, вообще, недѣлимо, такъ что невозможно обезпечить русскому автору ту часть, на которую только онъ имѣетъ право, иначе, какъ обезпечивъ ему цѣлое [34]).

---

[33]) Darras, op. cit. p. 235.

[34]) Ср. Florentin op. cit. 42.

V. Формальности, исполненіе которыхъ необходимо для того, чтобы пользоваться защитой декрета 28 марта 1852 г.

75.—Статья 4-ая декрета 1852 года требуетъ исполненія формальностей, предписанныхъ пунктомъ 6 закона 1793 года. Что касается этого послѣдняго, то онъ гласитъ:

«Всякій гражданинъ французской республики, который издаетъ въ свѣтъ произведеніе литературное или художественное [35]) какого бы то ни было характера—обязанъ представить два экземпляра такового въ національную Библіотеку или въ національный Кабинетъ Эстамповъ; въ удостовѣреніе такого представленія законнаго количества экземпляровъ автору будетъ выдаваться росписка за подписью библіотекаря, такъ что въ случаѣ не представленія таковой въ судъ—иски о контрафакціи принимаемы не будутъ».

На это представленіе извѣстнаго количества экземпляровъ различные юристы смотрятъ разно. Нѣкоторыя доходятъ даже до того, что считаютъ его условіемъ sine qua non авторскаго права; однако, очевидно, что послѣднее не можетъ зависѣть отъ такого незначительнаго, въ сущности, условія, какъ вопросъ—отосланы ли въ Національную Библіотеку два экземпляра сочиненія, или нѣтъ. Gastambide [36]) считаетъ, что представленіе извѣстнаго количества экземпляровъ показываетъ желаніе автора воспользоваться своимъ правомъ, ибо, по его мнѣнію, подобное постановленіе о правѣ Національной Библіотеки на два экземпляра всякаго сочиненія должно быть разсматриваемо не какъ видъ безнравственнаго и насильственнаго грабежа, установленнаго для того, чтобы безмездно отнимать у авторовъ часть ихъ изданій,—но какъ добровольная дань автора публичнымъ учрежденіямъ, которую онъ платитъ по своему почину и только изъ чувства уваженія къ этимъ послѣднимъ. Подобное мнѣніе, конечно, ни на чемъ не основано, да, къ тому же, въ немъ Gastambide не опредѣляетъ

[35]) Въ подлинникѣ собственно: «de gravure».

[36]) Op. cit. p. 151.

самаго главнаго: юридическаго значенія этого представленія (dépôt).

76.—Renouard считаетъ требованіе извѣстнаго количества экземпляровъ за полицейскую мѣру и за дешевый способъ обогащенія библіотекъ [37]). Не касаясь вопроса объ обогащеніи библіотекъ, можно замѣтить только, что взглядъ разбираемаго декрета, повидимому, совпадаетъ съ такимъ мнѣніемъ Renouard'a, насколько это можно судить изъ самой редакціи декрета: «... faute de quoi il ne pourra être»...

Такимъ образомъ, законъ 1793 года, а вмѣстѣ съ нимъ, слѣдовательно, и декретъ 1852 года—смотрятъ на представленіе 2 экземпляровъ, какъ на предварительное условіе для вчинанія иска. Вотъ почему, французская юриспруденція [38]) признала, что наказывается контрафакція даже предшествовавшая представленію законнаго числа экземпляровъ изданія.

B. Германскій законъ 11 іюня 1870 г. и др.

77.—Современное законодательство Германіи по вопросу объ авторскомъ правѣ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ слѣдующихъ законовъ:

1. Законъ 11 іюня 1870 года, защищающій произведенія литературы, музыки и рисованія.

2. Законъ 9 января 1876 года относительно пластическихъ искусствъ.

3. Законъ 10 января 1876 года относительно фотографій.

Прежде всего мы должны разсмотрѣть основной «*Gesetz betreffend das Urheberrecht an Schriftwerken, Abbildungen, musikalischen Kompositionen und dramatischen Werken, vom 11 Juni 1870*». Онъ распадается на нѣсколько отдѣловъ, которые мы разберемъ поочереди.

---

[37]) Renouard, op. cit. T. II. № 218.

[38]) См. рѣшеніе Seine 18 мая 1836 года.

I. Ausschliessliches Recht des Urhebers.

78.—Законъ 11 іюня 1870 г. защищаетъ интересы только тѣхъ авторовъ, которые удовлетворяютъ слѣдующимъ условіямъ:

«Статья 1. Настоящій законъ прилагается ко всѣмъ произведеніямъ германскихъ авторовъ [39]) — не зависимо отъ того, издано ли произведеніе въ Германіи или за границей, или даже вовсе еще не издано».

Подобная защита исключительно національныхъ авторовъ естественно вытекаетъ изъ того принципа, который принятъ въ основаніе всего этого закона: «Законъ о защитѣ авторскаго права долженъ исходить, прежде всего, изъ принципа національности автора; такимъ образомъ, германскій законъ долженъ защищать всѣ произведенія германскаго автора, независимо отъ того изданы они или нѣтъ и, въ первомъ случаѣ, независимо отъ того, изданы ли они въ Германіи или за границей. Изъ того же принципа вытекаетъ положеніе, что иностранные авторы никакого права на защиту не имѣютъ [40])».

Итакъ, въ принципѣ, законъ 11 іюня 1870 года абсолютно отказываетъ иностраннымъ подданнымъ въ какой бы то ни было защитѣ. Впрочемъ, изъ этого общаго правила есть нѣсколько исключеній.

Такъ, согласно статьѣ 62-ой, законъ защищаетъ не только подданныхъ тѣхъ государствъ, которыя входили въ составъ сѣверо-германскаго союза (нынѣшней Германской имперіи) — но и подданныхъ тѣхъ государствъ, которыя составляли большой германскій союзъ, но не вошли въ составъ союза сѣвернаго (такъ, напримѣръ, Австрія). Впрочемъ, даже по отношенію къ подданнымъ этихъ государствъ, защита не безусловна: она возможна только подъ условіемъ взаимности.

---

[39]) Въ подлинникѣ: «alle Werke inländischer Urheber»...

[40]) См. Motive des Reichstags-Entwurfes S. 39 — Dambach S. 268. Вообще, существуетъ очень много комментаріевъ на этотъ законъ: Endemann — 1871. Dambach — 1871. Klostermann —1876. Wächter — 1877. Fischer — 1872. Kowalzig — 1877. Steinitz — 1876. При составленіи настоящаго очерка мы пользовались трудами первыхъ четырехъ авторовъ.

Такимъ образомъ, германскій законъ 11 іюня 1870 г. самымъ послѣдовательнымъ образомъ проводитъ принципъ національности автора. Венгерскій законъ [41]), составленный по образцу даннаго, допускаетъ исключеніе въ пользу тѣхъ иностранцевъ, которые прожили подрядъ два года въ Венгріи раньше, чѣмъ издать свое сочиненіе. Но въ «мотивахъ» германскаго закона высказано слѣдующее категорическое положеніе. «Коммиссія сочла наиболѣе цѣлесообразнымъ безусловно держаться принципа національности автора, чтобы избѣжать всякихъ нежелательныхъ послѣдствій [42])».

Гдѣ бы, слѣдовательно, ни издавалъ германскій подданый свое сочиненіе—онъ пользуется въ Германіи полной защитой отъ контрафакцій.

79.—Выше мы уже указали одно частное исключеніе изъ общаго правила о національности [43]). Второе — въ пользу всякихъ иностранцевъ заключается въ слѣдующемъ.

«Статья 1.... Сочиненія иностранныхъ авторовъ, издаваемыя такими издателями, которые имѣютъ постоянное мѣсто жительства [44]) на территоріи сѣверо-германскаго союза, также защищаются настоящимъ закономъ».

Подобное исключеніе допущено, конечно, только изъ видовъ покровительства промышленности: всякій можетъ получить защиту въ Германіи, но только подъ условіемъ отпечатать свое сочиненіе въ ея предѣлахъ и у германскаго издателя [45]): конечно, такое требованіе не можетъ не повліять на развитіе германскаго книгоиздательства. Но, въ то же время, оно не дѣлаетъ чести законодателямъ, признавшимъ право иностранныхъ авторовъ не въ томъ размѣрѣ, какъ того требуетъ справедливость, а только въ томъ, какъ того требуютъ узкоматеріальныя выгоды Германіи. Мы не можемъ не признать эгоистичнымъ подобное требованіе обязательнаго изданія въ предѣлахъ Германіи. Германія, какъ бы, продаетъ иностран-

---

41) См. дальше § 131.

42) Dambach op. cit. s. 269.

43) Въ пользу подданныхъ прежняго германскаго союза.

44) Въ оригиналѣ: «...ihre Handelsniederlassung».

45) Авторское право пріобрѣтаетъ, конечно, не издатель, а авторъ.

цамъ авторское право, которое послѣдніе могутъ купить, заплативъ извѣстную сумму германской промышленности. Самъ же по себѣ, иностранецъ не считается носителемъ какихъ бы то ни было правъ — что, очевидно, противорѣчитъ самой элементарной справедливости и отзывается средневѣковою ненавистью по отношенію къ чужеземцамъ.

80.—Интерпретація вышеуказаннаго исключенія въ пользу иностранцевъ можетъ дать поводъ къ нѣкоторымъ затрудненіямъ. Вотъ какъ разъясняютъ главнѣйшія изъ нихъ—нѣмецкіе комментаторы.

Что касается пониманія термина «Handelsniederlassung», то Dambach [46]) объясняетъ, что подъ этимъ терминомъ понимается такое мѣсто, гдѣ не только производятся главныя сдѣлки издателя, но гдѣ, кромѣ того, находится все, что необходимо для его издательской дѣятельности. Поэтому, не подходятъ подъ понятіе Handelsniederlassung, напримѣръ, склады изданій или агентуры, дѣйствующія отъ имени иностранныхъ издателей [47]).

Такимъ образомъ, иностранный издатель (если онъ же и авторъ книги) не можетъ учредить въ Германіи агентства и издавать тамъ свои сочиненія, печатая ихъ, подъ своей фирмой, въ какой-либо нѣмецкой типографіи. Разъ онъ не имѣетъ въ Германіи собственной типографіи, онъ не можетъ издавать (т. е. не можетъ издавать съ правомъ на защиту) подъ своей фирмой,—но долженъ заплатить еще германскому издателю *за фирму*.

81.—Во-вторыхъ, могутъ встрѣтиться затрудненія при толкованіи словъ: «сочиненія... издаваемыя». Wächter объясняетъ это такъ [48]): для того чтобы пользоваться защитой закона, иностранный авторъ долженъ сдѣлать въ Германіи *первое* изданіе своего сочиненія. Если же онъ его сперва издаетъ заграницей, а потомъ—въ Германіи, то онъ сохраняетъ авторское право только на второе изданіе, и, слѣдовательно, «ist

---

[46]) Со словъ Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch.

[47]) Op. cit. s. 270.

[48]) Verlagsrecht, s. 396. Приводимые слова относятся не къ разбираемому закону; однако, текстъ, который они толкуютъ, вполнѣ аналогиченъ съ даннымъ.

diese zweite Auflage von der ersten ausländischen Publication nicht verschieden, so kann sie auch einen Schutz, weil ein selbständiges Verlagsrecht, nicht begründen» [49]). Если же авторъ сдѣлаетъ наоборотъ, т. е. издастъ первое изданіе въ Германіи, то послѣдующія заграничныя изданія не могутъ измѣнить права, ранѣе пріобрѣтеннаго въ Германіи [50]).

Оба эти положенія вытекаютъ вполнѣ естественно изъ того, что позднѣйшія изданія не могутъ уничтожить правъ, прежде пріобрѣтенныхъ. (Въ первомъ случаѣ—общество получаетъ право перепечатывать въ Германіи иностранное изданіе). Необходимо, впрочемъ, отмѣтить еще тотъ случай, когда авторъ дѣлаетъ изданіе одновременно въ Германіи и заграницей. Намъ кажется, что, въ подобномъ случаѣ, интересы германской промышленности удовлетворены вполнѣ, и что, слѣдовательно, даже съ точки зрѣнія Германскаго закона, произведеніе можетъ пользоваться законной защитой.

82.—Такъ называемое *vertheiltes Verlagsrecht* (когда авторъ разрѣшаетъ нѣсколькимъ издателямъ печатать его произведеніе и продавать, каждому издателю только въ опредѣленной странѣ) не защищено отъ нарушеній закономъ 11 іюня 1870 года. Проэктъ закона содержалъ спеціальный параграфъ 73, охранявшій права издателей, пріобрѣвшихъ «раздѣленное авторское право»,—т. е. этотъ параграфъ запрещалъ, напримѣръ, ввозъ въ Германію англійскихъ изданій того сочиненія, на которое имѣли раздѣленное право два издателя, одинъ для Германіи, а другой для Англіи. Но въ послѣднемъ засѣданіи Рейхстага этотъ параграфъ 73 былъ вычеркнутъ. Klostermann считаетъ [51]) подобный взглядъ на раздѣленное авторское право вполнѣ правильнымъ и утверждаетъ, что невозможно преслѣдовать въ Германіи того издателя, который продаетъ экземпляры, напечатанные въ Англіи въ силу спеціальнаго для этой страны «vertheiltes Verlagsrecht». Эти экземпляры были напечатаны, по мнѣнію этого юриста, безъ нарушенія дѣйствующихъ зако-

[49]) Ibid. s. 395.

[50]) Ср. по этому поводу драконовскія постановленія послѣдняго закона Соединенныхъ Штатовъ—§ 145—147.

[51]) Op. cit. s. 239.

новъ—и, потому, они не могутъ быть преслѣдуемы, какъ контрафакція.

Намъ кажется, что подобный взглядъ невѣренъ. Законъ долженъ воспретить, чтобы англійскій издатель пересылалъ свои изданія въ Германіи, разъ онъ имѣетъ право продавать ихъ только въ Англіи, въ Германіи же существуетъ другой издатель, получившій законнымъ образомъ подобное же право по отношенію къ Германіи. Законъ долженъ воспретить подобное дѣйствіе—повторяемъ мы—потому, что англійскій издатель, пересылая свои изданія въ Германію, расширяетъ свои права дальше указанныхъ ему авторомъ границъ,—а, слѣдовательно, совершаетъ контрафакцію. Если мы считаемъ, что издатель совершаетъ контрафакцію, когда онъ самовольно расширяетъ переданныя ему авторомъ права въ отношеніи количественномъ, печатая большее количество экземпляровъ, чѣмъ то, которое дозволено по издательскому договору—то мы обязаны считать контрафакціей и тотъ случай, когда издатель самовольно расширяетъ свои права въ отношеніи мѣстномъ, продавая экземпляры тамъ, гдѣ ему это договоромъ съ авторомъ не дозволено. По нашему мнѣнію, въ этихъ двухъ дѣйствіяхъ нѣтъ никакой разницы.

83.—Совершенно неправильно разсуждаетъ также и Dambach, когда онъ говоритъ [52]), что всѣ подобныя изданія лицъ, имѣющихъ «vertheiltes Verlagsrecht»—разрѣшены авторомъ, и, слѣдовательно, не могутъ быть преслѣдуемы какъ контрафакція.—Если авторъ продалъ или уступилъ право изданія своего сочиненія въ Германіи берлинскому издателю, то онъ не можетъ уже разрѣшить англійскому или какому нибудь другому издателю продавать изданія того же сочиненія въ Германіи, ибо основное положеніе говоритъ, что всякій можетъ передавать только тѣ права, которыя онъ самъ имѣетъ. Поэтому, изданіе англійскаго издателя, продаваемое въ Германіи не можетъ считаться, въ указанномъ случаѣ, дозволеннымъ, ибо самъ авторъ уже не имѣлъ въ Германіи авторскаго права и,

[52]) Op. cit. p. 273.

слѣдовательно, не могъ разрѣшить продажу своего сочиненія въ этой странѣ какому-либо третьему лицу.

Вотъ соображенія, на основаніи которыхъ мы считаемъ пробѣломъ отсутствіе въ законѣ 11 іюня 1870 года спеціальной защиты издателямъ пріобрѣвшимъ, такъ называемое, «vertheiltes Verlagsrecht». Въ довершеніе всѣхъ неудобствъ, законъ 11 іюня 1870 года, въ силу статьи 58,—прилагается и къ сочиненіямъ, изданнымъ до его обнародованія. Послѣ опубликованія закона, издатели могли, конечно, поостеречься отъ пріобрѣтенія непризнаваемаго закономъ раздѣленнаго авторскаго права,—но какимъ образомъ могъ этотъ законъ уничтожить тѣ права, которыя эти издатели имѣли неприкосновеннымп до изданія закона?—на основаніи какого юридическаго принципа могъ этотъ законъ уничтожить прежде-пріобрѣтенное право и постановить, что—какъ говоритъ Dambach [53])—«издатель, который пріобрѣлъ *до 1 января 1871 года* раздѣленное авторское право только для сѣверной Германіи—не можетъ, опираясь на таковое, запретили распространенія въ Германіи заграничныхъ изданій того же сочиненія»?

84.—Резюмирую все вышесказанное, мы можемъ указать, что законъ 11 іюня 1870 года строго придерживается принципа національности, такъ что иностранцы не могутъ пользоваться никакой защитой въ Германіи, кромѣ того случая, когда они издаютъ свои сочиненія у нѣмецкихъ издателей. Vertheiltes Verlagsrecht—закономъ 11 іюня 1870 г. не признается.

II. Verbot des Nachdrucks.

85.—Германскій законъ 11 іюня 1870 года не даетъ точнаго опредѣленія относительно того, что онъ считаетъ объектомъ авторскаго права, но изъ выраженія, употребленнаго въ ст. 43, можно понять, что этотъ законъ защищаетъ, вообще, «*Kunstwerke*» въ области литературы, музыки, живописи и драматургіи. Кромѣ того, защищаются

---

[53]) Dambach, s. 274.

Статья 43. Географическіе, топографическіе, архитектурные истественно-историческіе и техническіе рисунки и изображенія.

Относительно различныхъ видовъ литературныхъ произведеній, германскій законъ защищаетъ слѣдующія и слѣдующимъ образомъ.

Относительно *сборниковъ*, т. е. изданій состоящихъ изъ соединенія статей нѣсколькихъ авторовъ, законъ выражается такъ:

Статья 2. Въ отношеніи защиты, гарантируемой настоящимъ закономъ, уподобляются автору издатели такихъ сборниковъ, которые состоятъ изъ произведеній различныхъ авторовъ, но, въ общемъ, представляютъ законченное цѣлое [54]).

Авторское право на отдѣльныя статьи, находящіяся въ подобныхъ сборникахъ—принадлежитъ ихъ авторамъ.

Такимъ образомъ, законъ различаетъ сборники составляющіе одно цѣлое и не составляющіе такого цѣлаго. Относительно интерпретированія словъ «ein einheitliches Ganzes»—въ «мотивахъ» приведено слѣдующаго рода мнѣніе Mandry: «Издатель сборника можетъ расчитывать на защиту въ томъ случаѣ, когда въ его сборникѣ яснымъ образомъ виденъ спеціально-разработанный планъ, по которому расположены другъ друга дополняющія статьи,—можетъ расчитывать на защиту, хотя бы статьи и не были другъ съ другомъ непосредственно соединены» [55]). Поэтому, не защищаются постановленіями этой статьи такія, напримѣръ, произведенія, «въ которыхъ отдѣльныя статьи связаны только общностью заголовка, какъ то большинство нашихъ повременныхъ изданій, альманаховъ и т. д.» [56]).

Какъ мы только что указали, законъ 11 іюня 1870 года признаетъ защиту только тѣхъ сборниковъ, которые составляютъ по самой своей сущности новое литературное произведеніе, могущее разсматриваться какъ одно единое цѣлое. Подобному условію могутъ удовлетворять тѣ сборники, въ которыхъ ясно видна спеціальная цѣль составленія; другими словами, тѣ сборники, которые преслѣдуютъ не ту цѣль, ко-

---

[54]) Въ оригиналѣ: «ein einheitliches Ganzes».

[55]) Mandry, s. 163.—Dambach, s. 29.

[56]) Ibid.

торую могла бы преслѣдовать каждая составная ихъ часть, взятая въ отдѣльности; тѣ сборники руководящая мысль которыхъ, (выраженная въ планировкѣ и. т. п.) представляетъ что-нибудь новое, по сравненію съ тѣми идеями, которыя проводятся отдѣльными ихъ частями.

Всѣ подобные сборники, составляющіе новое литературное произведеніе, могутъ быть объектомъ авторскаго права, конечно, только какъ таковые; иными словами, никто не можетъ помѣшать другому лицу собрать тѣ же матеріалы для другой цѣли и по другому плану (если, напримѣръ, отдѣльныя части составляютъ уже общее достояніе).—Въ заключеніе отмѣтимъ, что намъ кажется не вполнѣ точнымъ то выраженіе даннаго закона, гдѣ онъ говоритъ: «der Herausgeber wird gleich geachtet» («...уподобляются издатели»..). Разбираемый германскій законъ отличается, вообще, очень точной терминологіей, здѣсь не вполнѣ выдержанной: автору приравнивается не издатель (Herausgeber) а *редакторъ* (Redacteur) [57])

Согласно ст. 2, b.—авторы отдѣльныхъ частей, входящихъ въ составъ «сборника», всетаки, сохраняютъ свое авторское право каждый на свое произведеніе. Это право однако, не можетъ дозволить имъ печатать за свой счетъ *весь сборникъ*; точно также, редакторъ, пріобрѣвшій статью *для сборника*, совершитъ контрафакцію, если напечаетъ ее *особымъ изданіемъ* [58]).

86.—*Манускрипты* пользуются такою же защитою, какъ и отпечатанныя произведенія (какъ мы увидимъ ниже, даже съ нѣкоторымъ расширеніемъ авторскихъ правъ относительно переводовъ).

Конечно, не всякій манускриптъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ объектъ авторскаго права: это мы можемъ вывести изъ самаго текста ст. 5, которая гласитъ:

Статья 5. «Считается контрафакціей: a)... воспроизведеніе путемъ печати еще не обнародованныхъ произведеній литературы (манускриптовъ»).

---

[57]) Впрочемъ, Herausgeber, въ противоположность съ Verleger, принимается кажется, иногда и въ послѣднемъ смыслѣ.

[58]) Ср. Wächter, op. cit. в. 305 ff.

Т. е. защищаются только тѣ манускрипты, которыя *составляютъ неизданное произведеніе литературы*; слѣдовательно не можетъ быть объектомъ авторскаго права всякій исписанный клочекъ бумаги.

Въ послѣдее время развились, въ особенности, въ Германіи отпечатанныя изданія съ надписью: «als Manuscript gedrückt». («Считать манускриптомъ»). По этому поводу былъ поставленъ въ германской литературѣ вопросъ, какъ нужно смотрѣть на подобныя изданія? Ниже мы увидимъ, что право перевода *манускриптовъ* защищается въ теченіи *всей продолжительности авторскаго права*—тогда какъ авторы произведеній *напечатанныхъ* имѣютъ право исключительнаго перевода *только 5 лѣтъ*. Несправедливо, поэтому, чтобы вышеуказанное произвольное заявленіе автора могло увеличить его права (въ отношеніи переводовъ). Кромѣ того, Dambach отмѣчаетъ еще одно неудобство, которое возникло бы, если завленіе «als Manuscript gedrückt» дѣйствительно, могло бы дѣлать въ глазахъ закона отпечатанное изданіе—манускриптомъ. Дѣло въ томъ, что въ силу ст. 4. с., разрѣшается воспроизводить чужія сочиненія перепиской, т. е. въ манускриптахъ. Такимъ образомъ, признаніе законной силы вышеуказанной оговорки привело бы къ тому, что «можно было бы печатать чужія произведенія въ видѣ, такъ называемыхъ, манускриптовъ—и тайно распространять ихъ» [59]).

Впрочемъ, на подобное замѣчаніе Dambasch'a можно возразить въ томъ смыслѣ, что печатаніе даже «als Manuscript» не трудно будетъ причислить къ дѣяніямъ, наказуемымъ закономъ 11 іюня 1870 года. Въ самомъ дѣлѣ, параграфъ 4 с., на который ссылается Dambach, разрѣшивъ списываніе сочиненій, добавляетъ, что послѣднее составляетъ контрафакцію

...«Если оно (т. е. списываніе) совершается для того, чтобы замѣнить перепечатку» [60]).

---

[59]) Dambach, op. cit. s. 55.

[60]) Въ оригиналѣ: «um den Nachdruck zu vertreten».

Такимъ образомъ, если бы даже разсматривать напечатанный третьимъ лицомъ экземпляръ («als Manuscript gedrückt»)—за дѣйствительный манускриптъ,—всетаки, этотъ манускриптъ составитъ контрафакцію, если онъ предназначенъ для распространенія въ публикѣ, ибо въ такомъ случаѣ онъ назначенъ den Nachdruck zu vertreten.

Нѣсколько сложнѣе тотъ, указанный нами выше, случай, когда самъ авторъ печатаетъ свое произведеніе «als Manuscript»—но и здѣсь, въ концѣ концовъ, не можетъ быть сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, по точному смыслу закона 11 іюня 1870 года, подобное изданіе не можетъ считаться манускриптомъ и, слѣдовательно, пользоваться большими правами, чѣмъ обыкновенное печатное изданіе—на основаніи слѣдующихъ соображеній. Необходимо обратить вниманіе на самый текстъ закона: онъ считаетъ манускриптомъ всякое «nicht veröffentliches Schriftwerk». Поэтому, исходнымъ пунктомъ является не *способъ изданія* сочиненія *а фактъ обнародованія* (Veröffentlichung [61]) des Werkes). Нѣкоторые, поэтому, даже написанные рукой автора, экземпляры, не могутъ считаться манускриптами—и, въ тоже время, нѣкоторыя печатныя воспроизведенія сочиненія — должны считаться таковыми. (Смотря потому, *предназначены ли эти экземпляры для обращенія на книжномъ рынкѣ, или—нѣтъ*). Германскій законъ, повторяемъ, рѣшаетъ этотъ важный вопросъ на основаніи слѣдующей точки зрѣнія: предназначается ли экземпляръ для обращенія въ публикѣ,—или для личнаго употребленія автора. При этомъ, послѣднее выраженіе нужно понимать нѣсколько шире обыкновеннаго: авторъ можетъ уступить свой экземпляръ кому-нибудь на прочтеніе, не обнародывая еще тѣмъ самымъ своего сочиненія. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, обнародованіе будетъ имѣть мѣсто, не смотря ни на какія заявленія. «Если произведеніе предназначается только для опредѣленныхъ лицъ—его нельзя считать обнародованнымъ въ юридическомъ смыслѣ слова»—говоритъ Klosterman [62]). Wächter

[61]) Ср. Dambach, op. cit. 110.—Wächter. op. cit. s. 107 ff.

[62]) Op. cit. s. 58.

считаетъ [63]) дѣйствительнымъ заявленіе «als Manüscript gedruckt» въ томъ случаѣ, если сочиненіе «будетъ распространяться только въ индивидуально-ограниченномъ кругу читателей». Намъ кажется, что оба приведенныя опредѣленія страдаютъ неясностью: что понимать подъ словами «опредѣленныя лица» и «индивидуально-ограниченный кругъ читателей»? («individuell beschränkt»). Однако, за неимѣніемъ лучшихъ, кажется, придется удовольствоваться и этими, ибо самый вопросъ, дѣйствительно, не поддается точному юридическому опредѣленію. Можно только указать одинъ признакъ: разъ сочиненіе пущено въ продажу—обнародованіе имѣло мѣсто, что, однако, не значитъ, что *до выпуска сочиненія въ продажу* оно всегда должно считаться необнародованнымъ.

Чтобы покончить съ манускриптами, мы должны отмѣтить еще одно постановленіе закона 11 іюня 1870 года, которое опредѣляетъ, что даже законный владѣлецъ манускрипта не можетъ напечатать послѣдній безъ спеціальнаго разрѣшенія автора. По этому поводу, законъ говоритъ такъ:

«Ст. 5.... Даже законномѣрное обладаніе манускриптомъ или спискомъ не даетъ права печатать таковые безъ спеціальнаго разрѣшенія автора.

87.—Относительно *произведеній словесныхъ*, законъ 11 іюня 1870 года защищаетъ «vorträge welche zum Zwecke der Erbauung, der Belehrung oder der Unterhaltung gehalten sind» [64])—и не защищаетъ тѣхъ, «которыя произносятся во время судебныхъ преній, въ политическихъ, коммунальныхъ, церковныхъ и другихъ собраніяхъ» [65]).

Здѣсь, опять-таки, проводится тотъ принципъ, по которому *форма сочиненія признается совершенно второстепеннымъ элементомъ*; устныя произведенія защищаются такъ же, какъ и всякія другія (за нѣкоторыми опредѣленными исключеніями); притомъ, не обращается никакого вниманія на то обстоятельство, произноситъ ли свою рѣчь ораторъ ex officio, по

[63]) Op. cit. s. 607—608.
[64]) См. ст. 5 b.
[65]) ibid.

заранѣе оплаченной должности,—или нѣтъ [66]). Единственнымъ исходнымъ пунктомъ является *назначеніе* рѣчи. Тѣ, которыя произнесены для поученія, наставленія или просто во время разговора—составляютъ объектъ авторскаго права. Всѣ остальныя—не не составляютъ такового. (Впрочемъ, всѣ защищаемыя рѣчи должны, прежде всего, составлять произведеніе искусства. т. е. заключать въ себѣ «признаки авторскаго творчества»).

88.—Мы должны, по данному вопросу, тотчасъ же отмѣтить то важное разногласіе, которое мы встрѣтили у двухъ лучшихъ комментаторовъ даннаго закона. Въ самомъ дѣлѣ. Dambach [67]) говоритъ: «законъ не обращаетъ вниманія на то, говоритъ ли ораторъ по заранѣе написанному манускрипту или экстромтомъ (völlig frei), не имѣя рѣчи въ письменной формѣ».

Klostermann же утверждаетъ такъ [68]): «рѣчи произносятся двумя способами: ораторъ или читаетъ по заранѣе изготовленному манускрипту, или обходится безъ таковаго и просто импровизируетъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ произведеніе литературы въ письменной формѣ (Schriftwerk), которое, въ силу ст. 5 a., остается подъ защитой закона, несмотря на то-что оно было публично прочтено авторомъ».

Сопоставленіе этихъ двухъ мнѣній составляетъ интересный примѣръ совершенно противоположнаго толкованія одного и того же закона. Нагляднѣе всего, различіе воззрѣній двухъ юристовъ можно представить въ такой формѣ: если общественный дѣятель въ политическомъ собраніи или прокуроръ въ судѣ произноситъ рѣчь, читая ее по тетрадкѣ, то — по Klostermann'у—они будутъ имѣть на эту рѣчь авторское право, а по Dambach'у—никакого права имѣть не могутъ и пользоваться защитой закона 11 іюня 1870 года не будутъ. Мы, съ своей стороны, считаемъ болѣе правильнымъ примкнуть къ мнѣнію Dambach'a,—болѣе правильнымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній.

---

[66]) Ср. Dambach, s. 58.
[67]) Op. cit. s. 58.
[68]) Op. cit. s. 59.

Германскій законъ 11 Іюня 1870 года защищаетъ, вообще, Kunstwerke, причемъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, *въ какой формѣ выражаются эти произведенія искусства*. Всякое литературное произведеніе защищается несмотря на то, изложено ли оно въ письменной, печатной или устной формѣ (въ послѣднемъ случаѣ—какъ мы увидимъ ниже—нѣкоторыя исключенія не измѣняютъ общаго духа закона). И такъ, законъ защищаетъ всѣ произведенія литературы, независимо отъ той формы, въ которой они выражены; если же законъ какихъ-нибудь произведеній не защищаетъ,— то это происходитъ отъ того, что отъ ихъ за Kunstwerke'и не считаетъ (именно такой взглядъ выраженъ и въ «мотивахъ»). Отсюда мы выводимъ простымъ силлогизмомъ: законъ 11 іюня 1870 года не защищаетъ тѣхъ произведеній, которыя онъ не признаетъ за произведенія литературы; — законъ 11 іюня не защищаетъ рѣчей судебныхъ, политическихъ и т. п.; слѣдовательно, *законъ 11 іюня 1870 года не считаетъ рѣчи судебныя, парламентскія и другія — за произведенія литературы*.

Можетъ ли считаться за рѣшающій элементъ какое нибудь различіе въ формѣ? Очевидно нѣтъ: мы видѣли уже, что *форма* абсолютно непринимается во вниманіе закономъ 11 іюня. Намъ казалось бы противнымъ справедливости и всякому здравому смыслу такое толкованіе, которое защищало бы всѣ произведенія искусства, не обращая вниманія на форму, — и проводило бы, въ то же время, какую то непонятную границу между произведеніями написанными и ненаписанными, когда рѣчь зайдетъ о сочиненіяхъ устныхъ. Вообще, вопросъ резюмируется такъ: если законъ 11 іюня 1870 года защищаетъ *безусловно всѣ написанныя сочиненія*, то онъ защищаетъ и тѣ парламентскія рѣчи, которыя читаются по рукописи. Но есть ли гдѣ нибудь въ законѣ указаніе, что онъ, дѣйствительно, защищаетъ *всѣ* написанныя произведенія? Нѣтъ. Законъ говоритъ, что онъ защищаетъ *«всѣ произведенія литературы»*. Затѣмъ, — какъ мы указали выше, — онъ не считаетъ за произведенія литературы рѣчи судебныя, парламентскія, церковныя и т. д. Слѣдовательно, въ какой бы

формѣ эти рѣчи ни были представлены, онѣ — въ глазахъ германскаго закона — произведеніями литературы сдѣлаться не могутъ, и, слѣдовательно, имѣть права на защиту не будутъ. Ибо очевидно, что произведеніе не можетъ измѣнить своей сущности и сдѣлаться литературнымъ только отъ того, что его запишутъ на бумагу.

Вотъ почему мы думаемъ, что Klostermann неправъ, утверждая, что всякая рѣчь можетъ пользоваться защитой закона 11 іюня 1870 года, если она только будетъ прочитана по манускрипту или оттиску. Ошибка, которую допускаетъ этотъ юристъ, заключается въ слѣдующей фразѣ: «...Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ произведеніе литературы въ письменной формѣ, которое, въ силу ст. 5 a., остается подъ защитой закона, несмотря на то, что оно было публично прочтено авторомъ». Дѣло въ томъ, что авторъ не можетъ, конечно, потерять пріобрѣтеннаго авторскаго права отъ того только, что онъ прочитаетъ свое сочиненіе публично; но для того, чтобы терять, нужно имѣть право на данное сочиненіе, и мы думаетъ, что *авторъ, по духу закона 11 іюня 1870 года, не признающаго парламентскія, судебныя, политическія и другія рѣчи за произведенія литературы—на таковыя въ Германіи, даже въ непрочитанной публично рукописи, авторскаго права не имѣетъ.*

Откуда — ему нечего и терять.

89. —Итакъ, законъ 11 іюня 1870 года, защищаетъ только тѣ рѣчи, которыя произносятся «zum zwecke der Erbauung, der Belehrung oder der Unterhaltung», причемъ нужно замѣтить, что законъ защищаетъ *всякое* воспроизведеніе подобныхъ рѣчей, т. е. *даже и въ газетахъ*. При обсужденіи закона въ рейхстагѣ [69]) дважды поднимался вопросъ о томъ, чтобы запретить только такъ называемый «selbständiger Abdruck», т. е. только воспроизведеніе рѣчей отдѣльными изданіями. Но это предложеніе было, всетаки, отвергнуто, ибо, какъ говоритъ Dambach, «именно газетныя воспроизведенія могутъ принести громадный убытокъ тому, напримѣръ, ора-

[69]) См. Dambach s. 60—61.

тору, который собирается объѣхать страну и прочитать въ главныхъ городахъ рядъ лекцій». Впрочемъ, надо отмѣтить, что даже подобная мѣра не устраняетъ вполнѣ указаннаго зла: ни одна газета никогда не будетъ дословно воспроизводить лекціи какого-нибудь путешественника—рефератъ же ей печатать не запрещено, и очень многіе, ознакомившись съ рефератомъ о лекціи, прочитанной въ Берлинѣ, — не пойдутъ слушать ее, когда ораторъ пріѣдетъ черезъ недѣлю въ Кельнъ.

Вовсе не защищены закономъ 11 іюня 1870 г. рѣчи произносимыя въ собраніяхъ: судебныхъ, политическихъ, церковныхъ и коммунальныхъ Dambach обращаетъ [70]) спеціальное вниманіе на выраженіе: «во время судебныхъ преній» (bei den Verhandlungen der Gerichte...) Такимъ образомъ, не всѣ рѣчи, произносимыя во время засѣданія суда, лишены защиты. Не составляютъ объекта авторскаго права только тѣ, которыя произносятся «во время преній». Конечно, было бы не справедливо не защитить рѣчь какого-нибудь эксперта-профессора, если послѣдній въ своихъ показаніяхъ, можетъ быть, разовьетъ совершенно новую научную теорію — не защитить только потому, что его рѣчь была произнесена во время засѣданія суда. Вышеуказаннымъ выраженіемъ законодатель, опять таки, подчеркнулъ, что и по данному вопросу нужно обращать не на форму произведенія, а на его содержаніе.

Въ заключеніе скажемъ, что намъ кажется особенно несправедливымъ то постановленіе рейхстага, въ которомъ автору незащищаемыхъ закономъ рѣчей не предоставляется даже исключительнаго права *издавать свои рѣчи въ видѣ сборниковъ* [71]). Конечно, такое рѣшеніе послѣдовательно вытекаетъ изъ принятой даннымъ закономъ точки зрѣнія, — но нельзя не признать, что оно лишаетъ судебныхъ и парламентскихъ дѣятелей значительной части того дохода, который они могли бы имѣть отъ своихъ произведеній (собраніе рѣчей Спасовича — напримѣръ).

[70]) Op. cit. S. 97.

[71]) См. Dambach, op. cit. s. 99.

*

90.—Конецъ ст. 5-ой (пункты c и d) запрещаетъ контрафакцію, производимую авторомъ или купившимъ авторское право издателемъ. Сюда относятся: 1) отпечатаніе новаго изданія сочиненія, вопреки издательскому договору (пунктъ c), 2) отпечатаніе большаго количества экземпляровъ, чѣмъ то, на которое авторъ далъ свое разрѣшеніе.

Такимъ образомъ, авторъ можетъ быть обвиненъ въ контрафакціи:

1) если онъ напечатаетъ новое изданіе того сочиненія своего, которое еще не разошлось предъидущимъ изданіемъ, отпечатаннымъ какимъ-нибудь другимъ лицомъ по издательскому съ авторомъ договору;

2) если авторъ, вообще, напечатаетъ изданіе того сочиненія, на которое онъ продалъ издателю свое право безъ ограниченія количества изданій [72]).

Въ то же время, издатель, законнымъ образомъ получившій отъ автора право на изданіе сочиненія, можетъ быть обвиненъ въ контрафакціи:

1) если онъ перейдетъ то количество изданій, на которое ему уступлено авторское право;

2) если онъ перейдетъ то количество экземпляровъ одного изданія, которое ему дозволено было издательскимъ договоромъ.

Что касается послѣдняго вопроса, то по Саксонскому закону 22 февраля 1844 года предполагалось, что авторъ, не оговорившій число экземпляровъ, выпускаемыхъ подъ названіемъ одного изданія, считаетъ въ каждомъ изданіи maximum 1000 экземпляровъ. По закону же германскому, это количество, въ случаѣ отсутствія спеціальной оговорки—неограничено [73]).

91.—Относительно *переводовъ*, законъ 11 іюля 1870 года содержитъ правила неблагопріятныя и стѣснительныя для авторовъ. Безусловно сохраняется за авторомъ право исключительнаго перевода, т. е. безусловно считается контрафакціей

---

[72]) Ср. у Wächter'a, Verlagsrecht s. 604.

[73]) Dambach op. cit. s. 63.

всякій недозволенный имъ переводъ только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: a) если оригиналъ сочиненія изданъ на мертвомъ языкѣ, то запрещается переводить его на языки живые; b) если сочиненіе издается одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, то считается контрафакціей всякій переводъ сдѣланный на одинъ изъ этихъ языковъ.

Такимъ образомъ, прежде всего защищаются сочиненія изданныя на мертвомъ языкѣ. По этому поводу, Wächter замѣчаетъ, что «сочиненіе, изданное на мертвомъ языкѣ,—написано, очевидно, нѣмецкимъ авторомъ и для нѣмецкихъ читателей, а потому и переводъ его на нѣмецкій языкъ составилъ бы неминуемую и грозную конкуренцію» [75]). Здѣсь мы не будемъ касаться вопроса о справедливости или несправедливости подобнаго разграниченія — разборъ всѣхъ подобныхъ теоретическихъ вопросовъ можно найти ниже (о переводахъ см. §§ 331—348). Здѣсь же мы только постараемся разъяснить нѣкоторыя недоразумѣнія могущія возникнуть при толковиніи вышеприведенной статьи. Относительно термина *мертвый языкъ*, Dambach указываетъ слѣдующее, довольно неясное, опредѣленіе [75]). «Подъ терминомъ «мертвый языкъ» нужно понимать такіе языки, которые нѣкогда говорились цѣлыми народами, нынѣ вымершими, — но которые, если и употребляются нынѣ, то только отдѣльными классами людей, напр. учеными».

По отношенію къ сочиненіямъ, появляющимся одновременно на нѣсколькихъ языкахъ—право перевода на одинъ изъ этихъ языковъ сохраняется только на 5 лѣтъ со дня перваго изданія. По этому поводу, Dambach замѣчаетъ [76]): «Согласно проэкту разбираемаго закона... авторъ, издающій свое сочиненіе одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, имѣлъ право воспрепятствовать появленію переводовъ на одинъ изъ этихъ языковъ въ теченіе полнаго срока, установленнаго для защиты.—Коммиссія, разбиравшая проэктъ, также примкнула, послѣ долгихъ дебатовъ, къ подобному взгляду на дѣло; но

[74]) Op. cit. s. 570 anm. 39.
[75]) Op. cit. s. 65.
[76]) Op. cit. s. 67.

рейхстагъ измѣнилъ — вполнѣ справедливымъ образомъ—это постановленіе въ томъ смыслѣ, что сократилъ срокъ защиты указаннаго права до 5-ти лѣтъ, поставивъ его наравнѣ съ правомъ исключительнаго перевода вообще».

Мы, опять таки, не можемъ войти въ подробный критическій разборъ даннаго установленія. Отмѣтимъ только, что если пятилѣтній срокъ для защиты права исключительнаго перевода можетъ быть, вообще, объясненъ извѣстнаго рода соображеніями, то въ данномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ одновременнаго изданія того же сочиненія на нѣсколькихъ языкахъ, этотъ пятилѣтній срокъ можетъ привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ. Dambach старается оправдать введеніе подобнаго срока слѣдующими соображеніями: «Отсутствіе подобнаго пятилѣтняго срока дало бы возможность иностраннымъ авторамъ, имѣющимъ основаніе разсчитывать на сбытъ ихъ сочиненій и въ Германіи—издавать такія сочиненія на родинѣ на мѣстномъ языкѣ и въ Германіи — на нѣмецкомъ, получая, такимъ образомъ, право на защиту на общихъ съ нѣмецкими авторами основаніяхъ; это, однако, было бы несправедливо, *ибо ихъ нѣмецкія изданія были бы, въ концѣ концовъ, не оригинальными, а только переводными* [77]).

Мы думаемъ, что Dambach въ приведенной цитатѣ смотритъ на дѣло съ точки зрѣнія слишкомъ ужъ узкаго пониманія принципа національности, утверждая, что *оригиналъ всякаго сочиненія издается на національномъ языкѣ автора* (причемъ даже этотъ національный языкъ опредѣляется по моменту подданства автора). Предположимъ, что германскій профессоръ, пріѣхавшій въ Дерптъ и принявшій русское подданство, издаетъ свои лекціи въ Германіи на нѣмецкомъ языкѣ и, въ то же время, въ Россіи—на русскомъ для своихъ слушателей. И вотъ, согласно разсужденію Dambach'a и согласно точкѣ зрѣнія новаго германскаго закона,—придется считать, что этотъ профессоръ, годъ какъ выѣхавшій изъ Германіи—издалъ оригиналъ на русскомъ языкѣ и переводъ—

[77]) Ibid.

на нѣмецкомъ! Другими словами, что черезъ пять лѣтъ всякій въ Германіи будетъ имѣть право напечатать новое нѣмецкое изданіе этихъ лекцій. Мы думаемъ, что ошибка закона 11 іюля 1870 года, по данному вопросу, заключается именно въ томъ, что законъ беретъ на себя отвѣтственность опредѣлять a priori, которое изъ одновременно выпущенныхъ на разныхъ языкахъ изданій—оригиналъ, а которое—переводъ. Въ этомъ отношеніи многія законодательства (напримѣръ, шведское) поступаютъ гораздо логичнѣе: они или считаютъ каждое изданіе за оригиналъ, или дозволяютъ автору самому назначить—на какомъ языкѣ онъ считаетъ написаннымъ оригиналъ. Наконецъ, мы думаемъ, что можетъ выйти много затрудненій съ примѣненіемъ разбираемой статьи германскаго закона, напр., къ такому случаю: японскій подданный издаетъ у берлинскаго издателя одновременно два изданія своего труда, на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Окажется, что, по точному смыслу германскаго закона, черезъ пять лѣтъ можно будетъ «перевести» французскій экземпляръ на англійскій языкъ, а англійскій экземпляръ—на французскій,—и подобныя контрафакціи будутъ безнаказанно обращаться въ Германіи.

92.—Пунктъ с параграфа 6 регулируетъ право исключительнаго перевода на всѣ остальныя произведенія. Это право не распространяется далѣе пяти лѣтъ послѣ появленія перваго изданія и, въ то же время, обусловливается слѣдующими формальностями:

1) авторъ долженъ на каждомъ экземплярѣ изданія сдѣлать заявленіе о томъ, что онъ желаетъ сохранить за собою право перевода;

2) авторъ долженъ издать свой переводъ въ теченіе полугода для произведеній драматическихъ и 1 года для всѣхъ остальныхъ видовъ литературы.

На сочиненія еще не обнародованныя (манускрипты, см. § 86), авторъ сохраняетъ право исключительнаго перевода такъ же долго, какъ и право исключительнаго воспроизведенія вообще.

III. Was nicht als Nachdruck anzusehen ist.

93.—Опредѣливъ понятіе контрафакціи, германскій законъ переходитъ къ указанію тѣхъ дѣйствій, которыя къ контрафакціи причислены не должны быть.

Въ этомъ отношеніи, законъ, прежде всего, признаетъ ненаказуемымъ *пользованіе выдержками изъ напечатанныхъ уже статей и сочиненій*,—пользованіе въ такого рода трудахъ, которые «по своему содержанію, несомнѣнно, составляютъ самостоятельное научное сочиненіе [78])». Тоже самое дозволяется при составленіи сборниковъ «которые составляются изъ произведеній различныхъ авторовъ и предназначаются для употребленія въ церквахъ, или школахъ, — или имѣютъ спеціальное литературное назначеніе [79])».

Разрѣшается также, конечно, и *цитированіе*. Въ этомъ случаѣ, законъ ни однимъ словомъ не указываетъ на количество страницъ или строчекъ (какъ напр., въ русскомъ уставѣ), которое можно было бы безнаказанно перепечатать: всѣ отдѣльные случаи оставляются на рѣшеніе суда, причемъ исходнымъ пунктомъ принимается слѣдующее соображеніе: «не имѣетъ ли заимствованіе такихъ размѣровъ, что оно воспроизводитъ всѣ тѣ части оригинала, въ коихъ сосредоточивался главный интересъ послѣдняго, — такъ что публика можетъ уже не покупать прежняго изданія [80])».

Необходимо отмѣтить также то обстоятельство, что данная статья 7 разрѣшаетъ воспроизведеніе чужихъ сочиненій только въ тѣхъ изданіяхъ, которыя составлены изъ сочиненій «различныхъ авторовъ», такъ что было бы контрафакціей издать для школьнаго употребленія хрестоматію изъ сочиненій одного и того же автора. Тѣмъ меньше еще, конечно, разрѣшено печатаніе даже мелкихъ отрывковъ изъ

---

[78]) См. ст. 7, а.

[79]) ibid.

[80]) Gutachten des preussischen litterarischen Vereins vom 10 August 1842. См. Heydemann und Dambach, s. 397.—Dambach, op. cit. s. 79.

сочиненій, составляющихъ частную собственность, — отдѣльными изданіями. Цитированіе изъ манускриптовъ безъ разрѣшенія автора запрещено безусловно, ибо «при цитированіи манускриптовъ, можетъ быть, вовсе не предназначавшихся къ печати, могутъ быть затронуты весьма серьознымъ образомъ личные интересы автора [81])».

94.—Статья 7 b. дозволяетъ слѣдующаго рода *перепечатку отдѣльныхъ сообщеній изъ газетъ и журналовъ*:

«Статья 7. Не считается контрафакціей: а)... в) воспроизведеніе отдѣльныхъ статей изъ газетъ [82])—за исключеніемъ литературныхъ произведеній и научныхъ статей, а также и обыкновенныхъ сообщеній, если эти послѣднія имѣютъ, сравнительно, большій объемъ [83]), и если въ заголовкѣ ихъ оговорено желаніе редактора удержать за собой безусловное право воспроизведенія».

Стоитъ только прочитать не разъ уже цитированный нами комментарій Dambach'a, чтобы увидѣть, насколько неудовлетворительно редактирована эта статья. Въ самомъ дѣлѣ. Она не опредѣляетъ ни словъ «Zeitschriften und andere öffentliche Blätter», ни другихъ выраженій, употребленныхъ ею весьма неясно. Что понимать подъ словомъ «grössere»?

Во всякомъ случаѣ, Klostermann объясняетъ главныя недоразумѣнія, могущія возникнуть,—такъ: относительно понятія Zeitschrift. «Подъ названіемъ Zeitschrift und andere öffentliche Blätter нужно понимать всѣ періодически появляющіяся изданія, которыя состоятъ изъ нѣсколькихъ другъ съ другомъ не связанныхъ статей различнаго содержанія,—независимо отъ того, появляются ли эти изданія въ опредѣленные или не опредѣленные сроки [84])».

Въ подобныхъ изданіяхъ защищаются отъ перепечатки *безусловно* только двѣ категоріи статей, могущихъ входить въ ихъ составъ. Именно:

---

[81]) «Мотивы» см. Dambach, s. 80.

[82]) Въ оригиналѣ: «aus Zeitschriften nnd anderen öffentlichen Blättern».

[83]) Въ оригиналѣ: «grössere Mittheilungen».

[84]) См. ibid. s. 53.

1) литературныя произведенія (novellistische Erzeugnisse);
2) ученыя статьи (Wissenschaftliche Ausarbeitungen).

Всѣ же остальныя статьи защищаются только въ томъ случаѣ, если издатель газеты, въ заголовкѣ ихъ, — каждый разъ отдѣльно—сдѣлаетъ заявленія о желаніи сохранить за собою право воспроизведенія.

Мы, опять таки, оставимъ пока въ сторонѣ критическій разборъ постановленій даннаго закона и удовольствуемся только тѣмъ, что приведемъ соображенія, которыми мотивированъ былъ отказъ въ защитѣ газетныхъ статей. «Подобный отказъ въ защитѣ вытекаетъ изъ самой сущности газетныхъ статей, которыя содержатъ обыкновенно фактическіе отчеты о происшествіяхъ и, потому, не могутъ быть причислены къ произведеніямъ литературы [85])». Выходя изъ этого соображенія, законъ отказываетъ въ защитѣ также и телеграммамъ: вечерняя газета можетъ безнаказанно перепечатывать всѣ телеграммы утреннихъ. Впрочемъ, по этому поводу, Klostermann замѣчаетъ [86]): «впрочемъ, редакторъ можетъ сдѣлать вышеуказанную оговорку въ началѣ особенно большихъ телеграммъ». Въ этой оговоркѣ опять остается непонятнымъ употребляемое этимъ юристомъ по примѣру закона слово «большихъ». Кто можетъ помѣшать редактору считать всѣ телеграммы болѣе двухъ строкъ длиной за «большія»? Наконецъ, та телеграмма, которая еле—замѣтна въ Times'ѣ, можетъ составить событіе въ газетѣ «Свѣтъ» и т. д.?

Вообще, мы думаемъ, что данный вопросъ разработанъ въ разбираемомъ законѣ весьма неопредѣленно и поверхностно. Некрологъ можно отнести и къ отдѣлу повседневныхъ сообщеній и къ отдѣлу «wissenschaftliche Ausarbeitungen», если онъ, напримѣръ, дѣлаетъ оцѣнку ученыхъ трудовъ покойнаго. О самыхъ повседневныхъ событіяхъ можно разсказывать въ литературной формѣ: о засѣданіяхъ судовъ, напримѣръ, и т. д. Нужно ли заявленіе въ началѣ некролога? можно ли получить авторское право на новеллу о злобѣ дня?—Всѣ эти вопросы не рѣшены закономъ 11 іюня 1870 года.

---

[85]) Klostermann ibid. s. 51.
[86]) ibid. s. 55.

Настолько же неопредѣленно и выраженіе «воспроизведеніе *отдѣльныхъ* статей»; впрочемъ, подобная неопредѣленность могла быть введена и намѣренно. Подобно тому, какъ мы указывали выше о цитатахъ, такъ и о дозволенныхъ заимствованіяхъ, законъ не опредѣляетъ заранѣе никакихъ рамокъ, оставляя все на рѣшеніе суда.

95.—Статья 7, с дозволяетъ *перепечатку законовъ и другихъ оффиціальныхъ изданій* [87]). Подобное постановленіе вполнѣ естественно, и «мотивы» прямо указываютъ [88]) на то, что установленіе частнаго авторскаго права на такія изданія прямо противорѣчило бы не только ихъ природѣ, но и многимъ государственнымъ задачамъ.

По первоначальному проекту предполагалось замѣнить слово «öffentlichen» черезъ «veröffentlichen». Но такое предложеніе было отвергнуто, такъ какъ справедливо было замѣчено, что «необходимо позволить печатать всякіе протоколы, независимо отъ того, были ли они обнародованы, или,—нѣтъ». Такимъ образомъ, всѣ подобныя произведенія могутъ быть перепечатаны кѣмъ угодно, въ томъ числѣ даже лицами, которыя не признаны оффиціальными издателями; исключаются, конечно, тѣ документы, которые составляютъ государственную тайну.

Все сказанное не значитъ, однако, что свободно могутъ быть перепечатываемы чужіе комментаріи, приложенные къ тексту новаго закона, или что могутъ быть перепечатываемы, напримѣръ, сочиненія, выходящія съ надписью «по оффиціальнымъ источникамъ».

Статья 7, d разрѣшаетъ воспроизведеніе рѣчей парламентскихъ, судебныхъ и другихъ—но объ этомъ мы уже говорили выше.

IV. Dauer des ausschliesslichen Rechtes des Urhebers.

96.—Срокъ авторскаго права опредѣляется закономъ 11 іюня 1870 года слѣдующимъ образомъ:

---

[87]) Въ оригиналѣ: «öffentliche Actenstücke».

[88]) См. Klostermann, ibid. s. 48.

Защищаются *тридцать лѣтъ со дня изданія*:

a) Анонимныя произведенія (ст. 11).

b) Псевдонимныя произведенія (ст. 11).

c) Посмертныя произведенія (ст. 12).

d) Произведенія лицъ юридическихъ (ст. 13).

e) Сборники, на которые авторское право имѣетъ редакторъ (ст. 13).

Всѣ остальныя сочиненія защищаются, вообще, *въ теченіе всей жизни автора и, въ пользу его наслѣдниковъ, тридцать лѣтъ со дня смерти автора.*

При этомъ, нужно отмѣтить слѣдующее. Въ случаѣ сотрудничества, срокъ защиты исчисляется по жизни того изъ соавторовъ, который умретъ послѣднимъ.—Если сочиненіе издается отдѣльными томами, то срокъ защиты (напр. по отношенію къ переводамъ) вычисляется для каждаго тома отдѣльно.

Такъ, законъ 11 іюня 1870 года прямо говоритъ:

«Статья 14. Для сочиненій, которыя издаются въ нѣсколькихъ томахъ, но трактуютъ объ одномъ предметѣ и, потому, должны быть разсматриваемы какъ одно цѣлое,—срокъ защиты высчитывается со дня появленія въ свѣтъ послѣдняго тома или послѣдняго выпуска.

Однако, если между выходомъ въ свѣтъ отдѣльныхъ выпусковъ или томовъ прошло больше трехъ лѣтъ, то всѣ выпуски, томы и т. п., вышедшіе ранѣе этого промежутка, считаются за самостоятельное произведеніе, такъ же какъ и тѣ, которые выйдутъ послѣ этого промежутка».

Въ заключеніе, мы должны еще обратить вниманіе на статью 10, согласно которой авторъ можетъ печатать свое сочиненіе, раньше уже появившееся въ періодическомъ журналѣ,—и отдѣльнымъ изданіемъ, но не раньше, какъ по прошествіи двухъ лѣтъ. Такимъ образомъ, въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ со дня появленія статьи въ періодическомъ изданіи авторъ не можетъ безъ дозволенія редактора помѣстить эту статью ни въ другомъ періодическомъ изданіи, ни въ собраніи своихъ сочиненій,—а также не можетъ напечатать ее отдѣльнымъ изданіемъ [89]).

---

[89]) Ср. Dambach, op. cit. s. 106—107.

V. Entschädigung und Strafen.

97.—Статью 18, трактующую о наказаніяхъ, которымъ можетъ подвергнуться контрафакторъ, можно раздѣлить на слѣдующія три части.

Во-первыхъ, наказываются тѣ кто «vorsätzlich oder aus Fahrlässigkeit einen Nachdruck in der Absicht, denselben innerhalb oder ausserhalb des Norddeutschen Bundes zu verbreiten, veranstaltet» [90]). Здѣсь нужно отмѣтить, что законъ не дефинируетъ ни термина «Vorsatz», ни «Fahrlässigkeit». Первое изъ нихъ заключается—насколько это можно опредѣлить изъ комментарія Dambach'a [91])—въ томъ, что обвиняемый приготовляетъ механическое воспроизведеніе сочиненія *съ намѣреніемъ таковое распространять* и съ полнымъ сознаніемъ неправомѣрности подобнаго воспроизведенія.

«Fahrlässigkeit» же состоитъ въ томъ, что издатель воспроизводитъ [92]) какое-нибудь произведеніе литературы съ намѣреніемъ таковое распространять, но не зная, что онъ этимъ нарушаетъ чьи-либо авторскія или издательскія права. Однако, самое это незнаніе вмѣняется ему въ вину потому, что, начиная изданіе, онъ имѣлъ, по обстоятельствамъ дѣла полную возможность удостовѣриться въ существованіи или не-существованіи какихъ либо на сочиненіе правъ—и если онъ не освѣдомился, то только по своей нерадивости.

Такимъ образомъ, опредѣляющимъ моментомъ контрафакціи является *намѣреніе распространять свое изданіе*. Поэтому, тотъ, кто напечатаетъ одинъ или даже нѣсколько оттисковъ для собственнаго своего употребленія—не можетъ еще быть обвиненъ въ контрафакціи. Но, въ то же время, распространеніе можетъ быть преступнымъ даже въ томъ случаѣ, если оно и не предполагаетъ имущественной выгоды для распространителя. Распространеніе контрафактныхъ экземпляровъ составляетъ, само по себѣ, нарушеніе правъ автора, такъ что является совер-

---

[90]) См. ст. 18.

[91]) Ср. Dambach, op. cit. s. 131.

[92]) Ср. ibid. s. 132.

шенно безразличнымъ, извлекаетъ ли кто-нибудь изъ этого распространенія себѣ имущественную пользу, или нѣтъ. Не даромъ, по словамъ **Koch'a**, «утверждать, что контрафакція безъ цѣлей имущественнаго обогащенія не есть контрафакція, было бы также справедливо, какъ утверждать, что воровство дозволено, если сворованныя вещи потомъ подарены третьему лицу» [93]).

Итакъ, всякій, совершившій контрафакцію умышленно или неумышленно, «долженъ возмѣстить автору или его наслѣдникамъ понесенные убытки и, кромѣ того, уплатить штрафъ до одной тысячи талеровъ». Вмѣсто уплаты убытковъ, контрафакторъ можетъ быть присужденъ къ уплатѣ такъ называемой Busse, о которой мы скажемъ ниже.

98.—Ко второй категоріи относятся тѣ контрафакторы, которые «auf Grund entschuldbaren, thatsächlichen oder rechtlichen Irrthums in gutem Glauben gehandelt haben» [94]). Эти контрафакторы *не платятъ вышеуказаннаго штрафа*, но могутъ быть присуждены къ возмѣщенію убытковъ или къ уплатѣ Busse.

По этому поводу укажемъ, прежде всего, на слѣдующій фактъ. Ограниченіе въ пользу тѣхъ издателей, которые были жертвами юридической ошибки (неправильнаго пониманія или толкованія нормъ)—было внесено въ законъ 11 іюня 1870 года только въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій рейхстага. Въ «мотивахъ» мы, между прочимъ, находимъ указаніе [95]), почему въ законъ 11 іюня 1870 года было внесено такое, на первый взглядъ, странное постановленіе. Согласно обыкновенно принятому правилу,—говорятъ «мотивы»—юридическая ошибка обвиняемаго не можетъ освободить его отъ уголовной отвѣтственности. Обвиняемый не можетъ ссылаться не только на то, что онъ не зналъ нормы, но даже на то, что онъ норму толковалъ не такъ, какъ толкуетъ судъ. Однако, составители разбираемаго закона сочли неудобнымъ примѣнить это правило и къ отношеніямъ издателей, авторовъ и публики. Все понятіе контрафакціи представляется до сихъ поръ еще на-

---

[93]) Dambach, op. cit. s. 132.

[94]) См. ст. 18.

[95]) См. Dambach, op. cit. s. 137.

столько неопредѣленнымъ, что мыслимы тысячи случаевъ, когда судъ можетъ обвинить въ контрафакціи такого человѣка, который, съ своей точки зрѣнія, дѣйствовалъ вполнѣ правомѣрно.

Всѣ тѣ, кто совершаетъ контрафакцію по ошибкѣ или недоразумѣнію, какъ мы уже сказали выше, не платятъ штрафа, а принуждаются къ возмѣщенію убытковъ или къ уплатѣ *Busse*. Относительно этой послѣдней, Lyon-Caen даетъ такое объясненіе [96]): «Такъ называемая Busse имѣетъ признаки, которые отличаютъ ее и отъ штрафа, и отъ возмѣщенія убытковъ. Въ отличіе отъ послѣдняго она постановляется приговоромъ уголовнаго суда независимо отъ наказанія и въ предѣлахъ, опредѣленныхъ закономъ. Въ отличіе отъ штрафа—Busse идетъ въ пользу частныхъ обвинителей, не можетъ быть замѣнена отбытіемъ наказанія и уплачивается только одинъ разъ даже въ томъ случаѣ, когда обвиняемыхъ нѣсколько» [97]).

Такого рода Busse, въ размѣрѣ не больше 2000 талеровъ, можетъ быть присуждена въ пользу истца, который въ такомъ случаѣ лишается права вчинать гражданскій искъ (даже въ томъ случаѣ, если ему въ Busse будетъ отказано).

99.—Наконецъ, въ третью категорію нужно поставить тотъ случай, когда, «der Veranstalter des Nachdrucks kein Verschulden trifft»; въ этомъ случаѣ онъ долженъ возмѣстить автору понесенные этимъ послѣднимъ убытки, но только *въ размѣрѣ своего собственнаго обогащенія*» [98]). Такимъ образомъ, въ томъ случаѣ, когда со стороны перепечатывающаго нѣтъ вины—онъ, всетаки, долженъ вернуть автору весь барышъ, ибо никто не можетъ обогащаться на счетъ другого.

Дальнѣйшія статьи даннаго закона (ст. 19—25) содержатъ подробности, изложеніи которыхъ отняло бы у насъ слишкомъ много мѣста. Отмѣтимъ только слѣдующее:

1) Попуститель или подстрекатель контрафактора отвѣчаетъ на общихъ основаніяхъ—даже въ томъ случаѣ, когда самый

---

[96]) Lyon-Caën, Lois françaises etc. T. I, p. 61, r. 5.
[97]) См. также J. Grimm, Rechtsalterthümer, s. 649.
[98]) См. ст. 18.

контрафакторъ окажется невиновнымъ въ силу, напримѣръ, только что приведеннаго постановленія ст. 18-ой (ст. 20).

2) Всѣ контрафактныя изданія и орудія контрафакціи конфискуются и уничтожаются, но авторъ или его наслѣдники могутъ пріобрѣсти ихъ, по взаимному соглашенію съ контрафакторомъ, въ свою собственность (ст. 21).

3) Въ случаѣ, если цитирующій (см. ст. 7, а) не укажетъ источниковъ,—онъ можетъ быть присужденъ къ max. 20 талерамъ штрафу (ст. 24).

4) къ наказуемой контрафакціи причисляются также и дѣйствія того лица, который продаетъ или, вообще, какъ-либо распространяетъ *завѣдомыя контрафакціи* (ст. 25).

VI. Eintragsrolle [99]).

100.—Относительно внесенія сочиненій въ особый регистръ,—нужно замѣтить, что таковое должно производиться у Stadtrath'a города Лейпцига (ст. 39)—причемъ послѣдній не обязуется въ чемъ либо провѣрять показанія того, кто заявляетъ о новомъ изданномъ сочиненіи (ст. 40). О всѣхъ сочиненіяхъ внесенныхъ въ Лейпцигскій списокъ будетъ дѣлаться объявленіе въ газетѣ «Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel» (ст. 41). Расходы не должны превышать 15 зильбергрошей (75 коп.), не считая платы за вышеуказанное объявленіе.

VII. Geographische, topographische, naturwissenschaftliche und ähnliche Zeichnungen.

101.—Всѣ вышеуказанныя положенія первыхъ 42-хъ статей примѣняются въ полномъ своемъ объемѣ также и къ слѣдующимъ изданіямъ:

«Ст. 43... географическіе, топографическіе, естественно-историческіе, архитектурные, техническіе и другіе того же характера рисунки и изображенія, которые не могутъ быть причислены къ произведеніямъ искусства въ виду спеціальнаго ихъ назначенія».

---

[99]) Мы пропускаемъ два отдѣла Verfaren и Verjährung—ибо они имѣютъ чересчуръ мѣстный интересъ, не имѣя никакого отношенія къ нашей задачѣ.

Впрочемъ дозволяется заимствовать подобные рисунки для объясненія текста въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ текстъ (самостоятельный) является центромъ изданія, а изображенія «служатъ только для объясненія его...» Необходимо указать источникъ.

Запрещеніе перепечатывать географическія карты и другіе подобные рисунки, впрочемъ, ограничивается общимъ правиломъ: запрещается перепечатывать чужое изданіе только— какъ таковое. Поэтому, путешественникъ, издавшій карту впервые изслѣдованной имъ страны, не можетъ помѣшать другому путешественнику издать другую карту той же мѣстности по собственнымъ этого второго путешественника позднѣйшимъ изслѣдованіямъ. — Никому не запрещено издавать свои собственные рисунки новаго физическаго опыта, пояснительные чертежи котораго только что обнародованы его авторомъ. Запрещеніе касается только воспроизведенія прежняго рисунка въ неизмѣненномъ видѣ.

VIII. Musikalische Kompositionen.

102.—Статьи 45—49 разбираемаго закона защищаютъ отъ контрафакціи *произведенія музыкальныя*. Объектомъ авторскаго права въ области музыки законъ называетъ «musikalische Kompositionen» (ст. 45). Такимъ образомъ, и въ этой области законъ 11 іюня 1870 года защищаетъ только тѣ произведенія («Kompositionen»), которыя носятъ отпечатокъ индивидуальнаго творчества автора, и только въ томъ случаѣ, когда это послѣднее выражено въ формѣ, допускающей обращеніе произведенія на музыкальномъ рынкѣ. Творческая дѣятельность композитора, конечно, можетъ проявляться въ разнообразныхъ формахъ, но всѣ онѣ, безъ различія названій, защищаются закономъ 11 іюня 1870 года,—разъ они удовлетворяютъ указанному условію. «Поэтому, защитой пользуются не только оперы, симфоніи, концерты, ораторіи и т. п. произведенія— но и обыкновенные пѣсни, танцы, марши и даже техническія упражненія и школы фортепіанной игры [100]).

[100]) Harum_op. cit., s. 102.

Также какъ и въ литературныхъ произведеніяхъ—не обращается вниманія ни на значеніе, ни на достоинство сочиненія, ни на то, собирался ли авторъ издать его въ свѣтъ, или нѣтъ. Въ силу ст. 2-й авторское право можетъ быть присвоено и редактору музыкальнаго сборника, если только сборникъ удовлетворяетъ вышеуказаннымъ требованіямъ (см § 85).

Защищаются закономъ 11 іюня 1870 года не только манускрипты (ст. 5, b.) но и *музыкальныя импровизаціи*. Послѣднія, конечно, должны быть приравнены къ импровизаціямъ устнымъ. Поэтому, Dambach говоритъ [101]), что, «wenn daher eine freie Phantasie zur Erbauung (z. B. auf der Orgel in der Kirche), oder zur Belehrung (z. B. in einer Musikschule), oder zur Unterhaltung (z. B. in einem Konzerte) vorgetragen wird, so darf dieselbe ohne Genehmigung des Urhebers nicht abgedruckt werden». Намъ кажется, что подобная натяжка (напримѣръ, о наставительности игры на органѣ въ церкви) вовсе не нужна. Въ самомъ дѣлѣ, законъ 11 іюня 1870 года совершенно ясно указываетъ (см. ст. 45), что къ музыкальнымъ произведеніямъ прилагаются статьи 1—5 и 8—42. Статья 6 выпущена потому, что произведенія музыкальныя не могутъ переводиться, а пропускомъ статьи 7 законодатель, очевидно, хотѣлъ показать, что по отношенію къ воспроизведенію музыкальныхъ сочиненій ни въ какомъ случаѣ свобода изданія устныхъ произведеній (= музыкальныхъ импровизацій) разрѣшена быть не можетъ. Да и дѣйствительно, законъ 11 іюня 1870 года разрѣшаетъ защиту рѣчей, произносимыхъ zur Erbauung и т. д.—не потому, что эти рѣчи произносятся, именно, для поученія (что значитъ: рѣчь произнесенная «zur Unterhaltung»?)—а потому, что тремя терминами Belehrung, Erbauung, Unterhaltung—разбираемый законъ хочетъ обозначить всѣ тѣ рѣчи, *которыя не имѣютъ отношенія къ публичнымъ и оффиціальнымъ собраніямъ и засѣданіямъ*. По причинамъ, отчасти понятнымъ, германскій законъ отказываетъ въ защитѣ, именно, послѣднимъ рѣчамъ—*всѣ же остальныя защищаетъ*. При такой точкѣ зрѣнія не трудно показать, что *всѣ музыкальныя импро-*

[101]) Op. cit. s. 222.

визаціи защищаются закономъ 11 іюня: въ самомъ дѣлѣ, ни одна изъ нихъ не можетъ служить элементомъ публичнаго собранія, судебныхъ преній, политической сходки. Слѣдовательно, законъ 11 іюня, отказывающій въ защитѣ всему тому, что служитъ элементомъ такихъ собраній (*чтобы способствовать распространенію путемъ газетъ точныхъ свѣдѣній объ этихъ послѣднихъ*)—безусловно можетъ защитить *эти музыкальныя импровизаціи*, какъ ничего общаго съ подобными собраніями не имѣющія. Мы привели всѣ эти соображенія для того, чтобы показать, насколько безполезны могутъ быть натяжки, вызванныя желаніемъ всему найти «свою букву въ законѣ».

103.—Контрафакціей музыкальныхъ сочиненій, такъ же какъ и литературныхъ, считается не только буквальная ихъ перепечатка, но и всякія

«Статья 46... обработки музыкальныхъ произведеній, изданныя безъ дозволенія автора, если эти обработки не могутъ быть разсматриваемы какъ самостоятельныя новыя музыкальныя произведенія; безусловно запрещается печатать такъ называемыя попурри, арранжировки для отдѣльныхъ или соединенныхъ инструментовъ или голосовъ и воспроизведенія отдѣльныхъ мотивовъ безъ художественной обработки этихъ послѣднихъ».

Такимъ образомъ, и здѣсь законъ переноситъ центръ вопроса не на форму и названіе, а на внутреннее содержаніе произведенія. Вопросъ заключается не въ томъ, какое названіе дано передѣлкѣ, а въ томъ — *что*, *собственно*, *представляетъ эта передѣлка по отношенію къ оригиналу*. Иначе, конечно, нельзя было и поступить. Всякій контрафактный случай поступаетъ на обсужденіе коммиссіи изъ «Komponisten, Musikverständige und Musikalienhändler», — и такая коммиссія рѣшаетъ, можетъ ли данная передѣлка быть разсматриваема какъ самостоятельное произведеніе, — или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ авторъ ея признается виновнымъ въ контрафакціи. Далѣе мы подробно разсмотримъ настоящій вопросъ [102]).

104. — Разрѣшается перепечатка музыкальныхъ произве-

[102]) См. § 408 и слѣд.

деній даже дословная, если послѣднія приводятся въ качествѣ цитаты, или если произведеніе перепечатывается

«въ ученомъ сочиненіи, составляющемъ по своему содержанію самостоятельное произведеніе; также дозволяется печатать музыкальныя произведенія въ сборникахъ предназначенныхъ для употребленія въ школахъ (*но не музыкальныхъ*)». (Ст. 47).

Смыслъ этой статьи таковъ: законъ 11 іюня 1870 года въ принципѣ *запрещаетъ составленіе музыкальныхъ хрестоматій*. Происходитъ это отъ того, что музыкальное сочиненіе не теряетъ интереса даже въ томъ случаѣ, когда оно взято отдѣльно—въ противоположность отдѣльному изданію небольшаго стихотворенія. Даже отдѣльное изданіе самаго незначительнаго по объему музыкальнаго сочиненія (Schumann — «Warum?») можетъ принести издателю значительный доходъ. Поэтому, разрѣшить свободное печатаніе небольшихъ музыкальныхъ сочиненій въ сборникахъ, даже учебныхъ (хрестоматіяхъ),было бы—лишить авторовъ значительной части дохода. Возьмите *отдѣльно* лучшее стихотвореніе Пушкина—оно представитъ мало интереса, тогда какъ мазурка Шопена всегда сохранитъ все свое значеніе, будетъ ли она напечатана вмѣстѣ съ другими его мазурками,—отдѣльно,—или въ музыкальной хрестоматіи. Вотъ почему мы считаемъ вполнѣ правильнымъ взглядъ германскаго закона, запрещающаго свободное составленіе музыкальныхъ хрестоматій, не смотря на то, что этотъ самый законъ разрѣшаетъ свободное составленіе хрестоматій литературныхъ.

Но законъ 11 іюня не выдерживаетъ вполнѣ такой своей точки зрѣнія,—и дозволяетъ печатаніе музыкальныхъ хрестоматій для употребленія въ дѣтскихъ школахъ (т. е. для *школъ, спеціально музыкой не занимающихся*). Конечно, фактъ этотъ вполнѣ понятенъ и легко объяснимъ. Объяснимъ онъ, во первыхъ, сравнительно, незначительнымъ количествомъ тѣхъ музыкальныхъ сочиненій, которыя могутъ быть потребны для школъ, по своему главному назначенію, не музыкальныхъ; во вторыхъ,—большимъ развитіемъ любви къ музыкѣ и пѣнію въ Германіи. Элементарное обученіе пѣнію введено во всѣхъ нѣмецкихъ школахъ, и лишить учениковъ дешевыхъ хорошихъ

сборниковъ — значило бы или наводнить школы сборниками не-музыкальныхъ пѣсенъ, сочиненныхъ ad hoc,—или заставить учениковъ платить слишкомъ большія деньги. И то, и другое послужило бы значительнымъ тормазомъ для дѣла, безспорно полезнаго и заслуживающаго всякаго поощренія. Вотъ почему, вѣроятно, законодатель и дозволилъ, чтобы составители всѣхъ тѣхъ сборниковъ, которые обработаны согласно программамъ музыкальнаго обученія въ гимназіяхъ, школахъ, училищахъ и т. п. (но повторяемъ — не въ школахъ музыкальныхъ) — могли пользоваться даже тѣми музыкальными произведеніями, которыя составляютъ еще частную собственность. Но очевидно, что сборники, напримѣръ, для такъ называемыхъ Musikvereiп'овъ—въ эту категорію не входятъ.

105.—Для того, чтобы облегчить появленіе музыкальныхъ произведеній, законъ 11 іюня 1870 года не запрещаетъ

«...употребленіе уже изданнаго въ свѣтъ литературнаго произведенія въ видѣ текста для музыкальнаго произведенія, подъ условіемъ, чтобы этотъ текстъ и музыкальное произведеніе печатались неразрывно» (ст. 48).

Подобное постановленіе вполнѣ понятно. Уже изъ самаго выраженія «употребленіе... въ видѣ текста» видно, что приведенное дозволеніе не можетъ оправдать дѣйствія того лица, которое соединитъ *чужія* произведенія: музыкальное и литературное, и въ такомъ видѣ напечатаетъ ихъ, опираясь на цитированную статью. Очевидно, что эта статья даетъ право напечатать текстъ только самому композитору музыкальнаго сопровожденія или, конечно, его наслѣдникамъ.

Въ то же время, судъ всегда сохраняетъ право рѣшить, не совершена ли данная перепечатка текста in fraudem legis, ибо она можетъ быть дозволена только тогда, когда музыкальное сопровожденіе составляетъ основу даннаго составного сочиненія, текстъ же играетъ роль второстепенную. Наконецъ, не разрѣшается подобное пользованіе тѣми текстами, которые пишутся со спеціальною цѣлью утилизированія для музыкальнаго произведенія (либретто оперъ, ораторій и т. п.).

IX. *Oeffentliche Aufführung dramatischer, musikalischer oder dramatisch-musikalischer Werke.*

106.—Статья 50 раздѣляетъ всѣ произведенія, подлежащія публичному исполненію, на слѣдующія три категоріи.

A. Произведенія драматическія музыкальныя и драматическо-музыкальныя ненапечатанныя защищаются отъ недозволеннаго авторомъ публичнаго исполненія. Это постановленіе было принято рейхстагомъ безъ дальнѣйшихъ обсужденій.

B. Произведенія драматическія и драматическо-музыкальныя напечатанныя защищаются отъ публичнаго исполненія также безусловно. Было принято въ соображеніе, что «было бы не логичнымъ постановленіе, которое лишало автора исключительнаго права публичнаго исполненія только потому, что онъ издалъ въ свѣтъ свое сочиненіе» [103]). Подобныя соображенія кажутся намъ вполнѣ справедливыми, такъ же какъ и тѣ, которыя Dambach далѣе прибавляетъ отъ себя. «Рѣшено было также не требовать отъ авторовъ, чтобы они особыми заявленіями на заглавномъ листѣ сохраняли за собой право публичнаго исполненія—ибо эта формальность можетъ быть исполнена всякимъ и, слѣдовательно, теряетъ какой бы то ни было смыслъ» [104]). Итакъ, мы вполнѣ согласны съ тѣми соображеніями, на основаніи которыхъ Dambach одобряетъ положеніе закона 11 іюня 1870 г. о произведеніяхъ драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ. Но совершенно неяснымъ становится дѣло, если мы разсмотримъ вопросъ о третьей категоріи.

107.—*C. Произведенія чисто-музыкальныя напечатанныя* защищаются отъ публичнаго исполненія только въ томъ случаѣ, *если авторъ сдѣлаетъ на заглавномъ листѣ изданія специальную оговорку* о томъ, что онъ желаетъ сохранить за собою право публичнаго исполненія. Обсуждая это положеніе, Dambach уже не становится, почему то, на прежнюю точку

[103]) «Мотивы»—Dambach op. cit. s. 255.

[104]) Ibid.

зрѣнія («авторъ не можетъ потерять право публичнаго исполненія только отъ того, что онъ напечатаетъ свое произведеніе»)—а довольствуется тѣмъ, что приводитъ мнѣніе коммиссіи, согласно которому *позволеніе удержать* за собою право публичнаго исполненія является какъ бы особою милостью по отношенію къ композитору, точно это право не принадлежитъ ему такъ же, какъ и драматургу. Коммиссія-де пришла къ заключенію, что необходимо дать композитору возможность «оставлять за собою право публичнаго исполненія даже (!) и въ томъ случаѣ, если онъ свое произведеніе напечатаетъ» [105]). Коммиссія сама признаетъ, что права публичнаго исполненія *нельзя отнять* у авторовъ, а, между тѣмъ, лишаетъ права публичнаго исполненія всякаго композитора, который позабудетъ напечатать на обложкѣ изданія: «alle Rechte vorbehalten». Мы не видимъ рѣшительно никакой разницы между драматургомъ и композиторомъ въ отношеніи ихъ правъ на свои сочиненія и, потому, думаемъ, что германскій законодатель сдѣлалъ грубую несправедливость, тѣмъ болѣе странную, что она не оправдывается никакими практическими соображеніями.

Наконецъ, развѣ не прилагается вышеуказанное соображеніе Dambach'a о *безполезности* установленія подобной формальности,—къ произведеніямъ музыкальнымъ? Развѣ всякій композиторъ при всякомъ изданіи не имѣетъ полной возможности печатать три приведенныя слова, ничего въ сущности, не значащія,—и развѣ, съ такой точки зрѣнія, требованіе печатать эти три слова не такъ же безцѣльно по отношенію къ произведеніямъ музыкальнымъ, какъ оно было бы безцѣльно по отношенію къ произведеніямъ драматическимъ?

108.—Слѣдующій абзацъ статьи 50 регулируетъ права *переводчиковъ на публичное исполненіе ихъ переводовъ* такимъ образомъ:

---

[105]) Ibid., s. 236.—Удивительно странное впечатлѣніе производитъ сравненіе этой цитаты и той, которая помѣщена у насъ нѣсколько выше, подъ выноской 103-ей!

«... Уподобляется автору въ отношеніи исключительнаго права публичнаго исполненія—всякій издатель правомѣрнаго перевода драматическаго произведенія».

На первый взглядъ можетъ показаться, что эта статья представляется излишнею въ виду того, что законъ 11 іюня содержитъ ст. 6 a, гласящую:

«...Переводы пользуются защитой настоящаго закона отъ воспроизведенія—наравнѣ съ произведеніями оригинальными»...

Но нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что германскій законъ не считаетъ, вообще, что подъ терминомъ «Nachdruck» подразумѣвается еще и публичное исполненіе произведеній (см. начало ст. 50). Вышеприведенная ст. 6 защищаетъ переводы только отъ Nachdruck'a—слѣдовательно, было необходимо включить спеціальное постановленіе еще о томъ, что переводы защищаются и отъ публичнаго исполненія.

Изъ того страннаго ограниченія къ невыгодѣ композиторовъ, о которомъ мы говорили выше (необходимость сдѣлать оговорку на изданіи)—вытекаетъ не менѣе странное и невыгодное слѣдствіе и относительно публичнаго исполненія всякихъ попурри и другихъ «adaptations». Въ самомъ дѣлѣ. Если авторъ музыкальнаго сочиненія сохранитъ за собой право публичнаго исполненія, то, въ силу ст. 50 абзацъ 4, гласящей:

... «Запрещается публичное исполненіе неправомѣрнаго перевода или неправомѣрной передѣлки какого-нибудь произведенія»...

—авторъ можетъ воспретить публичное исполненіе всякой незаконной передѣлки его произведенія. Но—говоритъ Dambach (разсуждая, нужно признать, вполнѣ логично)—невозможно допустить, *чтобы авторъ могъ запретить публичное исполненіе противозаконной передѣлки въ томъ случаѣ, если онъ даже по отношенію къ оригиналу не имѣетъ подобнаго права*. Если авторъ не сохранитъ за собой права публичнаго исполненія даннаго скрипичнаго концерта, то было бы не логичнымъ, чтобъ онъ, не имѣя права запретить публичное исполненіе *всего* концерта, могъ бы воспретить исполненіе *ча-*

сти его или попурри, сдѣланнаго изъ нѣсколькихъ частей. Соображеніе вполнѣ справедливое, если мы примемъ во вниманіе, что разбираемый законъ раздѣляетъ понятія права исключительнаго воспроизведенія и права публичнаго исполненія,—но, въ тоже время, выводы изъ него могутъ быть весьма печальны для тѣхъ композиторовъ, которые будутъ имѣть неосторожность отказаться отъ своихъ правъ на публичное исполненіе. Самая же возможность существованія подобныхъ выводовъ еще ярче указываетъ на ненормальность указаннаго постановленія о спеціальной оговоркѣ.

109.—Относительно сроковъ защиты права публичнаго исполненія нужно замѣтить, что они, приблизительно, совпадаютъ со сроками защиты права исключительнаго воспроизведенія. Такъ, защищаются пожизненно для автора и 30 лѣтъ со дня его смерти для наслѣдниковъ:

1) произведенія не напечатанныя и не исполненныя публично;

2) произведенія не напечатанныя, но исполненныя публично;

3) произведенія напечатанныя.

Произведенія анонимныя, псевдонимныя и посмертныя защищаются 30 лѣтъ со дня изданія (ст. 52). При исчисленіи всѣхъ этихъ сроковъ, годъ смерти автора или годъ изданія сочиненія—въ расчетъ не принимаются (ст. 16).

110.—За недозволенное авторомъ публичное исполненіе произведеній драматическихъ, музыкальныхъ и драматическо-музыкальныхъ, виновные подвергаются тому же наказанію, какъ и за контрафакцію.

Впрочемъ, нужно отмѣтить, что размѣръ вознагражденія убытковъ автора точно опредѣленъ закономъ:

«Возмѣщеніе убытковъ, на которое имѣетъ право авторъ въ случаѣ нарушенія третьими лицами ст. 54-ой, не можетъ превышать чистой выручки, полученной отъ недозволеннаго исполненія» (ст. 54).

Въ томъ случаѣ только, когда никакой выручки не было, или если ея нельзя опредѣлить, «размѣръ вознагражденія опредѣляется по свободному усмотрѣнію судьи» (ibid).

Остальныя статьи этой главы не представляютъ интереса для нашего обзора.

X. *Allgemeine Bestimmungen.*

111.—Согласно ст. 57, законъ 11 іюня 1870 года долженъ былъ войти въ силу 1 января 1871 года, причемъ съ этого момента отмѣнялись всѣ предъидущіе законы. Что же касается переходнаго періода и ретроактивнаго значенія, то законъ этотъ заключаетъ слѣдующія постановленія.

Законъ 11 іюня 1870 года долженъ былъ имѣть силу для всѣхъ тѣхъ сочиненій, которыя удовлетворяли его требованіямъ. Такимъ образомъ,

«...настоящій законъ примѣняется по отношенію ко всѣмъ ранѣе изданнымъ литературнымъ, музыкальнымъ и драматическимъ произведеніямъ и рисункамъ, даже въ томъ случаѣ, если они, по ранѣе существовавшимъ мѣстнымъ законамъ, защитой отъ перепечатки, воспроизведенія и публичнаго исполненія не пользовались». (Ст. 58).

Это постановленіе вполнѣ ясно само по себѣ, и необходимо выяснить только одинъ вопросъ: защищаетъ ли законъ 11 іюня 1870 года тѣ произведенія, которыя по предъидущимъ законоположеніямъ пользовались защитой, но потомъ, по истеченіи законнаго срока, обратились въ общественное достояніе? Такъ, напримѣръ, драматическое сочиненіе, появившееся въ 1859 году, по прежнимъ законоположеніямъ защищалось только до 1869 года (10 лѣтъ), такъ что законъ 1870 года засталъ его состоящимъ уже въ общественномъ пользованіи. Будетъ ли возобновлено до 1889 года уже *угасшее право*, въ виду того, что по новому закону право публичнаго исполненія продолжено на 20 лѣтъ сверхъ прежняго срока? Намъ кажется, что на этотъ вопросъ нельзя отвѣтить иначе, какъ утвердительно, въ виду того, что законъ 11 іюня 1870 года защищаетъ даже тѣ сочиненія, которыя до его изданія никакой защитой не пользовались (см. выше). Всякія сочиненія, удовлетворяющія требованіямъ, поставленнымъ въ законѣ, защищаются имъ—даже въ томъ случаѣ, когда по прежнимъ по-

становленіямъ авторское право на нихъ не существовало, или, по аналогіи,—если оно было прекращено. Конечно, сдѣланныя по истеченіи прежняго срока изданія третьихъ лицъ—должны приниматься въ расчетъ и запрещены быть не могутъ.

112.—Необходимо, впрочемъ, отмѣтить еще слѣдующую особенность:

«Статья 59. Въ виду того, что, по существовавшимъ до сихъ поръ мѣстнымъ законодательствамъ, требовались для сохраненія исключительнаго права перевода другого рода формальности и для изданія перваго перевода—другіе сроки, чѣмъ тѣ, которые установлены ст. 6, а—всѣ эти постановленія сохраняютъ свою силу по отношенію къ сочиненіямъ, изданнымъ до входа въ силу настоящаго закона».

Подобная мѣра, т. е. не-примѣненіе новаго закона къ прежнимъ изданіямъ (по вопросу о переводахъ), необходимо вызывалась тѣмъ, что предъидущіе законы, именно, по этому вопросу сильно отличались отъ закона 11 іюня, такъ что авторъ, исполнившій всѣ формальности, необходимыя для сохраненія права исключительнаго перевода по предъидущимъ законоположеніямъ,—могъ оказаться лишеннымъ этого права въ силу новаго закона. Это-то неудобство и уничтожается приведенною ст. 59-ою.

113.—Впрочемъ, несмотря на всѣ вышеприведенныя постановленія, законъ 11 іюня 1870 года разрѣшаетъ продажу тѣхъ перепечатокъ, которыя были предприняты до 1 января 1871 года безъ нарушенія существовавшихъ тогда законовъ, но противно постановленіямъ закона новаго. Эти перепечатки могли быть докончены и распроданы, но подъ условіемъ представить въ трехъ-мѣсячный срокъ (до 31 Марта 1871 года) всѣ напечатанные до тѣхъ поръ экземпляры и всѣ изготовленные для этой цѣли снаряды—правительству *для приложенія установленныхъ клеймъ*.

Всякая выдача привилегій прекращалась, въ силу ст. 60, со дня входа въ силу закона 11 іюня 1870 года.

Законъ 9 января 1876 года о защитѣ авторскаго права на произведенія искусствъ изобразительныхъ [106]).

(Gesetz betreffend das Urheberrecht an werken der bildenden Künste).

114.—Относительно этого закона мы должны отмѣтить, что онъ составляетъ буквальное воспроизведеніе закона 11 іюня 1870 года въ слѣдующихъ своихъ частяхъ:

B. Срокъ авторскаго права [107]).

C. Санкція авторскаго права.

Конечно, «буквальное воспроизведеніе» касается только смысла—терминъ же «Schriftwerk» замѣненъ выраженіемъ «Werke der bildende Künste». Такимъ образомъ, намъ остается разсмотрѣть только часть A, объ исключительномъ правѣ автора.

115.—Наибольшая трудность заключалась въ томъ, чтобы выбрать выраженіе, точно выражающее понятіе объекта авторскаго права по данному закону. Выраженія «Kunstwerk», «artistisches Erzeugniss», «Zeichnungen oder Gemälde» были поочереди оставлены, какъ неточныя. Въ концѣ концовъ, коммиссія остановилась на выраженіи «Werke der bildenden Künste» [108]), ибо это выраженіе наиболѣе точно проводитъ границу между произведеніями, подлежащими защитѣ въ силу даннаго закона—и произведеніями музыки и поэзіи; въ то же время, оно заключаетъ въ себѣ произведенія какъ живописи, такъ и рисованія, скульптуры, архитектуры, и т. д.

Итакъ, объектомъ авторскаго права по закону 9 Января 1876 года признается всякій «Werk der bildenden Künste». Мы не будемъ распространяться здѣсь о томъ, какъ нужно понимать этотъ терминъ;—вопросъ этотъ, можетъ быть, очень интересенъ, но онъ совершенно выходитъ за рамки нашего изслѣдованія—желающихъ ближе съ нимъ познакомиться мы

---

[106]) См. Reichsgesetzblatt, № 2.—Комментаріи Klostermann'a, Wächter'a («Urheberrecht») и Morillot въ Annuaire de législation étrangère 1876, p. 88 (а не 1877, какъ указываетъ Lyon Caën).

[107]) Кромѣ ст. 14.

[108]) См. Morillot, op. cit. p. 91.

отсылаемъ, напримѣръ, къ Канту [109]). Отмѣтимъ только, что, по общепринятому пониманію термина «искусства изобразительныя», въ числѣ ихъ ставится и *архитектура*. Германскій же законъ принимаетъ иную точку зрѣнія.

116.—Въ самомъ дѣлѣ, законъ 9 Января 1876 года не защищаетъ произведеній архитектуры:

Ст. 3. Настоящій законъ не примѣняется по отношенію къ произведеніямъ архитектуры.

По первоначальному проекту, коммиссія собиралась даже не признать произведенія архитектуры за произведенія искусства (хотѣли редактировать приведенную статью такъ: «архитектура не считается за изобразительное искусство») — но впослѣдствіи статья была измѣнена въ вышеуказанномъ смыслѣ, ибо, очевидно, можно не защищать архитектуру отъ свободнаго воспроизведенія, но не признавать ее за искусство— невозможно.

Wächter объясняетъ приведенную статью слѣдующимъ образомъ [110]): «...къ искусствамъ изобразительнымъ принадлежатъ также скульптура и архитектура; первая изъ нихъ имѣетъ цѣлью выраженіе опредѣленныхъ идей, вторая же обыкновенно служитъ для цѣлей болѣе матеріальныхъ; всякое зданіе строится для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей («einem Gebrauchszwecke zu dienen») — цѣли же эстетическаго наслажденія остаются на второмъ планѣ. Вотъ почему, архитектура переходитъ художественныя границы, и художественнаго авторскаго права архитекторъ имѣть не можетъ».

Нѣсколько ниже (см. §§ 391—395) мы спеціально разсмотримъ вопросъ о томъ, должно ли считать произведенія архитектуры за объектъ авторскаго права, — и въ какой степени. Теперь же замѣтимъ, что если большинство зданій не составляетъ оригинальныхъ художественныхъ произведеній, — то нѣкоторыя, очевидно, могутъ быть отнесены къ этой категоріи и, слѣдовательно, должны быть защищаемы тѣмъ закономъ, который гарантируетъ авторское право на произ-

[109]) Kritik der Urtheilskraft, Leipzig 1838, s. 196, ff.—Wächter s. 42, anm. 2.
[110]) Op. cit. s. 41—43.

веденія искусствъ изобразительныхъ. Къ тому же есть много зданій, хотя и служащихъ дѣйствительно, — какъ указываетъ Wächter — для практическихъ цѣлей, — но, не смотря ни на что, всетаки, остающихся произведеніями искусства. Большая лѣстница Французской Оперы (парижской) могла бы быть замѣнена лѣстницей самой обыкновенной, — такъ что въ ней нужно различать лѣстницу, какъ собраніе ступеней, и лѣстницу, какъ великолѣпное произведеніе искусства. Форма, которая придана этой лѣстницѣ, конечно, не имѣетъ никакого значенія утилитарнаго, и, слѣдовательно, даже съ точки зрѣнія Wächter'a—эта форма можетъ составить объектъ авторскаго права. Да, наконецъ, нужно еще доказать, что предметъ, который служитъ для утилитарной цѣли — не можетъ быть объектомъ авторскаго права: статуэтка можетъ прекрасно служить какъ presse-papier, оставаясь подъ защитой отъ контрафакцій.

Вотъ почему, мы считаемъ неправильными слѣдующіе доводы «мотивовъ»: «всѣ принадлежащіе творчеству архитектора планы и рисунки защищаются отъ воспроизведенія ст. 43-ьей закона 11 іюня 1870 года; коммиссія не сочла возможнымъ расширить законодательную защиту еще дальше и запретить третьимъ лицамъ срисовывать уже готовыя зданія—или строить новыя зданія по образцу существующихъ [111])».

Мы не представляемъ себѣ, почему нужно запретить срисовываніе статуи и — въ тоже время — излишне запретить срисовываніе какого нибудь кіоска или фасада. Вѣдь, въ принципѣ, коммиссія признала сходство двухъ искусствъ, ибо она согласилась признавать произведенія архитектуры за произведенія искусства наравнѣ со статуями, картинами и проч.

119.—Выше мы выяснили, что первое условіе, необходимое для того, чтобы предметъ защищался въ силу закона 9 января 1876 года,—это требованіе, чтобы данный предметъ составлялъ произведеніе искусствъ изобразительныхъ, Вторымъ условіемъ является слѣдующее: необходимо, чтобы предметъ составлялъ «*ein Werk*», ибо иначе онъ не можетъ составить объектъ авторскаго права.

[111]) Wächter, op. cit. 43, an. 5.

«Всякое произведеніе искусства («jedes Werk»)—говоритъ Wächter—представляетъ изъ себя художественную концепцію въ художественной, самодовлѣющей формѣ. Концепція эта составляетъ внутреннее содержаніе произведенія, а форма выражается въ технической обработкѣ даннаго содержанія [112])». Такимъ образомъ, по объясненію этого комментатора «ein Werk der Kunst» должно удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1) быть выраженіемъ извѣстной идеи,

2) быть облеченнымъ въ извѣстную форму,

3) — какъ слѣдствіе — быть способнымъ «in den artistischen Verkehr einzutreten» [113]).

118.—Относительно опредѣленія понятія *контрафакціи*, законъ 9 января 1876 года содержитъ, прежде всего, слѣдующее основное положеніе:

«Ст. 4. Не считается контрафакціей употребленіе чужого произведенія искусства для созданія новаго оригинальнаго произведенія искусства».

Подобнаго рода исключеніе было внесено потому, что воспроизведеніе художественныхъ произведеній очень часто требуетъ отъ воспроизводящаго такого количества самостоятельной художественной же дѣятельности, — что этого количества можетъ оказаться достаточнымъ для того, чтобы судъ могъ признать фактъ созданія новаго оригинальнаго (съ юридической точки зрѣнія) художественнаго произведенія. Очень часто (напримѣръ: чтобъ сдѣлать хорошій офортъ съ акварели) отъ автора потребуется столько самостоятельнаго творчества; воспроизведеніе его будетъ выходить изъ принциповъ на столько не схожихъ съ принципами оригинала, что судъ обязанъ будетъ признать воспроизводителя за самостоятельнаго творца. Разбираемый законъ, по обыкновенію, воздерживается въ указанной статьѣ отъ перечисленія casus'овъ,—нужно признать, совершенно немыслимаго въ данномъ вопросѣ. Судья долженъ будетъ самъ, при помощи экспертовъ, произнести свое мнѣніе относительно

[112]) Wächter, op. cit. s. 44.

[113]) Ibid. s. 52.

того, можно ли обвинить отвѣтчика въ контрафакціи, или нужно только признать совершившійся фактъ «свободнаго заимствованія».

119.—Къ наказуемой контрафакціи безусловно причисляются слѣдующія дѣйствія:

«Ст. 5. Считается запрещенною контрафакціею: 1) даже такое воспроизведеніе, которое пользуется иными способами, чѣмъ тѣ, которые были употреблены для созданія оригинала».

Morillot [114]) приводитъ слѣдующее объясненіе этого параграфа въ связи съ пунктомъ вторымъ ст. 6, гласящимъ

«Ст. 6. Не считаются контрафакціей: 1).....2) Воспроизведенія картины или рисунка въ формѣ скульптуры и наоборотъ».

По первоначальному проэкту — говоритъ Morillot — параграфъ 5 содержалъ еще слѣдующее постановленіе: считается контрафакціей «если рисунокъ или картина воспроизводится *механическимъ образомъ* въ видѣ скульптуры или наоборотъ». Но этотъ пунктъ былъ измѣненъ (выкинуто «механическимъ образомъ») и перенесенъ, какъ показано выше, въ ст. 6-ую.

Такимъ образомъ, можетъ возникнуть недоразумѣніе: сдѣлана ли эта перестановка съ цѣлью измѣнить самое значеніе постановленія, или сдѣлана она только изъ видовъ редакціонныхъ? Въ самомъ дѣлѣ—первая редакція запрещаетъ механическое перенесеніе изъ пространства на плоскость (т. е. *дозволяетъ всякое не механическое* перенесеніе); вторая же редакція дозволяетъ *всякое* перенесеніе (т. е. *и механическое*). Несмотря на то, что Morillot утверждаетъ [114]) «подобный вопросъ представляетъ мало интереса, въ виду того, что *невозможно* воспроизводить *механическимъ образомъ* картину въ формѣ статуи; обратное же случается очень рѣдко» — мы позволяемъ себѣ отмѣтить, что онъ точно забываетъ о случаяхъ воспроизведенія статуй фотографами. Дѣятельность послѣднихъ считается по германскому законодательству—какъ мы увидимъ ниже,— механическою, и, слѣдовательно, указанный нами случай будетъ чистымъ видомъ *механическаго* перенесенія изъ про-

[114]) Op. cit. p. 93.
[114]) Ibid.

странства на плоскость. Думаемъ также, что случай этотъ не можетъ быть причисленъ къ рѣдкимъ или маловажнымъ въ практическомъ отношеніи,—какъ это дѣлаетъ Morillot. И именно въ виду возможности возникновенія подобнаго casus'a, мы считаемъ нужнымъ указать на вышеприведенное недоразумѣніе и спросить, взявъ конкретный случай: запрещаетъ ли законъ 9 января 1876 года фотографировать чужую статую?

Къ сожалѣнію, члены коммиссіи отнеслись въ данномъ случаѣ довольно небрежно къ своей задачѣ, ибо, какъ оказывается, ст. 6, не смотря на свою ясную редакцію, выражаетъ совсѣмъ не то, что хотѣла сказать коммиссія — и только историческимъ разборомъ ея возникновенія (т. е. сравненіемъ съ приведеннымъ уничтоженнымъ постановленіемъ ст. 5-ой) можно добраться до ея настоящаго смысла. Повидимому, ст. 6 въ нынѣшней своей редакціи дозволяетъ *всякое* перенесеніе—а, между тѣмъ, мы имѣемъ точное извѣстіе, что членъ коммиссіи, докторъ Wehrenpfennig, въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи прямо заявилъ, что отъ перестановки указаннаго текста изъ ст. 5 въ ст. 6, но съ пропускомъ трехъ словъ, смыслъ постановленія *не измѣняется*. Законъ *продолжаетъ запрещать воспроизведеніе механическое* во всѣхъ его видахъ, хотя бы это воспроизведеніе и переносило произведеніе съ пространства на плоскость или обратно, статья же 6-я говоритъ только о не-механическомъ перенесеніи.

Можно только пожалѣть, что редакція ст. 6-ой настолько слаба, что неподготовленный читатель ничего подобнаго въ ней увидѣть не можетъ [115]).

120.—Кромѣ вышеуказанныхъ случаевъ еще считается контрафакціей:

«...4) Если авторъ или издатель изготовляетъ новое изображеніе даннаго произведенія, вопреки имѣющемуся между ними договору.

5) Если издатель выпускаетъ большее количество копій произведенія, чѣмъ сколько ему дозволено по договору или по положеніямъ законодательства».

---

[115]) Подробный разборъ вопроса о «перенесеніяхъ» можно найти въ §§ 396—403.

Какъ можно замѣтить, оба эти положенія заимствованы изъ закона 11 іюня 1870 года (см. ст. 5, c и d). Такимъ образомъ, мы не считаемъ нужнымъ далѣе распространяться по этому вопросу.

121.—Не считаются контрафакціей, кромѣ вышеуказаннаго воспроизведенія съ перемѣной области искусства, — еще *единичныя копіи отъ руки* (Einzelcopien) въ томъ случаѣ, *если онѣ не предназначены для продажи*. Это положеніе живѣйшимъ образомъ обсуждалось на засѣданіяхъ рейхстага [116]), причемъ было указано, что подобное дозволеніе будетъ поощрять, въ ущербъ художникамъ, копіи, предназначенныя для продажи, напримѣръ, заграницею. Но рейхстагъ, всетаки, включилъ подобное постановленіе въ законъ 9 января 1876 года, исходя изъ того мнѣнія, что запрещеніе копій отъ руки могло бы быть слишкомъ вреднымъ для молодыхъ художниковъ, только еще начинающихъ работать и учащихся на копіяхъ. Было также предложеніе замѣнить выраженіемъ Einzelcopie терминомъ «einmalige Copie», но и оно было отвергнуто, въ виду того, что оно также противорѣчило бы цѣли, постановленной коммиссіей. «Es soll—по замѣчанію коммиссіи [117])—die Handcopie erlaubt werden, gleichviel ob sie einmal oder mehrmals *ohne die Absicht der Verwerthung* genommen wird».

Впрочемъ, наказывается штрафомъ до 500 марокъ тотъ, кто на такой «Einzelcopie» какимъ бы то ни было способомъ изобразитъ подпись или монограмму автора [118]). Намъ кажется, между прочимъ, что этому постановленію вовсе не мѣсто въ данномъ законѣ, ибо оно касается уже не контрафакціи, а чистаго вида подлога.

122.—Согласно ст. 6, пункту 3, дозволяется воспроизводить всѣ произведенія изобразительныхъ искусствъ,

«находящіяся на улицахъ, причемъ это воспроизведеніе должно совершать въ такой художественной формѣ [119]), которая отличалась бы отъ формы оригинала.

---

[116]) Morillot op. cit. p. 95.

[117]) Klostermann op. cit. s. 228.

[118]) См. ст. 6, a.

[119]) Въ оригиналѣ: «Kunstform».

Въ этомъ пунктѣ — оставляя въ сторонѣ его значеніе съ теоретической точки зрѣнія — остается непонятнымъ только одно выраженіе: что значитъ «Kunstform»? Можно ли воспроизвести фреску, находящуюся на внѣшней стороны зданія, — въ видѣ гравюры, т. е. также на плоскости? Klostermann [120]) рѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, говоря, что терминъ «Kunstform» указываетъ не на отдѣльныя области искусствъ изобразительныхъ, а на виды въ узкомъ смыслѣ. Поэтому, можно, напримѣръ, гравировать фреску, находящуюся на улицѣ.

Наконецъ, согласно ст. 8, отчужденіе произведенія изобразительнаго искусства не подразумѣваетъ отчужденія и авторскаго права на оное, за исключеніемъ портретовъ и portait-bustes. Впрочемъ, собственникъ произведенія искусствъ не обязанъ доставлять автору *возможность* воспроизводить произведеніе, и авторъ не имѣетъ права безпокоить собственника.

Всѣ остальные вопросы—какъ-то объ экстра-территоріальномъ значеніи закона, о срокѣ защиты, о процессѣ, наказаніяхъ и проч.—какъ мы уже сказали выше, рѣшаются такъ же, какъ въ законѣ 11 іюня 1870 г.

Законъ 10 Января 1876 года о защитѣ фотографій.

Gesetz vom 10 Januar 1876 betreffend den Schutz der Photographien gegen unbefugte Nachbildung).

123.—Германское законодательство *не признаетъ фотографіи за произведенія искусства* — здѣсь мы опять таки не будемъ разсматривать, насколько это оправдывается теоретически (см. §§ 416—428). Но, не признавая фотографіи за произведенія искусства, германскій законъ 10 января 1876 г., всетаки, защищаетъ ихъ, хотя, нужно признать, въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Объектомъ авторскаго права по закону 10 января 1876 года признается всякая фотографія, за слѣдующимъ исключеніемъ:

[120]) Op. cit. s. 76.

«Ст. 1. Настоящій законъ примѣняется по отношенію ко всѣмъ фотографіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя составляютъ копіи съ произведеній изобразительныхъ, еще находящихся подъ защитой закона 9 января 1876 года.

«Мотивы» объясняютъ это постановленіе тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ фотографъ защищается, какъ наслѣдникъ правъ автора. Однако, Wächter дѣлаетъ [121]) противъ этого положенія — не безъ основанія — слѣдующее замѣчаніе. Авторъ оригинала, еще составляющаго объектъ частнаго авторскаго права, можетъ дать разрѣшеніе фотографировать его картину, статую и проч. — всякому, кому угодно (общее и безусловное разрѣшеніе). Тогда окажется, что фотографъ, сдѣлавшій снимокъ этой статуи, не будетъ имѣть на нее авторскаго права ни въ качествѣ наслѣдника автора оригинала (послѣдній отказался отъ своихъ правъ), — ни въ качествѣ самостоятельнаго автора. И если кто нибудь вздумаетъ воспроизводить *его фотографію*, а не статую (извѣстно, что сдѣлать самостоятельный фотографическій снимокъ труднѣе, чѣмъ переснять снимокъ уже исполненный) — то даже въ такомъ случаѣ первый фотографъ не будетъ въ правѣ вчинать искъ, ибо законъ 10 января 1876 года не гарантируетъ ему защиты, а законъ 9 января къ нему не приложимъ.

124.—Кромѣ фотографій, законъ 10 января 1876 года защищаетъ еще и всѣ другія изображенія, полученныя схожимъ процессомъ, ибо этотъ законъ, по выраженію коммиссіи, долженъ прилагаться ко всѣмъ химическо-свѣтовымъ способамъ полученія отпечатковъ, даже къ тѣмъ, которые будутъ изобрѣтены впослѣдствіи. Поэтому—по словамъ отчета коммиссіи [122])—«въ данномъ законѣ терминъ «Photographie» нужно понимать не въ узкомъ техническомъ смыслѣ (напр., въ отличіе отъ дагеротипій и т. п.) — но въ широкомъ значеніи, обнимающемъ всѣ механическіе способы полученія изображеній при помощи свѣта, какъ-то: геліогравюру, пирографію, фотографическое печатаніе съ камня и металла, анилиновое печатаніе, хромолитографію и т. д.».

---

[121]) Op. cit. s. 278.

[122]) См. Wächter, op. cit. s. 281 anm. 8.

125.—Ст. 2 даннаго закона дозволяетъ употребленіе фотографій для созданія новыхъ произведеній искусствъ изобразительныхъ; она гласитъ:

«Ст. 2. Не считается контрафакціей свободное пользованіе фотографіями для созданія самостоятельныхъ произведеній искусства.

Намъ кажется, что эта статья совершенно излишня [123]), въ виду того, что ст. 1 гласитъ:

«Ст. 1. Право воспроизводить *механическимъ путемъ* фотографію въ цѣломъ или частяхъ принадлежитъ....».

Созданіе самостоятельнаго художественнаго произведенія невозможно механическимъ путемъ, такъ что мы думаемъ, что положеніе дѣла ничуть не измѣняется отъ прибавленія вышеуказанной ст. 2, ибо эта статья подразумѣваетъ не-механическое воспроизведеніе фотографій, и безъ того разрѣшенное ст. 1-ой.

126.—Для того, чтобы пользоваться защитой, гарантируемой по закону 10 января 1876 года, фотографъ долженъ исполнить слѣдующія формальности:

«Ст. 5. Всѣ правомѣрные фотографическіе и тому подобные снимки должны имѣть на самомъ изображеніи или картонѣ:

1) обозначеніе имени фотографа или названіе фирмы того издателя, который выпускаетъ въ свѣтъ фотографію;

2) обозначеніе мѣста жительства фотографа или издателя;

3) годъ, въ которомъ фотографія была впервые выпущена въ свѣтъ.

При неисполненіи этихъ условій фотографъ не можетъ имѣть права на защиту».

Подобныя формальности не всѣ (напр. адресъ фотографа) вызываются необходимостью и, слѣдовательно, могутъ быть признаны излишнимъ, довольно обременительнымъ стѣсненіемъ для фотографовъ.

127.—*Срокъ защиты* правъ фотографовъ опредѣляется, въ силу ст. 6, всего *въ размѣрѣ пяти лѣтъ*.

На засѣданіи рейхстага весьма долго обсуждался вопросъ о томъ, не будетъ ли несправедливостью защитить фотогра-

[123]) Ср. Lyon-Caën et Delalain. Lois francaises etc, T. I p. 90 r. 3.

фовъ на такой короткій срокъ, сравнительно со сроками, гарантируемыми предъидущими законами. Въ концѣ концовъ, коммиссія пришла къ заключенію такого рода [124]): «лицо, изготовившее фотографію, не можетъ имѣть на нее такого же авторскаго права, какъ, напримѣръ, литераторъ, композиторъ, художникъ и т. д. Поэтому, и срокъ защиты его права не можетъ быть сравниваемъ со срокомъ защиты правъ авторскихъ, который продолжается даже на 30 лѣтъ послѣ смерти субъекта — чѣмъ достигается защита чрезвычайно иногда важныхъ *личныхъ интересовъ* автора. Ничего подобнаго не замѣчается въ фотографіи».

Такое разсужденіе, конечно, справедливо съ точки зрѣнія, принятой закономъ 10 января 1876 года. Остается только рѣшить, насколько правильна такая точка зрѣнія — но объ этомъ мы подробно скажемъ ниже (см. §§ 416—428).

128.—Вообще нужно замѣтить, что законъ 10 января различаетъ по вопросу о фотографіяхъ два момента: полученіе негатива и, затѣмъ, полученіе отпечатковъ съ этого негатива или съ доски, обработанной съ помощью его. Такъ какъ законъ 10 января 1876 года защищаетъ только коммерческіе интересы фотографовъ, то онъ защищаетъ его права только съ того момента, какъ онъ получитъ негативъ. И даже, если фотографъ черезъ 5 лѣтъ послѣ полученія негатива не издастъ еще ни одного отпечатка, то, даже отпечатавъ его по истеченіи такого срока, — онъ уже не пріобрѣтаетъ никакого права на свои оттиски [125]).

129.—Наконецъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о ст. 12 (статьи 7—11 содержатъ постановленія схожія съ постановленіями прежде разсмотрѣнныхъ нами законовъ 11 іюня 1870 года и 9 января 1876 года).

Статья 12 опредѣляетъ, что законъ 10 января 1876 года войдетъ въ силу съ 1 іюля 1876 года и *не будетъ имѣть никакой ретроактивной силы*. Подобное постановленіе весьма характеристично, ибо оно показываетъ, насколько, сравни-

---

[124]) Wächter, op. cit. s. 287 a. 1.

[125]) Wächter, op. cit. s. 288.

тельно, легко относилась коммиссія къ вопросу о фотографіяхъ: она рѣшила, что ихъ защита не заслуживаетъ тѣхъ хлопотъ, съ которыми были бы связаны приложеніе клейма и прочія формальности, необходимыя при введеніи ретроактивности.

С. Законодательства остальныхъ главнѣйшихъ странъ.

(Ихъ отношеніе къ иностранцамъ).

а. Австро-Венгрія.

130.— До 11 іюня 1870 года законодательство по вопросу объ авторскомъ правѣ было общее, какъ для Германіи, такъ и для Австріи, ибо въ послѣдней были опубликованы постановленія конфедераціи 1832, 1837, 1841 и 1845 годовъ (см. §§ 39—41). Законъ 19 октября 1846 года также былъ распространенъ на всѣ австрійскія владѣнія. Кромѣ этого закона, въ Австріи, по данному вопросу, еще имѣютъ силу нѣкоторыя постановленія общаго кодекса (издательскій договоръ) и ст. 417 уложенія о наказаніяхъ 1852 года, нѣсколько измѣняющая вышеназванный законъ [126]).

Положеніе авторовъ-иностранцевъ не опредѣляется въ законѣ 19 октября 1846 года точнымъ образомъ, но нѣкоторыя положенія можно вывести изъ слѣдующей его статьи:

«Ст. 38. Защита, гарантируемая настоящимъ закономъ отъ всякаго рода контрафакцій, распространяется *также и на тѣ произведенія*, которыя появляются на территоріи Германской Конфедераціи».

Изъ этой статьи можно сдѣлать слѣдующее заключеніе о положеніи иностранцевъ въ Австріи: законъ 19 Октября 1846 года принимаетъ подъ защиту только тѣ произведенія, которыя изданы на опредѣленной территоріи, — иностранцы, слѣдовательно, могутъ пользоваться защитой закона въ тѣхъ

[126]) Wächter, Verlagsrecht, s. 40.

случаяхъ, когда они издадутъ свои сочиненія именно на этой территоріи. *Для изданій же заграничныхъ, принадлежащихъ какъ подданнымъ австрійскимъ, такъ и иностраннымъ*—законъ 10 Октября не признаетъ защиты иначе, какъ подъ условіемъ взаимности.

По поводу этой взаимности мы считамъ долгомъ отмѣтить очень грубую ошибку, допущенную въ такомъ добросовѣстномъ изданіи, какъ сборникъ Lyon-Caën. Оригиналъ разбираемаго закона гласитъ:

«Den im Auslande ausser dem Deutschen Bundesgebiete erschienenen Werken wird der in diesem Gesetze ausgesprochene Schutz in dem Maasse gewährt *als die diessfälligen Rechte den in dem K. K. Oesterreichischen Gebiete erschienenen Werken* durch die gesetze des fremden Staates gleichfalls gesichert sind».—Lyon-Caën переводитъ [127]) этотъ параграфъ слѣдующимъ образомъ: «Les oeuvres paraissant. . . jouissent de la protection. . . dans la mesure dans laquelle *les mêmes droits sont garantis aux oeuvres paraissant hors du territoire autrichien* par les lois de l'état étranger». Получается безсмыслица и полное искаженіе текста.

131.—*Венгерскій законъ 26 Апрѣля 1884 года*, говоря вообще, составленъ по образцу разобранныхъ нами законовъ германскихъ, за нѣкоторыми мало существенными различіями. По формѣ онъ отличается, между прочимъ, тѣмъ, что онъ соединяетъ въ себѣ постановленія о всѣхъ произведеніяхъ исскуствъ вмѣстѣ; въ принципіальномъ отношеніи онъ отличается отъ законовъ германскихъ тѣмъ, что онъ считаетъ фотографіи за произведенія искусства.

Субъектомъ авторскаго права по закону 26 Апрѣля 1884 года считается авторъ всякаго произведенія искусства (ст. 1)—но только въ томъ случаѣ, если этотъ авторъ—подданный Венгріи.

«Ст. 49. Настоящій законъ примѣняется къ изданіямъ венгерскихъ подданныхъ даже въ томъ случаѣ, если эти изданія опубликованы заграницей. Настоящій законъ не имѣетъ примѣненія къ произведеніямъ иностранцевъ».

---

[127]) Переводъ этого закона принадлежитъ его перу, см. примѣч. на стр. 123, т. I.

Впрочемъ, въ пользу авторовъ-иностранцевъ допускаются слѣдующія исключенія:

1) Защищаются произведенія иностранныхъ авторовъ, изданныя у венгерскихъ издателей (постановленіе цѣликомъ заимствованное изъ германскаго закона).

2) Защищаются иностранные авторы, уже проживающіе (ко дню изданія сочиненія), по крайней мѣрѣ, *два года* въ Венгріи и столько же лѣтъ платящіе налоги (ст. 19, b).

Послѣднее постановленіе въ значительной степени смягчаетъ строгость и исключительность національной системы, принятой венгерскимъ закономъ.

Отмѣтимъ, кстати, что по отношенію къ авторамъ національнымъ, законъ 1884 года идетъ весьма далеко — онъ имѣетъ даже экстра-территоріальное значеніе:

«Ст. 8о. Настоящій законъ можетъ имѣть приложеніе даже въ томъ случаѣ, когда венгерскій подданный нарушаетъ заграницей постановленія настоящаго закона—въ ущербъ правамъ венгерскаго же подданнаго».

b. Бѣльгія.

132.—Положеніе авторовъ въ Бельгіи регулируется въ настоящее время закономъ 22 Марта 1886 года, который составляетъ интересное явленіе въ исторіи авторскаго права. Дѣло въ томъ, что этотъ законъ отвергъ, во первыхъ, прежнюю теорію «литературной собственности.» Во вторыхъ, онъ не признаетъ и теоріи «законной привилегіи» [128]). Построенный на позднѣйшей теоріи «интеллектуальнаго права»—онъ, какъ утверждаетъ Borchgrave—«чрезвычайно послѣдовательно» проводитъ эту теорію. Мы не можемъ согласиться съ такимъ утвержденіемъ, ибо хотя законъ 22 Марта и проводитъ часто взгляды, навѣянные новою теоріей—однако въ интересующемъ насъ вопросѣ совершенно упускаетъ изъ вида свою основную точку зрѣнія.

---

[128]) Journal Clunet, 1887. Статья Jules Borchgrave, p. 404 ss.

Въ самомъ дѣлѣ. Теорія интеллектуальнаго права предполагаетъ полное уравненіе правъ авторовъ иностранныхъ и національныхъ, ибо очевидно, что та интеллектуальная связь автора съ его произведеніемъ, которая кладется въ основаніе этого права, ни малѣйшимъ образомъ не зависитъ отъ національности автора. Разъ авторское право основано на такой постоянной величинѣ, какъ интеллектуальная связь автора съ произведеніемъ—оно, въ свою очередь, должно быть величиной постоянной для всѣхъ авторовъ безъ исключенія.

Между тѣмъ, бельгійскій законъ признаетъ права иностранныхъ авторовъ *не въ той степени, какъ права авторовъ національныхъ*. Borchgrave [129]) утверждаетъ противное: «Бельгійскій законъ — говоритъ онъ — не дѣлаетъ никакого различія между національными и иностранными авторами по отношенію къ тѣмъ преимуществамъ, которыя онъ гарантируетъ.» Однако,— добавляетъ онъ — «было бы невозможно дать иностраннымъ авторамъ въ Бельгіи больше правъ, чѣмъ сколько правъ имѣютъ авторы мѣстные [130]) (національные)». — Разсужденіе вполнѣ вѣрное; бельгійскій законъ, вообще, признаетъ слѣдующее положеніе: «*интеллектуальное празо, принадлежащее автору, даетъ ему право на посмертную защиту въ теченіи 50 лѣтъ*». Поэтому, не признать болѣе долгой защиты для произведеній иностранныхъ авторовъ — есть вполнѣ правильное толкованіе основнаго принципа: всѣ авторы имѣютъ право на пятидесятилѣтнюю (но не большую) защиту—бельгійскій законъ только утверждаетъ ее за авторами иностранными.

133.—Но вотъ что странно. «Однако, законодатель не вѣрно понялъ бы основной принципъ разбираемаго закона — говоритъ дальше Borchgrave — если бы онъ сталъ защищать въ Бельгіи тѣ права иностранныхъ авторовъ, *которыя уже не защищаются на ихъ родинѣ*. Подобное постановленіе только запрещало бы бельгійцамъ свободу конкурен-

---

[129]) Ibid. p. 412.

[130]) Borchgrave подразумѣваетъ тотъ случай, когда иностранные авторы имѣютъ на родинѣ большую защиту, чѣмъ 50 лѣтъ,—и указываетъ въ приведенной цитатѣ, что права такихъ авторовъ не могутъ быть защищаемы въ Бельгіи во всемъ ихъ объемѣ.

ціи въ тотъ періодъ, когда она была бы дозволена за-границей» [131]). Поэтому, законъ 22 Марта 1886 года постановляетъ:

«Ст. 38. Иностранцы пользуются въ Бельгіи всѣми правами, гарантируемыми настоящимъ закономъ, причемъ продолжительность защиты ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать той, которая дарована авторамъ національнымъ. *Однако, если такія права иностранныхъ авторовъ перестанутъ защищаться на ихъ родинѣ—они немедленно лишаются покровительства и въ Бельгіи*».

Дальше (см. § 233) мы будемъ имѣть случай, по поводу Бернской Конвенціи, выяснить подробно наше мнѣніе о несправедливости подобныхъ комбинацій двухъ законовъ. Здѣсь же скажемъ прямо, что въ бельгійскомъ законѣ послѣднія три строки ст. 38-й составляютъ, вопреки мнѣнію Borchgrave'a, полное искаженіе основнаго принципа. Въ самомъ дѣлѣ, — разсмотримъ вышеприведенное мнѣніе этого юриста; онъ говоритъ: «однако, законодатель невѣрно понялъ бы и т. д.»— и постараемся доказать противное, доказать, что именно *въ данномъ изложеніи вопроса объ иностранныхъ авторахъ бельгійскій законъ уклонился отъ правильнаго пониманія своего основнаго принципа;* доказать, что вѣрнымъ пониманіемъ этого принципа было бы именно то, что Borchgrave называетъ «application fausse du principe».

134.—Для большей ясности, повторимъ вкратцѣ главные принципы даннаго бельгійскаго закона. Законъ 22 Марта 1886 года защищаетъ авторское право, какъ право интеллектуальное. Другими словами: создавая свое произведеніе, авторъ тѣмъ самымъ (т. е. *въ силу самаго акта творчества*) пріобрѣтаетъ въ Бельгіи на свое произведеніе особенное право, называемое правомъ интеллектуальнымъ и состоящее изъ аггрегата правъ личныхъ и имущественныхъ. Право это существуетъ для всѣхъ авторовъ безъ исключенія и независимо отъ положительныхъ законодательствъ. Бельгійскій законъ считаетъ, что въ силу этого droit intellectuel всякій авторъ имѣетъ право на посмертную защиту въ теченіи 50 лѣтъ.

Замѣтимъ, что все указанное выше прилагается ко всѣмъ авторамъ безъ исключенія, не взирая на ихъ національность.

---

[131]) Ibid. p. 412.

Всякій авторъ имѣетъ право на посмертную защиту въ теченіе 50 лѣтъ—и бельгійскій законъ только санкціонируетъ такое право. Является иностранецъ—бельгійскій законъ не долженъ спрашивать, какъ этотъ иностранецъ защищенъ на родинѣ. Бельгійскій законъ признаетъ необходимость защитить всѣхъ авторовъ—зачѣмъ же онъ будетъ принимать во вниманіе ошибки (съ точки зрѣнія бельгійскаго закона)—другихъ законодательствъ [132])?

Всѣ авторы имѣютъ интеллектуальное право на свои произведенія—право это вытекаетъ *исключительно* изъ акта творчества. Китаецъ издаетъ книгу на французскомъ языкѣ (извѣстный général Tcheng-ki-tong, напримѣръ),—оставаясь китайскимъ подданнымъ. *Уменьшается ли отъ этого актъ творчества?* — Очевидно, нѣтъ. Разъ китаецъ, малаецъ, сіамецъ издаетъ книгу—значитъ онъ создаетъ произведеніе искусства, значитъ онъ *творитъ*. Всякій, кто творитъ, имѣетъ интеллектуальное право на свое произведеніе (всякій—слѣдовательно, и китаецъ). Интеллектуальное право даетъ право на защиту въ теченіи 50 лѣтъ послѣ смерти. Китаецъ имѣетъ интеллектуальное право—слѣдовательно, онъ имѣетъ право на посмертную 50-ти лѣтнюю защиту. Замѣтимъ, что во всей этой послѣдовательной связи идей ни разу не упоминается слово: законъ, законодательство. По принципу, принятому бельгійскимъ закономъ, китаецъ имѣетъ право не въ силу какого-нибудь законодательства, но въ силу творческаго акта. Между тѣмъ, въ силу статьи 38, бельгійскій законъ отказываетъ китайскому автору въ какой бы то ни было защитѣ [133]). Почему?—Неизвѣстно. Уменьшается ли творчество китайца отъ того, что онъ—подданный Поднебесной Имперіи? Нѣтъ. Уменьшается ли его интеллектуальное право отъ того, что онъ—подданный Поднебесной Имперіи? Нѣтъ. Уменьшается-ли его авторское право отъ того, что онъ—подданный Поднебесной Имперіи? Нѣтъ.

---

[132]) Ибо, съ точки зрѣнія бельгійскаго закона, не защищать автора 50 лѣтъ—значитъ: ошибаться.

[133]) Китай не защищаетъ авторскихъ правъ своихъ подданныхъ. Поэтому, даже въ первый годъ послѣ изданія книги китаецъ не пользуется защитой на родинѣ, а слѣдовательно и въ Бельгіи.

Санкціонируетъ ли бельгійскій законъ авторское право китайца? Нѣтъ. Почему?—Потому что онъ — подданный Поднебесной Имперіи.

Неужели это логично?

Буквально тѣ же самыя возраженія можно повторить и относительно того, что бельгійскій законъ, признавая одинаковое интеллектуальное, а, слѣдовательно, и авторское право для всѣхъ авторовъ, санкціонируетъ это право не одинаково, а *произвольно* ограничиваетъ его для чилійца—на 5 лѣтъ, для бразильца—на 10 лѣтъ, для перуанца — на 20 лѣтъ и т. д. Бельгійскій законъ признаетъ, что всѣ авторы имѣютъ одинаковое право; однако онъ не соглашается, въ то же время, признать, что одинаковыя права должны одинаково и защищаться.

Намъ кажется, что всѣ эти соображенія могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, что бы мы могли сказать весьма рѣшительно, *что статья 38 бельгійскаго закона представляетъ искаженіе основного принципа этого закона*, отнимая у него, такимъ образомъ, значительную часть полноты и послѣдовательности; — что Borchgrave *совершенно ошибочно* оправдываетъ заключительныя строки ст. 38, и что правильнымъ толкованіемъ основного принципа «интеллектуальнаго права» было бы именно то, что онъ считаетъ за «application fausse du principe».

135.—Впрочемъ, мы ничего еще не сказали о томъ замѣчаніи Borchgrave'a, гдѣ онъ говоритъ: «подобное постановленіе только запрещало бы бельгійцамъ свободу конкурренціи въ то время, когда она была бы дозволена за-границей». Впрочемъ, мы ничего и не можемъ возразить противъ такого «доказательства». Или законъ бельгійскій признаетъ интеллектуальное право авторовъ,—или онъ поощряетъ бельгійскую контрафакцію. Но совмѣщеніе этихъ двухъ цѣлей въ одномъ и томъ же законодательномъ актѣ, по нашему мнѣнію, невозможно. Доказывать *это*, думаемъ, опять таки, мы, — не нужно. Приведенная фраза Borchgrave'a составляетъ lapsus linguae извинительный, но никакъ ужъ не доказательный.

Въ заключеніе, отмѣтимъ слѣдующее интересное явленіе, которое, кстати, опровергаетъ и приведенное «доказательство» Borchgrave'a. Согласно точному смыслу ст. 38, права иностранцевъ ограничиваются только въ отношеніи срока [134]). Поэтому, законъ 22 марта, напримѣръ, будетъ, въ силу ст. 12, защищать въ Бельгіи право исключительнаго перевода для греческихъ авторовъ, хотя *на родинѣ это право за ними не признано*. Слѣдовательно, въ Бельгіи за греческими авторами, всетаки, будутъ признаваться такія права, которыя на родинѣ за ними не признаются, и «свобода конкурренціи», всетаки, будетъ запрещена бельгійцамъ. Что же это за проклятый вопросъ о срокѣ, что, какъ только рѣчь заходитъ о немъ,—приходится сообразовываться съ чужимъ закономъ и защищать греческаго автора только 15 лѣтъ послѣ перваго изданія, ибо такъ поступаетъ греческое уложеніе о наказаніяхъ?

Или бельгійскій законъ долженъ принимать во вниманіе національные законы авторовъ и, въ такомъ случаѣ, не обращать никакого вниманія на «интеллектуальныя» ихъ права;—или этотъ законъ долженъ признать интеллектуальное право и тогда защищать авторовъ независимо отъ постановленій ихъ національнаго закона. Та же смѣшанная система, которая проводится теперь закономъ, — неестественна и ложна.

с. Великобританія.

136.—До самаго послѣдняго времени англійское законодательство не защищало иностранцевъ иначе, какъ при соблюденіи слѣдующихъ двухъ условій:

1) Сочиненіе должно было быть издано на территоріи, подчиненной англійской юрисдикціи.

2) Самъ авторъ въ моментъ изданія своего сочиненія долженъ былъ находиться также на англійской территоріи.

---

[134]) Это особенно хорошо видно изъ редакціи подлинника: «....jouissent des droits garantis par la présente loi, sans que *la durée* puisse»....

Послѣднее постановленіе, нужно признать, довольно странное,—исполнялось самымъ пунктуальнымъ образомъ, такъ что автору достаточно было находиться, хотя бы, два дня проѣздомъ на англійской территоріи въ то время, какъ издавалось его сочиненіе. То же самое постановлялось и по отношенію къ произведеніямъ драматическимъ и музыкальнымъ: авторъ всякаго изъ нихъ терялъ такъ называемое *playright* (право публичнаго исполненія), разъ онъ дозволялъ, чтобы первое исполненіе было сдѣлано не въ Англіи, а заграницей [135]). Наконецъ, ко всѣмъ этимъ многочисленнымъ условіямъ присоединялись еще сложныя формальности (внесеніе въ регистры, представленіе экземпляровъ въ библіотеку и т. д.), которыя предписывались иностранцамъ наравнѣ съ національными авторами.

137.—Движеніе въ пользу иностранцевъ началось довольно рано, и законы 10 мая 1844 года, 28 мая 1852 года, 13 мая 1875 года—одинъ за другимъ расширяли права иностранцевъ, дѣлая пріобрѣтеніе авторскаго права болѣе для нихъ удобнымъ. Впрочемъ, не смотря ни на что, къ 1884 — 1885 годамъ законодательство Англіи было еще настолько мало развито, что понадобился новый законодательный актъ для того, чтобы Великобританія могла примкнуть къ Бернскому Союзу, тогда еще только проэктированному. Такой законъ и былъ изданъ 25 іюня 1886 года, причемъ въ его вступленіи было спеціально указано на причину его появленія: необходимость доставить Англіи возможность примкнуть къ Бернскому Союзу.

138.—Согласно этому новому закону, иностранцы могутъ защищаться въ Англіи даже въ томъ случаѣ, если сочиненіе издано *не на англійской территоріи* [136]); но, въ то же время, этотъ законъ долженъ былъ распространяться не на всѣ страны, а только на тѣ, которыя будутъ указаны въ спеціальномъ королевскомъ указѣ [137]); относительно же этихъ

[135]) См. Drone. A treatise on the law of intellectual property, p. 574.

[136]) См. ст. 2.

[137]) Такой указъ былъ изданъ 28 ноября 1887 года, причемъ въ ст. 2-ой перечислялись: Бельгія, Франція, Германія, Гаити, Италія, Испанія, Швейцарія и Тунисъ.

странъ постановленіе распространялось не только на ихъ подданныхъ, но и на всѣ сочиненія, изданныя на ихъ территоріи. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е.

«если авторъ литературнаго или художественнаго произведенія, изданнаго впервые на территоріи одного изъ перечисленныхъ государствъ, самъ не принадлежитъ къ числу подданныхъ Великобританіи или одного изъ этихъ государствъ,—то правомъ вчинать на всемъ протяженіи Соединеннаго королевства иски о контрафакціяхъ облекается издатель сочиненія,' какъ если бы онъ былъ авторомъ его» [138]).

Мы считаемъ излишнимъ проводить дальнѣйшую параллель между этимъ закономъ и указомъ 28—XI—87 съ одной стороны—и Бернской Конвенціей съ другой. Вліяніе второй на первые—очевидно. Укажемъ только, что, слѣдовательно, *подданные выше перечисленныхъ государствъ пользуются въ Англіи защитой въ границахъ Бернской Конвенціи, всѣ же остальные—въ размѣрахъ и подъ условіями, выясненными нами въ § 136-омъ.*

d. Данія.

139.—Данія имѣетъ нѣсколько различныхъ постановленій объ авторскомъ правѣ. Изъ нихъ назовемъ:

1) Законъ 29 Декабря 1857 года, трактующій о защитѣ произведеній литературныхъ.

2) Законъ 31 Марта 1864 о произведеніяхъ пластическихъ.

3) Законъ 24 Марта 1865 г. о фотографіяхъ.

Основнымъ закономъ остается законъ 29 Декабря 1857 года, который, относительно иностранцевъ, придерживается такъ мало выгодной для нихъ системы «взаимной» защиты. Такъ, ст. 23 гласитъ:

«Ст. 23. Постановленія настоящаго закона могутъ быть примѣняемы, подъ условіемъ взаимности, въ цѣломъ или частяхъ—также и къ иностранцамъ, если это будетъ санкціонировано спеціальнымъ королевскимъ указомъ».

---

[138]) Сравн. со ст. 2 Бернской Конвенціи.

Говорить объ отсутствіи какого-либо практическаго значенія въ системѣ «взаимной защиты» — значило бы повторять общія мѣста. Отмѣтимъ только, что Данія въ данномъ случаѣ представляетъ интересный примѣръ для иллюстраціи практическаго значенія этой пресловутой системы. Несмотря на то, что Данія защищаетъ довольно скудно интересы своихъ авторовъ—несмотря на это, по мнѣнію датскихъ законодателей, изъ всѣхъ европейскихъ государствъ одна только Франція оказалась въ состояніи гарантировать датскимъ авторамъ достаточно защиты для установленія взаимности. Поэтому, до сихъ поръ [139]), въ Даніи законодательнымъ путемъ принята защита только тѣхъ иностранныхъ изданій, которыя напечатаны во Франціи.

е) Испанія.

140.—Авторское право регулируется закономъ 10 Января 1879 года, который признаетъ авторское право за слѣдующими лицами:

«Ст. 2. Авторомъ считается—въ смыслѣ, употребляемомъ настоящимъ закономъ—всякій, кто создаетъ [140]) ученое, литературное или художественное произведеніе, подъ условіемъ исполненія требуемыхъ закономъ формальностей».

Къ сожалѣнію, провозгласивъ такой благородный принципъ, испанскій законъ тотчасъ отказывается отъ него, какъ только дѣло заходитъ объ иностранцахъ. Послѣдніе подчиняются въ Испаніи слѣдующимъ постановленіямъ:

«Ст. 50. Подданные тѣхъ государствъ, которыя даруютъ испанцамъ авторскія права въ томъ же объемѣ, какъ и настоящій законъ—могутъ пользоваться защитой въ Испаніи безъ существованія на то особаго трактата и безъ дипломатическаго вмѣшательства».

Изъ послѣднихъ словъ этой статьи видно, что во всѣхъ другихъ случаяхъ (т. е. когда иностранный законъ не защи-

[139]) Lyon-Caën, op. cit. V. I. p. 193.

[140]) «Conçoit et réalise».

щаетъ правъ испанскихъ подданныхъ *въ тѣхъ же размѣрахъ*, какъ законъ 10 Января 1879 года) — необходимо заключеніе спеціальнаго договора, литературной конвенціи.

Такимъ образомъ, законъ 10 Января 1879 г. *защищаетъ только произведенія національныхъ авторовъ, не обращая вниманія на мѣсто изданія сочиненія.* Послѣднее положеніе спеціально подтверждено въ пунктѣ первомъ статьи 47. Впрочемъ, изъ заграничныхъ изданій испанскихъ подданныхъ защищаются только тѣ, которыя печатаются заграницей первымъ изданіемъ на испанскомъ языкѣ [141]).

f) Италія.

141.—Авторское право регулируется закономъ 19 Сентября 1882 года, соединившимъ въ себѣ законы 25 Апрѣля 1865 года (основной), 10 Августа 1875 года (о драматическихъ произведеніяхъ) и 18 Мая 1882 года (измѣненіе предъидущаго).

По закону 19 Сентября 1882 года, субъектомъ авторскаго права признается, во-первыхъ, *авторъ всякаго сочиненія, изданнаго на итальянской территоріи* (безъ различія національности). Это заключеніе естественно вытекаетъ изъ слѣдующаго сопоставленія. Общій итальянскій кодексъ, ст. 3, гласитъ:

«Иностранцы пользуются, въ области частнаго права, тѣми же правами, какъ и итальянскіе подданные» [142]).

Въ то же время, ст. 44 закона 19 сентября 1882 года гласитъ:

«Ст. 44. Настоящій законъ можетъ быть примѣняемъ *и къ тѣмъ изданіямъ, которыя напечатаны въ иностранномъ государствѣ*, впрочемъ, не иначе, какъ если въ этомъ государствѣ существуетъ законодательство, признающее до извѣстной степени авторскія права [143]) и допускающее, чтобы эти права были дарованы авторамъ произведеній, напечатанныхъ въ Италіи».

---

[141]) См. ст. 47, b.

[142]) См. J. Clunet 1890, статья Rosmini, p. 615.

[143]) «Des droits d'auteur plus ou moins étendus».

Изъ смысла этой статьи можно сдѣлать два вывода. Во-первыхъ, явствуетъ, что, если законъ «можетъ быть примѣняемъ *и къ тѣмъ изданіямъ*, которыя напечатаны за-границей...» — то значитъ, *безусловно* этотъ законъ защищаетъ *только территоріальныя изданія*. Слѣдовательно, изъ сопоставленія вышеприведенныхъ статьи 44 закона 1882 г. и ст. 3 кодекса ясно, что какъ иностранцы, такъ и національные авторы защищаются въ Италіи одинаковымъ образомъ по отношенію къ изданіямъ, напечатаннымъ на территоріи этого государства.

142.—Второй выводъ будетъ заключаться въ томъ, что мы должны признать существованіе въ Италіи защиты и внѣ-территоріальныхъ изданій, но только подъ условіемъ взаимности. Относительно конца вышеприведенной статьи 44, Lyon-Caën прибавляетъ слѣдующее замѣчаніе: «это положеніе представляетъ ограниченіе ст. 3-ей гражданскаго кодекса, согласно которой иностранцы пользуются въ области частнаго права тѣми же правами, какъ и итальянцы». Намъ кажется, что вышеуказанное постановленіе не можетъ составить никакого ограниченія правъ иностранныхъ авторовъ, въ сравненіи съ авторами національными, ибо сами національные авторы не имѣютъ—по нашему мнѣнію—въ Италіи никакой защиты на свои внѣ-итальянскія изданія, — никакихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя гарантируются имъ именно концомъ ст. 44-ой. Изъ смысла указаннаго примѣчанія Lyon-Caën'a можно предположить, что по отношенію ко внѣ-итальянскимъ изданіямъ права итальянскихъ и иностранныхъ авторовъ не равны, иначе сказать, что по отношенію къ такимъ экстра-территоріальнымъ изданіямъ итальянскіе подданные сохраняютъ авторское право безусловно, а иностранные авторы только подъ условіемъ взаимности. Но посмотримъ, насколько такое толкованіе согласуется со смысломъ самаго закона.

Законъ 1882 года употребляетъ вездѣ терминъ «авторъ», безъ какого бы то ни было ограниченія относительно національности (см. ст. 1-ую и многія другія). Въ то же время, вышеприведенная ст. 44 говоритъ, что настоящій законъ можетъ быть примѣненъ «и къ тѣмъ заграничнымъ изданіямъ..»—

не слѣдуетъ ли изъ этого очевиднымъ образомъ, что законъ защищаетъ, собственно, не авторовъ, а сочиненія, и изъ послѣднихъ только территоріальныя. По удачному выраженію Rosmini [144]), итальянскій законъ 1882 года принимаетъ во вниманіе національность не автора, а изданія: «Для того, чтобы опредѣлить характеръ и размѣры защиты, которую законъ будетъ гарантировать какому нибудь сочиненію,—нужно обратить вниманіе на мѣсто его перваго изданія или публичнаго исполненія; такимъ образомъ, оперы Доницетти «Линда» и «Марія Роганъ», впервые исполненныя въ Вѣнѣ, будутъ произведеніями австрійскими, а «Фаворитка» того же автора, написанная для парижской Большой Оперы,—будетъ произведеніемъ французскимъ». Мы считаемъ неправильнымъ замѣчаніе Lyon-Caën потому, что ст. 44 не имѣетъ никакого отношенія къ ст. 3-ей гражд. код., и не только ничего не ограничиваетъ, но еще расширяетъ права тѣхъ національныхъ и иностранныхъ авторовъ, которые издаютъ свои сочиненія внѣ Италіи. Противно мнѣнію профессора Lyon-Caën, итальянскіе авторы не пользуются защитой своихъ экстратерриторіальныхъ изданій; слѣдовательно, по этому вопросу не приходится говорить о ст. 3 гр. код., о томъ, что иностранцы «пользуются одинаковыми правами»—ибо ни тѣ, ни другіе никакими правами на указанныя изданія не пользуются, кромѣ случаевъ взаимности. Что же касается правъ итальянскихъ подданныхъ, то «поэтъ или художникъ-итальянецъ, который пишетъ картину, напр., въ Америкѣ (гдѣ—какъ извѣстно [145])—не признается принципа взаимной защиты)—не будетъ имѣть права на защиту въ Италіи [144]).» Точно такъ же интерпретируетъ эту статью и Darras [146]), говоря: «этотъ законъ защищаетъ всякое произведеніе, изданное въ Италіи; вопросъ о національности автора является второстепеннымъ..; итальянцы пользуются защитой только по отношенію къ тѣмъ

---

[144]) ibid. p. 616.

[145]) Статья написана въ 1890 году, слѣдовательно, до изданія въ Соединенныхъ Штатахъ закона 3 марта 1891 г.

[146]) Op. cit. p. 320.

(заграничнымъ) изданіямъ, которыя они печатаютъ въ государствахъ, признающихъ взаимную защиту».

143.—Наконецъ, мы должны отмѣтить, что ст. 44, хотя и принимаетъ устарѣлую систему взаимности, однако вводитъ въ примѣненіе ея такія существенныя улучшенія, что въ значительной степени повышаетъ ея практическое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ, прежде всего, вниманіе на слѣдующее выраженіе:

«.....если въ этомъ государствѣ существуетъ законодательство, признающее *до извѣстной степени* авторскія права и допускающее»...

Ни Rosmini, ни Darras не обращаютъ вниманія на подчеркнутыя слова. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, они очень важны. Намъ кажется, что эти четыре слова уничтожаютъ много и много неудобствъ, возникавшихъ прежде при примѣненіи на практикѣ принципа взаимности. Италія не требуетъ, чтобы иностранное государство защищало бы ея территоріальныя изданія *точно также, какъ Италія можетъ защищать иноземныя изданія*. Согласно точному смыслу подчеркнутыхъ словъ, Италія будетъ защищать изданія всѣхъ тѣхъ странъ, въ которыхъ есть какая бы то ни было защита авторскаго права для иноземныхъ изданій. Итальянскіе суды не должны взвѣшивать и размѣривать (какъ, напримѣръ, дѣлаютъ юристы германскіе), равна ли или не равна защита, гарантируемая данной страной итальянскимъ произведеніямъ,—въ сравненіи съ той защитой, которою будутъ пользоваться изданія этой страны, въ случаѣ примѣненія къ нимъ закона 1882 года. Необходимо рѣшить только одинъ вопросъ: оставлены ли итальянскія изданія по законодательству данной страны безъ всякой защиты,—или нѣтъ? Разъ существуетъ или можетъ существовать какая бы то ни была защита—изданія этой страны пользуются защитой закона 1882 года во всемъ его размѣрѣ, безъ — повторяемъ — сличенія двухъ законовъ, безъ дарованія иностранцамъ только тѣхъ преимуществъ и только въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они даруются итальянцу въ данной странѣ.

Мы уже сказали, что подобное пониманіе принципа взаимности достойно всякаго вниманія, ибо оно доставляетъ воз-

можность примѣнять на практикѣ безъ особыхъ неудобствъ ту систему, которая признается въ принципѣ почти всѣми цивилизованными государствами.

144.—Во-вторыхъ, ст. 44 заключаетъ еще одно постановленіе, довольно выгодное для иностранцевъ и заключающееся въ слѣдующемъ:

«...Если взаимная защита обѣщана законодательствомъ какого-нибудь государства подъ тѣмъ условіемъ, чтобы иностранное государство признало за его (этого перваго государства) территоріальными изданіями права въ томъ же размѣрѣ, какъ права, гарантируемыя законодательствомъ этого перваго государства—то итальянское правительство можетъ гарантировать изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ на территоріи такого государства, всѣ необходимыя права (подъ условіемъ взаимности) съ тѣмъ, однако, чтобы эти права были временными и не отличались бы существенно отъ правъ, гарантируемыхъ настоящимъ закономъ».

Такимъ образомъ, авторы всѣхъ тѣхъ государствъ, которыя внесли въ свои законодательства принципъ взаимности, могутъ получить въ Италіи гарантію своихъ правъ даже въ томъ случаѣ, если, до сихъ поръ, за отсутствіемъ оффиціальнаго признанія взаимности, это иностранное государство еще не признавало правъ изданій итальянскихъ.

Вышеуказанное постановленіе важно въ особенности потому, что оно будетъ помогать тому первому шагу, который будетъ всегда труденъ въ подобныхъ сношеніяхъ; возьмемъ, напримѣръ, законодательство Греціи и Италіи: оба признаютъ, что въ Греціи будутъ защищаться итальянскіе авторы тогда, когда въ Италіи будутъ защищаться греческіе, и vice versa; очевидно, что суды ни одной страны не согласятся первыми защитить чужихъ авторовъ, ибо законъ дозволяетъ защищать иностранцевъ только тогда, когда на ихъ родинѣ уже защищаются національные авторы. Суды не имѣютъ права поступать вопреки постановленіямъ закона, — а мы знаемъ, насколько дологъ дипломатическій путь.

Вышеуказанное постановленіе итальянскаго закона довольно удачно рѣшаетъ это затрудненіе.

Таковы, въ общихъ чертахъ, условія, при которыхъ иностранцы могутъ пользоваться защитой въ Италіи.

g) Соединенные Штаты.

145.—Въ главѣ первой мы имѣли случай указать на то обстоятельство, что до самого послѣдняго времени Соединенные Штаты вовсе не защищали интересовъ иностранныхъ авторовъ, признавая субъектомъ авторскаго права только american subjects and residents. Послѣдній законъ 3 марта 1891 года произвелъ въ этой области коренныя измѣненія.

Прежде всего, этотъ законъ измѣнилъ тѣ статьи законовъ объ авторскомъ правѣ, которыя содержали терминъ «subject or resident» (вездѣ поставлено выраженіе: author), и, кромѣ того, была совершенно уничтожена ст. 4971 (см. § 35), санкціонировавшая международную контрафакцію. Но было бы ошибочно думать, что этотъ законъ, дѣйствительно, обезпечиваетъ интересы всякаго автора. Законъ этотъ содержитъ многочисленныя ограниченія, какъ по отношенію къ иностранцамъ, такъ даже и по отношенію къ своимъ собственнымъ подданнымъ. По отношенію къ первымъ, отдѣлъ B, прежде всего, устанавливаетъ защиту, основанную на принципѣ взаимности, причемъ, по словамъ закона, для существованія таковой необходимо, чтобы иностранное государство гарантировало бы американцамъ защиту «essentially the same».

Мы много уже разъ говорили о томъ, какъ мало защиты представляютъ подобныя законодательства для иностранныхъ подданныхъ. Чуть только американскіе юристы станутъ толковать немного буквально указанное выраженіе «essentially the same»—Соединенные Штаты опять перестанутъ защищать иностранныхъ подданныхъ, кромѣ развѣ англійскихъ. Ибо англійское законодательство до сихъ поръ довольно схоже съ американскимъ [147]).

146.—Но кромѣ этого ограниченія, существуетъ еще другое, падающее даже на подданныхъ Соединенныхъ Штатовъ.

---

[147]) Впрочемъ, Соединенные Штаты въ самое послѣднее время оффиціально заявили объ установленіи взаимной защиты подданныхъ Италіи, Франціи и Англіи.

До изданія закона 3 Марта 1891 года всякій подданный Соединенныхъ Штатовъ пользовался защитой, гдѣ бы онъ ни издавалъ свое сочиненіе—по новому же закону они сохраняютъ авторское свое право на книги, фотографіи, лито—и хромолитографіи только въ томъ случаѣ, *если печатаютъ ихъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ*. «Это обязательное условіе—говоритъ Solberg [148])—составляетъ прямое уменьшеніе правъ, принадлежавшихъ до сихъ поръ американскимъ авторамъ, ибо—по нынѣ дѣйствующему закону [149])—эти авторы могутъ издавать свои книги, фото—, лито — и хромолитографіи гдѣ угодно, *не теряя права на защиту*».

147.—Мы уже перечислили тѣ произведенія, которыя необходимо издать на территоріи Соединенныхъ Штатовъ для того, чтобы пользоваться по отношенію къ нимъ защитой разбираемаго закона. Таковы суть: *книги, фотографіи, литографіи и хромолитографіи*. Для того, чтобы ихъ авторъ имѣлъ право на защиту, всѣ онѣ должны быть

«напечатаны съ набора, приготовленнаго на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, или съ клише, сдѣланнаго при помощи такого же набора, или съ негативовъ и камней, также приготовленныхъ на территоріи Соединенныхъ Штатовъ».

Такимъ образомъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ не могло отказаться отъ той цѣли, которую оно преслѣдуетъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ: покровительствовать туземной промышленности. Защищаются, съ этою цѣлью, исключительно тѣ сочиненія, которыя не только напечатаны, но даже набраны были непремѣнно въ Соединенныхъ Штатахъ.

Подобная система не могла быть принята особенно благопріятно мыслящею частью американской публики. «Это условіе — говоритъ Solberg [150]) — вызвало сильную оппозицію въ интеллигентныхъ кружкахъ, ибо его считали прямымъ возвращеніемъ къ варварству» (еще бы!). Однако, вышеуказанное условіе было не только удержано, но еще дополнено слѣдующимъ.

---

[148]) Journal Clunet 1891, p. 286—87.

[149]) т. е. закону 1870 года, ибо статья написана до входа въ силу закона 3 Марта 1891 года.

[150]) ibid. p. 387.

Очевидно, что постановленіе о необходимости отпечатывать перечисленныя выше произведенія въ Америкѣ не имѣло бы того значенія для развитія промышленности Соединенныхъ Штатовъ, какое желалъ дать ему законодатель, если бы закономъ 3 Марта 1891 г. не запрещалось бы, въ то же время, *ввозить въ предѣлы Соединенныхъ Штатовъ всякіе оттиски такого произведенія*, которое пользуется защитой этого закона. Ибо иначе нѣмецкіе издатели могли бы отпечатать грошевое изданіе новаго романа въ 10—20 экземплярахъ въ Соединенныхъ Штатахъ и затѣмъ, пользуясь полученной защитой, ввозить тысячи роскошныхъ изданій, отпечатанныхъ въ Германіи (послѣднее было бы выгодно имъ въ виду того, что печатаніе обходится въ Германіи много дешевле, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ). Такимъ образомъ, упомянутое ограниченіе относительно изданія въ Соединенныхъ Штатахъ имѣло бы очень мало значенія для промышленности.

Чтобы помочь этому горю, столь нежелательному съ точки зрѣнія правительства Соединенныхъ Штатовъ, было постановлено:

«...Во все то время, покуда будетъ продолжаться защита авторскаго права на какое нибудь произведеніе—запрещается ввозить въ Соединенные Штаты всѣ подобныя книги, фото-, лито- и хромолитографіи; всякія клише, не изготовленныя при помощи американскихъ наборовъ; негативы и камни съ изображенными на нихъ рисунками». [151])

Впрочемъ, это ограниченіе не распространяется на слѣдующія произведенія литературы, могущія, слѣдовательно, быть ввезены въ Соединенные Штаты даже въ то время, когда они подлежатъ защитѣ закона 3 Марта 1891 года:

a) Книги, напечатанныя 20 лѣтъ раньше ввоза въ Соединенные Штаты (законъ 10 октября 1890 г., § 512).

b) Книги, напечатанныя не на англійскомъ языкѣ или напечатанныя выпуклымъ шрифтомъ (для слѣпыхъ) (§ 513).

c) Книги, фотографіи и проч., выписываемыя библіотекой Конгресса или Правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ (§ 514).

---

[151]) см. ст. 4956.

d) Книги и проч., ввозимыя въ количествѣ не болѣе 2 экземпляровъ частными лицами, или выписываемыя учеными и учебными заведеніями (§ 515).

e) Библіотеки и частныя библіотечки, ввозимыя частными лицами, если оныя были до тѣхъ поръ въ распоряженіи ввозящихъ не менѣе одного года, и если эти библіотеки не предназначаются для продажи.

Таковы условія, которыми обставлено пріобрѣтеніе и сохраненіе авторскаго права для иностранцевъ въ Соединенныхъ Штатахъ. [152])

h) Швейцарія.

148.—По послѣднему закону, общему для всѣхъ кантоновъ (отъ 23 Апрѣля 1883 года), иностранцы защищаются въ Швейцаріи слѣдующимъ образомъ:

«Ст. 10. Настоящій законъ примѣняется, во-первыхъ, ко всѣмъ тѣмъ изданіямъ, авторы коихъ живутъ въ Швейцаріи,—независимо отъ того, гдѣ появляются впервые эти изданія; во-вторыхъ,—ко всѣмъ изданіямъ, публикуемымъ въ Швейцаріи, даже въ томъ случаѣ, если авторы ихъ живутъ за границей.

Такимъ образомъ, швейцарскій законъ принимаетъ подъ свое покровительство: 1) всѣ изданія швейцарской національности (т. е. напечатанныя въ Швейцаріи) и 2) изъ иностранныхъ изданій—тѣ, авторы которыхъ имѣютъ постоянное мѣсто жительства въ Швейцаріи. Мы не думаемъ, чтобы подобный основной признакъ (мѣсто жительства автора) былъ, въ сущности, удобенъ. Мы не будемъ распространяться о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя всегда возникаютъ при опредѣленіи такого расплывчатаго и перемѣнчиваго признака, какъ «постоянное» мѣсто жительства. Отмѣтимъ только то обстоятельство, что если Германія защищаетъ всѣ національныя изданія (территоріальныя),—то это объясняется желаніемъ поощрить свою

[152]) Кромѣ нихъ, существуетъ еще нѣсколько (напр., о необходимости внести книгу въ регистръ)—но они представляютъ незначительный интересъ. Подробности можно найти въ Droit d'auteur 1893, p. 53—58.

промышленность; положеніе же закона швейцарскаго положительно необъяснимо съ юридической точки зрѣнія: авторъ не можетъ имѣть больше или меньше правъ въ зависимости отъ того, въ какой странѣ онъ находился въ извѣстный моментъ; положенія швейцарскаго закона составляютъ нѣчто очень странное, какую-то неопредѣленную середину между безусловной и территоріальной защитой.

149.—Во всякомъ случаѣ, отмѣтимъ, что подобное положеніе, какъ либерально оно ни покажется,—въ сущности, даетъ очень мало иностраннымъ авторамъ. Ибо мало кто станетъ предпринимать изданіе спеціально въ Швейцаріи, или будетъ отправляться въ горы на время изданія сочиненія — *авторскія права должны пріобрѣтаться не такими способами.*

Въ концѣ десятой статьи содержится еще постановленіе относительно иностранцевъ, издающихъ свои сочиненія не въ Швейцаріи и не имѣющихъ въ ней постояннаго мѣста жительства—т. е. не подходящихъ подъ вышеуказанныя категоріи. Относительно такихъ иностранцевъ признается избитая система: «на основаніи взаимности».

Законодательства остальныхъ странъ или не защищаютъ иностранцевъ вовсе, или защищаютъ ихъ «на основаніи принципа взаимности». Относительно Россіи,—см. заключеніе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Анализъ нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ международныхъ литературныхъ конвенцій.

150.—По вполнѣ понятнымъ причинамъ, литературныя международныя конвенціи не имѣютъ особенно далекаго прошлаго. Мы видѣли въ главѣ первой, что защита авторскихъ правъ въ законодательствахъ еле показывается въ началѣ этого столѣтія даже по отношенію къ національнымъ подданнымъ. Цѣлая пропасть, слѣдовательно, еще стояла на пути тѣхъ, кто ратовалъ за признаніе авторскихъ правъ въ пользу иностранцевъ; нужно было начинать съ утвержденія самыхъ основныхъ принциповъ—и затѣмъ уже переходить къ расширенію дѣйствія этихъ принциповъ. Мы уже указали, что международная защита авторскихъ правъ можетъ быть прочно обоснована только на признаніи общей солидарности всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Поэтому, на первый взглядъ кажется непонятнымъ, какимъ образомъ могли появиться литературныя конвенціи даже въ серединѣ настоящаго столѣтія, тогда какъ и теперь еще вышеуказанный принципъ мало гдѣ принятъ за руководящій. Объясненіе этого факта нужно искать въ слѣдующемъ. Конвенціи—въ особенности изъ первыхъ—имѣютъ (какъ мы выяснили уже выше, см. § 48) совершенно спеціальный характеръ. Договаривающіяся стороны считали, что выгода заключенія той или другой конвенціи никогда не могла быть обоюдною, что отъ всякой конвенціи которое нибудь изъ государствъ терпѣло убытокъ. Поэтому конвенціи заключались, большею частью, не по взаимному добровольному согласію, не потому чтобы двѣ страны «одинаково признавали

тѣ высокіе доводы справедливости и морали, которые указываютъ на необходимость обезпечить авторамъ полную защиту и т. д. [1])»—нѣтъ, каждая конвенція, если такъ можно выразиться, покупалась одною изъ сторонъ путемъ таможенныхъ или другихъ уступокъ. Вотъ почему всѣ конвенціи въ серединѣ этого столѣтія носятъ характеръ совершенно ясно выраженной коммерческой сдѣлки, въ которой одна изъ сторонъ старается всякими способами уменьшить размѣры гарантируемой защиты, обмануть другаго контрагента и дать его авторамъ, по возможности, меньше защиты. Объ обоюдности же интересовъ нѣтъ и помину ни въ одной изъ этихъ конвенцій.

151.—Приступая къ разсмотрѣнію наиболѣе замѣчательныхъ литературныхъ конвенцій, мы должны отмѣтить, что прослѣдить полный ходъ постепеннаго расширенія защиты правъ иностранныхъ авторовъ нѣтъ никакой возможности, ибо это развитіе шло сильными скачками, съ частыми возвратами назадъ — въ зависимости отъ причинъ политическихъ и т. п. Поэтому, мы и не будемъ разбирать въ этой главѣ всѣхъ конвенцій (что, къ тому же, было бы излишней и весьма не интересной работой, ибо, въ большинствѣ случаевъ, одновременныя конвенціи повторяютъ тѣ же самыя постановленія)—а остановимся только на наиболѣе характеристичныхъ [2]), чтобы вкратцѣ выяснить характеръ литературныхъ конвенцій въ разныя эпохи и подтвердить приведенное нами мнѣніе о первоначальныхъ международныхъ литературныхъ конвенціяхъ.

152.—Профессоръ Мартенсъ указываетъ [3]), что «первая литературная конвенція была заключена въ 1840 году между Франціей и Нидерландами. Въ томъ же году заключили такую конвенцію Австрія и Сардинія». Франція, дѣйствительно, заключила 25 іюля 1840 года съ Нидерландами договоръ о мореплаваніи и торговлѣ («Traité de navigation et de commerce»), подписанный въ Парижѣ, и договоръ этотъ, дѣй-

[1]) См. конвенцію Франція—Женева отъ 30 Октября 1858 г.

[2]) Къ тому же почти всѣ первоначальныя конвенціи теперь уже замѣнены другими, болѣе полными.

[3]) Совр. межд. право. т. II. стр. 151 изд. 1888.

ствительно, содержалъ въ своей статьѣ четырнадцатой постановленіе о томъ, что «литературная собственность будетъ взаимно защищаться. Спеціальная конвенція будетъ разработана въ возможно короткій срокъ для опредѣленія подробностей проведенія на практикѣ этого принципа» (ср. § 47). Однако, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы могли собрать, подобная конвенція была заключена только 29 марта 1855 г. (ратифікована 19 іюля 1855 года). Даже такой полный сборникъ, какъ собраніе Delalande'a [4]), не заключаетъ никакого упоминанія о заключеніи конвенціи раньше этого года [5]), такъ что мы думаемъ, что конвенція съ Нидерландами не была заключена въ 1840 году, ибо вышеприведенное постановленіе 14-ой ст. торговаго договора заключаетъ только извѣстнаго рода pium desiderium, права же иностранныхъ подданныхъ во Франціи и Нидерландахъ взаимно до 1855 года не защищались—откуда можно заключить и о томъ, что постановленіе договора считать литературною конвенцію, повидимому, нельзя. На основаніи всего этого, мы думаемъ болѣе правильнымъ считать первою литературною конвенціею—ту, которая была заключена между Италіей (Сардиніей) и Австріей 10 мая 1840 года.

153.—Конвенція эта была вызвана причинами, о которыхъ мы упомянули выше (см. § 44), и, какъ всякое первое начинаніе, имѣла много пробѣловъ, изъ которыхъ отмѣтимъ слѣдующіе [6]). Согласно этой конвенціи (*), заключенной на четыре года съ постояннымъ продолженіемъ ея на неопредѣленный срокъ по взаимному молчаливому соглашенію, авторское право гарантируется взаимно иностраннымъ подданнымъ на всю жизнь автора и его наслѣдникамъ еще на тридцать лѣтъ; ученыя общества, по отношенію къ своимъ изданіямъ,

---

[4]) Recueil des Conventions conclues par la France, J. Delalain, III ed. 1867 Paris in-12°.

[5]) Въ началѣ конвенціи Франція—Нидерланды 22 марта 1855 года содержится указаніе на этотъ торговый договоръ.

[6]) Журналъ «Archives diplomatiques» не содержитъ очень многихъ конвенцій, такъ что намъ пришлось пользоваться даже тѣми résumés, которыя даетъ Delalande въ предисловіи къ своему сборнику. Конвенціи, о которыхъ мы говоримъ только по этому источнику, отмѣчены звѣздочкой.

пользуются авторскимъ правомъ въ теченіе 40 лѣтъ со дня перваго изданія. Въ авторское право включено также и право публичнаго исполненія. Однако дозволяется безусловно воспроизведеніе газетныхъ статей, которыя не превышаютъ въ оригинальномъ изданіи трехъ (!) листовъ, причемъ требуется указаніе источника. Еще меньше защищено авторское право композиторовъ: конвенція разрѣшаетъ всякія заимствованія и передѣлки («remaniements»), а также цѣлыя извлеченія, переложенныя для отдѣльныхъ инструментовъ. Конвенція ничего не упоминаетъ о ввозѣ заграничныхъ контрафакцій, объ авторскомъ правѣ на произведенія искусствъ изобразительныхъ, объ извлеченіяхъ изъ литературныхъ произведеній для хрестоматій, о защитѣ произведеній устныхъ и т. д.

За то, необходимо отмѣтить два важныхъ достоинства этой конвенціи: она, во-первыхъ, признаетъ право исключительнаго перевода на тотъ же срокъ, какъ и право воспроизведенія; кромѣ того, конвенція не требуетъ исполненія ровно никакихъ формальностей.

154.—Вторая конвенція была заключена 28 августа 1843 г. между Франціей и тою же Сардиніей [7]). Въ общихъ чертахъ она очень схожа съ конвенціей предъидущей. Къ особенностямъ ея нужно отнести то обстоятельство, что она защищаетъ не только территоріальныя изданія двухъ государствъ (изданія, напечатанныя на территоріи Франціи или Сардиніи)—но еще и нѣкоторыя заграничныя изданія; послѣднія впрочемъ, только въ переводахъ, изданныхъ на территоріи договаривающихся государствъ и, притомъ, сдѣланныхъ только на французскомъ или итальянскомъ языкахъ [8]). Конвенція содержала полное и безусловное разрѣшеніе воспроизводить журнальныя и газетныя статьи [9]), но это разрѣшеніе было нѣсколько модифицировано добавочной конвенціей 22 апрѣля 1846 года, согласно которой (ст. 3) авторы журнальныхъ статей получили право особымъ заявленіемъ удержать за со-

[7]) Delalande, op. cit. p. 1. — ср. § 48.
[8]) См. ст. 3.
[9]) См. ст. 5.

бою право воспроизведенія. Эта же конвенція признавала, что исполненіе формальностей, требуемыхъ по національнымъ законамъ, достаточно для пріобрѣтенія авторскаго права и въ другомъ государствѣ (ст. 1).

155.—Мы говорили уже, что различныя конвенціи, даже болѣе поздніе по времени, дѣлаютъ часто значительныя отступленія въ области защиты авторскихъ правъ. Такъ, конвенція, заключенная тремя годами позже предъидущей (13 мая 1846 года) между Англіей и Пруссіей [10]), стоитъ неизмѣримо ниже только что разобранной по объему гарантируемой защиты. Прежде всего, право исключительнаго перевода не гарантируется авторамъ вовсе; затѣмъ, желающіе пользоваться своимъ правомъ обременены весьма сложными формальностями. Такъ, enregistrement на родинѣ признано недостаточнымъ (ст. 2) — требовалось внесеніе въ спеціальные списки еще и въ другомъ изъ договаривающихся государствъ. Такое постановленіе, впрочемъ, будетъ вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что Пруссія очень долго, а Англія и до сихъ поръ требуетъ исполненія подобныхъ формальностей даже отъ національныхъ авторовъ. Та же статья требуетъ еще представленія правительству одного экземпляра сочиненія «лучшаго изданія въ наилучшемъ состояніи». Конвенція защищаетъ право публичнаго исполненія, но также по отношенію только къ зарегистрованнымъ сочиненіямъ, при условіи, чтобы первое ихъ публичное исполненіе послѣдовало на территоріи одного изъ контрагентовъ-государствъ (ст. 3). Конвенція ничего не говоритъ о передѣлкахъ произведеній музыкальныхъ, о хрестоматіяхъ, о контрафакціи произведеній искусствъ пластическихъ и т. д. Вообще, это соглашеніе нужно признать однимъ изъ наиболѣе неполныхъ и неудовлетворительныхъ.

156.—Подобныя отступленія назадъ встрѣчаются не только въ конвенціяхъ, заключенныхъ другими государствами, но часто въ конвенціяхъ, которыя подписывало государство, ранѣе заключившее болѣе либеральное соглашеніе. Мы видѣли уже, что конвенція Франція-Сардинія 1843 года не требуетъ

[10]) Archives diplomatiques, 1862, p. 185.

исполненія иныхъ формальностей, кромѣ національныхъ. Та же Франція заключила 12 апрѣля 1851 года конвенцію съ Португаліей [11]), причемъ ст. 2 этого соглашенія требуетъ, чтобы всякій авторъ представилъ одинъ экземпляръ своего сочиненія: португалецъ въ парижское бюро книжной торговли, француз—въ публичную Лиссабонскую библіотеку. Причина того, что Франція заключала сперва конвенцію болѣе совершенную, а затѣмъ менѣе совершенную — заключается, опять таки, въ томъ, что, какъ мы уже сказали выше, большинство государствъ не видѣло въ заключеніи конвенцій прямой для себя выгоды и старалось стѣснить иностранныхъ авторовъ возможно болѣе неудобными формальностями.

Разбираемая конвенція заключаетъ о переводахъ такое же постановленіе, какъ и приведенная выше конвенція между Франціей и Сардиніей (см. § 154), и совершенно такія же подробности о журнальныхъ статьяхъ, о публичномъ исполненіи и проч. Мелочныя подробности о таможенномъ осмотрѣ ввозимыхъ книгъ, не представляющія для насъ никакого интереса, заполняютъ больше половины этой конвенціи.

157.—Особеннымъ количествомъ совершенно ненужныхъ формальностей наполнена конвенція, заключенная 3 ноября 1851 года между Франціей и Великобританіей [12]). Такъ напримѣръ, для того чтобы пользоваться *правомъ исключительнаго перевода*, авторъ, согласно ст. 3-ей этой конвенціи, долженъ исполнить слѣдующія четыре формальности:

1) Внести свое изданіе въ спеціальный регистръ не позже трехъ мѣсяцевъ послѣ опубликованія сочиненія.

2) На заглавномъ листѣ оригинала сдѣлать заявленіе о желаніи своемъ сохранить право исключительнаго перевода.

3) Издать хотя бы часть своего перевода въ теченіе одного года со дня внесенія оригинала въ регистръ; а также окончить изданіе перевода не позже трехъ лѣтъ, считая съ того же дня.

---

[11]) Delalande, op. cit. p. 18.
[12]) Delalande, op. cit. p. 27.

4) Напечатать свой переводъ непремѣнно на территоріи одного изъ договаривающихся государствъ и, въ заключеніе всего, внести свой переводъ въ тотъ же регистръ.

При соблюденіи всѣхъ этихъ формальностей авторъ сохраняетъ право исключительнаго перевода въ теченіе только пяти лѣтъ со дня внесенія въ регистръ оригинала. Сроки, отмѣченные нами подъ номеромъ 3-ьимъ, сокращаются для произведеній драматическихъ до 3 мѣсяцевъ [13]). Остальныя постановленія данной конвенціи, въ общемъ, схожи съ постановленіями предъидущихъ соглашеній.

158.—Нѣсколько важныхъ нововведеній произведено конвенціей, которой такъ долго дожидались во Франціи, именно, конвенціей съ Бельгіею, заключенною 22 августа 1852 года [14]). Такъ, нужно, прежде всего, отмѣтить, что эта конвенція запрещала такъ называемыя arrangements (т. е. переложенія музыкальныхъ сочиненій на другіе инструменты), различнаго рода попурри, и т. п. (ст. 1). Та же статья (in fine) заключаетъ такъ называемую clause de la nation la plus favorisée — представляющую столько неудобствъ для конвенцій, заключаемыхъ для защиты авторскихъ правъ (объ этомъ мы, впрочемъ, скажемъ подробнѣе нѣсколько ниже). Особенно много практическихъ неудобствъ представили впослѣдствіи постановленія, заключавшіяся въ ст. третьей. Согласно этой статьѣ, право публичнаго исполненія было признано за всѣми драматическими писателями и композиторами—однако съ слѣдующимъ ограниченіемъ:

«Размѣръ гонорара авторовъ драматическихъ и музыкальныхъ произведеній будетъ опредѣляться по взаимному соглашенію сторонъ. Если же стороны къ такому соглашенію придти не могутъ, то авторы будутъ имѣть право на слѣдующее максимальное вознагражденіе...»

По-просту сказать, конвенція устанавливала опредѣленное вознагражденіе для иностранныхъ авторовъ драматическихъ и музыкальныхъ произведеній; а насколько велико было это вознагражденіе можно судить по тому, что за разовое пред-

[13]) См. ст. 4.

[14]) См. Delalande, op. cit. p. 42 ss.

ставленіе 5-актной оперы въ Брюсселѣ авторъ получалъ гонорару 18 франковъ (!), а въ маленькихъ городахъ—даже 9 франковъ. Не мудрено, что первою заботою лицъ, заключавшихъ въ 1881 году вторую франко-бельгійскую конвенцію, — было оградить интересы драматическихъ авторовъ.

Дальше, разбирая вторую франко-бельгійскую конвенцію [15]) — мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ настоящей.

159.—Нѣсколькими годами позже, та же Бельгія заключила конвенцію (*) съ Нидерландами [16]), которую можно привести какъ примѣръ совершенно недостаточной защиты авторскаго права. Эта конвенція не только не защищала произведеній музыки или искусствъ изобразительныхъ, но и литературнымъ произведеніямъ гарантировала защиту весьма незначительную. Такъ, право исключительнаго перевода вовсе не защищалось этою конвенціею, и контрафакціей въ этомъ отношеніи признавались только переводы съ фламандскаго языка на голландскій и обратно. Право публичнаго исполненія вовсе не гарантировано авторамъ. За то — пріобрѣтеніе авторскаго права не обусловливалось никакими формальностями, и отъ авторовъ не требовалось ни enregistrement, ни dépôt.

160.—Странное впечатлѣніе производитъ конвенція, заключенная 6 апрѣля 1861 года между Франціей и Россіей [17]). Становится очевиднымъ, что эта конвенція, также какъ и схожая русско-бельгійская 1862 года, были, дѣйствительно, «навязаны Россіи», — что въ заключеніи ихъ Россія играла не только «пассивную» роль, но просто отрицательную. Имѣла ли въ данномъ случаѣ какое нибудь значеніе крымская война, или повліяли какія нибудь другія, неизвѣстныя намъ, причины—но самыя конвенціи оставляютъ впечатлѣніе попытки, оборванной на первомъ шагѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Конвенція подробно разбираетъ всѣ случаи пользованія «литературной собственностью»; подробно выясняетъ, что всѣ законы, дѣйствующіе въ каждомъ изъ до-

[15]) См. ниже §§ 171—184.

[16]) Delalande, op. cit. p. XXXV.

[17]) Archives dipl. 1881, т. III, p. 203.

говаривающихся государствъ, будутъ прилагаться къ подданнымъ и другого изъ договаривающихся,—что даже тѣ законы, которые будутъ изданы впослѣдствіи, должны будутъ быть распространены на подданныхъ обоихъ государствъ (ст. 1). Конвенція подробно перечисляетъ тѣ произведенія, которыя подлежатъ взаимной защитѣ, а именно:

«книги, манускрипты, драматическія и музыкальныя произведенія, картины, гравюры, планы, географическія карты, литографіи и рисунки, скульптурныя произведенія и т. д. (ст. 2).»

Далѣе устанавливаются извѣстнаго рода формальности, исполненіе которыхъ необходимо для всякаго, желающаго пользоваться авторскимъ правомъ заграницей (§ 3).—Однимъ словомъ, на первый взглядъ, казалось бы, что какъ французскіе авторы въ Россіи, такъ и русскіе — во Франціи защищены, если и не очень полно, то, всетаки, достаточно для огражденія ихъ интересовъ.

161.—Но взглянемъ на дѣло болѣе внимательно. Конвенція торжественно заявляетъ, что

«недозволенное авторомъ воспроизведеніе всѣхъ перечисленныхъ произведеній (если они первымъ изданіемъ напечатаны на территоріи одного изъ договаривающихся государствъ) будетъ преслѣдоваться на одинаковыхъ основаніяхъ для авторовъ обоихъ государствъ».

Но защищаетъ ли она этимъ на дѣлѣ русскихъ авторовъ отъ французскихъ контрафакторовъ, а французскихъ—отъ русскихъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. До марта мѣсяца 1887 года конвенція эта была въ силѣ, — съ марта русское правительство отказалось отъ нея, но фактъ этотъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ въ нашей книжной промышленности, и французскіе авторы перепечатываются теперь также хорошо, какъ они перепечатывались до 1887 года. Происходитъ это, конечно, отъ того, что конвенція *не гарантировала права исключительнаго перевода*. Русская литература или, вѣрнѣе, журналистика до сихъ поръ въ значительной степени живетъ на счетъ иностранной литературы, представляя ее русской публикѣ въ неисчислимыхъ переводахъ. Никогда, кажется, не было видано, чтобы французскія изданія перепечатывались въ Россіи въ

оригиналахъ, или, тѣмъ паче, русскія—во Франціи. Русскаго языка никто во Франціи не знаетъ, а французскія сочиненія печатать въ Россіи на языкѣ подлинника было положительно невыгодно, какъ потому, что Россія не можетъ дать для такихъ изданій достаточнаго количества читателей, такъ и потому, что самые французскіе оригиналы издаются во Франціи по весьма незначительной цѣнѣ.

Итакъ, даже не будь конвенціи — никто въ Россіи никогда не сталъ бы перепечатывать французскихъ изданій на французскомъ языкѣ. Конвенція же запретила то, чего даже и безъ этого запрещенія никто бы дѣлать не сталъ.

Но пойдемъ дальше. Въ Россіи, дѣйствительно, существуетъ одинъ видъ контрафакціи (очень развитой), передающей французскія произведенія въ подлинникѣ. Это—Михайловскій театръ, четыре раза въ недѣлю дающій представленія на французскомъ языкѣ и исполняющій лучшія произведенія новѣйшей французской драматической литературы. Казалось бы, что конвенція должна была защищать авторскія права драматурговъ, хотя бы, отъ контрафакцій на языкѣ оригинала. На дѣлѣ же оказывалось, что конвенція 1861 года не защищала французскихъ авторовъ даже отъ этого явнаго нарушенія ихъ правъ: контрафакція совершается на языкѣ оригинала, но конвенція такой контрафакціи не запрещаетъ.

Остаются произведенія музыкальныя; не говоря о томъ уже, что конвенція не защищала права публичнаго исполненія, она даже не запрещала такъ называемыхъ arrangements. А кто же станетъ перепечатывать цѣлую партитуру — когда проще, скорѣе и выгоднѣе издать легенькое попурри, переложеніе или что нибудь въ этомъ родѣ?

И вотъ, поневолѣ приходится спросить: да что же защищала эта конвенція? Отвѣтъ получается, по меньшей мѣрѣ, странный. Да простится намъ это выраженіе, но, по нашему мнѣнію, франко-русская литературная конвенція 6 апрѣля 1861 года сражалась съ какими то фантастическими мельницами. Въ громкихъ словахъ она искореняла то, что никогда не существовало—и, въ то же время, старательно обходила тѣ вопросы, которые, дѣйствительно, составляли наболѣвшее

мѣсто разбираемаго дѣла, въ которыхъ скрывалась дѣйствительная контрафакція, со всѣми ея разорительными и антиэстетическими послѣдствіями.

Остается только удивляться, зачѣмъ была подписана эта конвенція.

162. — Конвенція (*), заключенная Россіей 18 іюля 1862 года съ Бельгіей [18]), составляетъ почти дословное воспроизведеніе предъидущей—такъ что мы не считаемъ нужнымъ долѣе на ней останавливаться. Вообще, въ тѣ времена, Россія имѣла на авторское право взгляды еще болѣе отсталые, чѣмъ тѣ, которые проводятся нынѣ. Двѣ конвенціи съ Франціей и Бельгіей были ей «навязаны», послѣ чего она рѣшительнымъ образомъ отказалась отъ заключенія дальнѣйшихъ, вѣроятно, не видя въ томъ для Россіи никакой пользы. «Заключивъ эти двѣ конвенціи, наше правительство наотрѣзъ отказывалось вступить въ такія же соглашенія съ другими державами. Переговоры объ этомъ предметѣ между нимъ и Италіей въ 1865 году и позже (1869—1870) съ Пруссіей не привели ни къ чему [19])».

163.—Указавъ, такимъ образомъ, вкратцѣ, что представляли изъ себя первоначальныя литературныя конвенціи, мы должны сдѣлать большой скачекъ, именно, прямо къ восьмидесятымъ годамъ. Причинъ для этого можно привести много и, прежде всего, можно отмѣтить, что наибольшее количество заключенныхъ литературныхъ конвенцій падаетъ на начало 60-тыхъ годовъ, послѣ чего наступаетъ замѣтное затишье (въ періодъ съ 1869 по 1879 года было заключено, насколько мы знаемъ только двѣ конвенціи: Бельгія—Швейцарія 12 ноября 1878 года и Италія—Швейцарія 23 января 1879 г.). Изъ перваго періода мы привели, сравнительно, очень немного конвенцій, но и приведенныхъ достаточно, по нашему мнѣнію, для того, чтобы выяснить главные характерическіе признаки конвенцій этого періода, ибо остальныя заключенныя конвенціи мало чѣмъ отличаются отъ общаго шаблона.

---

[18]) См. Delalande, op. cit. p. XXXVII.

[19]) См. Курсъ межд. права проф. Мартенса, т. II стр. 160.

Послѣ указаннаго періода затишья потребность защиты авторскихъ правъ иностранцевъ стала выясняться все болѣе и болѣе настоятельнымъ образомъ. Практика выяснила къ этому времени главнѣйшія неудобства, возникавшія изъ прежнихъ несовершенныхъ конвенцій, и вотъ мы видимъ, что государства западной Европы одно за другимъ подписываютъ между собою соглашенія, изъ которыхъ многія заслуживаютъ особаго вниманія. Къ подробному разсмотрѣнію этихъ то конвенцій мы и переходимъ, причемъ мы постараемся выяснить главнѣйшіе отличительные признаки каждой изъ нихъ—и показать тѣ затрудненія, съ которыми приходилось бороться составителямъ подобныхъ соглашеній.

164.—Первою (по времени) изъ болѣе совершенныхъ конвенцій приходится признать конвенцію *Испанія—Франція 16 іюня 1880 года* [20]).

Согласно ст. 51 закона 12 января 1879 года, испанское правительство было принуждено отказаться отъ прежде заключенныхъ конвенцій съ Англіей, Бельгіей, Сардиніей, Франціей, Португаліей и Голландіей — и постараться заключить новыя международныя конвенціи, основанныя на слѣдующихъ главнѣйшихъ принципахъ:

1) Полная взаимность между договаривающимися сторонами.

2) Взаимное согласіе на включеніе такъ называемой clause de la nation la plus favorisée.

3) Уничтоженіе какихъ бы то ни было формальностей въ другомъ государствѣ для тѣхъ авторовъ, которые исполнятъ формальности, требуемыя по національнымъ законамъ.

4) Запрещеніе не только грубой, явной контрафакціи (перепечатки), но и продажи, ввоза и вывоза сочиненій, напечатанныхъ на языкѣ, употребляемомъ въ одной изъ странъ,— если эти дѣйствія производятся безъ дозволенія автора.

165.—На основаніи этихъ принциповъ, раньше другихъ была заключена вышеуказанная конвенція съ Франціей. Статья первая этой конвенціи прямо заявляетъ:

---

[20]) Ср. статья Delalande'a въ Bulletin de la législation comparée, 1881. p. 140.

«... авторы литературныхъ произведеній или ихъ наслѣдники, которые докажутъ, что они имѣютъ авторское право въ одномъ изъ договаривающихся государствъ—будутъ пользоваться одинаковыми преимуществами и въ другомъ изъ договаривающихся государствъ, безъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ формальностей...»

Какъ видно уже изъ этой статьи, составители конвенціи строго послѣдовали предписаннымъ имъ главнымъ основаніямъ; данное соглашеніе, дѣйствительно, уничтожаетъ какія бы то ни было новыя формальности для тѣхъ авторовъ, которые исполнили формальности, требуемыя по національнымъ законамъ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить одного важнаго недостатка данной конвенціи, недостатка, который вытекаетъ изъ не вполнѣ точной редакціи приведенной статьи. Въ самомъ дѣлѣ, разбираемая конвенція нигдѣ не опредѣляетъ болѣе точнымъ образомъ понятія субъекта авторскаго права—изъ чего могутъ вытечь значительныя затрудненія. Нельзя, вѣдь, предположить, чтобы въ силу того, что всѣ авторы, какой бы то ни было національности, могутъ «доказать, что они имѣютъ авторское право» во Франціи (въ силу декрета 1852 года)—что, въ силу этого обстоятельства, Испанія должна защищать, напримѣръ, русскихъ авторовъ. Все это вытекаетъ изъ недостаточной опредѣленности приведеннаго параграфа: надо предполагать, что конвенція защищаетъ только тѣ изданія, которыя будутъ напечатаны на территоріи одного изъ государствъ, подписавшихъ конвенцію, но только, именно, «предполагать», ибо никакихъ для этого положительныхъ основаній въ текстѣ конвенціи отыскать нельзя.

166. — Продолжительность защиты авторскаго права по конвенціи Франція—Испанія опредѣленъ въ 50 лѣтъ послѣ смерти автора. Хотя Испанія и гарантируетъ посмертный 80 лѣтній срокъ,—но Франція, конечно, не могла поступиться своимъ законодательствомъ.

Объектомъ авторскаго права признаются:

«...книги, брошюры, манускрипты; драматическія и музыкальныя произведенія; музыкальныя арранжировки; рисунки, картины,

статуи, гравюры, литографіи и иллюстраціи, географическія карты, планы и научные чертежи (croquis scientifiques); вообще, всѣ произведенія въ области литературы, науки или искусства, которыя будутъ изданы какимъ бы то ни было извѣстнымъ или еще неизвѣстнымъ способомъ (système connu ou à connaître)» [21]).

Перечисленія, вродѣ приведеннаго, можно найти во многихъ законодательствахъ и литературныхъ конвенціяхъ, и смыслъ ихъ всегда оказывается не вполнѣ яснымъ; является, напримѣръ, интереснымъ рѣшеніе двухъ вопросовъ:

1) Защищаетъ ли данная конвенція авторское право архитекторовъ?

2) Защищаетъ ли она авторское право фотографовъ? (Ни о фотографіяхъ, ни объ архитектурѣ перечисленіе не упоминаетъ).

Относительно произведеній архитектуры вопросъ не можетъ представить затрудненій и долженъ быть рѣшенъ утвердительно. Въ подтвержденіе этого мы можемъ привести слѣдующую выдержку изъ протокола обмѣна ратификацій, который, между прочимъ, гласитъ:

«...Мы, нижеподписавшіеся, симъ заявляемъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній при толкованіи конвенцій,—что въ числѣ произведеній, перечисляемыхъ во второмъ абзацѣ ст. 1-ой, нужно понимать также произведенія архитектурныя».

Вопросъ о томъ, должно ли считать въ числѣ защищаемыхъ конвенціей произведеній фотографическіе оттиски — не рѣшается такъ же просто. Мы думаемъ, во всякомъ случаѣ, что приведенное перечисленіе—только примѣрное, и что пропускъ слова «les photographies» не нужно толковать въ смыслѣ совершеннаго отказа фотографамъ въ международной защитѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ Испанія, такъ Франція считаютъ фотографическіе оттиски за произведенія искусства и, поэтому, было бы страннымъ предположить, чтобы соглашеніе этихъ двухъ державъ между собою не придерживалось того же взгляда.

Во всякомъ случаѣ, если бы данная конвенція даже отказывала въ защитѣ произведеніямъ фотографіи—французскіе

[21]) См. ст. 1.

фотографы, всетаки, могутъ требовать въ Испаніи полной защиты въ силу clause de la nation la plus favorisée, ибо Испанія заключила 28 іюня 1880 года конвенцію съ Италіей, въ которой фотографіи спеціально упомянуты въ числѣ произведеній, защищаемыхъ конвенціей.

167.—Согласно ст. 2 запрещаются:

«...печатаніе, изданіе, продажа, выставленіе (exposition), ввозъ и вывозъ всякаго произведенія литературы, науки или искусства—если на то не имѣется спеціальнаго разрѣшенія автора, и независимо отъ того, изданы ли экземпляры на территоріи одного изъ договаривающихся государствъ, или внѣ такой территоріи».

Такимъ образомъ, данная статья находится въ полномъ соотвѣтствіи съ четвертымъ изъ вышеозначенныхъ основныхъ принциповъ—хотя, конечно, она не составляетъ особенной новости въ исторіи развитія международной защиты авторскихъ правъ.

Гораздо большій шагъ впередъ, сравнительно съ прежней франко-испанской конвенціей, сдѣланъ разбираемымъ соглашеніемъ въ области исключительнаго права публичнаго исполненія. Согласно *конвенціи Франція—Испанія 1853 года*, права драматическихъ авторовъ и композиторовъ были защищены весьма мало, ибо въ томъ случаѣ, когда произведеніе исполнялось *въ переводѣ*, авторы имѣли право на весьма незначительное вознагражденіе [22]). И, кромѣ того, вознагражденіе это вовсе имъ не уплачивалось, какъ только переводъ являлся нѣсколько видоизмѣненнымъ, не вполнѣ точнымъ [23]).

Подобная недостаточная защита была замѣнена гораздо болѣе полною; авторъ драматическаго произведенія получилъ, во-первыхъ, право публичнаго исполненія въ полномъ объемѣ (см. ст. 3, с.); во-вторыхъ, были признаны контрафакціей всякія измѣненія и переложенія (adaptations). Такъ

«...одинаковымъ образомъ защищаются косвенныя воспроизведенія, какъ то передѣлки, подражанія (imitations dites de bonne foi), транскрипціи и арранжировки музыкальныхъ произве-

22) См. ст. 4—у Delalande, op. cit. p. 101—102.
23) Ср. Bulletin de legislation comparée, 1881 p. 147.

деній; вообще, всякія заимствованія изъ произведеній литературы, науки или искусства, сдѣланныя безъ дозволенія автора».

168.—Однако, гарантируя столь широкую и полную защиту, составители соглашенія—нужно отдать имъ честь — не увлеклись своею задачею настолько, чтобы удариться въ ненужныя крайности. Это въ особенности ясно изъ того здраваго взгляда на хрестоматіи, который проводится разбираемою конвенціей. Въ силу ст. 4, с—дозволяются заимствованія изъ сочиненій другихъ авторовъ въ такихъ изданіяхъ, которыя

«спеціально приспособлены для учебныхъ цѣлей; въ которыхъ, напримѣръ, произведенія печатаются съ комментаріями на иномъ языкѣ, чѣмъ тотъ, на которомъ написанъ оригиналъ» [24]).

169.—Спеціальная статья (3-ья) разбираетъ вопросъ о *правѣ исключительнаго перевода*, т. е. о томъ правѣ, которое составляетъ точку преткновенія почти всѣхъ литературныхъ конвенцій, изъ коихъ многія вовсе упускаютъ изъ виду этотъ вопросъ первостепенной важности. «Можно подумать—говоритъ Renault въ своемъ талантливомъ очеркѣ [25])—что лица, работавшія надъ заключеніемъ литературныхъ конвенцій, забывали иногда, что въ сношеніяхъ двухъ странъ, говорящихъ различными языками, нормальный способъ контрафакціи есть *переводъ*, и что конвенція, защищающая серьознымъ образомъ только отъ буквальнаго воспроизведенія, является почти ненужною». Разбираемая конвенція рѣшила вопросъ объ исключительномъ правѣ перевода самымъ простымъ и, въ то же время, самымъ естественнымъ и справедливымъ образомъ. Согласно статьѣ 3, эта конвенція защищаетъ право исключительнаго перевода безусловно и—что особенно достойно подражанія—*на полный срокъ*.

---

[24]) Какъ Испанія, такъ и Франція примкнули къ Бернскому Союзу, такъ что всѣ тѣ положенія въ данной конвенціи, которыя гарантируютъ авторамъ защиту меньшую, сравнительно съ защитой Бернской Конвенціи, должны быть уничтожены. Ниже мы увидимъ, что о хрестоматіяхъ Бернская Конвенція содержитъ постановленіе, схожее съ указаннымъ. Такимъ образомъ, и данное сохраняетъ свою силу.

[25]) Des droits d'auteurs dans les rapports internationaux, p. 40.

Такимъ образомъ, данная конвенція проводитъ окончательнымъ образомъ то положеніе, о которомъ такъ много говорилось въ послѣдніе года, положеніе, торжественно санкціонированное еще на Парижскомъ конгрессѣ 1878 года: полное уравненіе (по времени) правъ исключительнаго перевода и исключительнаго воспроизведенія. Замѣтимъ, что очень немногія, даже позднѣе заключенныя конвенціи послѣдовали этому примѣру. Напримѣръ, Бернская конвенція 6 сентября 1886 года должна быть признана безусловно уступающею разбираемой въ отношеніи права исключительнаго перевода [26]).

170.—Разбираемая конвенція замѣчательна еще въ одномъ отношеніи: она чрезвычайно подробно разбираетъ вопросъ о ретроактивности. Въ данномъ частномъ случаѣ приходилось переходить не отъ абсолютнаго отсутствія защиты, но отъ защиты, существовавшей въ опредѣленномъ, хотя и меньшемъ объемѣ (въ силу конвенціи 1853 года). Согласно этой конвенціи, авторское право, напримѣръ, защищалось max. на 20 лѣтъ, и то подъ условіемъ исполненія многихъ стѣснительныхъ формальностей. Всѣ затрудненія, вытекавшія изъ такихъ существенныхъ различій двухъ конвенцій были очень удачно разрѣшены разбираемымъ соглашеніемъ. Такъ, въ силу статьи 9-ой, новая конвенція прилагается ко всѣмъ тѣмъ сочиненіямъ и произведеніямъ искусства, изданнымъ до входа въ силу этой конвенціи, которыя въ моментъ обмѣна ратификацій будутъ еще пользоваться защитой въ силу прежней конвенціи 15 ноября 1853 года. Впрочемъ, — съ тѣмъ исключеніемъ, что пользоваться продолженіемъ защиты могутъ только авторъ и его прямые наслѣдники: если же авторское право уже было продано постороннему издателю—то этотъ послѣдній преимуществами, гарантируемыми указанной ст. 9, пользоваться не будетъ.

Конвенція спеціально разбираетъ также тѣ затрудненія, которыя могутъ возникнуть при примѣненіи ея постановленій объ исключительномъ правѣ перевода къ сочиненіямъ, изданнымъ до момента опубликованія конвенціи. Этому во-

[26]) См. ст. 5 этой конвенціи.

просу посвященъ весь protocole de clôture, рѣшающій дѣло слѣдующимъ образомъ: 1) если сочиненіе было издано не ранѣе, чѣмъ за три мѣсяца до входа въ силу данной конвенціи, то авторъ, безъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ формальностей, получаетъ право исключительнаго перевода; 2) если сочиненіе было издано не болѣе, какъ за пять лѣтъ до того же срока,—право исключительнаго перевода можетъ быть *только продолжено* въ пользу автора; другими словами, въ подобномъ случаѣ, авторъ, не исполнившій формальностей (относительно перевода) и, такимъ образомъ, потерявшій, въ силу прежней конвенціи, право исключительнаго перевода—въ этомъ правѣ новою конвенціею не возстановляется. 3) Если сочиненіе, наконецъ, было издано раньше, чѣмъ за пять лѣтъ до того же срока, то, если необходимыя формальности были исполнены, авторъ только въ томъ случаѣ можетъ получить право исключительнаго перевода въ полномъ его объемѣ, если до тѣхъ поръ не появилось ни одного чужого перевода (не составлявшаго контрафакціи, согласно съ постановленіями предъидущей конвенціи).

Разбираемая конвенція, въ силу своей статьи 10, была заключена на 10 лѣтъ; однако, она могла быть продолжена на неопредѣленное количество лѣтъ, въ силу взаимнаго молчаливаго согласія.

171.—Не меньшаго вниманія заслуживаетъ также интересная конвенція, заключенная 31 октября 1881 года между Франціей и Бельгіей [27]). Согласно ст. 1-ой этой конвенціи она защищаетъ

«авторовъ книгъ, брошюръ и манускриптовъ; произведеній музыкальныхъ и драматическихъ, рисунковъ, иллюстрацій, гравюръ картинъ, статуй, литографій, фотографій и всякихъ другихъ произведеній изъ области художественной или литературной».

Мы имѣли уже случай говорить о неудобствѣ подобныхъ перечисленій: приведенная статья является типичною по тѣмъ недостаткамъ, которые она представляетъ. Въ самомъ дѣлѣ.

---

[27]) Ср. статью Delalande'a въ Bulletin de la législation comparée, 1884 p. 264.

Не говоря уже о томъ, что разъ сказано «...всѣ произведенія изъ области художественной или литературной» — все предъидущее становится излишнимъ; не говоря уже объ этомъ—отмѣтимъ непослѣдовательности болѣе серьезныя. Во первыхъ, какъ смотрѣть на это перечисленіе? Если оно приведено только какъ примѣрное, то оно является (какъ мы уже замѣтили выше) излишнимъ и плохо составленныхъ, ибо всѣ «иллюстраціи», конечно, составляютъ «рисунки» и упоминать ихъ рядомъ—излишне; если же это перечисленіе должно быть разсматриваемо какъ ограничительное, то въ немъ не упомянуты многія такія произведенія, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть защищены, какъ то: произведенія словесныя, олеографіи и мн. другія.

Но главное затрудненіе является, опять таки, по вопросу объ архитектурѣ. Разбираемая конвенція ничего не упоминаетъ объ архитектурныхъ произведеніяхъ. Между тѣмъ, какъ во Франціи (см. § 59), такъ и въ Бельгіи [28])—архитектурныя произведенія подлежатъ защитѣ закона, а потому, надо предполагать, подразумѣвались и въ разбираемомъ соглашеніи. Вотъ почему, мы думаемъ, что перечисленіе, приведенное нами выше, вслѣдствіе своей неполноты (чего, впрочемъ, не можетъ избѣжать ни одно подобное перечисленіе) — не можетъ быть признано умѣстнымъ. Впрочемъ, ни одно новѣйшее законодательство уже не употребляетъ подобныхъ перечисленій, по той простой причинѣ, что они всѣми признаны за неудобныя и излишнія.

171.—Раньше чѣмъ переходить къ одному интересному вопросу, возбужденному по поводу защиты *фотографій*, вопросу, приведшему къ значительному разногласію среди толкователей конвенціи,—отмѣтимъ (это необходимо для пониманія послѣдующаго)—что, согласно ст. 1 b, настоящая конвенція гарантируетъ полное уравненіе правъ авторовъ иностранныхъ и національныхъ. Впрочемъ

«всякія преимущества будутъ авторамъ взаимно гарантированы только на тотъ періодъ времени, покуда они будутъ имѣть соот-

[28]) См. законъ 22 Марта 1886 года, отдѣлъ IV.

вѣтственныя права въ той странѣ, гдѣ произведеніе было впервые издано: *кромѣ того, продолжительность защиты*, которую будетъ гарантировать иностраннымъ авторамъ каждое изъ договаривающихся государствъ, *не будетъ превышать* той, которую каждое изъ нихъ гарантируетъ авторамъ національнымъ».

Мы думаемъ, что въ подчеркнутыхъ словахъ заключается просто редакціонная ошибка: конвенція, конечно, предполагаетъ такое ограниченіе не только по отношенію къ сроку, но, вообще, устанавливаетъ то взаимодѣйствіе законовъ, которое одинъ французскій юристъ удачно окрестилъ «системой наименѣе выгоднаго закона»—взаимодѣйствіе, принятое во всѣхъ новѣйшихъ конвенціяхъ по авторскому праву, не исключая и Бернской.

И такъ, мы думаемъ, что вышеприведенное ограничительное взаимодѣйствіе законовъ должно, въ силу разбираемой конвенціи, быть принимаемо во вниманіе не только при опредѣленіи продолжительности защиты, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

173.—Немедленное же примѣненіе этой системы наименѣе выгоднаго закона—мы находимъ въ толкованіи вопроса о фотографіяхъ. По этому поводу Sauvel [29]) говоритъ:

«Со времени заключенія конвенціи всѣ Бельгійцы получили право требовать во Франціи для своихъ фотографій такую защиту, которая гарантируется французскими законами произведеніямъ искусства. Это обстоятельство не должно оставаться не замѣченнымъ, потому что оно связываетъ французскія законодательныя учрежденія по отношенію къ тѣмъ *новымъ законамъ*, которые они могутъ издать: если французская палата депутатовъ выработаетъ такой законъ, который будетъ гарантировать фотографіямъ меньшую защиту, чѣмъ теперешній,—придется немедленно заняться пересмотромъ франко-бельгійской конвенціи,—ибо иначе національные французскіе авторы могутъ оказаться въ худшемъ положеніи, чѣмъ фотографы бельгійскіе. Въ самомъ дѣлѣ, фотографы французскіе будутъ находиться подъ режимомъ такого новаго закона, бельгійскіе же—будутъ требовать во Франціи, съ полнымъ основаніемъ (?),

[29]) Journal de droit criminel, 1883 p. 38—ср. у Delalain op. cit. p. 263.

чтобы французскіе суды примѣняли къ ихъ фотографіямъ не этотъ спеціальный законъ, а общіе, болѣе выгодные, законы о защитѣ произведеній художественныхъ».

Мы нарочно привели эту довольно длинную цитату для того, чтобы показать, до какого извращенія смысла законодательныхъ актовъ могутъ доходить комментаріи даже опытныхъ юристовъ. Такъ Sauvel полагаетъ ни больше ни меньше, какъ то, что Франція, подписавъ разбираемую конвенцію, приняла какія-то фантастическія обязательства относительно своего внутренняго законодательства. Посмотримъ, на сколько это справедливо.

Статья 1-ая совершенно ясно говоритъ, что иностранные авторы (т. е. французы въ Бельгіи и обратно) книгъ, брошюръ и т. д. будутъ пользоваться защитой тѣхъ законовъ по этому вопросу, которые дѣйствуютъ въ настоящее время или *будутъ когда-либо обнародованы*. Эта же ст. 1 защищаетъ права авторовъ на основаніи системы *наименѣе выгоднаго закона* (какъ мы это показали выше). Не вытекаетъ ли очевиднымъ образомъ изъ перваго подчеркнутаго мѣста, что оба государства остаются вольными измѣнять какъ угодно свои законодательства,—а изъ второго, что такія измѣненныя (даже въ невыгодную сторону) законодательства будутъ примѣняться къ иностраннымъ авторамъ?

Вопросъ рѣшался бы такъ, какъ это думаетъ Sauvel, если бы конвенція 31 Октября 1881 года опредѣляла бы, *въ какой мѣрѣ* должны защищаться тѣ или другія изъ перечисленныхъ произведеній. Конвенція же, наоборотъ, признаетъ только то, что иностранные авторы взаимно будутъ имѣть право на такую же защиту, какъ и авторы національные [30]).

Вотъ почему мы думаемъ, что еслибы Франція завтра издала декретъ въ разъясненіе закона 17 Іюля 1793 года и, въ силу этого декрета, отказала бы въ защитѣ фотографіямъ—то дѣйствіе такого декрета немедленно распространилось бы и на Бельгійцевъ, и ни въ какомъ пересмотрѣ конвенціи—какъ это думаетъ Sauvel—никакой бы надобности не оказалось.

---

[30]) ibid.

Такого же мнѣнія придерживается и Delalande, говоря: «конечно, бельгійскіе фотографы могутъ, въ силу разбираемой конвенціи, требовать для своихъ фотографій той защиты, которая гарантирована во Франціи произведеніямъ искусства вообще; однако, французское правительство не отказалось отъ своего права классифицировать по своему усмотрѣнію разныя произведенія искусства, гарантируя имъ такую защиту, какой они заслуживаютъ».

174.—Необходимо отмѣтить, что система наименѣе выгоднаго закона, кромѣ, развѣ, вышеуказаннаго случая, не имѣетъ теперь въ сношеніяхъ Франціи съ Бельгіей почти никакого значенія, ибо законодательства этихъ двухъ странъ по всѣмъ вопросамъ авторскаго права почти схожи. Наоборотъ, до изданія бельгійскаго закона 22 Марта 1886 года, система эта имѣла особенную важность, ибо по предъидущимъ бельгійскимъ законамъ (25 Января 1817 года и 21 Октября 1830 года) защита была гораздо меньше, чѣмъ по французскому закону 14 Іюля 1866 года. Такъ, по бельгійскому закону 25 Января 1817 года авторское право на произведенія литературы ограничивалось 20 годами со дня смерти автора (ст. 3). Право публичнаго исполненія драматическихъ и музыкальныхъ произведеній прекращалось, по закону 21 Октября 1830 года, даже черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти автора. Но теперь, повторяемъ, подробности эти имѣютъ только историческій интересъ, ибо со входомъ въ силу новаго бельгійскаго закона 22 Марта 1886 года—продолжительность защиты авторскаго права уравнена въ обѣихъ странахъ.

175.—Согласно ст. 1, с. разбираемой конвенціи, запрещаются «такъ называемыя передѣлки (arrangements), составленныя изъ такихъ мотивовъ, которые взяты изъ чужихъ музыкальныхъ произведеній».

Мы думаемъ, что постановленіе это совершенно излишне, ибо «arrangements» запрещаются одинаково какъ во Франціи, такъ и въ Бельгіи [32]). Поэтому, разъ данная конвенція обезпечиваетъ иностраннымъ авторамъ такую же защиту, какъ и

[32]) См. бельгійскій законъ отъ 22 марта.

національнымъ, и разъ система «наименѣе выгоднаго закона» (какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ) не препятствуетъ полному уравненію правъ иностранныхъ и національныхъ авторовъ по отношенію къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ—нужно признать излишнимъ всякое частное постановленіе, разъ оно выясняетъ то, что и безъ него становится яснымъ изъ послѣдовательнаго сопоставленія двухъ вышеуказанныхъ принциповъ. Запрещеніе всякихъ передѣлокъ явствуетъ изъ самаго духа конвенціи—слѣдовательно, спеціальное запрещеніе излишне.

176.—Согласно ст. 2-ой разбираемой конвенціи,—

«Печатаніе въ Бельгіи хрестоматій, составленныхъ изъ отрывковъ произведеній авторовъ французскихъ—дозволяется, если эти хрестоматіи предназначаются для цѣлей исключительно учебныхъ».

Мы знаемъ, что какъ Франція, такъ и Бельгія подписали Бернскую конвенцію 6 сентября 1886 года, такъ что при разсмотрѣніи даннаго соглашенія необходимо комбинировать его постановленія съ соотвѣтствующими постановленіями Конвенціи Бернской. Согласно ст. 8 этой послѣдней, дозволяются заимствованія для хрестоматій — такъ что вышеприведенная ст. 2 остается до сихъ поръ въ силѣ, какъ не противорѣчащая постановленіямъ Бернской Конвенціи и даже какъ болѣе выгодная для авторовъ, чѣмъ эта послѣдняя. Въ самомъ дѣлѣ, по приведенной статьѣ, бельгійскіе авторы не могутъ быть приводимы во французскихъ хрестоматіяхъ, тогда какъ по точному смыслу ст. 8 Бернской Конвенціи, всякій авторъ можетъ быть перепечатанъ въ хрестоматіи, издаваемой иностраннымъ издателемъ.

177.—Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть того, что эта странная ст. 2-ая франко-бельгійской конвенціи остается до сихъ поръ въ силѣ. Не даромъ Delalande замѣчаетъ по этому поводу: «почему эта привилегія, дарованная Бельгійцамъ, не была распространена и на издателей французскихъ? Потому ли, что французы, болѣе деликатные и болѣе богатые національной литературой, не имѣютъ обыкновенія брать отрывки иностранныхъ произведеній для составленія хрестоматій? Разъ эти заимствованія считаются, изъ видовъ практическихъ, допустимыми,—нужно было послѣдовательно проводить

принципъ взаимности, ибо онъ служитъ основаніемъ всѣхъ международныхъ соглашеній».

178.—Согласно ст. 3 разбираемой конвенціи, авторы литературныхъ или художественныхъ произведеній, для того чтобы вчинать искъ о контрафакціи въ Бельгіи или во Франціи, должны «представить отъ компетентнаго учрежденія удостовѣреніе того, что произведеніе, относительно котораго вчинается искъ, есть произведеніе оригинальное, пользующееся защитой отъ контрафакцій въ той странѣ, гдѣ оно впервые было издано».

Такимъ компетентнымъ учрежденіемъ конвенція признаетъ Bureau de la librairie au Ministère de l'Intérieur для Франціи; министерство Внутреннихъ Дѣлъ для Бельгіи. Въ обоихъ случаяхъ необходима легализація свидѣтельства соотвѣтственнымъ посольствомъ или консульствомъ.

Данная статья интересна только какъ историческая ступень на томъ пути, по которому развивались въ различныхъ конвенціяхъ постановленія о необходимыхъ формальностяхъ. Такъ, по первоначальной франко-бельгійской конвенціи 1852 г. (ст. 2), требовалось [33]) не только внесеніе сочиненія въ особые регистры въ обоихъ изъ договаривающихся государствъ, но еще и представленіе извѣстнаго количества экземпляровъ въ Брюссель и Парижъ. Затѣмъ, по декларації 7 января 1879 года эти формальности были упрощены и замѣнены только представленіемъ того свидѣтельства, о которомъ говоритъ ст. 3 разбираемой конвенціи. Въ современныхъ же сношеніяхъ Франціи съ Бельгіей всякія формальности совершенно уничтожены въ силу ст. 2 Бернской Конвенціи, какъ болѣе удобной для авторовъ, чѣмъ ст. 3 конвенціи 31 Октября 1881 года.

179.—Однимъ изъ важнѣйшихъ постановленій конвенціи 31 Октября 1881 года нужно считать слѣдующее:

«Всѣ положенія ст. 1-ой будутъ примѣняться также и къ вопросамъ о публичномъ исполненіи музыкальныхъ и драматиче-

[33]) См. у Delalande, Recueil etc. p. 45.

скихъ произведеній, появившихся впервые на сценѣ въ одномъ изъ договаривающихся государствъ послѣ 12 мая 1854 г.

Авторскій гонораръ композиторовъ и драматурговъ будетъ устанавливаться соглашеніемъ сторонъ для каждаго отдѣльнаго случая» [34]).

По предшествовавшей конвенціи, какъ мы уже указали выше (см. § 158),— право публичнаго исполненія защищалось гораздо меньше. Такъ, даже конвенція 1861 года (см. ст. 4) устанавливала maximum той платы, на которую имѣлъ право драматическій авторъ или композиторъ «въ случаѣ, если стороны не могли придти къ соглашенію». Выше мы уже указали (см. § 158), какъ малъ былъ этотъ maximum. Подобное положеніе, крайне невыгодное для французскихъ авторовъ, было уничтожено только благодаря случаю: конвенція Бельгія-Португалія 13 октября 1866 года не заключаетъ никакихъ опредѣленныхъ maximum'овъ гонорара; но франко-бельгійская конвенція 1-го мая 1861 года заключала въ себѣ clause de la nation la plus favorisée, основываясь на которой, французскіе драматическіе писатели немедленно добились уничтоженія всякихъ maximum'овъ и для своихъ произведеній— что и было оффиціально подтверждено въ разбираемой конвенціи.

Бернская Конвенція [35]) содержитъ о публичномъ исполненіи драматическихъ и музыкальныхъ произведеній схожія постановленія, такъ что разбираемая ст. 4 остается до сихъ поръ въ силѣ.

180.—Согласно ст. 6-й разбираемой конвенціи:

«Авторъ всякаго произведенія, изданнаго въ одномъ изъ договаривающихся государствъ, имѣетъ право исключительнаго перевода въ теченіе десяти лѣтъ».

Однако требуется исполненіе слѣдующихъ условій: 1) Авторъ долженъ сдѣлать на обложкѣ своего сочиненія заявленіе о желаніи сохранить свое право исключительнаго перевода. 2) Авторъ долженъ издать свой переводъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ со дня изданія оригинала.

---

[34]) См. ст. 4.
[35]) См. ст. 9.

Такимъ образомъ. были, до извѣстной степени, уничтожены тѣ стѣснительныя формальности, которыми обставлялось сохраненіе права исключительнаго перевода въ силу франко-бельгійской декларацін 20 Февраля 1869 года, требовавшей для этой цѣли, сверхъ вышеуказаннаго: 1) чтобы авторъ издалъ начало своего перевода въ теченіе одного года; 2) чтобы для произведеній драматическихъ то же самое было исполнено въ три мѣсяца.

Впрочемъ, мы должны отмѣтить—какъ это ни покажется страннымъ, — что даже до заключенія Бернской Конвенціи право исключительнаго перевода въ международныхъ сношеніяхъ Франціи и Бельгіи защищалось больше, чѣмъ это постановлено разбираемою шестою статьею, несмотря на то, что эта статья отмѣнена не была. Происходило это, опять таки, отъ того, что въ конвенцію была включена clause de la nation la plus favorisée. Дѣло въ томъ, что Бельгія заключила 26 Іюня 1880 года конвенцію съ Испаніей [36]), въ которой гарантировала испанцамъ безусловное право исключительнаго перевода [37]). На основаніи clause de la etc. — французскіе авторы потребовали себѣ право перевода въ томъ же размѣрѣ.

Однако, въ данномъ случаѣ явилось небольшое затрудненіе, заключавшееся въ томъ, что по точному смыслу ст. 1-ой— Франція или Бельгія пріобрѣтали всѣ тѣ преимущества, которыя могли бы быть *въ будущемъ предоставлены* какой-либо третьей державѣ. Для того чтобы распространить эту clause и на преимущества гарантированныя предъидущими конвенціями, (конвенція Бельгія—Испанія была заключена 26 Іюня 1880 г., а Франція—Бельгія 31 Октября 1881 г.) пришлось, черезъ 2 мѣсяца послѣ заключенія разбираемой конвенціи, подписать—4 Января 1882 года—еще дополнительную декларацію, дозволявшую авторамъ требовать себѣ преимуществъ, гарантированныхъ даже и болѣе ранними по времени конвенціями [38]).

---

[36]) ср. Delalande op. cit. p. 274.

[37]) ср. § 167.

[38]) см. Delalande op. cit. p. 275.

Разъ Бельгія признала за иностранными авторами полное право исключительнаго перевода (въ конвенціи съ Испаніей)— дозволяется спросить: не проще ли, чѣмъ дѣлать всѣ эти декларації, — было бы признать это право въ томъ же объемѣ и въ соглашеніи съ Франціею? Мы рѣшительно не понимаемъ смысла указанной статьи 6 въ соединеніи съ вышеприведенною декларацією, разъ Бельгія, въ принципѣ, признаетъ безусловное право исключительнаго перевода. Теперь же оказывается, что защита французскихъ и бельгійскихъ авторовъ по отношенію къ переводамъ является совершенно неопредѣленною и непостоянною: сегодня право перевода защищено достаточнымъ образомъ, а завтра—лишь только послѣдуетъ измѣненіе *взаимныхъ отношеній Бельгіи и Испаніи—французскіе* авторы въ Бельгіи могутъ потерять значительную часть своихъ правъ. И всѣ подобныя аномаліи, совершенно противорѣчащія сущности дѣла, вытекаютъ изъ включенія въ конвенціи этой пресловутой clause de la nation la plus favorisée.

Замѣтимъ, что подобный режимъ относительно права исключительнаго перевода во взаимныхъ отношеніяхъ Франціи и Бельгіи остается въ силѣ даже несмотря на введеніе Конвенціи Бернской, ибо послѣдняя менѣе выгодна для авторовъ, чѣмъ та защита, которая гарантируется въ настоящее время французскимъ авторамъ въ силу указаннаго выше стеченія обстоятельствъ [39]).

181.—Согласно статьѣ 8 разбираемой конвенціи, права редакторовъ газетъ и періодическихъ изданій регулируются слѣдующимъ образомъ. Редакторы подобныхъ изданій могутъ сохранить за собой право воспроизведенія и исключительнаго перевода спеціальнымъ заявленіемъ; въ противномъ случаѣ, перепечатка статей (только не отдѣльными изданіями) дозволяется какъ въ оригиналѣ, такъ и въ переводахъ. Но вышеуказанное заявленіе «ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ статьямъ политическаго содержанія».

---

[39]) Впрочемъ, нужно еще отмѣтить, что ст. 12-ая послѣдняго бельгійскаго закона гарантируетъ иностраннымъ авторамъ право исключительнаго перевода на полные сроки, такъ что разбираемая ст. 6-ая потеряла свою силу.

182.—Послѣдующія статьи не заключаютъ ничего, достойнаго особеннаго вниманія; отмѣтимъ вкратцѣ, что:

статья 9 запрещаетъ ввозъ, вывозъ, продажу и выставленіе контрафакцій;

статья 11 опредѣляетъ правила ввоза произведеній литературы и искусствъ;

статья 12 содержитъ обыкновенно вставляемое въ конвенціи взаимное соглашеніе, согласно которому конвенція ни въ чемъ не можетъ мѣшать Высокимъ договаривающимся сторонамъ

«дозволять, наблюдать или запрещать административнымъ порядкомъ продажу или публичное исполненіе какого бы то ни было произведенія».

183. — Согласно статьѣ 10 разбираемой конвенціи — въ случаяхъ нарушенія ея постановленій, произносится немедленная конфискація всѣхъ контрафактныхъ изданій. Согласно этой же статьѣ — составъ преступленія и наказаніе опредѣляются согласно постановленіямъ территоріальнаго закона.

Наконецъ, статья 13 предусматриваетъ случаи такъ называемаго «раздѣленнаго» авторскаго права [40]). Конвенція запрещаетъ ввозъ во Францію тѣхъ сочиненій, на которыя издатель имѣетъ раздѣленное право воспроизведенія только для Бельгіи, — и наоборотъ. Въ то же время, постановляется, что всѣ подобныя изданія должны имѣть на обложкѣ слѣдующую надпись:

«Edition interdite en Belgique (en France) et autorisée en France (en Belgique)».

184.—Срокъ дѣйствія [41]) конвенціи опредѣляется слѣдующимъ образомъ: конвенція остается въ силѣ до 1 Февраля 1892 года [42]), и затѣмъ дѣйствіе ея можетъ быть продолжено, по взаимному молчаливому соглашенію сторонъ, до тѣхъ поръ пока одна изъ нихъ не откажется отъ этой конвенціи; въ послѣднемъ случаѣ, послѣ оффиціальнаго отказа конвенція остается въ силѣ еще одинъ годъ.

---

[40]) Нѣмецкое Vertheiltes Verlagsrecht, см. §§ 82—84.

[41]) Мы оставляемъ безъ вниманія статьи 14 и 15, ибо онѣ трактуютъ о совершенно постороннемъ предметѣ: фабричныхъ клеймахъ и т. д.

[42]) см ст. 16.

Относительно входа въ силу разбираемой конвенціи, мы имѣемъ отмѣтить слѣдующее. Не смотря на то, что ея статья 16 гласитъ:

«Настоящая конвенція войдетъ въ силу въ одно время съ договоромъ о торговлѣ и мореплаваніи, подписаннымъ сегодня Высокими договаривающимися сторонами»...

—несмотря на это, разбираемая конвенція имѣетъ существованіе совершенно самостоятельное и независимое отъ существованія этого договора о торговлѣ и мореплаваніи—что особенно важно въ виду тѣхъ неудобствъ, которыми, вообще, сопровождается сліяніе торговыхъ договоровъ съ литературными конвенціями. Такимъ образомъ, разбираемая конвенція останется въ силѣ даже въ томъ случаѣ, если стороны въ случаѣ войны, напримѣръ, откажутся отъ вышеупомянутаго торговаго трактата [43]).

185.—Нѣсколько затрудненій совершенно особаго характера представляетъ толкованіе конвенціи, заключенной между Швейцаріей и Франціей 23 февраля 1882 года.

Конвенція эта отличается отъ другихъ даже по внѣшней своей формѣ. Она раздѣляется на двѣ самостоятельныя части: 1) постановленія, касающіяся Франціи и 2) постановленія, касающіяся Швейцаріи. Объясняется это тѣмъ, что въ моментъ подписанія конвенціи Швейцарія еще не имѣла достаточно совершеннаго законодательства, на которое можно было бы ссылаться такъ, какъ это сдѣлано въ конвенціи по отношенію къ законодательству французскому. Поэтому, конвенція въ первой части опредѣляетъ общимъ образомъ, что швейцарцы во Франціи будутъ защищаться наравнѣ съ національными подданными, а во второй—подробнымъ образомъ выясняетъ предѣлы защиты французскихъ авторовъ въ Швейцаріи. Однако, для удобства изложенія, мы будемъ здѣсь соединять вмѣстѣ постановленія обѣихъ частей по одинаковымъ вопросамъ; кромѣ того, мы должны отмѣтить, что данная конвенція во многихъ своихъ частяхъ воспроизводитъ поста-

[43]) См. Delalande, op. cit. p. 289.

новленія предъидущей, такъ что многія ея статьи не представляютъ ничего новаго.

Такъ, ст. 1 разбираемой конвенціи (объектъ авторскаго права; система «наименѣе выгоднаго закона»; постановленіе объ arrangements; clause de la nation la plus favorisée)—воспроизводитъ почти буквально статью 1-ую франко-бельгійской конвенціи 31 октября 1881 года. Поэтому, мы считаемъ излишнимъ останавливаться дольше на этой статьѣ. Скажемъ только, что въ отношеніи четырехъ вышеуказанныхъ пунктовъ защита авторовъ въ отношеніяхъ Франціи и Швейцаріи представляется такою же, какъ и въ отношеніяхъ Франціи и Бельгіи [44]).

Продолжительность защиты авторскаго права, въ виду принятія системы наименѣе выгоднаго закона,—опредѣлялась, до изданія швейцарскаго закона 23 апрѣля 1883 года, слѣдующимъ образомъ [45]): авторское право защищается только до смерти автора, однако, въ общемъ не меньше, какъ на 30 лѣтъ со дня перваго изданія сочиненія [46]). Для произведеній посмертныхъ—30 лѣтъ со дня смерти автора, но съ условіемъ издать сочиненіе не позже, какъ черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти автора; иначе, произведеніе дѣлается общественнымъ достояніемъ [47]). Изданіе закона 23 апрѣля 1883 года во многомъ улучшило положеніе авторовъ въ Швейцаріи: этотъ законъ опредѣлилъ посмертный 30-лѣтній срокъ для всѣхъ сочиненій безъ исключенія. Такъ какъ этотъ срокъ, всетаки, меньше того, который гарантируется законами французскими—то, по системѣ наименѣе выгоднаго закона, въ сношеніяхъ Франціи со Швейцаріею приходится руководиться до сихъ поръ именно этимъ закономъ.

186.—Впрочемъ, по данному вопросу мы должны отмѣтить слѣдующее важное разногласіе двухъ главнѣйшихъ юристовъ, комментировавшихъ разбираемое положеніе. Именно, вопросъ идетъ о томъ, примѣнимы ли постановленія закона

---

[44]) См. ст. 1 и 16 разбираемой конвенціи.

[45]) См. конкордатъ 1856 года, ст. 2.

[46]) Ср. ст. 1 и 21 разб. конвенціи.

[47]) Ibid.

23 апрѣля 1883 года къ французскимъ авторамъ, или они должны до сихъ поръ довольствоваться режимомъ, установленнымъ конвенціею 23 февраля 1882 года. Выше мы указали, что—по нашему мнѣнію — вновь изданный законъ приложимъ къ французскимъ авторамъ, и что, слѣдовательно, срокъ защиты ихъ произведеній въ Швейцаріи теперь регулируется общими постановленіями этого закона 23 апрѣля 1883 года. Между тѣмъ, Darras утверждаетъ обратное, совершенно иначе комбинируя дѣйствіе этихъ двухъ актовъ [48]). Онъ говоритъ: «мы считаемъ, что статья 18-ая и слѣдующія разбираемой конвенціи остаются до сихъ поръ въ силѣ, и что къ нимъ нужно обращаться для того, чтобы выяснить, на какую защиту имѣютъ въ настоящее время право французскіе авторы въ Швейцаріи. Однако, есть юристы, которые утверждаютъ, что всѣ эти статьи были отмѣнены позднѣйшимъ закономъ 23 апрѣля 1883 года.

«На первый взглядъ можно предположить, что эти юристы правы; однако, ближайшее знакомство съ текстомъ конвенціи доказываетъ противоположное. Ст. 17-ая разбираемой конвенціи гласитъ: «Федеральное правительство сохраняетъ за собою право замѣтить всѣ нижеслѣдующія постановленія (*впрочемъ, остаются въ силѣ тѣ гарантіи, о которыхъ говоритъ* [49]) *статья 34-ая*) — другими, если эти послѣднія будутъ изложены въ новомъ законѣ, имѣющемъ гарантировать точнымъ образомъ формулированныя права національнымъ швейцарскимъ авторамъ.

«Читатель можетъ увидѣть что ст. 17-ая совершенно ясно ссылается на ст. 34-ую; между тѣмъ, эта послѣдняя говоритъ о необходимости, въ указанномъ случаѣ, — полнаго пересмотра конвенціи. Такового, однако, до сихъ поръ не послѣдовало—и, поэтому, мы считаемъ себя вполнѣ вправѣ утверждать, что постановленія данной конвенціи не отмѣнены закономъ 23-го апрѣля 1883 года [50])».

---

[48]) Для того, чтобы упростить дѣло, мы оставляемъ въ сторонѣ вліяніе на данной вопросъ Бернской Конвенціи, ибо, именно, въ подобномъ видѣ положеніе представляетъ спеціальный интересъ—чисто теоретическій, конечно.

[49]) Курсивъ въ подлинникѣ.

[50]) Droits intellectuels p. 313—314.

Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ Darras не правъ, и что онъ совершенно ложно толкуетъ то сопоставленіе статей 17 и 34, на которомъ онъ основывается. Для удобства пониманія дальнѣйшаго, мы позволимъ себѣ буквально воспроизвести статью 34, на которую опирается Darras. Вотъ полный ея текстъ:

«Статья 34. Настоящая конвенція войдетъ въ силу 16 мая 1882 года и будетъ дѣйствительною до 1 февраля 1892 года. Если ни одна изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ не заявитъ за годъ до этого дня о своемъ желаніи отказаться отъ соблюденія постановленій настоящаго соглашенія, конвенція сохранитъ свою силу и впредь, до тѣхъ поръ пока такое заявленіе не будетъ сдѣлано (въ послѣднемъ случаѣ, конвенція остается обязательною на одинъ годъ послѣ такого заявленія).

Однако, каждая изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ сохраняетъ за собою право отказаться отъ настоящей конвенціи и раньше 1-го Февраля 1892 года, *если въ одномъ изъ договаривающихся государствъ законодательство будетъ измѣнено настолько, что пересмотръ конвенціи сдѣлается необходимымъ*».

Таковъ текстъ этой статьи 34-ой, и мы думаемъ, что толковать ее нужно не такъ, какъ это дѣлаетъ Darras,—а слѣдующимъ образомъ: согласно первому абзацу ст. 34, устанавливается обязательный срокъ дѣйствія конвенціи на 10 лѣтъ. «Но—добавляетъ абзацъ второй—еслибы законодательство одной изъ сторонъ было измѣнено въ такомъ смыслѣ, *что пересмотръ конвенціи сдѣлался бы желательнымъ* — Стороны сохраняютъ право отказаться отъ этой конвенціи и раньше 1-го февраля 1892 года». Въ этой фразѣ нужно обратить особенное вниманіе на подчеркнутыя слова. Когда можетъ сдѣлаться желательнымъ пересмотръ конвенцій?—Очевидно, тогда, когда одна изъ договаривающихся Сторонъ найдетъ, что постановленія вновь введеннаго (новаго) закона объ авторскомъ правѣ не выгодны для ея авторовъ. Въ подобномъ случаѣ, эта сторона можетъ отказаться отъ конвенціи во всякій данный моментъ.

Переходя теперь къ самой конвенціи, мы видимъ, что ея статья 17 прямо постановляетъ: «Федеральное правительство имѣетъ право замѣнить всѣ нижеслѣдующія постановленія (т. е. статьи 18—35) — другими, если эти послѣднія бу-

дутъ изложены въ новомъ законѣ, который и т. д.»—однако, добавляетъ та же самая статья: «остаются въ силѣ тѣ гарантіи, о которыхъ говоритъ статья 34-ая». Мы думаемъ, что вопросъ рѣшается совершенно просто: конвенція совершенно ясно постановляетъ, что всѣ ея постановленія должны быть замѣнены тѣми, которыя будутъ изданы впослѣдствіи федеральнымъ правительствомъ, причемъ, однако, Франціи оставляются тѣ «гарантіи», о которыхъ говорится въ ст. 34-ой. А послѣдняя постановляетъ, что каждая сторона, если измѣненія законодательства будутъ такого рода, *что покажутся ей невыгодными—можетъ немедленно отказаться отъ конвенціи.*

Такимъ образомъ, сопоставляя между собою статьи 17 и 34, мы толкуемъ ихъ такъ: всѣ законы, изданные въ Швейцаріи послѣ разбираемой конвенціи (23 февраля 1882 года) оказываютъ на послѣднюю полное вліяніе. Но если измѣненная въ такомъ смыслѣ конвенція покажется Франціи менѣе выгодною, чѣмъ основная—Французское правительство сохраняетъ право отказаться отъ конвенціи, не дожидаясь 1-го февраля 1892 года [51]).

Вотъ соображенія, на основаніи которыхъ мы думаемъ, по примѣру Delalande'a, что швейцарскій законъ 23 апрѣля 1883 года вполнѣ приложимъ къ французскимъ авторамъ въ Швейцаріи, и что статьи 18—35 разбираемой конвенціи потеряли законную силу. Отмѣтимъ, что въ пользу такого пониманія даннаго положенія говоритъ еще то обстоятельство, что толкованіе Darras'a даетъ статьѣ 17-ой чрезвычайно странный смыслъ, ибо тогда слова: «Федеральное правительство сохраняетъ за собой право замѣнить всѣ нижеслѣдующія постановленія другими, если и т. д.»—будутъ указывать на право швейцарскаго правительства заключить въ будущемъ съ Франціей конвенцію, которая будетъ содержать постановленія, *отличающіяся* отъ постановленій конвенціи разбираемой, т. е. будутъ указывать на такое право, которое, очевидно, не нуждается въ подтвержденіи особою статьею международнаго соглашенія [52]).

---

[51]) Ср. Droit d'auteur, 1890 p. 114 ss.

[52]) Ср. Delalande op. cit. p. 268.

Итакъ мы думаемъ, что статьи 18—34 разбираемой конвенціи въ настоящее время имѣютъ значеніе только историческое [53]),—и будемъ разбирать ихъ именно въ этомъ смыслѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя ихъ положенія еще могутъ имѣть и практическое значеніе—какъ мы это увидимъ ниже.

187. — Статья 2 разбираемой конвенціи воспроизводитъ статью 2-ую же конвенціи франко-бельгійской (см. § 176) съ тою только разницею, что воспроизведеніе въ хрестоматіяхъ дозволено и во Франціи, тогда какъ конвенція франко-бельгійская — какъ мы это видѣли выше—дозволяетъ только бельгійскимъ подданнымъ составлять хрестоматіи изъ произведеній французскихъ авторовъ; обратное же запрещается этою конвенціею.

Согласно ст. 3 разбираемой конвенціи, авторы-швейцарцы должны исполнить такія формальности, которыя отъ авторовъ французскихъ не требуются вовсе — для того, чтобы пользоваться защитой въ другой странѣ. Такъ, швейцарскіе подданные должны записывать свои сочиненія въ спеціальный регистръ въ Парижѣ (въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ) или въ Бернѣ (во французскомъ посольствѣ). Это внесеніе въ регистръ должно быть исполнено не позже какъ черезъ три мѣсяца послѣ появленія сочиненія въ свѣтъ; при записываніи выдается свидѣтельство. Авторы же французскіе, для того, чтобы пользоваться защитой въ Швейцаріи, не обязаны исполнять никакихъ спеціальныхъ формальностей и могутъ вчинать иски о контрафакціи въ швейцарскихъ судахъ, основываясь только на свидѣтельствѣ [54]), выданномъ изъ Бюро книжной торговли (Bureau de la libraire au Ministère de l'Intérieur).

Delalande оправдываетъ въ длинномъ разсужденіи [55]) это различіе въ положеніи авторовъ французскихъ и швейцарскихъ, указывая на то, что первымъ представленіе извѣстнаго количества экземпляровъ предписано ихъ національнымъ закономъ,

---

[53]) впрочемъ, см. contrà Lyon-Caën et Delalain, Lois francaises etc. p. 364 зам. 2.

[54]) См. ст. 18.

[55]) Op. cit. p. 270.

а отъ вторыхъ никакого dépôt мѣстнымъ законодательствомъ не требуется. «Поэтому, французскіе суды имѣютъ право требовать, чтобы швейцарскій авторъ, ранѣе чѣмъ вчинать искъ, внесъ свое сочиненіе въ регистръ и тѣмъ доказалъ, что его произведеніе есть, дѣйствительно, сочиненіе оригинальное и имѣющее право на защиту».

Мы, вообще, думаемъ, что какія бы то ни было формальности совершенно излишни въ дѣлѣ авторскаго права. Въ разбираемомъ случаѣ выясняется особенно отчетливо, насколько, въ сущности, ошибаются всѣ тѣ, кто стоитъ за сохраненіе этихъ формальностей. Изъ смысла приведенной цитаты слѣдуетъ, что въ данномъ случаѣ внесеніе швейцарскихъ сочиненій во французскій регистръ необходимо по мнѣнію Delalande'a для того, чтобы французскія власти могли удостовѣриться, что данное сочиненіе есть «оригинальное сочиненіе, пользующееся въ Швейцаріи защитой». Но предполагаетъ ли Delalande тотъ случай, когда авторъ оригинала, не имѣя никакого понятія о мелочныхъ требованіяхъ разныхъ конвенцій, ни о какомъ внесеніи своего сочиненія во французскіе регистры и не подумаетъ—тогда какъ болѣе ловкій контрафакторъ по отношенію къ своему незаконному изданію подобную формальность исполнитъ аккуратно. Неужели же одинъ фактъ внесенія подобной контрафакціи во французскій регистръ будетъ уже доказывать, что эта контрафакція есть «оригинальное сочиненіе, пользующееся и т. д.»? А если внесеніе въ регистръ этого доказать не можетъ — то, спрашивается, зачѣмъ же такое внесеніе существуетъ?

Во всякомъ случаѣ, все это—повторяемъ — имѣетъ интересъ только теоретическій, ибо всякія формальности окончательно уничтожены Бернской конвенціей.

188.—Согласно статьямъ 4 и 20 разбираемой конвенціи, уравнено право публичнаго исполненія сочиненія въ подлинникѣ и переводахъ—съ правомъ воспроизведенія вообще, безъ какихъ либо дальнѣйшихъ ограниченій. Въ данномъ случаѣ весьма интересно прослѣдить, въ какомъ смыслѣ вліяетъ на данную конвенцію позднѣйшій швейцарскій законъ 23 Апрѣля

1883 года. Этотъ законъ [55]) разрѣшаетъ свободное публичное исполненіе напечатанныхъ драматическихъ произведеній, съ тѣмъ только, чтобы автору было обезпечено вознагражденіе не менѣе 2% съ валовой выручки. Такимъ образомъ, позднѣйшій законъ оказывается для французскихъ драматическихъ авторовъ и композиторовъ менѣе выгоднымъ, чѣмъ ранѣе заключенная конвенція. Мы уже говорили выше [56]) о томъ, что—по нашему мнѣнію—постановленія этого закона должны быть признаны замѣняющими соотвѣтствующія постановленія разбираемой конвенціи. Такимъ образомъ, права французскихъ авторовъ регулируются теперь въ Швейцаріи постановленіями менѣе для нихъ выгодными, чѣмъ тѣ, которыя заключаются въ дипломатическомъ актѣ. И вотъ, именно въ подобномъ-то случаѣ и можетъ быть примѣнена та статья 34-ая, о которой мы говорили выше. Вслѣдствіе измѣненія швейцарскаго законодательства—измѣненія, отозвавшагося, въ силу ст. 17 b, на конвенціи *къ невыюдъ Франціи*—французское правительство могло, въ силу ст. 34, признать желательнымъ пересмотръ конвенціи и отказаться отъ нея и до 1-го Февраля 1892 года. Теперь, конечно, отказываться—не имѣетъ смысла, ибо въ настоящее время интересы французскихъ авторовъ въ Швейцаріи защищаются общею Бернскою конвенціею, охраняющею право публичнаго исполненія на общихъ основаніяхъ и на полные сроки [57]).

189.—Согласно ст. 6 разбираемой конвенціи, авторъ сохраняетъ *право исключительнаго перевода* не болѣе, какъ на 10 лѣтъ, и то подъ условіемъ исполнить слѣдующія формальности: 1) кромѣ внесенія въ регистръ подлинника (что нужно для полученія защиты вообще)—необходимо сдѣлать на заголовкѣ изданія заявленіе о своемъ желаніи сохранить право исключительнаго перевода; 2) необходимо издать этотъ переводъ не позже, какъ черезъ три года послѣ вышеуказаннаго внесенія подлинника въ регистръ; 3) переводъ этотъ долженъ

---

[55]) См. ст. 7.
[56]) См. § 186.
[57]) См. ст. 9 Бернской конвенціи.

быть изданъ на территоріи одной изъ договаривающихся сторонъ и также внесенъ въ регистръ.

190.—Статьи 7, 8, 9, 10, 12, 13 и 15 разбираемой конвенціи соотвѣтственно воспроизводятъ постановленія статей 13, 7, 8, 9, 11, 12 и 10 конвенціи франко-бельгійской, такъ что мы не будемъ дольше на нихъ останавливаться.

Отмѣтимъ только, что разбираемая конвенція имѣетъ еще двѣ особенности. Прежде всего отмѣтимъ, что:

«Изготовленіе и продажа инструментовъ для механическаго воспроизведенія музыкальныхъ сочиненій французскихъ авторовъ не будетъ считаться контрафакціей во Франціи» [58]).

Постановленіе это станетъ яснымъ, если мы укажемъ, что швейцарское правительство всегда добивалось подобныхъ разрѣшеній для фабрикантовъ музыкальныхъ ящиковъ, въ виду того, что это производство играетъ въ Швейцаріи не маловажную роль (см. подробнѣе § 253). Отмѣтимъ, кстати, что изъ смысла приведенной выше статьи, конечно, нисколько не вытекаетъ дозволеніе *публично исполнять* музыкальные отрывки съ помощью такихъ музыкальныхъ ящиковъ.

Поэтому, дозволяется изготовлять и продавать механическіе музыкальные инструменты—но публичное исполненіе при помощи нихъ можетъ быть преслѣдуемо, какъ контрафакція [59]).

191.—Наконецъ, согласно ст. 15-ой разбираемой конвенціи, опредѣленіе состава контрафакціи происходитъ, въ случаѣ нарушенія правъ швейцарскихъ подданныхъ во Франціи,—по французскимъ законамъ. Контрафакція же французскихъ сочиненій въ Швейцаріи преслѣдуется на основаніи особыхъ постановленій, помѣщенныхъ цѣликомъ во второй части разбираемой конвенціи, въ виду того, что въ моментъ подписанія конвенціи швейцарское законодательство было весьма не полно и, по кантонамъ, довольно разнообразно. Такимъ образомъ:

«Швейцарскіе суды, при обсужденіи дѣлъ о нарушеніи авторскихъ правъ французскихъ подданныхъ, будутъ примѣнять ст. 16 и 18—34 настоящей конвенціи» [60]).

---

[58]) См. ст. 14.

[59]) Ср. Delalande op. cit. p. 288.

[60]) См. ст. 17.

Выше мы привели и разобрали статью 16. Остальныя же (18—33) составляютъ точную копію съ законовъ французскихъ по тому же вопросу. Кромѣ того, онѣ — какъ мы доказали выше — потеряли теперь законную силу и замѣнены соотвѣтствующими постановленіями закона 23 Апрѣля 1883 года.

192.—Одною изъ самыхъ позднихъ по времени заключенія и одною изъ наиболѣе разработанныхъ является конвенція франко-германская, заключенная 19 Апрѣля 1883 года. Къ разсмотрѣнію этой конвенціи мы и перейдемъ теперь.

До 1883 года Франція имѣла очень много литературныхъ конвенцій съ германскими государствами. Но конвенціи эти, заключенныя съ отдѣльными мелкими державами, не могли не быть причиной значительныхъ неудобствъ. Приходилось принимать во вниманіе большое количество разнообразныхъ конвенцій, изъ которыхъ многія были весьма несовершенны. Вотъ почему съ момента основанія сѣверо-германскаго союза было произведено нѣсколько попытокъ соединить всѣ эти конвенціи въ одну, для уничтоженія происходившихъ неудобствъ [61]). Но война 1870 года въ значительной степени помѣшала исполненію подобныхъ плановъ, и начатые въ 1875 году переговоры окончились полною неудачею. Только въ 1882 году оказалось возможнымъ возобновить ихъ, такъ что уже въ апрѣлѣ 1883 года (19-го) была подписана общая конвенція Франціи и Германской Имперіи. Обмѣнъ ратификацій имѣлъ мѣсто 6 Августа 1883 года, а черезъ три мѣсяца послѣ этого конвенція вступила въ силу.

193.—Конвенція 19 Апрѣля 1883 года признаетъ принципъ «полнаго—какъ она выражается — уравненія правъ національныхъ и иностранныхъ авторовъ». По нашему мнѣнію, на дѣлѣ конвенція проводитъ этотъ принципъ вовсе не въ такой полной мѣрѣ, какъ это заявляетъ статья 1-ая. Въ самомъ дѣлѣ, та же первая статья гласитъ въ своемъ 2-омъ абзацѣ:

«...Во всякомъ случаѣ, права иностранныхъ авторовъ будутъ защищаться только до тѣхъ поръ, пока эти права защищаются

[61]) Ср. Dambach. Der deutsch-französiche Literar-Vertrag, S. III—V.

въ томъ государствѣ, гдѣ сочиненіе было издано впервые (pays d'origine)—такъ что продолжительность защиты въ одномъ изъ договаривающихся государствъ не будетъ превышать продолжительность защиты въ другомъ» [62]).

Уже изъ этого видно, что конвенція 19 Апрѣля 1883 года вовсе не уравниваетъ «вполнѣ», напримѣръ, во Франціи права германскихъ авторовъ съ правами авторовъ французскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, германскій авторъ будетъ защищаться (во Франціи) въ теченіе 30 лѣтъ, а французскій—въ теченіе 50 лѣтъ [63]), пластическія научныя и учебныя пособія французскихъ подданныхъ будутъ защищаться во Франціи отъ воспроизведенія, а таковыя же, но принадлежащія германскимъ издателямъ—не будутъ защищаться. Самъ Dambach, сначала указавъ [64]), что разбираемая конвенція, будто бы, устанавливаетъ, полное уравненіе—въ концѣ концовъ приходитъ къ слѣдующему необходимому заключенію [65]): «Если французское и германское законодательства расходятся по какому-нибудь вопросу защиты—произведеніе будетъ защищаться согласно наименѣе для него выгодному закону».

Такую защиту, конечно, нельзя признать полнымъ уравненіемъ правъ авторовъ національныхъ и иностранныхъ.

194. — Субъектомъ авторскаго права, по конвенціи 19 апрѣля 1883 года, считается всякій «авторъ произведенія литературнаго или артистическаго», съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы этотъ авторъ обязательно *былъ германскимъ или французскимъ подданнымъ*. Поэтому, данную конвенцію нужно причислить къ числу тѣхъ, которыя принимаютъ во вниманіе только національность автора: въ силу разбираемой конвенціи въ Германіи будутъ защищаться авторскія права даже того француза, который издастъ свое сочиненіе въ Китаѣ.

Впрочемъ, такого рода защита расширяется еще постановленіемъ ст. 2-ой разбираемой конвенціи, которая гласитъ: «Постановленія статьи 1-ой будутъ также примѣняемы къ издателямъ тѣхъ сочиненій, которыя будутъ напечатаны въ одномъ

---

[62]) «Система наименѣе выгоднаго закона».

[63]) Подробнѣе см. § 318 in fine.

[64]) Op. cit. s. 2.

[65]) Op. cit. s. 8.

изъ двухъ государствъ, хотя бы эти сочиненія и принадлежали авторамъ какой либо третьей національности».

Подобнаго постановленія мы не находимъ ни въ одной изъ предъидущихъ конвенцій. До сихъ поръ права издателей въ международныхъ сношеніяхъ защищались только какъ производныя (основное же право всегда принадлежало только автору, кромѣ, конечно, произведеній анонимныхъ и псевдонимныхъ). Конвенція 19 апрѣля признала основное авторское право издателей тѣхъ сочиненій, которыя они издаютъ первымъ изданіемъ на территоріи Германіи или Франціи, въ томъ случаѣ, когда авторъ этихъ сочиненій—иностранецъ. Настоящее постановленіе находится, очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ закона (германскаго) 11 іюня 1870 года, и является вполнѣ естественнымъ: Германія, признавая принципъ взаимности защиты, должна была защищать интересы французскихъ издателей, печатающихъ иностранныя сочиненія, разъ она защищаетъ права германскихъ подданныхъ, находящихся въ тѣхъ же условіяхъ.

При толкованіи данной статьи необходимо обратить вниманіе на слѣдующее. Изъ самой редакціи ея («издатели тѣхъ сочиненій, которыя будутъ и т. д.») слѣдуетъ, что отъ издателя иностранныхъ сочиненій вовсе не требуется французскаго или германскаго подданства. Защищаются интересы всѣхъ издателей (безъ различія національности), — если эти издатели на французской или германской территоріи издаютъ сочиненія, авторы которыхъ не удовлетворяютъ указанному нами выше условію національности [66]). Слѣдовательно, для того, чтобы издатель пользовался защитой своихъ авторскихъ правъ по отношенію къ подобнымъ произведеніямъ—не нужно, чтобы онъ необходимо былъ германскимъ или французскимъ подданнымъ. Но *изданіе, конечно, не должно быть фиктивнымъ*. Поэтому, недостаточно, чтобы русскій издатель отдалъ нѣсколько экземпляровъ своего изданія на коммиссію издателю германскому. Сочиненіе должно быть, дѣйствительно, издано на территоріи Франціи или Германіи—и судъ можетъ во вся-

[66]) Cp. Dambach, op. cit. s. 9.

комъ конкретномъ случаѣ потребовать, чтобы истецъ доказалъ фактъ изданія [67]).

195.—Кромѣ самихъ авторовъ и издателей (въ вышеуказанномъ случаѣ) пользуются защитой еще

«наслѣдники авторовъ и издателей, переводчики, композиторы, художники (peintres et dessinateurs), скульпторы, архитекторы, литографы и т. п. [68])».

Всѣ эти лица пользуются такой же защитой, какъ и самъ авторъ. Необходимо только замѣтить по этому поводу, что законность и незаконность наслѣдованія обсуждается по національнымъ законамъ наслѣдника [69]). Этотъ вопросъ, какъ указываетъ Dambach, имѣетъ особенно важное значеніе по отношенію ко вдовамъ авторовъ. Въ самомъ дѣлѣ, по законамъ германскимъ, вдова автора должна быть введена въ наслѣдство [70]), для того чтобы имѣть право иска, а по установившейся во Франціей практикѣ [71])—вдова писателя считается пережившей сособственницей по отношенію къ его авторскимъ правамъ [72]).

Поэтому, судъ, разбирающій дѣло, будетъ руководиться только національными законами наслѣдника. И разъ наслѣдникъ по этимъ послѣднимъ признанъ законнымъ — онъ будетъ считаться таковымъ же и въ другой странѣ.

196. — Объектомъ авторскаго права по конвенціи 19 апрѣля 1883 года считаются:

«книги, брошюры, драматическія, музыкальныя и драматическо-музыкальныя произведенія; рисунки, картины, статуи, гравюры, литографіи, иллюстраціи (?), географическія карты, планы; пластическія изображенія, относящіяся къ географіи, топографіи, архитектурѣ и естественнымъ наукамъ; вообще, всѣ произведенія изъ области литературы, науки или искусства [73])».

---

[67]) Dambach op. cit. s. 8.
[68]) См. ст. 3.
[69]) Ср. Dambach, op. cit. s. 10.
[70]) Ср. Wächter, Verlagsrecht s. 216.
[71]) Рѣшеніе парижскаго суда 8 апр. 1854 г.—Blanc op. cit. p. 116, 86.
[72]) Ср. Pataille et Huguet, op. cit. p. 40.
[73]) См. ст. 73 in fine.

По этому поводу, Dambach, дѣлая длинное отступленіе на счетъ того, что законъ 11 іюня 1870 года, будто бы, не защищаетъ *пластическихъ изображеній, относящихся до географіи, топографіи* и т. д.—приходитъ къ заключенію, что, въ силу принятой данною конвенціею системы наименѣе выгоднаго закона, такія пластическія изображенія (рельефные планы, анатомическіе рельефные атласы и т. п.) въ сношеніяхъ Франціи съ Германіею не защищаются отъ воспроизведенія [74]).

Мы не можемъ согласиться съ подобнымъ взглядомъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Прежде всего, по нашему мнѣнію, законъ 11 іюня 1870 года безусловно защищаетъ отъ воспроизведенія тѣ пластическія изображенія, которыя относятся до топографіи, географіи, анатоміи и т. п. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ германскій законъ гласитъ: считаются объектомъ авторскаго права «geographische, topographische, naturwissenschaftlische, architektonische und ähnliche Zeichnungen *und Abbildungen* [75])».

Dambach даже изъ такого совершенно ясно выраженнаго постановленія ухитряется вывести заключеніе, что всѣ вышеуказанныя изображенія, разъ они представлены не на плоскости, а въ пространствѣ, закономъ 11 іюня 1870 года не защищаются, въ виду того, что этотъ законъ имѣетъ-де примѣненіе «только по отношенію къ такимъ произведеніямъ, которыя могутъ быть размножаемы посредствомъ печати или какого нибудь другого графическаго способа [76])». Мы не можемъ согласиться съ подобнымъ взглядомъ въ виду слѣдующаго. Законъ 11 іюня 1870 года, въ принципѣ, защищаетъ только произведенія искусства. Поэтому, съ такимъ же основаніемъ, какъ это выше дѣлаетъ Dambach, можно сказать, что и топографическія и географическія карты не защищаются даннымъ закономъ, ибо онѣ не составляютъ произведеній искусства. Въ самомъ дѣлѣ. Мы вполнѣ согласны съ тѣмъ общимъ положеніемъ, что, въ принципѣ, законъ 11 іюня 1870 года защищаетъ только произведенія на плоскости,

[74]) Dambach, op. cit. s. 5.

[75]) См. ст. 43 закона 11 іюня 1870 года.

[76]) Dambach, op. cit. s. 216.

такъ же какъ и съ тѣмъ, что онъ защищаетъ только произведенія искусствъ. Но общее это правило расширяется въ томъ отношеніи, что ст. 43 признаетъ защиту такихъ произведеній, которыя художественными признаны быть не могутъ: эта же статья дѣлаетъ исключеніе также и въ пользу нѣкоторыхъ произведеній изображаемыхъ не на плоскости, а въ пространствѣ. Если бы законодатель не хотѣлъ распространить защиты закона на послѣдній видъ произведеній, онъ не употребилъ бы рядомъ съ выраженіемъ «Zeichnungen» еще и слово «Abbildungen». (Замѣтимъ, что послѣднее чаще прилагается [77]) къ изображеніямъ, имѣющимъ три измѣренія). Итакъ, несмотря на то, что, вообще, законъ 11 іюня 1870 г. защищаетъ только произведенія на плоскости, мы думаемъ, что, въ силу и по точному смыслу статьи 43, защита его распространяется еще и на всѣ произведенія географическія, этнографическія и т. п.—въ какой бы они формѣ ни были выражены.

Переходя къ разбираемой конвенціи, мы должны, такимъ образомъ, признать, что вопреки мнѣнію Dambach'a, она защищаетъ вышеуказанныя произведенія въ пластической формѣ, въ виду того, что

1) какъ мы уже показали выше—по нашему мнѣнію—такія произведенія въ пластической формѣ защищаются въ Германіи, а, слѣдовательно, примѣненіе системы «наименѣе выгоднаго закона» въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста;

2) даже если бы германскій законъ 11 іюня 1870 года и не защищалъ подобныхъ пластическихъ произведеній—все-таки, по нашему мнѣнію, въ международныхъ сношеніяхъ Франціи и Германіи подобныя произведенія должны пользоваться полною защитою въ виду того, что систему наименѣе выгоднаго закона должно примѣнять только къ тѣмъ вопросамъ, которые не разрѣшены спеціальными постановленіями конвенціи. Намъ кажется совершенно нелогичнымъ предположить, чтобы текстъ конвенціи и ея точно формулированныя постановленія могли измѣняться въ зависимости отъ того,

[77]) См. словарь G. Mérout.

какъ будутъ во Франціи или Германіи толковать тотъ или другой законъ. Точно также мы не можемъ предположить, чтобы выраженіе: «plans, croquis *et oeuvres plastiques*, relatifs à la etc...»—было бы помѣщено въ конвенціи только для замѣщенія пустого мѣста, что, подписывая конвенцію, опредѣленнымъ образомъ устанавливающую защиту «пластическихъ произведеній, относящихся до и т. д.»—германскіе делегаты заранѣе подразумѣвали бы полное несоблюденіе этого мало замѣтнаго, но, всетаки, достаточно важнаго пункта.

Итакъ, вопреки мнѣнію Dambach'a, мы считаемъ, что *произведенія пластическія, относящіяся до географіи, топографіи, естественныхъ наукъ* и т. п.—въ международныхъ сношеніяхъ Германіи и Франціи *защищаются* отъ воспроизведенія, въ силу ст. 1 разбираемой конвенціи (взятой какъ lex specialis).

197. — Относительно *періодическихъ изданій*, конвенція 19 Апрѣля выражается такъ:

«Дозволяется воспроизводить въ переводѣ или оригиналѣ статьи, помѣщенныя въ газетахъ или періодическихъ изданіяхъ, печатаемыхъ въ одномъ изъ договаривающихся государствъ» [78]).

Однако, это дозволеніе не распространяется ни на романы-фельетоны, ни на статьи относительно искусствъ и науки; не распространяется также на тѣ «статьи большихъ размѣровъ (de quelque étendue)», на которыя редакторъ особымъ заявленіемъ сохранитъ свое право воспроизведенія. Въ свою очередъ, это заявленіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ касаться статей политическаго содержанія (т. е. конвенція даетъ безусловное дозволеніе воспроизводить такъ называемые «articles de discussion politique»).

Dambach справедливо поднимаетъ по этому поводу вопросъ, какого рода должно быть то заявленіе о желаніи сохранить свое право воспроизведенія, о которомъ говоритъ разбираемый параграфъ. Другими словами: «Можетъ возникнуть недоразумѣніе, будетъ ли достаточнымъ, въ смыслѣ ст. 5-ой, то заявленіе, которое редакторы иногда печатаютъ подъ заголовкомъ своихъ газетъ: «запрещается воспроизводить статьи изъ этой

[78]) см. ст. 5.

газеты»? — Нужно думать, что такое общее заявленіе *недостаточно*». [79])

Мы считаемъ такое мнѣніе вполнѣ справедливымъ, ибо подобное толкованіе вытекаетъ изъ самой исторіи возникновенія данной статьи [79]). Если бы запрещеніе воспроизводить въ оригиналѣ или переводѣ отдѣльныя статьи достигалось такъ просто (помѣщеніемъ всего только пяти словъ въ заголовкѣ газеты)—данная статья вовсе не имѣла бы того практическаго значенія, для котораго германскіе издатели добивались ея установленія.

Отмѣтимъ, что ст. 5 разбираемой конвенціи ничего не говоритъ о томъ, что воспроизведеніе вышеуказанныхъ статей разрѣшается *только на страницахъ журналовъ же*, такъ что необходимо признать, что воспроизведеніе газетныхъ иностранныхъ статей, воспроизведеніе которыхъ, вообще, дозволено—можетъ быть сдѣлано и отдѣльнымъ изданіемъ [80]).

198. — Относительно *сборниковъ*, *хрестоматій* и т. п., конвенція 19 Апрѣля 1883 года сдѣлала значительный шагъ впередъ. Такъ она постановляетъ:

«Взаимно дозволяется изданіе въ обоихъ государствахъ отрывковъ или даже цѣлыхъ произведеній, впервые напечатанныхъ на территоріи одного изъ договаривающихся государствъ, — если это изданіе дѣлается въ видахъ ученыхъ или учебныхъ». [81])

Несмотря на то, что какъ Франція, такъ и Германія подписали Бернскую конвенцію, настоящее постановленіе остается въ силѣ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ виду того, что эта Бернская конвенція спеціально разрѣшаетъ странамъ, вступившимъ въ число членовъ Союза, частными соглашеніями между собой регулировать право составленія хрестоматій и т. п. сборниковъ [82]).

Франко-прусская конвенція 1862 года также заключала (см. ст. 2) постановленія насчетъ заимствованій для школь-

---

[79]) Dambach, op. cit. s. 17.

[80]) ср. Dambach, op. cit. s. 19.

[81]) см. ст. 9.

[82]) см. ст. 8 Бернской конвенціи.

наго употребленія [83])—но она подчиняла подобныя заимствованія многимъ правиламъ, весьма стѣснительнымъ и неудобнымъ на практикѣ. Такъ, требовалось, чтобы извлеченія были сопровождаемы «объяснительными примѣчаніями или подстрочными переводами на языкѣ той страны, гдѣ подобная хрестоматія печатается». Новая конвенція рѣшила вопросъ въ гораздо болѣе удобной для издателей формѣ—не нарушая, въ то же время, авторскихъ правъ тѣхъ лицъ, кому принадлежатъ оригиналы.

Вопросъ относительно того, какъ велико можетъ быть подобное заимствованіе—не рѣшенъ конвенціей и безусловно оставленъ на рѣшеніе суда [84]). Впрочемъ, размѣры заимствованія ограничены совершенно точно въ одномъ отношеніи [85]). Германскіе издатели упорно добивались дозволенія перепечатывать «для школьнаго употребленія» французскія драмы—цѣликомъ. Однако, противъ этого безусловно возстали французскіе делегаты, указывая [85]), что подобное разрѣшеніе привело бы къ полному уничтоженію всякой защиты для французскихъ драматурговъ, ибо совершенно невозможно услѣдить, напечатано ли данное изданіе, дѣйствительно, для школьнаго употребленія,—или оно разсчитываетъ на болѣе широкій сбытъ. Поэтому, нужно считать, что разбираемая конвенція не дозволяетъ перепечатывать драматическія произведенія иначе, какъ въ отрывкахъ.

Во всѣхъ вышеуказанныхъ случаяхъ необходимо указаніе источника.

199.—Каково должно быть наказаніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда составитель хрестоматіи не укажетъ источника заимствованія? Вопросъ этотъ представляется довольно существеннымъ, въ виду коренного различія взглядовъ германскаго и французскаго закона на неисполненіе такого требованія. Мы знаемъ, что, въ силу ст.24 закона 11 Іюня 1870 года, за неуказаніе источника полагается штрафъ не свыше 60 марокъ (безъ замѣны тюремнымъ заключеніемъ). Французское же

---

[83]) Lyon-Caën, op. cit. p. 253.
[84]) Ср. Dambach, op. cit. s. 12.
[85]) ibid.

законодательство причисляетъ подобное неуказаніе прямо къ контрафакціи. (Собственно, законъ не содержитъ спеціальныхъ постановленій на этотъ счетъ—и потому юристы подчиняютъ его общимъ постановленіямъ о контрафакціи—см. Pouillet, op. cit. p. 406 ss.) Въ виду того, что конвенція не заключаетъ особаго объ этомъ постановленія — необходимо признать, что неуказаніе источника будетъ наказываться *по мѣстнымъ законамъ*.

200. — Изъ вышеуказаннаго видно уже, какое большое вліяніе имѣли на разбираемую четвертую статью — постановленія германскаго закона 11 Іюня 1870 года (см. ст. 7). Это сходство становится еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что разбираемая конвенція, также какъ и германскій законъ, запрещаетъ составленіе *хрестоматій музыкальныхъ*:

«Постановленія настоящей статьи не могутъ быть примѣняемы къ произведеніямъ музыкальнымъ, печатаемымъ въ сборникахъ для употребленія въ музыкальныхъ школахъ. Поэтому, печатаніе—безъ разрѣшенія автора—музыкальныхъ произведеній въ подобныхъ сборникахъ будетъ разсматриваться, какъ контрафакція».

201. – Относительно *произведеній музыкальныхъ*, нужно еще отмѣтить, что разбираемая конвенція запрещаетъ всякія передѣлки ихъ (arrangements)—въ силу статьи шестой. При обсужденіи этого вопроса возникло серьозное затрудненіе, вытекавшее изъ того, что по поводу музыкальныхъ «передѣлокъ» законодательства французское и германское разнятся весьма значительно.

По германскому закону 11 Іюня 1870 года (см. ст. 46) запрещается передѣлка музыкальныхъ произведеній, исключая тѣ случаи, когда передѣлыватель пользуется чужою мелодіей для созданія новаго музыкальнаго произведенія. Французскій законъ спеціальныхъ постановленій не содержитъ, но юриспруденція почти единогласно высказывается за такъ называемую propriété de mélodie — т. е. признаетъ контрафакціей всякое заимствованіе чужой мелодіи [87]). Этотъ свой взглядъ фран-

[87]) см. Pouillet, op. cit. p. 556 ss.

цузскіе делегаты хотѣли провести и въ международномъ соглашеніи съ Германіей [88]). Но нѣмецкая делегація рѣшительно воспротивилась этому, не имѣя возможности идти въ разрѣзъ съ тѣми положеніями, которыя проводятся германскимъ законодательствомъ. Поэтому, стороны пришли къ компромиссу слѣдующаго рода: арранжировка, вообще, запрещается, но при интерпретаціи этого понятія суды должны соображаться съ мѣстными законами [89]).

202. — Переходя къ важному вопросу о *переводахъ*, мы должны отмѣтить, что французскіе делегаты добились какихъ-либо результатовъ только послѣ самыхъ энергическихъ дебатовъ [90]). Вопросъ о переводахъ послужилъ, какъ и обыкновенно, чуть ли не главнымъ пунктомъ преткновенія. По первоначальной франко-прусской конвенціи 1862 года сохраненіе права исключительнаго перевода было обусловлено обыкновенными для того времени формальностями, дѣлавшими такое сохраненіе почти невозможнымъ. Такъ, нужно было начать свой переводъ въ теченіе одного года со дня выхода оригинала — и зарегистровать его; — окончить переводъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ и опять внести его въ Лейпцигскій регистръ. Даже при соблюденіи такихъ формальностей право исключительнаго перевода не защищалось больше пяти лѣтъ. Профессоръ Lyon-Caën выясняетъ—въ указанной статьѣ—что делегаты обѣихъ сторонъ соглашались относительно необходимости увеличить защиту въ этомъ отношеніи. Однако, только съ большими усиліями удалось имъ установить согласіе относительно того, въ какихъ размѣрахъ нужно было увеличить эту защиту [91]). Насколько трудно было добиться соглашенія по вопросу о переводахъ, можно видѣть уже изъ того, что переговоры 1875 года, о которыхъ мы говорили выше, были прекращены именно изъ за этого главнаго недоразумѣнія, которое въ тотъ разъ не оказалось возможнымъ уладить никакимъ способомъ. Впрочемъ, это вполнѣ понятно: французскіе законы считаютъ

---

[88]) см. Dambach, op. cit. s. 20.

[89]) см. ст. 6 in fine.

[90]) см. Revue Gand, 1884. Статья Lyon-Caën p. 455.

[91]) ibid.

право исключительнаго перевода—нераздѣльною частью авторскаго права; германскіе же юристы считаютъ это право перевода только особою милостью, даруемою автору.

Во всякомъ случаѣ, стороны пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ. Авторъ сохраняетъ право исключительнаго перевода—безъ особой какой-либо отмѣтки на изданіи оригинала — въ теченіе 10 лѣтъ; однако, необходимо, чтобы онъ издалъ свой переводъ [92]) въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ изданія оригинала. Переводчикъ сочиненія, на которое уже не существуетъ права исключительнаго перевода—пользуется полнымъ авторскимъ правомъ по отношенію къ своему переводу, но конечно, не можетъ запретить иному лицу сдѣлать новый переводъ того же сочиненія [93]).

Въ этихъ постановленіяхъ достойно замѣчанія то, что драматическія произведенія уравнены въ отношеніи предѣльнаго срока появленія перевода съ остальными произведеніями литературы: это—можетъ быть, одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ различія, которое можно подмѣтить между разбираемой конвенціей и германскимъ закономъ 11 іюня 1870 года.

Но мы уже указали, что Франція и Германія подписали Бернскую Конвенцію, и взаимодѣйствіе этой конвенціи и разбираемой—представляется довольно интереснымъ по данному вопросу. Согласно ст. 5 Бернской Конвенціи, право исключительнаго перевода сохраняется въ теченіе десяти лѣтъ *со дня выхода въ свѣтъ оригинала*—но безъ дальнѣйшихъ какихъ либо условій (т. е. не требуется изданія перевода въ опредѣленный срокъ). Поэтому, въ международныхъ сношеніяхъ Франціи и Германіи вопросъ о переводахъ будетъ рѣшаться слѣдующимъ образомъ: въ теченіе 10 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ оригинала авторъ имѣетъ право исключительнаго перевода (въ силу Бернской Конвенціи). Но если авторъ издастъ свой переводъ въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, то онъ можетъ, опираясь на разбираемую статью конвенціи 19 апрѣля 1883 года — требовать защиты своего исключительнаго права перевода на десять лѣтъ *со дня выхода перевода* (таково постановленіе ст. 10-й разб. кон-

92) «La traduction devra être publiée dans l'un des deux pays.» — см. ст. 10.
93) см. ст. 9.

венціи). Такимъ образомъ, авторъ, обнародовавшій свой переводъ въ послѣдній день третьяго года послѣ выхода въ свѣтъ оригинала—можетъ пользоваться защитой закона отъ недозволенныхъ переводовъ въ теченіе 13 лѣтъ со дня выхода оригинала.

203.—Мы должны сдѣлать по поводу переводовъ еще одно небольшое замѣчаніе. Согласно германскому закону 1870 г., всѣ сроки по различнымъ вопросамъ авторскаго права разсчитываются такимъ образомъ, что годъ смерти автора въ разсчетъ не принимается [94]). Это постановленіе, конечно, принимается въ разсчетъ и въ международныхъ сношеніяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сроки разсчитываются по законамъ германскимъ. Исключеніе должны составить только сроки относительно права исключительнаго перевода, въ виду того, что ст. 10-ая, какъ lex specialis, прямо на это указываетъ [95]).

204.—Для того, чтобы пользоваться защитой разбираемой конвенціи, авторъ не подчиняется исполненію никакихъ формальностей—какъ это категорически заявлено въ ст. 7-ой, объявляющей, что, вмѣсто всякихъ формальностей, достаточно, для вчинанія иска,—чтобы на изданіи было обозначено имя истца, какъ автора.

Точно такія же постановленія регулируютъ признаніе авторскаго права за *издателями* анонимныхъ и псевдонимныхъ произведеній. Въ этомъ отношеніи разбираемая конвенція, опять таки, сдѣлала шагъ впередъ, по сравненію съ конвенціей франко-прусской, ибо послѣдняя (см. ст. 3) требовала, чтобы авторъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ со дня изданія сочиненія внесъ его въ регистръ (Берлинскій или Парижскій) и т. д.

205.—Разбираемая конвенція посвящаетъ спеціальную статью (11-ую) такъ называемому Vertheiltes Verlagsrecht (раздѣленное или ограниченное авторское право).

Мы уже говорили выше, что очень часто, — главнымъ образомъ, по отношенію къ произведеніямъ музыкальнымъ,—

---

[94]) См. законъ 11 іюня 1870 года ст. 6 с. и ст. 16; законъ 9 января 1876 г. ст. 13.

[95]) Ср. Dambach, op. cit. s. 33.

авторъ уступаетъ издателю право воспроизводить свое сочиненіе и продавать его только на опредѣленной территоріи—(въ опредѣленныхъ или опредѣленномъ государствѣ). Въ другихъ же государствахъ авторъ сохраняетъ за собой или передаетъ другому издателю свое право воспроизведенія. Выше [96]) мы уже указали, почему мы не соглашаемся съ мнѣніемъ Dambach'a, считающаго [97]), что не можетъ быть обвиненъ въ контрафакціи тотъ, кто, имѣя Vertheiltes Verlagsrecht по отношенію, напримѣръ, только къ Франціи—продаетъ экземпляры подобнаго сочиненія въ Германіи. Поэтому, мы не считаемъ нужнымъ возвращаться здѣсь къ прежнему.

Теперь же отмѣтимъ только, что, согласно разбираемой конвенціи, нарушеніе раздѣленнаго авторскаго права считается контрафакціей только въ томъ случаѣ, если исполнены слѣдующія условія:

1) Каждый экземпляръ подобнаго изданія долженъ носить отмѣтку: «Edition interdite en Allemagne (en France)» и

2) Объектомъ раздѣленнаго авторскаго права можетъ быть только музыкальное или драматическо-музыкальное произведеніе.

Кромѣ того, разрѣшенъ транзитъ подобныхъ произведеній.

206.—Къ контрафакціи причисляются, кромѣ вышеуказанныхъ дѣйствій, еще слѣдующія:

«Статья 12. Ввозъ, вывозъ и продажа [99]) въ одномъ изъ договаривающихся государствъ всякихъ контрафактныхъ изданій, независимо отъ того, изготовлены ли они на территоріи одного изъ этихъ государствъ, — или на территоріи какого-нибудь третьяго государства».

Конвенція не дѣлаетъ оговорки, но очевидно, что подобное запрещеніе ввоза и т. д. относится только къ тѣмъ контрафактнымъ изданіямъ, которыя, вообще, запрещаются данною

---

[96]) См. §§ 82—83.

[97]) Op. cit. s. 35.—Такого же мнѣнія придерживается и Lyon-Caën, op. cit. p. 458.

[98]) См. ст. 11.

[99]) «l'introduction, l'importation, l'exportation, la circulation, la vente et l'exposition»...

конвенціею. Поэтому, англичанинъ, произведеніе котораго было воспроизведено въ Германіи, а потомъ увезено во Францію — не можетъ вчинать иска о контрафакціи передъ французскими судами, основываясь на положеніяхъ *настоящей конвенціи* [100]).

Данная статья ничего не говоритъ о *транзитѣ* (ср. § 205 in fine), но очевидно, что этотъ послѣдній также запрещенъ, ибо по справедливому замѣчанію Dambach'a «для совершенія транзита необходимо ввезти, а потомъ вывезти сочиненіе изъ страны; между тѣмъ, ст. 12-ая запрещаетъ оба эти дѣйствія» [101]).

207.—Важный вопросъ о томъ, какой законъ должно примѣнять при обсужденіи состава контрафакціи, рѣшается разбираемою конвенціею очень просто:

Статья 13. Всякое нарушеніе постановленій настоящей конвенціи повлечетъ за собой арестъ, конфискацію и т. д. — какъ если бы преступленіе было совершенно по отношенію къ сочиненію, принадлежащему національному автору.

Составъ контрафакціи и недозволеннаго публичнаго исполненія опредѣляется мѣстными судами согласно съ мѣстнымъ законодательствомъ».

Такимъ образомъ, вопросъ рѣшается такъ: для опредѣленія состава преступленія и для выясненія того, къ какому наказанію долженъ быть присужденъ виновный—судъ обращается къ мѣстному закону, толкуя его, конечно, по совокупности съ конвенціей, которая, въ данномъ случаѣ является lege speciali. При опредѣленіи вопроса, подлежитъ ли данное сочиненіе, вообще, защитѣ—необходимо примѣнять, опять таки, территоріальный законъ, но не раньше, однако, какъ будетъ доказано, что данное сочиненіе пользуется защитой и по національнымъ законамъ—въ силу принятой системы наименѣе выгоднаго закона.

208.—Статья 16 разбираемой конвенціи содержитъ такъ называемую clause de la nation la plus favorisée, со слѣдующими, впрочемъ, ограниченіями:

---

[100]) Ср. Journal Gand, 1884 p. 459.

[101]) Op. cit. s. 88.

1) ни Германія, ни Франція не могутъ [102]) претендовать на полученіе тѣхъ преимуществъ, которыя гарантируются конвенціями заключенными раньше разбираемой;

2) подобныя преимущества или привилегіи распространяются только при согласіи другой изъ договаривающихся сторонъ взаимно гарантировать защиту въ томъ же размѣрѣ.

По этому поводу Dambach говоритъ: «если бы случилось такъ, что Германія въ конвенціи, напримѣръ, съ Англіею согласилась бы гарантировать англійскимъ авторамъ право исключительнаго перевода на 15 лѣтъ, то Франція также могла бы требовать для своихъ авторовъ такой же защиты, въ томъ случаѣ если она согласна гарантировать нѣмецкимъ авторамъ право перевода въ томъ же объемѣ.

«Можно думать, что разбираемое постановленіе не можетъ имѣть практическаго значенія, въ виду того, что трудно предположить, чтобы Германія въ промежутокъ 6-ти лѣтъ перемѣнила бы свои воззрѣнія на этотъ вопросъ и даровала бы авторамъ какой-нибудь третьей державы большую защиту, чѣмъ та, которая формулирована постановленіями настоящей конвенціи» [103]).

209.—Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о продолжительности дѣйствія разбираемой конвенціи и о ретроактивномъ ея значеніи. Первый вопросъ рѣшается слѣдующимъ образомъ.

«Статья 17...Настоящая конвенція сохранитъ свою силу въ теченіе шести лѣтъ съ момента ея подписанія, а по истеченіи этого срока, и далѣе, до тѣхъ поръ, пока одна изъ Высокихъ договаривающихся Сторонъ не откажется отъ нея».

Въ силу этой статьи, конвенція, по молчаливому согласію Франціи и Германіи, остается въ силѣ до сихъ поръ.

210.—Относительно ретроактивнаго ея значенія, конвенція не содержитъ никакихъ спеціальныхъ постановленій; зато, вопросъ этотъ весьма подробно разсмотрѣнъ въ приложенномъ къ ней протоколѣ, такъ что мы, по необходимости, должны обратиться къ этому акту.

---

[102]) См. ст. 16.

[103]) Dambach, op. cit. s. 43 ff.

Относительно всѣхъ произведеній литературы и искусствъ (кромѣ произведеній драматическихъ и музыкальныхъ)—конвенція имѣетъ полное ректроактивное значеніе, хотя, конечно, безъ нарушенія тѣхъ частныхъ правъ, которыя были пріобрѣтены въ силу прежде существовавшихъ законовъ и конвенцій [104]). Такимъ образомъ, могутъ разсчитывать на покровительство данной конвенціи авторы даже тѣхъ сочиненій, которыя по франко-прусской конвенціи защитой не пользовались вовсе, или пользовались, но въ меньшей степени. Однако

a) могутъ продаваться и впредь тѣ изданія, которыя считались дозволенными до подписанія разбираемой конвенціи и только этою послѣднею были запрещены;

b) начатыя безъ нарушенія существовавшихъ законовъ и конвенцій изданія могутъ были окончены печатаніемъ;

c) литографскіе камни, доски и прочія приспособленія, изготовленныя до подписанія конвенціи 1883 года для печатанія такихъ изданій, которыя оною признаны за контрафакцію—могутъ быть употребляемы въ дѣло въ теченіе 4-хъ лѣтъ [105]).

Во всякомъ случаѣ, для того чтобы пользоваться подобными льготами — необходимо представить всѣ экземпляры, доски и т. п.—для приложенія установленнаго клейма. Эту формальность можно было исполнить только въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ съ того дня, когда конвенція вошла въ силу.

По отношенію къ публичному исполненію произведеній драматическихъ, музыкальныхъ и драматическо-музыкальныхъ, ретроактивное значеніе разбираемой конвенціи ограничено слѣдующимъ образомъ:

1) Если сочиненіе это не было исполнено публично до 6 ноября 1883 года (день, съ котораго конвенція вошла въ силу)—то постановленія конвенціи 1883 года прилагаются къ нему безусловно.

---

[104]) см. протоколъ ст. 1.

[105]) ср. Dambach, op. cit. s. 46.

2) Если произведеніе было исполнено до этого срока, то конвенція 1883 г. къ нему не прилагается, такъ что оно остается только подъ той защитой, которую ему гарантировали прежнія конвенціи [106]).

Поэтому—говоритъ Lyon-Caën [107])—драматическое произведеніе, публичное исполненіе котораго (согласно прежнимъ конвенціямъ) разрѣшалось въ Пруссіи и запрещалось въ Саксоніи—и впредь, послѣ входа въ силу конвенціи 1883 года, будетъ безнаказанно исполняться въ первомъ изъ этихъ государствъ—но не во второмъ».

Наконецъ, по отношенію къ праву исключительнаго перевода, протоколъ (ст. 4) заключаетъ слѣдующія постановленія:

1) Если для сочиненія еще не истекъ 5-лѣтній срокъ защиты исключительнаго права перевода, признаваемый предъидущими конвенціями — срокъ этотъ продолжается еще на столько времени, чтобы въ суммѣ составились полныя 10 лѣтъ.

2) Если пятилѣтній срокъ уже истекъ — авторъ имѣетъ право требовать продолженія защиты только въ томъ случаѣ, если никто еще не издалъ переводовъ.

211. — Послѣ разобранной конвенціи 1883 года не было заключено ни одного частнаго соглашенія, заслуживающаго особаго анализа. Ни одно изъ нихъ не могло, по точности формулировки, превзойти разсмотрѣнную франко-германскую конвенцію, которую профессоръ Lyon-Caën называетъ замѣчательною. «Настоящая конвенція [107]) — говоритъ онъ — сдѣлала громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ защиты интересовъ авторовъ въ международныхъ сношеніяхъ Франціи и Германіи. Конечно, и эта конвенція не удовлетворяетъ идеалу, начертанному юристами—однако, не нужно забывать о томъ искусствѣ, съ которымъ она согласила столь сильно разнящіяся законодательства, какъ французское и германское». Такимъ образомъ, мы должны теперь перейти къ разсмотрѣнію Бернской конвенціи.

---

[106]) Протоколъ, ст. 2.

[107]) Journal Gand, 1884 p. 468.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бернскій Союзъ.

А. Историческій очеркъ его развитія.

212.—Вполнѣ справедливо признать, что конвенціи для защиты авторскаго права составили громадный шагъ на пути прогресса,—но нельзя въ то же время не указать, что конвенціи между отдѣльными государствами, конечно, не составляли наилучшаго рѣшенія даннаго вопроса. И слѣдующимъ шагомъ на пути къ идеалу, какъ и вообще во всѣхъ международныхъ сношеніяхъ, должно было быть единое соглашеніе всѣхъ заинтересованныхъ государствъ. Конвенціи, къ концу 70-хъ годовъ, такъ умножились, что приходилось заниматься спеціальнымъ ихъ изученіемъ всякому, кому нужно было отдать себѣ отчетъ относительно того, какою защитою пользуются произведенія того или другого автора въ различныхъ государствахъ Европы. Приходилось французскому, напримѣръ, автору изучать конвенціи, не только заключенныя Франціей съ чужеземными государствами, но и заключенныя этими чужеземными государствами между собою (въ виду такъ называемыхъ clauses de la nation la plus favorisée). Въ особенности же неудобно было то разнообразіе, которое эти многочисленныя конвенціи вносили въ дѣло защиты авторскаго права, какъ по отношенію къ сроку защиты, такъ и по отношенію къ другимъ незамѣтнымъ, но важнымъ мелочамъ.

Очень часто конвенціи эти составляли часть торговыхъ трактатовъ, откуда опять возникали неисчислимыя затрудненія въ случаѣ войны, или, вообще, въ томъ періодѣ, когда одно изъ контрагентовъ-государствъ отказывалось отъ продолженія

трактата, вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ или политическихъ условій. Очевидно, что авторское право настолько постоянно въ своей сущности и настолько обще всѣмъ народамъ [1]), что вполнѣ справедливо было бы стремиться къ осуществленію той идеи, которая была высказана г-номъ Siméon еще въ 1839 году, когда онъ мечталъ о «...loi internationale, dont la possibilité sourit aux amis de lettres» [2]). То же желаніе было высказано въ самой энергической формѣ Ламартиномъ въ 1841 г., когда онъ, въ палатѣ депутатовъ, восклицалъ: «Tout le monde se plaint, tout le monde demande un droit international nécessaire à instituer pour tous».

213.—Но послѣ 1841 года прошло много и много лѣтъ упорной борьбы отдѣльныхъ лицъ—раньше, чѣмъ появились первые проблески общаго международнаго соглашенія для защиты авторскихъ правъ. Главную роль въ дѣлѣ разработки этого вопроса нужно отдать литературнымъ конгрессамъ, подготовившимъ почву для Бернскаго Союза. Дѣятельность этихъ то конгрессовъ мы и считаемъ нужнымъ вкратцѣ разсмотрѣть раньше, чѣмъ перейти къ самому Союзу.

20 марта 1858 года [3]) было отпечатано и разослано всѣмъ тѣмъ, кого это могло интересовать, приглашеніе принять участіе въ первомъ конгрессѣ, который долженъ былъ открыть свои засѣданія 27 сентября то же года въ Брюсселѣ, прежнемъ центрѣ международной контрафакціи. Clunet отмѣчаетъ это интересное совпаденіе, говоря: «l'ancienne coupable appelait ses anciennes victimes à discuter».

Цѣль этого конгресса, согласно тексту приглашенія [4]), состояла въ томъ, чтобы разъяснять отдѣльнымъ государствамъ тотъ путь, по которому они должны были слѣдовать, заключая конвенціи, и «постараться, по возможности, распространить представленіе о принципахъ литературной собственности съ международной точки зрѣнія, съ тѣмъ чтобы окончательно

---

[1]) Soldan выражается по этому поводу такъ: «La propriété littéraire et artistique a un caractère cosmopolite comme l'idée elle même». Revue de droit, 1887, III, p. 94.

[2]) См. Séance de la chambre des Pairs, Moniteur officiel, 21 мая 1839.

[3]) Всѣ числа по новому стилю.

[4]) См. Pataille, Annales 1858, p. 401.

укоренить таковые». Конгрессу предлагалось выяснить значеніе авторскаго права для того, чтобы позднѣйшіе законодатели могли руководиться его заключеніями. Такимъ образомъ, «le congrès aura préparé les éléments généraux d'une loi universelle de la propriété intellectuelle» [5]).

Программа, предложенная на обсужденіе конгресса, состояла изъ пяти пунктовъ. Мы не будемъ приводить ихъ подробно [6]), но ограничимся только болѣе общими замѣчаніями.

Пунктъ I. Предлагается рѣшить, насколько, вообще, желательно, чтобы всѣ государства приняли законодательства, основанныя на однообразныхъ принципахъ. Нужно ли полное уравненіе правъ авторовъ національныхъ и иностранныхъ?

Пунктъ II. Продолжительность авторскаго права. Право исключительнаго перевода. Необходимо ли подчинить авторовъ извѣстнымъ формальностямъ? «L'absence des formalités détruit-elle le droit?»

Пунктъ III. Защита произведеній драматическихъ и музыкальныхъ. Вопросъ о передѣлкахъ («arrangements»).

Пунктъ IV. Защита произведеній скульптуры, архитектуры и живописи, а также рисунковъ.

Пунктъ V. Разрѣшеніе нѣсколькихъ мелкихъ вопросовъ относительно пересылки печатныхъ произведеній и корректуръ по почтѣ.

214.—Изъ этой программы видно, что она представляется весьма неполной (напр., совсѣмъ не затронутъ вопросъ о защитѣ статей, помѣщенныхъ въ газетахъ и т. д.). Однако, нельзя не поставить составителямъ ея въ заслугу того, что они внесли вопросы весьма важные для того времени; напримѣръ, о защитѣ архитектурныхъ произведеній, о правѣ исключительнаго перевода и т. д.

Въ отвѣтъ на это приглашеніе, Организаціонный Комитетъ получилъ значительное количество (550) писемъ, въ которыхъ многіе изъ будущихъ участниковъ конгресса уже за-

[5]) ibid.

[6]) Полный текстъ см. у Pataille, op. cit. pp. 404—406.

ранѣе высказывали свои professions de foi. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательно письмо, присланное «Обществомъ литераторовъ» въ Парижѣ, а также замѣчанія парижскаго же «Общества драматическихъ писателей». Оба эти Общества высказались, между прочимъ, за вѣчную защиту авторскаго права; послѣднее, впрочемъ, въ значительной степени объясняется составомъ лицъ, подписавшихъ, напримѣръ, второй отзывъ: изъ девяти членовъ—семь суть парижскіе книгопродавцы, два литератора и нѣтъ ни одного юриста [7]); всѣ доводы этого второго отзыва сводятся почти что къ тому, что «Общество» цитируетъ извѣстную, избитую фразу Наполеона III.

215.—Первое засѣданіе Конгресса открылось 27 ноября 1858 года, причемъ, по расчету, произведенному Victor Foucher, докладчикомъ Конгресса, на засѣданіяхъ участвовали:

Делегатовъ отъ ученыхъ обществъ . . .	54
» » университетовъ	47
Экономистовъ.	21
Ученыхъ	62
Артистовъ.	24
Журналистовъ	16
Адвокатовъ	29
Книгопродавцевъ.	29
Разныхъ лицъ, около	40
Всего около	322 чел.

Послѣ четырехъ дней работы, въ теченіе которыхъ дебаты шли не только «brillament», но, по выраженію президента Faider—еще и «bruyamment», — конгрессъ принялъ слѣдующія рѣшенія [8]).

Постановлено что «признаніе международной защиты авторскихъ правъ должно найти себѣ мѣсто въ законодательствахъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ (пунктъ I, § 1); — что это «признаніе» должно основываться на однообразныхъ принципахъ (§ 5);—что отъ авторовъ можно требовать ис-

[7]) ibid. p. 415.
[8]) Полный текстъ, см. ibid. pp. 452—453.

полненія только тѣхъ формальностей, которыя необходимы по ихъ національному закону (§ 4);—что желательно полное уравненіе правъ авторовъ какъ національныхъ, такъ и иностранныхъ (§ 3).

По пункту второму—продолжительность защиты авторскаго права признано желательнымъ распространить на 50 лѣтъ [9]) со дня смерти автора (пунктъ II, § 1). Что касается формальностей, то признано желательнымъ упростить ихъ до возможнаго minimum'a, разъ ихъ нельзя уничтожить вовсе; неисполненіе ихъ ни въ какомъ случаѣ не влечетъ уничтоженія права (§ 7). Право исключительнаго перевода предложено регулировать такъ, какъ это сдѣлано впослѣдствіи закономъ итальянскимъ (§ 6—см. ниже § 346).

По пункту третьему—признано необходимымъ обезпечить исключительное право публичнаго исполненія и воспроизведенія авторамъ драматическихъ и музыкальныхъ произведеній (пунктъ III, § 1). Впрочемъ, признано желательнымъ, чтобы авторы не имѣли права воспрепятствовать исполненію своихъ произведеній на такихъ «частныхъ собраніяхъ, которыя не преслѣдуютъ имущественныхъ выгодъ» (§ 4 — см. contra заключенія послѣдняго Миланскаго конгресса 1892 года, voeu VI, § 2).

По пункту четвертому—признано право автора на механическое воспроизведеніе, такъ же какъ и право повторенія, вообще, его произведеній изъ области искусствъ изобразительныхъ (пунктъ IV, §§ 1—3).

Постановленія пункта V не касаются авторскаго права.

216.—Вообще, нужно сказать относительно этого Конгресса слѣдующее: какъ и всѣ послѣдующіе, Конгрессъ не рѣшился высказаться окончательно относительно главнѣйшихъ принципіальныхъ сторонъ вопроса; задача Конгресса первая и самая важная должна была заключаться въ томъ, чтобы

---

[9]) Конгрессъ высказался, въ принципѣ, за «литературную собственность». Но «собственность» эту рѣшено было, на засѣданіи 2-ой секціи, ограничить, въ видахъ общественной пользы. Ограничить, впрочемъ, не 30-ью годами, какъ было предложено Организаціонным Комитетомъ, а пятьюдесятью. См. рѣчь Victor Foucher, ibid. p. 437.

дать законодательствамъ точный и окончательный принципъ, исходя изъ котораго не трудно было бы рѣшить и всѣ остальные, мелкіе вопросы. Но, конечно, такой капитальный вопросъ требовалъ слишкомъ продолжительнаго обсужденія — Конгрессъ уклонился отъ такой отвѣтственной задачи и ограничился тѣмъ, что осторожно выразилъ свое мнѣніе (см. первый докладъ Foucher) о томъ, что «авторъ имѣетъ право собственности на свое произведеніе». Но осуществленіе-де этого права очень трудно: «большинство членовъ нашей секціи испугалось той бездны, которая откроется передъ авторскимъ правомъ, если проводить послѣдовательно теорію собственности [10])». Поэтому, признано достаточнымъ ограничить защиту авторскаго права 50-ью годами послѣ смерти автора, ибо этотъ срокъ «даетъ автору заслуженное имъ *вознагражденіе* въ границахъ, указанныхъ требованіями справедливости» (не можемъ не отмѣтить непослѣдовательности докладчика, который на одной и той же страницѣ говоритъ сперва о правѣ собственности, а затѣмъ вдругъ о «вознагражденіи за трудъ»).

Во всякомъ случаѣ, нужно признать, что Брюссельскій конгрессъ принесъ чрезвычайно много пользы, впервые формулировавъ тѣ desiderata, которыя уже давно раздавались съ различныхъ сторонъ. Идея равноправности національныхъ и иностранныхъ авторовъ была впервые опредѣленно высказана на этомъ конгрессѣ—что и составляетъ его главную заслугу. Въ резолюціяхъ Конгресса можно найти и промахи (по вопросу о публичномъ исполненіи, п. IV, §§ 1 и 3) — но, во всякомъ случаѣ, эти резолюціи показали ту дорогу, по которой было уже гораздо легче идти всѣмъ позднѣйшимъ защитникамъ авторскаго права.

217.—Мы не будемъ такъ же подробно разбирать дѣятельность всѣхъ послѣдующихъ конгрессовъ. Отмѣтимъ только тѣ, которые имѣютъ спеціальное значеніе. Второй и третій конгрессы имѣли мѣсто въ Антверпенѣ въ 1861 и 1877 г. Послѣдній изъ нихъ происходилъ во время торжествъ въ па-

[10]) ibid. p. 437.

мять Рубенса, причемъ члены его единогласно признали желательнымъ, чтобы Институтъ Международнаго Права занялся разработкой международнаго кодекса для защиты артистической собственности; — предложеніе было принято Институтомъ на годовомъ собраніи въ Цюрихѣ, но въ исполненіе приведено не было.

Оба Антверпенскіе конгресса признали желательною защиту интересовъ авторовъ безъ различія національности и безъ условія взаимности.

218.—Въ концѣ семидесятыхъ годовъ Общество парижскихъ литераторовъ («Société des gens de lettres») воспользовалось удобнымъ случаемъ, который представила всемірная выставка 1878 года, и созвало въ Парижѣ четвертый конгрессъ подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго. На этотъ конгрессъ собрались, по выраженію Bulletin de l'Association littéraire internationale [11])—«наиболѣе компетентные представители литераторовъ всего міра».

Этотъ конгрессъ является замѣчательнымъ не только потому, что на немъ были высказаны весьма смѣлыя desiderata, но еще и по той реальной поддержкѣ, которая основана была для того, чтобы окончательно развить главныя положенія конгресса. Эти desiderata выразились въ формѣ слѣдующей резолюціи, предложенной г. Clunet [12]): «желательно, чтобы цивилизованныя государства всего міра соединились въ одинъ общій Союзъ, который бы установилъ однообразныя нормы для регулировки отношеній авторовъ, издателей и публики. Конгрессъ выражаетъ свое желаніе, чтобы конвенція такого Союза слѣдовала бы выработаннымъ настоящимъ Конгрессомъ принципамъ» [13]).

219.—Въ то же время, члены конгресса поняли, что всѣ эти desiderata могутъ долго остаться безъ исполненія, если не будетъ основано общества, единственною цѣлью котораго было бы развить эти положенія и добиться ихъ исполненія на практикѣ. Вотъ почему, конгрессъ 1878 года чрезвычайно

---

[11]) См. № 1, p. 1.

[12]) См. Droit d'auteur, 1888 p. 3.

[13]) Полный текстъ, см. Journal Clunet 1878, pp. 412—419.

цѣлесообразно призналъ необходимымъ учредить такое общество, что и было немедлено [14]) приведено въ исполненіе. Вновь основанное Общество приняло названіе «Association littéraire internationale» и энергически принялось за дѣло, ознаменовавъ свою дѣятельность рядомъ конгрессовъ, которые слѣдовали въ такомъ порядкѣ:

Въ Лондонѣ	въ	1879 г.
» Лиссабонѣ	»	1880 »
» Вѣнѣ	»	1881 »
» Римѣ	»	1882 »
» Амстердамѣ	»	1883 г., съ добавочнымъ засѣданіемъ въ Бернѣ.
Въ Брюсселѣ	въ	1884 г. [15])
» Антверпенѣ (III) . . .	»	1885 »
» Женевѣ.	»	1886 »
» Мадридѣ.	»	1887 »
» Парижѣ.	»	1889 »
» Миланѣ.	»	1892 »

220.—Первый разъ идея Союза, въ томъ видѣ, какъ онъ теперь существуетъ, была высказана въ 1882 г. на конгрессѣ въ Римѣ. Здѣсь впервые представитель германской делегаціи, Paul Schmidt, высказалъ желаніе, чтобы были выработаны основы международнаго Союза, въ виду того, что «всѣ государства сознаютъ одинаковую необходимость защитить интеллектуальную собственность».

Предложеніе это было принято, и конгрессъ выбралъ коммиссію, которая выработала проэктъ въ 10 статьяхъ. Этотъ то проэктъ и былъ предложенъ на обсужденіе экстреннаго собранія въ Бернѣ, 10 сентября 1883 года. Подготовительныя работы были исполнены тремя коммиссіями: французской—подъ предсѣдательствомъ г-на Huard, англійской—подъ предсѣдательствомъ г-на Blanchard Jerrold, и нѣмецкой—подъ предсѣдательствомъ г-на Carl Batz [16]). Самые дебаты прошли чрезвы-

[14]) 27 іюня 1878 года.

[15]) На этомъ конгрессѣ Общество приняло названіе «Association littéraire et artistique internationale».

[16]) См. Droit d'auteur, 1888 p. 4.

чайно оживленно, такъ что публика съ большимъ интересомъ слѣдила за всѣми засѣданіями [17]). Послѣ четырехъ продолжительныхъ общихъ засѣданій подъ предсѣдательствомъ г-на Numa Droz (въ 1887 году выбраннаго въ президенты швейцарской конфедераціи) проэктъ конвенціи былъ, наконецъ, выработанъ болѣе опредѣленно и переданъ Федеральному Совѣту съ просьбой сообщить его дипломатическимъ путемъ всѣмъ цивилизованнымъ государствамъ. Федеральный Совѣтъ принялъ въ этомъ дѣлѣ горячее участіе, и 8 декабря 1883 года проэктъ былъ разосланъ иностраннымъ державамъ съ приглашеніемъ принять участіе въ томъ конгрессѣ, который былъ назначенъ на слѣдующій годъ.

221.—Федеральный Совѣтъ въ этомъ приглашеніи не скрывалъ всѣхъ тѣхъ трудностей, которыя должны были возникнуть при рѣшеніи вопроса о международномъ Союзѣ. Онъ указывалъ, что «конвенціи, заключенныя въ послѣдніе годы, почти всѣ противорѣчатъ въ большей или меньшей степени положеніямъ настоящаго проэкта; между тѣмъ, трудно ожидать, чтобы постановленія этихъ частныхъ конвенцій могли бы быть измѣнены до истеченія срока ихъ дѣйствительности.

«Въ то же время, было бы, очевидно, чрезвычайно важно придти, не медля долѣе, къ такому общему соглашенію, которое провозглашало бы болѣе возвышенные принципы, если такъ можно выразиться, принципы естественнаго права. И первымъ изъ нихъ долженъ быть признанъ тотъ, что всякій авторъ долженъ быть защищаемъ на всемъ протяженіи Союза, въ каждой странѣ наравнѣ съ національными авторами, каковы бы ни были его національность и мѣсто изданія его произведенія» [18]).

222.—Первое оффиціальное засѣданіе для обсужденія вопроса о международномъ Союзѣ имѣло мѣсто 8 сентября 1884 года въ Бернѣ. Въ этомъ засѣданіи участвовали представители 14 государствъ: Австро-Венгріи, Бельгіи, Великобританіи, Гаити, Германіи, Коста-Рика, Нидерландовъ, Нор-

[17]) См. Bibliothèque Universelle et Revue Suisse, 1885 p. 229.

[18]) См. Soldan, Revue générale de droit, 1887 p. 397.

вегіи, Парагвая, Сальвадора, Франціи, Швеціи и Швейцаріи [19]). Въ принципѣ признали полезность конференціи, но не могли прислать делегатовъ по независящимъ обстоятельствамъ: Аргентина, Бразилія, Италія и Португалія.

На первомъ же засѣданіи германская делегація представила 14 вопросовъ, которые, по ея мнѣнію, необходимо было разсмотрѣть раньше, чѣмъ приступать къ обсужденію проэкта, предложеннаго Федеральнымъ Совѣтомъ. Эти вопросы резюмировались въ слѣдующемъ заключеніи: «не лучше ли было бы, вмѣсто того чтобы заключать конвенцію, основанную на принципѣ уравненія правъ иностранныхъ и національныхъ подданныхъ (traitement national) — немедленно начать работы по международной кодификаціи разбираемаго вопроса?»

Конечно, подобная кодификація представляла бы наилучшее рѣшеніе вопроса о международной защитѣ авторскаго права,—но не нужно забывать того, что законодательства различныхъ государствъ представляли еще слишкомъ много разнообразія,—что конвенціи, заключенныя между различными государствами были слишкомъ разнообразны и многочисленны, чтобы можно было привести въ немедленное исполненіе вышеприведенное желаніе германской делегаціи, т. е. тотчасъ же добиться однообразной кодификаціи. Въ виду всего этого, конференція, отдавая должное предложенію германской делегаціи,—сочла необходимымъ воздержаться отъ подобной попытки, особенно, потому, что такая кодификація «не могла разсчитывать на сочувствіе со стороны достаточнаго количества государствъ». Къ тому же «международная кодификація явится со временемъ, сама собою [20])»—но, по выраженію Louis Ulbach'a [21])—«il ne faut pas violenter le temps».

223.—Переходя къ обсужденію предложеннаго проэкта, собраніе натолкнулось на значительныя затрудненія, которыя необходимо вытекали изъ разногласія законовъ, слишкомъ разнообразныхъ въ дѣлѣ защиты авторскаго права. Делегаты Франціи и Швейцаріи требовали для авторовъ «наиболѣе ши-

[19]) Подробный списокъ делегатовъ,—см. Droit d'auteur, 1888 p. 12.
[20]) Droit d'auteur, 1888 p. 12.
[21]) Nouvelle Revue, T. 31, p. 57.

рокой защиты, въ особенности, по отношенію къ праву исключительнаго перевода, дозволенныхъ заимствованій и передѣлокъ»;—но другія делегаціи «указывали, что при состояніи законодательствъ ихъ странъ, имъ невозможно было идти такъ далеко; эти делегаціи соглашались сдѣлать небольшой шагъ впередъ—но чуть только имъ дѣлали болѣе широкія предложенія—онѣ начинали отказываться отъ участія въ Союзѣ» [21]).

Впрочемъ, всѣ разногласія были скоро устранены, и члены конференціи подписали проэктъ конвенціи даже болѣе полной, чѣмъ программы Литературнаго Общества или Федеральнаго Совѣта. Во всякомъ случаѣ, делегаты единогласно признали, «что—по ихъ мнѣнію—общая польза всѣхъ цивилизованныхъ государствъ требовала объединенія частныхъ соглашеній и законодательствъ въ видѣ, напримѣръ, такого Союза, какіе существуютъ по отношенію къ другимъ вопросамъ международнаго характера (de nature éminément internationale) [22])».

Въ концѣ концовъ, делегаты подписали, какъ мы уже сказали выше, проэктъ болѣе полный, но менѣе либеральный, чѣмъ предъидущіе, ибо, по справедливому замѣчанію Louis Ulbach'a [23]),—необходимо было быть умѣренными, разъ делегаты желали достигнуть какого-нибудь практическаго результата. Федеральному Совѣту было предложено сообщить новый проэктъ тѣмъ державамъ, которыя не приняли участія въ первой оффиціальной конференціи; въ то же время, была назначена новая конференція черезъ годъ для того, чтобы государства имѣли время всесторонне обсудить новый проэктъ.

224.—Особенно суровому разбору подвергся этотъ проэктъ во Франціи. Синдикатъ литературныхъ обществъ, подробно разсмотрѣвъ его [24]), пришелъ къ заключенію, что «этотъ проэктъ.... составляетъ шагъ не впередъ, а назадъ—если его сравнивать съ постановленіями послѣднихъ конвенцій, заключенныхъ Франціею съ Испаніей, Бельгіей и Швеціарій;—что Франція не будетъ имѣть никакой выгоды изъ того, что

---

[21]) Bibliothèque universelle et Revue Suisse, 1885 p. 236.
[22]) Droit d'auteur, 1888 p. 13.
[23]) Nouvelle Revue, T. 31, p. 57.
[24]) см. Journal Clunet, 1885 p. 55.

она войдетъ въ число членовъ новаго Союза [25]), особенно въ виду того, что будетъ очень трудно вносить дальнѣйшія необходимыя исправленія въ эту конвенцію, подписанную многими государствами. Къ счастью, такой черезчуръ односторонній взглядъ былъ во время опровергнутъ предсѣдателемъ конференцій 1883 и 1884 годовъ, г. Numa Droz, который въ обширномъ отвѣтномъ письмѣ [26]) чрезвычайно послѣдовательно доказалъ, что общая конвенція составляетъ несомнѣнный прогресъ, несмотря на то, что она уступаетъ по размѣру гарантируемой защиты нѣкоторымъ частнымъ конвенціямъ. Невозможно — доказывалъ Numa Droz — навязывать государствамъ законы другихъ націй, хотя бы эти законы и были болѣе совершенными. «Ни одно государство, очевидно, не можетъ и не хочетъ вдругъ отказаться отъ своихъ законовъ и принять постановленія другого государства» [27]). Конвенція составитъ значительный шагъ впередъ уже потому, что она будетъ началомъ того періода, который закончится однообразіемъ законовъ во всѣхъ государствахъ. Въ то же время, эта конвенція никого не стѣснитъ, ибо она представляетъ только «minimum защиты, нисколько не мѣшая всякому члену Союза имѣть законодательство болѣе совершенное, или заключать конвенціи болѣе либеральныя» [28]). Что же касается желанія, высказаннаго Синдикатомъ относительно того, что вмѣсто предложеннаго неполнаго проэкта лучше заключить конвенцію, подписанную малымъ числомъ государствъ, но съ тѣмъ, чтобы она предоставляла всѣ гарантіи авторамъ—Numa Droz [29]) справедливо замѣтилъ: «не будемъ презирать тѣхъ маленькихъ начинаній, которыя почти всегда оказываются наилучшими. Мнѣ не нравятся дѣятели, идущіе со знаменемъ «или панъ, или пропалъ», ибо въ большинствѣ случаевъ они все портятъ и ничего не созидаютъ». Союзъ можетъ состояться только при условіи уступокъ со стороны государствъ, наиболѣе развив-

[25]) ibid p. 72.
[26]) ibid p. 163 ss.
[27]) ibid p. 163.
[28]) ibid p. 169.
[29]) ibid p. 168.

ныхъ институтъ авторскаго права—ибо иначе другія государства побоятся слишкомъ внезапнаго перехода.

225.—Вторая оффиціальная конференція продолжалась съ 7 по 18 Сентября 1885 года, причемъ составъ делегатовъ подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ, делегатъ Англіи, присутствовавшій на прошлогоднемъ засѣданіи только ad audiendum [30]), присланъ былъ съ болѣе обширными полномочіями, именно, съ правомъ «представлять, при надобности, свои замѣчанія и способствовать тому, чтобы конференція установила условія организаціи защиты на территоріи Союза,—которыя не помѣшали бы присоединенію Англіи къ другимъ государствамъ, имѣющимъ подписать конвенцію». Но въ виду того, что въ это время англійское законодательство было въ такомъ состояніи, что немедленное присоединеніе Великобританіи къ Союзу являлось невозможнымъ, — делегату M. F. O. Adams'y было предложено его правительствомъ ни въ какомъ случаѣ не обязывать Англіи къ исполненію какихъ бы то ни было условій. Кромѣ Англіи, присланы были делегаты еще отъ Гондураса, Испаніи, Италіи и Туниса. Соединенные Штаты и Парагвай прислали, въ свою очередь, делегатовъ ad audiendum. Что касается Австріи, то она воздержалась прислать представителей въ виду того, что внутреннее ея законодательство мѣшало ей примкнуть къ предполагавшемуся Союзу.

Послѣ многочисленныхъ дебатовъ, члены второй конференціи подписали новый проэктъ, измѣненный, главнымъ образомъ, по отношенію къ праву перевода и, такъ называемымъ, передѣлкамъ. Особенно многочисленнымъ измѣненіямъ подвергся именно первый вопросъ.

Послѣ этого, на 1886 годъ назначена была третья и послѣдняя конференція, на которой делегаты должны были подписать проэктъ, превращая его, такимъ образомъ, въ дипломатическій актъ. Притомъ, было рѣшено, что проэктъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ подвергаться не будетъ, — но будетъ принятъ или отвергнутъ въ своемъ цѣломъ [31]): «принятый текстъ не будетъ

[30]) Droit d'auteur, 1888 p. 21.

[31]) протоколъ собраній, см. Droit d'auteur, 1888 p. 64.

подвергаться измѣненіямъ на засѣданіяхъ новой Конференціи, единственной цѣлью коей будетъ исполнить формальность подписанія акта».

226. — Федеральный Совѣтъ сообщилъ о результатахъ конференціи 1885 года 45 государствамъ, изъ которыхъ на слѣдующій годъ только десять прислали делегатовъ со всѣми необходимыми полномочіями. Это были: *Англія*, *Бельгія*, *Гаити*, *Германія*, *Испанія*, *Италія*, *Либерія*, *Тунисъ*, *Франція и Швейцарія*. Засѣданія открылись 6 Сентября 1886 года и кончились 9 Сентября подписаніемъ акта въ той формѣ, въ какой онъ былъ предложенъ въ 1885 году; впрочемъ, французская делегація представила еще «Проэктъ разъясненія нѣкоторыхъ недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть при толкованіи постановленій конвенціи». Однако этотъ проэктъ не былъ принятъ въ виду того, что представлялось слишкомъ много затрудненій для того, чтобы сообщить его всѣмъ заинтересованнымъ государствамъ.

227. — Для того, чтобы актъ вошелъ въ полную силу, необходимо было обмѣняться ратификаціями, для чего делегаты и собрались 5 Сентября 1887 года, опять таки, въ Бернѣ. Изъ числа десяти государствъ принимавшихъ участіе въ конференціи 1886 года, только Либерія не участвовала въ этомъ обмѣнѣ. Съ 5 Декабря 1887 года, такимъ образомъ, входилъ въ силу «*Международный Союзъ для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній*» («*Union internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques*».)

228.—Такимъ образомъ, въ сравнительно коротій срокъ, энергичными стараніями убѣжденныхъ людей былъ достигнутъ такой блестящій результатъ. Ибо нужно признать, что конвенція Союза «constitue un des actes internationaux les plus importants du siècle. Devant ce résultat inespéré ses promoteurs ravis et émus demandent s'il est bien vrai que l'ère du rêve soit déjà close». [32]) Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что результатъ учрежденія Союза несравненно ниже тѣхъ, которыхъ можно было бы ожидать отъ однообразной международной

[32]) см. Ed. Clunet, op. cit. p. 33.

кодификаціи авторскаго права,—всетаки, нельзя не отмѣтить того важнаго факта, что Союзъ окончательно провозглашалъ принципъ уравненія правъ авторовъ національныхъ и иностранныхъ [33]). Хотя этотъ принципъ и проводился раньше нѣкоторыми частными конвенціями — однако, важность конвенціи Бернской заключается въ томъ, что она, вмѣстѣ съ тѣмъ, представила точно опредѣленный minimum защиты, уничтожая этимъ дѣйствіе тѣхъ законовъ, которые еще не доразвились до такого minimum'а. Однообразіе и опредѣленность — таковы главные отличительные признаки данной конвенціи, которая, въ тоже время, не мѣшаетъ отдѣльнымъ контрагентамъ-государствамъ издавать законы болѣе либеральные, чѣмъ установленный minimum, или заключать таковыя же конвенціи. Бернская конвенція мѣшаетъ контрагентамъ только идти назадъ. Все это изложено въ ея статьѣ 15-ой: «Высокія договаривающіяся стороны сохраняютъ право заключать между собою частныя соглашенія, подъ однимъ только условіемъ, чтобы эти соглашенія гарантировали авторамъ и ихъ наслѣдникамъ права въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ настоящая конвенція, и, во всякомъ случаѣ, содержали постановленія не противорѣчащія постановленіямъ конвенціи Бернскаго Союза». Именно въ этомъ и нужно видѣть, по нашему мнѣнію, главную заслугу Конвенціи.

---

[33]) Кромѣ срока, см. § 233.

B. Анализъ Бернской Конвенціи 9 Сентября 1886 года.

229. — Переходя къ подробному разбору Бернской Конвенціи, мы должны, прежде всего, обратить вниманіе на ея названіе, ибо даже этотъ мелочной, повидимому, вопросъ можетъ выяснить намъ, на сколько затрудненій пришлось натолкнуться составителямъ конвенціи, и насколько добросовѣстно отнеслись они къ своей задачѣ. Дѣло въ томъ, что сначала было предложено назвать Союзъ—«Union pour la protection de la propriété littéraire et artistique» [34])—противъ чего рѣшительнымъ образомъ возстала германская делегація, которая объявила, что Германія не можетъ согласиться на такое названіе, ибо по мѣстнымъ законамъ она защищаетъ не литературную собственность, а авторское право (Urheberrecht). Въ свою очередь, французскія литературныя общества возстали противъ термина «droit d'auteur», несмотря даже на то, что подобное выраженіе было уже употреблено въ конвенціи Франція—Германія 1883 года. Для соглашенія всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, на конференціи 1885 года было рѣшено принять средній терминъ: «pour la protection des oeuvres...»— несмотря на то, что подобный терминъ не вполнѣ точенъ: конвенція защищаетъ не самыя произведенія, а права на оныя.

По отношенію къ содержанію конвенціи, первымъ и однимъ изъ самыхъ сложныхъ былъ вопросъ о *субъектѣ авторскаго права*. По этому вопросу, Бернская конвенція содержитъ слѣдующія постановленія:

«Статья 2. Авторы, принадлежащіе къ числу подданныхъ одного изъ государствъ Союза («ressortissants à l'un des pays de l'Union»), и ихъ наслѣдники пользуются защитой въ каждомъ изъ государствъ—наравнѣ съ авторами національными въ томъ случаѣ, если ихъ произведенія напечатаны въ предѣлахъ Союза, или еще вовсе не напечатаны....»

---

[34]) см. Soldan, статья въ Revue de droit, 1887 p. 401.

Вопросъ о томъ, кого считать субъектомъ авторскаго права подвергался нѣсколько разъ коренной переработкѣ. Обыкновенно принимается, что при рѣшеніи вопросовъ международнаго частнаго права—правоспособность индивидуума можетъ опредѣляться или его національностью, или мѣстомъ его постояннаго жительства. По проэкту Федеральнаго Совѣта (ст. 3) защищались интересы также тѣхъ «подданныхъ государствъ, не принадлежащихъ къ Союзу, которые имѣютъ постоянное мѣстожительство на территоріи одного изъ государствъ Союза». По проэкту 1883 года защищались всѣ произведенія «напечатанныя, изданныя или публично исполненныя на территоріи одного изъ государствъ Союза»—какова бы ни была національность автора (ст. 1). По обширности защиты этого положенія, — проэктъ 1883 приближался къ извѣстному декрету 28 Марта 1852 года, ибо онъ защищалъ *всѣ* произведенія, появившіяся въ какомъ-либо изъ государствъ, подписавшихъ конвенцію.

Противъ этого положенія, однако, возстали почти всѣ делегаціи (кромѣ, конечно, французской), указывая, что подобное распространеніе дѣйствія конвенціи почти совсѣмъ уничтожитъ какую бы то ни было надобность присоединенія къ Союзу государствъ, еще не входящихъ въ его составъ. Иностранные авторы—доказывали противники такой либеральной системы—будутъ въ состояніи, поселившись въ одномъ изъ договаривающихся государствъ, пользоваться всѣми преимуществами, которыя представляетъ Союзъ, тогда какъ издатели ихъ родины будутъ продолжать контрафакцію сочиненій авторовъ, принадлежащихъ къ Союзу. Авторы всѣхъ государствъ міра получатъ возможность пользоваться всѣми выгодами Союза, не терпя никакихъ ограниченій изъ числа тѣхъ, которыя накладывало бы на нихъ вступленіе въ число членовъ Союза.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, окончательно была принята вышеприведенная редакція второй статьи—редакція, совершенно исключающая вопросъ о мѣстожительствѣ. Союзъ охраняетъ интересы тѣхъ *авторовъ, которые принадлежатъ къ числу подданныхъ одного изъ государствъ, приступившихъ къ Союзу.*

*

230.—Впрочемъ, нѣсколько суровый смыслъ указанной статьи, въ значительный степени, смягчается постановленіями статьи 3-ей, гласящей:

«Статья 3. Настоящая конвенція имѣетъ примѣненіе, кромѣ случаевъ указанныхъ въ ст. 2-ой, еще къ тѣмъ литературнымъ и художественнымъ произведеніямъ, которыя будутъ напечатаны у издателей, живущихъ на территоріи Союза, хотя бы авторъ оныхъ и не былъ подданнымъ ни одного изъ членовъ Союза [35])».

Такого рода исключеніе въ пользу издателей имѣло въ виду двойную цѣль: 1) не дозволить иностраннымъ авторамъ пользоваться всѣми преимуществами Союза подъ единственнымъ, легко исполнимымъ условіемъ поселиться въ одномъ изъ союзныхъ государствъ; 2) поощрить мѣстныя книгоиздательства, такъ какъ авторы не-союзныхъ государствъ будутъ имѣть очевидную выгоду поручать изданіе своихъ трудовъ издателямъ союзныхъ государствъ, чтобы пользоваться, такимъ образомъ, довольно значительной защитой. Что же касается переселенія издателей въ союзныя государства in fraudem legis,—то этого нельзя было опасаться, ибо перемѣщеніе цѣлой фирмы есть, очевидно, черезчуръ сложное дѣло.

Общій терминъ «издатель» нужно понимать весьма широко,—такъ, какъ это было указано однимъ изъ французскихъ делегатовъ, г. Lavollée, который выразился, что «слово *издатель* должно быть понимаемо въ самомъ широкомъ своемъ смыслѣ, такъ чтобы подъ нимъ можно было подразумѣвать даже и театральнаго антрепренера». Это мнѣніе было подтверждено конгрессомъ 5 октября 1889 года въ третьей его резолюціи [36]).

Что касается издателей, то они, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 3-ьей, пользуются безусловно всѣми правами, принадлежащими авторамъ въ силу конвенціи; это явствуетъ изъ слѣдующаго положенія, находящаго въ отчетѣ коммиссіи: «издатели, о которыхъ говоритъ ст. 3, пользуются совершенно тою же защитою, какъ и авторы;...само собою разу-

[35]) Ср. конвенція Франція—Германія 1883 г. ст. 2;—Герм. законъ 11 іюня 1870, ст. 1-ая, см. § 79.

[36]) См. Droit d'auteur, 1889 p. 115.

мѣется, что наслѣдники издателей, въ подобныхъ случаяхъ, пользуются защитою на одинаковыхъ основаніяхъ съ издателями» [37]).

Въ тѣхъ же случаяхъ, которые предусмотрѣны ст. 3,—къ издателямъ не прилагается общее требованіе національности (что, конечно, вполнѣ понятно, въ виду соображеній, приведенныхъ нами выше). «Подданство издателя является вполнѣ несущественнымъ—нужно только, чтобы онъ имѣлъ на территоріи Союза постоянное издательское учрежденіе» [38]).

Вопросъ о національности также не имѣетъ значенія при обсужденіи правъ тѣхъ лицъ, которымъ законнымъ образомъ передано авторское право [39]). Очевидно, что національность необходима только для возникновенія права—разъ возникнувъ, оно можетъ переходить на кого угодно [40]).

Вообще, нужно отмѣтить, что ст. 3 очень искусно рѣшаетъ трудный вопросъ: какъ гарантировать иностраннымъ авторамъ (не-союзныхъ государствъ) нѣкоторую защиту, такимъ, однако, образомъ, чтобы эта защита не могла служить для тѣхъ государствъ, которые еще къ числу его членовъ не примкнули,—стимуломъ, побуждающимъ ихъ воздерживаться отъ вступленія въ Союзъ. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 3 гарантируетъ не-союзнымъ авторамъ значительную защиту, но, въ то же время, наноситъ книгоиздательской промышленности не-союзныхъ государствъ чувствительный ударъ, тѣмъ самымъ побуждая ихъ скорѣе вступать въ число членовъ Союза.

231.—Для того, чтобы пользоваться защитой Союза, авторъ не только долженъ удовлетворять требованію національности, но еще онъ долженъ издать свое сочиненіе въ одномъ изъ союзныхъ государствъ. Въ этомъ отношеніи проэктъ Федеральнаго Совѣта, опять таки, предлагалъ болѣе широкія условія—защиту произведеній, гдѣ бы оно ни было издано. Послѣдняя конференція отвергла это предложеніе. Въ виду

[37]) Actes de la conférence de 1885, p. 21.

[38]) ibid.

[39]) Срав. конвенціи: Франція—Германія 1883 г. ст. 8; Швейцарія—Франція 1882 г. ст. 8; Франція—Италія 1884 ст. 4.

[40]) Ср. Soldan, статья о конвенціи въ Revue de droit 1887, p. 405—которою мы, вообще, пользовались при составленіи настоящаго очерка.

этого, въ силу приведенной нами выше ст. 2, авторы національные пользуются въ предѣлахъ Союза защитой *сочиненій неизданныхъ* (*манускриптовъ*) *безусловно*; *а изданныхъ только въ томъ случаѣ, если изданіе имѣло мѣсто въ одномъ изъ государствъ Союза.*

232.—Та же статья 2-ая гласитъ дальше:

«Статья 2 (продолженіе)...Для того, чтобы пользоваться защитой своихъ правъ, авторъ долженъ исполнить тѣ формальности, которыя ему предписаны національнымъ закономъ...»

Въ данномъ отношеніи Бернская конвенція счастливымъ образомъ заканчиваетъ то, надъ чѣмъ много поработали составители всѣхъ частныхъ конвенцій. Въ самомъ дѣлѣ, большинство этихъ послѣднихъ требовало отъ автора исполненія извѣстныхъ формальностей почти во всякомъ государствѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ пользоваться защитой, формальностей почти такихъ же, какія нужны были для мѣстныхъ изданій. Подобное требованіе приводило къ большимъ затрудненіямъ. По перечисленію Fliniaux [41]), французскому автору для того, чтобы пользоваться всѣми тѣми правами, которыя представляли ему международныя литературныя конвенціи, заключенныя Франціей,—приходилось исполнить, еще не такъ давно [42]), слѣдующія формальности въ различныхъ государствахъ:

1) *Внести свое сочиненіе въ спеціальные регистры* не позже какъ *черезъ 3 мѣсяца* послѣ появленія сочиненія въ свѣтъ—въ 5 государствахъ (Германія, Австрія, Португалія, Швейцарія, Греція).

2) *Внести свое сочиненіе въ регистръ* (безъ ограниченія въ срокѣ)—въ 3 государствахъ (Швеція, Данія, Норвегія).

3) *Получить свидѣтельство* отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ—для 4 государствъ (Бельгія, Италія, Россія и Нидерланды);

4) *Представить* въ Лондонскую библіотеку одинъ экземпляръ не позже трехъ мѣсяцевъ послѣ выхода сочиненія въ свѣтъ.

---

41) Revue générale, v. III p. 40—41.

42) Въ концѣ 70-хъ годовъ. Ко времени подписанія Бернской конвенціи нѣкоторыя изъ перечисленныхъ формальностей были уже—какъ мы видѣли выше — уничтожены, но значительное ихъ количество все еще требовалось отъ авторовъ.

5) Въ тотъ же срокъ *представить два экземпляра* въ Мадридскую библіотеку.

Очевидно, что подобная сложная процедура была и затруднительна, и дорога, и, въ концѣ концовъ, «aboutissait à retirer d'une main aux auteurs ce qu'on leur accordait de l'autre» [43]). Къ тому же, 3-хъ мѣсячный срокъ былъ черезчуръ коротокъ, такъ какъ въ подобный промежутокъ времени, обыкновенно, еще не выясняется значеніе сочиненія. Очень рѣдко можно сказать черезъ три мѣсяца послѣ изданія — будетъ ли имѣть данное сочиненіе успѣхъ заграницей—а, слѣдовательно, рѣдко можно опредѣлить въ этотъ срокъ, стоитъ ли хлопотать исполненіемъ всѣхъ этихъ формальностей. Наконецъ, «могутъ были случаи забывчивости; пути сообщенія могутъ быть не всегда исправны и т. д.» [44]).

По этому поводу, г. Droz выразился на конференціи 1888 г. слѣдующимъ образомъ: «Намъ нужно рѣшить еще вопросъ о формальностяхъ, испо́лненіе которыхъ будетъ необходимо для обезпеченія защиты авторскаго права. Писатели и художники требуютъ установленія, по этому вопросу наивозможно простыхъ правилъ. Если авторы, принадлежащіе къ числу подданныхъ такой страны, которая заключила двадцать пять литературныхъ конвенцій, будутъ принуждены исполнять двадцать пять разъ всю длинную процедуру внесенія въ регистръ и представленія экземпляровъ въ различныя учрежденія—многіе изъ нихъ, вѣроятно, предпочтутъ лучше отказаться отъ защиты, чѣмъ тратить время и деньги на сложныя формальности. Къ тому же, эти послѣднія совершенно ненужны, ибо человѣкъ, признанный правоспособнымъ въ одномъ государствѣ—долженъ быть признанъ таковымъ и въ другихъ» [45]).

Конференція приняла подобное предложеніе своего предсѣдателя единогласно, и всѣ затрудненія были уничтожены второю статьею Бернской Конвенціи. Автору Союзнаго государства не нужно болѣе руководиться законами чуть не де-

---

[43]) Soldan, op. cit. p. 407.

[44]) Renault—Journal Clunet, 1878 p. 468.

[45]) Protocoles des conférences de 1884, p. 21.

сятка государствъ: исполнивъ формальности, требуемыя закономъ мѣстнымъ, онъ пріобрѣтаетъ всѣ права въ остальныхъ государствахъ Союза, хотя бы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нужно было бы, по мѣстнымъ законамъ, исполнить формальности болѣе сложныя [46]).

Такъ, напримѣръ, бельгійскій законъ не требуетъ исполненія никакихъ формальностей. Поэтому, изданія бельгійскихъ авторовъ будутъ защищаемы даже въ Англіи, гдѣ отъ національныхъ авторовъ требуется внесеніе сочиненія въ регистръ. Принципъ locus regit actum самымъ послѣдовательнымъ образомъ проводится въ этомъ вопросѣ.

232.—Но какимъ образомъ иностранный судъ можетъ удостовѣриться, что всѣ требуемыя формальности, дѣйствительно, исполнены авторомъ? Но это отвѣчаетъ статья 11.

«Статья 11. Авторъ сочиненія, подлежащаго защитѣ на основаніи постановленій настоящей Конвенціи, считается таковымъ, если не доказано противное, и поэтому можетъ вчинать иски о контрафакціи передъ судами всѣхъ государствъ Союза—если на книгѣ обычнымъ способомъ указано его имя....

«Впрочемъ, судамъ оставляется право требовать — если они признаютъ то необходимымъ—представленія особаго свидѣтельства отъ компетентнаго учрежденія въ удостовѣреніе того, что формальности, требуемыя статьею 2-ю были исполнены надлежащимъ образомъ».

Приведенная статья составляетъ естественное дополненіе статьи 2. Послѣдняя указываетъ на тѣ внѣшніе формальности и внутреннія условія, безъ которыхъ не возможна защита авторскаго права; статья же 11-ая указываетъ на тѣ немногосложныя условія, исполненіе которыхъ необходимо при вчинаніи иска заграницей. Изъ протоколовъ конференціи 1885 года видно, что первый абзацъ этой статьи прилагается и къ издателямъ, въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ статьею 3-ьею.

Въ заключеніе этого краткаго обзора формальностей, требуемыхъ отъ авторовъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о такъ называемой «cautio judicatum solvi». По точному смыслу ст. 2, иностранные авторы пользуются тѣми же правами,

[46]) Ср. Droit d'auteur, 1889—p. 26, 27; 1891—p. 59; 1892—p. 53; 1893—p. 26.

что и національные. Между тѣмъ, судъ въ Гандѣ заставилъ еще недавно французскихъ истцовъ уплатить 1500 франковъ, какъ cautio judicatum solvi въ извѣстномъ дѣлѣ противъ Королевскаго Общества Меломановъ [47]).

Вопросъ объ этомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно подробно разобранъ бельгійскимъ юристомъ Louis Cattreux въ его обширной статьѣ, помѣщенной въ Droit d'auteur (1889 года, №№ 6—8). Разсмотрѣвъ большинство конвенцій, такъ же какъ и конвенцію Союза, Cattreux пришелъ къ заключенію, что «уничтоженіе cautio judicatum solvi представляется весьма желательнымъ во всѣхъ гражданскихъ искахъ—въ особенности же, въ дѣлахъ о нарушеніи правъ авторскихъ» [48]). Такое мнѣніе намъ кажется вполнѣ справедливымъ, ибо условіе представлять залогъ, очевидно, уничтожаетъ въ значительной степени ту равноправность, которой все время добивается Бернская Конвенція. Разъ съ иностраннаго автора требуютъ особаго обезпеченія (которое Cattreux называетъ «cette marque de haine et de défaveur qui pèse sur l'étranger»)—конечно, авторъ не пользуется всѣми тѣми правами, которыми пользуется авторъ національный, вчинающій искъ безъ какого бы то ни было обезпеченія.

Второй парижскій конгрессъ высказался именно въ этомъ смыслѣ, такъ какъ второе его «voeu» гласитъ:

«II. Желательно, чтобы въ процессахъ о контрафакціи, вчинаемыхъ на основаніи постановленій Бернской Конвенціи, cautio judicatum solvi было уничтожено»...[49]).

233.—Относительно продолжительности защиты авторскаго права, Бернская Конвенція содержитъ слѣдующее постановленіе:

«Статья 2. (продолженіе)... Авторское право подлежитъ въ иностранныхъ государствахъ защитѣ не дальше какъ на тотъ срокъ, который установленъ національнымъ закономъ автора».

---

[47]) Droit d'auteur, 1888 p. 46.

[48]) ibid. p. 73.

[49]) Ср. постановленія послѣдняго конгресса въ Миланѣ 1892 г. Voeu X, § 1.

Вопросъ о томъ срокѣ, на который должна продолжаться защита, представлялъ наибольшее количество затрудненій для международнаго соглашенія, ибо, какъ мы увидимъ ниже (см. §§ 297 — 313), — отдѣльныя законодательства различаются больше всего именно по этому вопросу.

Германская делегація въ засѣданіи 17 сентября 1884 г. (см. Bulletin de l'Association) предлагала рѣшить данный вопросъ тѣмъ способомъ, который казался наиболѣе простымъ: установленіемъ одинаковаго срока защиты для всѣхъ иностранцевъ. Но предложеніе это было отвергнуто, ибо проведеніе его на практикѣ могло встрѣтить слишкомъ сильный протестъ со стороны нѣкоторыхъ государствъ.

Въ виду этого, отвергнувъ установленіе одинаковаго срока, члены конференціи остановились на слѣдующей системѣ. По предварительному проэкту предполагалось провести территоріальный принципъ во всей его полнотѣ даже по отношенію къ сроку. По этой системѣ, французскій авторъ пользовался бы защитой въ Германіи на двадцать лѣтъ менѣе, а въ Испаніи—на тридцать лѣтъ болѣе, чѣмъ на родинѣ. Такое проведеніе принципа территоріальности намъ кажется наиболѣе правильною системою, ибо иностранный авторъ долженъ пользоваться всѣми выгодами уравненія его правъ съ правами авторовъ національныхъ, разъ этотъ иностранный авторъ долженъ терпѣть и всѣ невыгоды, вытекающія изъ такого сравненія. Въ высшей степени несправедливо и противно основной идеѣ Союза—*оставлять иностраннымъ авторамъ только неудобства отъ уравненія ихъ правъ*, лишая тѣхъ преимуществъ, которыя они могли бы изъ такого уравненія извлечь.

Но члены конференціи, почему то, сочли неудобнымъ придержаться территоріальной системы во всей ея полнотѣ, на томъ основаніи, что «невозможно, чтобы права автора защищались отъ воспроизведенія въ чуждой ему странѣ въ то время, когда его сочиненіе составитъ уже общественное достояніе на родинѣ». На основаніи этого, предложеніе предварительнаго проэкта принято не было, и ст. 2-ая была редактирована въ томъ видѣ, какъ мы ее привели выше.

Французскіе авторы пользуются на родинѣ защитой въ теченіе 50 лѣтъ; Германія защищаетъ Urheberrreht только 30 лѣтъ. Бернская конвенція уравниваетъ права германскихъ авторовъ во Франціи съ таковыми же правами авторовъ французскихъ. Намъ кажется, что подобное уравненіе должно служить къ выгодѣ, а не къ ущербу германскихъ авторовъ; между тѣмъ, Бернская конвенція прямо опредѣляетъ, что это уравленіе будетъ проведено не полномъ своемъ размѣрѣ, а только въ такой степени, насколько она соотвѣтствуетъ состоянію германскаго законодательства. Практическое значеніе подобнаго «ограниченнаго уравненія» совершенно ускользаетъ отъ насъ. Не думаемъ также, чтобы оно могло быть оправдано соображеніями теоретическими. Французскій авторъ отъ проведенія территоріальной системы теряетъ въ Германіи 20 лѣтъ защиты; но, по той же самой системѣ, онъ можетъ получить въ Испаніи 30 лишнихъ лѣтъ защиты; не справедливо ли вознаградить его за первое неудобство вторымъ увеличеніемъ правъ? Не справедливо ли это—въ особенности, потому, что это увеличеніе вытекаетъ изъ той же самой системы? Бернская же конвенція проводитъ свою систему только до тѣхъ поръ, *пока она невыгодна для авторовъ*;—какъ только эта же система могла бы быть для нихъ выгодной, — конвенція оставляетъ ее и переходитъ къ другой системѣ (неизвѣстно, какой). Мы думаетъ, что Бернской конвенціи не мѣшало бы оставить такое опредѣленіе срока защиты [50]), несмотря на то, что оно очень сильно укоренилось въ частныхъ литературныхъ конвенціяхъ (см. выше, § 133).

234.—Нѣкоторыя затрудненія могутъ возникнуть при примѣненіи ст. второй къ законодательству Италіи. Ниже мы увидимъ, что итальянское законодательство признало смѣшанный срокъ защиты (вторыя 40 лѣтъ—система «domaine public payant», подробно см. § 313). Другими словами, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ перваго изданія сочиненія, авторъ или его наслѣд-

[50]) Мы не имѣли возможности получить во время резолюціи Миланскаго конгресса—и, потому, не могли принять ихъ въ соображеніе. Теперь не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить, насколько voeux этого конгресса совпадаютъ съ тѣми замѣчаніями, которыя мы позволимъ себѣ сдѣлать о нѣкоторыхъ несовершенствахъ Бернской конвенціи. Такъ, напр., интересно сравнить настоящее мѣсто съ voeu I этого конгресса. Ср. дальнѣйшія замѣчанія.

ники не имѣютъ права запретить воспроизведеніе сочиненія, сохраняя только право получать съ каждаго экземпляра по 5% съ назначенной цѣны. Предположимъ, что французскій авторъ умеръ тотчасъ послѣ изданія соего сочиненія. Сорокъ лѣтъ наслѣдники его пользуются въ Италіи исключительнымъ правомъ воспроизведенія. Но затѣмъ остальныя 10 лѣтъ они будутъ пользоваться, согласно мѣстному закону, только ограниченнымъ правомъ, выясненнымъ выше. Имѣютъ ли право эти французскіе наслѣдники требовать продолженія защиты своего права по системѣ domaine public payant послѣ истеченія этихъ 10 лѣтъ, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что послѣднія десять лѣтъ они пользовались въ Италіи правомъ воспроизведенія не въ той полнотѣ, какъ во Франціи?—Намъ кажется, что *нѣтъ*, съ точки зрѣнія, конечно, Бернской Конвенціи, разъ она, вообще, установила ограниченіе продолжительности авторскаго права въ видѣ срока, установляемаго національнымъ закономъ. Наслѣдники въ вышеприведенномъ случаѣ не могутъ ничего требовать по истеченіи 50 лѣтъ, ибо, какъ мы указали выше, Бернская Конвенція не обращаетъ вниманія на тѣ неудобства, которыя вытекаютъ для авторовъ изъ ограниченнаго примѣненія территоріальной системы.

235.—Та же статья 2-ая въ концѣ своемъ гласитъ:

«Статья 2.... Считается мѣстомъ изданія сочиненія та страна, гдѣ оно было впервые напечатано, или, если сочиненіе было одновременно издано въ нѣсколькихъ государствахъ Союза—то изъ нихъ, которое гарантируетъ наименьшую защиту.

«Для сочиненій ненапечатанныхъ мѣстомъ изданія считается то государство, къ которому принадлежитъ авторъ».

Нельзя не отмѣтить, что Бернская конвенція чрезвычайно удачно формулировала, какую страну Союза нужно считать за pays d'origine даннаго сочиненія. Очевидно, что очень часто (для лица, имѣющаго въ рукахъ экземпляръ сочиненія) довольно затруднительно опредѣлить національность автора, не говоря уже о случаяхъ національности двойственной. Всякій, желающій перепечатать книгу, долженъ былъ бы производить чуть ли не генеалогическія изслѣдованія, для того чтобы опредѣлить, къ

какой національности принадлежалъ авторъ въ тотъ моментъ, когда онъ (можетъ быть, 30—40 лѣтъ тому назадъ) издавалъ данное произведеніе. Что же касается мѣста изданія,—то оно всегда отмѣчается на всякомъ экземплярѣ.

Поставленіе относительно того, что въ случаѣ изданія одновременно въ нѣсколькихъ странахъ Союза, авторъ пользуется защитой *наименѣе короткой*—логически вытекаетъ изъ указаннаго нами выше принципа [51]), принятаго Бернской Конвенціей, и, въ тоже время, показываетъ несостоятельность этого принципа: почему права французскаго автора уменьшатся отъ того, что онъ издаетъ одновременное изданіе въ Германіи? [52])

Конвенція употребляетъ выраженіе «въ нѣсколькихъ государствахъ Союза», т. е. она не предусматриваетъ того случая, когда авторъ, по національности подлежащій защитѣ Союза, издаетъ одновременно свое сочиненіе въ такихъ государствахъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ къ Союзу, а другія — нѣтъ. Soldan [52]) предлагаетъ три рѣшенія этого вопроса:

1) *полное лишеніе* какой-либо защиты;

2) защита соотвѣтственно наименѣе выгодному законодательству *тѣхъ государствъ Союза*, въ которыхъ издано сочиненіе;

3) защита соотвѣтственно *наименѣе выгодному законодательству — вообще* (т. е принимая во вниманіе и не-союзныя государства, въ которыхъ издано сочиненіе),

— и самъ склоняется на рѣшеніе третье.

Намъ кажется наиболѣе справедливымъ третье рѣшеніе: ибо рѣшеніе первое противорѣчило бы ст. 2 Конвенціи, согласно которой подданный одного изъ государствъ Союза имѣетъ право на защиту своего сочиненія, изданнаго въ одномъ изъ этихъ государствъ. Рѣшеніе же второе противорѣчило бы принципу принятому Конвенціей (см. примѣчаніе 51). Впрочемъ, нужно замѣтить, что если-бы Бернская Конвенція подразумѣвала рѣшеніе третье — она не употребила бы такого узкаго, и, въ данномъ случаѣ, ненужнаго термина, какъ «въ нѣсколькихъ государствахъ Союза».

---

[51]) «Сочиненіе нигдѣ не можетъ пользоваться большей защитой, чѣмъ на родинѣ», принципъ наименѣе выгоднаго закона.

[52]) Ср. Congrès de Milan 1892 г., voeu I.

236. — Затѣмъ, Бернская Конвенція слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ понятіе *объекта авторскаго права*:

«Статья 4. Выраженіе «литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія» обнимаетъ: книги, всякаго рода печатныя изданія и манускрипты; произведенія драматическія и драматическо-музыкальныя; рисунки, картины, статуи, гравюры; литографіи, планы, чертежи и пластическія произведенія, относящіяся до архитектуры, географіи, топографіи и другихъ наукъ; вообще, всякія произведенія изъ области литературы, науки или искусства, которыя могутъ быть изданы въ свѣтъ какимъ бы то ни было способомъ печатанія или воспроизведенія». [54])

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, почему Конвенція, послѣ подробнаго перечисленія всѣхъ тѣхъ произведеній, которыя пользуются защитой Союза — употребляетъ еще болѣе общее выраженіе, исключающее, повидимому, необходимость всего предъидущаго. Въ самомъ дѣлѣ, терминъ «всякія произведенія изъ области литературы, науки или искусства» — очевидно, заключаетъ въ себѣ понятія: «литературныя произведенія, — рисунки, — картины, — планы, — чертежи» и т. д.

Намъ кажется, что подобная редакція имѣетъ въ разбираемомъ случаѣ спеціальный смыслъ [55]). Не нужно забывать, что Бернская Конвенція гарантируетъ minimum защиты — не мѣшая, въ то же время, отдѣльнымъ государствамъ распространять защиту до неопредѣленныхъ границъ. Въ статьѣ 4 нужно различать двѣ части [56]). Первая заключаетъ перечисленіе; вторая — общее выраженіе «всякое произведеніе...». Первая часть перечисляетъ тѣ произведенія, которыя во всѣхъ государствахъ Союза пользуются *безусловной защитой* — такъ что эта первая часть формулируетъ вышеуказанный minimum. Но кромѣ перечисленныхъ произведеній, существуютъ еще многія, которыя по законодательствамъ нѣкоторыхъ странъ считаются за объектъ авторскаго права; сюда нужно отнести, напримѣръ, фотографіи или произведенія архитектуры (по-

[54]) «Иллюстраціи» и «пластическія произведенія...» вставлены по просьбѣ германской делегаціи.

[55]) Ср. § 171.

[56]) Ср. Darras, op. cit. p. 536.

стройки). Послѣднія пользуются защитой далеко не во всѣхъ государствахъ Союза (см. § 395). Согласно второй части статьи 4 — эти произведенія будутъ защищаться въ тѣхъ государствахъ, которыя ихъ признаютъ за «произведенія искусства».

Вотъ примѣръ, приводимый по этому поводу Darras'омъ [57]): «Архитектурные планы спеціально указаны въ приведенномъ перечисленіи; во всякомъ, слѣдовательно, государствѣ Союза тотъ, кто воспользуется ими безъ позволенія автора, можетъ быть привлеченъ къ установленой отвѣтственности. Въ то же время, нѣкоторыя законодательства гарантируютъ архитекторамъ еще и право воспроизведенія самыхъ построекъ [58]); Бернская конвенція ничего объ этомъ правѣ не говоритъ; слѣдовательно, такое право иностранныхъ архитекторовъ будетъ защищаться только въ тѣхъ государствахъ, которыя признаютъ его для архитекторовъ національныхъ».

237. — Французская делегація предлагала включить въ приведенное перечисленіе *фотографіи*. Но это оказалось невозможнымъ въ виду того, что Германія не признаетъ фотографіи за произведенія искусства, и если защищаетъ ихъ,—то только въ качествѣ произведеній промышленныхъ (см. законъ 10 Января 1876 года, §§ 123—129). Впрочемъ, члены конференціи признали возможнымъ внести въ заключительный протоколъ слѣдующую статью.

«Статья 1. (Protocole de clôture). По отношенію къ статьѣ 4-ой рѣшено, что въ тѣхъ изъ государствъ, принадлежащихъ къ Союзу, которыя считаютъ фотографію за художественныя произведенія,— фотографическіе оттиски будутъ пользоваться со дня входа въ силу настоящей конвенціи,—защитою въ границахъ, ею указанныхъ. Впрочемъ, всякому государству предоставляется, въ дѣлѣ защиты фотографій, сообразовываться со своимъ законодательствомъ и частными конвенціями, этимъ государствомъ заключенными.

«Однако, дозволенныя авторомъ фотографіи художественнаго произведенія, пользующагося защитой на общихъ основаніяхъ,—

---

[57]) ibid.

[58]) Т. е. запрещается безъ дозволенія архитектора срисовывать выведенное имъ зданіе, или строить зданіе, подражая планамъ другого архитектора.

будутъ защищаться отъ воспроизведенія такъ же долго, какъ и изображаемыя ими художественныя произведенія.»

Эта статья заключительнаго протокола можетъ быть раздѣлена на двѣ части: второй абзацъ говоритъ о защитѣ тѣхъ фотографій, которыя представляютъ дозволенную авторомъ копію такого произведенія искусствъ, на которое онъ еще имѣетъ авторское право. Очевидно, что подобное замѣчаніе совершенно излишне. Даже Droz выражался о немъ, какъ о «superflue» [59]). Разъ запрещается *всякое произведеніе*, запрещаетъ и *воспроизведеніе посредствомъ фотографіи* [60]). Наконецъ, приведенный второй абзацъ не имѣетъ никакого отношенія къ авторскому праву на фотографіи, ибо запрещая воспроизведеніе *подобныхъ* фотографій, законъ защищаетъ не самыя фотографіи, а авторское право того, кто издалъ или произвелъ на свѣтъ фотографируемый оригиналъ.

Что же касается до перваго абзаца, то онъ рѣшаетъ чрезвычайно просто одинъ изъ сложныхъ вопросовъ, санкціонируя нѣчто въ родѣ съуженнаго Союза, внутри котораго *защищаются и фотографіи*. Что же касается до тѣхъ государствъ, которыя фотографіи за художественное произведеніе не признаютъ — то въ такихъ государствахъ свободно могутъ быть перепечатываемы фотографіи, изданныя въ государствахъ, даже принадлежащихъ къ Союзу [61]).

Такимъ образомъ, англійскія фотографіи будутъ защищаться во Франціи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока французскіе суды будутъ придерживаться прежней точки зрѣнія на фотографіи. Но срокъ защиты будетъ только 7 лѣтъ, ибо, какъ извѣстно, всякая защита не можетъ превышать той защиты, которою произведеніе пользуется въ той странѣ, гдѣ то было издано. Въ свою очередь, французскія фотографіи въ Англіи будутъ пользоваться защитой также только семилѣтней, наравнѣ съ національными фотографами.

---

[59]) Journal Clunet, 1885 p. 489.

[60]) а, слѣдовательно, и воспроизведеніе посредствомъ фотографіи *копій* даннаго произведенія.

[61]) См. Soldan, op. cit. p. 455.—Journal Clunet, 1884—p. 450; 1885—p. 68; 1886—p. 489; 1887—p. 51 и мн. др.

238.—Чрезвычайно важный вопросъ о *переводахъ* рѣшается Конвенціей слѣдующимъ образомъ:

«Статья 5. Авторы, принадлежащіе къ числу подданныхъ одного изъ государствъ Союза, и ихъ правопріемники пользуются въ другихъ государствахъ Союза въ теченіе 10 лѣтъ со дня выхода сочиненія въ свѣтъ исключительнымъ правомъ дѣлать и дозволять переводы своихъ произведеній.

«Для сочиненій, издаваемыхъ выпусками, указанный срокъ исчисляется со дня выхода въ свѣтъ послѣдняго выпуска оригинала.

«Для сочиненій, издаваемыхъ отдѣльными томами (съ нѣкоторыми промежутками во времени), а также для сборниковъ и періодическихъ изданій, издаваемыхъ учеными и литературными обществами или частными лицами — всякій такой томъ или номеръ журнала будетъ считаться, при исчисленіи вышеуказанныхъ 10 лѣтъ,—за самостоятельное изданіе.

«Во всѣхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ настоящею статьею, днемъ изданія сочиненія считается 31-ое Декабря того года, когда сочиненіе вышло въ свѣтъ».

Вопросъ о переводахъ — одинъ изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ въ международной защитѣ авторскаго права: очевидно, что англійскія сочиненія въ Италіи чрезвычайно рѣдко будутъ перепечатываться въ подлинникѣ; главная же контрафакція всегда будетъ происходить въ видѣ переводовъ. Впрочемъ, мы еще вернемся подробнѣе къ этому вопросу во второй части (см. §§ 331—348). Тамъ же мы увидимъ, что этотъ вопросъ — одинъ изъ пунктовъ наибольшаго различія современныхъ законодательствъ. Не мудрено, поэтому, что вопросъ о переводахъ возбудилъ наиболѣе продолжительныя и упорныя пренія на засѣданіяхъ конференцій. По проекту 1883 года предполагалась полная ассимиляція правъ исключительнаго воспроизведенія и исключительнаго перевода, т. е. предполагалось защитить авторовъ на одинаковый срокъ отъ воспроизведенія ихъ сочиненій какъ въ оригиналѣ, такъ и въ переводахъ (См. проектъ Литературнаго Общества, § 5). Та же система была принята и Федеральнымъ Совѣтомъ, который, однако, не скрывалъ опасеній, что большинство государствъ на такую защиту не согласится. Предсказаніе это оказалось вѣрнымъ. На конференціи 1884 года, несмотря на

то, что французская делегація заявляла, что «право исключительнаго перевода составляетъ нераздѣльную часть права воспроизведенія вообще» — несмотря на всѣ старанія французской делегаціи, большинство присутствовавшихъ высказалось за ограниченіе права исключительнаго перевода. Поэтому, срокомъ защиты такого права было назначено 10 лѣтъ, съ условіемъ издать переводъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ.

Французская делегація сдѣлала по этому поводу слѣдующее заявленіе: «...французская делегація соглашается принять одобренную большинствомъ членовъ конгресса редакцію постановленія о правѣ перевода — только *какъ minimum защиты*, выговаривая своему правительству право не согласиться на такое постановленіе [62])».

239. — Противъ приведеннаго постановленія возсталъ, въ особенности, Синдикатъ французскихъ литературныхъ и артистическихъ обществъ. Синдикатъ указывалъ [63]), что Конвенція Бернскаго Союза дѣлаетъ чувствительный шагъ назадъ, защищая право перевода только на десять лѣтъ и только при условіи изданія перевода не позже 3 лѣтъ, гарантируя право исключительнаго перевода только на тѣ языки, на которые авторъ издалъ свои переводы *въ первые три года*.

Вообще, подобная защита, противная французскому законодательству, все время вызывала протестъ французской делегаціи. Въ особенности же, возставала она противъ установленія срока обязательнаго изданія перевода. Въ виду ея повторенныхъ заявленій, конференція 1885 года признала возможнымъ внести въ текстъ Бернской конвенціи постановленіе о десятилѣтней защитѣ права перевода, *но безъ обязательства издать переводъ въ теченіе первыхъ 3-хъ лѣтъ*.

240. — Способъ, которымъ Бернская конвенція рѣшаетъ вопросъ о переводахъ, замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ составляетъ первую попытку международной кодификаціи авторскаго права. Въ самомъ дѣлѣ,—всѣ остальные вопросы рѣшаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по территоріаль-

62) J. Clunet 1885, p. 63.
63) J. Clunet 1885, p. 61—63.

нымъ законамъ—только относительно переводовъ авторы пользуются однообразной защитой во всѣхъ государствахъ Союза. Въ Англіи, Швейцаріи, Франціи—вездѣ иностранный авторъ имѣетъ въ теченіе 10 лѣтъ право исключительнаго перевода безъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ ограниченій. Soldan по поводу этого отсутствія дальнѣйшихъ ограниченій (напримѣръ, изданіе перевода въ опредѣленный срокъ) говоритъ слѣдующее:

«Проектъ 1884 года еще находился подъ вліяніемъ устарѣлыхъ идей, требуя, напримѣръ, чтобы авторъ, желающій сохранить право исключительнаго перевода на гарантированныя ему конвенціей 10 лѣтъ (см. ст. 6),—издалъ бы свой переводъ полностью въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ со дня появленія въ свѣтъ оригинала. Этотъ «маленькій срокъ», какъ его называютъ, представляетъ такое количество неудобствъ, что онъ дѣлаетъ почти невозможнымъ пользоваться на практикѣ гарантированнымъ авторамъ правомъ исключительнаго перевода» [64]). Доказательствомъ того, что трехъ-лѣтній срокъ долженъ быть уничтоженъ, Soldan приводитъ только одно: «для того чтобы слава книги проникла въ страну, говорящую другимъ языкомъ—нужно не мало времени; но еще больше времени нужно употребить на то, чтобы найти хорошаго переводчика, сдѣлать самый переводъ и издать его — въ особенности если дѣло идетъ о серьозномъ сочиненіи, распространяющемся медленно и медленно составляющемъ свою репутацію» [65]).

Мы не можемъ согласиться съ подобнымъ взлядомъ на дѣло, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Soldan въ вышеуказанной цитатѣ предполагаетъ какое-то средневѣковое общество безъ жизни и путей сообщенія. Намъ кажется, что уже давно отошли въ область исторіи тѣ времена, когда репутація книги составлялась годами. При современныхъ способахъ сношеній и современномъ развитіи прессы, книга, сколько-нибудь замѣчательная, не можетъ остаться незамѣченною и, слѣдовательно, не оцѣненною по достоинству. Могутъ быть

64) Op. cit. p. 419—420.
65) ibid.

ошибки—конечно, но очень рѣдко, именно въ виду развитія прессы, дозволяющей свободный обмѣнъ мыслей. Наконецъ, трудно было бы предположить, чтобы авторъ, обыкновенно опережающій толпу, *самъ* не видѣлъ бы значенія своей книги. Мы не возражаемъ противъ того, что срокъ 3 года, можетъ быть, слишкомъ коротокъ въ виду спеціальныхъ условій книгоиздательской техники, съ которою мы не знакомы. Но Soldan, требуя—совершенно справедливо—распространенія права исключительнаго перевода на тотъ же срокъ, какъ и право воспроизведенія [66]), желаетъ уничтожить *всякій ограничительный срокъ изданія перевода*. И вотъ съ этимъ-то принципіальнымъ возраженіемъ мы и не можемъ согласиться. Конечно, вполнѣ справедливо обезпечить автору вознагражденіе — но нельзя упускать изъ виду и интересы публики. Не нужно предполагать, что авторъ будетъ мѣшать появленію всякаго перевода. Нѣтъ. Но могутъ быть такія стеченія обстоятельствъ, когда самому автору, не смотря на все его желаніе, никакъ не будетъ удаваться издать свой переводъ (подробнѣе объ этомъ вопросѣ см. § 338), — а между тѣмъ, онъ будетъ затруднять появленія другихъ, ибо онъ самъ «приготовляетъ» переводъ. Но это понятіе «приготовленія» — очень и очень обширно. Черезчуръ обширно — скажемъ мы. Нужно не имѣть никакого понятія о повседневной жизни, чтобы думать, что авторы будутъ торопиться изданіемъ переводовъ. Издать оригиналъ—вопросъ самолюбія и денегъ; издать переводъ—вопросъ только денежный и, притомъ, вопросъ ограниченнаго денежнаго интереса. Не трудно, себѣ представить, поэтому, насколько несправедливо было бы по отношенію иногда къ цѣлой иностранной странѣ, — отдать «приготовленіе перевода» на произволъ одного человѣка, которому сегодня могутъ помѣшать вопросы семейные, завтра—приготовленіе новыхъ оригиналовъ, послѣ завтра — вопросы денежные и т. д. до безконечности. Кто можетъ сказать, на сколько времени растянется «приготовле-

---

[66]) Ср. со статьею Huard'a въ Droit d'auteur, 1893 г. p. 81—о задачахъ будущаго Парижскаго конгресса и о тѣхъ исправленіяхъ Бернской конвенціи, которыя должны быть имъ внесены («необходимо уравнять права исключительнаго воспроизведенія и исключительнаго перевода»).

ніе перевода», если къ переводу еще присоединится желаніе издать его не въ буквальномъ видѣ, а съ новыми дополненіями, измѣненіями и поправками, если авторъ будетъ ждать отзывовъ прессы той страны, куда предназначается переводъ, и т. д. Все это будетъ лишено всякаго злого умысла, все это будетъ только «приготовленіе перевода»,—а между тѣмъ цѣлыя страны будутъ лишены тѣхъ переводовъ, въ которыхъ онѣ могутъ нуждаться самымъ настоятельнымъ образомъ.

При обсужденіи вопроса о переводахъ нужно взять исходной точкой слѣдующій взглядъ: въ тотъ періодъ, когда авторъ пишетъ оригиналъ, его никто не можетъ замѣнить—такъ что публика по небходимости должна терпѣливо ждать появленія оригинала; при составленіи же перевода, автора всегда можно замѣнить другими лицами.

Интеллектуальное право автора требуетъ установленія права исключительнаго перевода на тотъ же срокъ, какъ и право исключительнаго воспроизведенія. Но разъ авторъ не воспользовался такимъ правомъ въ опредѣленный, достаточно длинный срокъ—онъ долженъ быть лишенъ возможности запрещать удовлетвореніе справедливыхъ потребностей иностранной публики.

Итакъ мы считаемъ необходимымъ установленіе ограничительнаго срока появленія перевода: ниже мы разсмотримъ (см. § 338) какъ, приблизительно, великъ долженъ онъ быть; теперь же укажемъ, что полное отсутствіе его можетъ имѣть послѣдствія весьма не желательныя.

241.—Остальныя постановленія статьи 5 вполнѣ ясны и не требуютъ особыхъ разъясненій. Очень удачнымъ нужно признать постановленіе четвертаго абзаца, значительно упрощающаго дѣла.

Относительно второго и третьяго абзацевъ нужно отмѣтить, что опредѣленіе термина «выпускъ», имѣющее большую важность для интерпретаціи статьи 5, весьма неясно даже въ отчетѣ, представленномъ коммиссіею. Въ этомъ отчетѣ, коммиссія рѣшила, что «терминъ *выпускъ* указываетъ на часть сочиненія, издаваемаго послѣдовательно выходящими томиками (fascicules), часть, не составляющую отдѣльнаго изданія, но

настолько неразрывно связанную съ цѣлымъ (послѣдовательностью нумераціи страницъ, типографскою внѣшностью и т. д.) что, напримѣръ, отсутствіе одного такого выпуска сдѣлало бы все изданіе неполнымъ и разрозненнымъ».

Нельзя не признать, что вся эта тирада рѣшительно ничего не выясняетъ. Изданіе сочиненій отдѣльными выпусками весьма развито на западѣ (Диккенсъ никогда иначе не выпускалъ своихъ романовъ), и мало-по-малу начинаетъ прививаться и у насъ. Поэтому, было бы желательно особенно точное опредѣленіе понятія «выпускъ», ибо изданіе путемъ этихъ выпусковъ даетъ авторамъ извѣстныя преимущества. Опредѣленіе коммиссіи состоитъ изъ слѣдующихъ элементовъ, разсматривая которые, мы увидимъ, что каждый изъ нихъ одинаково прикладывается какъ къ отдѣльному тому, такъ и къ выпуску.

Всякій отдѣльный томъ (напр. историческаго или, тѣмъ паче, беллетристическаго сочиненія), конечно, не составляетъ обыкновенно «отдѣльнаго изданія», такъ же какъ и отдѣльный выпускъ. Если мы видимъ примѣры, что, напримѣръ, отдѣльные томы исторіи Соловьева могутъ представить интересъ и какъ отдѣльныя изслѣдованія, то такіе примѣры, вообще, рѣдки. Большинство же сочиненій, издающихся отдѣльными томами, представляютъ интересъ и имѣютъ значеніе только въ цѣломъ.

Весьма также страненъ взглядъ коммиссіи, будто наиболѣе тѣсная связь между частью и цѣлымъ состоитъ въ непрерывающейся нумераціи страницъ или въ типографской внѣшности (ensemble typographique). Принявъ такую точку зрѣнія, пришлось бы считать за отдѣльные выпуски того же сочиненія всѣ современные французскіе романы, которые схожи не только по формату, шрифту, обложкѣ, количеству строкъ на страницѣ, но даже, кажется, по количеству печатныхъ листовъ. Въ то же время,—никто не можетъ помѣшать издателю постоянно продолжать нумерацію страницъ въ первомъ, второмъ, третьемъ и т. д. томахъ, пользуясь, такимъ образомъ, несравненно большею защитою отъ переводовъ.

242.—Намъ кажется, что единственною точкою опоры для опредѣленія различія между отдѣльными томами сочиненія и отдѣльными выпусками можетъ послужить только промежутокъ времени, проходящій между выходомъ въ свѣтъ двухъ послѣдовательныхъ томовъ (болѣе длинный промежутокъ) и выпусковъ (менѣе длинный). Другими словами: будущая конференція должна — по нашему мнѣнію — опредѣлить, черезъ какой maximum времени должны слѣдовать продолженія сочиненія для того, чтобы считаться выпусками. Все что выходитъ рѣже, чѣмъ опредѣленное количество разъ въ годъ— считается томомъ. Каковъ долженъ быть этотъ срокъ — мы не беремся опредѣлить, не будучи знакомы съ книгоиздательскимъ дѣломъ; но мы убѣждены, что этотъ способъ — единственный для избѣжанія злоупотребленій со стороны издателей. «Всякій, кто издаетъ сочиненіе частями, выходящими, по меньшей мѣрѣ, столько то разъ въ годъ. считается издающимъ его выпусками». Таковъ видъ, который — по нашему мнѣнію — долженъ принять второй абзацъ ст. 5-ой для того, чтобы издатели не могли произвольно растягивать право исключительнаго перевода. Этотъ способъ, опять таки, можетъ устранить тѣ многочисленныя затрудненія, которыя неминуемо должны возникнуть при интерпретаціи теперешней пятой статьи, затрудненія, которыя предвидѣла сама коммиссія, говоря [67]): «Въ случаѣ возникновенія затрудненій въ силу того, что законодательство какой-либо страны не достаточно точно формулируетъ положенія о сочиненіяхъ, издаваемыхъ выпусками—мѣстные суды могутъ рѣшать такія затрудненія по собственному усмотрѣнію, руководясь всѣми побочными обстоятельствами, выясненными при разборѣ дѣла».

243.—Разбираемая конвенція заключаетъ еще слѣдующее постановленіе, касающееся переводовъ:

«Статья 6. Правомѣрные переводы защищаются наравнѣ съ оригиналами, такъ что они пользуются всѣми преимуществами, гарантированными статьями 2 и 3-ей настоящей конвенціи.

«Однако, если право перевода даннаго произведенія находится уже въ общественномъ достояніи—переводчикъ не можетъ помѣшать другимъ лицамъ переводить тотъ же оригиналъ».

---

[67]) См. Soldan op. cit. p. 422.

Данная статья проводитъ, такимъ образомъ, границу — и безъ того, впрочемъ, ясную—между авторскимъ правомъ переводчика и правомъ исключительнаго перевода.

Послѣднее, въ силу статей 5 и 6, могутъ имѣть только слѣдующія лица:

1) авторъ оригинала, въ теченіе 10 лѣтъ со дня перваго изданія сочиненія;

2) посторонній переводчикъ, получившій позволеніе отъ автора, сохраняетъ (въ теченіе того же срока) исключительное право перевода, какъ его правопріемникъ (кромѣ, конечно, его отношеній къ автору, которыя регулируются частнымъ договоромъ автора съ переводчикомъ).

244.—Относительно *газетныхъ статей* разбираемая конвенція заключаетъ постановленіе слѣдующаго рода:

«Статья 7. Статьи, помѣщенныя въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ, издаваемыхъ въ одномъ изъ государствъ Союза, могутъ быть воспроизводимы, въ оригиналѣ или переводахъ, во всѣхъ государствахъ Союза, кромѣ того случая, когда авторъ или издатель спеціально оговариваетъ противоположное. Для періодическихъ изданій такая оговорка можетъ быть сдѣлана въ формѣ общей отмѣтки на обложкѣ журнала.

«Указанное воспрещеніе не можетъ касаться статей политическаго содержанія, мелкихъ извѣстій и хроники».

Данная статья раздѣляетъ на двѣ части весь тотъ матеріалъ, которымъ наполняются газеты. Однако, нельзя сказать, чтобы это дѣленіе было сдѣлано съ достаточною ясностью и опредѣленностью. Одно ужъ выраженіе «мелкія извѣстія» [68]) (подъ которое можно подвести очень многое) — лишаетъ опредѣленіе значительной степени точности.

Причину подобной неясности мы думаемъ видѣть въ самой сущности дѣла. Чѣмъ отличается передовая статья политическаго содержанія отъ статьи, разбирающей какое-нибудь новое произведеніе литературы? Содержаніемъ?—но мы ниже покажемъ (см. § 314, а) что эта сторона безусловно не принимается во вниманіе при обсужденіи вопроса о томъ, насколько произведеніе можетъ быть объектомъ авторскаго

[68]) «faits divers».

права. Объемомъ? — условіе, опять таки, не существенное. Количествомъ необходимыхъ для написанія статьи знаній?— но и передовыя статьи не пишутся первымъ встрѣчнымъ, или, по крайней мѣрѣ, не должны таковыми писаться. Количествомъ потраченнаго труда?—но еще неизвѣстно, на которую статью нужно потратить больше умственнаго труда.

Защитники теоріи, лишающей журналистовъ авторскаго права на ихъ произведенія, — аргументируютъ обыкновенно весьма неопредѣленно: «политическія статьи по самому своему характеру принадлежатъ гласности; политическія статьи составляются по шаблону и т. д.». Во первыхъ, это не всегда вѣрно, а если иногда и вѣрно, то это обстоятельство, опять таки, не можетъ вліять на уничтоженіе защиты. Говорятъ иногда: самому автору нѣтъ никакого разсчета запретить перепечатку журнальныхъ статей—на это можно возразить, что не дѣло закона a priori рѣшать, что выгодно и что невыгодно автору; разъ послѣдній имѣетъ право на защиту, эта защита должна быть гарантирована ему, а онъ ужъ самъ рѣшитъ, что ему выгодно, а что невыгодно [69]).

245.—Намъ кажется, что всѣ эти соображенія довольно ясно показываютъ, насколько мало основаній (теоретическихъ и даже практическихъ) можно найти для того, чтобы лишать защиты одни газетныя статьи, защищая другія. Вѣроятно, отсутствіе такихъ основаній, невозможность опереться и выходить изъ точнаго принципа—и сдѣлали такъ сбивчивыми постановленія статьи 7-ой. Ученый пишетъ статью о новомъ изобрѣтеніи, по поводу вчерашняго доклада въ какомъ-либо обществѣ,—очевидно, что эта статья сообщаетъ извѣстную новость и подходитъ подъ рубрику «хроника». Между тѣмъ, эта статья можетъ содержать самое полное изложеніе вопроса, какъ онъ разбирается современною наукою,— и, все-таки, статья останется безъ всякой защиты отъ контрафакторовъ. Въ отношеніи статьи 7-ой, Бернская Конвенція уступаетъ даже нѣкоторымъ предшествовавшимъ частнымъ литературнымъ конвенціямъ, которыя, все-таки, упоминаютъ о «recherches scientifiques» и т. д.

---

[69]) Подробнѣе о газетныхъ статьяхъ, см. §§ 360—364.

246.—Итакъ, ст. 7 раздѣляетъ все, что можетъ быть помѣщено въ газетѣ,—на двѣ части. Первую часть составляютъ статьи политическаго содержанія, новости и «мелкія извѣстія»—которыя всѣ *защитѣ не подлежатъ*. Остальныя статьи подлежатъ защитѣ въ томъ случаѣ, *если авторъ сохранитъ* за собой право воспроизведенія. Это сохраненіе дѣлается особымъ заявленіемъ для каждой статьи въ газетахъ, и общимъ—въ періодическихъ сборникахъ и журналахъ.

Особенно интереснымъ является то обстоятельство, что Конвенція Бернскаго Союза признаетъ *романы*, помѣщаемые отрывками въ фельетонахъ газетъ, не за произведеніе литературы, а только за «articles de journaux». Иными словами, авторъ романа, издавая его отдѣльными выпусками (livraisons), пользуется полной защитой, а выпуская его тѣми же выпусками, но въ текстѣ газеты—пользуется правомъ ограниченнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ долженъ всякій разъ заявлять о своемъ желаніи сохранить право воспроизведенія (*на каждомъ фельетонѣ*, см. ст. 7). Положеніе, очевидно, ненормальное. Отмѣтимъ, что Soldan интерпретируетъ [70]) Бернскую Конвенцію нѣсколько иначе, утверждая, что она признаетъ романы-фельетоны за видъ произведеній литературныхъ. Противъ этого, однако, можно возразить, что въ 1886 году французское правительство предложило слѣдующіе два пункта въ *разъясненіе* конвенціи:

«1) Статья 5-ая настоящей конвенціи можетъ быть также примѣняема къ романамъ-фельетонамъ.

«2) Романы-фельетоны признаются, вообще, не газетными статьями, а литературными произведеніями, изданными въ особой формѣ. Поэтому, къ нимъ примѣняются статьи 2, 5, 10 и 11-ая, а не статья 7-ая».

Но делегаты другихъ странъ признали эти два пункта *не разъясненіемъ, а измѣненіемъ конвенціи*, почему они и были отвергнуты, въ виду того, что, по заключительному протоколу 1885 года, запрещено было подвергать, на засѣданіяхъ 1886 г. текстъ конвенціи дальнѣйшимъ измѣненіямъ (ср. § 225). От-

[70]) Op. cit. p. 495.

сюда ясно, что эти делегаты желали, чтобы къ такимъ романамъ-фельетонамъ примѣнялись постановленія ст. 7-ой, на общихъ основаніяхъ съ газетными статьями.

247.—Нельзя не отмѣтить также и того факта, что Бернская Конвенція, въ случаяхъ заимствованія, не требуетъ указанія источника, несмотря на то, что это было признано желательнымъ на конференціи 1885 года. Отказъ внести это условіе въ текстъ конвенціи было мотивированъ тѣмъ, что, «такое требованіе было бы черезчуръ стѣснительнымъ, въ виду совершенно особыхъ условій современной журналистики». Ниже, въ спеціальномъ разборѣ (см. § 360 и слѣд.) мы укажемъ тѣ причины, на основаніи которыхъ мы считаемъ желательнымъ требованіе, чтобы источники всегда указывались. Самое же возраженіе конференціи намъ кажется мало основательнымъ, ибо, каковы бы ни были условія «современной журналистики» — указаніе источника (одно, два слова внизу выдержки) можетъ быть неудобно только тѣмъ журналамъ и газетамъ, которые живутъ на чужой счетъ, безчестно ведя свои дѣла. Не дѣло закона поощрять подобныя изданія.

Сама конференція признала, что, вообще, указаніе источника желательно, ибо, по просьбѣ англійской делегаціи, она сочла нужнымъ указать, что всякое государство оставляетъ за собой право требовать отъ національныхъ редакторовъ газетъ—указаніе источника. Разъ же это указаніе требуется мѣстнымъ закономъ, иностранныя газеты могутъ вчинать искъ о контрафакціи, въ случаѣ не указанія источника. «Газета *Times*—говоритъ Clunet [71])—не могла бы преслѣдовать швейцарскую газету *Journal de Genève* за то, что эта послѣдняя перепечатала бы изъ первой—статьи безъ указанія источника, въ виду того, что эта формальность не предписана швейцарскимъ закономъ». Наоборотъ, тотъ же *Times* могъ бы начать при тѣхъ же условіяхъ преслѣдованіе германской или бельгійской газетъ.

---

[71]) Op. cit. p. 35.

248.—Относительно *дозволенныхъ заимствованій* разбираемая конвенція содержитъ слѣдующее постановленіе.

«Статья 8. Государствамъ Союза предоставляется регулировать посредствомъ законодательствъ своихъ и частныхъ между собою соглашеній—право дѣлать выдержки изъ напечатанныхъ сочиненій для хрестоматій или, вообще, сочиненій научнаго характера».

Съ перваго взгляда, эта статья кажется немного странною,—но дѣло въ томъ, что она имѣетъ свою особую исторію. Проэкты Литературнаго Общества и Федеральнаго Совѣта не содержали никакихъ указаній относительно хрестоматій и дозволенныхъ заимствованій. Но въ 1884 году германская делегація предложила включить особую статью, согласно которой дозволялись бы заимствованія для хрестоматій и, вообще, изданій, составляемыхъ съ цѣлями педагогическими [72]). Предложеніе это было отвергнуто на основаніи тѣхъ соображеній, которыя были представлены французскою делегаціею [73]). По нашему мнѣнію, доводы этой делегаціи исходятъ изъ невѣрной точки зрѣнія. Французская делегація указывала, что несправедливо поощрять издателей учебниковъ дозволеніемъ заимствованій—въ виду того, что учебники изъ всѣхъ изданій приносятъ наибольшій доходъ. Дальше (см. §§ 322—324) мы выяснимъ нашъ взглядъ на хрестоматіи; мы думаемъ, что заимствованія въ учебныхъ книгахъ должны быть разрѣшены: 1) потому что они не представляютъ имущественнаго убытка для автора или издателя оригинала; 2) не нарушаютъ личныхъ правъ автора; 3) весьма полезны для дѣла народнаго образованія.

Но возвратимся къ прежнему. Предложеніе германской делегаціи было отвергнуто, такъ какъ къ протесту Франціи присоединилась и Англія. Вмѣсто того чтобы окончательно дозволить воспроизведеніе въ видахъ народнаго обученія—конференція удовольствовалась только тѣмъ, что оставила этотъ вопросъ—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—на рѣшеніе соотвѣт-

---

[72]) см. Soldan, op. cit. p. 498

[73]) см. Отчетъ комиссіи 1885 года, ст. 9—въ Journal Clunet, 1885 p. 792—Journal Gand, 1886 p. 37.

ствующаго законодательства. Одинъ французскій авторъ [74]) считаетъ эту статью «излишнею», въ виду того, что ст. 2-ая содержитъ постановленіе слѣдующаго рода:

«Авторы... пользуются во всякомъ государствѣ Союза, по отношенію къ своимъ произведеніямъ, защитой наравнѣ съ авторами національными».

Мы не согласны съ мнѣніемъ этого автора и думаемъ, что даже при существованіи ст. 2-ой разбираемая статья 8 не должна казаться излишнею. Дѣло въ томъ, что при Бернской Конвенціи существуетъ еще такъ называемая «добавочная статья», которая [75]) дозволяетъ отдѣльнымъ государствамъ вводить въ своемъ законодательствѣ измѣненія, съ тѣмъ чтобы они «предоставляли иностраннымъ авторамъ бо́льшія права, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорится въ настоящей Конвенціи, или не противорѣчили бы послѣдней».

Не нужно забывать, что Бернская Конвенція составляетъ minimum защиты, и что «добавочная статья» дозволяетъ государствамъ Союза примѣнять новыя или старыя постановленія, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эти постановленія, по сравненію съ Бернской Конвенціей, гарантировали бы авторамъ *бо́льшую защиту*. Поэтому, безъ ст. 8-ой легко могло бы произойти слѣдующаго рода недоразумѣніе: какимъ образомъ Германія разрѣшаетъ составителямъ хрестоматій перепечатывать чужіе отрывки, если это нигдѣ не разрѣшено въ Бернской Конвенціи? — очевидно, что она, по сравненію съ этой конвенціей, *уменьшаетъ* права авторовъ и тѣмъ нарушаетъ постановленія добавочной статьи. Мы думаемъ, что ст. 8 вставлена, именно, для избѣжанія подобнаго недоразумѣнія.

Конвенція Союза ничего не говоритъ о правѣ цитированія, ибо конференція признала, что это право уже давно освящено всѣми законодательствами и частными конвенціями.

249. — Относительно *публичнаго исполненія* разбираемая конвенція содержитъ слѣдующія постановленія:

«Статья 9. Статья вторая будетъ также примѣняема къ публичному исполненію драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ произведеній, независимо отъ того, изданы они или нѣтъ.

---

[74]) См. у Soldan, op. cit. p 493.

[75]) см. Droit d'auteur, 1888 p. 6.

«Авторы произведеній драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ и ихъ наслѣдники также имѣютъ исключительное право публичнаго исполненія ихъ произведеній въ переводѣ, — на все то время, когда они имѣютъ право исключительнаго перевода вообще.

«Постановленія ст. 2-ой будутъ также примѣняемы къ публичному исполненію произведеній музыкальныхъ не изданныхъ и тѣхъ изъ изданныхъ, авторы которыхъ сдѣлаютъ на обложкѣ заявленіе о томъ, что они запрещаютъ публичное исполненіе даннаго своего произведенія».

Для большей ясности, эта статья можетъ быть раздѣлена на двѣ части: 1) постановленія о произведеніяхъ драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ, и 2) постановленія о произведеніяхъ музыкальныхъ.

250. — Относительно произведеній драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ, постановленія Бернской Конвенціи сводятся къ слѣдующему: авторъ сохраняетъ полное право какъ воспроизведенія, такъ и публичнаго исполненія. Въ право воспроизведенія включается, конечно, и право исключительнаго перевода. Такимъ образомъ, авторъ сохраняетъ и право публичнаго исполненія перевода, но не далѣе того срока, на который простирается право исключительнаго перевода вообще (т. е. только на 10 лѣтъ). Поэтому, авторъ или переводчикъ (имѣющій законное дозволеніе) могутъ воспретить не только переводъ сочиненія, но и публичное исполненіе перевода въ теченіе десяти лѣтъ со дня выхода сочиненія въ свѣтъ (см. ст. 5). По истеченіи этого срока, запрещеніе публичнаго исполненія не распространяется на исполненіе этой пьесы въ переводѣ. Переводящій сочиненіе, которое уже не подлежитъ защитѣ по отношенію къ переводамъ, пользуется правомъ воспроизведенія и публичнаго исполненія своего собственнаго перевода (см. ст. 6),—но не можетъ запретить другому лицу переводить то же сочиненіе и публично исполнять этотъ второй переводъ.

Итальянская делегація просила конференцію внести въ текстъ Бернской Конвенціи статью, которая соотвѣтствовала бы статьѣ 14-ой итальянскаго декрета 19 Сентября 1882 года; эта послѣдняя постановляетъ, что всякій желающій публично

исполнить какую бы то ни было пьесу, долженъ испросить на то дозволеніе у подлежащихъ властей, прилагая къ прошенію письменное дозволеніе отъ автора пьесы. Конференція признала, что подобное требованіе весьма много способствовало бы охраненію авторскихъ правъ, но, въ тоже время, сочла, что включеніе подобной статьи составило бы слишкомъ большое вмѣшательство во внутреннія законодательства отдѣльныхъ государствъ, большинство которыхъ подобнаго требованія не ставитъ. Въ виду этого, предложеніе итальянской коммиссіи было отвергнуто.

251. — Что касается произведеній чисто-музыкальныхъ, то Бернская Конвенція защищаетъ ихъ какъ отъ воспроизведенія, такъ и отъ публичнаго исполненія. Впрочемъ, послѣднее право авторъ обязанъ сохранить за собой спеціальнымъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, заявленіемъ.

Подобное же различіе проводится и германскимъ закономъ— при разборѣ котораго мы и указали, насколько несправедливо давать композиторамъ меньше правъ, чѣмъ драматическимъ писателямъ. Въ Бернскую Конвенцію данное ограниченіе было внесено въ виду того, что по этому вопросу законодательства расходятся въ значительной степени. Стоитъ по этому поводу сравнить, напримѣръ, французское и германское законодательства. Для того чтобы придти къ какому-нибудь компромиссу—конференція признала за авторами ту защиту, которая признается за ними самымъ неблагопріятнымъ для нихъ законодательствомъ (minimum защиты) — въ виду того, что даже это законодательство, въ принципѣ, признаетъ необходимость защиты [76]).

252.—Сдѣлаемъ относительно разбираемой статьи еще два небольшихъ замѣчанія. Прежде всего, изъ разсмотрѣнія ея и сравненія ея со статьями послѣдующими, видно, что Бернская Конвенція ничего не говоритъ о такъ называемомъ vertheiltes Verlagsrecht—чего нельзя не признать за пробѣлъ. Кромѣ

---

[76]) Нѣкоторыя критическія замѣчанія по поводу схожаго постановленія германскаго закона 11 Іюня 1870 года можно найти въ § 107—Ср. Congrès de Milan 1892 года, voeu V.

того, небольшимъ недосмотромъ въ данной статьѣ нужно считать также выраженіе: «постановленія статьи 2-ой будутъ также примѣняемы» — ибо по всему смыслу Конвенціи очевидно, что права издателей тѣхъ сочиненій, авторы которыхъ не принадлежатъ къ государствамъ Союза—разсматриваются всегда съ точки зрѣнія ст. 3-ей. Поэтому, было бы не лишнимъ измѣнить это выраженіе такъ: «постановленія статей 2 и 3 будутъ также примѣняемы и т. д.».

253. — Относительно музыкальной контрафакціи довольно важное замѣчаніе находится въ заключительномъ протоколѣ:

«Статья 3 (Protocole de clôture). Изготовленіе и продажа механическихъ музыкальныхъ инструментовъ, воспроизводящихъ чужіе мотивы—не считается контрафакціей».

Это постановленіе [77]) заимствовано изъ конвенціи Франція—Швейцарія 23 Февраля 1882 года, ст. 14-ой, которая, въ свою очередь, была внесена по просьбѣ фабрикантовъ музыкальныхъ ящиковъ, весьма многочисленныхъ въ Швейцаріи [78]). Ниже (см. § 414 — 415) мы подробно разберемъ вопросъ о музыкальныхъ ящикахъ, ихъ приготовленіи и публичномъ исполненіи пьесъ посредствомъ такихъ ящиковъ; здѣсь же отмѣтимъ, что въ виду отсутствія формальнаго разрѣшенія, нужно считать, что публичное исполненіе пьесъ посредствомъ механическихъ инструментовъ (музыкальные ящики, электрическіе и другіе механическіе таперы, шарманки, всякаго рода симфоніоны и оркестріоны и т. д.—вообще, такіе инструменты, которыми можно исполнять одну или нѣсколько пьесъ, прилагая только физическую силу) — составляетъ контрафакцію, хотя авторъ пьесъ не можетъ запретить фабриканту ящиковъ пользоваться его сочиненіями [79]).

253, а. — Итальянская делегація подняла во время засѣданій конференціи еще одинъ вопросъ, мало разработанный,

---

[77]) «Petite galanterie, faite à la Suisse»—по выраженію Clunet.

[78]) Ср. § 190.

[79]) Ср. Congrès de Milan 1892 г. Voeu VII.

но, всетаки, интересный — именно, вопросъ о *балетахъ и о хореографическомъ искусствѣ* [80]).

Въ балетѣ, кромѣ музыки и либретто (содержанія), есть еще одинъ элементъ, не поддающійся точному опредѣленію, именно: «совокупность жестовъ, позъ, мимическихъ пріемовъ и живыхъ картинъ...» Этотъ элементъ первенствуетъ во всякомъ балетѣ, въ которыхъ содержаніе есть только канва, а музыка—аксессуаръ. Мы не можемъ вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ Soldan'a, когда онъ говоритъ, что балетмейстеру можетъ принадлежать право на «pantomimes» — ибо пантомима есть драматическая сцена, въ которой актеръ выражается жестами и мимикой—между тѣмъ какъ ни на жесты, ни на мимику никакому балетмейстеру авторское право принадлежать не можетъ, такъ же какъ не можетъ принадлежать и самому актеру. Поэтому, по нашему мнѣнію, — ни «gestes», на «pantomimes» не есть опредѣленіе того, что можетъ и должно найти защиту авторскаго права въ балетахъ. Но очевидно, что въ постановкѣ каждаго балета есть извѣстная доля умственнаго труда балетмейстера, какъ артиста. Эта-то доля (весьма, впрочемъ трудно уловимая и еще труднѣе подлежащая юридическому опредѣленію: *часть* того, что называется «mise en scène») и есть объектъ авторскаго права въ области хореографіи. Впрочемъ, вопросъ этотъ ждетъ еще разработки спеціалистовъ, мы же считаемъ себя вполнѣ некомпетентнымъ высказать какое бы то ни было сужденіе, не имѣя никакого понятія о техникѣ постановки балетовъ.

Бернская конференція приняла по этому поводу въ заключительномъ протоколѣ слѣдующее постановленіе:

«Статья 2 (Protocole de clôture). Тѣ государства, законодательства которыхъ считаютъ балеты за драматическо-музыкальныя произведенія, будутъ защищать таковыя—въ силу ст. 9-ой настоящей Конвенціи—и въ пользу иностранныхъ авторовъ.

«Впрочемъ, если бы возникли какія-нибудь затрудненія по

[80]) Мы не могли достаточно ознакомиться съ вопросомъ о хореографіи, ибо спеціально разбираютъ этотъ вопросъ—насколько мы знаемъ—только два автора Rosmini (La legislazione dei teatri) и Rivalta (Storia e sistema del diritto dei teatri)—оба на незнакомомъ намъ итальянскомъ языкѣ.

поводу толкованія настоящей статьи—всѣ таковыя затрудненія будутъ рѣшаться по усмотрѣнію мѣстнаго суда».

Нельзя не обратить вниманія на ту осторожность, съ которою редактировано это постановленіе.

254. — О *косвенныхъ способахъ воспроизведенія* конвенція гласитъ такъ:

«Статья 10. Къ числу недозволенныхъ воспроизведеній, въ смыслѣ настоящей Конвенціи, относятся также всѣ косвенные способы пользованія литературнымъ или художественнымъ произведеніемъ, извѣстныя подъ различными названіями: *переложенія, передѣлки* и т. п., которыя передаютъ сочиненіе не въ оригинальной его формѣ, а съ измѣненіями, добавленіями и сокращеніями, не представляющими ничего существеннаго и не создающими новаго произведенія искусства.

«Судамъ государствъ Союза предоставляется право, при примѣненіи настоящей статьи, принимать въ соображеніе мѣстныя законодательства».

Проэктъ Литературнаго Общества (ст. 7, § 2) и Федеральнаго Совѣта (ст. 10) высказывались болѣе категоричнымъ образомъ: «передѣлки будутъ считаться контрафакціей и преслѣдоваться, какъ таковая».

Вполнѣ понятно, почему конференція не приняла подобной редакціи. Безспорно, что всякая контрафакція должна быть наказана, но такъ же безспорно и то, что не всякая «adaptation» (передѣлка) составляетъ контрафакцію. Ниже мы выяснимъ нашъ взглядъ на контрафакцію литературныхъ и музыкальныхъ произведеній; теперь же отмѣтимъ только то, что—по нашему мнѣнію—всякій можетъ заимствовать у другого автора не только основную идею сочиненія, но даже и сюжетъ, въ извѣстной, конечно, степени. Вся трудность заключается, именно, въ томъ, чтобы опредѣлить эту «степень». Съ точки зрѣнія того взгляда на сущность авторскаго права, который мы установили выше (см. введеніе, II)—всякое заимствованіе можетъ быть дозволеннымъ, разъ оно не нарушаетъ ни одного изъ элементовъ авторскаго права. И для этого—по нашему мнѣнію—заимствующій долженъ создать *новое произведеніе* даже изъ чужаго сюжета, долженъ вложить въ него столько индивидуальной дѣятельности, чтобы

это произведеніе пріобрѣло личный отпечатокъ, чтобы оно сдѣлалось *оригинальнымъ* (по крайней мѣрѣ, въ юридическомъ значеніи этого слова).

Съ такой точки зрѣнія, нужно признать особенно удачною редакцію разбираемой ст. 10, гласящей: «признаются контрафакціей всѣ тѣ сочиненія, которыя появляются даже въ измѣненной формѣ, но не представляя новаго, оригинальнаго произведенія». Измѣненіе формы не должно покрывать беззастѣнчиваго заимствованія. Исходнымъ же пунктомъ можно считать только оригинальность произведенія. Не все то, что подходитъ подъ рубрику «adaptation», составляетъ контрафакцію,—тогда какъ часто появляются произведенія, въ которыхъ трудно узнать передѣлку, но которыя несомнѣнно составляютъ контрафакцію.

Заслуга конференціи заключается въ томъ, что она точнымъ образомъ выяснила тотъ принципъ, на которомъ нужно основываться при разсмотрѣніи всякихъ передѣлокъ [81]). Правда, что ст. 10 оставляетъ очень много на произволъ суда, но дѣло въ томъ, что необходимость этого лежитъ въ самой сущности вопроса. Насколько разнообразны могутъ быть цѣль, размѣры, свойство и характеръ передѣлки—настолько различны должны быть и постановленія суда. Никакая точная регламентація и никакое разграниченіе разъ-навсегда, очевидно, невозможно.

255. — Необходимо отмѣтить только одну особенность. Конвенція Союза ни въ какомъ случаѣ не подразумѣваетъ въ ст. 10 передѣлокъ романовъ въ драматическую форму и vice versa (такъ называемая, dramatisation). На конференціи 1886 г. французская делегація предложила включить слѣдующее «объясненіе» статьи 10-ой:

«Въ числѣ недозволенныхъ заимствованій, которыя запрещены ст. 10-ой, подразумѣвается также такъ называемая драматизація, т. е. передѣлка романовъ въ драматическую форму и обратно».

---

[81]) «La rédaction à laquelle la conférence s'est arrêtée, accentue moins le mot que la chose (Soldan, op. cit. p. 506).

Предложеніе это было отвергнуто на основаніи заявленія англійскаго делегата, который сообщилъ, что Англія считаетъ драматизацію дозволенной. Такимъ образомъ, до новаго пересмотра англійскаго законодательства, «разъясненіе» французской делегаціи не должно быть принимаемо во вниманіе при толкованіи ст. 10-ой.

256.—Относительно произведеній *анонимныхъ и псевдонимныхъ*, конвенція содержитъ слѣдующее постановленіе:

«Статья 11...Издатели произведеній анонимныхъ и псевдонимныхъ произведеній, что касается защиты таковыхъ, заступаютъ мѣсто автора. Эти издатели считаются, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, пріемниками авторскихъ правъ на сочиненія анонимныя и псевдонимныя...» [82])

Нельзя не признаться весьма счастливымъ то рѣшеніе, которое дано было конференціей вопросу о произведеніяхъ анонимныхъ и псевдонимныхъ, ибо, по ст. 11, всѣ эти произведенія получаютъ полную защиту безъ того, чтобы авторъ имѣлъ какую нибудь надобность открывать свое имя. Въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить:

1) большаго сходства данной конвенціи (по послѣдствіямъ) съ закономъ бельгійскимъ, хотя этотъ послѣдній исходитъ изъ другой точки зрѣнія («Издатель анонимнаго или псевдонимнаго произведенія считается, по отношенію къ третьимъ лицамъ, авторомъ таковаго»). Послѣдствія получаются тѣ же;

2) значительнаго превосходства Бернской конвенціи, въ сравненіи даже съ германскимъ закономъ 11 іюня 1870 г., который, всетаки, требуетъ, чтобы авторъ открылъ свое имя въ установленномъ порядкѣ, разъ онъ хочетъ пользоваться защитой во всемъ ея объемѣ.

257.—Статья 12-ая содержитъ слѣдующее постановленіе:

«Статья 12. Всякое контрафактное изданіе можетъ быть задержано въ моментъ ввоза его въ одно изъ государствъ Союза, если оригиналъ сочиненія пользуется защитой.

«Задержаніе происходитъ согласно съ постановленіями мѣстнаго законодательства».

Необходимо отмѣтить, что второй абзацъ этой статьи былъ до 1885 года редактированъ слѣдующимъ образомъ: «Арестъ

---

[82]) Начало и конецъ этой ст. см. § 232.

будетъ производиться по требованію или министерства Внутреннихъ Дѣлъ, или заинтересованныхъ лицъ, согласно съ мѣстнымъ законодательствомъ». Но англійскіе делегаты заявили, что по англійскимъ законамъ таможенное вѣдомство можетъ произвести конфискацію контрафакцій по собственному почину [83]). Въ виду этого, статья была редижирована вышеприведеннымъ образомъ.

258.—Слѣдующая статья заключаетъ постановленіе такого рода:

«Статья 13. Постановленія настоящей конвенціи не могутъ помѣшать ни одному изъ государствъ Союза въ осуществленіи принадлежащаго имъ права дозволять, наблюдать и запрещать административнымъ порядкомъ—распространеніе, публичное исполненіе и выставленіе (exposition) всякаго произведенія, по отношенію къ которому сочтено будетъ нужнымъ примѣнить одну изъ такихъ мѣръ».

Эта статья имѣетъ схожія въ конвенціяхъ: Франція-Германія (ст. 14), Франція-Швейцарія (ст. 13), Франція-Италія (ст. 12) и многихъ др. По поводу ея, Soldan говоритъ [84]): «Необходимо было въ особой статьѣ этого общаго соглашенія оговорить право отдѣльныхъ государствъ дѣлать подобныя распоряженія». Мы же не можемъ не придти къ заключенію совершенно противоположному. По нашему мнѣнію, постановленіямъ ст. 13-ой вовсе не должно было быть мѣста въ Бернской конвенціи для охраненія Urheberrecht'a, авторскаго права. И кажется намъ эта статья совершенно неумѣстною въ виду слѣдующихъ соображеній.

Авторское право есть право воспретить повтореніе механическимъ способомъ литературнаго или художественнаго произведенія, которое принадлежитъ автору, какъ творцу его. Поэтому, конвенція для защиты авторскаго права должна касаться только тѣхъ поступковъ, которые нарушаютъ авторское право въ этомъ смыслѣ. Способовъ нанести матеріальный ущербъ автору произведенія искусства—очень много, но не всѣ они будутъ составлять контрафакцію. Разбивающій статую—конечно,

---

[83]) Согласно «Customs consolidation Act», Soldan, op. cit. p. 510.

[84]) Op. cit. p. 511.

не контрафакторъ, несмотря на то что онъ наноситъ автору матеріальный ущербъ. Къ этой же категоріи нужно отнести и запретительныя полицейскія и цензурныя мѣры, не имѣющія рѣшительно никакого отношенія къ авторскому праву (ср. § 314, а). А разъ эти мѣры никогда, ни въ какомъ случаѣ не могутъ нарушить чьего-либо авторскаго права—запрещеніе или дозволеніе такихъ мѣръ, очевидно, не должно содержаться въ конвенціи, имѣющей цѣлью запретить только контрафакцію. Повторяемъ,—литературныя конвенціи могутъ и должны защищать произведенія искусствъ *только* отъ контрафакціи—но никому не придетъ и въ голову называть полицейскую мѣру контрафакціей.

259.—Статья 14-ая содержитъ слѣдующее постановленіе:

«Статья 14. Настоящая конвенція будетъ примѣняема ко всѣмъ тѣмъ произведеніямъ, которыя въ моментъ входа ея въ законную силу не будутъ еще находиться въ общественномъ пользованіи; нѣкоторыя исключенія изъ этого общаго правила будутъ формулированы въ особомъ соглашеніи».

Всякій переходъ отъ одного юридическаго режима къ другому сопровождается многочисленными и, подчасъ, весьма не легко разрѣшимыми усложненіями—не говоря уже объ отношеніяхъ международныхъ. Очень многія частныя литературныя конвенціи разсматриваютъ подробнымъ образомъ, насколько постановленія ихъ должны имѣть ретроактивное значеніе. Бернская конвенція довольно кратка на этотъ счетъ.

Сначала, впрочемъ, предварительный проэктъ Литературнаго Общества вовсе не разсматривалъ этого вопроса. Только послѣ многихъ преній [85]) было внесено настоящее постановленіе, причемъ было отвергнуто предложеніе тѣхъ членовъ конференціи, которые желали установить безусловную ретроактивную силу конвенціи (т. е. желали включить статью о томъ, что конвенція будетъ примѣняться ко всѣмъ изданіямъ, даже ранѣе-изданнымъ). Предложеніе это было отвергнуто

---

[85]) См. Bulletin de l'Association etc. 1883 № 17, p. 2—№ 18 p. 16—Actes de la première Conférence de 1884, pp. 35, 58 и 85—d'Orelli, Revue Gand, 1884 p. 542.

въ виду тѣхъ громадныхъ неудобствъ [86]), съ которыми было бы сопряжено проведеніе его на практикѣ.

Конференція все время заботилась о томъ, чтобы уничтожить въ Бернской конвенціи всѣ тѣ постановленія, которыя, хотя бы и будучи желательны для расширенія защиты авторскаго права,—могли бы помѣшать или затруднить государствамъ, не принимавшимъ участіе въ конференціи,—приступить къ Союзу. Очевидно, что полное ректроактивное значеніе конвенціи затруднило бы многія государства (а въ особенности—тѣ, въ которыхъ ранѣе была сильно развита международная контрафакція)—присоединиться къ Союзу, чтобы внезапно не разорить многихъ своихъ подданныхъ.

260.—Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, конференція сочла наиболѣе благоразумнымъ предоставить всѣ затрудненія переходнаго періода на самостоятельное рѣшеніе отдѣльныхъ государствъ, что и было выражено въ вышеприведенной ст. 14-ой и въ слѣдующемъ пунктѣ заключительнаго протокола:

«Статья 4. (Protocole de clôture). Особое соглашеніе, о которомъ говоритъ ст. 14, будетъ гласить такъ:

«Настоящая конвенція будетъ примѣняема къ тѣмъ произведеніямъ, которыя въ моментъ ея входа въ силу будутъ находиться въ общественномъ пользованіи—но не иначе, какъ при соблюденіи условій, заключающихся въ особыхъ частныхъ конвенціяхъ, уже подписанныхъ или имѣющихъ быть подписанными между государствами союза.

«Въ случаѣ отсутствія такихъ конвенцій между государствами Союза, отдѣльныя правительства издадутъ, каждое для своей территоріи, особыя законодательныя распоряженія для выясненія подробностей примѣненія на практикѣ статьи 14 Бернской конвенціи».

Подобное рѣшеніе вопроса является наиболѣе логичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ. До заключеніи Союза—всѣ государства имѣли различные взгляды на авторское право и на международную контрафакцію. То что было преступленіемъ во Франціи,—дозволялось въ Англіи. Вопросъ о переходномъ періодѣ не

[86]) Journal Clunet, 1884 p. 454, статья Droz'a.

могъ подлежать рѣшенію конференціи, ибо онъ не могъ быть рѣшенъ общими постановленіями,—частностями же, касающимися отдѣльныхъ государствъ и ихъ внутренняго режима, международная конференція не должна была заниматься. Если конференція пожелала бы рѣшить сама вопросъ о переходномъ періодѣ,—ей пришлось бы обсуждать по-очереди законодательства Франціи, Германіи, Англіи и т. д.—не во взаимномъ ихъ отношеніи, но во вліяніи на національныхъ авторовъ и издателей. Рѣшеніе подобныхъ вопросовъ, очевидно, превышало компетенцію собранія.

261. — Первымъ государствомъ, которое разрѣшило задачу, возложенную разсмотрѣнною статьею, была Бельгія, которая опредѣлила вопросъ о переходномъ періодѣ въ указѣ, содержащемъ слѣдующія постановленія:

Всѣ издатели и книгопродавцы должны составить инвентарь тѣхъ изданій, которыя издаются или уже изданы, вопреки входящимъ въ силу постановленіямъ Бернской Конвенціи (§ 1).

Всѣ экземпляры подобныхъ изданій должы быть снабжены спеціальнымъ штемпелемъ, который будетъ, по предъявленіи экземпляровъ, прилагаться безплатно (§ 2 и 7).

Всѣ имѣющіеся клише или литографскія камни, предназначенные для печатанія контрафакцій (съ точки зрѣнія новыхъ постановленій Конвенціи) должены быть также описаны и снабжены штемпелемъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что клише эти были начаты до 9 ноября 1886 года (§ 3).

Печатаніе съ подобныхъ клише и камней разрѣшается только до 5 декабря 1889 года (§ 4).

262. — Англійскій указъ 28 ноября 1887 года, которымъ признавалось, что Конвенція Союза войдетъ въ дѣйствіе съ 6 декабря 1887 года, содержитъ, между прочимъ, слѣдующее постановленіе:

«Статья 7. . . . Ни одно постановленіе настоящаго указа не можетъ нанести ущерба правамъ, пріобрѣтеннымъ до обнародованія его; . . . всякое лицо, имѣющее подобныя права, будетъ продолжать пользоваться ими, какъ еслибы настоящій указъ не былъ обнародованъ».

Никакихъ дальнѣйшихъ постановленій во всемъ указѣ не находится; въ то же время очевидно, что эта статья неудовлетворительно рѣшаетъ всѣ возникающіе вопросы и даетъ слишкомъ много правъ тѣмъ, кто признанъ контрафакторами съ момента учрежденія Союза. Эта статья даже не опредѣляетъ срока, въ теченіе котораго дозволяется печатаніе со стереотиповъ и камней.

263. — Германскій декретъ 11 іюня 1888 года рѣшаетъ вопросъ о ретроактивномъ значеніи слѣдующимъ образомъ. Дозволяется продажа и окончаніе печатанія тѣхъ изданій, которыя должны считаться контрафактными въ силу постановленій Бернской Конвенціи. Также дозволяется употреблять для печатанія подобныхъ изданій клише и литографскіе камни, изготовленные до опубликованія Конвенціи. Срокъ пользованія этими клише и камнями — до 31 декабря 1891 года (§ 1, a).

Исключительное право перевода не распространяется на тѣ сочиненія иностранныхъ авторовъ, которыя были выпущены въ свѣтъ до заключенія Союза и до этихъ же поръ появились въ Германіи въ переводѣ (въ цѣломъ или частями) (§ 2, b).

Не запрещается публичное исполненіе тѣхъ пьесъ, оригналъ или переводъ которыхъ былъ законнымъ образомъ и публично исполненъ въ Германіи до входа въ силу Бернской конвенціи (§ 1, c).

Въ случаѣ присоединенія къ Конвенціи государствъ, къ Союзу еще не принадлежащихъ,—въ теченіе 4-хъ лѣтъ со дня ихъ присоединенія контрафакція по отношенію къ ихъ подданнымъ будетъ разсматриваться съ точки зрѣнія статьи 1-й разбираемаго постановленія (§ 1, a—c).

Декретъ этотъ дополняется слѣдующимъ разъясненіемъ, изданнымъ 7-го августа 1888 года:

1) Издатели или книгопродавцы приглашаются представить мѣстной полиціи всѣ имѣющіеся у нихъ экземпляры такихъ изданій, которыя подходятъ подъ постановленія ст. 1-ой декрета 11 іюня 1888 года. Полиція составляетъ инвентарь и накладываетъ штемпеля (§§ 1 и 2).

2) То же самое постановлено относительно лицъ, имѣющихъ такого же рода клише или литографскіе камни (§§ 3 и 4).

264. — Статья 15-я заключаетъ слѣдующее постановленіе:

«Статья 15. Отдѣльныя государства Союза сохраняютъ право заключать между собою частныя соглашенія, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы эти соглашенія гарантировали авторамъ и ихъ наслѣдникамъ болѣе обширныя права, чѣмъ тѣ, которыя дарованы настоящею Конвенціею, или чтобы они содержали другія постановленія, не противорѣчащія постановленіямъ настоящей Конвенціи».

Мы уже имѣли случай упоминать объ этой статьѣ, говоря о томъ значеніи и смыслѣ, который имѣютъ постановленія ст. 8-й. Вообще, данная статья только подтверждаетъ категорическимъ образомъ то, что мы сказали выше о значеніи Бернской Конвенціи. Эта Конвенція имѣетъ цѣлью опредѣлить только тотъ minimum, который признанъ за необходимый всѣми державами. Какъ, вообще, проявленіе желанія возможно болѣе содѣйствовать защитѣ авторскаго права,—этотъ актъ ставитъ въ дѣлѣ защиты этого права только одну границу—тотъ предѣлъ, *меньше* котораго нельзя защищать авторское право. Все же то, что идетъ впередъ и расширяетъ объемъ этого права — должно быть принято членами Союза. При этомъ, члены Союза должны способствовать (а никакъ не препятствовать) не только международнымъ частнымъ конвенціямъ членовъ Союза, но даже внутреннимъ законамъ каждой отдѣльной странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій внутренній законъ, по смыслу Конвенціи, распространяется и на иностранцевъ, такъ что промульгація новаго закона выгодна *всѣмъ членамъ Союза*, разъ этотъ законъ не противорѣчитъ постановленіямъ, изложеннымъ въ Бернской конвенціи.

265. — Какъ разъясненіе вышеизложенной статьи, члены конференціи подписали еще такъ называемую дополнительную статью:

«Дополнительная статья. Настоящая Конвенція не лишаетъ силы частныя конвенціи, заключенныя между государствами Союза, подъ тѣмъ условіемъ, что эти соглашенія предоставляютъ иностраннымъ авторамъ бо̀льшія права, чѣмъ тѣ, о которыхъ гово-

рится въ настоящей Конвенціи, или не противорѣчатъ послѣдней».

Эта статья составляетъ дальнѣйшее разъясненіе вышеизложенаго принципа. Въ разсчеты конференціи для защиты авторскаго права, конечно, не входило уничтоженіе тѣхъ конвенцій, которыя были ранѣе заключены между отдѣльными государствами, гарантируя авторамъ бо̀льшую защиту.

Въ виду всего этого — авторъ, желающій знать, сколько правъ онъ имѣетъ въ извѣстной странѣ, долженъ руководствоваться, во-первыхъ, конечно, текстомъ Конвенціи Союза, съ такимъ расчетомъ, что никакое право, гарантируемое этою конвенціею, не можетъ быть нарушено ни въ одной изъ союзныхъ странъ. Во-вторыхъ, онъ долженъ руководиться тѣми законами, которые въ данной странѣ существуютъ объ авторскомъ правѣ, и, въ-третьихъ, тѣми частными литературными конвенціями, которыя эта страна заключила съ другими государствами.

Такимъ образомъ, русскій авторъ, какъ извѣстно, не пользуется за-границей защитой, если онъ издастъ книгу въ Россіи. Для того же, чтобы знать, какія права пріобрѣтаетъ онъ, поручивъ, напримѣръ, изданіе своего сочиненія парижскому книгопродавцу,—онъ долженъ руководиться:

1) Мѣстными французскими законами—для Франціи;

2) Для странъ Союза: a) Бернской конвенціей; b) частными французскими конвенціями, насколько онѣ даютъ ему права бо̀льшія, чѣмъ общая Конвенція Союза.

266. — Насколько широко пользовались государства Союза тѣмъ правомъ, которое дано имъ вышеприведенными двумя статьями, видно изъ слѣдующаго перечня.

Со дня подписанія конвенціи, государства Союза издали слѣдующіе международные акты объ авторскомъ правѣ:

1) 17 іюля 1887 года Journal officiel объявилъ [87]) объ отмѣнѣ литературной конвенціи Франція — Англія 3 ноября 1851 года и добавочнаго акта отъ 11 августа 1875 года—съ того момента, какъ Бернская Конвенція войдетъ въ силу.

---

[87]) Droit d'auteur, 1888, p. 86.

2) 31 декабря 1887 года конвенція Италія—Австрія 22 мая 1840 года продолжена до 30 іюня 1888 года [88]); затѣмъ до 31 декабря 1888 года [89]); — до 30 іюня 1889 года [90]).

3) Gazetta ufficiale 23 августа 1889 года объявила объ уничтоженіи конвенціи Италія—Бельгія 24 ноября 1859 года [91]).

4) 1 февраля 1892 года отмѣнена конвенція Франція—Бельгія 31 октября 1887 года [92]).

5) 8 іюля 1890 года заключена новая конвенція для зазащиты произведеній литературы и искусства между Англіей и Италіей, взамѣнъ конвенціи 22 мая 1840 года [93]).

Изъ внутреннихъ распоряженій отмѣтимъ испанскіе декреты 4 августа 1888 года года и 2 января 1889 года (Droit d'auteur 1888, p. 91,—1889 p. 18), а также указъ 3 сентября 1890 года (ibid. 1890 года pp. 44 и 50); французскій циркуляръ 11 февраля 1889 года (Droit d'auteur 1889, p. 29) и многіе другіе (см. Droit d'auteur 1888, pp. 16; — 1889 pp. 41, 107 и 109;—1891, p. 54).

267. — Статья 16-ая гласитъ такъ:

«Статья 16. Учреждается международное Бюро подъ названіемъ: «*Бюро международнаго Союза для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній.*

«Это Бюро, расходы по которому покрываются всѣми государствами Союза, находится подъ высокимъ покровительствомъ Швейцарскаго правительства и дѣйствуетъ подъ его контролемъ. Величина суммъ, которую будетъ платить каждое государство Союза на содержаніе этого Бюро, будетъ опредѣлена особымъ соглашеніемъ».

Бюро, о которомъ говоритъ разбираемая статья, было учреждено въ виду тѣхъ удобствъ, которыя были результатомъ основанія схожихъ бюро для другихъ большихъ международныхъ союзовъ: почтоваго, телеграфнаго и другихъ. Задачи этого Бюро были намѣчены слѣдующимъ образомъ въ

---

[88]) Droit d'auteur, 1888, p. 14.
[89]) Droit d'auteur, 1888, p. 77.
[90]) Droit d'auteur, 1888, p. 94.
[91]) Droit d'auteur, 1859, p. 113.
[92]) Droit d'auteur, 1891, p. 33.
[93]) Droit d'auteur, 1891, pp. 7 et 13.

ст. 5-ой заключительнаго протокола: Бюро будетъ центромъ, въ которомъ будутъ собираться всякія свѣдѣнія о международной защитѣ авторскихъ правъ [94]); Бюро будетъ обрабатывать свѣдѣнія и издавать ихъ; Бюро будетъ издавать изслѣдованія, могущія быть полезными для развитія Союза, пользуясь при этомъ тѣми свѣденіями, которыя будутъ ему доставляться отдѣльными государствами; для исполненія всего этого, Бюро будетъ издавать періодическій журналъ на французскомъ языкѣ, посвященный вопросамъ международной защиты авторскаго права.

Въ виду этого, Бюро издаетъ свою газету «Droit d'auteur», въ которой оно «централизуетъ» всѣ свѣденія и матеріалы, необходимые для разработки института авторскаго права и для постепеннаго улучшенія Конвенціи. Сюда включаются [95]):

1) Всѣ акты и оффиціальные документы, имѣющіе какое бы то ни было отношеніе къ авторскому праву.

2) Главнѣйшія рѣшенія судовъ, способствующія интерпретаціи конвенціи. Собраніе подобныхъ рѣшеній, постановленныхъ съ точки зрѣнія десяти—двѣнадцати различныхъ по національности судовъ, будетъ чрезвычайно важно, ибо оно наиболѣе ясно покажетъ всѣ недостатки Конвенціи (никто и не считаетъ ее совершенною). Такое собраніе выяснитъ, насколько воспринимаются интернаціональныя постановленія конвенціи мѣстными юридическими учрежденіями,—и покажетъ будущимъ конференціямъ, что нужно измѣнить, разъяснить, уничтожить [96]).

3) Сравнительное изученіе законодательствъ по вопросу объ авторскомъ правѣ; ибо нельзя забывать, что эти законодательства, всетаки, остаются главнымъ основаніемъ для конвенціи Союза. Но, въ то же время, это изученіе ни въ какомъ случаѣ не должно ограничиваться узкими рамками Союза—ибо весьма важные успѣхи въ дѣлѣ защиты авторскаго права могутъ быть достигнуты и въ другихъ, не-союзныхъ странахъ. Наконецъ, Союзъ долженъ облегчать вступленіе въ его ряды все большаго и большаго количества членовъ—а это «облегченіе»

---

[94]) Ср. Congrès de Milan, voeu IX.

[95]) См. Droit d'auteur 1888, p. 32.

[96]) Какъ это было, напр., съ cautio judicatum solvi, см. § 232.

можетъ быть достигнуто, опять таки, только сравнительнымъ изученіемъ законодательствъ.

4) Не должно оставлять безъ вниманія и труды отдѣльныхъ литературныхъ и артистическихъ обществъ, столь сильно размножившихся за послѣднее время въ западной Европѣ.

5) Подробные и послѣдовательные отчеты о постановленіяхъ судовъ всѣхъ странъ о фотографіи и схожихъ способахъ воспроизведенія. Вопросъ о томъ, насколько они составляютъ произведенія искусства—весьма еще мало разработанъ. Дѣло юриспруденціи разобраться при помощи отдѣльныхъ экспертизъ въ той массѣ сложныхъ вопросовъ, которые представляютъ для юриста всѣ эти способы. И собраніе рѣшеній по этому дѣлу будетъ особенно драгоцѣнно для будущихъ законодателей.

6) Наконецъ, Бюро должно помогать тѣмъ государствамъ, которыя пожелаютъ собрать конгрессы, предусмотрѣнные въ статьѣ 17-ой.

268. — Организація Бюро не сложна. Всѣ государства Союза вносятъ на него неравныя части, въ суммѣ составляющія 60000 франковъ (предѣльная сумма на содержаніе Бюро, см. заключительный протоколъ, ст. 5-ая).

Неравныя эти части раздѣляются на слѣдующіе 6 классовъ.

I классъ	25 единицъ.
II классъ	20 единицъ.
III классъ	15 единицъ.
IV классъ	10 единицъ.
V классъ	5 единицъ.
VI классъ	3 единицъ.

Эти цифры умножаются каждая на число государствъ, принадлежащихъ къ извѣстному классу, и полученныя такимъ образомъ произведенія складываются. Сумма всѣхъ расходовъ дѣлится на полученную сумму, и частное составляетъ одну единицу расхода.

Къ I классу отнесены:		Англія, Германія, Италія и Франція.
Ко II	» »	Испанія.
Къ III	» »	Бельгія и Швейцарія.
Къ V	» »	Гаити.
Къ VI	» »	Тунисъ.

При подобномъ распредѣленіи, единица расхода равняется приблизительно 380 frs, и по первому классу государства уплачиваютъ около 9 съ половиною тысячъ франковъ въ годъ.

Отмѣтимъ еще слѣдующій слегка комическій фактъ: Представитель государства Либерія заявилъ при подписаніи протокола, что онъ не получилъ полномочія на внесеніе этого государства въ какой либо классъ по уплатѣ расходовъ; поэтому, рѣшеніе этого вопроса было оставлено до обмѣна ратификацій. По странной случайности, государство Либерія до сихъ поръ ратификацій не обмѣняло.

Бюджетъ Бюро составляется подъ наблюденіемъ швейцарскаго правительства.

Мѣстонахожденіемъ Бюро назначенъ Бернъ, гдѣ уже находятся Бюро Союза для защиты промышленной собственности, Бюро Союза почтоваго и телеграфовъ. Газета Droit d'auteur издается на французскомъ языкѣ, хотя, съ общаго согласія всѣхъ государствъ Союза—можетъ быть издаваема и на другихъ языкахъ [97]).

269. — Статья 17-ая гласитъ такъ:

«Статья 17. Настоящая конвенція можетъ быть подвергнута такимъ измѣненіямъ, которыя—какъ окажется—будутъ необходимы.

«Всѣ подобные вопросы, такъ же какъ и другіе, имѣющіе цѣлью улучшеніе Союза, будутъ разбираемы въ послѣдующихъ конференціяхъ, имѣющихъ быть созваны во всѣхъ государствахъ Союза по-очереди.

«Ни одно измѣненіе настоящей конвенціи не будетъ имѣть силы, если оно не будетъ утверждено всѣми государствами Союза».

Эта статья весьма характеристична для выясненія взгляда делегатовъ на свой трудъ. Бернская Конвенція — не конецъ, а только начало того пути, по которому нужно идти для того, чтобы добиться окончательныхъ результатовъ. Послѣдніе же будутъ состоять, конечно, въ однообразной кодификаціи всего того, что касается авторскаго права. Конвенція Союза—mini.. ·m,

[97]) Газету эту, выходящую 15-го числа каждаго мѣсяца, можно выписать, обратившись въ Bureau de l'Union internationale pour la protection des oeuvres littéraires et artistiques, Berne, Suisse. Цѣна газеты, кажется, 5,50 фр. въ годъ.

который нужно развивать и расширять, непрестанно стремясь къ завѣтной, трудно достижимой цѣли. Когда будетъ достигнута эта цѣль — предсказать трудно, но пусть такія затрудненія не смущаютъ борцовъ за правое дѣло. Мы видѣли уже выше, какіе упреки заслужили первые проэкты конвенціи. Дальше мы укажемъ, въ чемъ обвиняли теперешнюю конвенцію позднѣйшіе многочисленные литературные съѣзды. Во всѣхъ этихъ нападкахъ очень много несправедливаго, а еще больше *преждевременнаго*. Но уже изъ вышеизложеннаго краткаго очерка видно, что Конвенція, дѣйствительно, имѣетъ много недостатковъ. Эти то недостатки и должны исправить тѣ будущія конференціи, изъ которыхъ первая должна имѣть мѣсто по почину французскаго правительства послѣ 5 Декабря 1891 года [98]).

Эти же конференціи должны слѣдить за развитіемъ института авторскаго права, который неминуемо должно измѣняться и расширяться съ развитіемъ литературы и, въ особенности, техники изобразительныхъ искусствъ. Какъ видно, задачи будущихъ конференцій многочисленны и разнообразны, такъ что проэктъ Федеральнаго Союза даже предлагалъ періодическіе съѣзды; но это предложеніе было признано не оправдываемымъ необходимостью и, потому, излишнимъ.

270.—Статья 18-ая говоритъ о формальностяхъ, исполненіе которыхъ необходимо для *присоединенія къ Союзу новыхъ членовъ*.

«Статья 18. Государства, не подписавшія настоящей конвенціи, но гарантирующія авторамъ такія же права, какъ и тѣ, о которыхъ она говоритъ—могутъ примкнуть къ Союзу.

«О такомъ присоединеніи будетъ письменно сообщено Швейцарскому правительству, которое, въ свою очередь, извѣститъ о немъ другія государства.

«Подобное присоединеніе будетъ подразумѣвать признаніе всѣхъ постановленій настоящей конвенціи».

Выше (см. § 226) мы перечислили тѣ государства, которыя 6 сентября 1886 года подписали Конвенцію. Обмѣнялись

[98]) См. заключительный протоколъ, ст. 6-ая. Во Франціи уже поднятъ, кажется, вопросъ о созваніи этой оффиціальной конференціи.

ратификаціями: *Германія*, *Бельгія*, *Испанія*, *Франція*, *Великобританія*, *Гаити*, *Италія*, *Швейцарія и Тунисъ*. Изъ этого перечня видно, что Союзъ считаетъ въ своихъ рядахъ большинство государствъ съ развитой литературной жизнью. Но не нужно забывать и того, что внѣ Союза остается еще много государствъ цивилизованныхъ и принимающихъ участіе въ литературной жизни или самостоятельно, или въ качествѣ контрафакторовъ. Въ Союзъ не вошло ни одно Американское государство—даже Соединенные Штаты, приносящіе такъ много вреда Англіи. Кромѣ того не принадлежатъ къ Союзу: Россія, Австрія, Швеція, Норвегія, государства Балканскаго полуострова и т. д. Очевидно, что цѣль Союза будетъ тѣмъ ближе достигнута, чѣмъ большее количество государствъ примкнетъ къ нему. Статья 18 Конвенціи облегчаетъ вступленіе новыхъ членовъ, доводя всѣ формальности до minimum'a, а всѣ условія къ одному: обезпечить авторамъ законодательнымъ путемъ, по меньшей мѣрѣ, столько правъ, сколько они получаютъ по Бернской Конвенціи.

Въ виду тѣхъ начинаній, которыя уже предприняты, можно надѣяться, что въ скоромъ времени присоединятся къ Союзу Соединенные Штаты и Скандинавскія государства. Гораздо неопредѣленнѣе вопросъ о Россіи: тутъ, кажется, къ сожалѣнію, придется еще долго и долго ждать.... Впрочемъ, мы еще спеціально вернемся къ вопросу о присоединеніи Россіи къ Союзу для защиты произведеній литературы и искусства (см. заключеніе).

271.—Изъ совершившихся фактовъ вступленія въ число членовъ Союза послѣ обмѣна ратификацій, мы можемъ отмѣтить только два—оба касающіеся государствъ незначительныхъ: Люксембурга и Монако.

Droit d'auteur, 10-ый номеръ за 1889 годъ, приводитъ [99]) ордоннансъ 27 сентября 1889 года, подписанный принцемъ Альбертомъ (Монакскимъ) и, между прочимъ, гласящій:

«Статья первая. Конвенція, подписанная въ Бернѣ 9-го сентября 1886 года и касающаяся вопроса объ учрежденіи между-

[99]) См. p. 113.

народнаго Союза для защиты литературныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ произведеній, будетъ зарегистрована Нашимъ Верховнымъ Трибунатомъ и получитъ полную силу на всемъ протяженіи Нашего Княжества».

Droit d'auteur, номеръ 7-ой за 1888-ой годъ, приводитъ [100]) люксембургскій законъ 23 мая 1888 года, гласящій:

«Единственная статья. Правительство можетъ приступить къ конвенціи, касающейся вопроса объ учрежденіи Союза и т. д.» [101]).

272.—Статья 19 заключаетъ слѣдующія постановленія:

«Статья 19. Всѣ государства Союза могутъ также включить въ этотъ Союзъ во всякое время и свои колоніи или заграничныя владѣнія.

«Въ этомъ смыслѣ они могутъ или сдѣлать безусловное заявленіе относительно присоединенія всѣхъ ихъ колоній и владѣній, или перечислить нѣкоторыя изъ нихъ, или, наконецъ, назвать тѣ, которыя не должны быть включены въ число членовъ Союза».

Въ силу этой статьи, не требующей особыхъ объясненій, при подписаніи Конвенціи, делегаты Франціи, Великобританіи и Испаніи сдѣлали слѣдующія заявленія относительно колоній.

Французскій делегатъ, Emmanuel Arago, заявилъ, что всѣ французскія колоніи присоединяются къ Союзу одновременно съ Франціей. Заявленіе это было формулировано въ декретѣ 29 октября 1887 года: «всѣ законодательныя постановленія, регулирующія во Франціи литературную собственность — распространяются также и на колоніи» [102]).

Делегатъ Испаніи, графъ Almina, заявилъ, что «приступленіе Испаніи къ конвенціи подразумѣваетъ также и приступленіе всѣхъ территорій, испанской коронѣ подчиненныхъ [104])».

Делегатъ Великобританіи F. O. Adams сдѣлалъ подобное же заявленіе, впрочемъ, со слѣдующимъ ограниченіемъ: англійское правительство сохраняетъ за собой право «во всякое время заявить объ исключеніи изъ числа членовъ Союза од-

---

[100]) См. p. 64.

[101]) Въ самое послѣднее время къ Союзу приступила Черногорія.

[102]) См. France judiciaire 1888, p. 193.

[104]) См. Droit d'auteur, 1888, p. 8.

ной или нѣсколькихъ колоній, независимо отъ метрополіи, какъ это предусмотрѣно статьею 20-ою» [105]).

273.—Статья 20-ая гласитъ такъ:

«Статья 20. Настоящая конвенція войдетъ въ силу черезъ три мѣсяца послѣ обмѣна ратификацій и останется дѣйствительною неопредѣленное количество времени до истеченія одного года съ того момента, какъ члены ея откажутся отъ ея исполненія.

«Отказы отъ настоящей конвенціи будутъ посылаемы тому же правительству, которое будетъ принимать и новыхъ членовъ. Отказы отъ настоящей конвенціи будутъ имѣть силу только для отказавшихся государствъ, не вліяя на отношенія другихъ государствъ союза».

Такимъ образомъ, ни вступленіе новыхъ членовъ въ ряды Союза, ни отказъ прежнихъ членовъ отъ соблюденія обязательствъ—не должно служить поводомъ для измѣненія текста конвенціи или для собранія новой дипломатической конференціи. Техника вступленія и выхода упрощена до-нельзя.

Нужно ли разсчитывать на возможность отказа такъ же, какъ мы выше разсчитывали на возможность вступленія новыхъ членовъ? Изъ статьи 20-ой видно, что ни одно государство не связано ни на мгновеніе: всякое изъ нихъ остается членомъ Союза ровно столько времени, сколько оно само считаетъ это для себя выгоднымъ, конечно, не для отдѣльныхъ книгоиздательскихъ фирмъ,—а для всего государства во всей совокупности его гражданъ. Выгоднымъ не одной только книжной торговлѣ, но и развитію наукъ, литературы и искусствъ. Дальше мы вернемся еще къ тому вопросу, насколько конвенція Бернскаго Союза удовлетворяетъ этимъ капитальнѣйшимъ требованіямъ. Теперь же скажемъ, что, по нашему крайнему и искреннему убѣжденію, отказъ отъ Союза—вещь невозможная, ибо она влечетъ слишкомъ много убытковъ для страны. Къ тому же, на почвѣ юридической невозможенъ подобной регрессъ: идея авторскаго права развивалась и развивается медленно, но тѣмъ прочнѣе ея успѣхи.

Итакъ, по нашему мнѣнію, ни одно изъ государствъ

---

[106]) См. Actes pour la troisième conférence internationale, pp. 43 et 21.

Союза никогда не сочтетъ выгоднымъ или необходимымъ для себя отказаться отъ участія въ международномъ Союзѣ для защиты произведеній литературы и искусствъ. Впрочемъ, время покажетъ.

274.—Послѣдняя статья Конвенціи гласитъ такъ:

«Статья 21. Настоящая Конвенція будетъ ратификована, и ратификаціи будутъ обмѣнены въ Бернѣ не позже какъ черезъ годъ».

Для упрощенія процедуры обмѣна ратификацій, признано было болѣе удобнымъ, чтобы каждый представитель доставилъ ратификацію въ одномъ только экземплярѣ. По этому поводу заключительный протоколъ выражается такъ:

«Статья 7. (Protocole de clôture) При обмѣнѣ ратификацій, о которомъ говоритъ ст. 21-ая, всякая сторона представитъ только одинъ экземпляръ акта, который и будетъ переданъ въ архивъ швейцарскаго правительства. Въ обмѣнъ, всякая сторона получитъ по экземпляру протокола объ обмѣнѣ ратификацій, подписаннаго всѣми Уполномоченными».

Въ силу этой статьи, 5 сентября 1887 года состоялся обмѣнъ ратификацій. Протоколъ обмѣна помѣщенъ въ Droit d'auteur за 1888 г., стр. 8.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Продолжительность защиты авторскаго права.

275.—Можетъ быть, не такъ полно, какъ того требовала важность обсуждаемаго вопроса, но мы разсмотрѣли, всетаки, исторію защиты авторскаго права иностранцевъ настолько подробно, чтобы читателю можно было составить себѣ достаточно ясное понятіе, въ какихъ случаяхъ имѣютъ иностранцы право на защиту и въ какихъ размѣрахъ; какую защиту гарантируютъ имъ, во-первыхъ, главнѣйшія законодательства, во-вторыхъ, наиболѣе замѣчательныя международныя литературныя конвенціи, и, въ третьихъ, послѣдняя общая конвенція Бернскаго Союза для защиты произведеній литературы и искусствъ.

Намъ остается теперь дать синтетическій обзоръ всего предъидущаго, присоединивъ нѣсколько словъ о «размѣрахъ» защиты въ разныхъ странахъ,—ибо иначе наше обозрѣніе было бы незаконченнымъ, не давая достаточно яснаго и отчетливаго отвѣта на тотъ вопросъ, рѣшеніе котораго мы поставили задачей настоящей работы: «какъ и въ какихъ предѣлахъ защищаются права авторовъ, по преимуществу, иностранныхъ.» Именно синтетическій обзоръ можетъ дать ясный отвѣтъ, какъ разрѣшается та или другая трудность, представляемая международной защитой авторскаго права—въ той или другой странѣ, въ той или другой международной конвенціи.

Въ то же время, нѣтъ ничего лучше, какъ сравненіе многочисленнаго количества разнообразныхъ мнѣній для того,

чтобы приблизиться къ наиболѣе правильному рѣшенію даннаго вопроса. Синтетическій обзоръ, сталкивая между собой идеи и очищая ихъ такимъ образомъ отъ всего неправильнаго и ненужнаго—поможетъ намъ выяснить, по возможности правильно, какъ же, въ самомъ дѣлѣ, лучше всего рѣшить тѣ «проклятые» вопросы, которыхъ такъ много въ практикѣ авторскаго права. И здѣсь намъ, въ особенности, помогутъ рѣшенія такихъ авторитетныхъ собраній, какъ литературные конгрессы, а также и юридическая литература. Въ то же время, мы, конечно, далеки отъ самомнѣнія утверждать, что все, изложено нами дальше—оригинально или, тѣмъ паче, безусловно вѣрно. Мы сравнимъ различные взгляды—и выяснимъ, какой взглядъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе правиленъ; выяснимъ, чего нужно желать отъ будущихъ законодательствъ.

276.—Всѣ конгрессы уже давно стремятся къ той цѣли, о которой былъ поднятъ вопросъ во время подготовительныхъ работъ Бернскаго Союза: къ однообразной международной кодификаціи авторскаго права. Намъ кажется, что подобное желаніе—какъ это было тогда же указано—весьма преждевременно. Преждевременно потому, что долго, долго еще (если не вѣчно) всякій народъ будетъ возставать противъ законовъ, которые ему будутъ навязывать постороннія государства. Но всетаки, изъ за этого еще не приходится терять надежды на возможность кодификаціи. Ибо, даже еслибы указанное нами противодѣйствіе продолжалось *вѣчно*—и то общая кодификація возможна. Но возможна не тѣмъ путемъ, который предлагала германская делегація, а слѣдующимъ: пусть всякій народъ слѣдитъ за постепеннымъ прогрессомъ науки объ авторскомъ правѣ, пусть онъ самостоятельно стремится къ идеалу—и онъ съ удивленіемъ замѣтитъ, что введеніе (насильственное) однообразной кодификаціи въ тотъ моментъ, когда всѣ народы достигнутъ идеала въ своихъ законодательствахъ объ авторскомъ правѣ—станетъ ненужнымъ. Идеалы эти вездѣ будутъ одинаковы и сами собой сольются въ одно общее, нерушимое цѣлое. Пусть не говорятъ, что идеалъ не достижимъ—если онъ не достижимъ вполнѣ, то ближе всего къ нему можетъ подойти законодательство.

Именно тѣ требованія, которыя должны быть приложены къ законодательству болѣе совершенному, чѣмъ современныя—мы и хотѣли бы выяснить въ настоящей части. Идеалъ далекъ,—но это не помѣшаетъ намъ пожелать, чтобы законодательства и конвенціи безпрестанно и неуклонно шли по тому пути, который ведетъ къ истинѣ, по тому пути, который мы старались намѣтить въ нашихъ, по возможности, менѣе утопическихъ desiderata.

277.—Въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія мы выяснили экономическое и теоретическое значеніе института авторскаго права, другими словами, старались показать, *для чего и почему необходимъ этотъ институтъ*. Въ настоящемъ отдѣлѣ мы хотѣли бы выяснить, *въ какихъ размѣрахъ необходимо и справедливо авторское право*. Послѣднее должно существовать—это неоспоримо. Гораздо важнѣе въ практическомъ отношеніи вопросъ: должно ли оно существовать неопредѣленный срокъ, какъ право собственности, или его дѣйствіе должно ограничиться извѣстнымъ срокомъ? Будетъ ли авторъ и его наслѣдники ограничены въ своемъ правѣ исключительнаго воспроизведенія? Другими словами: будетъ ли авторское право вѣчно?

278.—Мы уже доказали значеніе и необходимость установленія авторскаго права и показали его цѣль. Послѣднюю мы формулировали слѣдующимъ образомъ: авторское право должно помогать ученымъ, писателямъ, художникамъ и т. п. удовлетворять наиболѣе полнымъ образомъ потребностямъ общества. Отсюда, конечная цѣль авторскаго права—способствовать наиболѣе полному удовлетворенію потребностей общества. Вычтите изъ цѣны книгъ и другихъ произведеній интеллектуальнаго труда ту часть, которая платится автору, какъ собственнику монополіи на продажу даннаго произведенія—цѣна книгъ, правда, понизится, но въ то же время неминуемо пойдетъ на упадокъ и самое интеллектуальное производство, ибо авторы, лишенные возможности поддерживать

себя трудомъ своимъ, принуждены будутъ покинуть это интеллектуальное производство и обратиться къ матеріальному. Въ концѣ же концовъ, уничтоженіе авторскаго права повредитъ самому обществу.

Но, въ то же время, нужно постоянно имѣть въ виду, что авторское право должно существовать только въ такихъ границахъ, какія необходимы для удовлетворенія его единственной цѣли: поддержанія дѣятельности поэтовъ, ученыхъ, художниковъ и т. д. Всякое дальнѣйшее расширеніе этихъ границъ безполезнымъ образомъ замедляетъ распространеніе въ обществѣ полезныхъ произведеній, вредитъ интересамъ этого общества, несоотвѣтствуетъ цѣли авторскаго права, — и, въ виду всего этого, должно быть уничтожено. Дѣло законодателя указать эти границы (и раньше всего: *срокъ*) такимъ образомъ, чтобы авторское право наиболѣе полнымъ образомъ удовлетворяло своей цѣли. При этомъ, необходимо немедленно освободиться отъ взгляда, неправильнаго въ самомъ основаніи, взгляда, будто общество тѣмъ больше выиграетъ, *чѣмъ короче будетъ продолжительность авторскаго права*; взгляда, будто эта продолжительность устанавливается соглашеніемъ между интересами общества и автора, интересами, другъ другу противорѣчащими. Такъ, напримѣръ, проф. Шершеневичъ говоритъ по этому поводу [1]): «Общество, заботящееся о распространеніи въ своей средѣ просвѣщенія, должно желать, чтобы цѣна книгъ была, по возможности, ниже, была доступна даже для самыхъ бѣдныхъ слоевъ его. Но въ цѣну книги входитъ, какъ мы видѣли, еще одинъ элементъ — авторскій гонораръ, и здѣсь то именно происходитъ *столкновеніе интересовъ* автора съ общественнымъ интересомъ. Если существованіе этого дохода необходимо для обезпеченія жизни и труда автора, то, по крайней мѣрѣ, чѣмъ скорѣе прекратится этотъ искусственный подъемъ цѣны, тѣмъ лучше для общества». Такой взглядъ, по нашему мнѣнію—совершенно невѣренъ.

279.—Проф. Шершеневичъ говоритъ: «чѣмъ скорѣе прекратится этотъ искусственный подъемъ,—тѣмъ лучше для обще-

[1]) См. Шершеневичъ, Авторское право, Казань 1892 г., стр. 16.

ства». Нелогичность подобнаго взгляда ясно обнаруживается изъ слѣдующаго: «искусственный подъемъ» будетъ минимальнымъ, если его совсѣмъ уничтожить. Если бы завтра Россія уничтожила всѣ авторскія права—она исполнила бы желаніе, высказываемое пр. Шершеневичемъ. «Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше».— Но что же можетъ быть скорѣе, какъ завтра же уничтожить «искусственный подъемъ»? Однако, будетъ ли это выгоднымъ для общества? Очевидно,—нѣтъ; чего, впрочемъ, и самъ пр. Шершеневичъ не отвергаетъ. Онъ самъ говоритъ, что авторское право и сохраненіе его необходимо и даже *выгодно* для общества [2]). Слѣдовательно, уничтожить *какъ можно скорѣе* авторское право вовсе не значитъ принести обществу пользу, а скорѣе—*повредить* ему. Если въ сохраненіи авторскаго права заинтересованъ самъ авторъ, то въ одинаковой же степени заинтересовано и само общество. Это кажется, въ особенности, съ точки зрѣнія пр. Шершеневича—софизмомъ, а, между тѣмъ, это вполнѣ вѣрно, и намъ было бы очень жаль, еслибы положеніе это не вытекало логически послѣдовательно изъ того, что выяснено нами въ началѣ настоящаго сочиненія.

Итакъ, сохраненіе авторскаго права на извѣстный срокъ одинаково согласуется съ интересами какъ автора, такъ и самого общества. Нужно только опредѣлить этотъ извѣстный срокъ, тотъ срокъ, который не вредилъ бы интересамъ общества.

Каковъ же долженъ быть этотъ срокъ?

280.—Мы уже видѣли, что общество весьма бы пострадало, еслибы мы приняли этотъ срокъ за равный нулю, т. е. еслибы совсѣмъ уничтожили авторское право. Слѣдовательно, это право должно быть признано дѣйствительнымъ на какой нибудь реальный срокъ. По этому вопросу существуютъ три главныя теоріи:

1) авторское право признается вѣчнымъ и передается по наслѣдству безъ всякихъ ограниченій;

2) авторское право признается пожизненнымъ, т. е. продолжающимся до смерти автора;

---

[2]) Авторское право, глава I passim.

3) авторское право признается не только пожизненнымъ, но еще и продолжающимся извѣстное количество лѣтъ послѣ смерти автора.

281.—Вопросъ о вѣчной защитѣ авторскаго права весьма и весьма не новъ. Много разъ онъ былъ предметомъ самыхъ оживленныхъ дебатовъ не только въ сферѣ журналистики, но даже и на засѣданіяхъ законодательныхъ собраній. Большое количество самыхъ выдающихся ученыхъ и ораторовъ принимало участіе въ обсужденіи этого вопроса, и, всетаки, надо признаться, вопросъ о томъ, быть или не быть вѣчной защитѣ, еще далеко не рѣшенъ.

По крайней мѣрѣ, почти ни одно государство въ законодательствѣ своемъ—какъ мы увидимъ ниже—не высказалось окончательнымъ образомъ въ этомъ смыслѣ. Обратимъ вниманіе, напримѣръ, на Францію, имѣвшую наибольшее количество защитниковъ «вѣчности». Несмотря на то, что Chapelier, докладывая о декретѣ 19 января 1791 года (о спектакляхъ и правѣ публичнаго исполненія) говорилъ въ слѣдующихъ громкихъ выраженіяхъ [3]): «Наиболѣе священное, наиболѣе законное, наиболѣе неприкосновенное и, если такъ можно выразиться, наиболѣе личное изъ всѣхъ правъ собственности есть право на свое сочиненіе, продуктъ мысли автора»;—несмотря на то, что въ 1793 году докладчикъ Lakanal говорилъ по поводу декрета 24 іюля [4]): «изъ всѣхъ правъ собственности меньше всего можно оспаривать право автора на его произведеніе»; — несмотря на то, что впродолженіе всего этого столѣтія лучшія силы принимали участіе въ обсужденіи этого вопроса, приводя доводы самые краснорѣчивые и убѣдительные, — несмотря на все это, въ 1866 году, при обсужденіи проэкта новаго закона, всетаки, не могли придти ни къ какому окончательному соглашенію относительно тѣхъ основныхъ принциповъ, изъ которыхъ вытекаетъ «литературная собственность», а, слѣдовательно, и окончательно рѣшить вопросъ о срокѣ. Не даромъ

---

[3]) См. Vorms, Etude sur la propriété littéraire, T. II p. 6.

[4]) ibid p. 22 ss.

Жюль Симонъ говоритъ [5]): «По моему мнѣнію, наибольшее достоинство ст. 1-ой разбираемаго акта заключается въ томъ, что она не рѣшаетъ вопроса принципіально, оставляя его съ этой стороны открытымъ».

282. — Посмотримъ прежде всего, на чемъ основываютъ свои обширныя требованія тѣ юристы, которые признаютъ необходимымъ распространить авторское право на вѣчныя времена. Въ этомъ отношеніи необходимо различать два направленія. По одному — аргументы сводятся, въ концѣ концовъ, къ извѣстному афоризму Альфонса Карра: «que la propriété littéraire soit enfin une propriété» — и къ тому положенію, которое было высказано въ 1844 году принцемъ Луи-Наполеономъ (впослѣдствіи императоромъ Наполеономъ III) въ письмѣ къ Жобару: «L'ouevre intellectuelle est une propriété comme une terre, comme une maison; elle doit jouir des mêmes droits, et pouvoir être aliénée que pour une cause d'utilité publique» [6]). Короче сказать, защитники принципа вѣчности этого направленія принадлежатъ къ категоріи тѣхъ юристовъ, которые a priori сравниваютъ авторское право съ правомъ собственности и затѣмъ уже совершенно логично разсуждаютъ: разъ существуетъ наслѣдственная передача того, что можетъ составлять объектъ права собственности вообще,—отчего не распространить это общее правило и на объектъ собственности литературной?. «Если человѣкъ— говорилъ Portalis въ засѣданіи 26 мая 1839 года [7])—можетъ присвоить себѣ вещи, которыя находятся внѣ его и совершенно чужды ему, какимъ образомъ мы откажемъ ему въ возможности сохранять право собственности на его мысли, выраженіе этихъ мыслей, на проявленіе во-внѣ его интеллектуальнаго труда, на изобрѣтенія его генія, на комбинаціи, составленныя его сообразительностью — на все то, что онъ можетъ издать въ свѣтъ?»—Изъ этого набора словъ (въ особенности если прочитать его въ оригиналѣ), видно, что г-нъ

---

[5]) Pataille, Annales de la propriété littéraire, artistique et industrielle, 1867 p. 181. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько безпринципность можно причислять къ достоинствамъ какого либо закона!

[6]) Цитировано у Proudhon'a, Majorats littéraires, p. 3.

[7]) Moniteur officiel 1839 года, p. 774.

Портались, во-первыхъ, отдаетъ идеи въ собственность автора («.... de ses idées. .») а, во-вторыхъ, смѣшиваетъ понятіе идей (pensées) и той формы, въ которой идеи выражены (l'expression des pensées) — что составляетъ двѣ вещи весьма несхожія.

283. — Другая категорія юристовъ старается встать на болѣе научную почву и, потому, *доказываетъ*, что авторское право есть право собственности, — а ужъ затѣмъ переходитъ простымъ силлогизмомъ къ вѣчности литературной собственности. Хотя вопросъ о «литературной собственности», на первый взглядъ, не можетъ имѣть особенно много общаго съ обсужденіемъ вопроса о продолжительности защиты авторскаго права—однако, мы съ извѣстною подробностью остановимся на обзорѣ исторій «литературной собственности», именно, здѣсь, ибо, какъ мы увидимъ дальше, «вѣчность авторскаго права» падаетъ сама собой, разъ доказана ложность взгляда тѣхъ юристовъ, которые защищаютъ теорію литературной собственности. Въ то же время, мы не имѣемъ намѣренія предлагать здѣсь полный обзоръ всѣхъ развѣтвленій, которыя представляетъ «литературная собственость» — а только хотѣли бы указать на тѣхъ юристовъ, которые представляются наиболѣе типичными, раздѣливъ ихъ, для ясности, на три главныя категоріи.

Прежде всего отмѣтимъ теорію, развиваемую французскимъ юристомъ Thuilliez въ его докторской диссертаціи [8]). Этотъ юристъ говоритъ такъ [9]): «Чѣмъ больше изучаешь литературную собственность, чѣмъ больше стараешься добраться до исконныхъ ея основаній и прослѣдить постепенное развитіе ея принциповъ—тѣмъ болѣе убѣждаешься, что она исходитъ изъ тѣхъ же положеній, какъ и собственность земельная или движимая, что она должна имѣть тѣ же законныя слѣдствія... Литературная собственность также основывается на завладѣніи вещами посредствомъ труда; разница заключается только въ томъ, что ея побѣды происходятъ въ области мы-

---

[8]) Thuilliez, Thèse de doctorat, Faculté de droit de Paris, 1876 года.

[9]) p. 27 ss.

сли». Уже изъ этого видно, что Thuilliez признаетъ литературную собственность въ самой крайней формѣ, говоря объ оккупаціи въ области отвлеченныхъ идей. Такимъ образомъ его можно считать типичнымъ представителемъ первой категоріи «собственниковъ», т. е. той категоріи которая объектомъ литературной собственности признаетъ—идеи (!).

Положеніе свое, Thuilliez доказываетъ довольно страннымъ способомъ, говоря: «Какимъ образомъ происходитъ, что столько народу и съ такимъ ожесточеніемъ нападаетъ на литературную собственность, тогда какъ всѣ мудрецы и ученые съ почтеніемъ преклоняются передъ собственностью, напримѣръ, земельною? Причина этого явленія очевидна: литературная собственность явилась на свѣтъ слишкомъ поздно—и ей до сихъ поръ не могутъ этого простить». Очевидно, что подобное замѣчаніе еще ничего не доказываетъ. Эти «мудрецы и ученые» преклонились бы передъ собственностью на идеи такъ, какъ они преклоняются предъ собственностью на землю, если бы Thuilliez могъ доказать сходство. Впрочемъ, онъ старается провести параллель слѣдующимъ образомъ [10]): «Въ началѣ идеи принадлежали, какъ и земля — всѣмъ людямъ безъ исключенія. Авторъ овладѣваетъ ими, даетъ имъ новую жизнь и индивидуальную форму, пуская ихъ такимъ образомъ въ продажу. Всякое произведеніе можно уподобить полю, плоды котораго суть послѣдовательныя изданія... Всякій человѣкъ, раньше момента оккупаціи, имѣлъ одинаковое право на всю поверхность земли. Колонистъ, обработывающій клочекъ земли, превращаетъ его въ свою собственность, причемъ онъ также устраняетъ возможность оккупаціи той-же вещи другими лицами. Не такъ бываетъ съ авторомъ. Идеи, въ ихъ чистой формѣ, не могутъ быть объектомъ присвоенія и остаются въ общественномъ пользованіи; писатель желаетъ получить право собственности только на ту форму, въ которую онъ облекаетъ идеи, ту форму, которая составляетъ очевидное проявленіе и результатъ его труда».

---

[10]) Ibid. p. 29 ss. Въ концѣ цитаты Thuilliez самъ себѣ противорѣчитъ, ср. цитату подъ выноской 8-й.

Даже изъ этого отрывка видно, насколько странное смѣшеніе господствуетъ у этого юриста. Онъ начинаетъ сравненіемъ идей съ землею, никѣмъ не занятою. Затѣмъ, онъ указываетъ, что эти *идеи* подвергаются постепенной оккупаціи,— и, въ концѣ концовъ, приходитъ къ убѣжденію, что идеи присвоенію не подлежатъ, а что авторъ имѣетъ право собственности только на форму. Очевидно, что объ оккупаціи идей можно говорить только въ томъ случаѣ, если идеи подлежатъ присвоенію; въ противномъ случаѣ можно говорить объ оккупаціи на форму. Перваго (т. е. оккупаціи идей) Thuilliez оказывается не въ состояніи доказать,—второе (оккупація формъ), очевидно, невозможно, ибо всякая оккупація предполагаетъ предварительное существованіе объекта, тогда какъ авторъ самъ создаетъ форму [11]).

Итакъ, даже Thuilliez, защитникъ теоріи собственности на идеи, въ концѣ концовъ, приходитъ къ заключенію: «les idées, considérées en leur pure nature échappent à toute appropriation»[12]).

284.—Вторая категорія считаетъ объектомъ литературной собственности —*ту форму, въ которой выражены идеи*. Сюда прежде всего нужно отнести Laboulaye [13]).

Этотъ юристъ начинаетъ параграфъ II своего вступленія къ исторіи литературной собственности во Франціи и Англіи слѣдующими словами, прямо уже показывающими невѣрную постановку вопроса: «Такимъ образомъ, намъ нужно, прежде всего, изучить щекотливый вопросъ о томъ, есть ли авторское право привилегія, или право собственности. Законъ по этому вопросу не высказывается, но рѣшеніе его не можетъ не быть признано чрезвычайно важнымъ, ибо сообразно съ принятымъ принципомъ будутъ измѣняться и всѣ подробности относительно примѣненія закона. Если авторское право есть право

---

[11]) ср. Kohler, Autorrecht, s. 293 ff.

[12]) До чего иногда доходятъ защитники собственности на идеи видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго. Folleville (Propriété littéraire, p. 19) приводитъ категорическое заявленіе нѣкоего юриста Драмара, согласно мнѣнію котораго авторское право должно распространяться non seulement à la forme donnée à l'idée, mais encore à l'idée elle même.

[13]) Etudes sur la propriété littéraire en France et en Angleterre au XVIII siècle.—Введеніе passim.

собственности, всякія границы, какія бы мы ему ни дали—будутъ ему узки; если авторское право—только привилегія, было бы чрезвычайно благоразумнымъ, по возможности, съузить предѣлы его осуществленія. Въ первомъ случаѣ контрафакція есть кража; во второмъ—она почти что извинительна, ибо она есть только проявленіе свободы». По совершенно справедливому замѣчанію пр. Шершеневича, «неправильность такой исходной точки очевидна. Если при отысканіи юридической природы института мы будемъ взвѣшивать предварительно практическую пользу причисленія его къ той или другой группѣ, то такое предубѣжденіе не дастъ возможности придти къ научному заключенію».

Доказываетъ свою теорію Laboulaye такъ: «Если мы возьмемъ книгу—говоритъ онъ [14]),—то мы увидимъ въ ней два совершенно различные, особо стоящіе элемента: во-первыхъ, идеи автора и, во-вторыхъ, ту форму, которую авторъ придалъ этимъ идеямъ; эта форма имѣетъ самостоятельное существованіе только въ манускриптѣ, и мѣновую цѣнность только при механическомъ воспроизведеніи. Возьмемъ, напримѣръ, «Федру» Расина; въ ней есть идея, которую авторъ взялъ у Еврипида, обработавъ ее силою своего генія; кромѣ того, есть въ ней стихи, т. е. совокупность словъ, поставленныхъ въ гармонической послѣдовательности, причемъ послѣдняя есть личное созданіе поэта; эти стихи, перенесенные на бумагу и воспроизведенные тисненіемъ, могутъ представить изъ себя предметъ оборота. Указываемое различіе формы и содержанія чрезвычайно просто; между тѣмъ, всѣ тѣ, кто отрицаетъ литературную собственность, исходятъ именно изъ смѣшенія этихъ двухъ понятій».

Laboulaye говоритъ, что форма легко отдѣляется отъ идеи. Мы не можемъ согласиться съ подобнымъ взглядомъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Во-первыхъ, уже потому, что Laboulaye не опредѣляетъ (нигдѣ), что такое форма—та форма, которую авторъ «даетъ» своимъ идеямъ. Да и какъ ее опредѣлить? Laboulaye называетъ въ трагедіи «Федра» формою—

[14]) ibid p. XXXI ss.

стихи, въ которыхъ она изложена. Но очевидно, что форма трагедіи не заключается только въ риѳмованныхъ строчкахъ. Laboulaye считаетъ, что различіе между формой и содержаніемъ «est très-simple». Какъ можно сказать, что такое форма, если эта форма не имѣетъ самостоятельнаго существованія? Не только на практикѣ, но и въ теоріи форма не отдѣляется отъ идеи. Объектомъ авторскаго права можетъ быть произведеніе искусства въ цѣломъ, а не форма и не идея—изъ которыхъ ни та, ни другая одна отъ другой не отдѣлимы. Мы бы очень хотѣли посмотрѣть, какъ бы Laboulaye сталъ въ трагедіи «Федра» отдѣлять форму отъ содержанія. Уничтожьте въ сочиненіи идею—останется ли форма?—конечно, нѣтъ. Могутъ ли остаться стихи, въ которыхъ будетъ уничтожено содержаніе?—нѣтъ, ибо это будутъ не стихи, не абстрактная «форма», и даже не наборъ словъ (всякій наборъ словъ что-нибудь да выражаетъ)—это будетъ ничто (ein Nichtsein). Laboulaye же, раздѣляя форму отъ идеи, долженъ обязательно предположить существованіе такой «формы», которая ничего не выражаетъ, которая лишена всякой идеи. Вотъ почему мы думаемъ, что вопросъ о раздѣленіи формы отъ идеи вовсе не такъ простъ, какъ его предполагаетъ Laboulaye. «Въ виду того—говоритъ Kaerger въ своей диссертаціи [15])—что форма, въ которую выливается содержаніе (будетъ ли оно матеріальнымъ, или духовнымъ), не имѣетъ самостоятельнаго существованія, и также того, что никакая правовая норма не можетъ сдѣлать изъ ничего—что-нибудь реальное, форма не можетъ быть объектомъ права».

Даже съ той точки зрѣнія, которую предполагаетъ Laboulaye въ началѣ своего разсужденія, т. е. съ точки зрѣнія выгоды для авторовъ, теорія о собственности на форму можетъ имѣть очень печальныя послѣдствія. Предполагая эту теорію за правильную,—приходится, правда, защитить на вѣчныя времена произведенія искусства, но уже *только въ той формѣ, которая дана ему авторомъ*. Ни о какой защитѣ правъ

[15]) Kaerger, докторская диссертація, представленная въ Страсбургскій университетъ.

исключительнаго перевода, *права исключительной драматизаціи*, *права на adaptations*, *транскрипціи* и т.д.—конечно, не можетъ быть и рѣчи. По теоріи Laboulaye, авторъ вѣчно сохраняетъ право перепечатывать свое сочиненіе въ той формѣ, въ какой онъ издалъ его впервые. Сохраняется ли форма, если музыкальный издатель печатаетъ транскрипцію лучшихъ мотивовъ оперы—для скрипки?—очевидно, что нѣтъ.

285.—Но Laboulaye въ своемъ разсужденіи смѣшиваетъ еще одинъ вопросъ, утверждая, что «la forme n'a d'existence matérielle que par le manuscrit [16])» и, слѣдовательно, что этотъ манускриптъ, въ концѣ концовъ, и долженъ быть объектомъ авторскаго права [17]). Въ этомъ уже нельзя не признать самой очевидной ошибки. Ибо авторское право не имѣетъ ничего общаго съ правомъ собственности на манускриптъ и никогда изъ послѣдняго не вытекаетъ. «Совершенно ясно для каждаго, что обладаніе манускриптомъ не имѣетъ ничего общаго съ авторскимъ правомъ: если я на бумагѣ, въ которую была обернута купленная мною вещь, нашелъ чужіе стихи, то отсюда еще не вытекаетъ мое исключительное право на воспроизведеніе [18])».

Полная несостоятельность теоріи манускрипта - объекта литературной собственности становится еще болѣе очевидною, когда Laboulaye приходится, разсуждая логически, признать, что литературная собственность не можетъ распространяться на произведенія устныя. Вполнѣ ясно, что авторское право на лекцію не можетъ измѣниться отъ того, читалъ ли ее профессоръ по манускрипту, — или нѣтъ (не говоря уже о безчисленныхъ переходныхъ ступеняхъ между этими двумя крайностями: могутъ быть произвольныя вставки, лекція можетъ быть читана по краткому плану, спеціально составленному). Между тѣмъ, Laboulaye, признавая, что авторъ, написавшій сочиненіе, становится его собственникомъ — говоритъ объ устныхъ произведеніяхъ: «Мнѣ кажется *справедливымъ*, чтобы профессоръ имѣлъ право запретить воспроизведеніе его

[16]) ibid. p. XXXI.
[17]) ibid. p. XXXII.
[18]) Шершеневичъ, op. cit. стр. 32

словъ и мыслей» [19])—т. е. только *справедливымъ*, ибо профессоръ-де уже не является собственникомъ своей лекціи: «однако, онъ дѣйствуетъ въ подобномъ случаѣ уже не въ качествѣ собственника...». Laboulaye не выясняетъ ни однимъ словомъ разницы между интеллектуальными производителями, издающими свои произведенія въ устной или письменной формѣ (да и какъ ее выяснить?)—а между тѣмъ, совершенно произвольно утверждаетъ существованіе права собственности для послѣднихъ и отсутствіе—для первыхъ. Онъ говоритъ: «Даже несмотря на то, что я и не думаю о томъ, чтобы издать мои лекціи, или просто редактировать ихъ, даже несмотря на то, что законъ не защищаетъ моей литературной собственности (?) — мое право на лекціи остается все тѣмъ же. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно позволить чужимъ людямъ употреблять мои слова, какъ предметъ торговли, ибо въ этомъ законъ защищаетъ мою честь, мое достоинство... но, конечно, не мою литературную собственность» [20]). Такимъ образомъ, рядомъ съ литературною собственностью на письменныя произведенія,—Laboulaye приходится признать еще нѣчто вродѣ личнаго права на произведенія устныя. Между тѣмъ, въ принципѣ, между первыми и послѣдними незамѣтно никакой существенной разницы—письменное изложеніе не измѣняетъ авторскаго права.

286.—Вотъ основанія, почему мы считаемъ нужнымъ признать и эту теорію неправильною и узкою. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о третьей группѣ юристовъ изъ числа признающихъ теорію литературной собственности. Сюда относятся немногочисленные германскіе юристы (Schmid, Homeyer— и друг.), считающіе объектомъ литературной собственности—*право* удержать за собой дальнѣйшее распространеніе сочиненія и устранить другихъ отъ этого распространенія [21]).

Мы не имѣли возможности познакомиться съ сочиненіями этихъ юристовъ въ оригиналѣ и, для полноты изложенія, позволимъ себѣ привести слѣдующее объ этой теоріи мнѣніе

---

[19]) Laboulaye, op. cit. p. XXXVI.
[20]) Ibid. p. XXXVI.
[21]) см. Kaerger, s. 29.

Kaerger'a, добросовѣстнаго изслѣдователя [22]): «Вообще, существуетъ много юристовъ, отвергающихъ возможность существованія правъ на права; по моему мнѣнію, понятіе права собственности на право, во всякомъ случаѣ, представляется совершенно нелогичнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы могли бы съ одинаковою увѣренностью, какъ о правѣ собственности на авторское право, говорить и о правѣ собственности на права обязательственныя или семейныя; и въ этомъ случаѣ намъ пришлось бы обозначать весь комплексъ правъ, принадлежащихъ человѣку, — его собственностью, совершенно искажая понятіе послѣдней».

Такимъ образомъ, ни одна изъ существующихъ теорій литературной собственности не выдерживаетъ критики, — а, вмѣстѣ съ тѣмъ, падаютъ, слѣдовательно, и всѣ теоретическіе доводы въ пользу вѣчной защиты авторскаго права, ибо ни одна другая теорія, очевидно, вѣчной защиты этого права оправдать не можетъ.

287.—Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что очень часто защитники вѣчной защиты стараются обосновать свои требованія на соображеніяхъ не теоретическаго, но чисто-практическаго свойства. Такъ, указываютъ на интересы авторовъ, на то бѣдственное, будто бы, положеніе, которое должно ихъ постигнуть, лишь только будетъ установленъ ограниченный срокъ авторскаго права. Говорятъ, будто подобный срокъ долженъ разорить авторовъ и обречь на нищету ихъ дѣтей. «Человѣкъ — говорилъ Ламартинъ — истрачиваетъ всю свою жизнь на то, чтобы, забывъ о самомъ себѣ и своей семьѣ, обогащать человѣчество своими произведеніями или новыми идеями, изъ коихъ многія часто переворачиваютъ свѣтъ... Его произведеніе издано въ свѣтъ, идея пущена въ обращеніе, и общество начинаетъ ими пользоваться; новая удачная идея даетъ, напримѣръ, милліоны тѣмъ, кто примѣнитъ ее къ промышленности... И всѣ будутъ пользоваться плодами изобрѣтенія того, кто его создалъ, кромѣ его вдовы, которая будетъ нищенствовать рядомъ съ общественными и частными богат-

[22]) см. Ibid. 30.

ствами, порожденными неблагодарнымъ трудомъ ея мужа!...» Ламартинъ, у котораго, по выраженію Прудона, «l'hiperbole, l'antithèse, l'exclamation et la déclamation tiennent lieu de logique»— очевидно, увлекается въ этой горячей и красивой тирадѣ. Не дать вѣчнаго авторскаго права, вѣдь, еще вовсе не значитъ отнять это право безусловно: никто не отнимаетъ у вдовы и сиротъ права пользоваться плодами труда ихъ отца, но никто, въ то же время, не согласится, чтобы потомки въ 10 колѣнѣ какого-либо автора должны были бы, по справедливости, имѣть спеціальное право пользоваться плодами труда ихъ прародителя для своихъ личныхъ выгодъ.

Thuilliez, одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ принципа вѣчности, доходитъ даже до смѣшного: онъ указываетъ на бѣдственное, будто-бы, положеніе дѣтей интеллектуальныхъ тружениковъ въ томъ случаѣ, если будетъ отвергнута вѣчная защита, и, за тѣмъ, восклицаетъ [23]): «Самый либеральный изъ законодателей не боится отнять, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти отца, всякія права у его дѣтей, чтобы обогатить жадныхъ контрафакторовъ» и т. д. Какія, въ самомъ дѣлѣ несчастныя эти дѣти, которымъ законъ не даетъ возможности поддерживать свое существованіе плодами трудовъ ихъ отца въ то время, когда младшему изъ этихъ дѣтей всего только пятьдесятъ лѣтъ!

Очевидно, что вмѣсто вѣчности, можно всегда установить такой срокъ авторскаго права, что интересы какъ вдовы, такъ и сиротъ нисколько не пострадаютъ, такъ что всѣ пылкія тирады о мнимомъ ограбленіи семьи падаютъ сами собой.

288.—Впрочемъ, указываютъ еще иногда, что авторы не всегда издаютъ сочиненія сами,—а чаще поручаютъ изданіе, продаютъ его спеціалистамъ-книгопродавцамъ.

Поэтому утверждаютъ, что эти издатели, будто бы, будутъ платить меньше за рукопись, если эта покупка будетъ дѣйствительна не на безконечныя времена. Но на это можно возразить, что издатель почти никогда не разсчитываетъ на то, что онъ будетъ извлекать доходъ черезъ 50 лѣтъ послѣ смерти

---

[23]) op. cit. p. 17.

автора: книги, которыя послѣ такого громаднаго промежутка времени не теряютъ интереса и продолжаютъ приносить доходъ, считаются десятками. Нужно, чтобъ издатель слишкомъ ужъ пренебрегалъ своими собственными выгодами для того, чтобы онъ согласился заплатить добавочную сумму за тѣ выгоды, которыя онъ, можетъ быть, получитъ черезъ 50 лѣтъ, а можетъ быть и не получитъ. Полъ-столѣтія — громадный срокъ при теперешнемъ быстромъ развитіи цивилизаціи, и никто не можетъ предсказать, каковы будутъ взгляды, вкусы и наклонности читающей публики черезъ 50 лѣтъ. Повторяемъ, невозможно предположить, чтобы какой нибудь издатель увеличилъ гонораръ вслѣдствіе установленія вѣчнаго авторскаго права. «Я не думаю — говоритъ Delalande [24]) — чтобы могъ существовать настолько неблагоразумный издатель—каковы бы ни были слава и значеніе автора,—чтобы онъ сталъ, въ моментъ появленія сочиненія на рынкѣ, спекулировать на столь отдаленный успѣхъ изданія, успѣхъ, подверженный всякаго рода случайностямъ, предусмотрѣть которыя нѣтъ никакой возможности».

Въ добавокъ ко всему, именно, это указаніе на издателей наводитъ насъ на мысль о томъ, что если кто нибудь и будетъ пользоваться выгодами вѣчной монополіи, то ужъ никакъ не авторы, которые въ большинствѣ случаевъ не занимаются сами изданіемъ своихъ сочиненій. Еслибы издатель и согласился увеличить автору гонораръ въ виду вѣчности монополіи, то, всетаки, эта прибавка будетъ единовременною и настолько ничтожною, что она никакъ ужъ не будетъ въ состояніи повліять на участь тѣхъ семей, о которой такъ жалѣютъ защитники теоріи вѣчнаго права. Всѣми же барышами воспользуются только издатели, одни только издатели.

Предположимъ, наконецъ, что авторъ устоялъ отъ искушенія продать свою монополію издателямъ, что онъ сохранилъ за собой право исключительнаго воспроизведенія во всей его полнотѣ и передалъ это право своимъ наслѣдникамъ. Много ли выиграютъ эти послѣдніе даже въ такомъ, наиболѣе благопріятномъ случаѣ? Это можно видѣть, приблизительно, изъ

---

[24]) op. cit. p. 15.

слѣдующаго. По разсчету г-на Рише, изложенному въ мотивахъ къ французскому закону 16 Декабря 1866 года,—даже черезъ сто лѣтъ число *прямыхъ нисходящихъ* потомковъ автора, предполагая, что каждый изъ нихъ будетъ имѣть только по 2 дѣтей—будетъ равняться 96 человѣкамъ. А черезъ триста лѣтъ, въ 12-мъ поколѣніи ихъ будетъ уже больше 4000 человѣкъ. Очевидно, что, по мѣткому выраженію Наполеона I, «право литературной собственности, съ теченіемъ времени, оказалось бы, посредствомъ ряда наслѣдованій, раздѣленнымъ между такимъ количествомъ людей—что, въ сущности, оно перестало бы принадлежать кому бы то ни было».

Итакъ, установленіе вѣчнаго авторскаго права не достигаетъ въ данномъ отношеніи своей цѣли.

289.—Но, можетъ быть, эта вѣчность защиты авторскаго права полезна для общества?—Какъ ни софистично такое мнѣніе, но оно также высказывалось защитниками теоріи вѣчности.

Говорятъ, что перспектива вѣчной защиты будетъ поощрять авторовъ къ болѣе усердной работѣ, ибо они будутъ думать (конечно, ошибочно), что ихъ труды составятъ кладязь неисчерпаемаго богатства для всего ихъ потомства—даже и самаго отдаленнаго. Мы не считаемъ даже нужнымъ опровергать подобное мнѣніе, ибо мы уже доказывали выше, что авторы работаютъ не для матеріальныхъ выгодъ, и что тѣ сочиненія или произведенія искусствъ, которыя появляются въ видахъ меркантильныхъ, никакой цѣны и значенія для общества не имѣютъ. Поэтому, обѣщаніе эфемерныхъ благъ можетъ увеличить дѣятельность не писателей, а, въ крайнемъ случаѣ, тѣхъ писакъ, которыхъ теперь и безъ того много.

Такимъ образомъ, вѣчность авторскаго права принесетъ обществу очень сомнительную выгоду; неудобства же для общества вслѣдствіе этой системы—очевидны и весьма значительны. Въ самомъ дѣлѣ.

Прежде всего нужно отмѣтить тѣ неисчислимыя затрудненія, съ которыми придется бороться всякому, кто пожелалъ бы издавать сочиненія авторовъ, жившихъ за 100 — 200 лѣтъ. Какъ собрать всѣхъ потомковъ автора и какъ ихъ

всѣхъ согласить? Замѣтимъ, что, при подобной системѣ, изданіе или не-изданіе сочиненія будетъ зависѣть отъ каприза каждаго изъ наслѣдниковъ въ отдѣльности [25]). Затѣмъ,—какъ дѣлить весь доходъ между отдѣльными потомками автора: устанавливать ли равныя части, или части пропорціональныя степени родства? Или, дѣйствительно, учредить «литературные майораты», какъ иронически предлагаетъ Прудонъ?—Можно было бы привести еще много примѣровъ всѣхъ этихъ практическихъ неудобствъ — но, кажется, и указанныя довольно доказательны.

Мы думаемъ, что установленіе вѣчнаго авторскаго права не только не будетъ полезно для общества, — но, наоборотъ, *будетъ крайне вредно* для него. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно забывать, что книга черезъ 100 — 150 лѣтъ, обыкновенно, теряетъ всякій интересъ, какъ литературное произведеніе. По прошествіи вѣка, она становится, обыкновенно, историческимъ памятникомъ, источникомъ для сочиненій позднѣйшихъ поколѣній. Къ чему сведутся наши историческія монографіи, если каждый разъ придется узнавать. не существуетъ ли еще лицъ, имѣющихъ авторское право на такіе-то памятники XVII—XVIII столѣтій?

290. — Наконецъ, нужно указать на тѣ громадныя неудобства, которыя представитъ существованіе права отдѣльныхъ лицъ распоряжаться появленіемъ или непоявленіемъ новыхъ изданій сочиненія. Можно предположить, что взгляды отца передадутся отчасти сыну, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы этотъ сынъ не нашелъ нужнымъ запретить печатаніе трудовъ отца; но кто можетъ поручиться, что правнуки не сочтутъ нужнымъ прекратить дальнѣйшее распространеніе полезнаго сочиненія ихъ предка только потому, что это сочиненіе проповѣдуетъ взгляды, несогласные съ ихъ собственными? «Установивъ вѣчную защиту авторскаго права, мы не только дадимъ возможность всякому скупому наслѣднику парализовать возможность обращенія изданія въ продажѣ [26]), не

[25]) Ср. докладъ Berville'я въ Moniteur officiel 25 Марта 1841 г.

[26]) Въ этомъ смыслѣ интересно прочитать фельетонъ г. Иванова въ «Новомъ Времени», № 6399. Оказывается, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ знаменитый

только дадимъ ему возможность замедлять выходъ сочиненія въ свѣтъ и произвольно увеличивать цѣну его экземпляровъ,— но даже мы позволимъ всякому немного неблагопріятному (ombrageux) правительству, всякому сопернику посредствомъ небольшого количества денегъ совсѣмъ уничтожить новыя изданія сочиненія. Наслѣдникъ Паскаля могъ бы продаться іезуитамъ и положить запрещеніе на «Les Provinciales» этого послѣдняго [27])». Въ компетентномъ французскомъ журналѣ [28]) мы находимъ слѣдующія два вполнѣ справедливыя положенія: «Il n'y a que deux interessés véritablement: l'auteur et la société. L'intérêt de l'héritier, quoique très respéctable, doit passer ensuite».

291.—Намъ кажется, что мы доказали, такимъ образомъ, достаточно ясно, что установленіе вѣчнаго авторскаго права:

1) не оправдывается юридическими свойствами этого права;

2) не принесетъ ожидаемой пользы ни самому автору, ни его потомству;

3) весьма сильно повредитъ обществу.

Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько трудно было бы проводить вѣчное авторское право на практикѣ. Даже теперь, когда, напримѣръ, авторское право продолжается 30—50 лѣтъ, публика, не отдавая себѣ яснаго отчета въ дѣйствительномъ значеніи тѣхъ излишковъ, которые она платитъ авторамъ за монополію—часто протестуетъ. Что же будетъ при вѣчномъ авторскомъ правѣ? Не безъ основанія можно сказать, что установленіе такого авторскаго права равнялось бы санкціонированію подпольной контрафакціи и ея распространенію со всѣми тѣми гибельными послѣдствіями, которыя влечетъ развитіе контрафакціи въ странѣ.

итальянскій издатель Рикорди изъ личныхъ видовъ скупилъ право публичнаго исполненія въ Италіи всѣхъ лучшихъ оперъ Вагнера—и затѣмъ «положилъ ихъ подъ спудъ», такъ что теперь издатель Сонзоніо не въ состояніи ставить этихъ оперъ. Отвѣтственность за достовѣрность этого извѣстія складываю на его автора.

[27]) Rénouard, op. cit. T. II p. 470.

[28]) Journal des Economistes 1878, v. III p. 398.

292.—Въ заключеніе, мы должны упомянуть о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя представитъ установленіе вѣчнаго авторскаго права для международной защиты этого института. Въ самомъ дѣлѣ. Мы уже указали, что публика будетъ относиться къ подобному продолженію авторскихъ монополій весьма неодобрительно, что контрафакціи сдѣлаются многочисленнѣе, что, вообще, трудности для проведенія вѣчности на практикѣ умножатся невѣроятно (стоитъ только прочитать [29]), какія фантастическія учрежденія и мѣры предлагаютъ для вѣчнаго охраненія авторскаго права тѣ, кто стоитъ за такое охраненіе).

Можно сказать съ большою долею увѣренности, что всякое государство, учредившее вѣчность авторскаго права, будетъ настолько завалено разборомъ безконечныхъ тяжбъ наслѣдниковъ съ контрафакторами и наслѣдниковъ между собою (а послѣднія будутъ еще болѣе многочисленны, чѣмъ первыя, разъ, дѣйствительно, не будутъ учреждены «литературные майораты»),—настолько завалено, что, конечно, и не подумаетъ о распространеніи защиты и на иностранныхъ авторовъ, ибо это было бы равно еще большему увеличенію количества тяжбъ мелочныхъ и чрезвычайно трудно поддающихся юридическому анализу. «Предположимъ — говоритъ Gastambide [30])—что эта литературная собственность изъ временной и преходящей сдѣлалась бы вѣчною; можно сказать съ увѣренностью, что правительства большинства странъ перестали бы заключать съ прежнею охотою литературныя соглашенія, ибо послѣднія въ подобномъ случаѣ налагали бы на нихъ слишкомъ тяжелыя полицейскія обязанности и слишкомъ суровыя ограниченія, обязывая ихъ вѣчно воздерживаться отъ перепечатки, перевода и частичнаго произведенія всякихъ иностранныхъ книгъ. Очевидно, что все это уничтожило бы всякую возможность международныхъ соглашеній, и мы опять вернулись бы къ повсемѣстной международной контрафакціи; очевидно, что, увеличивъ защиту по отношенію времени, мы

---

[29]) Напримѣръ, у Gastambide, op. cit. p. 116—127.

[30]) ibid. p. 114.

уменьшили бы ее по отношенію къ мѣсту, замѣнивъ настоящее и полезное—тщетнымъ и будущимъ».

Итакъ, мы окончательно отвергаемъ теорію вѣчной защиты авторскаго права, и, кажется, дѣлаемъ это не безъ достаточныхъ основаній. Переходимъ къ другимъ способамъ опредѣленія срока защиты авторскаго права.

293.—Достаточно ли обезпечить автору право исключительнаго воспроизведенія *только на извѣстное количество лѣтъ, считая со дня изданія сочиненія* (système du délai fixe)? Очевидно—нѣтъ, ибо этимъ не достигается та цѣль, ради которой существуетъ авторское право, т. е. возможно полное удовлетвореніе потребностямъ общества. Вполнѣ ясно, что ни одинъ авторъ не будетъ въ состояніи свободно отдаваться своему труду, не отвлекаясь побочными занятіями, если онъ будетъ знать, что черезъ столько-то лѣтъ онъ будетъ лишенъ всякой поддержки, что черезъ столько-то лѣтъ всѣ его сочиненія перестанутъ быть для него источниками необходимыхъ средствъ. Въ особенности, когда онъ будетъ знать, что онъ будетъ поставленъ въ такое невыгодное положеніе въ томъ безпомощномъ возрастѣ, который называется старостью и особенно нуждается въ поддержкѣ.

Шеффле говоритъ [31]), что необходимо установить общій срокъ для всѣхъ сочиненій, независимо отъ продолжительности жизни автора, причемъ этотъ срокъ долженъ быть гораздо меньше существующихъ, не превышая ни въ какомъ случаѣ (во всемъ своемъ объемѣ) 20—25 лѣтъ, потому что большинство издаваемыхъ сочиненій, будто бы, вполнѣ окупается въ 15—20 лѣтъ послѣ изданія. Шеффле указываетъ, что установленіе пожизненной защиты (или пожизненной съ опредѣленнымъ продолженіемъ послѣ смерти автора), будто бы, оскорбляетъ авторовъ, ибо почему сочиненія рано погибшаго Шиллера заслуживаютъ меньшей защиты, чѣмъ сочиненія, напримѣръ, Гете, умершаго, сравнительно, старымъ?

Мы думаемъ, что взглядъ этотъ неправиленъ,—что авторское право не можетъ оскорблять что нибудь или кого ни-

---

[31]) Op. cit. s. 171—173.

будь, ибо оно защищаетъ не сочиненія, какъ полагаетъ Шеффле, а интересы авторовъ,—и эти интересы оно защищаетъ одинаково для всѣхъ авторовъ, не зависимо отъ ихъ литературнаго или художественнаго значенія. Что же касается самой теоріи, предлагаемой Шеффле,—то и она, по нашему мнѣнію, не выдерживаетъ критики. По этой теоріи, авторъ, написавшій въ 30 лѣтъ прекрасное сочиненіе, достаточное для того, чтобы доходами съ него обезпечить себѣ всю жизнь,—не можетъ предпринять, напримѣръ, собираніе матеріаловъ для большого историческаго сочиненія, если это собираніе продолжится болѣе 30 лѣтъ, ибо такой авторъ будетъ сознавать, что черезъ 25 лѣтъ онъ не будетъ имѣть дальнѣйшаго права пользоваться доходомъ со своего перваго сочиненія. Такое положеніе дѣла, очевидно, противорѣчитъ той основной цѣли авторскаго права, которую мы указали выше. Наконецъ, уже изъ самаго юридическаго свойства даннаго института очевидно, что самъ авторъ никогда и никакимъ образомъ не можетъ оказаться лишеннымъ того интеллектуальнаго права на свое произведеніе, которое (право) начинается въ моментъ творчества.

294. — Не трудно было бы доказать, что *защита интересовъ автора не можетъ также ограничиваться одною только его жизнью* (*пожизненная система*). Такой порядокъ также нарушалъ бы интересы автора, какъ такового, а, слѣдовательно, и интересы общества. Въ самомъ дѣлѣ. Авторъ можетъ спокойно работать надъ своими сочиненіями только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ увѣренъ, что какъ онъ, такъ и его семья, сравнительно, обезпечены плодами его труда. Мы видѣли, что обезпеченности самого автора мѣшало бы установленіе опредѣленнаго срока авторскаго права, считая со дня перваго изданія. Пожизненное авторское право повредитъ интересамъ, прежде всего, самого автора, ибо ни одинъ издатель не согласится дать сколько-нибудь значительной суммы за сочиненіе, если онъ не будетъ знать, что этими деньгами онъ покупаетъ право исключительнаго воспроизведенія этого сочиненія на сколько-нибудь продолжительный срокъ Между тѣмъ, кто поручится за то, что авторъ про-

давъ сегодня свой трудъ, — не умретъ завтра, уничтожая такимъ образомъ всѣ только что проданныя имъ права.

Но пожизненное авторское право будетъ имѣть и еще болѣе невыгодныя послѣдствія. Не только ни одинъ издатель не согласится дѣлать сколько-нибудь значительныхъ изданій, не будучи обезпеченъ отъ контрафакцій въ случаѣ внезапной смерти автора, но и самъ авторъ часто побоится истратить значительную сумму, необходимую для самостоятельнаго изданія того сочиненія, которое можетъ принести значительную выгоду только въ томъ случаѣ, если самъ авторъ проживетъ достаточно долго. Всякій благоразумный авторъ-отецъ семейства предпочтетъ передать въ цѣлости скопленныя деньги своей вдовѣ, чѣмъ бросать ихъ на невѣрное предпріятіе, рискуя оставить дѣтей въ случаѣ своей смерти безъ всякой поддержки.

Вообще, при такомъ положеніи дѣла, авторы будутъ сознавать, что весь ихъ интеллектуальный трудъ не дастъ ничего ихъ сиротамъ — и, потому, конечно, будутъ принуждены, въ ущербъ обществу, обращаться къ другимъ занятіямъ, менѣе привычнымъ и менѣе соотвѣтствующимъ ихъ наклонностямъ, но болѣе выгоднымъ и, во всякомъ случаѣ, хоть сколько-нибудь обезпечивающимъ положеніи семьи послѣ смерти отца.

Отсюда—прямая невыгода для общества. Слѣдовательно, пожизненная защита интересовъ авторовъ также должна быть отвергнута, какъ неудовлетворяющая своей цѣли.

295. — Изъ того, что пожизненная защита авторскаго права недостаточна, а вѣчная — излишняя, можно заключить, что *эта защита должна продолжаться на извѣстное число лѣтъ послѣ смерти автора*. Каково должно было это извѣстное число лѣтъ ? — Отвѣтить не трудно: нужно, чтобы авторъ считалъ свою семью обезпеченною.

Мы видимъ, что всякій труженикъ, напримѣръ, на государственной службѣ считаетъ себя и свою семью вполнѣ обезпеченными, если онъ знаетъ, что будетъ имѣть извѣстную поддержку для себя — до смерти, а для дѣтей — до достиженія совершеннолѣтія. Почему же думать, что нужно что-либо большее для того, чтобы труженикъ-авторъ счи-

талъ себя также обезпеченнымъ? Никто никогда не будетъ заботиться объ участи тѣхъ внуковъ, которыхъ еще нѣтъ на свѣтѣ. Слѣдовательно, авторское право будетъ удовлетворять своему назначенію, если оно будетъ продолжаться до совершеннолѣтія младшаго изъ дѣтей автора. Такое совершеннолѣтіе, въ крайнемъ случаѣ, можетъ имѣть мѣсто черезъ 21 годъ послѣ смерти автора. Поэтому, *установленемъ 25-лѣтняю срока семья будетъ вполнѣ обезпечена даже въ томъ случаѣ, если авторъ умретъ въ день выхода своего сочиненія.* Впрочемъ, на тотъ случай, когда вдова переживетъ мужа больше, чѣмъ на 25 лѣтъ — можно редижировать это условіе такъ: «авторское право защищается 25 лѣтъ послѣ смерти автора, или до смерти вдовы — смотря по тому, что̀ будетъ выгоднѣе для наслѣдниковъ». (Какъ мы увидимъ дальше, по многимъ законодательствамъ, право публичнаго исполненія защищается на болѣе короткіе сроки, чѣмъ право воспроизведенія, вообще. Намъ кажется, что право публичнаго исполненія, составляя главный доходъ драматическаго писателя или композитора — должно быть обязательно уравнено съ правомъ воспроизведенія. См. выноску 60-ую).

296. — Итакъ, мы стоимъ за сокращеніе 50-лѣтняго срока, наиболѣе употребительнаго, — до 25 лѣтъ или, въ крайнемъ случаѣ, до тѣхъ размѣровъ, которые приняты германскимъ закономъ 11 іюня 1870 года. Нужно ли подобное сокращеніе? Практика показываетъ, что — да, потому что этотъ 50-лѣтній срокъ извлекаетъ всѣ сочиненія изъ общаго употребленія почти на 60 — 70 лѣтъ (считая, что авторъ проживетъ послѣ изданія 10—20 лѣтъ). Между тѣмъ, большинство литературныхъ произведеній не можетъ пережить такого срока. Что же касается до произведеній ученыхъ, то для нихъ полъвѣка, при теперешнемъ быстромъ развитіи мысли — равнозначитъ вѣчности. Всякое изъ нихъ «старится» теперь въ 20 — 30 лѣтъ. Поэтому, на практикѣ, оказывается, что [32]) «установленіе такихъ долгихъ сроковъ приравниваетъ фактическое срочное авторское право къ вѣчному и, вслѣдствіи того,

[32]) Шершеневичъ, op. cit. стр. 26—27.

должно встрѣтить тѣ же возраженія, которыя были выставлены противъ безсрочнаго авторскаго права».—«Есть поводъ думать», говоритъ г. Спасовичъ [33]), «что институтъ разросся не въ мѣру, и что не мѣшало бы, не искореняя его, отсѣчь нѣкоторыя дикія вѣтки, произвести значительныя сокращенія».

297. — Переходя къ разсмотрѣнію дѣйствующихъ законодательствъ по вопросу о продолжительности авторскаго права, мы должны отмѣтить, что, какъ говоритъ профессоръ Lyon-Caën [34]) — «вопросъ относительно вѣчности авторскаго права или его продолжительности, въ случаѣ отрицанія таковой,.... долженъ быть причисленъ къ категоріи самыхъ спорныхъ и наиболѣе часто подвергавшихся измѣненіямъ».

Поэтому, для удобства обозрѣнія, мы раздѣляемъ всѣ законодательства на четыре категоріи, — изъ которыхъ каждая отличается своими особыми типическими признаками.

I категорія.

298. — Вѣчное авторское право признано только: Венецуэлой, Гватемалой и Мексикой. Такъ, Венецуэльскій законъ 12 мая 1887 года гласитъ:

«Статья 2. Интеллектуальная собственность принадлежитъ на вѣчныя времена: 1) авторамъ по отношенію къ ихъ произведеніямъ; 2) переводчикамъ по отношенію къ ихъ переводамъ [35]); 3) тѣмъ, кто передѣлываетъ, копируетъ, сокращаетъ или воспроизводитъ оригинальныя произведенія [36]); 4) издателямъ ранѣе не издававшихся произведеній, авторъ коихъ неизвѣстенъ; 5) правопріемникамъ всѣхъ перечисленныхъ выше лицъ» [37]).

Этотъ законъ, единственный во всемъ свѣдѣ, *послѣдовательно* проводитъ теорію вѣчнаго авторскаго права, ибо онъ

---

33) Сочиненія, Т. III стр. 380.

34) Lois françaises et étrangères, p. XXXI.

35) Если только изданіе этихъ переводовъ не противорѣчитъ постановленіямъ даннаго закона или международныхъ литературныхъ соглашеній.

36) Если все это исполняется съ разрѣшенія автора.

37) Всѣ цитаты законовъ сдѣланы по указанному изданію проф. Lyon-Caën (Lois francaises et etrangères, два тома, Paris 1889, chez Pichon éditeur).

одинъ признаетъ вѣчное исключительное право публичнаго исполненія драматическихъ и музыкальныхъ произведеній. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ же законъ гласитъ:

«Статья 15. Никто не имѣетъ права исполнять въ театрахъ или другихъ публичныхъ мѣстахъ [38]) въ цѣломъ или частяхъ, — музыкальныя или драматическія произведенія, не получивъ на то предварительнаго разрѣшенія» —

все это безъ ограниченій въ срокѣ.

299. — Мексиканскій кодексъ 1871 года, книга первая, отдѣлъ 8-й (о трудѣ), глава 2-ая, гласитъ:

«Статья 1253. Авторъ будетъ пользоваться правомъ литературной собственности въ теченіе всей своей жизни; послѣ его смерти, это право переходитъ къ наслѣдникамъ на общихъ основаніяхъ».

То же правило регулируетъ и авторское право на произведенія искусствъ (см. глава IV, ст. 1307).

Но признавъ «вѣчную литературную собственность», мексиканское законодательство не рѣшилось провести ее вполнѣ послѣдовательно. Разъ безусловно защищать интересы потомковъ автора книги, изложенной въ формѣ романа, повѣсти— отчего не защищать также «полно» и интересы потомковъ автора книги, изложенной въ формѣ драматической? Всякому понятно, что ни одинъ драматическій авторъ не можетъ считаться вполнѣ вознагражденнымъ одною только продажею отпечатанныхъ экземпляровъ своей трагедіи и т. д. (подробнѣе см. §§ 365—369). Разъ авторское право, по мнѣнію мексиканскаго законодателя, для полнаго удовлетворенія потребностей автора, должно быть вѣчно—почему лишать драматическихъ авторовъ вѣчнаго же права публичнаго исполненія ихъ произведеній? Развѣ послѣднее не составляетъ для нихъ существеннѣйшей части ихъ авторскаго права? Развѣ не будетъ вопіющею несправедливостью дать наслѣдникамъ Пушкина на-всегда право пользоваться *всѣми* доходами, которые они могутъ извлечь, эксплуатируя его сочиненія—и лишить главнаго дохода наслѣдниковъ Островскаго? И почему? только

[38]) Подъ этимъ именемъ подразумѣваются «общества какого бы то ни было названія, если на ихъ собраніяхъ взимается за входъ плата».

потому, что одинъ писалъ такъ, а другой—иначе. Но развѣ право на доходъ можетъ уменьшаться въ зависимости отъ формы, въ которой изложено сочиненіе?

Мы подробнѣе разсмотримъ еще этотъ вопросъ въ главѣ о публичномъ исполненіи—теперь же скажемъ, что, признавая вѣчное авторское право за одними поэтами и не признавая его за другими—по нашему мнѣнію, мексиканское законодательство не только совершаетъ несправедливость, но и сильно компрометируетъ принятый имъ основной принципъ.

Вотъ статья, регулирующая пользованіе исключительнымъ правомъ публичнаго исполненія:

«Статья 1284. Драматурги будутъ пользоваться правомъ исключительнаго публичнаго исполненія пожизненно, а ихъ наслѣдники—тридцать лѣтъ со дня смерти автора».

Тотъ же самый 30-лѣтній срокъ установленъ и для публичнаго исполненія произведеній музыкальныхъ (ст. 1308). По этому поводу можно поставить только одинъ вопросъ: если авторское право вѣчно и право публичнаго исполненія въ немъ заключается, то это послѣднее должно быть также вѣчно. Если право публичнаго исполненія въ авторскомъ правѣ, вообще, (по мнѣнію мексиканскаго законодателя) не заключается, то оно не должно существовать и одного года. Откуда же взялось число тридцать?

300.—Гватемальскій декретъ 29 октября 1879 года гласитъ такъ:

«Статья 5. Право литературной собственности вѣчно и послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ на общихъ основаніяхъ».

Право публичнаго исполненія въ этой странѣ не защищается вовсе (см. ст. 1).

II категорія.

301.—Всѣ остальныя государства признаютъ ограниченное авторское право на сроки отъ 5 и до 80-ти лѣтъ. Впрочемъ, необходимо различать нѣсколько системъ ограниченія авторскаго права.

Первой системы придерживаются тѣ законодательства, которыя исчисляютъ продолжительность авторскаго права, принимая за исходный пунктъ день перваго изданія сочиненія, т. е. которыя придерживаются метода, признаннаго нами неудовлетворительнымъ на основаніи соображеній, изложенныхъ въ § 293-емъ. Впрочемъ, ни одно изъ этихъ государствъ не рѣшилось провести такую систему (délai fixe) вполнѣ послѣдовательно; всѣ подобныя законодательства признаютъ право автора требовать продолженія привилегіи, если она истекаетъ до его смерти. Нѣкоторыя законодательства даютъ въ извѣстныхъ случаяхъ такое же право вдовѣ и дѣтямъ автора—изъ чего ясно слѣдуетъ, что сами эти государства признаютъ систему, принятую ими,—неудовлетворительною.

301, a.—Наименьшую защиту гарантируетъ греческій кодексъ 1833 года, который гласитъ:

«Статья 432. Тотъ кто выпускаетъ въ свѣтъ посредствомъ тисненія или какимъ нибудь другимъ способомъ—книгу, музыкальное произведеніе или что либо въ этомъ родѣ, пользуется защитой своихъ правъ на 15 лѣтъ съ момента выхода сочиненія въ свѣтъ, кромѣ того случая, когда ему будетъ дана привилегія на болѣе длинный срокъ».

Такимъ образомъ, срокъ монополіи равняется 15 годамъ, но можетъ быть продолженъ правительствомъ еще на неопредѣленное количество лѣтъ и при неопредѣленныхъ условіяхъ. Очевидно, что подобнаго рода постановленіе весьма неудовлетворительно, ибо при существованіи подобныхъ законовъ, конечно, наслѣдники и самъ авторъ книги, не нравящейся правительству, будутъ защищены меньше, чѣмъ наслѣдники или авторъ книги удобной и нравящейся правительству. Законъ оставляетъ, очевидно, слишкомъ много произволу и лицепріятію. Никакихъ постановленій о правѣ публичнаго исполненія греческій кодексъ не содержитъ, такъ что въ этомъ отношеніи драматурги и композиторы вовсе не защищены.

302.—Голландскій законъ 28 іюля 1881 года защищаетъ права авторовъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

«Статья 13. Авторское право на произведенія, выпущенныя въ свѣтъ посредствомъ тисненія, защищается 50 лѣтъ со дня перваго изданія, считая этимъ днемъ тотъ, который отмѣченъ на свидѣтельствѣ, требуемомъ статьею 11-ою [39])».

Впрочемъ, этотъ законъ, какъ бы признавая свою несправедливость по отношенію къ тѣмъ авторамъ, которые будутъ имѣть несчастіе жить слишкомъ долго—добавляетъ:

«Если авторъ переживетъ этотъ срокъ, оставивъ упомянутое право за собою,—онъ пользуется защитой вплоть до своей смерти».

Вдова и дѣти, такимъ образомъ, остаются безъ всякой поддержки при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ: авторъ издалъ сочиненіе въ тридцать пять лѣтъ, когда его женѣ было 20, и самъ умеръ въ 40 лѣтъ. Кто можетъ поручиться, что вдова не проживетъ до 85 лѣтъ, т. е. что она 15 послѣднихъ лѣтъ не будетъ свидѣтельницею свободной контрафакціи?

Право публичнаго исполненія гарантируется слѣдующимъ образомъ:

«Статья 15. Исключительное право публичнаго исполненія произведеній драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ [40]) продолжается: 1) для произведеній ненапечатанныхъ—въ теченіе всей жизни автора и 30 лѣтъ послѣ его смерти; 2) для сочиненій напечатанныхъ съ оговоркою о сохраненіи авторскаго права—10 лѣтъ со дня, обозначеннаго въ свидѣтельствѣ, о которомъ говоритъ статья 11-ая».

Такое постановленіе, измѣняющее срокъ пользованія правомъ публичнаго исполненія въ зависимости отъ того, напечатано или не напечатано произведеніе, представляетъ, по нашему мнѣнію, нарушеніе одного изъ основныхъ принциповъ авторскаго права, согласно которому подобные второстепенные признаки не могутъ вліять на увеличеніе или уменьшеніе размѣровъ защиты права. Впрочемъ, въ пользу голландскаго закона можетъ быть приведено слѣдующее соображеніе: ст. 15, 2 хочетъ дать понять, что въ случаѣ напечатанія драматиче-

[39]) Согласно послѣдней, каждый авторъ, для того чтобы пользоваться предоставляемымъ ему авторскимъ правомъ, обязанъ представить 2 экземпляра сочиненія въ Министерство Юстиціи и получить, въ удостовѣреніе сего, свидѣтельство.

[40]) Музикальныя сочиненія, какъ и, вообще, произведенія искусствъ (не литературы) въ Голландіи не защищаются вовсе.

скаго или драматическо-музыкальнаго произведенія—авторъ получаетъ часть вознагражденія посредствомъ продажи оттисковъ. Мы считаемъ, что подобный взглядъ невѣренъ и что для драматурга и композитора право публичнаго исполненія остается основнымъ источникомъ дохода, считаемъ это на основаніи соображеній, изложенныхъ въ § 365 и слѣдующихъ.

Но, кромѣ этого, ст. 15 грѣшитъ еще и противъ принципа, принятаго самимъ же закономъ. Авторъ всякаго произведенія, вообще, получаетъ авторское право на 50 лѣтъ. Авторское право заключаетъ въ себѣ, по собственному выраженію закона [41]): «право издавать сочиненіе въ свѣтъ путемъ тисненія, а также право публично исполнять произведенія драматическія и драматическо-музыкальныя». Почему же одна часть этого права (воспроизведеніе путемъ печати) защищается 50 лѣтъ,—а другая (публичное исполненіе) больше или меньше этого срока, въ зависимости отъ продолжительности жизни автора?

Наконецъ, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что различіе, проводимое между ненапечатанными и напечатанными драматическими произведеніями, не оправдывается даже и здравымъ смысломъ. Автору не трудно уберечь отъ поползновеній разныхъ антрепренеровъ *одинъ* манускриптъ, хотя бы, навсегда — такъ что защита закона ему почти совсѣмъ не нужна, пока произведеніе не напечатно. Между тѣмъ, законъ лишаетъ автора значительной доли защиты именно послѣ того момента, какъ произведеніе будетъ напечатано, т. е. именно въ тотъ періодъ, когда автору спеціально нужна такая защита отъ антрепренеровъ-контрафакторовъ. Вотъ почему мы думаемъ, что такое различіе не можетъ привести, въ концѣ концовъ, къ тому, что ни одно музыкально-драматическое или драматическое произведеніе не будетъ печататься — результатъ, конечно, весьма невыгодный какъ для общества, такъ и для промышленности.

303.—Тѣ же самыя постановленія буквально воспроизведены и въ законѣ 23 мая 1887 года Южно-африканской

---

[41]) См. ст. 1.

республики, за исключеніемъ развѣ того, что этотъ законъ, дѣлаетъ *вообще* различіе между произведеніями напечатанными и ненапечатанными, гарантируя вторымъ защиту большую, чѣмъ первымъ. Мы уже указали на нелогичность и даже непрактичность подобнаго дѣленія: по закону Южно-африканской республики, профессору, очевидно, выгоднѣе не издавать своихъ лекцій [42]). Не думаемъ, чтобы это было прибыльно литографамъ, полезно студентамъ и удобно самому профессору.

304.—Законъ 8 іюля 1870 г. (включенный въ Статуты Соединенныхъ Штатовъ) гласитъ:

«Статья 4953. Авторскія права гарантируются на срокъ 28-ми лѣтъ со дня внесенія сочиненія въ регистръ...

«Статья 4954. Авторъ, артистъ или художникъ, если онъ находится въ живыхъ къ концу перваго срока и можетъ доказать, что онъ состоитъ въ подданствѣ или постоянно [43]) живетъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—или, въ случаѣ его смерти, его вдова и дѣти—могутъ получить продолженіе защиты на новый срокъ 14-ти лѣтъ посредствомъ вторичнаго внесенія въ регистръ».

Авторское право, согласно статьѣ 4952, распространяется, кромѣ произведеній искусствъ и литературы въ тѣсномъ смыслѣ, еще на произведенія драматическія и музыкальныя. По отношенію къ послѣднимъ, авторское право заключаетъ также право «самому публично исполнять произведеніе и разрѣшать другимъ лицамъ такое же исполненіе [44])».

Такимъ образомъ, законодательство Соединенныхъ Штатовъ обезпечиваетъ автору, въ крайнемъ случаѣ, защиту въ теченіе 42 лѣтъ. Если же авторъ имѣлъ несчастіе прожить 45 лѣтъ послѣ перваго изданія, — то вдова его не будетъ имѣть никакого дохода отъ сочиненій мужа.

За то, законъ этотъ уравниваетъ права драматическихъ писателей съ правами другихъ авторовъ, чего нельзя не поставить этому закону въ заслугу.

---

[42]) Относительно «exposés oraux» см. ст. 14.

[43]) Если онъ—resident. Относительно значенія этого слова см. § 34.

[44]) См. ст. 4952.

305.—Турція, наконецъ, признаетъ привилегіи, выдаваемыя для отдѣльныхъ сочиненій на сорокъ лѣтъ.

Къ этой же категоріи законодательствъ, признающихъ délai fixe, мы должны были бы отнести и Великобританію, ибо по отношенію къ нѣкоторымъ произведенія искусства (эстампы, гравюры) эта страна, дѣйствительно, признаетъ постоянный срокъ въ 28 лѣтъ послѣ перваго изданія. Но законодательство Великобританіи не придерживается такого принципа во всѣхъ своихъ частяхъ, и произведенія различныхъ искусствъ защищаются различно (по отношенію, напримѣръ, къ живописи признается семилѣтній посмертный срокъ). Вотъ почему мы рѣшили поставить это законодательство не въ данной второй категоріи, а въ третьей, послѣ разсмотрѣнія законодательствъ, признающихъ посмертный срокъ опредѣленныхъ размѣровъ.

III категорія.

306.—Изъ государствъ, принявшихъ посмертный срокъ разнаго объема, нужно указать слѣдующія.

80-ти лѣтній срокъ послѣ смерти автора гарантируется законодательствами испанскимъ и колумбійскимъ [45]).

Но принявъ такой продолжительный срокъ защиты авторскаго права, испанскій законодатель самъ испугался всѣхъ могущихъ быть послѣдствій. По ст. 6-ой проэкта цитированнаго закона, авторское право продолжалось 80 лѣтъ безусловно [46]). При обсужденіи проэкта въ Сенатѣ нашлось много лицъ, которыя указывали на тѣ неудобства, которыя должны были неминуемо возникнуть, какъ слѣдствіе столь продолжительнаго срока. Мы уже говорили выше о томъ, что вѣчность авторскаго права послужитъ только для обогащенія издателей, а никакъ не авторовъ; почти то же можетъ случиться и при 80-ти лѣтнемъ срокѣ. Чтобы избѣжать столь

---

[45]) См. законъ 10 января 1879 года, ст. 6.

[46]) Соотвѣтствующая статья этого проэкта было редактирована нѣсколько иначе, чѣмъ въ самомъ законѣ, но смыслъ ея былъ тотъ же.

нежелательныхъ послѣдствій—Сенатъ измѣнилъ смыслъ статьи 6-ой прибавленіемъ слѣдующаго конца:

«...Но если авторъ оставитъ прямыхъ наслѣдниковъ—авторское право, проданное имъ ранѣе постороннимъ лицамъ, истекаетъ для этихъ послѣднихъ черезъ 25 лѣтъ послѣ его смерти и переходитъ къ такимъ наслѣдникамъ на слѣдующія 25 лѣтъ».

Весьма интересенъ тотъ фактъ, до чего современныя законодательства еще не твердо и не прочно обоснованы при рѣшеніи вопросовъ относительно авторскаго права. Большинство законовъ объ авторскомъ правѣ не рѣшаетъ дѣла окончательно; все время замѣчается нерѣшительность, отсутствіе твердыхъ основныхъ принциповъ, отказы отъ того, что поставлено двумя строками выше. Въ предъидущей категоріи мы видѣли, какъ законодательства, не гарантирующія достаточно авторскаго права, стараются въ «добавочныхъ примѣчаніяхъ» усилить и увеличить ранѣе установленные сроки, — здѣсь мы видимъ, какъ испанское законодательства, принявъ несоразмѣрно-долгій срокъ, вдругъ отказывается отъ него въ той же статьѣ. Почему законъ въ послѣднемъ случаѣ, разбивая срокъ пользованія авторскимъ правомъ по двѣ части, въ суммѣ этихъ частей гарантируетъ только 50 лѣтъ, хотя онъ призналъ въ принципѣ 80-ти лѣтнее авторское право? Развѣ права могутъ уменьшиться отъ того только, что они переходятъ въ руки законныхъ правопріемниковъ?

Мы не говоримъ уже о томъ, что подобное вмѣшательство въ частный договоръ нарушаетъ самые основные юридическіе принципы и можетъ привести къ затрудненіямъ довольно щекотливаго характера [47]).

Что касается права публичнаго исполненія, то оно приравнивается праву воспроизведенія вообще [48]).

307. — Колумбійскій законъ 26 октября 1886 года составленъ по образцу выше цитированнаго испанскаго. Поэтому, что касается, напримѣръ, продолжительности защиты

---

[47]) См. Delalande, Etude sur la propriété littéraire et artistique, p. 168 — Ср. Lyon-Caën, op. cit. I, v. p. 209 примѣч. 2-ое.

[48]) См. ст. 19.

авторскаго права, то онъ буквально воспроизводитъ вышеприведенную ст. испанскаго закона, но только раздѣляетъ ее на двѣ части. Общее положеніе заключается въ ст. 10, а исключенія (указанныя въ § 306 in fine)—въ ст. 11-ой. Всѣ возраженія, приведенныя нами по поводу испанскаго закона, остаются, такимъ образомъ, въ силѣ и въ данномъ случаѣ.

308. — *50-лѣтній посмертный срокъ* принятъ слѣдующими законодательствами.

Бельгія.	Законъ	22 марта	1886 г.	ст. 2.
Боливія.	Законъ	13 августа	1879 »	» 10.
Венгрія.	Законъ	26 апрѣля	1886 »	» 11—18.
Данія.	Законъ	21 февраля	1868 »	» 1.
Норвегія.	Законъ	8 іюня	1876 »	» 7.
Монако.	Законъ	27 февраля	1889 »	» 8.
Португалія.	Общій кодексъ			» 579.
Россія.	С. З. т. X ч. I, пр. къ ст. 420			» 2.
Финляндія.	Законъ	15 марта	1880 г.	ст. 3.
Франція.	Законъ	14 іюля	1866 »	» 1.

Всѣ эти государства защищаютъ на тотъ же срокъ исключительное право публичнаго исполненія драматическихъ музыкальныхъ и драматическо-музыкальныхъ произведеній.

Швеція (законъ 10 августа 1877 года) признаетъ 50-лѣтній срокъ авторскаго посмертнаго права [49]); но право публичнаго исполненія драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ произведеній гарантируется только на 5 лѣтъ со дня смерти автора [50]).

309. — *30-ти-лѣтній посмертный срокъ* принятъ:

1) *Германіей* по закону 11 іюня 1870 года (ср. также послѣдующіе), который гласитъ:

«Статья 8. Защита отъ контрафакцій, гарантируемая настоящимъ закономъ... продолжается въ теченіе всей жизни автора и 30 лѣтъ послѣ его смерти».

Тотъ же срокъ распространяется и на право публичнаго

---

[49]) См. ст. 7.
[50]) См. ст. 14.

исполненія драматическихъ и драматическо-музыкальныхъ произведеній [51]).

2) *Швейцаріей* по закону 23 апрѣля 1883 года, который гласитъ:

«Статья 2. Право литературной собственности защищается въ теченіе всей жизни автора и 30 лѣтъ послѣ его смерти».

Тотъ же срокъ установленъ и по отношенію къ праву публичнаго исполненія [52]).

3) *Австріей* по закону 19 октября 1846 года ст. 13. Но право публичнаго исполненія регулируется слѣдующимъ постановленіемъ:

«Статья 22. Исключительное право публично исполнять музыкальныя или драматическія произведенія.... защищается до истеченія 10-лѣтняго срока послѣ смерти автора».

310. — *20-ти-лѣтній посмертный срокъ* принятъ въ Перу, согласно закону 3 ноября 1849 года:

«Статья 3. Наслѣдники и пріемники правъ автора будутъ пользоваться такою же защитой, какъ и этотъ послѣдній, въ теченіе двадцати лѣтъ со дня его смерти».

Право публичнаго исполненія не защищено вовсе.

10-ти лѣтній посмертный срокъ принятъ въ Бразиліи по уложенію о наказаніяхъ 16 декабря 1830 года, ст. 261. Право публичнаго исполненія не обезпечено авторамъ.

5-ти лѣтній посмертный срокъ принятъ въ Чили, впрочемъ, со слѣдующимъ распространеніемъ:

«Статья 2. Наслѣдники... будутъ пользоваться такою же защитою, какъ и самъ авторъ, — въ теченіе 5 лѣтъ со дня его смерти. Правительство можетъ удвоить этотъ срокъ, если сочтетъ это нужнымъ».

На тотъ же срокъ гарантируется и право публичнаго исполненія [53]).

311. — Нѣкоторыя особености представляетъ законъ Гаити, который защищаетъ право авторовъ такъ, какъ эти права защищались французскимъ законодательствомъ до изданія за-

[51]) См. ст. 50.
[52]) См. ст. 7.
[53]) См. ст. 7.

кона 14 іюля 1866 года. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ гаитіянскій законъ гласитъ:

«Статья 6. Одинаковая привилегія (т. е. исключительное право воспроизведенія) распространяется на вдовъ авторовъ пожизненно, а на дѣтей въ теченіе 20 лѣтъ (со смерти автора); кромѣ того, если дѣтей не осталось—на другихъ наслѣдниковъ въ теченіе 10 лѣтъ».

Противъ надобнаго раздѣленія можно возразить слѣдующее: авторъ обыкновенно не издаетъ самъ своего сочиненія, а еще при жизни продаетъ издателю право изданія; очевидно, что этотъ издатель дастъ тѣмъ бо́льшую плату, чѣмъ на бо́льшую защиту онъ можетъ разсчитывать. Между тѣмъ, покупая права у бездѣтнаго автора, гаитіянскій издатель будетъ разсчитывать на вдвое меньшую защиту, чѣмъ покупая у автора, имѣющаго дѣтей;—такимъ образомъ, первый авторъ будетъ всегда получать плату меньшую, чѣмъ второй. Между тѣмъ, очевидно, что количество дѣтей автора не можетъ вліять на его авторское право.

Право публичнаго исполненія на островахъ Гаити не защищено.

312. — Намъ остается еще сказать о законодательствѣ Великобританіи, которое и по отношенію къ данному вопросу осталось, по обыкновенію, весьма сбивчивымъ и неустойчивымъ. По вопросу о продолжительности защиты авторскаго права, англійское законодательство не придерживается одной какой-либо системы, какъ это дѣлаетъ большинство другихъ законодательствъ, а защищаетъ произведенія различныхъ искусствъ — различно. Такъ, авторское право на произведенія *литературныя, драматическія и музыкальныя* защищается въ теченіе всей жизни автора и семь лѣтъ со дня его смерти. Если, однако, общее количество лѣтъ, въ продолженіе которыхъ произведеніе будетъ защищаться согласно такому разсчету, — не составитъ въ суммѣ 42-хъ лѣтъ со дня выхода сочиненія въ свѣтъ, — право воспроизведенія будетъ защищаемо и впредь до истеченія полныхъ 42-хъ лѣтъ. Такъ объясняетъ дѣло, обычнымъ безконечнымъ языкомъ англійскаго законодательства подлежащая статья, [illegible] ч, если

говорить короче, семилѣтнюю посмертную защиту, съ minimum'омъ защиты въ 42 года [54]).

Права авторовъ *гравюръ и эстамповъ* защищались первоначально въ теченіе 14-ти лѣтъ со дня перваго изданія произведенія [55]). Срокъ этотъ былъ увеличенъ до 28 лѣтъ по закону 1766 года (см. ст. 7).

Право автора *картинъ, рисунковъ и фотографій* защищается въ теченіе его «natural life» (?) и семь лѣтъ послѣ его смерти [56]).

Право автора *скульптурнаго произведенія* защищается 14 лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ послѣдняго.

Наконецъ, *право публичнаго исполненія* музыкальныхъ и драматическихъ сочиненій защищается [57]) въ теченіе 28 лѣтъ со дня выхода сочиненія въ свѣтъ.

Мы не будемъ останавливаться на томъ, чтобы доказывать всю непослѣдовательность подобныхъ постановленій: она ясна сама по себѣ. Почему авторъ картины имѣетъ право на меньшую защиту, чѣмъ авторъ литературнаго произведенія? авторъ статуи—меньше, чѣмъ авторъ картины? и т. д.

Отмѣтимъ только, что по отношенію къ литературнымъ и музыкальнымъ произведеніямъ, картинамъ и фотографіямъ—англійское законодательство принадлежитъ къ третьей группѣ (опредѣленный посмертный срокъ), а по отношенію къ произведенія скульптурнымъ, гравюрамъ и эстампамъ, а также къ праву публичнаго исполненія—ко второй (délai fixe).

IV категорія.

313. — Мы рѣшили поставить въ отдѣльную категорію законодательство итальянское, ибо оно опредѣляетъ продолжительность защиты авторскаго права совершенно своеобразно. По закону 19 сентября 1882 года, продолжительность авторскаго права опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

---

[54]) Законъ 1 іюля 1842 года ст. 3.

[55]) Законъ 1784 года ст. 1.

[56]) Законъ 29 іюля 1862 года ст. 1.

[57]) Законъ 10 іюня 1833 года ст. 1.

«Статья 9. Пользованіе правомъ исключительнаго воспроизведенія и продажи принадлежитъ автору въ теченіе всей его жизни. Если авторъ умираетъ до истеченія 40-лѣтняго срока со дня перваго выхода въ свѣтъ сочиненія, то же исключительное право будетъ защищаемо въ пользу его наслѣдниковъ и правопріемниковъ вплоть до истеченія такого срока. Когда первый періодъ истечетъ однимъ изъ указанныхъ способовъ, начинается второй періодъ также въ 40 лѣтъ, въ теченіе котораго сочиненіе можетъ быть воспроизведено и продаваемо и посторонними лицами (безъ дозволенія того, кто имѣетъ авторское право) съ тѣмъ, однако, чтобы эти лица платили наслѣдникамъ автора 5% съ назначенной цѣны каждаго экземпляра».

Такимъ образомъ, защита авторскаго права является въ Италіи посмертной (съ minimum'омъ въ 40 лѣтъ). Послѣ этого, въ теченіе еще 40 лѣтъ признается такъ называемый domaine public payant. Намъ кажется, что этотъ законъ имѣетъ два главныхъ недостатка: 1) онъ черезчуръ растягиваетъ авторское право (въ сущности не менѣе 80 лѣтъ, а можетъ быть, и болѣе); 2) несмотря на такое непомѣрно большое растяженіе продолжительности защиты—этотъ законъ, всетаки *мало* защищаетъ интересы автора. Ибо очевидно, что эта система не дастъ возможности автору, прожившему больше сорока лѣтъ послѣ перваго изданія своего сочиненія (такіе случаи будутъ рѣдки, но именно въ этихъ то случаяхъ безпомощной старости законъ и долженъ защищать автора самымъ полнымъ образомъ)—не дастъ ему возможности продать выгодно свое сочиненіе. Мы уже говорили, что ни одинъ издатель не рѣшится дать значительной суммы за право новаго изданія сочиненія, если онъ будетъ знать, что это право можетъ уничтожиться завтра, со смертью автора (въ особенности, когда этотъ авторъ будетъ дряхлый 80-лѣтній старикъ). Такимъ образомъ, вполнѣ свободно можно будетъ предположить, что Верди въ 90 лѣтъ (если онъ проживетъ до тѣхъ поръ) не найдетъ охотника заплатить ему за право новаго изданія какой либо изъ первыхъ, лучшихъ его оперъ,—ибо всѣ будутъ ждать смерти маэстро, когда авторское право будетъ стоить такъ дешево—всего 5% съ назначенной цѣны.

Такимъ образомъ, подобная система, не говоря уже о тѣхъ неудобствахъ, которыя должны неминуемо возникнуть при ея проведеніи на практикѣ—недостаточно защищаетъ интересы автора.

Что касается до права публичнаго исполненія драматическихъ, музыкальныхъ и *хореографическихъ* произведеній, то итальянскій законъ защищаетъ ихъ просто-на-просто въ теченіе *80 лѣтъ со дня перваго представленія* [59]).

Ниже мы прилагаемъ синоптическую таблицу, указывающую тѣ сроки, на которые гарантируется авторское право въ различныхъ государствахъ [60]).

---

[59]) см. ст. 59.

[60]) Относительно Россіи подробно см. заключеніе. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи отмѣтить, что относительно русскаго 50-лѣтняго посмертнаго срока такое компетентное учрежденіе, какъ Петербургскій Комитетъ Грамотности, пришло къ тому же заключенію, какое я высказывалъ въ § 296. Послѣ доклада Г. А. Фальборка, Комитетъ постановилъ ходатайствовать о сокращеніи срока защиты до 25 лѣтъ.

Названіе государствъ.	Право воспроизведенія.	Право публ. исполненія.
Австрія.	30 лѣтъ.	10 лѣтъ *).
Венгрія.	50 лѣтъ.	
Бельгія.	50 лѣтъ.	
Великобританія.	7 лѣтъ [1]) **28 лѣтъ** [2]) **7 лѣтъ** [3]). **28 лѣтъ.**	
Германія.	30 лѣтъ.	
Голландія.	**50 лѣтъ** [4]).	30 лѣтъ; **10 лѣтъ** [5]).
Греція.	**15 лѣтъ.**	нѣтъ защиты.
Данія.	50 лѣтъ.	
Испанія.	80 лѣтъ.	
Италія.	**40 лѣтъ** [6]).	**80 лѣтъ.**
Монако.	50 лѣтъ.	
Норвегія.	50 лѣтъ.	
Португалія.	50 лѣтъ.	
Россія.	50 лѣтъ.	
Турція.	**40 лѣтъ** [7]).	нѣтъ защиты.
Франція.	50 лѣтъ.	
Швеція.	50 лѣтъ.	5 лѣтъ.
Швейцарія.	30 лѣтъ.	
Боливія.	50 лѣтъ.	
Бразилія.	10 лѣтъ.	нѣтъ защиты.
Гватемала.	Вѣчная защита.	нѣтъ защиты.
Гаити.	10 лѣтъ [8]).	нѣтъ защиты.
Венецуэла.	Вѣчная защита.	
Колумбія.	80 лѣтъ.	
Мексика.	Вѣчная защита.	30 лѣтъ.
Перу	20 лѣтъ.	нѣтъ защиты.
Соединен. Штаты.	**28 лѣтъ** [9]).	
Ю. Африк. респуб.	**50 лѣтъ** [10]).	**10 лѣтъ.**

Примѣчанія къ таблицѣ.

Жирнымъ шрифтомъ отмѣчены сроки, вычисляемые со дня выхода произведенія въ свѣтъ.

*) По закону 26 апрѣля 1893 г. (см. Droit d'auteur 1893 г. p. 63) этотъ срокъ увеличенъ до 12 лѣтъ.

[1]) для произведеній литературныхъ, драматическихъ и музыкальныхъ; также для картинъ, рисунковъ и фотографій. Для первыхъ съ minimum'омъ защиты въ 42 года.

[2]) для гравюръ и эстамповъ.

[3]) для скульптурныхъ произведеній.

[4]) или до смерти автора, если право не передано никому.

[5]) первое для произведеній ненапечатанныхъ.

[6]) или до смерти автора; затѣмъ 40 л. domaine public payant.

[7]) особыми привилегіями.

[8]) если авторъ не оставилъ ни вдовы, или дѣтей. Въ противномъ случаѣ, первая сохраняетъ право пожизненно, а вторые—20 лѣтъ.

[9]) при жизни автора можетъ быть продолжено еще на 14 лѣтъ.

[10]) произведенія неизданныя—30 лѣтъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Защита произведеній литературныхъ.

314.—Ни одно законодательство объ авторскомъ правѣ не даетъ общаго опредѣленія даже такого важнаго понятія, какъ объектъ авторскаго права; вмѣсто этого—законы ограничиваются болѣе или менѣе неопредѣленными выраженіями (русское «положеніе» даже не выдерживаетъ терминологіи, употребляя выраженія: литературное произведеніе, книга, сочиненіе и т. д.), а чаще-просто перечисляютъ отдѣльные виды, опять таки, уклоняясь дать понятіе родовое (англійскіе законы и др.) Задача науки состоитъ въ томъ, чтобы выяснить основные принципы посредствомъ обобщенія тѣхъ частностей, которыя перечисляются законами—для того, чтобы помочь интерпретаціи закона въ случаѣ недоразумѣній. Задача эта весьма не легка какъ въ виду того, что самая конструкція авторскаго права еще не разработана окончательно, такъ и въ виду того, что сами законы даютъ въ своихъ перечисленіяхъ или опредѣленіяхъ понятія неполныя или противорѣчивыя.

Объектомъ авторскаго права въ области литературы должно считать всякое произведеніе литературы (какъ выраженіе извѣстной идеи, облеченной въ опредѣленную форму), могущее принести автору имущественную выгоду при продажѣ механически повторенныхъ копій [1]). Таково наше опредѣленіе; здѣсь не мѣсто перечислять другія опредѣленія, даваемыя другими

[1]) ср. Шершеневичъ, op. cit. стр. 154.

юристами, опредѣленія, большею частью схожія съ приведеннымъ. Нѣкоторыя разновидности мы укажемъ дальше, а теперь перейдемъ прямо къ разбору даннаго опредѣленія и, для бо̀льшаго удобства, разсмотримъ его по отдѣльнымъ, указываемымъ имъ, признакамъ.

Авторское право защищаетъ *всякія произведенія литературы*, не входя въ разсмотрѣніе того, насколько велико или мало ихъ достоинство. Необходимо признать такое распространеніе закона несмотря на то, что могутъ найтись многія сочиненія, не потребовавшія отъ автора никакой самостоятельной интеллектуальной дѣятельности и, потому, не могущія дать мѣсто возникновенію авторскаго права. Въ то же время, необходимо строго отличать—въ этомъ отношеніи грѣшатъ многія устарѣлыя законодательства [3])—что преслѣдованіе книгъ, вредныхъ для нравственности народа или для существующаго государственнаго строя,—никакого отношенія къ институту авторскаго права не имѣетъ, а можетъ составить только полицейскую мѣру. Wächter утверждаетъ противное, но со взглядомъ его нельзя согласиться, какъ потому, что не содержаніе, въ сущности, составляетъ объектъ авторскаго права, такъ и потому, что нельзя поставить авторское право, важность и необходимость котораго очевидна,—въ зависимость отъ цензурныхъ условій, такъ часто измѣняющихся. Уничтоженіе авторскаго права на нецензурную книгу является не только несправедливымъ, но еще излишнимъ и вреднымъ; излишнимъ—потому что авторъ за напечатаніе такого труда и безъ того несетъ наказаніе; вреднымъ—потому что законъ этимъ путемъ будетъ какъ будто бы поощрять контрафакторовъ и распростра-

---

[2]) Ср. Pouillet op. cit. p. 32, также Pataille, Annales 1867 p. 188—Blanc Traité de contrefaçon, p. 69.—Rénouard, op. cit. v. II p. 29.

[3]) Ср. С. Зак. т. X. ч. I, ст. 21: «напечатавшій книгу безъ наблюденія правилъ цензурнаго устава лишается всѣхъ правъ на оную».—Англійскій актъ 9 сентября 1835 года (цитир. Renouard'омъ, v. I. p. 239) гласитъ: «законъ не гарантируетъ никакого авторскаго права по отношенію къ тѣмъ сочиненіямъ, которыя написаны въ духѣ неприличномъ, клеветническомъ или оскорбительномъ для общества».—Такого же рода постановленіе можно найти въ португальскомъ гражданскомъ уложеніи, § 593.

[4]) Wächter, Autorrecht, s. 91.

телей книги, признанной за вредную. «Такой законъ»—говоритъ Rénouard [5])—«только бы поощрялъ распространеніе дурныхъ книгъ» (уничтожить авторское право—значитъ: дозволить всякому воспроизводить книгу).

315.—Что касается тѣхъ произведеній, изданіе которыхъ преступленія не составляетъ, то, повторяемъ, законъ не оцѣниваетъ ихъ, не проводитъ различія между оригинальными и неоригинальными.

Дѣло въ томъ, что этотъ законъ не можетъ провести границу между хорошими и дурными произведеніями, оригинальными и неоригинальными— ибо это повело бы къ неисчислимымъ затрудненіямъ. Никто, кромѣ всей публики въ органическомъ цѣломъ, не можетъ произнести рѣшающаго приговора о значеніи и достоинствѣ того или другого сочиненія. Всякое учрежденіе присяжныхъ оцѣнщиковъ и критиковъ привело бы неминуемо къ подкупамъ, пристрастному рѣшенію и проч. «Ou irait-on? à quelles incertitudes, à quel désordre serait-on conduit, s'il fallait classer légalement les ouvrages d'esprit par leur utilité, leur moralité, leur style, leur nouveauté, leur originalité?» [6]). Не нужно безпокоиться, что авторъ хорошаго сочиненія получитъ такое же вознагражденіе, какъ и авторъ дурного: авторское право есть не самое вознагражденіе, а только *средство* получить это вознагражденіе. Публика же всегда отличитъ хорошее произведеніе отъ дурного и никогда не ошибется въ истинномъ значеніи сочиненія; можетъ быть не тотчасъ же, но во всякомъ случаѣ черезъ извѣстный промежутокъ времени, всякій авторъ, заслуживающій вознагражденіе, получитъ его. Итакъ, законъ долженъ защищать *всѣ произведенія литературы*. «Такимъ образомъ, законъ не оцѣниваетъ произведеній,— говоритъ Pouillet [7])—не взвѣшиваетъ ихъ достоинства или важности; онъ защищаетъ ихъ всѣ совершенно слѣпымъ образомъ; всякое произведеніе литературы или искусствъ можетъ пользоваться выгодами, гарантируемыми закономъ, не зависимо отъ того, представляетъ ли оно геніальное произведеніе

[5]) Rénouard, op. cit. v. II p. 96.
[6]) ibid. v. II, p. 95.
[7]) op. cit. p. 28.

или плодъ простого терпѣнія, полезно ли оно или вредно, длинно ли или коротко, хорошо или дурно» [8]).

316.—Но что же можно назвать произведеніемъ литературы? Въ самомъ уже опредѣленіи понятія объекта авторскаго права мы употребили выраженіе: литературное произведеніе, какъ выраженіе извѣстной идеи. Дѣйствительно, не всякая исписанная бумага можетъ быть произведеніемъ литературы и, слѣдовательно, объектомъ авторскаго права. Пр. Шершеневичъ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи говоритъ по этому поводу [9]): «Прежде всего, всякое литературное произведеніе должно быть продуктомъ духовной дѣятельности человѣка, исключающимъ возможность труда *безъ участія* психическихъ силъ автора». Съ концомъ этого опредѣленія нельзя согласиться, ибо въ немъ пр. Шершеневичъ противорѣчитъ самому себѣ (раньше онъ самъ указываетъ на невозможность установленія различія между духовной и матеріальной дѣятельностью человѣка *по количеству* психическихъ или физическихъ силъ, участвующихъ въ производствѣ). Очевидно, что необходимо *участіе* психическихъ силъ человѣка даже для того, чтобы написать на посылкѣ восемь несвязныхъ словъ, изъ чего, однако, не значитъ, чтобы этотъ адресъ могъ бы составлять произведеніе литературы. Между тѣмъ, никакой отвлеченной идеи этотъ адресъ, конечно, не представляетъ. Вотъ почему мы присоединяемся къ опредѣленію Шеффле, который говоритъ: «Das literarisch-artistische Eigenthum ist die Beherschung eines Marktes in Beziehung auf den Absatz der eine bestimmte Idee verkörpernden Productes».

317.—Указанное положеніе находитъ себѣ немедленное примѣненіе, напримѣръ, въ слѣдующемъ случаѣ: нельзя, по нашему мнѣнію, признавать объектомъ авторскаго права *каллиграфическія прописи*, *объявленія*, *рекламы*, *надписи на товарахъ и проч.* По той же причинѣ нельзя признавать объектомъ авторскаго права и *заглавія сочиненій*, или, по крайней мѣрѣ, громадное большинство изъ нихъ.

Послѣднее положеніе не принимается одинаково всѣми

---

[8]) ср. Gastambide, op. cit. p. 49.

[9]) op. cit. стр. 155.

юристами. Такъ, считаютъ заглавія объектомъ авторскаго права—Wächter [10]), Gastambide [11]), Fliniaux [12]). Послѣдній, напримѣръ, говоритъ: «заглавіе книги можетъ составить объектъ авторскаго права во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно можетъ обозначать, въ виду его спеціальности, только одно данное произведеніе». Уже изъ этого видно, насколько мало обосновано желаніе сдѣлать заглавія объектомъ авторскаго права. Дѣло въ томъ, что, какъ ни старается Fliniaux,—всетаки, невозможно провести разницу между заглавіями, «обозначающими только данное сочиненіе» и «не обозначающими» и т. д.. Klostermann [13]) совершенно правильно замѣчаетъ разъ-навсегда, что заглавіе не можетъ быть объектомъ авторскаго права «weil er (der Titel) nicht zur Mittheilung von Gedanken gebraucht wird». Что касается до пр. Шершеневича, то его аргументація въ пользу непризнанія—не выдерживаетъ критики. Онъ говоритъ: «Предметомъ авторскаго права не могутъ быть и самыя заглавія сочиненій, какъ бы они ни были оригинальны, вслѣдствіе слишкомъ *малаго ихъ объема*» [14]). Противъ этого можно возразить словамъ самаго же Шершеневича; на той же страницѣ онъ прямо говоритъ: «*объемъ* сочиненія не играетъ никакой роли...» Кромѣ того, по объему еще судить ничего нельзя: вспомнимъ, что заглавія бываютъ весьма длинныя (чуть не страница — романъ «Кларисса»). Итакъ, заглавія не могутъ быть объектомъ авторскаго права не вслѣдствіе своей незначительной величины, но потому, что они не могутъ составить литературнаго произведенія въ правильномъ пониманіи этого слова [15]).

318. — Слѣдующій признакъ можетъ быть формулированъ такъ: для того чтобы быть объектомъ авторскаго права, литературное произведеніе должно быть *выражено въ извѣстной формѣ*. Это требованіе вытекаетъ изъ самаго существа

---

[10]) Verlagsrecht, Th. I, s. 170.

[11]) Traité de contrefaçon, p. 65.

[12]) Législation et jurisrudence sur la propriété littéraire, p. 26.

[13]) Das Geistige Eigenthum, I s. 146.

[14]) op. cit. стр. 158.

[15]) Такого же мнѣнія придерживается даже Pouillet, op. cit. г

авторскаго права, которое не можетъ простираться на абстрактныя идеи. Наиболѣе обдуманное произведеніе, разъ оно не написано, или не изложено въ словесной формѣ, представляетъ только логическую связь идей, по существу своему не подлежащихъ закрѣпленію. Авторъ не имѣетъ права считать своею собственностью эти идеи ни до, ни послѣ заключенія ихъ въ извѣстную форму. Слѣдовательно, до того момента, какъ авторъ изложитъ свои идеи въ извѣстной формѣ, объектъ авторскаго права не существуетъ, и если бы эти идеи *по оплошности* ли автора, или по нескромности друзей его сдѣлались бы общеизвѣстными — авторъ не будетъ имѣть на нихъ никакого *авторскаго* права.

Форма, въ которую могутъ быть вылиты идеи, можетъ быть двоякая: письменная или устная. Нѣкоторыя законодательства (французское—напримѣръ), повидимому, предусматриваютъ только одну письменную форму, употребляя выраженія «écrits» и т. п. По замѣчанію Панкевича [16]), «нельзя дѣлать различія между рѣчью, прочитанною авторомъ съ рукописи — или же сказанною, но заранѣе не написанною, потому что не всегда возможно констатировать тотъ фактъ, была ли рѣчь предварительно написана, или же она произнесена экспромптомъ. Чисто внѣшній признакъ — держитъ ли ораторъ передъ собой тетрадь или нѣтъ, — конечно, не можетъ быть признанъ рѣшающимъ». Вѣрнѣе было бы, кажется, сказать, что рѣчь составляетъ объектъ авторскаго права даже тогда, когда она произнесена экспромптомъ, ибо она даже въ этомъ случаѣ удовлетворяетъ всѣмъ необходимымъ условіямъ. Впрочемъ, мы еще вернемся ниже къ этому вопросу (см. § 349 и сл.).

319. — Большинство юристовъ не упоминаетъ ничего о другихъ признакахъ, кромѣ перечисленныхъ двухъ. Такъ, о томъ, что всякій объектъ авторскаго права необходимо предполагаетъ возможность матеріальнаго вознагражденія для автора посредствомъ продажи механически повторенныхъ его

---

[16]) Объектъ авторскаго права, стр. 28.

копій — упоминаютъ только Побѣдоносцевъ [17]), Klostermann [18]) и Daude [19]). Stoble прямо отвергаетъ необходимость включенія этого признака [20]).

Вмѣсто этого признака, нѣкоторые юристы вводятъ другіе. Такъ пр. Шершеневичъ прямо говоритъ [21]): «... необходимо еще, чтобы произведеніе предназначалось къ обращенію въ обществѣ, къ литературному обороту». Приэтомъ, однако, онъ не выясняетъ, что, собственно, онъ понимаетъ подъ темнымъ названіемъ литературнаго оборота; что же касается до обращенія въ обществѣ, то подъ это условіе подойдетъ всякій прейскурантъ, всякій каталогъ книжнаго магазина, которые предназначаются къ обращенію въ обществѣ. Въ то же время, необходимо отмѣтить, что выраженіе «предназначалось» весьма неудачно; пр. Шершеневичъ старается объяснить его въ смыслѣ «объективной мѣры способности даннаго произведенія стать объектомъ литературнаго обращенія» [22]). Но на это можно возразить, что объектомъ авторскаго права могутъ быть не только такія произведенія, которыя авторомъ никогда къ литературному обороту не «предназначались» (дневники, письма), — но что и самая «объективная мѣра способности стать объектомъ литературнаго обращенія» часто зависитъ не отъ самаго произведенія, а отъ чисто внѣшнихъ, случайныхъ обстоятельствъ. (Самые обыкновенные допросы свидѣтелей оказались «способными стать объектомъ литературнаго оборота» только потому, что эти свидѣтели показывали объ убійствѣ Сарры Беккеръ. Между тѣмъ, никто, конечно, и не подумаетъ считать эти показанія — объектомъ авторскаго чьего-либо права, несмотря на то что эти показанія были пущены въ литературный оборотъ въ видѣ брошюры: «Кто убилъ Сарру Беккеръ?»)

Нѣсколько иначе выясняетъ вопросъ о второстепенныхъ

---

[17]) Курсъ гражданскаго права, т. I стр. 634.
[18]) Handbuch, II s. 250—251.
[19]) Urheberrecht, s. 13.
[20]) Handbuch, III s. 24 ff.
[21]) Авторское право, стр. 160.
[22]) Op. cit. стр. 162.

условіяхъ Панкевичъ, который говоритъ [23]): «изъ числа сочиненій, дающихъ авторское право, нужно еще выдѣлить цѣлый рядъ произведеній, которыя нельзя отнести къ числу литературныхъ произведеній, потому что они: 1) или по своему содержанію не предназначены, 2) или по своей формѣ неспособны къ имущественной эксплуатаціи авторомъ посредствомъ размноженія и продажи экземпляровъ. Къ числу первыхъ относятся: a) всевозможные государственные акты, b) рекламы и объявленія. Вторыя суть мелкія отрывочныя статьи и замѣтки».

Мы оставляемъ въ сторонѣ весьма странное выраженіе «которыхъ нельзя отнести къ числу литературныхъ произведеній.» (Какъ будто имущественная эксплуатація есть отличительный признакъ литературнаго произведенія (а не: *объекта* [24]) *авторскаго права*). Какъ будто, большіе манифесты не суть *литературныя произведенія* потому, что они не предназначены къ имущественной эксплуатаціи авторомъ посредствомъ продажи экземпляровъ).

Изъ двухъ пунктовъ, приводимыхъ Панкевичемъ, второй, безспорно, справедливъ; первый же кажется не вполнѣ точнымъ, именно, на основаніи тѣхъ соображеній, которыя приведены нами выше: объектомъ авторскаго права могутъ быть такія произведенія, которыя вовсе къ литературному обороту не предназначались.

320. — Итакъ, произведеніе становится объектомъ авторскаго права только въ томъ случаѣ, если продажа или распространеніе повторенныхъ копій можетъ принести автору прямую *имущественную выгоду*. Это условіе вытекаетъ изъ самаго понятія авторскаго права: въ самомъ дѣлѣ, авторское право устанавливается для того, чтобы защищать интересы автора и, поэтому, конечно, является вполнѣ ненужнымъ тамъ, гдѣ самъ авторъ признаетъ всякіе имущественные интересы отсутствующими. Не могутъ, поэтому, быть объектомъ

---

[23]) Op. cit. стр. 31.

[24]) Эти два понятія вовсе не совпадаютъ.

авторскаго права: *прейскуранты*, *объявленія*, *рекламы*, *программы избирательныхъ партій и т. п.* [25]).

Вопросъ объ авторскомъ правѣ на объявленія разбирается довольно страннымъ образомъ въ изслѣдованіи Панкевича [26]), гдѣ онъ говоритъ: «Можетъ ли тутъ (т. е. въ объявленіяхъ) быть контрафакція? Утвердительно можно отвѣтить только въ томъ случаѣ, когда форма, взятая сама по себѣ (?) — отдѣльно отъ объявленія, можетъ быть предметомъ авторскаго права, напримѣръ, когда объявленіе имѣетъ форму брошюры.» Надо предполагать, что въ этомъ отрывкѣ Панкевичъ хочетъ сказать слѣдующее: когда объявленіе является только составною частью такого произведенія, которое, само по себѣ, можетъ быть объектомъ авторскаго права, то это произведеніе даже въ соединеніи съ объявленіемъ можетъ оставаться объектомъ извѣстнаго права; — ибо иначе мы отказываемся понять, какъ *форма* можетъ быть отдѣлена отъ *содержанія* объявленія,—или какимъ образомъ всякое объявленіе, изданное въ формѣ книжечки (брошюры) — въ силу этого становится объектомъ авторскаго права [27]).

Пр. Шершеневичъ предполагаетъ только тотъ случай, когда контрафакторъ перепечатываетъ все объявленіе цѣликомъ, и справедливо замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ контрафакторъ окажетъ только услугу автору. Но можетъ быть и такой случай, когда контрафакторъ перепечатываетъ длинное стихотвореніе, восхваляющее мыло фабрики г-на А., и въ своей перепечаткѣ, вмѣсто имени конкуррента, подставляетъ фирму своей фабрики, также производящей мыло. Мы думаемъ, что даже въ такомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о *контрафакціи*, ибо, въ концѣ концовъ, ничьи авторскія права не оскорблены въ данномъ случаѣ: перепечатка будетъ вредить интересамъ фабриканта, какъ такового, авторъ же ничуть не страдаетъ.

Приведенныя соображенія объясняютъ, почему не могутъ быть объектомъ авторскаго права: *военные приказы*, *государственные законы*, *рѣшенія судовъ* и т. д.

---

[25]) Wächter, Autorrecht, s. 59, anm. 16.
[26]) Op. cit. стр. 32.
[27]) Ср. Wächter, op. cit. s.

321. — Раньше, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ видовъ литературныхъ произведеній, дававшихъ мѣсто спеціальнымъ затрудненіямъ, — мы должны вкратцѣ разсмотрѣть, насколько употребляемые различными законодательствами термины удовлетворяютъ установленному нами выше опредѣленію объекта авторскаго права.

Мы уже сказали, что русское законодательство не придерживается какого-нибудь опредѣленнаго термина, а употребляетъ выраженія: книга, сочиненіе, литературное произведеніе и другія. Изъ всѣхъ этихъ выраженій наиболѣе удовлетворительнымъ нужно, по нашему мнѣнію, считать то, которымъ озаглавленъ весь институтъ: «... на литературныя произведенія», ибо такіе термины, какъ «книга»—не заключаютъ въ себѣ понятія о произведеніяхъ мелкихъ, не имѣющихъ форму книги, и совершенно не предусматриваютъ сочиненій, облеченныхъ въ устную форму; «сочиненіе» же не включаетъ понятія о томъ, что объектъ авторскаго права долженъ быть выразителемъ извѣстной идеи автора, — «сочинять» можно и надпись на вывѣскѣ. «Трудъ» (въ смыслѣ: ученые труды) есть выраженіе слишкомъ общее.

Законодательство англійское употребляетъ выраженіе *book*, противъ котораго, слѣдовательно, можно привести тѣ же возраженія, что и противъ русскаго «книга». Понятіе *book* слишкомъ широко, потому что не все то, что имѣетъ видъ книги есть произведеніе литературы,—и, въ то же время, слишкомъ узко, ибо литературныя произведенія могутъ имѣть видъ не только книги.

Французское законодательство употребляетъ выраженіе, съ извѣстной стороны, слишкомъ широкое: «écrits en tous genres». Этотъ терминъ не подразумѣваетъ ни того, что объектъ авторскаго права долженъ быть литературнымъ произведеніемъ, ни того, что онъ долженъ быть примѣнимъ къ имущественной эксплуатаціи. Въ то же время, «écrits en tous genres» исключаютъ произведенія устныя, такъ что французскимъ юристамъ приходится толковать этотъ терминъ, то съужая, то расширяя его настоящій смыслъ—что, очевидно, вноситъ слишкомъ много произвола.

Новый бельгійскій законъ 1886 года употребляетъ выраженіе «oeuvre littéraire», которое, кажется, наиболѣе удачно выражаетъ поставленныя выше условія.

321, a.—Какъ мы уже сказали выше, рѣдкія законодательства принимаютъ въ основаніе своихъ постановленій какой-нибудь опредѣленный, неизмѣняемый принципъ. Вотъ почему, при заключеніи всѣхъ литературныхъ конвенцій почти неизбѣжно возникаютъ «проклятые» вопросы, рѣшеніе которыхъ довольно трудно и до сихъ поръ мало выяснено, несмотря на то, что вопросы такіе самымъ регулярнымъ образомъ возбуждаютъ несогласія при всякомъ новомъ измѣненіи литературныхъ законовъ, при заключеніи всякой литературной конвенціи. Особенно много этихъ вопросовъ въ отдѣлѣ о литературныхъ произведеніяхъ,—всѣ они ясно опредѣлились и только ждутъ того или другого рѣшенія. Ниже мы постараемся привести краткій сводъ такихъ рѣшеній—и начнемъ съ такъ называемыхъ литературныхъ произведеній не вполнѣ самостоятельныхъ, разбирая относительно каждаго отдѣльнаго рода: 1) насколько такой родъ литературныхъ произведеній можетъ составить объектъ самостоятельнаго авторскаго права; 2) насколько такой родъ литературныхъ произведеній составляетъ или не составляетъ контрафакціи по отношенію къ первоначальному сочиненію, его источнику.

322.—По количеству самостоятельнаго авторскаго труда, вкладываемаго въ произведенія не вполнѣ оригинальныя (компиляціи)—эти послѣднія можно раздѣлить на три отдѣла:

a) хрестоматіи,

b) компиляціи въ тѣсномъ смыслѣ,

c) комментаріи.

Хрестоматіей называется сборникъ отрывковъ, взятыхъ изъ сочиненій различныхъ авторовъ, причемъ эти отрывки приводятся безъ всякихъ измѣненій. Издаются хрестоматіи исключительно съ педагогическою цѣлью.

Первый вопросъ, который можетъ возникнуть по поводу хрестоматій, формулируется такъ: составля трафак-

цію пользованіе чужими произведеніями (въ цѣломъ или въ отрывкахъ)—для составленія учебной хрестоматіи?

На этотъ вопросъ пр. Табашниковъ отвѣчаетъ утвердительно [28]): «Хотя эти чужеядныя растенія, появляющіяся въ видѣ сборниковъ чужихъ трудовъ, полезны и выгодны какъ для публики, такъ и для самихъ компиляторовъ, но въ виду слишкомъ грубо нарушаемаго ими авторскаго права, имъ долженъ быть положенъ предѣлъ и на нихъ слѣдуетъ распространить общее запрещеніе контрафакціи со всѣми ея послѣдствіями».

Посмотримъ, дѣйствительно ли уже такъ «грубо» нарушаютъ хрестоматіи авторское право. Мы уже видѣли (см. введеніе, II), что послѣднее состоитъ изъ двухъ элементовъ, личнаго и имущественнаго; всякое нарушеніе одного изъ этихъ элементовъ составляетъ контрафакцію.

Нарушаетъ ли издатель хрестоматіи *личныя права* автора оригинала? Мы думаемъ, что этого положенія даже не нужно опровергать. Уже самое назначеніе хрестоматіи (собрать лучшіе образцы всѣхъ родовъ литературы) требуетъ, чтобы составитель выбралъ изъ каждаго автора то, что у него есть самаго хорошаго. Ни въ одной хрестоматіи невозможно искаженіе оригинала въ виду того, что хрестоматіи приводятъ отрывки въ подлинникѣ. Онѣ даютъ, можетъ быть, одностороннее и неполное понятіе объ авторѣ въ всемъ объемѣ его дѣятельности, но, во всякомъ случаѣ, въ томъ, что онѣ приводятъ, онѣ характеризуютъ автора достаточно вѣрно и всегда въ свѣтъ особенно для него лестномъ, такъ что ни о какомъ оскорбленіи личныхъ правъ не можетъ быть и рѣчи. Однако, хрестоматіи, можетъ быть, приносятъ авторамъ ущербъ *матеріальный*.

По этому поводу Lavollée выражается такъ: «Если мы позволимъ, безъ дальнѣйшихъ формальностей, воспроизводить, подъ флагомъ учебныхъ цѣлей, цѣлые отрывки изъ современныхъ изданій—мы тѣмъ самымъ создадимъ щелку, сквозь ко-

---

[28]) Литературная собственность, стр. 377.

[30]) Journal des économistes, 1887, v. I p. 376, статья «Propriété littéraire».

торую легко будетъ проскальзывать самая типичная контрафакція». На это можно возразить слѣдующее. Во-первыхъ, одного названія на обложкѣ: «хрестоматія»,—еще никогда не будетъ достаточно для того, чтобы покрыть беззастѣнчивую контрафакцію, открытое пользованіе чужимъ добромъ. Во всякій данный моментъ, судъ будетъ имѣть возможность констатировать злую волю и обвинить въ контрафакціи всякаго издателя, разъ изданная имъ хрестоматія не имѣетъ съ таковыми ничего или мало общаго.

Общее же это легко выяснить во всякомъ частномъ случаѣ. Назначеніе всякой хрестоматіи, назначеніе главное и единственное выражается въ томъ, что всякая истинная хрестоматія должна быть предназначена для цѣлей педагогическихъ. Планъ, по которому собрана хрестоматія, выборъ отрывковъ, объясненія къ нимъ, группировка этихъ отрывковъ—все должно указывать, что составитель хрестоматіи имѣлъ опредѣленную цѣль, стремился заполнить пробѣлъ въ той или другой области педагогической литературы. Разъ сборникъ составленъ такимъ образомъ, разъ онъ не переходитъ узкихъ рамокъ школьныхъ программъ—его можно дозволить, ибо въ такихъ предѣлахъ онъ никогда не принесетъ матеріальнаго ущерба собственнику оригинала.

Въ самомъ дѣлѣ. Если кто-нибудь пожелаетъ ознакомиться съ произведеніями Некрасова, онъ, конечно, пріобрѣтетъ собраніе сочиненій этого поэта, а не ограничится двумя-тремя отрывочными стихотвореніями, помѣщенными въ сборникѣ [31]): не ограничится, во-первыхъ, потому, что въ хрестоматіи помѣщается слишкомъ мало стихотвореній, а, во-вторыхъ, потому, что знакомиться съ писателемъ можно и должно не по лучшимъ его произведеніямъ, но и по среднимъ и слабымъ—иначе представленіе будетъ совершенно ложное. Мы думаемъ, что не будетъ особенной смѣлости сказать, что хрестоматія, наоборотъ, способна увеличить доходы автора оригинальнаго сочиненія. Она будетъ служить какъ бы объявленіемъ, рекламой тѣхъ сочиненій, откуда взята выдержка. Эти выдержки

[31]) Ср. Шершеневичъ, op. cit. стр. 167.

берутся всегда, какъ мы уже указывали, изъ наилучшихъ мѣстъ оригинала, такъ что не мудрено, что прочитавшій лучшій отрывокъ, пожелаетъ познакомиться съ цѣлымъ. Мы видимъ, что въ послѣднее время музыкальные магазины выпускаютъ объявленія, въ которыхъ приводятъ отрывки—наиболѣе удачные—изъ вновь напечатанныхъ танцевъ и т. п.; конечно, всякій музыкальный магазинъ будетъ только доволенъ, если его конкуррентъ перепечатаетъ такое объявленіе и будетъ распространять его, хотя бы, продажей. По отношенію къ автору литературнаго произведенія, хрестоматія есть такое же объявленіе, обо она *никому не замѣнитъ цѣлаго*.

Резюмируя все вышесказанное, мы можемъ сказать слѣдующее: разъ сборникъ составленъ въ рамкахъ школьныхъ программъ—онъ не будетъ, по своей отрывочности и малой полнотѣ, никому, кромѣ учениковъ, интересенъ и никому не замѣнитъ тѣхъ оригиналовъ, откуда взяты отрывки. Слѣдовательно, такая хрестоматія (въ точномъ смыслѣ этого слова) никогда не найдетъ сбыта въ той средѣ, на которую разсчитанъ оригиналъ.

323.—На это намъ могутъ возразить, указавъ, что, можетъ быть, съ уничтоженіемъ хрестоматій, полные оригиналы найдутъ себѣ покупателей въ школьной средѣ. Другими словами, что если хрестоматія никогда не распространится въ средѣ покупателей оригинала,—можетъ быть, оригиналъ можетъ найти сбытъ въ средѣ покупателей хрестоматіи.

Мы думаемъ, что и это невозможно, и что съ уничтоженіемъ хрестоматій, продажа оригиналовъ увеличится очень мало. Не увеличится она по многимъ причинамъ. Прежде всего потому, что громадное большинство учениковъ имѣютъ средства только для того, чтобы купить спеціальную недорогую хрестоматію; почти навѣрно можно сказать, что между ними рѣдко найдутся достаточно богатые, чтобы купить полныя сочиненія всѣхъ тѣхъ авторовъ, о которыхъ упоминается въ программѣ. Если нуженъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Крыловъ—то столько же нуженъ Бѣлинскій, Островскій, Гоголь, Толстой, Печерскій и т. д. Затѣмъ, кромѣ этого, чисто денежнаго вопроса, нужно отмѣтить еще то, что часто произведе-

нія литературы, съ которыми необходимо познакомить учащуюся молодежь, содержатъ одну—двѣ страницы, иногда 4—5 строчекъ такого содержанія, что всякій учитель подумаетъ раньше, чѣмъ рѣшится рекомендовать ученикамъ «Дубровскаго» изъ-за какихъ-нибудь двухъ фразъ, встрѣчающихся въ первой главѣ. Хрестоматія опускаетъ все то, что вредно можетъ отозваться на воображеніи юношества, и позволяетъ дать ученикамъ въ руки произведенія, вообще, весьма полезныя, и только мѣстами—не соотвѣтствующія педагогическимъ цѣлямъ.

Итакъ, ученики не только не будутъ въ состояніи пріобрѣтать оригинальныя полныя изданія, но часто учителя ихъ будутъ прямо совѣтовать имъ не дѣлать этого.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы думаемъ, что хрестоматія, не составленная in fraudem legis—*не можетъ считаться контрафакціей* [32]). Такого же мнѣнія придерживаются, напримѣръ, Панкевичъ [33]), пр. Шершеневичъ [34]) и друг.

324.—Вопросъ о томъ, можетъ-ли сама хрестоматія, набранная изъ отрывковъ чужихъ сочиненій, составить объектъ авторскаго права для ея составителя—не представляетъ, очевидно, никакихъ затрудненій. «Выборъ отрывковъ—говоритъ Pouillet [35])—порядокъ и система ихъ расположенія безусловно составляютъ произведеніе умственнаго труда и, слѣдовательно... обусловливаютъ возникновеніе авторскаго права» [36]). Вполнѣ

---

[32]) Вопросъ этотъ очень мало разработанъ международными литературными конвенціями. «Международныя конвенціи содержатъ мало постановленій о хрестоматіяхъ,—говоритъ въ своемъ (ненапечатанномъ) изслѣдованіи князь А. Ливенъ—подробнѣе всего вопросъ о сборникахъ разобранъ во франко-германскомъ соглашеніи. До тѣхъ поръ (напримѣръ, по добавочной конвенціи между Франціей и Голландіей 1860 г., по франко-прусской конвенціи 1862 г.), конвенціи обусловливали появленіе хрестоматій многими внѣшними условіями, требуя, напримѣръ, чтобы статьи сопровождались примѣчаніями на языкѣ той странѣ, въ которой издается хрестоматія. Послѣднее условіе не было уже включено въ конвенцію франко-бельгійскую 1881 года. Франко-германская же конвенція просто требуетъ, чтобы подъ каждою статьею было обозначено имя автора и мѣсто, откуда данная статья заимствована».

[33]) Op. cit. стр. 22.

[34]) Op. cit. стр. 167.

[35]) Op. cit. p. 33.

[36]) Ср. Gastambide, op. cit. p. 59.—Rendu et Delorme, op. cit., № 739.—Hélie et Chaveau, p. 45.—Rénouard, op. cit. v. II p. 97.—Calmels, op. cit. p. 136.

ясно, что всякая хрестоматія удовлетворяетъ тѣмъ тремъ условіямъ, которыя мы выяснили выше, ибо: 1) она составляется по извѣстному плану, который выражаетъ взглядъ автора на то, какъ должно проходить преподаваніе даннаго предмета, 2) взглядъ этотъ, идеи автора выливаются въ опредѣленную форму, и 3) хрестоматія можетъ быть употреблена со стороны автора для имущественной эксплуатаціи.

Слѣдовательно, хрестоматія, какъ таковая, *можетъ быть объектомъ авторскаго права* для ея составителя, хотя бы въ ней не встрѣчалось ни единаго слова, составляющаго его оригинальный трудъ.

325.—*Компиляціей въ тѣсномъ смыслѣ* мы называемъ такое изданіе, которое составляетъ сокращеніе или переработку чужого произведенія. При этомъ нужно различать два случая:

1) когда компилируемое произведеніе есть объектъ частнаго авторскаго права;

2) когда авторское права на это компилируемое произведеніе уже истекло.

Можно ли признать контрафакціей составленіе компиляціи перваго рода? Мы думаемъ, что—да; думаемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Какъ это ни странно, но, по нашему мнѣнію, приходится признать, что *дословное* воспроизведеніе отрывковъ (хрестоматія)—контрафакціи не составляетъ, а воспроизведеніе *своими словами*—составляетъ. Причину этого нужно видѣть въ томъ значеніи, которое имѣютъ эти компиляціи для книжной торговли. Выше мы старались доказать, что хрестоматія самымъ ничтожнымъ образомъ дѣйствуетъ на уменьшеніе сбыта оригинала; совершенно обратное можно сказать о компиляціяхъ. Въ наше время, когда всѣ «жить торопятся», когда о романѣ судятъ по рецензіи, а объ ученомъ трудѣ—по рефератy,—невозможно дозволить свободу компилированія, ибо это убьетъ оригиналы. Въ самомъ дѣлѣ, не видимъ ли мы массу примѣровъ, какъ публика считаетъ болѣе выгоднымъ для себя брать компиляціи даже тамъ, гдѣ, казалось бы, эти компиляціи должны погибнуть сами собой (университетскіе «конспекты»). Соображенія, которыми руководится покупающій

компиляцію вмѣсто оригинала, ясны: компиляція меньше по объему, такъ что одно печатаніе ея обойдется уже дешевле, чѣмъ печатаніе оригинала, не говоря уже о томъ, что компиляторъ не платитъ автору; компиляція меньше по объему—слѣдовательно, кромѣ дешевизны, она еще и болѣе удобочитаема. Конечно, найдутся люди, которые quand même возьмутъ оригиналъ—но такихъ будетъ немного, масса же купитъ компиляцію, такъ что послѣдняя принесетъ чувствительный матеріальный ущербъ автору оригинала.

Кромѣ того, мы думаемъ, что компиляціи могутъ приносить ясно выраженный вредъ и личнымъ правамъ автора, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда неумѣлый компиляторъ возьмется за книгу, трактующую о предметѣ, совершенно ему незнакомомъ, и въ своемъ «переложеніи» исказитъ самыя основныя идеи автора оригинала, причемъ послѣдній не будетъ въ состояніи запретить распространеніе книги, приписывающей ему взгляды, которыхъ онъ никогда не проповѣдывалъ.

На основаніи всего этого мы считаемъ справедливымъ признать, что право компилированія можетъ принадлежать только автору оригинала, такъ что всякій, составившій компиляцію безъ дозволенія автора оригинала, будетъ виновенъ въ контрафакціи. Такого же мнѣнія придерживается и извѣстный французскій юристъ, котораго намъ приходилось уже столько разъ цитировать, Rénouard [37]): «Если компиляторъ—говоритъ онъ—заимствуетъ у оригинала самый текстъ, планъ, идеи, аргументы и изложеніе,—такая его переработка обязательно составитъ контрафакцію... Мы знаемъ, что многіе компиляторы доходятъ до того, что, прибавивъ слова «сокращенное изложеніе» или «конспектъ», даже воспроизводятъ заголовокъ оригинала и имя его автора. Это обстоятельство дѣлаетъ преступленіе еще болѣе тяжкимъ—ибо въ такомъ случаѣ компиляторъ пользуется трудомъ чужаго ему человѣка для того, чтобы создать этому человѣку самую опасную конкурренцію». Ту же мысль не безъ увлеченія проводитъ Delalande [38]). Пр. Шершеневичъ также стоитъ за уничтоженіе свободы

[37]) Op. cit. v. II, p. 30.
[38]) Op. cit. p. 115.

компиляцій, которыя, вдобавокъ ко всему, возбуждаютъ поверхностное отношеніе къ литературѣ и наукѣ [39]).

326.—Но выше мы уже указали, что могутъ быть компиляціи и другого рода—такія, которыя составляются по произведеніямъ, находящимся въ общественномъ достояніи. Относительно этого рода компиляцій—вопросъ о контрафакціи, очевидно, не можетъ имѣть мѣста. На мѣсто его является другой вопросъ: могутъ ли быть такія компиляціи объектомъ авторскаго права для компилятора?

На первый взглядъ казалось бы, что—нѣтъ. Содержаніе, собственно, не принадлежитъ компилятору: факты, аргументы, фабула—берется имъ изъ произведенія, на которое уже истекло авторское право. Однако, необходимо помнить, что для всякаго компилятора обязательно нужна оригинальная дѣятельность: нужно такъ или иначе освѣтились факты; самый выборъ только нѣкоторыхъ фактовъ—изъ массы приводимыхъ оригиналомъ, группировка этихъ нѣкоторыхъ фактовъ—все это ясно можетъ указать читателю воззрѣніе компилятора на трактуемый предметъ. Хотя и чужими словами и составленными другимъ лицомъ доказательствами—но компиляторъ, всетаки, выясняетъ свою собственную, лично ему принадлежащую идею. Мы уже видѣли, что незначительная степень оригинальности такой идеи не можетъ помѣшать тому, чтобы произведеніе сдѣлалось объектомъ новаго авторскаго права. «Расположеніе матеріала—говоритъ Gastambide [40])—выборъ извлеченій, общій ходъ развитія мысли, переходы отъ одного отрывка къ другому и способы ихъ соединенія во-едино—все это принадлежитъ самому автору компиляціи и составляетъ объектъ его авторскаго права; но, конечно, тѣ тексты, которые онъ воспроизвелъ полностью или въ сокращенномъ видѣ, никогда не могутъ сдѣлаться его собственностью» [41]).

Итакъ, резомируя все вышесказанное, мы можемъ сказать слѣдующее:

---

[39]) Ср. у Klostermann'a, Das geistige Eigenthum, Theil I, s. 153.

[40]) Op. cit. p. 52.

[41]) Ср. Fliniaux, op. cit. p. 22 ss.

1) Компиляція, какъ таковая, можетъ составить объектъ авторскаго права даже въ томъ случаѣ, если компилируемое произведеніе составляетъ уже общественное достояніе. Все это конечно, не значитъ, что авторъ компиляціи пріобрѣтаетъ авторское право на оригиналъ; другими словами, авторъ компиляціи не можетъ запретить другому лицу издать компиляцію того же сочиненія. Но —

2) Если авторское право на оригиналъ еще не истекло, то никто не можетъ компилировать его безъ предварительнаго разрѣшенія автора. По мѣткому выраженію Calmels'a, «признать за другими лицами право компилировать—это позволить моему сосѣду брать мои снопы, съ тѣмъ чтобы онъ непремѣнно ворочалъ назадъ солому» [42]).

327.—*Комментаріи* можно подраздѣлить на два отдѣла: одни объясняютъ сочиненія, составляющія общественное достояніе, а другіе—сочиненія, еще охраняемыя постановленіями объ авторскомъ правѣ. Относительно первыхъ не можетъ быть и сомнѣнія: всѣ они становятся объектомъ авторскаго права, ибо всякій комментарій, очевидно, указываетъ на стремленіе выразить ту или другую мысль. Поэтому, самый комментарій легко разсматривать, какъ самостоятельное отрывочное литературное произведеніе и, слѣдовательно, какъ объектъ авторскаго права. Нужно замѣтить, что, по причинамъ вполнѣ понятнымъ, авторское право комментатора, конечно, не распространяется на самое комментируемое сочиненіе, которое, какъ мы предположили выше, составляетъ общественное достояніе: очевидно, что комментаторъ можетъ запретить перепечатку сочиненія съ его собственными комментаріями, но не имѣетъ права запретить появленіе новыхъ изданій комментированнаго сочиненія безъ комментаріевъ или съ комментаріями другаго автора [43]).

328.—Что касается до комментированныхъ изданій тѣхъ сочиненій, на которыя авторское право еще не истекло, то такія изданія, очевидно, вредятъ имущественнымъ интересамъ

[42]) Op. cit. p. 146.

[43]) Op. Fliniaux, op. cit. p. 23—Dalloz, Répertoire général, voir sous «propriété littéraire», p. 457.

автора и, потому, составляютъ контрафакцію. Всякій, конечно, предпочтетъ пріобрѣсти такое изданіе, какъ болѣе удобное для пониманія и болѣе дешевое (если компиляторъ не будетъ платить авторскаго права)—такъ что изданіе съ комментаріями, очевидно, уменьшитъ сбытъ оригинала. Поэтому, подобныя изданія не могутъ быть предприняты иначе, какъ съ дозволенія автора оригинала.

329.—Съ такими взглядами на компиляціи и комментаріи соглашаются не всѣ юристы. Такъ, Brousse [44]) говоритъ о комментаріяхъ на сочиненія, составляющія общественное достояніе: «такіе комментаріи составляютъ необходимую принадлежность этихъ сочиненій и во всемъ должны слѣдовать ихъ судьбѣ: если сочиненіе сдѣлалось общественнымъ достояніемъ, всякое авторское право на комментаріи также истекаетъ немедленно». Очевидно, что это разсужденіе рѣшительно ничего не доказываетъ: комментаріи, конечно, имѣютъ тѣсную связь съ комментируемыми сочиненіями и составляютъ, какъ бы, ихъ «принадлежность», но изъ этого положенія, конечно, вовсе не слѣдуетъ логически, чтобы авторъ ихъ не могъ имѣть авторскаго права на свое произведеніе только потому, что онъ комментировалъ произведеніе не составляющее объекта частнаго авторскаго права [45]). Dalloz придерживается того же мнѣнія, говоря [46]): «комментаріи присоединенные къ тексту такого произведенія, которое составляетъ уже общественное достояніе—всетаки, представятъ неотъемлемую собственность ихъ автора [47])». Англійскій юристъ Maugham прямо утвер-

---

[44]) Journal de la librairie, 1820 p. 379.

[45]) Ср. Gastambide, op. cit. p. 53.

[46]) op. cit. p. 458.

[47]) Мы не могли выяснить себѣ, какимъ образомъ Rénouard и Панкевичъ (op. cit. стр. 25) приписываютъ Dalloz'y совершенно противоположныя мнѣнія; такъ Rénouard пишетъ: «...M. Dalloz ajoute: Peut être pourrait-on distinguer entre un commentaire de cette espèce, qui forme un ouvrage à part, et les simples notes qui ne seraient que des explications philologiques, compilées sur les travaux des commentateurs précédents». Такого отрывка мы не находимъ въ Jurisprudence générale ни на стр. 466, ни 469 (какъ указываетъ Rénouard). Вѣроятнѣе всего, что то противоположное положеніе, которое цитируетъ Панкевичъ, внесено въ позднѣйшія, исправленныя изданія. Мы пользовались экземпляромъ, составляющимъ собственность парижской Ecole de Droit и помѣченнымъ 1859 годомъ.

ждаетъ [48]): «Notes and additions are entitled to the same degree of protection as any other original composition».

330.—Намъ остается указать, какъ относятся къ данному вопросу законодательства различныхъ странъ [49]); въ виду его сравнительной незначительности—многія законодательства ограничиваются всего двумя-тремя словами относительно сборниковъ, компиляцій и хрестоматій. Общая же тенденція большинства законодательствъ заключается въ томъ, что почти всѣ они разрѣшаютъ третьимъ лицамъ составлять сборники, не испрашивая позволенія у автора, причемъ обыкновенно только указывается, какую цѣль должны преслѣдовать эти сборники для того, чтобы пользоваться указаннымъ преимуществомъ. Подобною привилегированною цѣлью во *всѣхъ* государствахъ (законы англійскій и французскій ничего по этому вопросу не говорятъ, но именно въ такомъ смыслѣ объясняетъ ихъ молчаніе мѣстная юриспруденція) считается *народное обученіе*; исключеніе сдѣлано только для музыкальныхъ хрестоматій въ Германіи [50]), гдѣ запрещается составленіе такихъ хрестоматій спеціально для *музыкальныхъ* (но не другихъ) школъ. *Цѣли религіозныя* считаются уважительными въ Австріи [51]), Венгріи [52]), Германіи [53]), Норвегіи [54]), Финляндіи [55]) и Швеціи [56]). *Цѣли критики* (but littéraire spécial) спеціально обозначены въ законодательствахъ Австріи [51]), Германіи [53]), Колумбіи [57]), Монако [58]), Финляндіи [55]) и друг. Отмѣтимъ, что въ Даніи [59]) и Мексикѣ [60]) дѣйствуютъ схожія странныя постановленія, разрѣшающія составлять сбор-

---

[48]) op. cit. p. 76.
[49]) О постановленіи литературныхъ конвенцій см. эту главу прим. 32.
[50]) Законъ 11 іюня 1870 г., ст. 47; ср. § 104 и § 200.
[51]) Законъ 15 октября 1846, ст. 5, b.
[52]) Законъ 26 апрѣля 1884, ст. 9.
[53]) Законъ 11 іюня 1870 г., ст. 7, a.
[54]) Законъ 8 іюня 1876 г., ст. 16, b.
[55]) Законъ 15 марта 1880 г., ст. 9, c.
[56]) Законъ 10 августа 1877, ст. 11.
[57]) Законъ 26 октября 1886 г., ст. 38.
[58]) Законъ 27 февраля 1889 г., ст. 11, b.
[59]) Законъ 29 декабря 1857 г., ст. 13.
[60]) Гражданское уложеніе, ст. 1322.

ники, какъ «recueils de lecture», т. е. дозволяющихъ самую явную эксплуатацію чужихъ произведеній.

Нѣкоторыя законодательства, опасаясь изданія хрестоматій in fraudem legis, заключаютъ еще особыя стѣснительныя постановленія, будто бы, уменьшающія возможность появленія quasi—хрестоматій. Такъ, русскій [61]) и австрійскій [62]) законы точно опредѣляютъ максимальный размѣръ заимствованій, а венгерскій [63]) выражается неопредѣленно: «dans une mesure restreinte». Законы датскій [59]) и норвежскій [64]) разрѣшаютъ пользованіе чужими произведеніями для хрестоматій не раньше, какъ черезъ годъ по выходѣ въ свѣтъ оригинала. Колумбійскій законъ [57]) дозволяетъ автору спеціальной оговоркой воспретить третьимъ лицамъ пользованіе его произведеніемъ даже для хрестоматій. Всѣ законодательства кромѣ русскаго, бельгійскаго, датскаго и мексиканскаго—требуютъ, чтобы заимствующій указалъ источникъ, откуда взятъ отрывокъ.

331.—*Переводы.* Вопросъ о переводахъ чрезвычайно важенъ какъ по отношенію ко внутреннимъ сношеніямъ, такъ и—въ особенности — къ сношеніямъ международнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, при заключеніи конвенціи между двумя государствами, говорящими на разныхъ языкахъ (наиболѣе часто встрѣчающійся случай) — для контрагентовъ важно оградить себя отъ перепечатки произведеній за-границей не на томъ языкѣ, на которомъ они появляются на родинѣ автора, но отъ *переводовъ*, т. е. отъ перепечатки на языкѣ, употребляемомъ въ другомъ изъ договаривающихся государствъ. Въ международныхъ сношеніяхъ переводъ есть нормальный способъ воспроизведенія [65]). Когда Франція заключала конвенцію съ Россіей, ей нужно было оградить своихъ авторовъ не отъ перепечатки ихъ произведеній въ Россіи на французскомъ языкѣ, но—главнымъ образомъ—отъ того, чтобы французскія произведенія не перево-

---

[61]) Св. З. Т. X, ч. I, изд. 1886 г. прил. къ ст. 420, п. 17.
[62]) Законъ 14 октября 1846 г., ст. 5, b.
[63]) Законъ 26 апрѣля 1884 г., ст. 9.
[64]) Законъ 8 іюня 1876 г., ст. 16, b.
[65]) Lavollée, op. cit. p. 307.

дились на русскій языкъ (чего Франція, замѣтимъ кстати, не добилась). Вотъ почему справедливо будетъ сказать, что вопросъ о переводахъ составляетъ половину вопроса о международной защитѣ литературныхъ произведеній.

Вопросъ о защитѣ переводовъ можно раздѣлить на двѣ части:

1) Имѣетъ ли авторъ сочиненія, на которое еще не истекъ срокъ авторскаго права, или его наслѣдники—право воспретить появленіе этого сочиненія на другомъ языкѣ? (Такъ называемое, *исключительное право перевода* или *право исключительнаго перевода*).

2) Имѣетъ ли право воспретить воспроизведеніе *своего* перевода то лицо, которое перевело сочиненіе, составляющее общественное достояніе?

Разберемъ прежде всего вопросъ о правѣ исключительнаго перевода въ сношеніяхъ внутреннихъ, ибо всѣ подобные вопросы въ примѣненіи къ сношеніямъ международнымъ мы оставляемъ до послѣдней главы (см. заключеніе).

332—Итакъ, вопросъ можно поставить слѣдующимъ образомъ: «Составляетъ ли контрафакцію недозволенный авторомъ переводъ такого сочиненія, на которое еще существуетъ частное авторское право»?

Намъ уже не разъ случалось примѣнять опредѣленный способъ для рѣшенія подобныхъ вопросовъ; теперь намъ необходимо, опять таки, выяснить: 1) нарушаетъ ли свобода переводовъ личныя права автора и 2) нарушаетъ ли она его права имущественныя?

Относительно имущественнаго ущерба различные юристы высказываются разно. Такъ, Rénouard, обыкновенно горячій защитникъ авторскаго права, высказываетъ о переводахъ слѣдующее мнѣніе (въ которомъ, между прочимъ, особенно ясно видна устарѣлость его изслѣдованія): «Трудно понять, какимъ образомъ можетъ иностранный переводъ составить конкурренцію оригиналу. Различіе внѣшней формы устраняетъ возможность соревнованія (rivalité) или смѣшенія. Даже читатели будутъ,

очевидно, разные» [66]). Того же мнѣнія придерживается и Шеффле, говоря: «Der heimische Markt ist der wichtigste für Werke sogut wie für Sachen» [67]).

Не говоря уже о томъ, что не дѣло закона различать главные и побочные доходы автора, на различіи которыхъ основывается Шеффле, мы должны отмѣтить, что по нашему мнѣнію трудно предположить, чтобы переводъ не могъ представить никакой конкурренціи для оригинала. Трудно себѣ представить, чтобы нашлось много англичанъ, напримѣръ, изъ живущихъ во Франціи, которые настолько бы знали французскій языкъ, чтобы предпочли французскій оригиналъ англійскому переводу только потому, что переводъ всегда бываетъ «plus ou moins imparfait» (Rénouard). Особенно важно обратить вниманіе на это обстоятельство, когда оригиналъ есть сочиненіе ученое, гдѣ форма составляетъ вещь второстепенную: покупателю не важно, чтобы предметъ былъ изложенъ особенно хорошимъ литературнымъ языкомъ, ему нужно, чтобы книга была написана понятно: а съ такой точки зрѣнія всякій всегда предпочтетъ изданіе на родномъ языкѣ. Итакъ, мы видимъ, что даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ всѣ подданные говорятъ, приблизительно, однимъ языкомъ—читатели не всегда будутъ раздѣлятся на двѣ несмѣшивающіяся категоріи.

333. — Но еще важнѣе становится вопросъ о переводахъ, когда мы возьмемъ такое государство, гдѣ подданные говорятъ на различныхъ языкахъ (лучшій примѣръ – Россія). У насъ, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, наблюдается значительное распространенія знанія иностранныхъ языковъ. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже объ образованномъ классѣ, гдѣ всякій, получившій хоть какое нибудь образованіе, говоритъ, хотя бы, на одномъ иностранномъ языкѣ — даже въ низшихъ слояхъ (не чисто-русскаго происхожденія) большинство говоритъ на двухъ языкахъ: польскомъ и русскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ. Предположимъ теперь, что авторъ издаетъ сочиненіе на русскомъ языкѣ: если это произведеніе заслуживаетъ вниманія по своимъ литературнымъ качествамъ или ученымъ открыті-

[66]) Op. cit. v. II, p. 32.
[67]) Op. cit. s. 189.

ямъ, — сочиненіе это будутъ читать не только русскіе по происхожденію, но и всѣ тѣ, кто сколько нибудь понимаетъ русскій языкъ. Но разъ появится переводъ — никто изъ иностранцевъ и не подумаетъ купить русскій оригиналъ, ибо если эти иностранцы по происхожденію всѣ (или большая часть, по крайней мѣрѣ) знаютъ русскій языкъ, то въ большинствѣ случаевъ не на столько хорошо, чтобы не предпочесть изданія на родномъ языкѣ.

То же самое будетъ замѣчаться и при появленіи оригинала на иностранномъ языкѣ—ибо если знаніе этихъ иностранныхъ языковъ и распространено, вообще, въ Россіи—то въ большинствѣ случаевъ оно весьма слабо.

334. — Итакъ, всякій переводъ, безспорно, составляетъ конкурренцію для оригинала, уменьшаетъ его сбытъ и, такимъ образомъ, нарушаетъ матеріальные интересы автора.

Мы думаемъ, что не будетъ особенно смѣло сказать, что многіе переводы жестоко нарушаютъ и личныя права автора оригинала. «Надо имѣть въ виду, что естественная, при неограниченномъ правѣ переводить иностранныхъ авторовъ, гоньба за первымъ, ранѣе другихъ сдѣланнымъ переводомъ неминуемо приводитъ къ небрежному его исполненію, такъ что вмѣсто того, чтобы знакомить съ оригиналомъ, переводъ нерѣдко убиваетъ репутацію автора. Про многіе русскіе переводы можно справедливо сказать что они оказались «могилами» для оригиналовъ [68])».

Съ такимъ взглядомъ нельзя не согласиться. Очень часто авторъ желалъ бы имѣть исключительное право перевода не для того, чтобы изъ этого права извлекать какую-нибудь матеріальную выгоду, но исключительно для того, чтобы имѣть возможность хотя какъ нибудь контролировать то, что заграницей выпускаютъ подъ его именемъ. Неужели авторъ не можетъ имѣть права запретить, чтобы его русскій романъ не переводили въ Петербургѣ же на нѣмецкій языкъ, часто искажая самыя существенныя мѣста? А насколько можетъ исказить плохой переводчикъ самый лучшій оригиналъ—это, ка-

[68]) Пр. Мартенсъ, Современное междунар т. II, стр. 161.

жется, мы, русскіе, знаемъ особенно хорошо, ибо у насъ при значительномъ развитіи переводной литературы особенно распространены переводы, въ которыхъ «battre le pavé» передается «колотить по мостовой».

Наконецъ, разъ признавъ извѣстныя интеллектуальныя права всякаго автора—мы должны неминуемо признать право всякаго автора обставить появленіе перевода его сочиненія наиболѣе выгодными условіями. Никто, конечно, кромѣ автора, не съумѣлъ бы идеально хорошо понять сущность даннаго произведенія и выразить ее на иностранномъ языкѣ такъ, какъ она того требуетъ. Если, къ несчастью, авторъ не владѣетъ даннымъ языкомъ — то онъ, опять таки, лучше всего можетъ найти переводчика способнаго исполнить данную работу, можетъ помочь ему, растолковать.

Не дать автору возможности осуществить все это — это нарушитъ его личныя права.

Слѣдовательно, свобода переводовъ нарушаетъ какъ личные, такъ и (мы это доказали выше) имущественные интересы автора; откуда,—всякій переводъ, недозволенный авторомъ, долженъ считаться контрафакціею и преслѣдоваться, какъ таковая *).

335. — Очень немногіе юристы оспариваютъ право исключительнаго перевода. Къ числу ихъ принадлежитъ пр. Табашниковъ, аргументація котораго весьма любопытна [63]): «... Свобода перевода настолько безусловна, что даже самъ авторъ оригинала въ сущности не можетъ полагать ей никакого предѣла. И въ самомъ дѣлѣ, издавая свое сочиненіе въ свѣтъ, онъ тѣмъ самымъ открываетъ всякому читателю дѣйствительную возможность пользоваться его мыслями; за нимъ остается только право на ихъ внѣшнюю оболочку, на ихъ форму, и ее-то онъ одинъ только можетъ имущественно эксплуатировать въ какомъ угодно видѣ. Выше было показано, что переводъ есть лишь пользованіе мыслями оригинала, а не его формою, что онъ передаетъ содержаніе оригинала, хотя въ той же системѣ и послѣдовательности, въ какихъ оно из-

*) См. мой фельетонъ въ «Новомъ Времени» за 1894 г., № 6411.

[63]) Литературная собственность, стр. 470 и сл.

ложено въ оригиналѣ, но совершенно инымъ языкомъ и иными литературными оборотами; а потому, его отнюдь нельзя примѣнить къ механическому воспроизведенію чужаго сочиненія.» Изъ этой выписки особенно ясно выступаетъ вся непослѣдовательность теоріи, которая принята Табашниковымъ. Оказывается, что этотъ защитникъ литературной собственности признаетъ объектомъ авторскаго права «языкъ» и «литературные обороты». На это мы можемъ только сказать, что если идеи, дѣйствительно, не подлежатъ присвоенію, то литературные обороты еще болѣе составляютъ общественное достояніе. Совершенно, наконецъ, непонятно, какъ это можно отдать кому либо въ частную собственность русскій «языкъ».

Уже изъ этого видно, насколько несостоятельно мнѣніе Табашникова.

336. — Другіе юристы, насколько намъ удалось прослѣдить — почти всѣ защищаютъ исключительное право перевода, хотя они выходятъ часто изъ другихъ основныхъ положеній. Такъ, весьма энергично требуетъ запрещенія свободныхъ переводовъ Lavollée [70]), остроумно указывая на то, что лишить извѣстныхъ правъ на переводъ — все равно, что признать право иностранца на сырые продукты и отнять право на продукты обработанные. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такая аргументація справедлива только съ точки зрѣнія литературной собственности, принимаемой Lavollée.

Проф. Шершеневичъ также приходитъ къ убѣжденію, что необходимо признать переводъ за контрафакцію, ибо, «нарушая интересы автора, которые должны стоять на первомъ мѣстѣ, свобода такая не соединится также и съ общественнымъ интересомъ». Послѣднее положеніе онъ доказываетъ рядомъ остроумныхъ доводовъ [71]).

Резюмируя все вышесказанное, мы должны признать, что свобода переводовъ вредитъ какъ личнымъ, такъ и имущественнымъ интересамъ автора и, слѣдовательно, составляетъ контрафакцію. Поэтому, никто не долженъ «publier la traduction

---

[70]) Op. cit. p. 371.

[71]) Op. cit. p. 172 и сл.

autrement qu'avec le consentement de l'auteur de l'oeuvre originale, s'il s'agit d'une oeuvre encore dans le domaine privé» [72]).

337. — Остается одинъ вопросъ — *должно ли это исключительное право перевода защищаться также долю, какъ и право воспроизведенія вообще?* Вопросъ этотъ составляетъ одинъ изъ пунктовъ наибольшаго различія европейскихъ законодательствъ, которыя обыкновенно признаютъ право исключительно перевода, но на сроки болѣе короткіе, чѣмъ продолжительность права исключительнаго воспроизведенія.

Мы думаемъ, что предложенный вопросъ можно рѣшить на основаніи слѣдующихъ соображеній. Авторъ, которому будетъ обезпечено право исключительнаго перевода, издавая свой оригиналъ, будетъ разсчитывать на тотъ доходъ, который онъ будетъ въ состояніи извлечь изъ продажи своего сочиненія не только въ этомъ оригиналѣ, но и въ возможныхъ переводахъ. Такимъ образомъ, онъ разложитъ тотъ свой авторскій гонораръ, котораго онъ — по своему мнѣнію — заслуживаетъ, не на одно изданіе, а на два или болѣе. Зола, напримѣръ, говорятъ, имѣетъ теперь опредѣленную цифру гонорара за каждый романъ; предположимъ, что этотъ гонораръ равенъ 10000 франкамъ. Издатель, купившій этотъ романъ, разложитъ, при *свободѣ* переводовъ, такой гонораръ только на французскіе экземпляры, т. е. на 10 т. экземпляровъ, напримѣръ, — по 1 франку. Если же онъ будетъ имѣть еще право исключительнаго перевода на всѣ языки, то онъ разложитъ тѣ же десять тысячъ франковъ на 10 т. экземпляровъ французскихъ, да на 2 т. экземпляровъ нѣмецкихъ, — англійскихъ, — русскихъ, — итальянскихъ,—испанскихъ: другими словами, по 0,50 франка на экземпляръ. Отсюда уже вытекаетъ иное слѣдствіе, что (это между прочимъ!) при гарантированіи исключительнаго права перевода — *раскладка* авторскаго гонорара на читателей будетъ *гораздо равномѣрнѣе*, и на каждую отдѣльную книгу такого гонорара будетъ *платиться меньше*.

Но изъ того же положенія вытекаетъ и еще одно слѣд-

---

[72]) Pouillet, op. cit. p. 50.

ствіе, заключающееся въ слѣдующемъ: мы видимъ, что издатель разложитъ гонораръ на всѣ изданія на разныхъ языкахъ. Аккуратно же возвращаться эта разложенная сумма будетъ только въ томъ случаѣ, если всѣ опубликованныя изданія бубутъ гарантированы отъ внезапно-возникшей конкурренціи. Гарантію же это можно дать только въ томъ случаѣ, если будетъ обезпечено право исключительнаго перевода *на тѣ же сроки какъ и право исключительнаго воспроизведенія*. Очевидно, что при другихъ условіяхъ установленіе этого исключительнаго права не имѣетъ никакого смысла.

Между тѣмъ, такого воззрѣнія на право исключительнаго перевода не проводитъ большинство законодательствъ и литературныхъ конвенцій; сокращенный срокъ пользованія правомъ исключительнаго перевода встрѣчается (вслѣдствіе, впрочемъ, особыхъ причинъ) даже въ Бернской конвенціи, столь основательно продуманномъ актѣ. Согласно этой конвенціи, право исключительнаго перевода защищается только десять лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ оригинала [73]). Разсужденія по этому поводу не могутъ быть сложны: или недозволенный переводъ составляетъ контрафакцію, или онъ контрафакціи не составляетъ. Если онъ контрафакціи не составляетъ — почему онъ запрещенъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ? Если онъ составляетъ контрафакцію — почему онъ разрѣшенъ на одиннадцатомъ и послѣдующихъ годахъ? Другими словами: конференція признала, что авторское право состоитъ изъ права воспроизведенія и права перевода. Между тѣмъ, эта же конференція, почему то, раздробляетъ въ извѣстный моментъ это неразрывное по своей сущности авторское право — и, защищая одну его часть, оставляетъ на произволъ судьбы — другую. Можно указать, что конференція поступила такъ въ виду исключительной трудности согласить самыя разнообразныя постановленія. Но почему же именно такъ же поступила германская коммиссія, редактировавшая законъ 11 іюня 1870 года?

Итакъ, по нашему мнѣнію, различная продолжительность

---

[73]) См. ст. 5.

права исключительнаго воспроизведенія и исключительнаго перевода — противорѣчитъ логикѣ. Остается сдѣлать еще одно небольшое замѣчаніе.

338. — Тѣ юристы, которые требуютъ признанія права исключительнаго перевода — всѣ стоятъ за уничтоженіе тѣхъ формальностей, которыми обусловливается по многимъ современнымъ законодательствамъ «пріобрѣтеніе права исключительнаго перевода».

Въ настоящемъ изслѣдованіи мы вовсе не касались вопроса о такъ называемыхъ «формальностяхъ» вообще, ибо всѣ онѣ уже единогласно признали неумѣстными и излишними. Очень удачно критикуетъ всѣ эти отживающія формальности пр. Шершеневичъ, разбирая итальянскій законъ [74]). «Прежде всего—говоритъ онъ—бросается въ глаза непослѣдовательность закона: съ одной стороны онъ признаетъ, что пріобрѣтеніе зависитъ отъ соблюденія извѣстныхъ формальностей, съ другой—что неисполненіе ихъ въ теченіе извѣстнаго времени влечетъ за собой потерю права. Но, если оно не было пріобрѣтено, оно не могло быть и потеряно... Нарушеніе юридической логики обнаруживается еще въ другомъ отношеніи. Законъ признаетъ, что авторское право пріобрѣтается съ представленіемъ экземпляровъ отпечатаннаго сочиненія, а между тѣмъ онъ же установляетъ защиту рукописи, слѣдовательно признаетъ контрафакцію тамъ, гдѣ еще нѣтъ авторскаго права».

Мы упомянули о формальностяхъ для того, чтобы разъ-навсегда устранить этотъ вопросъ. Отмѣтимъ, что исключеній въ этомъ отношеніи мы считали бы нужнымъ провести только одно, именно, по отношенію къ праву исключительнаго перевода. Выше (см. § 242), мы уже выяснили, почему мы думаемъ, что необходимо установить *ограничительный срокъ изданія перевода* [75]). Повторяемъ, что этотъ срокъ необходимъ

---

[74]) Op. cit. стр. 215.

[75]) Подъ этимъ названіемъ мы подразумѣваемъ слѣдующее. Авторъ долженъ имѣть право исключительнаго перевода такъ же долго, какъ право воспроизведенія механическаго. Однако, необходимо установить срокъ (3 — 5 — 10 лѣтъ) съ такимъ разсчетомъ, чтобы авторъ, не воспользовавшійся своимъ правомъ

вовсе не потому, чтобы можно было встрѣтиться съ нежеланіемъ автора издать свое сочиненіе на извѣстномъ языкѣ—такіе случаи будутъ слишкомъ рѣдки, о нихъ не стоитъ говорить. За то автору могутъ помѣшать издать переводъ постороннія условія, которыя заставятъ его постоянно откладывать исполненіе своей задачи; это-то стеченіе обстоятельствъ, весьма естественное въ обыденной жизни, и не должно имѣть черезчуръ сильнаго вліянія на распространеніе или не-распространеніе полезныхъ сочиненій за-границей. Мы думаемъ, что пятилѣтній срокъ вполнѣ достаточенъ для того, чтобы авторъ «опредѣлился въ успѣхѣ» своего сочиненія, чтобы онъ приготовилъ переводы на извѣстные языки, тѣ, которые онъ самъ выбралъ,—и чтобы онъ успѣлъ эти переводы издать. Разъ онъ издалъ свои переводы,—онъ сохраняетъ право исключительнаго перевода на столько же времени, на сколько продлится его право механическаго воспроизведенія. А если онъ въ такой продолжительной срокъ, какъ пять лѣтъ, переводовъ не издалъ—тѣмъ хуже для него. «Такимъ образомъ—указывала спеціальная швейцарская коммиссія—не можетъ быть оставлено на усмотрѣніе только доброй воли автора (можетъ быть, совсѣмъ не имѣющаго практическаго чутья)—вопросъ о томъ, чтобы издать, или не издать переводъ такого сочиненія, которое можетъ имѣть громадный интересъ».

Итакъ, мы думаемъ, что и конвенцію Бернскаго союза слѣдовало бы измѣнить именно въ такомъ смыслѣ.

339.—Намъ остается рѣшить вопросъ относительно того, *можетъ ли переводъ, какъ таковой, быть объектомъ авторскаго права*. Разсмотримъ, насколько переводъ удовлетворяетъ поставленнымъ нами условіямъ. Всякій переводъ облеченъ въ извѣстную форму и можетъ принести автору имущественную выгоду продажей механически повторенныхъ экземпляровъ. Остается опредѣлить, составляетъ ли переводъ (т. е. самое измѣненіе формы сочиненія) самостоятельное литературное

исключительнаго перевода въ теченіе этого срока, былъ бы лишаемъ—въ видахъ общественной пользы—своего такого права и не могъ бы долѣе препятствовать другимъ лицамъ печатать переводы его произведенія. Эти то 3—5—10 лѣтъ мы и называемъ ограничительнымъ срокомъ изданія перевода.

произведеніе въ юридическомъ смыслѣ. Т. е., вноситъ ли переводчикъ въ свой трудъ что-либо субъективнаго, что-либо изъ своихъ идей, изъ своего міросозерцанія?

Очевидно, что многія мѣста изъ Child-Harold'a можно перевести очень точно, но, въ тоже время, такъ, что они потеряютъ половину своей силы, той удивительной силы иронiи, которою обладалъ только Байронъ. Мы признали бы, что переводчикъ въ трудъ свой не вноситъ ничего субъективнаго, если бы всякій хорошій переводъ давалъ бы фотографически точное воспроизведеніе духа оригинала, еслибы не могло существовать двухъ безукоризнѣйшихъ и, въ то же время, совершенно несхожихъ переводовъ одного и того же оригинала. (Вѣдь никто не провѣрялъ легенды о 70-ти александрійскихъ старцахъ!). Въ совершенствѣ перевести «Адъ»—задача болѣе трудная, чѣмъ было написать этотъ самый «Адъ», ибо переводчику придется воплотиться въ чужое міровоззрѣніе, совершенно ему чуждое, какъ по мѣсту, такъ и по времени. Вотъ почему мы думаемъ, что переводъ требуетъ отъ исполняющаго столько интеллектуальной работы, что оно вполнѣ можетъ дать мѣсто возникновенію интеллектуальнаго права. «Самостоятельность труда переводчика—говоритъ пр. Табашниковъ [75])—будетъ гораздо нагляднѣе, если мы изъ области прозы перенесется въ область поэзіи. Всякому читателю извѣстны многія изъ переводныхъ стихотвореній Жуковскаго, въ которыхъ геній и сила творчества этого поэта отразилась въ такой степени, что его переводы не только сравнились съ оригиналами, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ превзошли даже ихъ [76]);.. равнымъ образомъ и въ новѣйшей русской поэзіи насчитывается много превосходныхъ произведеній, обязанныхъ именно переводнымъ трудамъ ихъ авторовъ; таковы переводы сербскихъ пѣсенъ Аполлона Майкова, таковы же переводы Пушкина, Полонскаго, Минаева и другихъ. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ самостоятельность труда переводчиковъ очевидна и безспорна, и едва ли кто усомнится, что названные

[75]) Op. cit. стр. 467.

[76]) Это безусловно вѣрно; стоитъ вспомнить ту параллель, которую проводитъ Водовозовъ между «Перчаткой» въ оригиналѣ и переводѣ.

переводы—продукты интеллектуальной дѣятельности ихъ авторовъ, результаты ихъ умственнаго творчества».

340.—На это можно возразить что существуетъ множество переводовъ, въ которыхъ переводчикъ ничего своего не вкладываетъ и ничего въ нихъ не выражаетъ, попросту переводя только фразы въ томъ порядкѣ, какъ онѣ стоятъ въ оригиналѣ. Очевидно, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о желаніи опредѣленнѣе выразить извѣстную идею: задача сводится къ передачѣ отдѣльныхъ кусковъ оригинала. Такіе переводы не составляютъ самостоятельныхъ — въ юридическомъ смыслѣ — литературныхъ произведеній и, слѣдовательно, на первый взглядъ, не должны быть признаны объектомъ авторскаго права.

Мы уже указывали, что среди оригинальныхъ сочиненій также не мало такихъ, которые по содержанію своему не заслуживаютъ защиты закона. Но, всетаки, законъ принимаетъ подъ свое покровительство всѣ оригинальныя сочиненія (оригинальныя—въ смыслѣ: не напечатанныя раньше въ такой же формѣ), ибо онъ не можетъ проводить границы между сочиненіями оригинальными (въ собственномъ смыслѣ) и неоригинальными, между полезными и безполезными. То же самое можно, слово въ слово, повторить и о переводахъ. Разъ нѣтъ возможности провести границу, которая ясно бы опредѣляла, какіе переводы достойны быть объектомъ авторскаго права, а какіе—нѣтъ,—необходимо защитить *всѣ переводы безъ исключенія*. Къ тому же, не забудемъ, что, лишая дурные переводы защиты отъ контрафакціи и дозволяя свободное ихъ воспроизведеніе—законъ точно будетъ поощрять ихъ распространеніе.

341.—Итакъ мы признали, что: 1) право исключительнаго перевода должно принадлежать автору;

2) это право должно быть продолжено на такой же промежутокъ времени, какъ и право механическаго воспроизведенія, подъ условіемъ издать переводъ въ теченіе пяти лѣтъ.

3) переводы, какъ таковые, должны быть защищены наравнѣ съ оригинальными произведеніями.

Послѣднему условію удовлетворяютъ почти всѣ законодательства (*кромѣ русскаго*), такъ что намъ остается разсмот-

рѣть только первые два пункта. Для удобства обозрѣнія можно раздѣлить всѣ законодательства на слѣдующія пять группъ.

I. Прежде всего разсмотримъ такія законодательства, которыя безусловно признаютъ за авторомъ право исключительнаго перевода, не обставляя его никакими формальностями или ограниченіями. Сюда относятся законодательства: Бельгіи, Гаити, Туниса и Франціи.

Бельгійскій законъ 22 Марта 1886 года (ст. 12) гласитъ:

«...авторское право заключаетъ въ себѣ исключительное право издавать и дозволять изданіе переводовъ произведенія».

Постановленіе это дословно воспроизведено *Тунисскимъ закономъ* 15 Апрѣля 1889 въ его статьѣ 4-й, съ тою только разницею, что тунисскій законъ къ той же статьѣ присоединяетъ постановленія и о переводахъ произведеній музыкальныхъ.

Законъ Гаитіянскій 8 Октября 1885 содержитъ постановленіе, редактированное нѣсколько иначе, но, въ концѣ концовъ, схожее съ приведеннымъ (ст. 5).

Что касается *законодательства французскаго*, то основной декретъ 1793 года не содержитъ на этотъ счетъ никакихъ указаній, но всѣ юристы единогласно интерпретируютъ его въ томъ смыслѣ, что авторъ получаетъ исключительныя права какъ механическаго воспроизведенія, такъ и перевода *на одинаковые сроки* [77]).

342. — II. Законы Соединенныхъ Штатовъ и Гватемалы признаютъ также право исключительнаго перевода въ полномъ его объемѣ, но *подъ условіемъ сдѣлать на каждомъ экземплярѣ изданія заявленіе* о желаніи сохранить за собой право исключительнаго перевода [78]).

Такъ, *Гватемальскій законъ* 20 Октября 1879 года, статья 18 гласитъ:

«Всякій авторъ можетъ сохранить за собой право исключительнаго перевода посредствомъ особаго заявленія; однако, въ

---

[77]) см. подробно у Pouillet, op. cit. № 532.

[78]) Такое заявленіе дѣлается обыкновенно въ слѣдующей формѣ: «tous droits réservés», «droits de traduction et de reproduction réservés», «all rights reserved».

своемъ заявленіи онъ долженъ оговорить, желаетъ ли онъ сохранить такое право по отношенію только къ нѣкоторымъ языкамъ, или ко всѣмъ безъ исключенія».

Такимъ образомъ, Гватемальскій законъ обязываетъ автора заявить, на какіе языки онъ сохраняетъ право исключительнаго перевода.

Законъ Соединенныхъ Штатовъ 8 Іюля 1870 года выражается гораздо короче:

«Статья 4952... Авторы могутъ сохранить за собой право исключительнаго перевода—посредствомъ особой оговорки на изданіи».

343. — III. Въ слѣдующую категорію можно поставить законодательства, въ принципѣ признающія право исключительнаго перевода во всемъ его объемѣ, но обставляющія это право *для иностранныхъ авторовъ — большими ограниченіями.* Сюда относятся:

1) *Испанскій законъ* 10 Января 1879 года, который гласитъ (статья 2, b), что переводчикъ долженъ обязательно получить предварительное разрѣшеніе отъ автора; но по статьѣ 13-ой, авторы иностранныхъ произведеній будутъ имѣть право исключительнаго перевода не дальше какъ на тотъ срокъ, который гарантированъ имъ національнымъ закономъ. Такимъ образомъ, Испанія, въ принципѣ, защищаетъ право исключительнаго перевода даже по отношенію къ иностранцамъ, но дѣлаетъ это, въ послѣднемъ случаѣ, только по системѣ наименѣе выгоднаго закона (ст. 13), а также только при существованіи взаимности (см. ст. 15).

2) *Португальское гражд. уложеніе* (часть II, книга 1-ая, параграфъ 577) безусловно защищаетъ право исключительнаго перевода въ пользу національныхъ авторовъ. Авторы же иностранные пользуются правомъ исключительнаго перевода только въ теченіе 10 лѣтъ со дня выхода сочиненія въ свѣтъ—т. е., очевидно, меньше, чѣмъ первые.

3) *Боливійскій законъ* 13 Августа 1879 года въ статьѣ 8-ой буквально воспроизводитъ только что изложенныя постановленія португальскаго гражданскаго уложенія.

4) *Колумбійскій законъ* 26 Октября 1886 года гарантируетъ своимъ мѣстнымъ авторамъ безусловное [illegible]ючительнаго

перевода на полные сроки. «Если же сочиненіе напечатано *вне колумбійской территоріи*, оно можетъ быть переводимо безъ всякихъ ограниченій, въ цѣломъ или частями, при соблюденіи только одного условія: переводчикъ не долженъ скрывать имени автора оригинала».

344.—IV. Въ особую категорію можно поставить законодательства австрійское, венгерское, германское, голландское и итальянское, которыя признаютъ за авторомъ право исключительнаго перевода — но только не въ полномъ его объемѣ, а *на срокъ сокращенный*. Эти же законодательства, за исключеніемъ итальянскаго, требуютъ, чтобы авторъ издалъ свой переводъ въ извѣстный срокъ.

1) *Австрійскій законъ* 19 Октября 1846 года (ст. 5, с.) разрѣшаетъ автору сдѣлать оговорку о желаніи сохранить право исключительнаго перевода на одинъ или нѣсколько языковъ; однако, ограничительный срокъ изданія перевода равняется всего одному году, такъ что по истеченіи этого срока дозволяется всякому печатать переводъ произведенія на всѣ тѣ языки, на которые авторъ до тѣхъ поръ не издалъ своего перевода. Кромѣ того, нужно отмѣтить то обстоятельство, что австрійское законодательство относится къ одновременнымъ изданіямъ на разныхъ языкахъ гораздо логичнѣе и справедливѣе, чѣмъ позднѣйшій по времени германскій законъ 11 Іюня 1870 года, считая ихъ всѣ оригинальными изданіями (ср. § 91) Нельзя также обойти молчаніемъ и того, что право исключительнаго перевода безусловно защищается австрійскимъ закономъ по отношенію *къ манускриптамъ*.

345.—2) Венгерскій законъ 4 мая 1884 года составляетъ дословное повтореніе закона германскаго во всѣхъ постановленіяхъ его относительно переводовъ, кромѣ, развѣ, того, что авторъ обязуется издать свой переводъ не въ годовой срокъ, какъ по закону германскому, а въ три года (съ обязательствомъ *начать* переводъ въ теченіе одного года). См. венгерскій законъ ст. 7, b-c и ст. 17 [79]).

Голландскій законъ 28 іюня 1881 года (см. ст. 5) гаран-

[79]) О германскомъ законодательствѣ по этому вопросу см. §§ 91—92.

тируетъ авторамъ право исключительнаго перевода: a) по отношенію къ неизданнымъ или только прочитаннымъ произведеніямъ (рѣчи, лекціи и т. п.)—безусловно и на полные сроки; b) по отношенію къ изданнымъ сочиненіямъ—не больше, какъ на пять лѣтъ и подъ условіемъ сдѣлать оговорку на изданіи (ограничительный срокъ изданія перевода установленъ въ 3 года). Одновременныя изданія на нѣсколькихъ языкахъ поставлены въ такія же невыгодныя условія, какъ и въ Германіи: оригиналомъ считается только одно изданіе (т. е. изданіе только на одномъ языкѣ—по указанію автора)—изданія же на всѣхъ другихъ языкахъ безусловно относятся (см. ст. 6) къ категоріи переводовъ [80]).

Итальянскій декретъ 19 сентября 1882 года гласитъ такъ:

«Статья 12. Въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ со дня выхода сочиненія въ свѣтъ—тотъ,—кто имѣетъ право механическаго воспроизведенія, имѣетъ также исключительное право переводить сочиненіе или дозволять другимъ лицамъ изданіе переводовъ».

Такимъ образомъ, итальянское законодательство признаетъ право исключительнаго перевода только на срокъ 10 лѣтъ. Этимъ законодательствомъ намъ слѣдовало бы закончить отдѣлъ о законахъ, признающихъ *сокращенный срокъ* права исключительнаго перевода—но одно встрѣченное нами недоразумѣніе заставляетъ насъ помѣстить въ данную категорію еще одно законодательство, собственно, ничего общаго съ нею не имѣющее.

346.—Мы говоримъ о законодательствѣ швейцарскомъ, которое въ декретѣ отъ 23 апрѣля 1883 года гласитъ:

«Статья 2. Литературная и художественная собственность защищается въ теченіе всей жизни автора и 30 лѣтъ со дня его смерти.... Авторъ или его правопріемники получаютъ исключи-

---

[80]) т. е. въ случаѣ изданія сочиненія одновременно, напримѣръ, на голландскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—авторъ можетъ объявить оригиналомъ только одно изданіе. Такимъ образомъ, если онъ таковымъ назначитъ изданіе голландское—черезъ пять лѣтъ можно будетъ печатать безъ его дозволенія «переводы» и на французскій, и на нѣмецкій языки.

тельное право перевода только въ томъ случаѣ, если они издали переводъ въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ» [81]).

Мы думаемъ, что изъ сопоставленія двухъ статей (итальянской и швейцарской) вполнѣ очевидно вытекаетъ заключеніе о томъ, что въ Швейцаріи исключительное право продолжается, собственно, *столько же времени, какъ и право воспроизведенія*. То есть, что швейцарское законодательство нужно отнести къ первой категоріи государствъ, о которыхъ мы говорили выше (см. § 341).

Однако, мы помѣщаемъ Швейцарію именно здѣсь только для того, чтобы сопоставленіемъ съ Италіей было бы болѣе удобно выяснить ту ошибку, которую мы встрѣтили у Lyon-Caën [82]). Совсѣмъ непонятно, какимъ образомъ вкрался такой существенный недосмотръ въ это добросовѣстное изданіе столь компетентныхъ лицъ. Между тѣмъ, Lyon-Caën въ предисловіи своемъ прямо говоритъ: «Въ Италіи и Швейцаріи исключительное право перевода принадлежитъ автору даже въ томъ случаѣ, если онъ не сдѣлаетъ никакой оговорки; *однако, это право защищается въ первой изъ этихъ странъ—десять лѣтъ, а во второй—пять*». По точному смыслу этого отрывка и по сближенію Италіи съ Швейцаріей должно предполагать, что Lyon-Caën совсѣмъ упустилъ изъ виду громадную разницу, существующую между законодательствомъ Италіи и Швейцаріи по вопросу о переводахъ. Въ самомъ дѣлѣ, 10-лѣтній итальянскій срокъ—есть *срокъ исключительнаго права перевода*, срокъ сокращенный, по истеченіи котораго, не смотря ни на какія условія, всякій желающій можетъ конкуррировать съ авторомъ новыми переводами. Въ Швейцаріи же этотъ срокъ ограниченъ общею продолжительностью права исключительнаго воспроизведенія; 5-ть же лѣтъ представляютъ тотъ законный промежутокъ времени, въ который авторъ долженъ издать свой переводъ, чтобы не лишиться права исключительнаго перевода (*ограничительный срокъ изданія перевода*). Въ Италіи авторъ не ограниченъ никакимъ срокомъ: хотя бы онъ вовсе

---

[81]) «...l'auteur ne peut prétendre au droit exclusif de traduction que s'il en fait usage dans les cinq premières années».

[82]) См. Lois sur la propriété littéraire, etc. Вступленіе p. LIII.

и не думалъ издавать перевода, всетаки, всякій переводъ, изданный безъ его спеціальнаго дозволенія *въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ* со дня выхода въ свѣтъ оригинала будетъ считаться контрафакціей.

Въ общемъ итогѣ,—Швейцарія признаетъ, въ принципѣ, неограниченное никакимъ срокомъ (конечно, въ предѣлахъ продолжительности защиты права воспроизведенія)—*право исключительнаго перевода*, тогда какъ Италія это право *ограничиваетъ десятью годами*. Никакого сближенія провести невозможно. Въ особенности страннымъ является то обстоятельство, что данная ошибка повторена въ томъ же собраніи еще разъ и даже въ еще худшей формѣ, такъ что ее нельзя считать простымъ lapsus linguae. Второй разъ то же сближеніе сдѣлано на страницѣ 537-ой [83]), гдѣ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ профессора Lyon-Caën'a и также не безъизвѣстный юристъ [84]), комментируя швейцарскій законъ, пишетъ: «Въ виду этого, коммиссія (Федеральнаго Совѣта) просила установленія 10-лѣтняго срока съ тѣмъ, чтобы авторъ, не воспользовавшійся своимъ исключительнымъ правомъ перевода въ теченіе этого срока, былъ бы лишаемъ своего исключительнаго права. Государственная коммиссія уменьшила этотъ срокъ до пяти лѣтъ.—*Итальянскій законъ 25 іюня 1865 года* [85]) *содержитъ такое же постановленіе: авторъ долженъ издать свой переводъ въ теченіе десяти лѣтъ*».

Такимъ образомъ, въ двухъ различныхъ мѣстахъ того же сборника проводится параллель между итальянскимъ и швейцарскимъ законами. Въ первомъ изъ указанныхъ мѣстъ указывается, что оба закона признаютъ сокращенный срокъ защиты права исключительнаго перевода; во второмъ—что оба закона признаютъ систему ограничительнаго срока изданія перевода. На дѣлѣ же оказывается, что оба эти утвержденія невѣрны, *ибо сокращенный срокъ исключительнаго права перевода признается законодательствомъ итальянскимъ, а сис-*

---

[83]) См. Lyon-Caën et Delalain, op. cit. p. 537 примѣч. 1-ое.

[84]) M. Delalande, substitut de procureur de la République au Havre.

[85]) Инкорпорированный безъ измѣненій (по этому вопросу) въ законѣ 19 сентября 1882 года.

тема ограничительнаго срока—швейцарскимъ. Первое изъ указанныхъ мѣстъ искажаетъ смыслъ швейцарскаго закона, а второе — итальянскаго *).

Въ подтвержденіе правильности нашего взгляда мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшую выписку изъ изслѣдованія пр. Шершеневича, который толкуетъ данный вопросъ совершенно также, т. е. совершенно противоположно толкованію проф. Lyon-Caën. Онъ говоритъ [86]): «Иныя законодательства признаютъ за авторомъ исключительное право перевода только въ теченіе извѣстнаго періода времени, по прошествіи котораго открывается полная свобода перевода. Къ этому разряду относится *италіянское законодательство*, утверждающее за авторомъ исключительное право перевода въ теченіе 10 лѣтъ съ момента перваго изданія [87]). Швейцарское законодательство, установивъ принципъ, что авторское право содержитъ и право перевода, присоединяетъ къ этому замѣчаніе, что такое исключительное право перевода принадлежитъ автору только при томъ условіи, если онъ осуществитъ его въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ со времени появленія оригинала».

347.—V. Въ особую категорію нужно поставить законодательства Датское, Норвежское, Шведское и Финляндское. Всѣ эти законодательства въ принципѣ признаютъ полную свободу переводовъ и только въ видѣ *исключенія* охраняютъ сочиненія, изданныя *на опредѣленныхъ языкахъ отъ перевода на опредѣленные же языки*. Впрочемъ, въ чистой формѣ эта система проводится только въ Даніи.

1) По *датскому дополнительному закону* отъ 24 Мая 1879 года, статья 1-ая, запрещается переводить сочиненіе, напечатанное на одномъ изъ діалектовъ одного и того же языка,— на другіе діалекты того же языка. При этомъ считаются діалектами одного и того же языка: датскій, норвежскій и шведскій языки.

---

*) Отраженіе данной ошибки попало, напримѣръ, въ рецензію о брошюрѣ А. Борзенко «Права авторскія на переводъ», принадлежащей неизвѣстному автору и помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1893 годъ.

[86]) Авторское право, стр. 178.

[87]) ibid.

2) *Норвежскій законъ* 8 Іюня 1876 года заключаетъ (см. ст. 15) такое же постановленіе, какъ и законъ датскій. Впрочемъ, защита нѣсколько расширяется запрещеніемъ переводить: a) неизданные манускрипты, b) произведенія, написанныя на мертвомъ языкѣ, c) произведенія, изданныя одновременно на нѣсколькихъ языкахъ (запрещается переводить на эти языки—защита болѣе полная, чѣмъ даже въ германскомъ законодательствѣ).

3) *Финляндскій законъ* 15 Марта 1880 года (ст. 6) признаетъ въ пользу національныхъ подданныхъ право исключительнаго перевода на всѣ языки на срокъ пяти лѣтъ, а на языки шведскій и финскій—на полный срокъ. Одновременныя изданія на различныхъ языкахъ всѣ считаются оригиналами. Иностранные авторы пользуются правомъ исключительнаго перевода не долѣе, какъ на 5 лѣтъ, и только подъ условіемъ сдѣлать на изданіи соотвѣтствующую оговорку.

4) *Шведскій законъ* 10 Августа 1877 содержитъ о правѣ перевода на «діалекты», такое же постановленіе, какъ и законъ датскій, а объ одновременныхъ изданіяхъ на разныхъ языкахъ такое же постановленіе, какъ и законъ финляндскій. Право перевода на другіе языки послѣдній законъ 10 Января 1883 года гарантируетъ только на 5 лѣтъ, и то съ условіемъ издать переводъ въ первые два года послѣ выхода сочиненія въ свѣтъ.

348. — Резюмируя все вышесказанное, мы можемъ такъ сгруппировать отдѣльныя законодательства.

Переводъ, какъ таковой, по всѣмъ иностраннымъ законодательствамъ признается за объектъ авторскаго права. Что касается права исключительнаго перевода, то оно безусловно и въ полномъ объемѣ признается въ Бельгіи, Гаити, Тунисѣ, Швейцаріи (см. дальше) и Франціи.

II категорію составляютъ законодательства, признающія право исключительнаго перевода также въ полномъ размѣрѣ, но подъ условіемъ сдѣлать на изданіи заявленіе (réserve). Сюда относятся: Гватемала и Соединенные Штаты.

III категорію составляютъ законодательства, признающія полное право исключительнаго перевода, но не иначе, какъ

за національными подданными: Испанія, Бельгія, Колумбія и Португалія.

IV категорію составляютъ законодательства, признающія полное право исключительнаго перевода на сокращенный срокъ и при соблюденіи извѣстныхъ формальностей. Сюда относятся: Австрія, Германія, Венгрія, Голландія, Италія, Швейцарія*) и Швеція. Эти формальности, главнымъ образомъ, заключаются въ опредѣленномъ ограничительномъ срокѣ, въ теченіе котораго автору необходимо издать свой переводъ. Срокъ этотъ равняется

6 мѣсяцамъ: въ Германіи (для драм. произведеній)
2 годамъ: » Швеціи
3 годамъ: » Голландіи, Германіи [88]) и Венгріи.
5 годамъ: » Швейцаріи

V категорію составляютъ законодательства, признающія полное право исключительнаго перевода только съ опредѣленныхъ языковъ на опредѣленные же языки: Швеція, Норвегія, Финляндія и Данія [89]).

349. — *Произведенія словесныя.* Подъ общимъ названіемъ словесныхъ произведеній нужно понимать всѣ тѣ литературныя произведенія, которыя облечены не письменную, а въ словесную форму: рѣчи, лекціи, проповѣди и проч. Очень многія изъ такихъ произведеній произносятся экспромптомъ, т. е. безъ всякой подготовки, или, по крайней мѣрѣ, безъ предварительнаго изложенія даннаго произведенія въ письменной формѣ. Поэтому, необходимо разсмотрѣть, насколько та-

*) На полный срокъ.

[88]) Съ условіемъ начать переводъ въ теченіе одного года; какъ указано выше, драматическія произведенія должны быть цѣликомъ изданы впродолженіе 6 мѣсяцевъ. Соотвѣтствующая статья (ст. 6, с.) совершенно искажена въ изданіи проф. Lyon-Caën, что, между прочимъ, *повело за собою очень прискорбную ошибку въ настоящемъ изслѣдованіи*: *см.* § *92*, *2*.

[89]) Международныя литературныя конвенціи не даютъ никакихъ новыхъ матеріаловъ для рѣшенія вопроса о защитѣ исключительнаго права перевода: онѣ обыкновенно повторяютъ постановленія различныхъ законодательствъ. Однако, для полноты обзора мы позволяемъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ неизданнаго изслѣдованія князя А. Ливена, у котораго этотъ вопросъ разработанъ чрезвычайно подробно и добросовѣстно.

кія произведенія, нигдѣ не записанныя, могутъ пользоваться защитой закона, запрещающаго воспроизведеніе литературныхъ произведеній.

Очевидно, что, становясь на точку зрѣнія дословнаго интерпретированія, напримѣръ, французскаго закона («écrits en tous genres») — мы необходимо должны отказать въ защитѣ тѣмъ произведеніямъ, которыя авторъ произноситъ, не читая ихъ по заранѣе составленному манускрипту. Между тѣмъ, оказывается «чисто-внѣшнимъ признакомъ то обстоятельство, держитъ ли ораторъ передъ собой тетрадь, или нѣтъ; поэтому, этотъ признакъ, конечно, не можетъ быть признанъ рѣшающимъ» [90]). Кто знаетъ — можетъ быть авторъ такъ долго работалъ надъ своимъ манускриптомъ, что выучилъ его наизусть?. Развѣ «письменное изложеніе часто не предшествуетъ кажущейся импровизаціи»? [91]) Или наоборотъ — можетъ быть, ораторъ держитъ передъ собой листъ съ двумя-тремя фразами, опредѣляющими весь логическій строй рѣчи. Можетъ быть, наконецъ, ораторъ, дѣйствительно, читаетъ по заранѣе-написанному тексту, но, иногда увлекаясь, импровизируетъ, вставляя цѣлые отрывки, внезапно сочиненные имъ на каѳедрѣ. Неужели кто-нибудь возьмется разграничить, на

«Первыя конвенціи — говоритъ онъ—приблизительно до семидесятыхъ годовъ нынѣшняго вѣка ограничивали это право (исключительнаго перевода) различными требованіями, которыя сводятся къ слѣдующему: 1) оригинальное сочиненіе должно было быть внесено въ регистръ; 2) авторъ долженъ былъ сдѣлать на сочиненіи оговорку о желаніи сохранить за собою право перевода; 3) переводъ долженъ былъ появиться въ одномъ изъ договаривающихся государствъ; 4) переводъ или, по крайней мѣрѣ, часть его должно было издать не позже, какъ черезъ годъ послѣ выхода въ свѣтъ оригинала; 5) переводъ долженъ былъ быть также зарегистрованъ. Такого рода постановленія мы находимъ въ англо-прусской конвенціи 1855 года (ст. 3, §§ 1 — 5), въ англо-гамбургской 1853 г. (ст. 3), франко-португальской (ст. 5) и многихъ другихъ... Прежде всего замѣчено было неудобство слишкомъ короткаго ограничительнаго срока изданія перевода, почему онъ и былъ увеличенъ до 3 лѣтъ въ конвенціяхъ: германо-швейцарской 1869 г. (ст. 6. § 3), въ итальяно-швейцарской 1868 г. (ст. 6, § 3) и другихъ.... Дальнѣйшій прогрессъ заключался въ удлиненіи срока защиты права исключительнаго перевода съ пяти до десяти лѣтъ и въ уничтоженіи необходимости внесенія въ регистры... Благодаря Бернской конвенціи, всякія формальности (ограничительный срокъ) совершенно уничтожены».

[90]) Панкевичъ, op. cit. стр. 28.

[91]) Gastambide, op. cit. p. 76.

что ораторъ будетъ имѣть въ своей рѣчи авторское право, а на что—нѣтъ. Мы думаемъ, что вполнѣ ясны всѣ тѣ неисчислимыя неудобства, которыя были бы слѣдствіемъ закона, не защищающаго произведенія, облеченныя въ устную форму.

Къ тому же, совершенно непонятно, почему бы лекція, рѣчь, проповѣдь, записанныя авторомъ, имѣли бы большее право на защиту, чѣмъ тѣ же лекціи, но только ораторомъ не записанныя? Въ самомъ дѣлѣ, интеллектуальное право автора на свое произведеніе имѣетъ своимъ основаніемъ актъ творчества, безразлично, въ какой бы формѣ это творчество ни происходило. Этотъ актъ творчества одинаковъ какъ для экспромпта, такъ и для заранѣе написанной рѣчи—слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ авторъ имѣетъ одинаковое право на вознагражденіе; остается только рѣшить, какія устныя произведенія *обязательно* предполагаютъ актъ творчества, а какія—нѣтъ; другими словами, какія изъ этихъ произведеній могутъ быть объектомъ авторскаго права.

350.—Очевидно, что всякое устное произведеніе можетъ считаться произведеніемъ литературы (въ юрид. смыслѣ)—ибо всякое выражаетъ извѣстный взглядъ оратора на данный вопросъ, выражаетъ идеи автора, опредѣленнымъ образомъ сгруппированныя. Можетъ ли словесное произведеніе удовлетворить второму условію, выясненному нами въ началѣ настоящей главы, т. е. можетъ ли оно доставить автору извѣстную имущественную выгоду? Отвѣтъ и на этотъ вопросъ необходимо дать утвердительный, ибо всякое словесное произведеніе только тогда и будетъ перепечатываться, когда можно будетъ разсчитывать на покупателей. Если бы перепечатка (изданіе) словеснаго произведенія не могла принести выгоды издателю, никто, конечно, и не подумалъ бы заниматься печатаніемъ такого произведенія, а автору, слѣдовательно, не нужно было бы никакой защиты.

Остается рѣшить, составляетъ ли устная форма такую обработку сочиненія, что авторъ уже можетъ имѣть на это сочиненіе (обработанное) извѣстное авторское право. Другими словами: не составляетъ ли устное изложеніе только передачу въ сыромъ видѣ тѣхъ идей, на которыя, какъ мы видѣли,

авторъ никакого права имѣть не можетъ? Въ послѣднемъ случаѣ всякому должно принадлежать право воспользоваться этими необработанными (будто бы) идеями и обработать ихъ, т. е. изложить въ письменной формѣ. Короче сказать—*составляетъ ли устное изложеніе обработку идей, или нѣтъ?*

Отвѣтъ, конечно, долженъ быть утвердительнымъ. Мы встрѣчаемъ очень много ораторовъ, которые настолько «набиваютъ руку», что могутъ безъ всякой подготовки говорить на знакомую имъ тему законченную и вполнѣ готовую, хотя бы, для печати — рѣчь. Неужто же законъ лишитъ защиты подобныя артистическія импровизаціи? «Какимъ образомъ— говоритъ намъ Gastambide [92])—законъ защищаетъ самую незначительную шансонетку только потому, что она записана—и отказываетъ въ защитѣ безсмертному изустному произведенію»? Можно привести очень много примѣровъ литераторовъ (Золя, Тургеневъ и друг.), которые, раньше чѣмъ излагать какое либо сочиненіе на бумагѣ, настолько основательно обдумываютъ его до мельчайшихъ подробностей, что, собственно, процессъ писанія сводится къ, сравнительно, механическому труду, въ которомъ творчество отступаетъ на второй планъ [93]). Уже изъ этого видно, что сочиненіе можетъ быть обработано до того момента, какъ авторъ начинаетъ его писать. А если сочиненіе можетъ быть обработано, не будучи еще написано — слѣдовательно, оно можетъ быть облечено въ опредѣленную форму, несмотря на то, что послѣдняя буквами не выражена Ergo устное произведеніе нужно признать за произведеніе литературы, облеченное въ опредѣленную форму, а слѣдовательно, способное сдѣлаться объектомъ авторскаго права [94]).

351.—Итакъ, мы признаемъ въ принципѣ, что *всѣ словесныя произведенія должны подлежать защитѣ закона отъ контрафакціи*. Далѣе мы укажемъ ту точку зрѣнія, на основаніи которой необходимо дѣлать изъ такого общаго правила—исключеніе въ пользу опредѣленнаго рода словесныхъ произведеній.

---

[92]) Gastambide, op. cit. p. 76.

[93]) Вспомнимъ Вагнера, который любилъ говорить: «опера у меня готова, но только ни одной ноты еще не написано!»

[94]) Ср. Rénouard, op. cit., v. II p. 131.

Теперь же укажемъ на нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся, мнѣнія по этому вопросу.

Klostermann [95]) рядомъ сопоставленій текстовъ различныхъ законовъ, можетъ быть и остроумныхъ, но, въ общемъ, принадлежащихъ къ разряду тѣхъ, которыя Rénouard называетъ «interprétations judaïques» — приходитъ къ слѣдующему заключенію, вовсе не разсматривая вопроса въ теоріи: «Все предъидущее доказываетъ, что защита литературной собственности предполагаетъ обыкновенно письменную форму». Что же касается до лекцій, то онъ, чтобы объяснить необходимость защищать ихъ отъ контрафакціи,—дѣлаетъ слѣдующее произвольное предположеніе: «...лекціи же защищаются въ виду того, что онѣ читаются по заранѣе написанному манускрипту»— какъ будто бы тѣ же самые германскіе законы, на которые опирается Klostermann, не защищаютъ лекцій безразлично, произнесены ли онѣ по манускрипту, или безъ онаго.

Французскій законъ выраженіемъ «écrits» — также, собственно, исключаетъ устную форму, а, между тѣмъ, мы не могли найти ни одного юриста или судебнаго постановленія, которое не толковало бы этого термина гораздо шире его буквальнаго значенія [96]). Такимъ образомъ, среди французскихъ юристовъ наиболѣе распространено стремленіе признать тотъ принципъ, о которомъ мы говорили выше. «Право воспроизведенія безусловно принадлежитъ автору, независимо отъ того, облечено ли его произведеніе въ письменную или устную форму» — говоритъ Delalande [97]), формулируя общее мнѣніе всѣхъ французскихъ юристовъ. Ср. напримѣръ Gastambide [98]), Fliniaux [99]) и друг.

---

[95]) Das geistige Eigenthum, s. 161 и сл.

[96]) «Quoique la loi de 1793 n'accorde expressément un droit exclusif qu'aux auteurs d'écrits en tous genres, la jurisprudence est unanime pour reconnaître la même garantie aux auteurs des discours prononcés en public»—см. Delalande, op. cit. p. 30. По этому же поводу Pouillet говоритъ: «...Les commentateurs demeurent d'accord que l'auteur d'un discours en a la propriété exclusive... La parole est un moyen d'exprimer et de fixer la parole tout comme l'écriture». См. op. cit. p. 52.

[97]) op. cit. p. 30.

[98]) op. cit. p. 66—82.

[99]) op. cit. p. 25.

352. — Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что существуютъ отдѣльные виды словесныхъ произведеній, за которыми многіе юристы не признаютъ права на защиту по нѣкоторымъ спеціальнымъ причинамъ. Къ числу такихъ словесныхъ произведеній, иногда не признаваемыхъ за объектъ авторскаго права, нужно прежде всего отнести *академическія лекціи*. «Подъ именемъ академическихъ лекцій мы понимаемъ лекціи, читанныя въ аудиторіи высшаго учебнаго заведенія передъ опредѣленнымъ кругомъ слушателей, въ противоположность публичнымъ лекціямъ» [100])—добавимъ: читанныя извѣстнымъ лицомъ въ силу его профессорскихъ обязанностей (за которыя онъ получаетъ отъ государства опредѣленное вознагражденіе).

На это-то вознагражденіе и указываютъ обыкновенно [101]), говоря, что профессоръ за свои лекціи получилъ уже вознагражденіе, что ему уже уплаченъ авторскій гонораръ; что профессоръ получаетъ жалованье за то, чтобы дѣлиться своими знаніями со всѣми желающими слушать его, и что, слѣдовательно, профессоръ не имѣетъ права ограничивать кругъ этихъ желающихъ предѣлами своей аудиторіи, взимая дополнительный сборъ съ тѣхъ, кто въ ней не присутствовалъ. Однако оказывается, что подобный взглядъ не выдерживаетъ критики.

Число слушателей дѣйствительно не подлежитъ произвольному ограниченію со стороны профессора, и государство можетъ впускать въ аудиторію сколько угодно людей [102]). Но въ то же время, странно изъ факта уплата профессору жалованія—выводить право третьихъ лицъ печатать въ свою пользу и собирать барыши съ изданія лекцій этого профессора. По этому поводу мы находимъ у Dalloz'a слѣдующія разсужденія: «Если какое нибудь постороннее лицо должно пользоваться матеріальными плодами отъ изданія лекцій профессора, то этимъ лицомъ можетъ быть государство, выдающее ему жалованье, или, по крайней мѣрѣ, плательщики налоговъ—но никакихъ не частныя лица печатающія лекціи въ ихъ частномъ интересѣ» [103]).

---

[100]) Шершеневичъ. Авторское право, стр. 190.

[101]) См. докладъ, г. Lherbette въ Moniteur officiel.

[102]) Ср. Dalloz. Repértoir de legislation v. 38, p. 464.

[103]) Dallox ibid.

По нашему мнѣнію, Dalloz не правъ даже въ утвержденіи, что, можетъ быть, государство или публика имѣютъ право издавать оплаченныя лекціи: не говоря уже о частныхъ лицахъ, мы думаемъ, что даже государство не имѣетъ права печатать безъ дозволенія автора тѣ лекціи, за чтеніе которыхъ профессоръ получаетъ жалованіе. Ибо подобное право сводилось бы къ слѣдующему: всякій, кто уплатилъ автору за то, чтобы послѣдній прочиталъ вслухъ свое новое произведеніе—получаетъ право издавать и продавать стенографическій отчетъ о прослушанномъ; другими словами:—полное воспроизведеніе чужого литературнаго сочиненія. Мы не говоримъ уже о тѣхъ неудобствахъ, которыя массами возникали бы вслѣдствіе разрѣшенія частнымъ лицамъ, не знающимъ предмета, издавать стенографическіе отчеты о лекціяхъ, напримѣръ, по химіи, медицинѣ или философіи.

Итакъ, по выраженію Pouillet [104])—«курсъ лекцій профессора можетъ быть уподобленъ книгѣ, открытой передъ глазами его ученика; однако, если изъ факта покупки и владѣнія книгой вытекаетъ право читать ее и даже выучить наизусть—такое право чтенія и изученія ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать мѣсто возникновенію права перепечатать книгу безъ согласія ея автора».

353.—Никакихъ сомнѣній не можетъ возбуждать вопросъ *о лекціяхъ публичныхъ*, т. е. не оплачиваемыхъ спеціально государствомъ. Не можетъ возбуждать не потому, что, какъ говоритъ проф. Шершеневичъ, «эти лекціи составляютъ чистый типъ литературныхъ произведеній», какъ будто бы лекціи академическія не составляютъ такого же «чистаго типа литературныхъ произведеній» (Проф. Шершеневичъ, вообще, очень часто [105]) смѣшиваетъ понятія «объектъ авторскаго права» и «литературное произведеніе»). Итакъ, вопросъ о публичныхъ лекціяхъ не можетъ возбуждать никакого сомнѣнія не потому, чтобы онѣ имѣли больше правъ на защиту чѣмъ лекціи академическія [106]), но именно потому, что какъ тѣ, такъ и

---

[104]) Op. cit. p. 57.

[105]) напримѣръ, op. cit. стр. 193.

[106]) Ibid.

другія составляютъ только виды одного и того же рода, именно произведеній словесныхъ: а этотъ родъ, удовлетворяя всѣмъ условіямъ, поставляемымъ нами для объектовъ авторскаго права, не можетъ быть, какъ мы доказали выше, лишенъ защиты апріорно, только потому, что словесныя произведенія фиксируются не буквами [107]).

354.—Гораздо больше несогласія между различными юристами мы замѣчаемъ, разсматривая вопросъ о рѣчахъ содержанія политическаго или судебнаго, т. е. о тѣхъ рѣчахъ которыя произно́сятся *на судѣ или въ законодательныхъ собраніяхъ* (у насъ въ Россіи—въ думѣ, въ земствахъ и т. д.) Скажемъ даже болѣе—за исключеніемъ Delalande, Gastambide и Dalloz'a—почти всѣ остальные юристы отвергаютъ за такого рода рѣчами право на защиту. Всѣ возраженія противъ признанія такихъ рѣчей за объектъ авторскаго права можно раздѣлить на слѣдующія 3 категоріи.

1) Рѣчи эти не признаются литературными произведеніями. Къ числу такихъ юристовъ принадлежитъ, во первыхъ, проф. Шершеневичъ [108]). Онъ говоритъ: «Одни изъ этихъ (словесныхъ) произведеній, какъ публичныя лекціи, составляютъ чистый типъ литературнаго произведенія, въ отношеніи другихъ, какъ напримѣръ, проповѣдей возбуждается нѣкоторое сомнѣніе; наконецъ, за третьими слѣдуетъ безусловно отвергнуть такое названіе, какъ напримѣръ, за рѣчами въ земствѣ.» Не трудно показать, что раздѣленіе это не вполнѣ основательно. Для этого намъ придется только вернуться къ тому вопросу, о которомъ мы уже упоминали нѣсколько выше (см. § 319) именно къ вопросу о «литературномъ оборотѣ», выходя изъ котораго проф. Шершеневичъ дѣлаетъ приведенное разграниченіе. Мы уже говорили, что̀ проф. Шершеневичъ нигдѣ не опредѣляетъ, что̀ нужно понимать подъ этимъ

---

[107]) Ср. Gastambide, op. cit. p. 82—Flinlaux, op. cit. p. 25.

[108]) Слѣдуетъ тотчасъ же отмѣтить, что проф. Шершеневичъ, хотя и не признаетъ эти рѣчи за литературныя произведенія, однако, въ концѣ концовъ, склоняется къ тому, чтобы признать необходимость защитить эти рѣчи отъ контрафакціи (стр. 195).

[109]) op. cit. стр. 189.

весьма темнымъ выраженіемъ: «литературный оборотъ» (книжную торговлю?) Кромѣ этого нужно замѣтить, что даже въ томъ случаѣ, еслибы этотъ литературный оборотъ и можно было бы себѣ, въ извѣстной степени, представить,—всетаки, онъ оказался бы настолько измѣнчивымъ, и измѣнчивымъ отъ столь посторонніхъ причинъ, — что этотъ литературный оборотъ уже никакъ нельзя будетъ положить въ основаніе авторскаго права, по существу своему представляющаго нѣчто неизмѣнное и постоянное.

Къ тому же мы не можемъ признать, чтобы рѣчи, дѣйствительно, не предназначались къ литературному обороту. Разъ проф. Шершеневичъ не опредѣляетъ этого понятія, мы должны предполагать, что подъ этимъ названіемъ онъ понимаетъ способность удовлетворять спросу на произведенія литературы. Между тѣмъ, очевидная истина — что рѣчи даже судебныя могутъ удовлетворять такому спросу и удовлетворяютъ ему: ибо не будь спроса, не было бы и контрафакціи и, слѣдовательно, и необходимости защитить рѣчи.

Панкевичъ старается доказать, что *содержаніе* рѣчи можетъ служить исходнымъ пунктомъ для того, чтобы ее считать или не считать за литературное произведеніе. «Въ иныхъ случаяхъ содержаніе рѣчи ясно показываетъ, что она имѣетъ отношеніе только къ извѣстному поводу (?), для котораго она произнесенная и, изданная отдѣльно, не есть самостоятельное литературное произведеніе [110])». Очевидно, что Панкевичъ совершенно неправильно представляютъ себѣ значеніе словъ «самостоятельное литературное произведеніе»—ибо съ трудомъ можно себѣ представить, о какомъ «извѣстномъ поводѣ» онъ говоритъ. Если онъ подразумѣваетъ тѣ рѣчи, которыя, по своему содержанію, имѣютъ слишкомъ спеціальный характеръ — то, вѣдь, такія рѣчи не теряютъ значенія и остаются литературными произведеніями даже тогда, когда онѣ издаются отдѣльно. Наконецъ, самый грамматическій строй приведенной цитаты совершенно затемняетъ дѣло: «имѣетъ отношеніе къ извѣстному поводу...и изданная отдѣльно». Отдѣльно отъ чего?—

[110]) Op. cit. стр. 29.

отъ «повода»?—Наконецъ, отмѣтимъ, что въ силу вышеприведенной уплаты, не смотря на то различіе, которое желаетъ провести Панкевичъ,—придется защищать всѣ рѣчи безусловно. Въ самомъ дѣлѣ—разъ рѣчь перепечатываютъ—значитъ, она имѣетъ интересъ не только по отношенію къ извѣстному «поводу». И слѣдовательно, составляетъ литературное произведеніе, которое должно быть защищено.

Отмѣтимъ еще одинъ фактъ. Почему Панкевичъ думаетъ, что рѣчи, имѣющія исключительно «мѣстный» характеръ, не могутъ быть самостоятельнымъ литературнымъ произведеніемъ? Какъ, напримѣръ, доказать, что критическая статья (мы беремъ статью, но можно одинаково взять и рѣчь, произнесенную по поводу новаго произведенія),—не есть самостоятельное литературное произведеніе? Между тѣмъ, всѣ такія статьи написаны по особому спеціальному «поводу», и многія изъ нихъ, особенно же сжато написанныя—непонятны для того, кто читаетъ ихъ, не имѣя въ рукахъ разбираемаго сочиненія. Очевидно, что эти статьи не имѣютъ интереса, или имѣютъ гораздо меньшій интересъ, будучи взяты «отдѣльно», а, между тѣмъ, кто же рѣшится не признать ихъ за самостоятельныя произведенія? Вообще, вся аргументація Панкевича сводится къ тому, что онъ—рѣчи, произносимыя «на судѣ или публичныхъ собраніяхъ, при обсужденіяхъ общественныхъ и церковныхъ дѣлъ» называетъ общимъ терминомъ Gelegenheitsreden [111]) и отказываетъ имъ въ защитѣ, какъ будто бы право на защиту отъ контрафакціи можетъ зависѣть отъ того, насколько близко и ясно выражена была причина для произнесенія рѣчи.

355.—2) Рѣчь признается литературнымъ произведеніемъ, но воспроизведеніе ея, даже стенографическое, признается воспроизведеніемъ не формы, а только содержанія, передавать которое не запрещаетъ никакое авторское право. Этого мнѣнія придерживается, главнымъ образомъ, Klostermann, говоря, что ораторъ можетъ обработать свою рѣчь и издать ее въ свѣтъ—но что онъ не долженъ имѣть права запретить желаю-

[111]) op. cit. стр. 30.

щимъ воспроизводить содержаніе его рѣчи даже по стенографическому отчету [112]). Возраженіе это болѣе сильно, чѣмъ предъидущія, но и въ немъ, по нашему мнѣнію, есть слабыя стороны.

Во-первыхъ, отмѣтимъ слѣдующее. Klostermann приводитъ всѣ указанныя разсужденія только для того, чтобы объяснить и оправдать положенія послѣдняго германскаго закона (11 Іюня 1870 года)—упуская изъ виду, что этотъ законъ не защищаетъ судебныхъ и проч. рѣчей даже въ томъ случаѣ, когда онѣ произносятся по манускрипту (ср. § 102). Слѣдовательно, законъ этотъ не воспрещаетъ печатать даже копіи съ манускриптовъ, содержащихъ подобныя рѣчи. А въ подобномъ случаѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи ни о какой передачѣ содержанія или о «послѣдующемъ изданіи» (nachträgliche Ausgabe). Законъ, *вообще*, не признаетъ подобныя рѣчи объектомъ авторскаго права, не касаясь вовсе вопроса, насколько близко воспроизводится форма.

Во-вторыхъ, нужно замѣтить, что стенографическій отчетъ о рѣчи нельзя признать только *передачей содержанія* уже потому, что понятіе «форма» заключаетъ въ себѣ не только представленіе о тѣхъ словахъ, которыя употреблялъ ораторъ. Формою сочиненія, какъ указывалъ еще Фихте, называется, кромѣ способа выраженія мыслей, еще логическій строй цѣлаго, тотъ способъ, пользуясь которымъ авторъ или ораторъ выводитъ изъ извѣстныхъ всѣмъ принциповъ—новыя заключенія. Что интересуетъ того, кто покупаетъ отчетъ о рѣчи, напримѣръ, Кони? Конечно, не содержаніе въ узкомъ смыслѣ—содержаніе рѣчи, обыкновенно, извѣстно въ общихъ чертахъ;—извѣстенъ, приблизительно, и тотъ выводъ, къ которому пришелъ талантливый юристъ—интересуетъ же та связь идей, которая проходитъ сквозь всю рѣчь, та удивительная послѣдовательность и стройность, которыми отмѣчены почти всѣ рѣчи этого юриста. Очевидно, что стенографическій отчетъ, даже небрежно-составленный, всетаки, передаетъ эту часть формы новой рѣчи. Всякій стенографическій отчетъ передаетъ

[112]) op. cit. p. 168.

ходъ мыслей и, слѣдовательно, передаетъ форму, если не вполнѣ, то въ значительной ея части. Вотъ почему, нельзя смотрѣть на такой отчетъ, какъ на простую передачу содержанія, а, слѣдовательно, и согласиться съ мнѣніемъ Klostermann'a.

356.—3) Остальныя возраженія, приводимыя противъ защиты судебныхъ рѣчей, не представляютъ ничего особенно серьознаго, какъ это подробно доказано самимъ Klostermann'омъ [113]).

Такъ, Блюнчли [114]) считаетъ, что рѣчи судебныя и другія подобныя настолько принадлежатъ обществу, что не могутъ быть объектомъ частнаго авторскаго права. Остается, однако, неяснымъ, почему общественный характеръ рѣчи можетъ имѣть такое гибельное вліяніе на право ея автора.

Wächter считаетъ [115]), что необходимо дозволить перепечатку подобныхъ рѣчей, ибо самое ихъ назначеніе требуетъ какъ можно большаго ихъ распространенія, («онѣ по существу своему публичны, и сами авторы желаютъ ихъ наибольшаго распространенія»). Wächter забываетъ, что авторъ всякаго литературнаго произведенія желаетъ наивозможно большаго его распространенія, что не мѣшаетъ ему получать и пользоваться полною защитою отъ контрафакціи. Что же касается до того, что распространенія этихъ рѣчей требуетъ общественный интересъ, — то можно замѣтить, что этотъ интересъ существуетъ и по отношенію еще къ многимъ другимъ произведеніямъ — что не мѣшаетъ существовать авторскому праву [116]).

Итакъ, разсмотрѣвъ мнѣнія главныхъ противниковъ признанія рѣчей, произносимыхъ въ законодательныхъ, судебныхъ и церковныхъ собраніяхъ и т. п. — за объектъ авторскаго права, мы, всетаки, приходимъ къ убѣжденію, что всѣ эти рѣчи *должны быть защищены закономъ*.

357. — Необходимо, впрочемъ, тотчасъ же отмѣтить, что, признавая судебныя рѣчи за объектъ авторскаго права,—мы

---

[113]) Op. cit. s. 168.

[114]) Deutsches Privatrecht, s. 118.

[115]) Verlagsrecht, s. 151.

[116]) Ср. Eisenlohr, op. cit. s. 46.

этимъ не исключаемъ всѣ способы ихъ воспроизведенія. Всякая рѣчь, несмотря на то что она составляетъ объектъ авторскаго права — можетъ быть, по нашему мнѣнію, воспроизведена газетой, журналомъ и даже отдѣльной брошюрой, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, которыя мы и постараемся выяснить ниже.

Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что такой стройный и систематично-составленный законъ, какъ германскій отъ 11 іюня 1870 года, допустилъ кажущуюся непослѣдовательность, разрѣшивъ свободное печатаніе однѣхъ рѣчей (судебныя, законодательныя и проч.)—и признавъ контрафакціей воспроизведеніе другихъ? («Vorträge, welche zum Zwecke [117]) der Erbauung, der Belehrung oder der Unterhaltung gehalten sind»). — Непослѣдовательность эта только кажущаяся и зависитъ она отъ того, что рѣчи судебныя, политическія и т. под. можно разсматривать съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія (обѣ будутъ вѣрны). До сихъ поръ мы смотрѣли на эти рѣчи, какъ на литературныя произведенія — и съ этой точки зрѣнія признали ихъ несомнѣнно за объектъ авторскаго права. Дѣло въ томъ, что всѣ эти рѣчи можно еще разсматривать какъ *оффиціальные документы* — и съ этой точки, напримѣръ, Dalloz называетъ, рѣчи произносимыя въ законодательныхъ собраніяхъ — «accessoires des lois» [118]). Дѣйствительно, никакой отчетъ о засѣданіи окружнаго суда не будетъ понятенъ, если читатель не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи рѣчей прокурора и защитника. Вотъ почему, всякій, печатающій отчетъ о парламентскомъ или судебномъ засѣданіи, имѣетъ право дословно воспроизвести всѣ произнесенныя тамъ рѣчи, не въ качествѣ литературныхъ произведеній того или другого автора, но въ качествѣ *подлинныхъ документовъ, безъ которыхъ отчетъ сдѣлался бы непонятнымъ и неяснымъ*. Запрещеніе печатать рѣчи въ отчетахъ о засѣданіяхъ лишило бы отчасти самыя засѣданія открытаго характера, присвоеннаго имъ. Всякій имѣетъ право (по законамъ страны) передавать о томъ, что происходило на судѣ; законъ дозволяетъ самые точные и

[117]) См. ст. 5, b.
[118]) Op. cit. v. 38 p. 464.

подробные отчеты о парламентскомъ и судебномъ засѣданіяхъ. Запрещеніе воспроизводить рѣчи, произнесенныя на этихъ засѣданіяхъ, повредило бы точности и аккуратности такихъ отчетовъ.

Слѣдовательно, *всякая рѣчь можетъ быть воспроизведена въ качествѣ оффиціальнаго документа, разъясняющаго извѣстное судебное рѣшеніе или законодательное постановленіе*, ибо выше мы уже видѣли, что оффиціальные акты объектомъ авторскаго права быть не могутъ. Ср. Delalande [119]), Gastambide [120]), Dalloz [121]) и друг.

358.—Такимъ образомъ, признавая свободную перепечатку рѣчей, какъ документовъ.—мы, кажется, удовлетворимъ вполнѣ справедливому желанію Rénouard'a, который требуетъ, чтобы право воспроизведенія, принадлежащее частнымъ лицамъ, ни въ коемъ случаѣ не могло уменьшить гласность того, что происходитъ въ судѣ или законодательныхъ собраніяхъ. Разрѣшивъ газетамъ воспроизводить рѣчи при изложеніи того, что происходило въ засѣданіи, законъ удовлетворитъ—думаемъ мы—подобнымъ желаніямъ. Однако, даже публичный характеръ засѣданія не требуетъ воспроизведенія рѣчей вполнѣ свободнаго; печатая рѣчь *отдѣльно*, контрафакторъ разсчитываетъ продавать ее не какъ публичный документъ (никому не нужный безъ полнаго отчета о засѣданіи),—но какъ родъ литературнаго произведенія, безъ спеціально-оффиціальнаго оттѣнка. Проще сказать, нужно запретить ту перепечатку, которая имѣетъ въ виду покупателей, желающихъ знать не *что было сказано*, а *какъ было сказано*. Но, конечно, законъ не можетъ руководиться подобнымъ признакомъ и долженъ опредѣлить при помощи болѣе осязательныхъ симптомовъ, когда контрафакторъ воспроизводитъ рѣчь, какъ документъ, и когда—какъ литературное произведеніе. Намъ кажется, что можно признать довольно правильнымъ слѣдующій признакъ. Принимая во вниманіе, что рѣчь какъ оффиціальный документъ должна всегда служить разъясненіемъ того или другого

[119]) op. cit. p. 82.
[120]) op. cit. p. 80—82.
[121]) ibid. см. примѣч. 118.

оффиціальнаго же постановленія или рѣшенія, законъ долженъ признать дозволеннымъ *даже буквальное воспроизведеніе рѣчей въ газетахъ, журналахъ и отдѣльныхъ брошюрахъ, если эти рѣчи или рѣчь воспроизводится не отдѣльно, а вмѣстѣ съ отчетомъ о засѣданіи.* При этомъ, суду, конечно, предоставляется рѣшать въ отдѣльныхъ случаяхъ, не приложенъ ли отчетъ къ рѣчи «in fraudem legis», ибо конечно, всегда можно приложить «отчетъ» въ 2—3 строкахъ.

На основаніи тѣхъ же соображеній *ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть разрѣшено печатаніе безъ дозволенія автора рѣчей того или другого оратора въ видѣ сборниковъ.*

359.—Итакъ, мы признали, что произведенія даже словесныя должны подчиняться общимъ правиламъ, т. е. что словесная форма изложенія не лишаетъ ихъ апріорно защиты.

Въ видѣ исключенія («La propriété subsiste—какъ говоритъ Pouillet [122])—mais son exercice est un moment suspendu par la force même des choses dans l'intérêt général et publique»)—въ видѣ исключенія должна быть дозволена перепечатка рѣчей судебныхъ, политическихъ и другихъ, когда воспроизведеніе этихъ рѣчей является воспроизведеніемъ оффиціальнаго документа.—Ни одно положительное законодательство не считаетъ нужнымъ сдѣлать исключеніе, именно, въ такой формѣ.

Изъ юристовъ высказываются въ томъ же направленіи, кажется, только: Delalande [123]), Rénouard и Gastambide [124]).

Послѣдній приводитъ старинный примѣръ [125]), какъ 12 vent. an IX, парижскій судъ призналъ правильнымъ искъ Chénier, который 12-го преріаля an VII произнесъ на Champ-de-Mars рѣчь, воспроизведенную многими журналами. Искъ былъ вчиненъ противъ одного редактора, который не только напечаталъ отчетъ въ своей газетѣ, но еще издалъ 12 тысячъ отдѣльныхъ оттисковъ—что и было признано контрафакціей.

360.—*Газетныя и журнальныя статьи.* Подъ названіемъ «газета» нужно подразумѣвать такое періодическое изданіе,

---

[122]) op. cit. p. 54—55,
[123]) op. cit. p. 33.
[124]) op. cit. p. 82.
[125]) op. cit. p. 79.

которое состоитъ изъ соединенія отрывочныхъ извѣстій небольшаго размѣра и появляется не рѣже, какъ разъ въ недѣлю. По поводу газетъ мнѣнія юристовъ расходятся: юристы французскіе, воспитанные на воззрѣніяхъ закона 1793 года, утверждаютъ, что газетныя статьи не должны быть лишены защиты отъ контрафакціи на общихъ основаніяхъ. Имъ возражаютъ, главнымъ образомъ, юристы германскіе, утверждая, что газетныя статьи имѣютъ столько спеціальныхъ свойствъ, что онѣ не могутъ быть признаны объектомъ авторскаго права.

Къ послѣдней категоріи нужно отнести и проф. Шершевича, который прямо говоритъ [126]): «...насколько сильно возбужденъ интересъ газетными сообщеніями, настолько быстро онъ проходитъ и уступаетъ мѣсто другимъ интересамъ. Это обстоятельство, т. е. скоропроходимость интереса къ содержанію газеты, отражается на вопросѣ о защитѣ статей, въ ней помѣщенныхъ и о свободѣ заимствованій однимъ періодическимъ изданіемъ у другого... Эта перепечатка не приноситъ вреда имущественнымъ интересамъ автора потому, что интересъ къ газетѣ, въ которой они нашли мѣсто, пропадаетъ черезъ день, много черезъ недѣлю». Что касается этого довода, приводимаго проф. Шершеневичемъ, то онъ не выдерживаетъ критики: дозволить перепечатку, не приносящую, будто бы, вреда имущественнымъ интересамъ автора—это узаконить существованіе такихъ изданій, какъ, напр., извѣстная маленькая петербургская газетка, ничего не печатающая, кромѣ вырѣзокъ. Трудно предположить, чтобы существованіе такой газеты. дѣйствительно, не приносило бы вреда имущественнымъ интересамъ другихъ издателей, болѣе честно ведущихъ свое дѣло. Каждому изъ нихъ въ отдѣльности газетка эта приноситъ, сравнительно, мало вреда, ибо она заимствуетъ у массы газетъ по-немногу. Настолько по-немногу, что обкрадываемые издатели не считаютъ нужнымъ поднимать дѣла, особенно, въ виду неопредѣленности нашего законодательства. Между тѣмъ, очевидно, что не будь этой газетки,—все количество ея подписчиковъ распредѣлилось бы между другими подобными же

[126]) Op. cit. стр. 202.

изданіями. Ущербъ каждому издателю приносится незначительный, но нельзя вполнѣ отрицать его, а тѣмъ болѣе строить на подобномъ завѣдомо-невѣрномъ положеніи — извѣстный взглядъ на дѣло.

«Газета привлекаетъ къ себѣ вниманіе — продолжаетъ проф. Шершеневичъ—умѣньемъ ранѣе другихъ давать извѣстія, а затѣмъ для нея уже безразлично, что тѣ же извѣстія появятся въ другихъ органахъ печати, хотя бы, въ дословномъ повтореніи».—Съ этимъ взглядомъ опять нельзя согласиться. «Новое Время» печатаетъ два изданія, изъ которыхъ второе посылается въ провинцію. Неужто столичнымъ газетамъ будетъ безразлично, если «Новое Время» во второмъ своемъ изданіи станетъ перепечатывать все наиболѣе интересное, что есть въ газетахъ сегодняшняго дня, и будетъ отсылать эти свои перепечатки одновременно съ оригиналами на первомъ почтовомъ поѣздѣ? Подобныя перепечатки являлись бы послѣ того, какъ оригиналы уже «исполнили свою обязанность передъ обществомъ»—и всетаки, нельзя сказать, чтобы онѣ (перепечатки) были бы совершенно безразличны для авторовъ оригиналовъ.

Наконецъ, отмѣтимъ, что только столицы живутъ спеціально-кипучею, нервною дѣятельностью, только столичные жители бываютъ избалованы на счетъ «новостей». Провинція относится ко всему этому гораздо спокойнѣе. Много сидитъ помѣщиковъ даже въ ближайшихъ губерніяхъ, которые «на почту» посылаютъ въ городъ лошадей разъ-два въ недѣлю и, слѣдовательно, читаютъ до семи газетъ за разъ. Ясно, что всѣ они обязательно подпишутся на ту газету, которая пообѣщаетъ новости днемъ позже другихъ газетъ, но въ тройномъ количествѣ. Нужно быть парижаниномъ, чтобы платить тройную цѣну только за то, чтобы купить листокъ у *перваго* крикуна, бѣгущаго по бульварамъ съ кипкой «Résultats des courses».

Таковы соображенія, на основаніи которыхъ мы не можемъ согласиться съ проф. Шершеневичемъ, когда онъ говоритъ, что подобная перепечатка не нарушаетъ интереса газетнаго предпріятія.

361.—Существуетъ, впрочемъ, еще одно возраженіе, согласно

которому газетныя статьи, по существу своему, не могутъ быть приняты за литературныя произведенія, откуда выводится невозможность признать ихъ объектомъ авторскаго права. Намъ не приходится доказывать противнаго относительно тѣхъ повѣстей, романовъ и т. п., которыя появляются въ фельетонахъ (существуютъ юристы, которые даже такія произведенія хотятъ лишить защиты, или обусловить эту защиту спеціальными постановленіями) — всѣ подобныя произведенія, очевидно, составляютъ произведенія искусства и не перестаютъ быть таковыми только отъ того, что они будутъ помѣщены отрывками на страницахъ повременнаго изданія [127]). Но не нужно забывать, что газеты, главнымъ образомъ, наполняются мелкими извѣстіями, краткими корреспонденціями, отчетами о собраніяхъ, описаніями происшествій и т. д. Нѣкоторыя изъ подобныхъ сообщеній очень часто не заслуживаютъ названія призведеній литературы даже въ юридическомъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе какой руководящей идеи можно видѣть въ извѣщеніи о томъ, что тамъ-то, тогда-то застрѣлился такой-то? или: открытъ памятникъ такому-то, съ такою-то церемоніей? Однако мы видѣли уже не разъ, что законъ не долженъ апріорно отвергать защиту извѣстнаго отдѣла произведеній только потому, что *нѣкоторыя* изъ нихъ такой защиты не заслуживаютъ. Въ общемъ же, газета, безспорно, составляетъ литературное произведеніе. «Газета—говоритъ Klostermann [128]) — собираетъ новости дня отъ всѣхъ собственныхъ корреспондентовъ и изъ другихъ журналовъ, группируетъ эти новости, освѣщаетъ ихъ въ руководящихъ статьяхъ, даетъ картину происходящаго — и съ такой точки зрѣнія въ цѣломъ своемъ составляетъ несомнѣнно плодъ творческой дѣятельности». А разъ это такъ—должны быть защищаемы и отдѣльныя статьи, ибо часть всегда подлежитъ той же защитѣ, что и цѣлое.

Особенно много юристовъ отказывается признать, что

---

[127]) Относительно романовъ-фельетоновъ можно найти не мало интересныхъ свѣденій въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Droit d'auteur, 1893 № 2 и Journal Clunet, 1893 p. [illegible]

[128]) Op. cit. s. 1[illegible]

должны быть защищены *телеграммы*. Fliniaux и Delalande отказываютъ имъ въ защитѣ, ничѣмъ этого не мотивируя; даже такой юристъ, какъ Pouillet, говоритъ по этому поводу [129]): «Простое объявленіе или телеграмма, не имѣющія другой цѣли, какъ извѣстить публикѣ о новомъ происшествіи или продуктѣ—не могутъ быть причислены къ литературнымъ произведеніямъ». Въ этомъ отрывкѣ прежде всего поражаетъ сопоставленіе объявленій и телеграммъ. Относительно первыхъ можно прямо сказать, что они не могутъ составить объекта авторскаго права уже потому, что авторъ такихъ объявленій никогда не имѣетъ намѣренія извлекать изъ своихъ подобныхъ сочиненій имущественной выгоды (см. подробно выше). А, слѣдовательно, — разъ по отношенію къ объявленіямъ не можетъ быть и рѣчи о денежномъ вознагражденіи автора — нельзя, конечно, говорить и объ авторскомъ правѣ, которое составляетъ обезпеченіе правильности полученія такого вознагражденія. Другое дѣло — телеграмма; здѣсь какъ имущественные интересы, такъ и личныя права автора уже выражены вполнѣ ясно. Всякая телеграмма, а тѣмъ болѣе тѣ, которыя болѣе обширны по объему — передаютъ фактъ въ извѣстномъ освѣщеніи, съ извѣстной точки зрѣнія; всякая передача факта предполагаетъ такую долю субъективности, которую нужно признать вполнѣ достаточною для того, чтобы можно было констатировать фактъ творчества. А послѣднее неминуемо даетъ мѣсто возникновенію и авторскаго права.

362.—Но дѣло въ томъ, что перепечатка газетныхъ сообщеній настолько уже укоренилась въ современный прессѣ, и, въ то же время, она настолько эту прессу развиваетъ, что почти ни одно изъ существующихъ законодательствъ не запрещаетъ извѣстной свободы взаимныхъ заимствованій въ дѣлѣ изданія періодическихъ сборниковъ, газетъ и т. п. Совершенно естественнымъ является также то постановленіе, согласно которому редакторъ сохраняетъ право воспретить перепечатку тѣхъ статей, воспроизведеніе которыхъ — по его мнѣнію— можетъ ему причинить извѣстный ущербъ: свобода перепеча-

[129]) Op. cit. s. 45.

токъ допускается законодательствами, какъ бы съ молчаливаго согласія редакторовъ [130])—которые, тѣмъ не менѣе, не теряютъ своего авторскаго права и могутъ вернутъ ему полное его дѣйствіе по первому своему заявленію.

Мы считаемъ умѣстнымъ сдѣлать здѣсь небольшое замѣчаніе. Общій терминъ «газетная статья» (article de journal)—необходимо понимать въ разбираемомъ случаѣ нѣсколько уже, чѣмъ это дѣлается въ обыденной жизни. Мы видѣли, что самая постановка дѣла требуетъ, чтобы—для удобства самихъ же издателей (въ виду той спѣшности, съ которою набираются мелкія извѣстія для газетъ)—чтобы имъ было законодательнымъ путемъ дозволено заимствовать мелкія извѣстія у другихъ газетъ. Но очевидно, что *спѣшно* необходимо собирать мелкія повседневныя новости и извѣстія (такъ называемую «хронику»)—но никакъ не тѣ статьи, которыя, хотя и появляются на страницахъ газетъ, однако составляютъ уже не чистый видъ газетнаго сообщенія, а скорѣе научную статью, или литературное произведеніе. Потому, разрѣшеніе свободной перепечатки можетъ и должно касаться статей перваго рода, но не должно имѣть никакого отношенія къ статьямъ второго рода. Такъ и понимаютъ этотъ вопросъ, многія законодательства, начиная съ германскаго (въ наиболѣе же ясно выраженной формѣ гватемальскій декретъ 29 Октября 1879 — въ его ст. 17-ой).

363.—Такимъ образомъ, по отношенію къ газетнымъ статьямъ наиболѣе часто принятая законодательствами система защиты заключается въ слѣдующемъ. Обыкновенно дозволяется воспроизводить газетныя статьи, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія автора,—причемъ этотъ послѣдній сохраняетъ право спеціальнымъ заявленіемъ возстановить въ полномъ объемѣ свое право воспроизведенія. Разница между законодательствами заключается только въ томъ, что они не одинаково смотрятъ на это возстановленіе авторскаго права,—и въ этомъ

[130]) «Les emprunts étant réciproques — le plaignant est très-ordinairement habitué lui même à faire des emprunts à son tour» — Rénouard, op. cit. v. II p. 415.

отношеніи ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи. Первая—съ германскимъ закономъ 11 Іюня 1870 года во главѣ — почему-то считаетъ, что авторъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сохранить своего авторскаго права, разъ объектомъ является статья политическаго содержанія («article de discussion politique»). Изъ вышеприведенныхъ соображеній въ достаточной степени—думаемъ мы—явствуетъ, что, собственно, вѣсскихъ основаній, въ силу которыхъ можно было бы объяснить подобное исключеніе цѣлой категоріи литературныхъ произведеній—ни одинъ юристъ не представилъ. Не объясняется это оставленіе внѣ защиты закона и практическими соображеніями. Напримѣръ, утверждаютъ, что подобная мѣра необходима для того, чтобы придать возможно бо̀льшую гласность политическимъ дебатамъ. Однако, на это можно возразить, что вездѣ существующее и признанное *право цитированія* вполнѣ удовлетворяютъ этой потребности, и что никогда политическое преніе не представитъ необходимости перепечатывать чужія статьи буквально и цѣликомъ. Вотъ почему мы считаемъ неумѣстнымъ то заявленіе швейцарскаго закона, которое говоритъ: «оговорка о сохраненіи права воспроизведенія не можетъ относиться къ статьямъ политическаго содержанія». Къ этой же категоріи нужно причислить еще Италію, Венгрію и, какъ мы указали выше — Германію.

Вторая категорія, болѣе многочисленная, не дѣлаетъ никакого различія между газетными статьями и дозволяетъ удерживать право воспроизведенія на всѣ изъ нихъ. Сюда можно отнести Испанію, Голландію, Эквадоръ, Венецуэлу и т. д.

364.—Обращаясь къ дѣятельности послѣднихъ международныхъ конгрессовъ, мы можемъ отмѣтить, что большинство ихъ резолюцій вполнѣ согласуются съ тѣми положеніями, которыя выяснены въ настоящей главѣ.

Такъ напримѣръ, о газетныхъ статьяхъ конгрессъ въ Венеціи (1888 года) прямо выразился такъ: «Требованіе Конвенціи [131]) о непремѣнномъ помѣщеніи оговорки подъ загла-

[131]) Дѣло идетъ о положеніяхъ Бернской Конвенціи (см. ст. 7).

[132]) Парижскій.

віемъ всякой газетной статьи—совершенно противорѣчитъ основнымъ принципамъ авторскаго права». Конгрессъ требуетъ, можетъ быть, черезчуръ широкой защиты (безусловной)—для насъ важно только то, что онъ окончательно отвергаетъ апріорное лишеніе защиты всякой статьи только потому, что она появится на страницахъ газеты. Конгрессъ 1889 года [132]) выражаетъ ту же самую мысль, одинаково требуя полной защиты такихъ статей.

Всѣ конгрессы единогласно признаютъ относительно права перевода тѣ же начала, какъ и тѣ, что̀ мы выяснили выше (см. § 336) «Право перевода, должно быть ассимилировано съ правомъ механическаго воспроизведенія»—такъ выражается большинство конгрессовъ (Венеція 1888 года, Парижъ 1889 года,—также Бернская конференція 1884 года).

Сильно расходится наше мнѣніе съ постановленіями этихъ компетентныхъ собраній только по отношенію къ хрестоматіямъ; однако, мы считаемъ, что основанія, высказанныя нами выше (см. § 322 и сл.), позволяютъ намъ quand même остаться при томъ же убѣжденіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Защита права публичнаго исполненія.

365.—До сихъ поръ мы разсматривали воспроизведеніе только путемъ печати, или, вообще, механическихъ дѣйствій; теперь намъ необходимо разсмотрѣть еще одинъ способъ воспроизведенія литературныхъ (драматическихъ) произведеній, именно *публичное исполненіе* оныхъ.

«Кромѣ увеличенія числа экземпляровъ, произведенія музыкальныя могутъ быть распространяемы посредствомъ публичнаго исполненія. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ это составляетъ даже обыкновенный способъ извлеченія денежныхъ выгодъ; таковы оперы, ораторіи, симфоніи и, вообще, оркестрныя (оркестровыя?) вещи, требующія для исполненія многочисленнаго персонала. Между литературными произведеніями существуетъ тоже цѣлый рядъ сочиненій, которыя въ этомъ отношеніи похожи на музыкальныя. Это—сочиненія драматическія. Эффектъ, который имѣлъ въ виду авторъ, вполнѣ достигнутъ только тогда, когда драматическое сочиненіе поставлено въ дѣйствіи, исполнено на сценѣ. Статистика книжной торговли показываетъ, что драматическія сочиненія расходятся въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Изданіе ихъ для чтенія приноситъ незначительный доходъ. Поэтому, совершенно справедливо предоставить автору право пользоваться другимъ способомъ имущественной эксплуатаціи этихъ произведеній, дать ему исключительное право исполнять эти произведенія передъ

публикой, или разрѣшать ихъ исполненіе и запретить публичное исполненіе безъ его согласія [1]).

Однако, какъ ни очевидно, что право публичнаго исполненія должно принадлежать автору произведенія—находятся юристы, которые утверждаютъ противоположное. Къ числу ихъ принадлежитъ, напримѣръ, Jolly [2]).

366.—Этотъ юристъ утверждаетъ, что право публичнаго исполненія не можетъ принадлежать автору, ибо, по его мнѣнію, входная плата взимается съ публики не столько за «dargestelltes Werk», сколько за «darstellende Kunst», ибо публика, будто бы, не пойдетъ въ тотъ театръ, гдѣ она будетъ увѣрена найти дурное исполеніе. Однако, подобное увѣреніе, по нашему мнѣнію, не можетъ выдержать критики, ибо, во-первыхъ, зрители платятъ, по крайней мѣрѣ, въ равныхъ частяхъ за право видѣть игру артистовъ и за право слышать исполненіе опредѣленнаго произведенія. При исполненіи новой драмы въ Александринскомъ театрѣ набирается полная зала ужъ конечно не для того, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ исполнена пьеса: объ этомъ всякій петербурженъ имѣетъ довольно точное представленіе. Наконецъ, отмѣтимъ, что авторъ никогда и не думаетъ требовать всего, не только валового, но даже и чистаго дохода: онъ довольствуется только частью сбора, обыкновенно весьма скромною (отъ 2—5—7%), такъ что львиную долю онъ, всетаки, оставляетъ актерамъ.

Во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что вопросъ о правѣ публичнаго исполненія можно рѣшить достаточно правильно, только основываясь на точныхъ принципахъ, на точномъ опредѣленіи понятія «контрафакція»,—а вовсе не на тѣхъ соображеніяхъ, за что̀ платитъ у кассы тотъ или другой входящій въ театръ. Мы уже видѣли, что контрафакціей нужно признать всякое дѣйствіе, нарушающее авторское право опредѣленнаго лица въ его матеріальномъ или личномъ элементахъ. Слѣдовательно, для того чтобы рѣшить вопросъ, составляетъ ли контра-

[1]) См. Панкевичъ, Объектъ авторскаго права, стр. 45.

[2]) Мы не могли достать оригинала (Lehre vom Nachdruck, Jolly)—и поэтому руководимся здѣсь тѣми замѣчаніями, которыя приведены у Wächter'a, Verlagsrecht, s. 631.

факцію недозволенное публичное исполненіе драматическаго или музыкальнаго произведенія, нужно рѣшить, не нарушаетъ ли оно личныхъ правъ автора и не вредитъ ли оно его имущественнымъ интересамъ.

367.—Не трудно будетъ доказать, что недозволенное публичное исполненіе нарушаетъ личныя права авторовъ. Это замѣчаніе особенно ясно по отношенію къ произведеніямъ музыкальнымъ. Для того, чтобы, по возможности, увеличить свой доходъ, композиторъ, не защищенный закономъ, пересталъ бы издавать печатныя партитуры (которыя сами по себѣ никогда не окупаются)—и только по особо-высокой цѣнѣ дозволялъ бы желающимъ дѣлать списки съ оригинала. Что было бы слѣдствіемъ такого положенія дѣла? Директоры театровъ старались бы достать тайно переписанную копію партитуры или, что еще хуже, чтобы какъ-нибудь удовлетворить желанію публики, предпринимали бы самостоятельныя оркестровки по клавираускугамъ. Интересный примѣръ перваго приводитъ Cattreux [3]) изъ письма извѣстнаго композитора Гретри (отъ 27 января 1791 года), который говоритъ между прочимъ: «Съ недавнихъ поръ многіе провинціальные театры играютъ мои оперы: «Les méprises par ressemblance» и «Barbe-Bleue». Я вынужденъ былъ обратиться къ гг. директорамъ съ покорною просьбою исправить по печатному изданію тѣ писанныя партитуры, которыя были имъ доставлены нечестными людьми. Приходится довольствоваться хотя бы такимъ вознагражденіемъ при несовершенствѣ нашихъ законовъ». Примѣромъ второго мы можемъ привести тотъ невѣроятный, но, между тѣмъ, достовѣрный фактъ, что Cavalleria rusticana Масканьи игралась въ Москвѣ одно время (въ первое время) по подобной «самодѣльной» оркестровкѣ. Конечно, въ этомъ случаѣ московскій директоръ былъ стѣсненъ не законами или конвенціями, защищающими авторское право—но просто фактическою невозможностью достать отъ Сонцоньо оригинальную партитуру. Однако, этого одного факта достаточно для того, чтобы показать до какихъ *невѣроятныхъ*

[3]) op. cit. p. 88—89.

искаженій могутъ дойти исполняющіе, если они не будутъ подъ постояннымъ контролемъ автора. Мы знаемъ, что во всякомъ композиторѣ, а въ оперныхъ спеціально,—разбирается его умѣніе оркестрировать свои сочиненія. Неужели же авторъ будетъ лишенъ возможности запретить, чтобы его оперы не исполнялись *подъ его именемъ*, но въ, Богъ знаетъ чьей, оркестровкѣ, или въ его собственной оркестровкѣ, но съ грубѣйшими ошибками? Мы уже не говоримъ объ «упрощенныхъ» оркестровкахъ, которыя будутъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ уничтоженія права публичнаго исполненія.

367. — Нарушаетъ ли публичное исполненіе (недозволенное) — имущественные интересы автора? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ былъ также утвердительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что авторъ драматическаго произведенія никогда не можетъ разсчитывать на полученіе того вознагражденія, на которое онъ имѣетъ право, — только изъ продажи отпечатанныхъ экземпляровъ своего сочиненія, по той простой причинѣ, что *для чтенія*—подобныя произведенія обыкновенно не покупаются. Всякое драматическое сочиненіе на столько только и хорошо, на сколько оно разсчитано на сценическое исполненіе, на сколько, какъ говорятъ въ просторѣчіи, авторъ его — «знаетъ сцену». Одно изъ двухъ: или драматическое произведеніе предназначается для чтенія — и тогда оно будетъ полнѣе, рельефнѣе и отчетливѣе, если авторъ передѣлаетъ его изъ формы діалогической въ обыкновенную повѣствовательную, ибо тѣ краткія ремарки, которыми сопровождаются отдѣльныя сцены, по необходимости, бываютъ блѣдны и малозначущи.—Или оно предназнается для сцены — и тогда не годится для чтенія. Середины быть не можетъ. Отъ всякаго литературнаго произведенія требуется картинность, требуется, чтобы это произведеніе давало читателю ясное изображеніе какъ внѣшней, такъ и внутренней жизни дѣйствующихъ лицъ. Если картинность въ произведеніяхъ повѣствовательныхъ достигается отступленіями и описаніями автора, (вспомнимъ Достоевскаго; у него въ одномъ мѣстѣ прямо вырывается такое восклицаніе (приблизи-

тельно): «Какъ жаль, что надо разсказывать дальнѣйшій ходъ этой сцены, а нельзя дольше остановиться на описаніи душевнаго состоянія присутствующихъ!»—Кажется, въ «Идіотѣ»). Въ произведеніяхъ же драматическихъ это душевное состояніе, въ особенности скрытое, можетъ быть изображено только при особенныхъ обстоятельствахъ, и то въ весьма краткой формѣ. Человѣкъ *вслухъ* если и высказывается вполнѣ, то только на-единѣ, въ монологахъ (которые, обыкновенно, неудобны, ибо они замедляютъ ходъ драматическаго дѣйствія). Въ діалогахъ же драматургъ часто лишенъ всякой возможности изобразить внутреннее состояіе героя, въ особенности, если по ходу дѣйствія этотъ герой долженъ на словахъ противорѣчить своимъ скрытымъ мыслямъ. Вспомнимъ только одинъ примѣръ. Когда Макбетъ выбѣгаетъ на дворъ на крики царедворцевъ—Шекспиръ вкладываетъ ему въ уста только:

> Had I but died an hour before this chance,
> I had liv'd a blessed time...
>
> (Act II, Scene III).

Такимъ образомъ, произносимыя *слова* (т. е. то, что можетъ воспринять лицо, имѣющее въ рукахъ оттискъ трагедіи) выражаютъ только горе хозяина—ни въ какомъ случаѣ они не могутъ передать или даже только намекнуть на душевную бурю, которая овладѣваетъ въ этотъ моментъ цареубійцей.

Вотъ въ какомъ смыслѣ, слѣдовательно, мы говоримъ, что драматическія произведенія блѣднѣютъ въ чтеніи. Только *игра актеровъ*, ихъ мимика, жестикуляція—вмѣстѣ со впечатлѣніемъ, производимымъ декораціями, костюмами и т. д.—могутъ дать зрителю полную иллюзію, могутъ дать ему рельефную картину того, что изображаетъ драматургъ.

Отсюда уже не трудно вывести прямое заключеніе: *драматическое произведеніе не годится и не предназначается для чтенія.*

Еще проще рѣшается вопросъ, когда дѣло идетъ о произведеніяхъ музыкальныхъ. Всѣ тѣ изъ нихъ, которыя хоть сколько-нибудь отличаются по размѣрамъ—разсчитаны на публичное исполненіе. Большинство—теряетъ всякое значеніе и

смыслъ, если они не исполняются соединенными усиліямъ хоровъ и оркестра (9-ая симфонія Бетховена, всѣ оперы и ораторіи). Лишить опернаго композитора права получать извѣстное вознагражденіе съ директора театра—это лишить его всякой матеріальной поддержки, ибо мы знаемъ, что изданіе партитуръ еле-окупаетъ расходы по гравировкѣ.

368.—Итакъ, мы считаемъ выясненнымъ, что *публичное исполненіе есть главный и первостепенный способъ распространенія драматическихъ и музыкальныхъ произведеній*; отсюда—драматурги и композиторы должны получать вознагражденіе, слѣдуемое каждому автору, именно изъ этого главнаго способа воспроизведенія, наравнѣ со всѣми другими.

Было бы слишкомъ узко—смотрѣть на авторское право, какъ на право воспретить воспроизведеніе и распространеніе путемъ печати. Авторъ долженъ имѣть право воспретить это воспроизведеніе и распространеніе во всѣхъ видахъ и подъ всѣми формами. Мы видѣли, что публичное исполненіе есть одинъ изъ видовъ воспроизведенія драматическихъ произведеній. *Слѣдовательно,—исключительное право публичнаго исполненія должно принадлежать автору.*

Таковъ взглядъ всѣхъ безъ исключенія позднѣйшихъ юристовъ. Недозволенное публичное исполненіе оскорбляетъ личныя права автора и нарушаетъ его имущественные интересы; оно должно быть признано контрафакціей. «По отношенію къ драматическимъ и музыкальнымъ произведеніямъ—прямо говоритъ Wächter [4])—должны быть запрещены оба вида ихъ распространенія, вытекающіе изъ ихъ природы: *печатаніе* и *публичное исполненіе*...» Мы не станемъ понапрасну увеличивать объемъ настоящей главы подробнымъ анализомъ воззрѣній различныхъ юристовъ на право публичнаго исполненія; скажемъ только, что, въ концѣ концовъ, всѣ они причисляютъ таковое къ наказуемой контрафакціи.

Такъ напримѣръ, ср. Gastambide, Traité de contrefaçon, p. 228—Klostermann, op. cit. s. 401—404—Pouillet, op. cit. p. 597—Wächter, op. cit. s. 629—Calmels, op. cit. p. 215—

4) Op. cit. s. 629.

252—Lacan et Palmier pp. 169—295—Cattreux, op. cit. passim—Rénouard, op. cit. v. II p. 71—73—Vaunois, dissertat. in. pp. 329—340 и мн. друг.

369.—Итакъ, необходимо признать, что право публичнаго исполненія составляетъ нераздѣльный элементъ авторскаго права вообще. Право это на практикѣ признается почти всѣми современными законодательствами — хотя, какъ мы видѣли выше [5])—не всегда въ тѣхъ же размѣрахъ (по отношенію къ сроку), какъ и право исключительнаго воспроизведенія. Оставляя вопросъ о продолжительности защиты права исключительнаго публичнаго исполненія—мы можемъ сгруппировать постановленія различныхъ законодательствъ слѣдующимъ образомъ.

Безусловно признаютъ право исключительнаго публичнаго исполненія: Бельгія, Боливія, Великобританія, Данія, Колумбія, Испанія, Италія, Норвегія, Португалія, Франція, Швеція и Чили. Изъ нихъ не признаютъ такого права для музыкальныхъ композиторовъ: Боливія, Норвегія, Португалія, Швеція и Чили.

Признаютъ право исключительнаго публичнаго исполненія, но дозволяютъ публичное исполненіе безъ предварительнаго разрѣшенія автора—если исполненіе дѣлается *съ благотворительною цѣлью*: Мексика, Монако и Швейцарія.

Признаютъ право исключительнаго публичнаго исполненія для драматическихъ произведеній безусловно, а для музыкальныхъ—подъ условіемъ заявить на каждомъ экземплярѣ изданія о своемъ желаніи сохранить такое право: Германія, Венгрія и Монако.

Австрія признаетъ право исключительнаго публичнаго исполненія только по отношенію къ произведеніямъ еще ненапечатаннымъ. Голландія немного расширяетъ это постановленіе: защищаются произведенія какъ ненапечатанныя, такъ и тѣ, которыя напечатаны съ вышеупомянутой оговоркой.

Эти постановленія о необходимости какой-то оговорки, отзывающіяся устарѣлою системою формальностей,—встрѣтили сильный и вполнѣ заслуженный отпоръ со стороны всѣхъ

---

[5]) См. таблицу на стр. 349.

позднѣйшихъ конгрессовъ. Особеннымъ нападкамъ подвергся тотъ странный фактъ, что совершенно такое же постановленіе («право публичнаго исполненія для композиторовъ защищается только въ томъ случаѣ, если на изданіи сдѣлано соотвѣтствующее заявленіе»)—нашло себѣ мѣсто въ такомъ разработанномъ актѣ, какъ Бернская Конвенція (см. ст. 9). По этому поводу конгрессъ 1889 года выразился слѣдующимъ образомъ: «Въ виду того, что статья 2-ая Бернской Конвенціи требуетъ отъ авторовъ исполненія только тѣхъ формальностей, которыя имъ предписаны ихъ національнымъ закономъ, было бы желательно, чтобы будущая дипломатическая конференція уничтожила вторую часть статьи 9-ой, требующей отъ композиторовъ спеціальной оговорки на всѣхъ ихъ изданіяхъ и находящейся въ очевидномъ противорѣчіи съ указанною статьею 2-ою». Ср. схожія постановленія Мадридскаго и Венеціанскаго конгрессовъ.

370.—Но мало запретить публичное исполненіе произведенія; необходимо еще опредѣлить, *что такое — публичное исполненіе, и какое исполненіе—публично.* Въ этомъ отношеніи мнѣнія какъ юристовъ, такъ и законодателей расходятся довольно сильно.

Такъ, Rénouard говоритъ по этому поводу [6]): «Такимъ образомъ, всякій имѣетъ право публично исполнять чужія произведенія, если онъ это дѣлаетъ для собственнаго удовольствія или образованія, не примѣшивая никакихъ коммерческихъ цѣлей... Поэтому, драматургъ не можетъ запретить исполненіе его пьесы на такихъ любительскихъ театрахъ, куда нѣтъ свободнаго входа для всякаго желающаго, гдѣ не взимаютъ со зрителей платы.» Такимъ образомъ, Rénouard считаетъ публичными — тѣ представленія, гдѣ со зрителей взимается опредѣленная или неопредѣленная плата за входъ. По этому поводу мы можемъ повторить то, что уже давно установлено

[6]) op. cit. v. II, p. 63.

относительно контрафакціи вообще: нарушеніе авторскаго права составляетъ контрафакцію даже тогда, когда никто изъ этого нарушенія никакой имущественной пользы не извлекаетъ. Такъ, распространеніе перепечатокъ даже путемъ даровой ихъ раздачи составляетъ контрафакцію, ибо нарушаетъ имущественные интересы автора, уменьшая сбытъ оригинальнаго изданія. Точно также, публичное исполненіе драматическихъ или музыкальныхъ сочиненій *даже даровое* — вредитъ имущественнымъ интересамъ автора, ибо тотъ, кто прослушаетъ драму даромъ, можетъ быть, и не пойдетъ слушать ее во второй разъ въ тотъ театръ, гдѣ за слушаніе нужно еще заплатить деньги (т. е. въ такой театръ, который платитъ драматургу авторскій гонораръ). Но еще очевиднѣе будетъ преступный характеръ даже дароваго публичнаго исполненія того или другаго произведенія, если мы обратимъ вниманіе на то, что такое исполненіе можетъ въ значительной степени нарушать личныя права авторовъ. Cattreux приводитъ въ своей интересной книгѣ (op. cit. p. 143) слѣдующій невѣроятный фактъ, показывающій осязательнымъ образомъ, въ какой сильной степени могутъ нарушать личныя права автора даже даровыя представленія; онъ пишетъ: «Въ одномъ изъ бельгійскихъ городовъ мѣстное частное общество организуетъ всякое воскресеніе собранія, имѣющія цѣлью »морализовать» народъ, приглашаемый даромъ. На этихъ собраніяхъ исполняются драматическія произведенія, причемъ въ въ этихъ послѣднихъ, въ видахъ, конечно, морали,—передѣлывается сюжетъ, измѣняются монологи, женщины замѣняются мущинами и т. д...» Представленія эти суть *даровыя*, но авторъ долженъ имѣть возможность запретить ихъ, запретить уродованіе его произведенія.

Но пойдемъ дальше: соперникъ драматурга можетъ, со спеціальною цѣлью повредить ему, дѣлать даровыя представленія новой пьесы въ нарочито дурномъ исполненіи. «Не рѣдко случается,—пишетъ тотъ же Cattreux (см. ibidem)—что собираютъ труппу изъ кого попало, заманиваютъ публику при помощи самыхъ необычайныхъ рекламъ, а затѣмъ искусно выставляютъ пьесу и автора ея въ смѣшномъ видѣ (et puis

ils ridiculisent l'auteur ou l'oeuvre); иногда прямо искажаютъ произведеніе, а иногда дѣлаютъ видъ серьознаго представленія и посредствомъ разсчитанно-дурного исполненія, діаметрально противоположнаго тому, о которомъ думалъ авторъ, «проваливаютъ» пьесу, нанося тяжелый ударъ чести и достоинству автора.»

Наконецъ, авторъ имѣетъ полное право воспретить, чтобы звуками его произведеній не зазывались на ярмаркахъ посѣтители въ балаганы; чтобы звуками его твореній не сопровождалось катаніе на каруселяхъ и т. п. (также «даровое исполненіе музыкальнаго произведенія»).

371.—Можно назвать еще одинъ видъ публичнаго дарового исполненія музыкальныхъ произведеній, — именно исполненіе музыкальныхъ произведеній посредствомъ шарманокъ, оркестріоновъ и т. п. механическихъ инструментовъ. По теоріи Rénouard'a, нищій имѣетъ право исполнять на своей шарманкѣ всякія пьесы, ибо онъ не взимаетъ платы со слушателей— всякій слушаетъ музыку и если платитъ, то не за эту музыку, а просто даетъ деньги изъ состраданія къ несчастному. Самое же исполненіе есть средство обратить на себя вниманіе, а вовсе не источникъ дохода. Vaunois [1]) очень искусно резюмируетъ доводы защитниковъ той теоріи, согласно которой публичное исполненіе на механическомъ инструментѣ не составляетъ контрафакціи. «Я безусловно отвергаю—говоритъ онъ— доводы тѣхъ, кто разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «неужели законъ запретитъ нищимъ играть на дворахъ и подъ окнами? Гдѣ тутъ можетъ быть рѣчь о злой волѣ, о коммерческихъ видахъ, о возможномъ убыткѣ? Или, если дѣло идетъ о несчастномъ содержателѣ каруселей, который, не мудрствуя лукаво, заодно ворочаетъ ручку шарманки и колесо своихъ деревянныхъ лошадей — посредствомъ какого невѣроятнаго ряда аналогій будемъ мы наказывать этого человѣка за контрафакцію, несмотря на то, что онъ, можетъ быть, даже и названія сочиненія и имени автора не знаетъ? Посредствомъ какихъ ухищреній мы уподобимъ его директору театра, антрепренеру или

[1]) Dissertatio inaug. p. 326.

ассоціаціи артистовъ? Онъ довольствуется тѣмъ, что ходитъ съ ярмарки на ярмарку, ставитъ свою машину и взимаетъ деньги за катаніе, а не за музыку; самое исполненіе пьесъ есть только незначительный аксессуаръ.»

Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію Vaunois, когда онъ говоритъ, что всѣ эти соображенія, какъ они ни кажутся убѣдительными—не выдерживаютъ критики, ибо въ нихъ опущено безъ вниманія то обстоятельсвво, на которое мы указали выше: *подобныя исполненія нарушаютъ личныя права композитора*, составляютъ въ нѣкоторомъ родѣ оскорбленіе. Да, наконецъ, подобные шарманщики настолько опошливаютъ самыя поэтичныя произведенія, что всякій постарается, въ концѣ концовъ, избѣгать даже хорошаго исполненія той пьесы, которую 15 разъ въ день дребезжатъ на дворѣ разбитыя шарманки.

Итакъ, мы должны признать невѣрнымъ мнѣніе тѣхъ юристовъ, которые, какъ Harum [8]), не считаютъ контрафакціей публичное исполненіе посредствомъ механическихъ музыкальныхъ инструментовъ [9]).

372.—Возвращаясь ко вопросу о публичномъ исполненіи вообще, мы должны отмѣтить, что признакъ «взиманіе входной платы» уже оставленъ новѣйшими юристами. «Es gehört nicht zum Thatbestande des Vergehens – говоритъ Klostermann [10])— dass ein Eintrittsgeld erhoben wird». Вотъ почему, напримѣръ, должны быть признаны контрафакціей даже тѣ публичныя представленія, при которыхъ плата за входъ взимается не на гонораръ актерамъ и даже не на покрытіе расходовъ—а собирается всецѣло на цѣли благотворительности (т. е. даже въ тѣхъ случаяхъ, когда заявляется, что весь валовой сборъ безъ малѣйшихъ вычетовъ будетъ употребленъ на опредѣленное благотвореніе). Справедливо замѣчаетъ по этому поводу Pouillet: «Что мнѣ сказать о тѣхъ представленіяхъ, которыя происходятъ съ благотворительною цѣлью и, притомъ, съ такимъ разсчетомъ, что весь сборъ безъ малѣйшихъ вычетовъ предназ-

---

[8]) op. cit. s. 212.

[9]) Ср. Pouillet, op. cit. p. 616.

[10]) op. cit. s. 404.

начается на борьбу съ горемъ и нищетой? Я утверждаю, что все это не измѣняетъ сущности дѣла, и нарушеніе правъ автора остается наказуемымъ. По моему, этого даже не нужно и доказывать. Если бы мы рѣшили иначе, мы бы признали, что можно подавать милостыню, вынимая деньги изъ чужаго кармана» [11]).

Въ іюлѣ 1888 года Maurice Faure предложилъ французской палатѣ депутатовъ вотировать разрѣшеніе исполнять музыкальныя произведенія на благотворительныхъ праздникахъ безъ спеціальнаго разрѣшенія автора. Предложеніе принято не было, и неизвѣстный авторъ въ Droit d'auteur [12]) справедливо замѣтилъ по этому поводу: «Предложеніе г. Faure имѣетъ цѣлью развитіе въ народѣ любви къ музыкѣ и является слѣдствіемъ многочисленныхъ петицій, поданныхъ въ свое время парламенту различными орфеоническими и музыкальными обществами.

«Мы не хотимъ предположить, чтобы уважаемый г. Faure руководился въ данномъ случаѣ иными мотивами, кромѣ желанія сдѣлать доброе дѣло, но мы позволимъ себѣ напомнить ему, что это доброе дѣло онъ собирается дѣлать на чужой счетъ... Все это кажется намъ чрезвычайно яснымъ: нужно помочь несчастному человѣку; помочь ему можно только посредствомъ употребленія въ дѣло опредѣленнаго сочиненія опредѣленнаго драматурга; очевидно, что прежде всего нужно обратиться къ этому драматургу и спросить его, желаетъ ли онъ принести необходимую жертву. Г. Faure встрѣчаетъ на улицѣ голоднаго человѣка и ведетъ его къ булочнику, говоря послѣднему: «Другъ мой, у васъ много хлѣба—дайте немного этому несчастному»—и продолжаетъ свой путь, радуясь, что сдѣлалъ доброе дѣло. Въ разбираемомъ нами случаѣ рѣчь идетъ не о булочникѣ—а объ авторѣ, не о хлѣбѣ—а о правѣ. Сущность же дѣла остается прежнею».

Впрочемъ, Cattreux приводитъ слѣдующій интересный примѣръ: «Послѣ ужасныхъ наводненій, которыя причинили такъ много вреда Бельгіи въ 1879 году, всѣ общества драматур-

---

[12]) 1888 года, стр. 21.

говъ согласились на время отказаться отъ взиманія авторскаго гонорара съ устроителей публичныхъ представленій въ пользу пострадавшихъ отъ этихъ наводненій». Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ отказъ отъ своего права,—а, слѣдовательно, и существованіе такого права по отношенію къ публичнымъ исполненіямъ съ благотворительною цѣлью.

Итакъ, мы считаемъ неправильною ту теорію, которая признаетъ основнымъ признакомъ «публичнаго» исполненія—взиманіе входной платы съ присутствующихъ. И безплатное публичное исполненіе можетъ составить безусловное нарушеніе правъ драматурга.

373.—Разсматривая мнѣнія другихъ юристовъ, мы видимъ что, напримѣръ, Klostermann опредѣляетъ разбираемое понятіе слѣдующимъ образомъ [13]): «*Публичнымъ* нужно считать такое исполненіе драмы или музыкальнаго произведенія, при которомъ можетъ присутствовать всякій желающій, а не только заранѣе извѣстныя лица [14])». Мы думаемъ, что это опредѣленіе также неудовлетворительно въ отношеніи опредѣленности, и главнымъ его недостаткомъ нужно считать то обстоятельство, что Klostermann не опредѣляетъ того *момента*, въ который должно происходить опредѣленіе понятій «bestimmte Personen» и противоположнаго «Jeder». Если мы будемъ толковать опредѣленіе Klostermann'a дословно, то мы можемъ придти къ слѣдующему плачевному результату: театральное представленіе есть-де исполненіе *не публичное*, ибо, если всѣ билеты раскуплены, въ моментъ открытія залы можно сказать: «на это представленіе имѣютъ доступъ только bestimmte Personen, только опредѣленныя лица—носители билетовъ». Но даже въ томъ случаѣ, если мы оставимъ подобныя іезуитскія толкованія—мы, всетаки, должны признать вышеприведенное опредѣленіе Klostermann'a одностороннимъ и неправильнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ: «фабрикантъ музыкальныхъ инструментовъ—говоритъ E. Blanc [15])—желая рекламировать вновь изобрѣтенный инструментъ, даетъ безплатный концертъ, во время

[13]) Geistig. Eigenthum, s. 404.

[14]) «nicht bestimmte Personen, sonder jeder ohne Unterschied».

[15]) Цитировано у Pouillet, op. cit. p. 668.

котораго онъ исполняетъ на этомъ инструментѣ безъ дозволенія автора—нѣсколько музыкальныхъ произведеній. Недовольство композитора и искъ. Осужденіе фабриканта должно быть неизбѣжнымъ, ибо онъ, во-первыхъ, вредитъ матеріальнымъ интересамъ автора, а, во-вторыхъ, всетаки извлекаетъ изъ этого концерта косвеннымъ образомъ прибыль, увеличивая спросъ на свой инструментъ». Мы оставляемъ въ сторонѣ послѣднее разсужденіе: мы видѣли, что публичное исполненіе преступно даже тогда, когда исполняющій не извлекаетъ изъ него никакой выгоды (матеріальной). Обратимъ вниманіе только на самый примѣръ. По теоріи Klostermann'a «публичнаго» исполненія нѣтъ, ибо въ залу допускаются только опредѣленныя лица (bestimmte Personen)—тѣ, которыя заранѣе были приглашены фабрикантомъ. Такимъ образомъ, теорія Klostermann'a сводится къ тому, что надо считать исполненіе—частнымъ, если присутствующіе явились по *спеціальному приглашенію*, если ихъ присутствіе было заранѣе въ разсчетахъ исполняющихъ или исполняющаго. Другими словами, Klostermann придерживается того же взгляда, который проводитъ и Pouillet, говоря: «pour que la publicité existe il faut, mais il suffit que le public soit admis sans invitation directe et personnelle»).

374.—Мы не можемъ согласиться съ этимъ взглядомъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Мы уже видѣли, что въ вышеуказанномъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто самая обширная публичность, не смотря на то, что всякій присутствующій получилъ личное и спеціальное приглашеніе. Вполнѣ ясно, что фабриканту, о которомъ говоритъ примѣръ, стоитъ только взять адресъ-календарь, чтобы разослать «личныя» приглашенія всѣмъ тѣмъ лицамъ, присутствіе которыхъ, по его мнѣнію, можетъ быть выгодно для продажи новаго инструмента. Наконецъ, что̀ понимать подъ терминомъ «invitation directe et personnelle»? Если мы будемъ считать таковымъ — всякій пригласительный билетъ, который носитъ имя приглашаемаго, то кто же помѣшаетъ членамъ того «моральнаго» общества, о которомъ мы говорили выше (см. § 370),—ходить по городу

---

[16]) Ср. тѣ же выраженія у Rendu et Delorme, op. cit. p. 437.

и раздавать кому-угодно приглашенія, вписывая въ послѣдній моментъ имя того лица, кому приглашеніе адресуется? Можетъ быть, защитники данной теоріи понимаютъ подъ словами «личное и прямое приглашеніе» что нибудь иное, но они объ этомъ нигдѣ не обмолвливаются ни словомъ, и мы, такимъ образомъ, имѣемъ право думать, что исполненіе, можетъ быть публичнымъ, хотя-бы всѣ присутствующіе были бы приглашены указанными «личными» приглашеніями. Если клубъ устраиваетъ для своихъ членовъ даровыя представленія или концерты и каждый разъ разсылаетъ членамъ спеціальныя приглашенія—мы будемъ имѣть представленіе, на которое допускаются только «опредѣленныя» лица съ «личными» непосредственными приглашеніями—и, несмотря на все это, *такое представленіе будетъ публичнымъ*.

375.—Итакъ, ни одно изъ данныхъ до сихъ поръ опредѣленій не выдерживаетъ, по нашему мнѣнію, критики. Чѣмъ же ихъ замѣнить? Невозможно признать справедливымъ и опредѣленіе Gastambide'a, какъ слишкое широкое: «Исполненіе драматическаго произведенія будетъ наказуемымъ всякій разъ, когда напечатаніе того же произведенія составило бы контрафакцію [17]).» Съ этимъ опредѣленіемъ нельзя согласиться потому, что принявъ его, нужно было бы запретить и представленія въ частныхъ интимныхъ кружкахъ, въ которые авторъ не имѣетъ права, ни возможности врываться.

Вотъ именно понятіе этого *частнаго, интимнаго кружка знакомыхъ между собою лицъ* и не поддается точному юридическому опредѣленію. Поэтому мы считаемъ, въ концѣ концевъ, наиболѣе справедливымъ то положеніе, которое высказано Darras'омъ [18]): «Очень часто является чрезвычайно труднымъ опредѣлить разъ-навсегда, что̀ нужно подразумѣвать подъ названіемъ публичнаго исполненія. *По моему, нужно возложить эту обязанность на суды.* Можно думать, что представленіе будетъ публичнымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда зрителями бываютъ не одни только члены семейства и не ближайшіе зна-

[17]) op. cit. p. 241.
[18]) op. cit. p. 111.

комые, но и другія лица. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью сказать, что мѣсто исполненія не играетъ никакой роли: исполненіе пьесы даже въ частной залѣ можетъ быть публичнымъ. Именные пригласительные билеты не уничтожаютъ наказуемости собранія».

Во всемъ этомъ, а въ особенности въ подчеркнутыхъ словахъ есть большая доля правды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Защита произведеній искусствъ изобразительныхъ.

386. — Произведеніемъ искусствъ изобразительныхъ, какъ показываетъ уже самое названіе, считается всякое выраженіе въ пространствѣ того образа, той идеи, которая появляется въ умѣ художника. Произведенія эти защищаются законами объ авторскомъ правѣ наравнѣ съ другими продуктами свободнаго творчества; однако, по отношенію къ подобнымъ произведеніямъ, подобно тому какъ и по отношенію къ произведеніямъ литературы—ни одно законодательство не даетъ общаго опредѣленія объекта авторскаго права.

Постараемся, поэтому, выяснить, какъ разсматриваютъ этотъ вопросъ главнѣйшіе юристы. Всѣ они, во-первыхъ, признаютъ единогласно, что объектомъ авторскаго права въ области художественной, какъ и въ области литературной —нужно считать только произведенія искусства. Но мнѣнія расходятся, какъ только приходится опредѣлить, что̀ такое произведеніе искусства въ области художественной. «Das Kunstwerk— говоритъ Klostermann [1])—besteht niemals in der nackten Wiedergabe eines Gegestandes der Wirklichkeit, sondern auch da, wo es die Abbildung eines individuellen Gegenstandes zum Vorwurfe hat, z. B. beim Portrait, in einer formgebender Thätigkeit des Künstlers, welche die sinnliche Gestalt durch geistliche Vorstellungen vermittelt reproduzirt Zu den unterscheidenden Merkmalen eines Werkes der

[1]) Geistig. Eigenthum, s. 177.

bildenden Kunst gehört also: 1) Der ästhetische Zweck, 2) die formgebende Thätigkeit des Künstlers».

Мы думаемъ, что это опредѣленіе страдаетъ чрезмѣрною абсолютностью. Въ самомъ дѣлѣ—очень часто произведеніе искусства предназначается не только для эстетическаго наслажденія, но и для нѣкотораго матеріальнаго пользованія. Klostermann принимаетъ признакъ «эстетическое назначеніе» главнымъ образомъ, для того чтобы имѣть возможность провести границу между рисунками художественными и промышленными; однако, по справедливому замѣчанію Панкевича [2]) «очень многія произведенія служатъ одновременно для той и другой цѣли. Такъ напр. прессъ-папье можетъ имѣть видъ художественной статуетки».

387. — Мы думаемъ, что такой взглядъ вполнѣ основателенъ. Въ самомъ дѣлѣ, принявъ теорію Klostermann'a, мы будемъ принуждены отказать въ защитѣ авторскаго права Прадо, ибо онъ нарисовалъ эскизъ *подсвѣчника*;—Бенвенуто Челлини, ибо онъ сформовалъ вазоподобную *солонку*; — Антокольскому, ибо онъ сдѣлалъ *прессъ-папье* въ видѣ льва. Мы думаемъ, что невозможно лишить авторскаго права художника, который рисуетъ не на полотнѣ, а на тарелкахъ—только потому, что онъ рисуетъ на тарелкахъ.

Наконецъ, какъ разграничить предметы, предназначенные для эстетическаго наслажденія—или для матеріальнаго пользованія? Куда придется помѣстить гобелены? По нашему мнѣнію, рисунокъ всегда служитъ для удовлетворенія эстетическихъ потребностей [3]) несмотря на то, на какомъ предметѣ онъ находится. Предположимъ, что художникъ А. рисуетъ свои картины на фарфорѣ,—на фарфоровыхъ тарелкахъ (эта отрасль доведена до такого совершенства, что рисованіе по фарфору, безспорно, можетъ быть признано искусствомъ изобразительнымъ). Свои тарелки художникъ продаетъ для украшенія стѣнъ столовыхъ и т. п.—цѣль, слѣдовательно, вполнѣ эстетическая, и рисунки художника А. должны быть защи-

[2]) op. cit. стр. 54.

[3]) Если эти рисунки, вообще могутъ удовлетворять извѣстному эстетическому назначенію.

щены отъ воспроизведенія. Но кто помѣшаетъ богатому человѣку скупить дюжину—двѣ—три такихъ тарелокъ и употреблять ихъ, хотя бы, въ качествѣ ежедневной сервировки? Неужели же подобный фактъ можетъ уничтожить авторское право художника? «Невозможно—говоритъ Vaunois [4])—чтобы тотъ же рисунокъ признавался то художественнымъ, то промышленнымъ,—чтобы защиту его регулировали два совершенно различные законы — и все въ зависимости только отъ того, для какой цѣли предназначается рисунокъ».

388.—Говоря объ объектѣ авторскаго права въ области литературы, мы признали таковымъ всякое произведеніе искусства, какъ выраженіе извѣстной идеи въ опредѣленной формѣ. Намъ кажется, что подобное опредѣленіе будетъ наиболѣе пригоднымъ и въ области искусствъ изобразительныхъ,

Разсмотримъ приведенное опредѣленіе подробнѣе; оно состоитъ изъ двухъ частей. Во-первыхъ, всякій объектъ авторскаго права долженъ составлять выраженіе извѣстной идеи. Можно тотчасъ же возразить, что подъ такое опредѣленіе подойдутъ также нѣкоторые рисунки, которымъ присвоено общее названіе «промышленныхъ» (къ послѣднимъ-де авторское право не прилагается).

Нужно замѣтить, что различіе между рисунками промышленными и художественными очень часто не поддается точному опредѣленію. Много было сдѣлано въ этомъ направленіи попытокъ опредѣлить нѣкоторый критеріумъ; всѣ онѣ довольно неудачны, хотя наиболѣе остроумною намъ кажется идея французскаго юриста Philipon, который считаетъ, что рисунокъ является художественнымъ, если, снявъ его съ того предмета, на которомъ онъ находится, мы получимъ новый предметъ, не годящійся для того употребленія, для котораго онъ былъ предназначенъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Т. е. что картина, напримѣръ, будетъ произведеніемъ искусства, ибо, снявъ съ полотна рисунокъ, мы получимъ такой предметъ (голое полотно), который не можетъ служить для того же употребленія, какъ и прежняя картина. Рисунокъ

[4]) Diss. inaug. p. 215.

же на обояхъ будетъ рисункомъ промышленнымъ, ибо, снявъ его съ обоевъ, мы, всетаки, получимъ бумагу, годную для обклеиванія стѣнъ.

Но, въ сущности, эта теорія болѣе остроумна, чѣмъ основательна. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ она слишкомъ широка, а въ извѣстныхъ— слишкомъ узка. По этой теоріи, напримѣръ, рисунокъ на чашкѣ никогда не будетъ произведеніемъ искусства, ибо, уничтоживъ его, мы, всетаки, получимъ приборъ годный для питья. Съ другой стороны подобная теорія слишкомъ узка, ибо съ точки зрѣнія Philipon'a не можетъ почти существовать промышленныхъ произведеній въ формѣ пластической: чайникъ изъ глины будетъ произведеніемъ искусства, ибо отнявъ у него форму и обративъ въ кусокъ глины, мы, конечно, не получимъ предмета, годнаго для прежняго употребленія.

389.—Мы думаемъ, что всѣ результаты указанныхъ попытокъ шатки отчасти потому, что граница между промышленными и артистическими рисунками по самой своей сущности должна ускользать отъ точнаго опредѣленія,—и отчасти потому, что эту границу нужно искать не тамъ, гдѣ ее ищутъ обыкновенно. Для какой бы цѣли ни предназначался рисунокъ, въ какой бы формѣ онъ ни былъ выраженъ—ничто не помѣшаетъ намъ признать его за произведеніе искусства, ибо признаки таковыхъ заключаются, конечно, не въ томъ, можно ли отдѣлить и т. д. Если художникъ на фабрикѣ нарисуетъ на чашкѣ картинку полную жизни, вдохновенія и эстетическаго чувства—неужели же мы признаемъ его ремесленникомъ и дадимъ ему меньшую защиту только потому, что онъ работалъ въ фабричной мастерской, а не въ особомъ atelier,—и работалъ на чашкѣ, а не на фарфоровой же пластинкѣ!

390. — Итакъ, объектомъ авторскаго права въ области искусствъ изобразительныхъ можетъ быть всякое произведеніе искусства, какъ выраженіе опредѣленной художественной идеи; этого взгляда придерживаются уже давно многіе юристы [5]), а

---

[5]) См. Pouillet, № 78—80.—Ср. Pataille, Annales etc. 1880, p. 265. — также: Calmels, Rendu et Delorme и друг.

французская Gazette des Tribunaux еще въ августѣ 1853 года приводила слѣдующее кассаціонное рѣшеніе: «...въ виду того, что всякій фабричный рисунокъ обнаруживаетъ извѣстную творческую дѣятельность художника; въ виду того, что эти рисунки, такимъ образомъ, принадлежатъ къ искусствамъ изобразительнымъ и т. д.»

Вторымъ условіемъ мы поставили требованіе, чтобы произведеніе искусства, для того чтобы сдѣлаться объектомъ авторскаго права,—было выражено въ опредѣленной формѣ. Подобное положеніе не требуетъ никакихъ спеціальныхъ объясненій. Если художникъ станетъ, хотя бы самымъ подробнымъ образомъ, разсказывать о томъ, какую картину онъ задумалъ, то на эти разсказы онъ, конечно, авторскаго права имѣть не будетъ,—и написавшій по этимъ разсказамъ картину обвиненъ въ контрафакціи быть не можетъ.

391.—Таковы, въ общихъ чертахъ, теоретическія правила—но приложеніе ихъ на практикѣ, всетаки, представляетъ довольно часто значительныя затрудненія, на которыхъ мы и хотѣли бы остановиться нѣсколько дольше. Затрудненія эти касаются главнымъ образомъ двухъ отраслей искусствъ изобразительныхъ: *архитектуры* и *фотографіи*.

Большинство современныхъ законодательствъ, какъ мы увидимъ ниже, не защищаютъ авторскаго права архитекторовъ—но подобная аномалія находитъ защитниковъ среди лучшихъ юристовъ. Такъ, Blanc [6]) говоритъ: «Пропускъ слова «архитектура» былъ сдѣланъ намѣренно. Архитекторы, вообще, никогда не требовали себѣ авторскаго права. Они отдаютъ себя въ наймы, какъ ремесленники (?), — тому, кто платитъ имъ жалованье,—и отказываются отъ всякихъ правъ на разъ оконченное зданіе. Воспроизведеніе ихъ построекъ является, къ тому же, мало возможнымъ; оно потребовало бы трудно предположимаго сходства матеріала, почвы и цѣлей постройки. Наконецъ, если бы даже и существовала артистическая собственность по отношенію къ архитектурнымъ произведеніямъ—

[6]) Op. cit. p. 250.

какъ бы сталъ законъ ее защищать? Вѣдь не посредствомъ же конфискаціи?...»

Не трудно замѣтить, какъ мало основанія во всѣхъ вышеприведенныхъ отрывочныхъ фразахъ. Если до времени Blanc'a архитекторы не требовали себѣ защиты, то это еще не значитъ, что защиты никакой не должно было быть,—не значило также, что архитекторы навсегда отказывались отъ той защиты, на которую они имѣютъ право. Такимъ образомъ, этотъ «доводъ» падаетъ самъ собой. «Они отдаютъ себя въ наймы, какъ ремесленники, тому...»—говоритъ далѣе Blanc,—но нигдѣ однако, не доказываетъ (да и какъ доказать?—впрочемъ, см. ниже попытки въ этомъ смыслѣ), что архитектура есть только ремесло. Что же касается до словъ «отдаютъ себя въ наймы», то они ничего не доказываютъ: какъ мы увидимъ ниже—уступка произведенія даже въ собственность не предполагаетъ, сама по себѣ, передачи авторскаго права на проданное произведеніе. Затѣмъ, если Blanc предполагаетъ, что одновременное стеченіе схожихъ «почвы, матеріаловъ и цѣлей постройки» довольно рѣдко,—то мы замѣтимъ, что кромѣ контрафакціи въ цѣломъ, можетъ существовать еще контрафакція частичная, такъ что архитекторъ, новымъ образомъ разработавшій данный ему сюжетъ, напр., «казино»—можетъ требовать, чтобы другіе не воспроизводили немедленно это казино въ томъ же или приблизительно томъ же видѣ. Въ то же время, Blanc совершенно упускаетъ изъ виду контрафакцію архитектурныхъ произведеній посредствомъ передачи зданія на плоскости—и распространеніе этихъ рисунковъ. Наконецъ, то, что Blanc говоритъ о невозможности признать авторское право въ области архитекуры потому, что къ зданіямъ не можетъ быть приложена конфискація — уже совершенно наивно. Нужно только признать существованіе авторскаго права, а преслѣдовать виновныхъ можно будетъ не одною только конфискаціею контрафактныхъ произведеній—штрафами, напр., и т. п. Итакъ, все это доказываетъ, что Blanc не приводитъ ни одного существеннаго доказательства, а трактуетъ о вещахъ, прямого отношенія къ вопросу не имѣющихъ.

392.—Иначе поступаетъ Wächter, который также отказы-

ваетъ въ защитѣ произведеніямъ архитектуры — но уже на основаніи извѣстнымъ образомъ обоснованныхъ доводовъ. Онъ говоритъ [1]): «Къ пластикѣ принадлежатъ *скульптура* и *архитектура*. Однако, первое изъ этихъ искусствъ служитъ для выраженія эстетическихъ идей, а второе предполагаетъ главнымъ образомъ опредѣленныя матеріальныя цѣли; зданіе строится, главнымъ образомъ, для того, чтобы служить опредѣленнымъ матеріальнымъ цѣлямъ, и цѣли эстетики являются только побочными. Такимъ образомъ, архитектурныя произведенія уже не находятся исключительно въ сферѣ искусства, и *авторское право* не имѣетъ примѣненія по отношенію къ нимъ».

Какъ видно изъ этой цитаты, Wächter ставитъ вопросъ гораздо энергичнѣе и опредѣленнѣе—онъ прямо отказывается признать архитектурныя произведенія за произведенія искусства. Но посмотримъ, какіе онъ приводитъ въ подтвержденіе этого доказательства. Оказывается, что всѣ они сводятся къ тому, что произведенія архитектуры служатъ «einem Gebrauchzwecke». Выше мы уже говорили о томъ, что подобный взглядъ на назначеніе произведенія не выдерживаетъ критики. Конечно, всякое зданіе предназначается для опредѣленной утилитарной цѣли—но развѣ это обстоятельство можетъ лишить его остальныхъ отличительныхъ признаковъ произведеній искусства? Или этотъ признакъ сильнѣе, могущественнѣе всѣхъ другихъ, такъ что *только его* нужно принимать во вниманіе? Не думаемъ. Въ настоящее время скульпторы обыкновенно не формуютъ ничего другого, кромѣ статуй—но въ первомъ попавшемся музеѣ можно найти коробки, bahuts, табакерки—которыя обязаны своимъ происхожденіемъ рѣзцу великихъ скульпторовъ-артистовъ. Неужели тотъ шестиугольный большой ящикъ изъ тисненной кожи, который хранится въ Берлинскомъ Gewerbemuseum'ѣ, не будетъ считаться произведеніемъ искусства только потому, что этимъ великолѣпнымъ, этимъ артистическимъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, изображеніямъ придана форма коробки, которую, пожалуй, можно употреблять и въ хозяйствѣ? Точно также и въ архитектурѣ. «Само собой разу-

[1]) Urheberrecht, s. 41—42.

мѣется—говоритъ Vaunois [8])—что обыкновенныя четыре прямыя стѣны съ отверстіями на опредѣленныхъ мѣстахъ не могутъ быть объектомъ авторскаго права». Но дѣло въ томъ, что кромѣ подобныхъ зданій, не требующихъ отъ архитектора никакого артистическаго чутья—существуетъ еще масса такихъ, въ которыхъ мы можемъ видѣть ясный отпечатокъ самостоятельнаго творчества. Всякое зданіе предназначено для спеціальной утилитарной цѣли—говоритъ Wächter — но мы замѣчаемъ, что очень много зданій строятся не для того, чтобы въ данномъ мѣстѣ нужно было покрыть опредѣленное пространство крышей, но потому, что зданіе нужно въ данномъ мѣстѣ, какъ украшеніе, какъ истинное произведеніе искусства. Вспомнимъ парижское Trocadéro. Наконецъ, для того, чтобы удовлетворить утилитарнымъ цѣлямъ — вовсе не нужно строить Храмъ Спасителя въ Москвѣ. Молиться можно и въ конногвардейскомъ манежѣ—только освятить его и поставить алтарь. Необходимо различать зданіе, какъ таковое—и зданіе, какъ произведеніе искусства. Первое не оригинально, не представляетъ продукта творчества—и, слѣдовательно, не подлежитъ защитѣ отъ воспроизведенія; во второмъ мы ясно различаемъ всѣ признаки произведенія искусства — и, поэтому, никакія соображенія о назначеніи зданія не могутъ заставить насъ признать его за произведеніе ремесленное. А что зданіе можетъ быть произведеніемъ самостоятельнаго творчества, можетъ выражать извѣстную идею—это можно увидѣть изъ самаго элементарнаго сравненія, напримѣръ, собора св. Исаакія, Храма Спасителя и Кельнскаго Dôme'a. Всѣ три зданія—«церкви», всѣ служатъ для одной и той же утилитарной цѣли, что не мѣшаетъ имъ носить каждому свои спеціально-характеристическіе признаки. Архитектурное произведеніе можетъ быть носителемъ и выразителемъ опредѣленной идеи — положеніе это высказалъ еще человѣкъ съ такимъ тонкимъ художественнымъ чутьемъ, какъ Victor Hugo (вспомнимъ его знаменитое: «Ceci tuera cela!») Откуда — произведеніе такое можетъ быть объектомъ авторскаго права [9]).

[8]) Thèse de doctorat, p. 229.

[9]) Ст. статьи J. Borchgrave въ Droit d'auteur, 1890 p. 14.

Впрочемъ, самъ Wächter, въ концѣ концовъ, не отказываетъ архитектурнымъ произведеніямъ въ томъ, что они могутъ быть причислены къ произведеніямъ художественнымъ—но несчастный вопросъ объ «утилитарномъ назначеніи» заставляетъ его отказывать въ защитѣ. Мы думаемъ, что изъ сказаннаго выше становится довольно яснымъ, что утилитарное назначеніе не можетъ помѣшать нѣкоторымъ зданіямъ быть произведеніями искусства, а слѣдовательно, и объектомъ авторскаго права. Мы, опять таки, не говоримъ, что *всѣ зданія* должны быть защищены отъ воспроизведенія — какъ не всѣ статуэтки могутъ пользоваться защитой закона объ авторскомъ правѣ; но «если авторъ выказалъ извѣстную долю самостоятельности, если онъ какимъ-нибудь новымъ способомъ скомбинировалъ матеріалы, бывшіе въ его распоряженіи—онъ долженъ имѣть авторское право на свое произведеніе. Готическія стрѣлки, своды и распорки находятся въ общественномъ пользованіи, ибо они суть только слова того языка, которымъ говорили великіе архитекторы среднихъ вѣковъ; эти стрѣлки и своды могутъ быть употреблены всякимъ архитекторомъ, какъ буквы азбуки—всякимъ писателемъ. Однако, и изъ этихъ всѣми употребляемыхъ элементовъ можно создать иногда совершенно оригинальное произведеніе, которое такимъ образомъ будетъ объектомъ новаго авторскаго права [19])».

393.—Точно такого же мнѣнія придерживается и большинство новѣйшихъ юристовъ. Такъ, Pouillet разсуждаетъ, приблизительно, слѣдующимъ образомъ, причемъ ему нельзя отказать въ большой долѣ убѣдительности. Онъ объясняетъ существующую сильную оппозицію противъ авторскаго права архитекторовъ тѣмъ, что публика слишкомъ привыкла видѣть передъ собой цѣлыя улицы, заполненныя зданіями безъ всякой оригинальности по идеѣ или исполненію, — такъ что она отказывается согласиться, чтобы могъ быть обвиненъ въ конрафакціи тотъ, кто воспроизведетъ одно изъ такихъ зданій. Однако, не нужно забывать, что и къ архитектурнымъ произведеніямъ, такъ же какъ и ко всякимъ другимъ, примѣняется

[19]) Vaunois, op. cit. p. 229.

прежде всего общее требованіе оригинальности и самостоятельсти. Если же зданіе само представляетъ только копію другихъ уже выстроенныхъ, уже всѣмъ извѣстныхъ, — оно не будетъ объектомъ права, и его можно будетъ воспроизводить безнаказанно, ибо, копируя его, художникъ будетъ, въ сущности копировать «le domaine public». Но еслибы художникъ создалъ такое твореніе, которое явится совершенно новымъ, оригинальнымъ и отличнымъ отъ другихъ—онъ долженъ имѣть на такое свое твореніе авторское право, какъ и всякій другой творецъ. Никому не будетъ позволено воспроизводить такую чужую постройку, не только въ видѣ постройки же, — но даже и въ видѣ рисунка, фотографіи и т. п. Такъ учитъ [11]) Pouillet и, повторяемъ, въ словахъ его много правды. Другіе французскіе юристы, какъ то Calmels [12]), Dalloz [13]), Rendu et Delorme [14]) и т. д. придерживаются того же мнѣнія.

394.—Отмѣтимъ еще только одинъ фактъ. Многіе юристы, а въ особенности Dalloz и Rendu et Delorme, настаиваютъ на томъ, что установленіе авторскаго права для архитекторовъ не можетъ имѣть особаго значенія для этихъ послѣднихъ, не не можетъ имѣть особо важныхъ практическихъ послѣдствій— въ виду того, что во всей исторіи архитектуры до сихъ поръ нѣтъ указанія, чтобы кто нибудь сталъ строить точную копію раньше существовавшаго зданія. Rendu указываетъ, по этому поводу, что примѣненіе принциповъ авторскаго права можетъ имѣть мѣсто, въ крайнемъ случаѣ, только относительно мелочей и подробностей орнаментаціи [15]). Darras прямо говоритъ [16]): «Точное воспроизведеніе зданій невозможно—подобнаго случая никогда не было на практикѣ» [17]). По этому поводу мы

---

[11]) Pouillet, op. cit. p. 87—88.

[12]) Op. cit p. 90: замѣтимъ только, что примѣръ, приводимый въ этомъ мѣстѣ Calmels'омъ, совсѣмъ неумѣстенъ. Этотъ юристъ доказываетъ свое положеніе (вѣрное по существу)—совершенно не идущими къ мѣсту разсужденіями, могущимъ ввести въ серьезное заблужденіе.

[13]) Repértoire, v. Propriéte littéraire № 413 ss.

[14]) Traité pratique de droit industriel, 1885, № 928—Ср. у Pouillet p. 88.

[15]) ibidem.

[16]) ibidem.

[17]) Ср. статью J. Berchgrave въ Droit d'auteur, 1890 p. 14 ss.

только напомнимъ то, что мы уже говорили выше: контрафакція можетъ также заключаться и воспроизведеніи зданій посредствомъ гравюры, фотографіи и т. п. способовъ. Конечно, мы считаемъ, что нигдѣ невозможна постройка втораго Трокадеро: всякое государство или городъ, желающій затратить на новое сооруженіе столько денегъ, сколько стоитъ Трокадеро—потребуетъ отъ архитектора чего-нибудь новаго, и, конечно, отвергнетъ продолженіе построить рабскую копію съ того, что всѣ сотни разъ видѣли у Сены. Вообще, мы думаемъ, что воспроизведеніе зданій въ видѣ зданій же будетъ, дѣйствительно, рѣдко. Но архитекторъ можетъ и долженъ имѣть еще право воспроизводить свое произведеніе тѣми механическими способами, о которыхъ мы уже упоминали и къ которымъ вернемся еще нѣсколько ниже.

Итакъ, мы думаемъ, что все предъидущее достаточно доказываетъ слѣдующее положеніе: произведенія архитектуры могутъ и должны быть защищаемы отъ воспроизведенія во всѣхъ видахъ [18]).

394.—Какъ мы уже отмѣтили выше, очень немногія законодательства защищаютъ авторское право архитекторовъ. Lyon-Caën, въ предисловіи къ своему сборнику, называетъ [19]) въ этомъ смыслѣ только русское законодательство; оставляя, по принятому уже нами способу,—все, что касается Россіи до заключенія, отмѣтимъ только, что почтенный профессоръ неправъ, утверждая что одна Россія защищаетъ авторское право архитекторовъ (см. прим. 20). Послѣдній швейцарскій законъ отъ 23 Апрѣля 1883 года ясно говоритъ:

«Статья 2. Не составляетъ контрафакціи:

«В.... 8). Воспроизведеніе рисунковъ и плановъ зданій или частей построекъ уже существующихъ, если эти зданія и постройки *не имѣютъ художественнаго характера.*»

Здѣсь, хотя и въ отрицательной формѣ, но ясно выражено запрещеніе воспроизводить тѣ зданія, которыя *имѣютъ* «худо-

[18]) Сюда непосредственно примыкаетъ вопросъ о защитѣ авторскаго права фотографовъ. Но разборъ этого вопроса имѣетъ настолько самостоятельное значеніе, что мы предпочли выдѣлить его въ особую главу—см. главу шестую, §§ 416—428.

[19]) Lyon-Caen, op. cit. p. XLII.

жественный характеръ». Подобную редакцію мы считаемъ наиболѣе удачною: исключая всякіе споры о защитѣ обыкновенныхъ построекъ, она даетъ полную защиту авторскаго права тѣхъ архитекторовъ, которые, дѣйствительно, проявляютъ признаки самостоятельнаго творчества.

Остальныя законодательства не защищаютъ авторскаго права архитекторовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ [20]), правда, упоминаютъ о защитѣ плановъ и архитектурныхъ чертежей — но эта защита, конечно, не можетъ имѣть никакой связи съ авторскимъ правомъ архитекторовъ: конечно, рисунокъ не можетъ быть лишенъ защиты только потому, что онъ изображаетъ домъ или церковь. Странно, однако, почему я не имѣю права проэктировать по чужимъ планамъ—и имѣю дозволеніе строить по чужимъ же планамъ, разъ эти планы перенесены въ дѣйствительность и изображены не абстрактными линіями, а каменными кладками?

Изъ международныхъ конвенцій очень немногія упоминаютъ [21]) даже о защитѣ архитектурныхъ плановъ. О защитѣ же архитектурныхъ произведеній говоритъ, насколько мы знаемъ, только одна конвенція, именно Франція — Испанія отъ 16 іюня 1880 года, въ протоколѣ обмѣна ратификацій которой прямо сказано:

«Мы нижеподписавшіеся, симъ заявляемъ во избѣжаніе всякихъ ложныхъ толкованій, что въ числѣ произведеній, перечисленныхъ во второмъ обзацѣ ст. 1-й настоящей конвенціи, подразумѣваются также архитектурныя произведенія».

Бернская конвенція не защищаетъ архитектурныхъ произведеній, противъ чего особенно возсталъ Мадридскій конгрессъ, говоря: «...авторъ оригинальнаго архитектурнаго произведенія долженъ имѣть *исключительное* право дозволять воспроизведеніе такового посредствомъ рисованія или фотографіи. Впрочемъ, архитекторъ не можетъ запретить воспроизведеніе

[20]) См. германскій законъ 11 Іюня 1870 года, ст. 43.—Австрійскій отъ 19 октября 1846 года, ст. 4 — Венгерскій 26 Апрѣля 1884 года, ст. 67. — Датскій 31 Марта 1864 года, ст. 4—Шведскій 10 Августа 1877 года, ст. 1.—*Россія*, законы гражд. прил. къ ст. 420, ст. 37.

[21]) Франція—Германія 19 Апрѣля 1883 г.—Италія—Франція 9 іюля 1884 г.

внѣшняго вида построеннаго имъ зданія на такихъ рисункахъ, гдѣ изображается общій видъ какой-нибудь мѣстности и гдѣ его зданіе является только аксессуаромъ» [22]).

396.—Переходя къ опредѣленію понятія контрафакціи, мы должны будемъ повторить то, что мы уже говорили по поводу контрафакціи литературной. Контрафакціей художественною должно считать всякое дѣйствіе, которое нарушаетъ одинъ изъ двухъ элементовъ авторскаго права: личный или имущественный. Здѣсь, какъ и всегда, могутъ встрѣтиться извѣстнаго рода частные случаи, могущіе представить нѣкоторое затрудненіе. Прежде всего отмѣтимъ слѣдующее.

Составляетъ ли нарушеніе авторскаго права поступокъ того, кто воспроизводитъ опредѣленное произведеніе искусствъ линеарныхъ (на плоскости) — посредствомъ скульптуры, или наоборотъ? Вопросъ этотъ рѣшался различно и различно рѣшается даже теперь.

Прежде всего мы должны отмѣтить, что всѣ послѣдующія разсужденія не должны быть разсматриваемы, какъ рѣшающія вопросъ окончательно: мы хотѣли бы только показать, что вопросъ о контрафакціи художественной настолько же не рѣшается a priori, на сколько мы это увидимъ ниже, по вопросу о контрафакціи музыкальной. Всякаго рода художественное и музыкальное воспроизведеніе можетъ дать въ результатѣ *самостоятельное* произведеніе искусства [23]) — мы хотимъ только указать, что нѣкоторые роды воспроизведенія *чаще*, а другіе— *рѣже*, приводятъ къ подобному результату. Вопросъ о «перенесеніи произведенія изъ области искусствъ линеарныхъ въ область пластическихъ» мы считаемъ также подчиненнымъ общему правилу; дальше же мы постараемся только выяснить, къ какому результату, по нашему мнѣнію, *обыкновенно* приводитъ это «перенесеніе». Мы хотѣли только провѣрить мнѣніе тѣхъ юристовъ, которые считаютъ, что при такомъ «перене-

---

[22]) Барселонскій конгрессъ, согласно программѣ его, помѣщенной въ Droit d'auteur 1893 г. (см. p. 76), будетъ обсуждать вопросъ о защитѣ архитектурныхъ произведеній (см. V докладъ изъ назначенныхъ къ слушанію).

[23]) Авторъ такового, какъ самостоятельный творецъ, не можетъ быть обвиненъ въ контрафакціи.

сеніи» *всегда* получается новое произведеніе (оригинальное) и что, такимъ образомъ, это перенесеніе *всегда* должно быть дозволено.

397.—Такъ, Rénouard говоритъ: «Въ виду того, что законъ безусловно запрещаетъ граверу копировать рисовальщика или художника,—невозможно разрѣшить, не идя въ разрѣзъ духу законодательства, чтобы рисовальщикъ копировалъ гравюру, чтобы художникъ вопроизводилъ твореніе гравера или рисовальщика.

«Но мы, конечно, позволимъ, чтобы скульпторъ копировалъ художника, а художникъ—скульптора. Эти искусства слишкомъ различаются другъ отъ друга по характеру композиціи, по результатамъ, по производимому эффекту, по требуемому отъ художника таланту — чтобы они могли мѣшать одно другому въ денежномъ или художественномъ отношеніяхъ. Однако, скульптору не будетъ дозволено копировать скульптора же» [24]).

Такимъ образомъ, Rénouard строго проводитъ границу между искусствами линеарными и пластическими и заявляетъ, что перенесеніе изъ одной области въ другую составляетъ самостоятельную артистическую дѣятельность, а перенесенный сюжетъ—оригинальное произведеніе искусства. Разсмотримъ подробнѣе его аргументацію.

«Эти искусства слишкомъ отличаются другъ отъ друга»—говоритъ Rénouard. Мы думаемъ, что взглядъ этотъ не вполнѣ справедливъ. Ни одинъ эстетикъ не раздѣлялъ до сихъ поръ искусства больше, чѣмъ какъ на три группы: искусства словесныя, выражающія художественную концепцію въ словахъ; музыкальныя—въ звукахъ; изобразительныя—изображающія ее въ формахъ, воспринимаемыхъ зрѣніемъ. Всякое произведеніе искусствъ изобразительныхъ дѣйствуетъ на ретину человѣческаго глаза—будь оно выражено на плоскости или въ пространствѣ. Какъ скульпторъ, такъ и художникъ заботятся, слѣдовательно, объ одной и той же цѣли: о томъ, чтобы подѣйствовать на воображеніе только черезъ посредство зрѣнія: а, слѣдовательно, и способы, употребляемые ими, не могутъ существенно раз-

[24]) op. cit. v. II p. 88—89.

ниться. Всѣ законы уже давно признаютъ наказуемыми дѣйствія того человѣка, который передѣлываетъ для сцены чужой романъ, не испросивши на то предварительнаго разрѣшенія у автора оригинала. Подобная «драматизація», очевидно, мало чѣмъ отличается отъ того перенесенія, о которомъ мы теперь говоримъ: оба дѣйствія требуютъ извѣстнаго количества самостоятельной работы [25])—но, въ большинствѣ случаевъ, они, всетаки, не могутъ быть дозволены—ибо то дѣленіе искусствъ на линеарныя и пластическія и то предполагаемое коренное между ними различіе, которое совершенно произвольно проводитъ Rénouard,—не оправдывается дѣйствительностью. Мы думаемъ, что этому юристу было бы трудно указать, въ чемъ, собственно, отличается статуя отъ картины «по производимому эффекту».

«По требуемому отъ художника таланту»—говоритъ далѣе Rénouard и, по нашему мнѣнію, дѣлаетъ уже совсѣмъ грубую ошибку, понимая подъ словомъ «талантъ» тѣ механическіе пріемы, которые, дѣйствительно, различны для скульптора или художника. Между тѣмъ, то, что Rénouard долженъ былъ бы понимать подъ словомъ «талантъ» (т. е. артистическая дѣятельность)—совершенно схожи какъ при созданіи картины, такъ и статуи. Свою конценцію художникъ въ обоихъ случаяхъ выражаетъ въ образахъ, воспринимаемыхъ зрѣніемъ—а вопросъ о томъ, употребляетъ ли онъ для этого рѣзецъ или кисть—конечно, второстепенный.

Наконецъ, послѣдній доводъ Rénouard'а заключается въ томъ, что произведенія искусствъ линеарныхъ и пластическихъ не могутъ «мѣшать одно другому въ денежномъ или художественномъ отношеніяхъ». Послѣднее совершенно справедливо, но первое еще требуетъ доказательства. Скульпторъ, создающій статую, не можетъ найти покупателей для повтореній той же самой статуи, ибо произведенія искусствъ изобразительныхъ (пластическихъ—въ особенности) покупаются обыкновенно какъ unicum, и имѣютъ цѣну только какъ таковое.

---

[25]) Ср. Vaunois, diss. in. p. 310

398.—Громадная разница между произведеніями литературы и произведеніями художественными заключается, между прочимъ, въ томъ, что воспроизведеніе оригинала *въ той же формѣ* является единственнымъ источникомъ дохода для литератора и побочнымъ—для художника. Воспроизведеніе (копія) литературнаго произведенія передаетъ совершенно точнымъ образомъ всѣ достоинства и недостатки оригинала [26]). Копія литературная *ничѣмъ* не отличается отъ оригинала—и это чрезвычайно важно въ томъ отношеніи, что оригиналъ, *какъ таковой*, не находитъ покупателей: въ оригиналѣ покупаютъ или право исключительнаго воспроизведенія, или автографъ, но не литературное произведеніе. Повторяемъ: литературныя достоинства автографа и печатной копіи совершенно одинаковы; а затѣмъ вопросъ: какъ исполнена копія (въ техническомъ отношеніи)—представляется для литературнаго значенія даннаго сочиненія совершенно безразличнымъ.

Совсѣмъ иначе нужно смотрѣть на дѣло, когда мы обращаемся къ произведеніямъ изобразительнымъ. Въ этой области копія всегда неизмѣримо ниже (по достоинству)—чѣмъ оригиналъ (если иногда говорятъ, что такая-то копія равна или выше по художественному достоинству, чѣмъ оригиналъ—значитъ мы имѣемъ дѣло уже не съ копіей, а съ новымъ *оригинальнымъ* художественнымъ произведеніемъ). Это положеніе совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ самаго понятія о художественномъ произведеніи. Художникъ или скульпторъ—воплощаютъ ту идею, которая носится передъ ними. Это воплощеніе, эта форма соотвѣтствуетъ тому настроенію художника, которое овладѣвало имъ въ моментъ созданія произведенія—слѣдовательно, какъ нельзя вернуться къ минувшему моменту, къ минувшему настроенію—такъ нельзя вернуться (воспроизвести) и къ прежней формѣ, отраженію прежняго настроенія; невозможно даже для творца оригинала, не говоря уже о лицахъ постороннихъ. Копія, взятая само по себѣ, можетъ быть великолѣпнымъ произведеніемъ искусства—но замѣнить оригинала она никогда не можетъ.

---

[26]) То же можно сказать и о произведеніяхъ музыкальныхъ.

Итакъ, произведенія однихъ искусствъ (литературы и музыки) остаются равноцѣнными въ своихъ копіяхъ. произведенія же другихъ (живопись, скульптура)—повторены въ первоначальномъ видѣ быть не могутъ. Поэтому, было бы прямо несогласно съ логикой давать скульпторамъ только такое право, которымъ они воспользоваться почти что не могутъ (право исключительнаго воспроизведенія *только въ той же художественной формѣ*).

399.—Вотъ почему уже съ давнихъ поръ признано за авторами, напримѣръ, скульптурныхъ произведеній—право воспроизводить ихъ не только въ пластической же формѣ, но еще и—какъ необходимая часть ихъ авторскаго права—въ формѣ линеарной. Торвальдсенъ создалъ своего знаменитаго «Льва» по заказу швейцарскаго правительства. Очевидно, что никому никогда не могла бы понадобиться копія этого льва въ той же (скульптурной) формѣ, и мы были бы свидѣтелями, какъ величайшій изъ скульпторовъ не могъ бы извлечь никакой выгоды изъ своего лучшаго произведенія. Вотъ почему признано почти всѣми законодательствами исключительное право скульптора издавать и распространять фотографіи, гравюры и т. п. копіи (на плоскости) своего скульптурнаго произведенія.

А разъ логика требуетъ, чтобы скульпторъ имѣлъ право воспроизведенія и на плоскости, всякія «перенесенія», исполняемыя третьими лицами, должны быть признаны контрафакціей. «Я не могу признать правильною эту теорію (т. е. теоріи свободы «перенесеній»),—говоритъ Pouillet [27]): авторъ имѣетъ право воспроизведенія той формы, въ которую онъ облекъ свою концепцію (опредѣленное дѣйствіе или нѣкоторую идею); поэтому, въ теченіе срока, опредѣленнаго закономъ, онъ долженъ имѣть исключительное право эксплуатировать эту форму какимъ бы то ни было способомъ».

400.—Изъ позднѣйшихъ авторовъ, теорію Rénouard'a защищаетъ отчасти только Gastambide. Но и этотъ авторъ не рѣшаетъ провести ее во всей полнотѣ. Вообще—онъ признаетъ [28]),

---

[27]) op. cit. p. 459.

[28]) op. cit. pp. 299—306.

что воспроизведеніе картины скульпторомъ не составляетъ контрафакціи,—тогда какъ воспроизведеніе статуи въ гравюрѣ есть контрафакція. Противъ этого, конечно, можно возразить указывая, прежде всего на нелогичность подобнаго дѣленія: въ добавокъ ко всему, согласно теоріи Gastambide'a можно воспроизводить статую красками, и нельзя—гравюрой. По совершенно справедливому замѣчанію Vaunois [29])—«если воспроизведеніе рельефа посредствомъ линій на плоскости составляетъ контрафакцію—непонятно, какимъ образомъ краски, прибавленныя къ линіямъ уничтожатъ преступленіе».

Вообще, кажется, различіе, принятое Gastambide не поддается никакому объясненію. Неужели можно доказать, что для перенесенія картины въ пластическую форму—копирующій долженъ проявить больше артистической дѣятельности, чѣмъ при перенесеніи статуи на плоскость?—на столько больше, что первый вовсе не считается виновнымъ въ контрафакціи, тогда какъ второй подвергается наказанію во всей силѣ. Да развѣ это количество артистической дѣятельности можетъ быть измѣрено въ такихъ подробностяхъ, какъ это хочетъ сдѣлать Gastambide?

Принявъ подобную теорію, Gastambide совершенно запутывается въ выводахъ изъ нея; онъ говоритъ [30]): «однако, подобное перенесеніе картины въ пластическую форму можетъ быть иногда признано контрафакціей, въ виду могущихъ случиться особыхъ обстоятельствъ, когда подобная копія будетъ уменьшать сбытъ произведеній автора оригинала. Напримѣръ, если подобное скульптурное воспроизведеніе будетъ уменьшать сбытъ тѣхъ гравюръ, которыя продаетъ художникъ; или если скульпторъ воспроизведетъ въ видѣ барельефа тѣхъ же размѣровъ—литографированный или гравированный портретъ или какой-нибудь другой сюжетъ, для котораго барельефъ составитъ очевидную конкурренцію (?)».

Подобное разсужденіе нужно признать вполнѣ произвольнымъ. Одно изъ двухъ: или принять, что воспроизведенія въ

[29]) op. cit. p. 307.
[30]) op. cit. p. 305.

пластической формѣ не могутъ причинять матеріальнаго убытка автору произведенія линеарнаго (и тогда ни о какихъ барельефахъ не можетъ быть и рѣчи)—или, что скульптурныя воспроизведенія могутъ причинить таковой убытокъ. Но въ послѣднемъ случаѣ нельзя уже будетъ дѣлать различія между барельефами, горельефами и т. п. Изъ вышеприведенной цитаты видно, что Gastambide просто-на-просто считаетъ контрафакціей воспроизведеніе рисунковъ и гравюръ въ барельфахъ, и считаетъ дозволеннымъ въ hauts—рельефахъ. Нелогичность подобной теоріи автора очевидна: какую границу можно провести между барельефами и hauts-рельефами? И развѣ для выполненія hauts-рельефа нужно большее количество артистической дѣятельности, чѣмъ для барельфа?

Есть у цитируемаго юриста еще одно мѣсто, въ которомъ онъ самъ себя побиваетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ—но я боюсь утомить читателей (см. ibidl. pp. 305—305).

401.—Такимъ образомъ, мы видимъ, что ни одно разграниченіе, устанавливаемое противниками защищаемой нами теоріи, не выдерживаетъ критики. Calmels, напримѣръ, говоритъ [31]): «Можетъ случиться иногда, что воспроизведеніе картинъ въ видѣ скульптурнаго произведенія можетъ нарушить личныя права автора. Въ такомъ случаѣ онъ можетъ вчинать искъ на основаніи ст. 1382 [32]),—но дальше не можетъ простираться его право». На это можно замѣтить, что, во-первыхъ, нигдѣ не доказано, чтобы скульптурныя воспроизведенія картинъ не приносили имущественнаго убытка художнику; а, во-вторыхъ, что нигдѣ точно также не доказано, что для обвиненія въ контрафакціи необходимо доказать существованіе имущественнаго ущерба автору, и что оскорбленіе однихъ только личныхъ его правъ не составляетъ уже контрафакціи.

402.—Итакъ, резюмируя все вышесказанное, мы можемъ привести слѣдующія соображенія въ пользу того, что всякое «перенесеніе» художественнаго произведенія изъ области пластики на плоскость и обратно—составляетъ контрафакцію.

---

[31]) op. cit. p. 657.

[32]) т. е. требовать возмѣщенія убытковъ.

Всякій артистъ имѣетъ авторское право на свое произведеніе, но это право распространяется не на краски или формы мрамора, а на тотъ способъ, вообще, какъ разработана опредѣленная артистическая концепція. Артистъ обработалъ данную концепцію извѣстнымъ образомъ—никто не можетъ заимствовать у него этотъ образъ обработки, заключающійся въ расположеніи лицъ или предметовъ, въ ихъ группировкѣ, въ желаніи повліять на зрителя опредѣленной комбинаціей линій. Художникъ имѣетъ авторское право на извѣстное цѣлое, которое выражается опредѣленнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на наше зрѣніе; *способъ*, которымъ достигнутъ такой результатъ, является второстепеннымъ элементомъ. Мы имѣемъ полное право обвинить въ контрафакціи всякаго, кто заимствуетъ у другого идеи, манеру понимать сюжетъ, кто беретъ у другого художественную—мысль и все свое творчество сводитъ къ тому только, чтобы отыскать новый способъ для выраженія той же мысли. Разбираемое «перенесеніе», по нашему мнѣнію, представляетъ полную аналогію литературныхъ переводовъ [33]).

Точно такого же мнѣнія придерживается большинство современныхъ юристовъ. Такъ, мы указали выше мнѣніе Pouillet (см. § 399). Wächter [34]) говоритъ, между прочимъ, что достаточно вникнуть въ сущность художественныхъ произведеній, для того, чтобы понять, что фотографія несомнѣнно передаетъ все, что ни есть наиболѣе цѣннаго, напримѣръ, въ барельефѣ [35]).

Klostermann въ принципѣ также признаетъ подобныя перенесенія контрафакціей [36])—но указываетъ (совершенно, конечно, справедливо) что перенесенія такія очень рѣдко случаются на практикѣ—въ особенности, воспроизведеніе картинъ въ пластической формѣ. Подобное замѣчаніе, какъ бы оно ни было справедливо, конечно, не измѣняетъ сущности дѣла [37]).

403.—Переходя къ дѣйствующимъ законодательствамъ, мы

---

[33]) Ср. Vaunois, op. cit. p. 310.

[34]) Verlagsrecht, s. 582.

[35]) Geist. Eigenthum, s. 389.

[36]) ср. того же автора Urheberrecht, s. 194—198.

[37]) ср. Harum, op. cit. s. 209—Friedländer, op. cit. s. 55—Blanc, op. cit. p. 304.

должны замѣтить, что громадное большинство изъ нихъ обходитъ данный вопросъ, не смотря на всю его важность, полнымъ молчаніемъ, которое, конечно, можно толковать и въ ту, и въ другую сторону.

Затѣмъ, только Австрія, Германія, Италія, Норвегія и Россія упоминаютъ въ своихъ законодательствахъ о «перенесеніи художественнаго произведенія изъ одной области въ другую»—и надо замѣтить, только одна Италія дѣлаетъ это упоминаніе въ смыслѣ признанія такого перенесенія за контрафакцію—всѣ же остальныя государства постановляютъ въ смыслѣ противоположномъ. Впрочемъ, даже въ Италіи, такое право «перенесенія» защищается только наравнѣ съ правомъ исключительнаго перевода, т. е. въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ.

Изъ всего этого видно, какъ еще много остается сдѣлать въ этомъ направленіи почти всѣмъ государствамъ, какъ еще далека практика отъ того желанія, которое было выражено парижскимъ конгрессомъ 1889 года:

«Необходимо признать контрафакціей всякія воспроизведенія и подражанія, передающія произведенія искусства—посредствомъ иного процесса и матеріаловъ, чѣмъ тѣ, которые употреблены были для изданія оригинала» [38]).

404.—Дальнѣйшимъ развитіемъ вопроса о «перенесеніяхъ» произведеній искусствъ изобразительныхъ будетъ слѣдующій: «составляетъ ли контрафакцію воспроизведеніе этихъ произведеній въ промышленности?» — Нѣкоторые юристы [39]) отвѣчаютъ отрицательно. Мы не будемъ долго останавливаться на разборѣ ихъ положеній. Въ самомъ дѣлѣ, несостоятельность этой теоріи станетъ ясною уже изъ тѣхъ положеній, которыя мы привели выше (см. § 387) въ доказательство невозможности дѣлить произведенія на 2 категоріи сообразно съ ихъ назначеніемъ. Скульпторъ можетъ считать свои права нарушенными какъ тогда, когда воспроизведеніе его статуэтки будетъ продаваться вмѣстѣ съ часами, такъ и тогда, когда

[38]) Congrès artistique de Paris 1889, voeu VII.

[39]) Rénouard, Gastambide, Hélie et Chaveau, отчасти Wächter.

оно будетъ продаваться отдѣльно. Художникъ одинаково можетъ обвинить въ контрафакціи того, кто воспроизводитъ его картину на бумагѣ,—или на фарфоровой тарелкѣ.

Въ разбираемомъ вопросѣ особенно ярко выступаетъ нарушеніе элемента личнаго и особенно рельефно выяснено это положеніе у Pouillet, который говоритъ [40]) по этому поводу, что невозможно отказать автору въ правѣ запретить, чтобы его лелѣянное, всхоленное созданіе, отраженіе существующаго въ его душѣ идеала—было употреблено на украшеніе часовъ или другаго предмета изъ хозяйственной утвари. Большинство юристовъ признаютъ контрафакторомъ того, кто устраиваетъ шарманку, играющую пьесу извѣстнаго еще не умершаго композитора,—какимъ образомъ будетъ дозволено воспроизведеніе картинъ на обояхъ, а статуй — на колонкахъ буфетовъ [41])?

Именно въ силу существованія этого личнаго элемента, который безспорно заключается въ той суммѣ правъ, которую мы обыкновенно называемъ коротко «авторское право» — необходимо признать, что всякое искаженіе произведенія искусства есть контрафакція;—воспроизведеніе же въ промышленности есть, очевидно, не что иное, какъ искаженіе оригинала, автору котораго, такимъ образомъ, конечно, принадлежитъ право запретить появленіе подобныхъ искаженій—право настолько очевидное, что его не могутъ поколебать никакія соображенія о покровительствѣ промышленности и т. п.

Изъ дѣйствующихъ законодательствъ очень немногія упоминаютъ о перенесеніи въ область промышленную; отмѣтимъ изъ нихъ: Австрію [42]), Данію [43]), Мексику [44]), Норвегію [45]),

---

[40]) op. cit. 409.

[41]) Мнѣ помнится, какъ обидно мнѣ разъ было увидѣть одно изъ оконъ Парижскаго Лувра сплошь заваленнымъ какими-то салфеточками съ вытканными топорными фигурами и съ надписью: «Antimacassars (?), grande nouveauté—avec fac-simile du célèbre «Angelus» de Meissonier». А что бы почувствовалъ самъ художникъ?

[42]) Законъ 19 Октября 1846 года, ст. 9.

[43]) » 31 Марта 1864 года, ст. 6.

[44]) Гражд. улож. 1871 г. ст. 1322.

[45]) Законъ 12 Мая 1877 г. ст. 11.

Швецію [46]), и Россію—которыя всѣ разрѣшаютъ воспроизведеніе произведеній искусства въ промышленныхъ предметахъ. Только Германія [47]) и Венгрія [48]) запрещаютъ подобное перенесеніе. Здѣсь мы опять видимъ разницу между практикой и теоретическимъ «voeu», выраженнымъ парижскимъ конгрессомъ, заявившимъ:

«Должно быть признано контрафакціей воспроизведеніе въ промышленности художественнаго произведенія».

405.—Такимъ образомъ, мы разсмотрѣли главнѣйшіе вопросы о контрафакціи, по отношенію къ которымъ существуетъ разногласіе юристовъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ контрафакція является настолько опредѣленно-выясненною, что никакого сомнѣнія о наказуемости дѣйствія не можетъ и быть. Мы укажемъ вкратцѣ только на слѣдующіе три незначительные въ сущности, но, всетаки, интересные случая.

I. Прежде всего, вопросъ о томъ, составляютъ ли контрафакцію *единичныя копіи отъ руки*?

Подобныя копіи очевидно, составляютъ контрафакцію уже по той причинѣ, что онѣ приносятъ автору оригинала матеріальный убытокъ; «оригинальная картина будетъ стоить, конечно, гораздо меньше, если первому встрѣчному контрафактору будетъ дозволено распространять безчисленныя ея копіи, хотя бы и отъ руки»—говоритъ Gastambide [49]). Однако, замѣтимъ, что подобныя копіи, какъ и всякое другое воспроизведеніе, приносятъ автору оригинала убытокъ только въ томъ случаѣ, если онѣ предназначаются для продажи, или, вообще, для распространенія [50]). Какъ и всякое, поэтому, воспроизведеніе—копіи отъ руки не могутъ быть признаны контрафакціей, если онѣ сдѣланы для личнаго употребленія автора (напр.,

---

[46]) Законъ 3 Мая 1867, ст. 4.

[47]) » 9 Января 1876, ст. 5.

[48]) » 26 Апрѣля 1884, ст. 61.

[49]) op cit. p. 294.

[50]) Панкевичъ, op. cit. стр. 55: «Было бы цѣлесообразнѣе запретить не продажу только, а, вообще, распространеніе копій, такъ какъ авторъ можетъ потерпѣть убытокъ даже тогда, когда копія не доставила никакой денежной выгоды контрафактору».

копіи учащихся, лишь бы они не торговали ими). Того же мнѣнія придерживается, напримѣръ, и Wächter [51]).

Постановленіе вполнѣ согласующееся съ тѣмъ взглядомъ, который только что нами установленъ относительно копій отъ руки — заключается, напримѣръ, въ ст. 6-ой германскаго закона отъ 9 Января 1876 года.

406. — II. Во-вторыхъ, мы должны разсмотрѣть вопросъ о произведеніяхъ искусствъ изобразительныхъ, *дѣлаемыхъ на заказъ*. Здѣсь мы должны различать два случая.

Или произведеніе заказывается съ такимъ разсчетомъ, что исполняющій заранѣе отказывается отъ какого бы то ни было авторскаго права—отказывается въ пользу заказчика. Такимъ образомъ случается очень часто, что не только въ области промышленности, но прямо въ области «чистаго искусства» — пріобрѣвшій знаменитость художникъ устраиваетъ свою мастерскую на началахъ не очень честныхъ, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ законныхъ: онъ дѣлаетъ маленькимъ художникамъ заказы и затѣмъ пускаетъ ихъ произведенія (съ ихъ согласія и вѣдома) подъ своимъ именемъ. Относительно такихъ произведеній—Rénouard считаетъ необходимымъ признавать авторомъ произведенія [52]) не заказчика, а фактическаго автора. Мы думаемъ, что подобное мнѣніе не вполнѣ справедливо, ибо, всетаки, должно придерживаться того основного принципа, который гласитъ, что договоръ есть законъ для договаривающихся. Если авторъ (фактическій) самъ отказывается (за опредѣленное вознагражденіе) отъ всякаго авторскаго права (даже въ его личномъ элементѣ) въ пользу заказчика—невозможно, чтобы законъ вмѣшивался въ ихъ отношенія и нарушалъ ихъ договоръ, въ сущности, вполнѣ законный. Да, наконецъ, кто и какъ будетъ провѣрять,—дѣйствительно ли произведеніе создано тѣмъ, кто подъ нимъ росписался. Законъ, по необходимости, долженъ въ подобныхъ случаяхъ считать авторомъ произведенія — того, кто беретъ на себя отвѣтственность за издаваемый трудъ, кто подписывается подъ нимъ своимъ име-

[51]) Wächter, Urheberrecht, s. 179.

[52]) Вопросъ важенъ, напримѣръ, для опредѣленія продолжительности защиты, которая, какъ извѣстно, зависитъ отъ продолжительности жизни автора.

немъ. Такого же мнѣнія придерживаются, напримѣръ, Pouillet [53]) и Vaunois [54]). Послѣдній доказываетъ свое положеніе удачнымъ примѣромъ изъ англійской практики.

Итакъ, авторомъ произведенія искусствъ считается тотъ, кто его создалъ, или тотъ, кто съ согласія лица, создавшаго произведеніе—это произведеніе подписалъ.

Но можетъ быть еще иной случай заказа произведенія: можно заказать скульптору исполненіе статуи на извѣстный сюжетъ, или художнику — заказать опредѣленную картину. Мы думаемъ, что въ подобномъ случаѣ, вопросъ объ авторскомъ правѣ не можетъ составить никакого затрудненія. Въ самомъ дѣлѣ, въ произведеніи искусства (пластическаго, въ особенности) нужно строго различать матеріальный предметъ и объектъ авторскаго права. Уступка перваго не влечетъ уступку второго—и обратно. Поэтому, и при заказѣ—лицо, заказывающее произведеніе искусства, получаетъ на него право воспроизведенія только въ томъ случаѣ, если заказчикъ оговариваетъ въ особомъ договорѣ пріобрѣтеніе какъ матеріальнаго предмета, такъ и права его воспроизведенія. Кромѣ того, заказчикъ всегда будетъ имѣть право воспроизведенія только производное.

407.—III. Но общее правило, изложенное въ предъидущемъ параграфѣ, должно быть ограничено въ слѣдующемъ случаѣ: художникъ или скульпторъ, дѣлающій портретъ какого-нибудь человѣка, — не можетъ распространять эти портреты иначе, какъ *съ дозволенія того лица*, съ кого снятъ портретъ. Правило это принято всѣми юристами [55]) и многими законодательствами—ибо оно очевидно вытекаетъ изъ личныхъ правъ фотографируемаго или срисовываемаго лица. «Мы признаемъ

---

[53]) op. cit. p. 111.

[54]) op. cit. p. 300.

[55]) Извѣстный итальянскій юристъ Rosmini помѣстилъ въ Droit d'auteur 1893 года (№ 1) довольно большую статью, въ которой онъ доказываетъ, что продажа чужихъ портретовъ безъ дозволенія изображеннаго лица должна быть дозволена въ тѣхъ случаяхъ, когда она производится sine animo laedendi. На это можно возразить, что очень часто самый фактъ вольной продажи кому-угодно составляетъ тяжкое оскорбленіе. Да наконецъ, неизвѣстно, на что употребятъ портретъ покупатели.

безусловно, что для какой-нибудь, напримѣръ, дамы можетъ быть очень непріятнымъ, еслибы ея портретъ могъ быть продаваемъ безъ ея дозволенія—всякому, кто захочетъ купить таковой» [56]).

Относительно дѣйствующихъ законодательствъ, мы можемъ указать, что главнѣйшія, изъ нихъ рѣшаютъ вопросъ относительно заказныхъ произведеній совершенно такъ же, какъ мы его рѣшили въ § 406. Таковы законодательство германское [57]), бельгійское [58]), датское [59]), испанское [60]), венгерское [61]), итальянское [62]), норвежское [63]), шведское [64]), швейцарское [65]) и друг.

Не разрѣшаютъ воспроизведенія портретовъ безъ дозволенія изображеннаго на нихъ лица—законодательства германское [66]), венгерское [67]), норвежское [63]), швейцарское [65]), русское и нѣкоторыя другія.

---

[56]) Wächter, Urheberrecht, s. 76—Ср. Pouillet, op. cit. p. 181.
[57]) законъ 9 Января 1876 г., ст. 8.
[58]) законъ 22 Марта 1886 г., ст. 19. См. интересную ст. 20.
[59]) законъ 31 Марта 1864 г., ст. 5.
[60]) законъ 10 Января 1879 г., ст. 9.
[61]) законъ 26 Апрѣля 1884 г., ст. 64.
[62]) законъ 18 Мая 1882 г., ст. 18.
[63]) законъ 12 Мая 1877 г., ст. 6.
[64]) законъ 3 Мая 1867 г., ст. 3.
[65]) законъ 23 Апрѣля 1883 г., ст. 5.
[66]) законъ 9 Января 1876 г., ст. 8.
[67]) законъ 26 Апрѣля 1884 г., ст. 64.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Защита произведеній музыкальныхъ.

408. — Музыкальныя произведенія суть тѣ, которыя воспроизводятъ *звучащій образъ*, возникшій въ воображеніи артиста. Такое произведеніе можетъ быть или не быть облечено въ форму, воспринимаемую зрѣніемъ. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть музыкальное сочиненіе, т. е. выраженіе звучащаго образа посредствомъ условно-символическихъ знаковъ [1]; — а во второмъ—музыкальную импровизацію, на бумагу авторомъ не занесенную.

Во всякомъ музыкальномъ произведеніи нужно различать, во первыхъ, мелодію, а во вторыхъ—форму, въ которой эта мелодія (содержаніе) выражено. При этомъ, собственно терминъ «мелодія» заключаетъ въ себѣ—по указаніямъ, которыя мнѣ удалось найти, но за точность коихъ не ручаюсь—мелодію въ тѣсномъ смыслѣ и такъ называемую кантилену [2]. Я думаю, что подобное подраздѣленіе имѣетъ смыслъ только въ спеціально-музыкальныхъ вопросахъ и не представляетъ значенія для рѣшенія того вопроса, который мы себѣ поставили: опредѣлить, при какихъ условіяхъ музыкальное произведеніе можетъ быть объектомъ авторскаго права. Кантилена или мелодія,—развитая или не развитая музыкальная мысль, субъективно-характеристическая или нѣтъ — мы

[1]) Ср. Панкевичъ, op. cit. стр. 35.

[2]) Ср. докторъ Vischer, Aestik oder Wissenschaft des Schönen, s. 914. Stuttgart. 1857.

думаемъ, что при рѣшеніи юридическихъ вопросовъ, всякая мелодія должна встать въ одну общую группу, которой противоположнымъ понятіемъ будетъ — форма передачи. Итакъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ разсматривать во всякомъ музыкальномъ произведеніи: 1) мелодію, или содержаніе его; 2) обработку этой мелодіи, или его внѣшнюю форму.

409.—Уже изъ сказаннаго нельзя не подмѣтить большаго сходства, съ которымъ долженъ считаться юристъ, разбирающій данный вопросъ, именно сходства между произведеніями литературными и музыкальными. «Ноты—говоритъ Friedländer [3]) —суть суррогатъ буквъ, связь тоновъ есть языкъ, содержаніе обоихъ—мысли» [4]). Вообще мы уже говорили о томъ, что, собственно, должно быть признано объектомъ авторскаго права въ области литературы, и выяснили, что ни идеи (содержаніе) взятыя отдѣльно отъ формы, ни форма отдѣльно отъ идеи—такимъ объектомъ быть не можетъ; таковымъ можетъ быть признано только сочиненіе въ его цѣломъ, сочиненіе, какъ собраніе идей, облеченныхъ въ извѣстную форму. Попробуемъ показать, что всѣ эти положенія буквально примѣняются и къ произведеніямъ музыкальнымъ.

Подобно основной идеѣ литературнаго произведенія—мелодія не можетъ быть объектомъ частнаго права; прежде всего, конечно, потому, что музыкальная первичная мысль, не развитая композиторомъ, представляетъ изъ себя сочетаніе двухъ, — трехъ, — четырехъ нотъ, основанныхъ на извѣстной группировкѣ отдѣльныхъ звуковъ извѣстнаго аккорда, изъ которыхъ каждый давнимъ-давно уже разработанъ и составляетъ безспорное общественное достояніе. Наконецъ, уже изъ самой сущности авторскаго права вытекаетъ невозможность признать его объектомъ—музыкальную мысль, которая, сама по себѣ, не можетъ быть предметомъ эксплуатаціи и дохода для композитора.

Подобно тому какъ литераторъ развиваетъ основную мысль

---

[3]) Das einheimische etc., s. 35.

[4]) Опредѣленіе это (какъ замѣчаетъ Klostermann, Geist. Eig. s. 172) принадлежитъ, можетъ быть, скорѣе къ разряду «поэтическихъ», чѣмъ юридическихъ; но, всетаки, оно, въ извѣстной степени, поясняетъ нашу мысль.

своего сочиненія послѣдовательнымъ ходомъ размышленій, расположенныхъ въ опредѣленномъ, строго-логическомъ порядкѣ,—такъ точно и композиторъ развиваетъ свою основную мысль, основную мелодію въ опредѣленномъ сочетаніи звуковъ и ритмически-построенномъ повтореніи темы въ разнообразныхъ видахъ. Это развитіе мы и называемъ формой, въ которую вмѣщено содержаніе произведенія. Очень многіе юристы [5]) проводятъ теорію «формы, какъ объекта авторскаго права». По отношенію къ произведеніямъ музыкальнымъ намъ будетъ особенно легко выяснить несостоятельность этой теоріи, отдѣляющей форму отъ идей и говорящей: «эта-то форма, взятая сама по себѣ, и составляетъ объектъ авторскаго права».

Мы сказали уже выше, что въ области литературы мы окончательно отказываемся понять форму произведенія независимо отъ его содержанія. Будетъ ли это дѣломъ болѣе легкимъ въ области *музыки*? Многіе композиторы, обрабатывая свои произведенія вносили нѣкоторые новые, неупотреблявшіеся до тѣхъ поръ пріемы. Напримѣръ: 1) относительно ритма — Ховенъ первый употреблялъ размѣръ въ $^5/_4$ («Der Gesang der Seejungfern»), которому впослѣдствіи подражалъ и Глинка (хоръ дѣвушекъ изъ оп. «Жизнь за царя»);—Шуманъ—размѣръ въ $^6/_4$ (а не восьмыхъ) съ своемъ «Waldesgespräch». 2) Относительно оркестровки—Мейерберъ первый ввелъ въ оперную оркестровку офиклеидъ («Робертъ-Дьяволъ»); Веберъ—низкіе тоны кларнета, какъ характеристику волшебнаго элемента (Увертюра «Фрейшютцъ») и онъ же для той же цѣли литавры не въ чистой квинтѣ (ibidem). То же самое можно сказать о нѣкоторыхъ пріемахъ обработки сочиненій, пріемахъ, сдѣлавшихся общими мѣстами (такъ называемыя «условныя характеристики»). Сюда относятся, напримѣръ: трели пикколо для выраженія пѣнья птицъ; быстрыя хроматическія гаммы въ уменьшенной терціи духовыхъ или струнныхъ инструментовъ для подражанія завываніямъ вѣтра; быстрыя тріоли—какъ указаніе на скачущихъ лошадей и т. д.

---

[5]) Klostermann, ibid. s. 174.

Мы можемъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждать, что всѣ вышеуказанные «пріемы», сами по себѣ, не требуютъ отъ автора никакого самостоятельнаго творчества. А гдѣ нѣтъ творчества—не можетъ быть и авторскаго права. И форма, взятая отдѣльно отъ содержанія, какъ сумма подобныхъ «пріемовъ»—также объектомъ авторскаго права быть не можетъ. Творчество же является въ той дѣятельности, когда композиторъ свою ли собственную или заимствованную тему (мелодію) развиваетъ самостоятельнымъ образомъ, внося въ это развитіе бо́льшее или меньшее количество субъективнаго элемента: продуктъ такой дѣятельности и нужно признать объектомъ авторскаго права въ области музыки, и такимъ продуктомъ будетъ всякое музыкальное произведеніе, взятое въ цѣломъ.

409.—Переходя къ вопросу о контрафакціи въ области музыкальныхъ произведеній, мы считаемъ наиболѣе правильнымъ выйти изъ того же положенія, которое мы примѣняли и раньше, по вопросамъ о контрафакціи художественной, или литературной. Контрафакторомъ долженъ быть признанъ тотъ, кто нарушаетъ авторское право другого лица, въ одномъ изъ двухъ элементовъ этого права, а прежде всего—слѣдовательно—тотъ, кто своими воспроизведеніями приноситъ автору матеріальный убытокъ.

Видовъ воспроизведенія, въ особенности—косвеннаго, въ области музыки очень много (подъ самыми разными названіями: переложенія, попурри, фантазіи, транскрипціи, арранжировки и т. д.). Поэтому, мы должны уговориться: по волѣ издателя всякое переложеніе можетъ принять какое угодно названіе, въ виду неопредѣленности понятій, соотвѣтствующихъ этимъ названіямъ. Слѣдовательно, рѣшить окончательно и сказать, что, напримѣръ, *всѣ* транскрипціи составляютъ контрафакцію, а что всѣ *фантазіи* должны быть дозволеннымъ воспроизведеніемъ—невозможно. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, Klostermann говоря [6]): «...такимъ образомъ, всякія арранжировки, извлеченія и транскрипціи суть недозволенныя копіи, хотя бы онѣ были исполнены величайшимъ музыкантомъ; варіаціи же,

[6]) ibid.

фантазіи и этюды суть, наоборотъ, оригинальныя произведенія, будь они написаны даже рукой ремесленника» [7]). Мы думаемъ, что прежде всего необходимо избѣгать подобной апріорности, ибо рѣшеніе вродѣ высказаннаго Klostermann'омъ поведетъ только къ тому, что издатели будутъ печатать попурри подъ названіемъ фантазій.

По этой же причинѣ мы не будемъ останавливаться на разборѣ значенія транскрипцій,—попурри,—фантазій, а разберемъ, въ видѣ частныхъ случаевъ, только такіе виды косвеннаго воспроизведенія, которыхъ уже никакъ одни съ другими смѣшать нельзя. Изъ вопросовъ, представляющихъ извѣстное затрудненіе, мы можемъ отмѣтить, главнымъ образомъ, слѣдующіе два.

410.—Прежде всего вопросъ о всякаго рода переложеніяхъ и, такъ называемыхъ, «arrangements». Переложеніемъ мы называемо такое измѣненіе формы музыкальнаго сочиненія, посредствомъ котораго это сочиненіе, написанное для исполненія на извѣстномъ или извѣстныхъ инструментахъ [8]), приспособляется для игры на другомъ или другихъ инструментахъ. Можно различать нѣсколько градацій такихъ переложеній—начиная съ наиболѣе простой формы: переложеніе сочиненія въ другой тонъ,—и кончая наиболѣе сложной: оркестровка сольнаго произведенія.

Всякія переложенія въ другой тонъ необходимо признать безусловною контрафакціею. Этотъ родъ переложенія наиболѣе часто встрѣчается въ музыкѣ вокальной: понравившійся романсъ или арія перекладываются для другихъ голосовъ—т. е. арія, написанная, напримѣръ, для сопрано понижается на нѣсколько тоновъ для контральто, баритона, баса и т. д.; пьеса написанная для мужского хора повышается, если ее нужно исполнить хоромъ женскимъ; слишкомъ высокое соло для корнета, напримѣръ,—понижается двумя, тремя тонами. При всѣхъ такихъ передѣлкахъ подвергается соотвѣтствен-

---

[7]) «..Seien sie auch noch so stümperhaft geschrieben».

[8]) Подъ этимъ общимъ названіемъ мы подразумѣваемъ, конечно, и человѣческій голосъ.

ному пониженію или повышенію и аккомпанементъ. Несмотря на кажущуюся сложность такой работы, мы не затруднимся причислить переложенія разбираемаго рода прямо къ механическому воспроизведенію. Подобнаго рода задача не только не требуетъ никакого творчества,—но лицами привычными можетъ быть исполнена почти что механически. Доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что, напримѣръ, отъ хорошаго опернаго оркестра можно потребовать, чтобы онъ съигралъ аккомпанементъ той или другой аріи (если она написана слишкомъ высоко для пѣвца)—на полъ-тона или на цѣлый тонъ ниже, чѣмъ этотъ аккомпанементъ расписанъ въ партіяхъ.

Подобная транспонировка, слѣдовательно, не требуетъ отъ исполняющаго самостоятельной творческой работы и, слѣдовательно, составляетъ контрафакцію [9]).

411.—Слѣдующую ступень музыкальныхъ переложеній должны составить переложенія для другого инструмента (или другихъ инструментовъ). По этому поводу Wächter выражается слѣдующимъ безаппеляціоннымъ образомъ [10]): «Поэтому, транскрипція музыкальнаго произведенія для другого инструмента, для нѣсколькихъ инструментовъ или пѣнія—не можетъ быть разсматриваема, сама по себѣ, какъ оригинальное музыкальное произведеніе: такія транскрипціи въ большинствѣ случаевъ суть повторенія оригиналовъ».

Мы не можемъ согласиться съ подобнымъ безусловнымъ осужденіемъ всякихъ переложеній, именно, потому, что въ числѣ ихъ есть одинъ видъ, не подходящій подъ общее правило. Мы говоримъ о переложеніи пьесъ, написанныхъ для

---

[9]) Данный абзацъ не составляетъ никакого противорѣчія съ первымъ обзацемъ (in fine) § 409-аго. Въ самомъ дѣлѣ, матеріальный убытокъ автору оригинала можетъ принести только такое воспроизведеніе, которое, само по себѣ, не составляетъ оригинальнаго (въ юридическомъ смыслѣ) произведенія; оригинальное же новое произведеніе обязательно предполагаетъ и новый кругъ потребителей, а, слѣдовательно, источнику своему не можетъ представить конкурренціи. На основаніи такихъ соображеній, мы иногда употребляли выраженіе «составляетъ оригинальное произведеніе»—какъ синонимъ выраженія: «не составляетъ конкурренціи».

[10]) Verlagsrecht, s. 597.

одного инструмента—въ партитуру для цѣлаго оркестра. Подобное переложеніе требуетъ такъ многого отъ эстетическаго вкуса лица, исполняющаго подобную работу, что въ большинствѣ случаевъ такого рода переработку приходится признать за самостоятельное произведеніе искусства. Оркестрованіе пьесы, написанной для одного инструмента — есть большею частью переработка, требующая много знанія и вкуса. Доказывать подобныя положенія очень трудно въ краткихъ словахъ, намъ пришлось бы сдѣлать большое отступленіе со многими выписками изъ теоретическихъ курсовъ оркестровки. Вспомнимъ только одинъ примѣръ, который ясно покажетъ намъ, сколько субъективнаго элемента необходимо вносится въ оркестровку всякой пьесы: напомнимъ, именно, знаменитое сравненіе оркестровокъ ораторій Генделя, принадлежащихъ Моцарту и Мозелю.

Такимъ образомъ, переложенія для *большаго* количества инструментовъ, по нашему мнѣнію, *обыкновенно*, составляетъ оригинальное произведеніе и, слѣдовательно, не можетъ быть признано контрафакціей. Что же касается переложеній для меньшаго количества инструментовъ, то они въ большинствѣ случаевъ, сводятся къ чисто механическимъ пріемамъ, почему и должны быть признаны контрафакціей (въ томъ числѣ—клавираусцуги оперъ).

412.—Въ данномъ случаѣ мы не можемъ не обратить вниманія на одно весьма странное постановленіе австрійскаго закона 1846 года. Статья 6, с. этого закона гласитъ:

«Не считается контрафакціей и, слѣдовательно, дозволено:
«Воспроизведеніе чужого музыкальнаго сочиненія въ видѣ арранжировки для другихъ инструментовъ или для менѣе многочисленныхъ инструментовъ, чѣмъ тѣ, для коихъ изданъ оригиналъ».

По вышеуказаннымъ соображеніямъ, мы могли бы понять приведенное постановленіе, если бы вмѣсто слова *менѣе* стояло бы *болѣе*, такъ какъ по нашему мнѣнію необходимо запретить именно такія передѣлки, которыя дѣлаются для *меньшаго* количества инструментовъ, чѣмъ оригиналъ. По этому поводу

Панкевичъ замѣчаетъ [11]): «австрійскій законъ запрещаетъ (?) только арранжировки на другіе или меньшее количество инструментовъ. Принимая во вниманіе вышеизложенныя соображенія [12]), можно думать, что это не простая недомолвка, какъ полагаетъ Всекве ф. Пюттлингенъ». Мы вполнѣ бы поняли постановленіе австрійскаго закона, если бы онъ запрещалъ подобныя арранжировки, тогда какъ онъ, наоборотъ *дозволяетъ* ихъ—что легко увидѣть изъ разсмотрѣнія статьи 6 этого закона [13]). Мы положительно недоумѣваемъ, откуда Панкевичъ вывелъ совершенно противоположное толкованіе вполнѣ яснаго текста, и не можемъ не согласиться съ Vesque von Puttlingen, когда онъ говоритъ [14]): «Совершенно непонятнымъ кажется мнѣ это постановленіе австрійскаго закона о меньшемъ количествѣ инструментовъ».

413.—Мы не будемъ дальше останавливаться на разборѣ отдѣльныхъ и мелкихъ вопросовъ, вродѣ: составляютъ ли контрафакцію попурри?—составляютъ ли контрафакцію фантазіи? и т. д. Названіе, подъ которымъ издатель выпускаетъ въ свѣтъ переработку, не можетъ имѣть рѣшительно никакого значенія—судъ долженъ рѣшить (съ помощью экспертовъ, въ случаѣ надобности), можетъ ли новая переработка уменьшить сбытъ оригинала, т. е. составляетъ ли эта переработка новое произведеніе искусства. Затѣмъ, никакихъ дальнѣйшихъ отступленій отъ этого основнаго правила мы не можемъ признать правильными [15]) какъ не можемъ, напримѣръ, согласиться съ Панкевичемъ, когда онъ говоритъ [16]): «...въ простомъ сопоставленіи мелодій (т. е. въ попурри) не выражается никакой психической дѣятельности, которую нельзя видѣть и въ

---

[11]) op. cit. стр. 41.

[12]) Соображенія схожи съ тѣми, которыя изложены у насъ въ предъидущемъ параграфѣ.

[13]) Lyon-Caën, Lois etc., p. 127.

[14]) op. cit. s. 101

[15]) Апелляціонный судъ въ Неаполѣ постановилъ недавно (см. Droit d'auteur 1893, p. 59 ss.), что составляетъ контрафакцію заимствованіе *одного* мотива, и не составляетъ—заимствованіе *нѣсколькихъ*. См. тамъ же справедливое и остроумное возраженіе H. Rosmini на это черезчуръ ужъ формальное постановленіе.

[16]) Op. cit. стр. 42.

выборѣ мелодій или въ расположеніи ихъ, какъ думаютъ нѣкоторые. Вескэ фонъ Пюттлингенъ говоритъ, что нельзя признать самостоятельными сочиненіями большую часть попурри; но признать ихъ контрафакціями слишкомъ не соотвѣтствовало бы установившимся обычаямъ и произвело бы большое замѣшательство въ музыкальной торговлѣ». Не много постановленій о защитѣ авторскаго права заключала бы первая Франко-Бельгійская конвенція, если бы ея составители думали бы объ установившихся обычаяхъ и о «замѣшательствѣ».

Изъ законодательствъ, придерживающихся установленнаго нами принципа, мы можемъ указать на германское [17]), итальянское [18]) и норвежское [19]). Подобное же постановленіе заключаетъ и Бернская Конвенція [20]). Остальныя государства защищаютъ или только исключительное право арранжировки—какъ то: Испанія [21]), Бельгія [22])—или вовсе его не признаютъ (Великобританія, Швеція, Швейцарія).

414.—Второй вопросъ, о которомъ мы считаемъ нужнымъ упомянуть, не смотря на всю его кажущуюся незначительность—это вопросъ о музыкальныхъ ящикахъ, шарманкахъ и органахъ. Выше мы уже говорили [23]) о томъ, какъ нужно смотрѣть на публичное исполненіе посредствомъ такихъ инструментовъ. Теперь мы должны обратить вниманіе на слѣдующій вопросъ: виновенъ ли въ контрафакціи фабрикантъ, изготовляющій подобные инструменты?

Еще не такъ давно—до изобрѣтенія всякихъ «оркестріоновъ», «симфоніоновъ» и т. п. — многія компетентныя лица высказывались за то, что фабрикантъ шарманокъ убытка композитору принести не можетъ. «Мейерберъ и его издатель—говорилъ Bonjean [24]) въ засѣданіи палаты—конечно, никогда не думали о томъ, чтобы взимать деньги съ бродячихъ шар-

---

[17]) Законъ 11 іюня 1870 г., ст. 47.

[18]) Законъ 19 сентября 1882 г., ст. 3.

[19]) Законъ 8 іюня 1876 г., ст. 13.

[20]) См. ст. 10.

[21]) Законъ 10 января 1879 г., ст. 7.

[22]) Законъ 22 марта 1886 г., ст. 17.

[23]) см. § 253.

[24]) Annales du Sénat et du corps législatif, 1866 т. V p. 128

манщиковъ, которые вертятъ ручку своего инструмента для того, чтобы обратить на себя вниманіе добрыхъ людей. Такимъ образомъ, фабрикантъ шарманокъ и слѣпецъ, его покупатель, конечно, не могутъ быть признаны конкуррентами для музыкальнаго издателя».

Но съ тѣхъ поръ времена измѣнились—развилось производство механическихъ инструментовъ, самые инструменты достигли, сравнительно, высокой степени совершенства—и композиторы заговорили иначе. Вотъ какъ исчисляетъ убытокъ, приносимый механическими инструментами композиторамъ—нѣкто Waldmann, издатель въ Берлинѣ: «Согласно увѣренію г. Waldmann'a—говоритъ рецензентъ его брошюры [25]), особенно оттѣняя компетентность этого издателя въ разбираемомъ вопросѣ — согласно его увѣренію, продажа всякой народной пѣсни въ оригинальныхъ изданіяхъ сокращалась до полнаго почти минимума каждый разъ, какъ она появлялась въ видѣ картона для «симфоніоновъ» и другихъ подобныхъ инструментовъ. Продажа оригинала, можно сказать, прекращалась, несмотря на то, что эти диски передаютъ произведенія въ урѣзанномъ и часто очень безтолковомъ исполненіи, сильно искажающемъ оригиналы. Waldmann исчисляетъ убытокъ, причиненный ему этими картонными нотами, слѣдующимъ образомъ: фабрикантъ П. сознается, что онъ уже изготовилъ и продалъ больше 60000 подобныхъ инструментовъ. Въ репертуарѣ его я нашелъ 12 пьесъ, на которыя я имѣю авторское право и которыя имѣли прежде сбытъ почти безпримѣрный; можно, поэтому, предположить, что всякій изъ 60000 покупателей пріобрѣлъ, по крайней мѣрѣ, два диска съ моими пьесами, что составитъ въ въ общей сложности 120 т. марокъ. Этотъ фабрикантъ предлагаетъ мнѣ мировую за 5 тысячъ марокъ: я буду требовать съ него сто тысячъ».

Итакъ, фабрикантъ музыкальныхъ ящиковъ приноситъ очевидный матеріальный убытокъ автору оригинала; но этимъ дѣло не кончается. Устройство самаго механизма въ большинствѣ ящиковъ требуетъ, чтобы всякій новый кружокъ про-

[25]) Droit d'auteur, 1890 p. 16, рецензія.

рѣзныхъ нотъ былъ извѣстной, разъ-навсегда опредѣленной величины. Но на кружкѣ опредѣленной величины можно помѣтить, слѣдовательно, не больше какъ и опредѣленное количество тактовъ. Изъ этого вытекаетъ слѣдующее: какую бы пьесу фабрикантъ не выбралъ — онъ, раньше чѣмъ приспособить ее для своего инструмента, — долженъ сократить ее, исковеркать и упростить такимъ образомъ, чтобы ее можно было втиснуть въ тѣ рамки, которыхъ онъ не можетъ преступить. Выпуская же исковерканное произведеніе и выдавая его за «такое-то сочиненіе такого-то композитора», фабрикантъ, очевидно, нарушаетъ личныя права этого композитора [26]).

Такимъ образомъ, фабрикантъ музыкальныхъ ящиковъ нарушаетъ личныя права композитора и приноситъ ему матеріальный убытокъ. Слѣдовательно, онъ долженъ быть признанъ контрафакторомъ.

415. — Изъ современныхъ законодательствъ только французское и швейцарское признаютъ свободу фабрикаціи механическихъ инструментовъ, воспроизводящихъ отрывки пьесъ, еще не составляющихъ общественнаго достоянія. Во Франціи этому вопросу посвященъ цѣлый особый законъ [27]), который былъ вызванъ тѣмъ, что Швейцарія, производящая очень много музыкальныхъ ящиковъ, не соглашалась иначе подписать первой Франко-Швейцарской конвенціи.

Бернская конвенція также заключаетъ дозволеніе изготовлять подобные инструменты (подробно — см. § 253).

---

[26]) По мало достовѣрному, но характеристическому анекдоту, Верди арендовывалъ шарманки у всѣхъ тѣхъ нищихъ, которые появлялись подъ его окнами — не имѣя иначе возможности избѣжать пытки слушанія своихъ мотивовъ въ исковерканномъ видѣ. Отмѣчу еще, что всѣ эти шарманки могутъ и уменьшить сбытъ оригинальнаго изданія. Въ бытность мою лѣтомъ 1893 года въ Англіи, у насъ въ пригородѣ (Ealing, около Лондона) было три шарманщика, у которыхъ репертуаръ былъ разный, но у всѣхъ — шарманки одинаково играли Intermezzo изъ «Сельскій чести».. Пригородъ былъ маленькій, и каждый день приходилось слушать, по крайней мѣрѣ, одного изъ этихъ мучителей. Смѣю увѣрить по личному горькому опыту, что до лѣта 1893 года мнѣ очень нравилось это Intermezzo — а теперь я его не возьму въ музыкальномъ магазинѣ даже даромъ. Ср. интересную статью въ Droit d'auteur 1893 г. p. 59 ss.

[27]) Законъ 16 Мая 1866 года.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Защита фотографическихъ снимковъ.

416.—Въ настоящей главѣ, по существу своему, составляющей неразрывную часть съ главою четвертою, [1]) въ которой мы говорили о произведеніяхъ изобразительныхъ—мы хотѣли бы рѣшить слѣдующій вопросъ: составляютъ ли фотографическіе снимки—произведенія искусства, или нѣтъ?

Для этого мы подраздѣлимъ настоящую главу на двѣ части: во первыхъ, выяснимъ, на основаніи какихъ доводовъ нѣкоторые юристы отказываютъ фотографическимъ снимкамъ въ защитѣ наравнѣ съ произведеніями искусствъ (не признавая ихъ за таковыя); во-вторыхъ, покажемъ, чѣмъ можно доказать, что фотографіи, несомнѣнно, составляютъ произведенія искусства и, потому, подлежатъ защитѣ наравнѣ съ таковыми.

417.—Большинство германскихъ юристовъ отрицаетъ возможность признать фотографіи за произведенія искусства на основаніи слѣдующихъ главнѣйшихъ соображеній.

Во-первыхъ, считаютъ, что «фотографіи не могутъ быть признаны произведеніями искусства, ибо про нихъ нельзя сказать, чтобы даже въ самый моментъ ихъ возникновенія онѣ были обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно и непосредственно самому автору... Художникъ, рисовальщикъ или скульпторъ суть непосредственные авторы своихъ произведеній до самыхъ послѣднихъ мелочей, ибо ни одна изъ нихъ не появилась на свѣтъ Божій безъ спеціально-направленной дѣятельности автора.

[1]) См. глава четвертая, примѣчаніе 18.

Вся же дѣятельность фотографа, какъ то: установка снимаемаго предмета, освѣщеніе его и т. д. — ведетъ только къ созданію условій, облегчающихъ возникновеніе хорошаго изображенія. Самое же изображеніе появляется безъ содѣйствія фотографа. При всей осторожности послѣдняго, фотографія можетъ, всетаки, выйти неудачною; несмотря на крупнѣйшія ошибки—можетъ быть иногда великолѣпною» [7]).

Иными словами, указываютъ, что дѣятельность фотографа является ограниченною, что фотографія не обязана своимъ происхожденіемъ исключительно своему автору. Мы не можемъ согласиться съ такимъ взглядомъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Совершенно справедливо, что фотографъ не отдѣлываетъ также подробно всѣ мелочи своей фотографіи, какъ поступаетъ художникъ со своей картиной;—совершенно справедливо, что многія такія подробности отпечатка воспроизводятся совершенно помимо какой-либо спеціальной дѣятельности фотографа. Но можно ли только поэтому думать, что фотографъ—не авторъ полученнаго имъ снимка? намъ кажется, что нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ. Прежде всего уже прямо поражаетъ неправильная постановка вопроса: художественное произведеніе оцѣниваютъ въ «мотивахъ» не съ точки зрѣнія присутствія или отсутствія извѣстной артистической концепціи, но съ точки зрѣнія вопроса: принималъ ли фотографъ непосредственное участіе въ возникновеніи каждой черты оттиска? Если да—этотъ оттискъ есть произведеніе искусства, если нѣтъ—tant pis pour lui. Да неужто все дѣло въ этихъ черточкахъ? Затѣмъ, совершенно непонятною является заключительная фраза приведенной цитаты; «мотивы» предполагаютъ какое-то самовольное появленіе или непоявленіе изображенія; что бы ни говорили, но если всѣ необходимыя предосторожности приняты—изображеніе должно явиться; явиться такимъ именно, какимъ желаетъ имѣть его авторъ.

Фотографъ, дѣйствительно (какъ указываютъ «мотивы»), пользуется при сниманіи извѣстными свойствами химическихъ соединеній—но можно ли изъ этого вывести, какъ дѣлаютъ

[7]) См. мотивы германскаго закона 10 Января 1876 года — примѣчанія къ ст. 1-ой.

мотивы», что эти химическія соединенія сами производятъ отпечатокъ?—конечно, нѣтъ. Фотографъ пользуется силами природы, которыя онъ подчиняетъ себѣ—но всякій артистъ пользуется этими силами,—можетъ быть, только не такъ явно—при созданіи своего произведенія. Артистъ исполняетъ мелодію—но, вѣдь, мы слышимъ ее не благодаря непосредственной его дѣятельности, а благодаря тому, что въ извѣстномъ инструментѣ приводится въ дрожаніе столбъ воздуха, или струна опредѣленной длины. Артистъ здѣсь также только употребляетъ извѣстныя физическія свойства воздуха, струны—и посредствомъ этихъ физическихъ свойствъ передаетъ намъ свою идею. Фотографъ составляетъ художественную группу изъ живыхъ людей и, пользуясь извѣстными химическими свойствами бромистаго серебра, передаетъ намъ свою художественную концепцію. «Мотивы» указываютъ, что, несмотря на все умѣніе и всѣ приложенныя старанія—фотографія можетъ оказаться неудачной—подразумѣвая, конечно, недостаточное совершенство употребленныхъ принадлежностей,—но развѣ геніальнѣйшій артистъ можетъ извлечь художественную мелодію изъ флейты, у которой невѣрно нарѣзаны клапаны?

Мы могли бы принять за вѣрное—положеніе, будто бы фотографическій отпечатокъ, дѣйствительно, возникаетъ «ohne die Mitwirkung» фотографа—еслибы оно могло возникнуть само по себѣ—но это невозможно. Правда, что послѣ того, какъ наведенъ аппаратъ, достаточно освѣщенъ снимаемый предметъ, вставлена пластинка (спеціально приготовленная), вложена діафрагма, открытъ объективъ—послѣ всего этого изображеніе получается само собой. Но развѣ мы не видимъ полнѣйшей аналогіи въ игрѣ на скрипкѣ, напримѣръ? Позволимъ себѣ провести слѣдующую параллель. Возьмите спеціальный аппаратъ (скрипка—камера-обскура), устройте къ нему извѣстное приспособленіе (смычокъ—пластинка), предварительно подвергнувъ это приспособленіе извѣстной операціи (покроемъ канифолью — хлористымъ серебромъ) — сдѣлаемъ опредѣленное движеніе рукой (ведя смычокъ—открывая объективъ)—и мы получимъ въ первомъ случаѣ звукъ, а во второмъ отпечатокъ. И этотъ отпечатокъ будетъ результатомъ

химическихъ законовъ и появится самъ по себѣ на столько же, на сколько мелодія (сумма звуковъ) будетъ результатомъ законовъ физическихъ и также явится «сама по себѣ». Ибо физическіе законы, дѣйствительно, проявляются независимо отъ воли человѣка, и не будь ихъ артистъ не могъ бы извлечь ни одного звука, такъ же какъ фотографъ не могъ бы произвести ни одного отпечатка [3]).

Пусть намъ не указываютъ, что звукъ, полученный вышеуказаннымъ образомъ не будетъ составлять произведенія искусства: изъ звуковъ составляются мелодіи (опять таки, чисто механическимъ актомъ: артистъ водитъ по разнымъ струнамъ—по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія «мотивовъ»), а изъ мелодій—музыкальныя произведенія.

418.—Резюмируемъ все вышесказанное: указаніе, будто фотографическіе снимки нельзя считать произведеніемъ искусства потому, что ихъ полученіе или не-полученіе зависитъ въ значительной степени отъ того направленія, которое примутъ употребляемыя химическія воздѣйствія, не выдерживаетъ критики. Фотографическій отпечатокъ на стеклѣ, дѣйствительно, получается независимо отъ непосредственной дѣятельности фотографа и только въ силу извѣстныхъ химическихъ законовъ—но фотографъ на столько же управляетъ этими законами, насколько управляетъ ими и музыкантъ, направляя ихъ такимъ образомъ, чтобы получить желаемый результатъ. Правда, въ фотографіи дѣйствіе химическихъ законовъ проявляется болѣе ясно, чѣмъ дѣйствіе физическихъ—въ музыкѣ, но, всетаки, при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла приходится убѣдиться, что въ обоихъ случаяхъ артисты (фотографъ или музыкантъ) одинаково пользуются силами природы для созданія произведенія искусства. Самое же возникновеніе (въ узкомъ смыслѣ) этого произведенія происходитъ въ обоихъ случаяхъ независимо отъ артиста, исключительнымъ дѣйствіемъ опредѣленныхъ законовъ природы.

Таковы основанія, которыя убѣждаютъ насъ въ неправильности точки зрѣнія германской коммиссіи.

---

[3]) Всѣ эти разсужденія нѣсколько длинны, но мы считаемъ ихъ необходимыми для полнаго выясненіе даннаго вопроса, еще очень мало разработаннаго.

419.— Но возраженія противъ признанія фотографическихъ снимковъ за произведенія искусства не ограничиваются вышесказаннымъ. Укажемъ дальнѣйшія.

Выше мы привели мнѣніе оффиціальной коммиссіи;— Klostermann дѣлаетъ слѣдующія добавленія [4]): «Есть юристы, которые утверждаютъ [5]), что художественная концепція фотографа проявляется въ выборѣ объекта, подходящаго момента для сниманія и въ надлежащей группировкѣ живыхъ объектовъ. Однако, можно замѣтить, что даже изображеніе живой картины, составленной самымъ изящнымъ образомъ, даже портретъ какого-нибудь знаменитаго артиста въ видѣ Шейлока или короля Лира — не суть произведенія искусства, а только копіи съ произведеній искусства; законъ не защищаетъ мимики или живыхъ картинъ, слѣдовательно, онъ не будетъ защищать и фотографіи, копіи съ живыхъ картинъ».

Основательно ли подобное возраженіе?—Мы думаемъ, что—нѣтъ, и думаемъ такъ на основаніи слѣдующихъ соображеній. Предположимъ, что человѣкъ составляетъ группу изъ натурщиковъ въ подобающихъ костюмахъ, т. е. устраиваетъ живую картину, изображающую, напр., боярскій пиръ. Этотъ человѣкъ кладетъ много художественной опытности для удачной группировки своихъ натурщиковъ, выказываетъ историческія свѣденія въ подборѣ типическихъ лицъ, эстетическій вкусъ—въ расположеніи контуровъ. Поставивъ такую картину, человѣкъ передаетъ ее на полотнѣ буквально въ томъ видѣ, какъ она представляется его глазамъ. Будетъ ли онъ имѣть авторское право на такую картину?—будетъ. А между тѣмъ, она составляетъ только «Copie eines Kunstwerkes», копію такого

---

[4]) Geistige Eigenthum, s. 189.

[5]) Сюда можно причислить, напримѣръ, В. Д. Спасовича, который говоритъ: «Положимъ, что фотографъ поставилъ живую картину и снялъ ее на бумагу посредствомъ свѣтописи. Картина имъ задумана, онъ выбралъ лица, нарядилъ ихъ въ соотвѣтствующіе костюмы, далъ имъ художественную группировку. Исключительное право на повтореніе этого произведенія принадлежитъ, *конечно*, ему на такомъ же основаніи, на какомъ живописцу исключительное право снимать копіи съ его картинъ». Мы должны замѣтить, что положеніе это обосновано не достаточно и что еслибы въ пользу подчеркнутаго «конечно» не было бы другихъ доводовъ (см. дальше), то пришлось бы, пожалуй, признать правоту Klostermann'a.

произведенія (живая картина), которое объектомъ авторскаго права быть не можетъ. Отчего же фотографирующій ту же самую картину будетъ считаться уже не самостоятельнымъ авторомъ, а только копировщикомъ?—здѣсь получается противорѣчіе, котораго мы не можемъ разрѣшить.

Намъ могутъ указать, что произведеніе художника, копирующаго живую картину, даже въ самомъ копированіи будетъ заключать достаточно самостоятельнаго творчества для того, чтобы можно было признать эту копію—оригинальнымъ произведеніемъ искусства. Но пора отрѣшиться отъ того взгляда, согласно которому произведеніе фотографа есть рабская копія оригинала. Фотографъ выказываетъ большое количество самостоятельной творческой дѣятельности до того момента, какъ онъ получитъ снимокъ, и еще большее послѣ того, какъ полученъ негативъ (см. дальше).

Такимъ образомъ, фотографія, разсматриваемая даже какъ копія съ артистическаго произведенія, всетаки, можетъ считаться объектомъ авторскаго права, ибо совершенно такой же характеръ имѣютъ многія произведенія и другихъ искусствъ.

420.—Послѣднее возраженіе Klostermann'a касается значенія ретуши [6]). «Далѣе—говоритъ онъ— иногда указываютъ, что фотографія въ значительной степени нуждается въ помощи рисовальщика, такъ что фотографическіе снимки съ картинъ и даже болѣе значительные по размѣрамъ портреты представляютъ только основаніе для самостоятельной дѣятельности ретушера, имѣющей всѣ признаки свободнаго творчества. Однако, въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло уже не съ фотографіею, а съ самостоятельнымъ рисункомъ».

Мы не представляемъ себѣ, какимъ образомъ Klostermann рѣшается указаннымъ способомъ расчленять фотографіи, разсматривая въ нихъ и самый негативъ, и наложенный на него рисунокъ. Если граверъ создалъ оригинальную гравюру (доску) и потомъ пускаетъ въ обращеніе оттиски — развѣ гравюры (оттиски), полученныя такимъ образомъ, не считаются самыми произведеніями искусства, а не копіями?—и развѣ объектомъ

---

[6]) Geist. Eigenthum, s. 189.

авторскаго права въ подобномъ случаѣ не будетъ самый оттискъ (а не награвированная доска)? То же самое можно сказать и про отпечатокъ отретушованной фотографіи. Законъ смотритъ на результатъ дѣятельности производителя—Klostermann же почему-то рѣшается расчленить эту дѣятельность. Законъ говоритъ: всякое произведеніе искусства — независимо отъ способа его полученія—пользуется защитой. Слѣдовательно, для того, чтобы правильно рѣшить вопросъ о защитѣ фотографій, нужно, оставивъ ухищренія вродѣ вышеприведенныхъ, просто разсмотрѣть, составляетъ ли фотографическій оттискъ—въ неразрывномъ цѣломъ — произведеніе искусства.

421.—Мы знаемъ, что произведеніемъ искусства называется выраженіе художественной идеи (концепціи) въ соотвѣтствующей формѣ.

Слѣдовательно рѣшеніе поставленнаго выше вопроса будетъ зависѣть отъ рѣшенія слѣдующихъ двухъ:

1) Можно ли подмѣтить въ дѣятельности фотографа художественную концепцію?

2) Можно ли подмѣтить въ дѣятельности фотографа художественное исполненіе такой концепціи?

Къ разсмотрѣнію перваго изъ этихъ вопросовъ мы и перейдемъ теперь, причемъ постараемся ссылаться на людей, ближе знакомыхъ съ дѣломъ, чѣмъ, напримѣръ, Klostermann, такъ какъ послѣдній — мы отдаемъ ему должное, какъ юристу— кажется, не вполнѣ ясно представляетъ себѣ истинное значеніе различныхъ фотографическихъ манипуляцій, не стоя достаточно близко къ этому дѣлу.

Не такъ давно въ Парижѣ вышла небезъинтересная брошюрка, именно, по вопросу о защитѣ авторскаго правъ фотографовъ. И вотъ авторъ ея, нѣкій Bulloz [7]), начинаетъ свою апологію фотографовъ, именно, тѣмъ, что онъ доказываетъ необходимость художественной концепціи въ ихъ дѣятельности. Согласно его мнѣнію таковая несомнѣнно проявляется во всякой хорошей фотографіи въ выборѣ освѣщенія, момента, мѣста, съ котораго снимается видъ пейзажа,—въ соблюденіи правилъ

[7]) La propriété photographique, p. 2—3.

композиціи, расположеніи плановъ, въ помѣщеніи, если нужно, живыхъ фигуръ, вродѣ человѣка или лошади. Въ портретахъ необходимо изучить свою модель, помѣстить ее въ благопріятную позицію, освѣтить ее сверху, снизу и съ боковъ, устроить красивые рефлексы, смягчить грубыя тѣни и переходы и т. д. При фотографированіи художественныхъ произведеній также необходима чуткая артистическая дѣятельность. «Дайте двадцати фотографамъ снять ту же картину — говоритъ Bulloz—и если вы поставите на первое мѣсто отпечатокъ, полученный однимъ изъ нихъ,—это произойдетъ отъ того, что этотъ фотографъ сотни разъ изучалъ фактуру картинъ великихъ мастеровъ, отъ того что онъ знаетъ, что нельзя фотографировать Веласкеца такъ же, какъ Рембрандта, итальянца первой эпохи—какъ миніатюриста голландца; отъ того что онъ знаетъ, что невозможно одинаково воспроизводить могучіе удары кисти Франца Хальса и прозрачное письмо какого-нибудь Коро».

Намъ могутъ возразить, что все вышеуказанное пріобрѣтается привычкой, что всѣ эти пріемы составляютъ только техническій навыкъ, а вовсе не результатъ художественной концепціи. Мы, конечно, не станемъ утверждать, что всѣ фотографы суть артисты въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Но напомнимъ только то, что мы уже говорили по поводу произведеній литературы: «большинство послѣднихъ составляетъ переработку, часто очень мало самостоятельную—чужихъ идей; но законъ не можетъ входить въ обсужденіе такихъ подробностей: достаточно того, что нѣкоторыя изъ литературныхъ сочиненій составляютъ, безспорно, продуктъ свободнаго творчества». Большинство, фотографій, дѣйствительно, составляютъ результатъ большаго или меньшаго техническаго навыка, но нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно требуютъ отъ автора артистической концепціи. И разительнымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій, заимствованный нами у того же Bulloz'a [8]): «Года четыре тому назадъ одинъ очень извѣстный фотографъ, замѣтивъ, что всѣ до тѣхъ поръ сдѣланные снимки одного знаменитаго вида въ Швейцаріи не было удовлетворительными

[8]) ibid. p. 6.

въ смыслѣ недостатка воздушныхъ плановъ, добился отъ Федеральнаго правительства разрѣшенія срубить нѣсколько елей и устроить временный мостикъ подъ озеромъ. Послѣ тысячи попытокъ и неудачъ ему удалось, наконецъ, найти надлежащее мѣсто, съ котораго онъ получилъ превосходный снимокъ». Неужто мы не признаемъ, что этотъ фотографъ, для того чтобы исполнить свою задачу, долженъ былъ проявить, по крайней мѣрѣ, столько же художественнаго чутья, какъ и всякій живописецъ?

Вспомнимъ, наконецъ, о такъ называемыхъ «группахъ». Расположить красиво и натурально 40—50 человѣкъ—задача нелегкая. Конечно, мелкіе фотографы имѣютъ для небольшихъ «семейныхъ» группъ въ 5 — 6 человѣкъ уже опредѣленныя заученныя положенія—но неужели мы не признаемъ, что у лучшихъ, хотя бы, нашихъ петербургскихъ фотографовъ, группы въ 20—25 человѣкъ очень часто составляютъ, дѣйствительно, произведенія искусства по расположенію снимаемыхъ лицъ, по гармоніи контуровъ и общей планировкѣ?

Такимъ образомъ мы должны признать въ дѣятельности фотографа, еще до начала самаго акта фотографированія, присутствіе художественной концепціи [9]). «Художникъ смотритъ на природу — говоритъ Sauvel [10]) — и видитъ ее какъ своими тѣлесными глазами, такъ еще и духовными очами, причемъ эти послѣднія указываютъ ему, гдѣ выбрать надлежащій пунктъ, какъ выбрать часъ, освѣщеніе; эти послѣднія указываютъ ему на поэзію или реализмъ пейзажа,—и самая манера, какъ онъ смотритъ и понимаетъ эту игру свѣтовыхъ лучей на водѣ и листвѣ—уже составляетъ произведеніе искусства, хотя еще и не переданное публикѣ,—произведеніе искусства, которое живетъ въ художникѣ и умретъ въ немъ, если онъ его не запечатлѣетъ въ образахъ, доступныхъ для посторонникъ лицъ.» Все это можно найти и въ дѣятельности фотографа.

---

[9]) ср. Pouillet, op. cit. p. 98. — Также прекрасную статью Rosmini въ Droit d'auteur 1889, p. 30 ss.

[10]) Sauvel, op. cit. p. 17.

421. — Итакъ, присутствіе художественной концепціи неоспоримо—но нужно еще доказать, что фотографъ эту художественную концепію выражаетъ въ такой формѣ, которую можно, въ свою очередь, назвать художественною. А художественною—форма называется тогда, когда она носитъ отпечатокъ оригинальнаго творчества.

Итакъ, посмотримъ, на сколько форма, въ которую облекаются фотографическія произведенія, можетъ быть признана художественною съ такой точки зрѣнія. Противники защищаемой нами теоріи говорятъ [11]): «Всякая интелектуальная и артистическая дѣятельность фотографа предшествуетъ исполненію снимка; въ самомъ исполненіи его умъ и геній не принимаютъ никакого участія; фотографъ имѣетъ въ своей дѣятельности періодъ, который, дѣйствительно, схожъ съ дѣятельностью художниковъ—но, къ сожалѣнію, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые закономъ не защищаются; произведеніе же его, которое могло бы быть объектомъ защиты — уже не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ картиной. Съ одной стороны я вижу художника, продолжающаго свое произведеніе, искусно устраняющаго недостатки первоначальнаго плана и до самаго послѣдняго момента вливающаго субъективный элементъ въ свое исполненіе. Съ другой — фотографа, который установилъ свой аппаратъ и съ этого момента остается совершенно чуждымъ всему происходящему; свѣтъ сдѣлаетъ свое дѣйствіе, и вліять на него невозможно,—человѣкъ можетъ исчезнуть съ самаго начала операціи, которая совершится безъ его помощи. Sa personnalité aura manqué au produit au seul moment, où, dans l'esprit de la loi, cette personnalité pouvait lui accorder protection [12]).»

Попробуемъ вникнуть поглубже въ смыслъ этого пространнаго и громко звучащаго обвиненія. Thomas признаетъ присутствіе художественной концепціи въ дѣлѣ фотографіи, но считаетъ, что форма, въ которой эта концепція выражается, настолько не художественна (въ смыслѣ: настолько мало но-

[11]) Thomas—см. Pataille, Annales etc. 1862 г., p. 406—Pouillet, op. cit. p. 92.

[12]) Послѣдняя фраза по смыслу своему ложна — но по формѣ такъ характеристична и красива, что боюсь испортить ее переводомъ.

ситъ отпечатокъ индивидуальный дѣятельности автора), что, именно поэтому фотографіи не составляютъ-де произведеній искусства.

422. — Прежде всего, изъ вышеприведенной цитаты явствуетъ, что Thomas, такъ же, впрочемъ, какъ и всѣ остальные противники защищаемой нами теоріи — придаетъ слишкомъ много значенія тому моменту, въ который свѣтъ, реагируя на пластинку, производитъ то или другое измѣненіе химическаго состава, которымъ эта пластинка покрыта. Мы уже говорили выше о томъ значеніи, которое, по нашему мнѣнію, нужно придавать этому химическому акту. Для большей послѣдовательности пояснимъ наше положеніе еще однимъ примѣромъ.

Среди различныхъ способовъ гравированія не послѣднее мѣсто занимаетъ такъ называемое гравированіе à l'eau-forte. Нельзя не признать многіе офорты (A. Dürer) за великолѣпнѣйшія художественныя произведенія. Между тѣмъ, при исполненіи этого рода художественныхъ произведеній замѣчается одинъ моментъ совершенно аналогичный тому моменту, когда свѣтъ производитъ въ камерѣ работу, совершенно, повидимому, независимую отъ фотографа. Такимъ моментомъ въ работѣ офортиста нужно признать тотъ періодъ, когда извѣстнымъ образомъ обработанная доска подвергается дѣйствію кислоты. Можно ли подмѣтить какую нибудь разницу между этими двумя моментами? Очевидно — нѣтъ. Не производи свѣтъ опредѣленнаго дѣйствія на бромъ, серебро и т. п. — фотографъ не могъ бы получить фотографіи, такъ же какъ офортистъ не могъ бы получить гравюръ, если бы кислота перестала производить на металлы свое обычное дѣйствіе. Thomas говоритъ, что фотографическій аппаратъ въ пресловутый «моментъ» дѣйствуетъ совершенно независимо отъ фотографа, и что послѣдній не можетъ направить дѣйствіе свѣта по своему желанію — но совершенно то же можно сказать и о доскѣ, лежащей въ кислотной ваннѣ. Въ чемъ же разница? Почему офортъ считается произведеніемъ искусства, а фотографія — нѣтъ, въ виду присутствія «момента». Мы не можемъ себѣ объяснить такого различія.

Отмѣтимъ также, что Thomas, очевидно, преувеличиваетъ ту самостоятельность, съ которою происходитъ процессъ химическаго воздѣйствія свѣта, процессъ полученія латентнаго отпечатка. «Человѣкъ могъ исчезнуть съ самаго начала операціи, которая совершится безъ его помощи»—не слишкомъ ли это сильно сказано? и не обнаруживаетъ ли въ этихъ словахъ авторъ своего полнаго незнакомства съ самыми азбучными пріемами фотографіи? Не нужно быть спеціалистомъ для того, чтобы понимать, какое рѣшающее значеніе имѣетъ на полученіе того или другого рода отпечатка—то время, которое остается открытымъ объективъ аппарата [15]). Вычислить этотъ коротвій промежутокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ очень трудно, ибо онъ зависитъ отъ суммы самыхъ разнообразныхъ условій (часъ дня; облачность; цвѣтъ предмета; уголъ. подъ которымъ падаютъ на предметъ лучи солнца). Неужели же не нужно никакой умственной дѣятельности для того, чтобы опредѣлить при сниманіи это «temps de la pose» — о которомъ спеціалисты пишутъ чуть не томы? «Съ одной стороны я вижу художника, продолжающаго свое произведеніе и искусно устраняющаго недостатки первоначальнаго плана»— но неужели мы не видимъ того же самаго и въ дѣятельности фотографа, который вычисляетъ temps de la pose, діафрагмами усиливаетъ или ослабляетъ рѣзкіе переходы тѣней, вырабатываетъ (въ моментъ позы) болѣе или менѣе рѣзкіе контуры? Неужели во всемъ этомъ нельзя видѣть дальнѣйшаго развитія первоначальной конценціи? Конечно, въ извѣстный мигъ свѣтъ дѣйствуетъ, какъ будто бы, независимо отъ воли фотографа—но независимость эта только кажущаяся, ибо она проявляется именно въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя ставитъ ей направляющая ее воля художника-фотографа. А слѣдовательно, и процессъ появленія отпечатка находится въ зависимости отъ воли фотографа.

423. — Morillot, одинъ изъ наиболѣе ярыхъ противниковъ защищаемой нами теоріи, говоритъ совершенно въ томъ же духѣ: «Конечно, фотографъ можетъ выказать извѣстный вкусъ

---

[13]) см. Faure, Traité encyclopédique de photographie; статья «Temps de la pose».

и тонкое промышленное чутье въ выборѣ объекта для своего снимка [14]), въ способѣ расположенія и группировки предметовъ, въ манерѣ освѣщенія и ретуши. Однако, всѣ эти операціи, которыя кажутся до извѣстной степени проявленіемъ личной дѣятельности фотографа — только сопровождаютъ самый процессъ фотографированія, ни въ какомъ случаѣ съ нимъ не смѣшиваясь [15]). Что же касается до полученія отпечатка въ собственномъ смыслѣ, — то онъ есть исключительно результатъ вліянія свѣта, результатъ опредѣленныхъ и фатальныхъ физическихъ и химическихъ реакцій, которыя фотографъ можетъ вызвать посредствомъ болѣе или менѣе сложныхъ манипуляцій, но которыя происходятъ внѣ его, посредствомъ внезапной и натуральной силы, по отношенію къ которой его воля не имѣетъ никакого значенія» [16]).

Это возраженіе сводится къ предъидущему, такъ что мы не будемъ его сцеціально опровергать. Отмѣтимъ только, что послѣднія 2—3 фразы цитаты, рѣшительно ничего не доказываютъ и представляютъ прекрасный примѣръ такихъ «общихъ мѣстъ», которыми можно доказывать что-угодно. Удачнѣе всего выяснится достоинство послѣднихъ доказательствъ Morillot, когда мы подставимъ вмѣсто «photographe»—«misicien» или «eaufortiste». Тогда мы увидимъ, что тѣ же самыя «доказательства» одинаково прилагаются и къ тому, и другому, и третьему. Въ самомъ дѣлѣ. «Что же касается до полученія отпечатка въ собственномъ смыслѣ этого слова—то онъ есть исключительно результатъ вліянія *кислоты*, результатъ прямой и фатальной, опредѣленной физической и химической реакціи, которую *офортистъ* можетъ вызвать посредствомъ болѣе или менѣе сложныхъ манипуляцій, но которыя происходятъ внѣ его, посредствомъ внезапной и натуральной силы, по отношенію къ которой его воля не имѣетъ никакого значенія». Противорѣчитъ ли подобная тирада съ подставленными слова хоть въ чемъ-нибудь здравому смыслу? Нѣтъ. Но

---

[14]) Здѣсь особенно интересенъ употребленный этимъ юристомъ непереводимый софизмъ: «Industrie dans le choix des objects».

[15]) Даже въ вышеуказанное temps de la pose?

[16]) De la propriété littéraire etc. p. 158.

тогда, значитъ, эти разсужденія доказываютъ, что и офорты за произведенія искусства не могутъ быть приняты [17])? Между тѣмъ, Morillot считаетъ офорты—произведеніями искусства, а фотографіи—нѣтъ. Къ обоимъ прилагаются, однако, одинаковыя разсужденія о неспособности ихъ быть произведеніями искусства (по его мнѣнію).

424. — Резюмируя нашъ взглядъ на значеніе химическаго процесса въ дѣлѣ фотографіи, мы позволимъ себѣ сказать слѣдующее. Каково бы ни было направленіе дѣятельности художника,—онъ ничего не можетъ создать самостоятельно, голыми руками; и какова бы ни была отрасль искусства, въ которой онъ дѣйствуетъ — онъ долженъ пользоваться помощью извѣстнаго рода приборовъ, принадлежностей или орудій. Художникъ не можетъ рисовать безъ карандаша, скульпторъ — ваять безъ рѣзца, граверъ — рѣзать безъ граб-штихеля, офортистъ — вытравлять безъ ваннъ, кислотъ и проч. приспособленій. Точно также, фотографъ не можетъ снимать безъ камеры-обскуры, что не исключаетъ возможности и часто необходимости самостоятельнаго воздѣйствія на употребляемый инструментъ, воздѣйствія, которое и будетъ творческою дѣятельностью фотографа. Выше мы уже доказали, насколько велико вліяніе этой творческой дѣятельности фотографа на тѣ силы природы и инструменты, которыми онъ пользуется. Даже въ тотъ моментъ, когда онъ держитъ открытымъ объективъ, фотографъ непрерывно продолжаетъ оказывать вліяніе на работу свѣта. Въ виду всей этой суммы воздѣйствія на инструменты и химическіе процессы—фотографія можетъ носить субъективный характеръ исполненія и, слѣдовательно, быть произведеніемъ искусства, какъ воплощеніе художественной концепціи въ соотвѣтствующей формѣ [18]). Повторимъ еще разъ: сказанное не значитъ, что *всякая фотографія есть* произведеніе искусства; оно значитъ только, что *нѣкоторыя фотографіи могутъ быть* произведеніями искусства.

---

[17]) Офорты Шишкина?

[18]) см. Pataille, Annales etc. 1862 г. p. 428.

425.—Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какое значеніе должна,—по нашему мнѣнію—имѣть ретушь. Выше мы уже выяснили, почему мы считаемъ невозможнымъ отдѣлять эту ретушь отъ фотографіи вообще, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Klostermann. Изъ какихъ бы отдѣльныхъ процессовъ не состояла дѣятельность фотографа—законъ защищаетъ ея плоды—защищаетъ не по частямъ, а въ цѣломъ, разъ эту дѣятельность, вообще, можно назвать художественною.

Мы позволимъ себѣ привести извлеченіе изъ сочиненія спеціалиста, чтобы показать, какъ много вкуса и артистическаго чутья требуетъ ретушь, столь легкая и простая на первый взглядъ. «Если дѣло идетъ, напримѣръ, о полученіи фотографическаго снимка съ картины, писанной масляными красками,— приходится принимать во вниманіе, что цвѣта, употребленные художникомъ, всегда передаются темнѣе или свѣтлѣе, чѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ фотографія искажаетъ относительную интензивность тоновъ. Желтый цвѣтъ даже свѣтлый передается на отпечаткахъ въ видѣ чернаго, а синіе, даже темные, цвѣта совершенно свѣтлѣютъ. Въ виду всего этого, фотографическій отпечатокъ, полученный только механическимъ путемъ, всегда производитъ на глазъ непривычное и невѣрное впечатлѣніе [19])». Вотъ почему, приходится прибѣгать къ помощи опытныхъ ретушеровъ, умѣющихъ возстановить натуральное отношеніе цвѣтовъ. Въ послѣднее время это дѣло очень часто исполняется съ большимъ успѣхомъ авторами оригиналовъ [20]).

426.—Неужели послѣ всего вышеприведеннаго можно утверждать, что фотографическій оттискъ не есть произведеніе искусства? Въ самомъ дѣлѣ, мы доказали послѣдовательно, что въ этомъ оттискѣ можно ясно различать: 1) художественную концепцію и 2) художественное исполненіе. Недостаточно сказать [21]): «дѣятельности фотографа заключается только въ управленіи аппаратомъ [22]), изображенія же чисто механиче-

[19]) Sauvel, op. cit. p. 25.

[20]) Ср. H. Vogel, La photographie et la Chimie de la lumière, p. 28.

[21]) См. напримѣръ Панкевича, op. cit. стр. 56.

[22]) Какъ будто бы дѣятельности художника не сводится къ управленію кистью.

кимъ путемъ получаются на бумагѣ» —нужно еще доказать эти положенія для того, чтобы отказать фотографамъ въ авторскомъ правѣ.

427.—Отмѣтимъ еще одинъ фактъ. Многіе защитники авторскаго права фотографовъ дѣлаютъ ошибку, когда въ числѣ доводовъ въ пользу признанія свѣтописи за изобразительное искусство—начинаютъ говорить о тѣхъ затратахъ, которыя дѣлаетъ иногда фотографъ для того, чтобы получить одинъ-два снимка. Такъ поступаютъ, напримѣръ, В. Д. Спасовичъ [23]), Bulloz и другіе. Послѣдній прямо говоритъ: «Для того чтобы снять портретъ Сарры Бернаръ въ одной изъ послѣднихъ ролей, фотографъ долженъ былъ запереть свое заведеніе на цѣлый день, написать декораціи, приготовить аксессуары и сдѣлать 180 клише. Изъ этого числа только 16 штукъ было пущено въ продажу и только двѣ имѣютъ сбытъ. Можно ли допустить свободную ихъ перепечатку? [24])»

Никакія соображенія о затратахъ и о цѣнѣ негативовъ не помогутъ правильному обсужденію вопроса объ авторскомъ правѣ фотографовъ (послѣднее можетъ быть *результатомъ творчества, а не затратъ*). Дѣло сводится къ слѣдующему: фотографіи должны защищаться на общихъ основаніяхъ, если онѣ суть произведенія искусства. Выше мы положительно доказали справедливость послѣдняго положенія [25]). Откуда — *фотографіи должны защищаться на общихъ основаніяхъ, для произведеній искусствъ изобразительныхъ установленныхъ*.

428.—Переходя къ дѣйствующимъ законодательствамъ, мы можемъ отмѣтить слѣдующій печальный фактъ: очень немногія изъ нихъ защищаютъ фотографіи должнымъ образомъ. Вообще, ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: *первая*—совершенно умалчиваетъ о фотографіяхъ; сюда можно отнести Австрію, Бельгію, Францію и Италію. Молчаніе закона въ этихъ странахъ толкуется двоякимъ образомъ—то въ пользу, то противъ фото-

---

[23]) op. cit. стр. 111.

[24]) op. cit. p. 6—тамъ же еще нѣсколько примѣровъ.

[25]) Ср. Pataille, Annales etc. 1856—p. 197; 1862—p. 420; 1868 — p. 101 et 394; 1864—p. 125 и 230 и мн. другія.

графій; но во Франціи и Италіи оно скорѣе склоняется къ защитѣ фотографій, а въ Австріи—наоборотъ [26]).

Ко *второй* группѣ относятся законодательства, упоминающія о фотографіяхъ опредѣленнымъ образомъ. Эту группу можно подраздѣлить на два отдѣла:

1) законодательства Германіи, Даніи, Венгріи, Норвегіи, Финляндіи и Швейцаріи защищаютъ фотографіи только въ теченіе 5 лѣтъ и то подъ условіемъ спеціальныхъ формальностей;

2) законодательства Великобританіи, Испаніи, Мексики, Монако, Гаваи и С. Штатовъ [27]) признаютъ защиту фотографій наравнѣ съ произведеніями искусствъ вообще [28]).

Бернская конвенція ничего окончательнаго о фотографіяхъ не постановила [29]).

Какъ видно, въ этой области сдѣлано, можетъ быть, еще меньше, чѣмъ въ другихъ, указанныхъ нами въ предъидущихъ главахъ....

---

[26]) см. Lyon-Caën, op. cit p. XLIII прим.

[27]) Darras (см. брошюру Bulloz'a, стр. 10) ошибочно относитъ въ эту категорію и Россію.

[28]) Прекрасный сравнительный очеркъ законодательствъ о фотографіяхъ можно найти въ цитированной брошюрѣ Bulloz et Darras.

[29]) См. prôtocole de clôture, I.—Ср. § 237.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

I. Защита авторскаго права въ Россіи.

Выше мы старались выяснить, что̀ сдѣлали для защиты національныхъ и, въ особенности, иностранныхъ авторовъ—главнѣйшія государства западной Европы. По намѣченному нами плану—мы должны указать еще, что сдѣлала въ этомъ направленіи Россія. Какъ мы уже имѣли неоднократно случай замѣтить—все сдѣланное Россіей для защиты національныхъ и, тѣмъ паче, иностранныхъ авторовъ—можетъ быть передано въ очень немногихъ словахъ.

Исторія авторскаго права въ Россіи крайне немногосложна. Никакого авторскаго права не могло существовать въ тѣ времена, когда Россія не знала ни наукъ, ни искусствъ, ни даже литературы. А такія «темныя» времена продолжались для нашего отечества очень долго—до начала прошлаго столѣтія. Науки до тѣхъ поръ, конечно, не существовало. На западѣ уже знали Бекона, Галилея, Декарта—а мы, русскіе, все еще вѣрили въ левіафана и трехъ китовъ. Да и откуда у насъ было взяться въ тѣ времена наукѣ? Единственнымъ разсадникомъ ея могла бы считаться кіевская академія—но и та была погружена въ схоластику, не производя ничего, кромѣ бѣдныхъ по содержанію проповѣдей.

Искусство сводилось къ убогому малеванію образовъ, да рѣзьбѣ по дереву и металлу; послѣдняя стояла, въ виду любви москвичей къ рѣзнымъ украшеніямъ—на, сравнительно, вы-

сокой степени развитія,—но, въ сущности, сводилась къ самымъ дѣтски-наивнымъ и грубымъ подѣлкамъ. Скульптура и литье художественныхъ произведеній были вовсе изгнаны: статуя была бѣсовскимъ произведеніемъ, изображеніемъ дьявола; вспомнимъ, напримѣръ, какой отпоръ встрѣтилъ Петръ I со стороны духовенства, когда онъ вздумалъ выставить у дворца литыя статуи миѳологическихъ божествъ. Живопись не могла развиваться уже потому, что она ограничивалась иконописаніемъ, т. е. такою отраслью этого искусства, гдѣ пуще всего преслѣдовалось измѣненіе древнихъ, разъ-навсегда установленныхъ формъ. Никакого прогресса въ этой области не могло быть, ибо всякій прогрессъ создавалъ приверженцевъ «старыхъ» иконъ.

Литература древней Руси представляла также очень мало интереснаго и оригинальнаго. Такія произведенія, какъ «лѣтопись Нестора», «слово о Полку», «исторія о россійскомъ дворянинѣ»—казалось, могли бы способствовать развитію идеи авторскаго права. Но здѣсь мы, такъ же какъ и на Западѣ, встрѣчаемся съ фактомъ невозможности извлекать доходъ изъ продажи своего сочиненія въ виду отсутствія книгопечатанія. Трудъ переписчика цѣнился такъ дорого, что за вознагражденіемъ писцу совершенно терялся и блѣднѣлъ авторскій гонораръ. Вотъ почему, никакого понятія о правѣ автора въ древней Руси не развилось. Не забудемъ, къ тому же, что главную массу книгъ составляли переводы; вышеуказанныя оригинальныя сочиненія были положительнымъ исключеніемъ. Понятіе о «книгѣ» соединялось на Руси неразрывно съ понятіемъ о богословскомъ произведеніи или о переводѣ изъ св. Писанія. Книги такого рода появились въ Россіи почти съ 988 года для удовлетворенія развивавшихся въ обществѣ потребностей религіознаго характера. Но само это общество, насильно окрещенное, было настолько неразвито, и неразвитіе это было такъ хорошо закрѣплено темными столѣтіями татарскаго ига—что почти до XVIII вѣка общество это оказалось несостоятельнымъ дать хотя бы одного самостоятельнаго интеллектуальнаго труженика (исключенія рѣдки и незначительны). До самаго послѣдняго времени характеръ

русской литературы былъ—переводныя и подражательныя произведенія. А разъ не было въ Россіи авторовъ—не могло конечно, развиться и идеи авторскаго права.

И, дѣйствительно, мы видимъ, что въ древней Русси *создателемъ* книги называли того, кто самъ ее переписывалъ или платилъ писцу за переписку. Такъ, проф. Калмыковъ приводитъ слѣдующее интересное послѣсловіе къ Арсеніевой харатейной рукописи Печерскаго Патерика [1]): «Влѣто ..... Индикта ..... мѣсяца Марта въ ..... день на память Святаго отца Якова *создана* быша книги сия... *замышленіемъ* Боголюбиваго Епископа Арсенья Тфѣрьскаго.» *Созданы* вовсе не предполагаетъ, что авторомъ книги, ея создателемъ былъ боголюбивый епископъ: этотъ епископъ Арсеній просто отдалъ книгу переписать, и писецъ, исполнявшій такую работу, оказался творцомъ книги.

Великій князь волынскій Владиміръ Васильковичъ считался великимъ *философомъ*, ибо онъ собственноручно *переписывалъ* многія книги [2]). Во всѣхъ послѣсловіяхъ дошедшихъ до насъ рукописей, въ большинствѣ случаевъ, указывается имя того, кто переписывалъ данный экземпляръ; упоминать же имя первоначальнаго автора сочиненія часто считалось излишнимъ.

Однако, нужно замѣтить, что въ Россіи идея авторскаго права не стала развиваться даже послѣ введенія книгопечатанія. Уже изъ этого видно, что выраженія вродѣ «книгопечатаніе положило начало авторскому праву», — которыя мы употребляли, напримѣръ, во введеніи — нельзя понимать въ узкомъ, буквальномъ значеніи. Въ Россіи, напримѣръ, введеніе книгопечатанія не имѣло прямымъ слѣдствіемъ развитія идеи авторскаго права, или хотя бы права издательскаго, какъ его прообраза. Объясняется все это тѣмъ, что книгопечатаніе есть главная, но не единственная причина развитія идеи авторскаго права—и, поэтому, можетъ немедленно вызвать такое развитіе только при условіи сосуществованія многихъ другихъ

[1]) Калмыковъ, Литературная собственность въ Россіи. Актовая рѣчь С.-Петербургскаго Университета въ 1851 году, ст. 79 пр. 2.

[2]) ibid., стр. 81.

побочныхъ условій. Но чуть только введеніе книгопечатанія не оказываетъ, по какимъ либо причинамъ, на общество того дѣйствія, которое можно считать нормальнымъ (прежде всего: если книгопечатаніе не создаетъ круга читающей публики)— очевидно, не будетъ имѣть мѣста и все то, что составляетъ второстепенныя послѣдствія книгопечатанія (прежде всего: развитіе авторскаго права).

Очевидное доказательство всего сказаннаго мы видимъ въ Россіи. Первая русская типографія была открыта въ 1553 году при Іоаннѣ IV, причемъ явилась она не потому, чтобы въ Россіи къ этому времени переписчики не могли удовлетворять требованіямъ на книги, но потому, что типографія нужна была правительству для быстрѣйшаго проведенія опредѣленныхъ начинаній (исправленіе богослужебныхъ книгъ). Типографія была создана не вслѣдствіе назрѣвшей въ обществѣ необходимости такого учрежденія, но вслѣдствіе того, что правительство «приказало быть типографіи»; общество открыто протестовало противъ новаго учрежденія, до котораго оно къ тому времени еще не дорасло—и протестъ этотъ выразился въ сильнѣйшей антипатіи къ печатнымъ книгамъ. Печатныя книги «божественнаго» содержаніе долгое время почти не расходились въ народѣ, потому что онѣ считались еретическими, а печатныя оригинальныя произведенія свѣтской литературы расходились еще меньше по той же причинѣ, по которой не распространялись и писанныя свѣтскія сочиненія: въ нихъ общество тѣхъ временъ ощущало очень минимальную потребность.

Вотъ почему, мы встрѣчаемъ въ Россіи совершенно исключительные примѣры вознагражденія, которое авторы получали непосредственно отъ правительства, считавшаго необходимымъ поддерживать ихъ дѣятельность. Такъ, дьякъ Грибоѣдовъ получилъ въ 1669 году за свою краткую исторію Россіи «жалованья: 40 рублей, да въ приказѣ 50 рублевъ денегъ, атласъ, камку, да придачи къ помѣстному окладу 50 четей 10 рублей [3])». Слѣды такого же вознагражденія отъ правительства можно найти даже въ настоящемъ столѣтіи. Согласно уставу Медико-

[3]) Калмыковъ, op. cit. стр. 101.

Хирургической Академіи 1808 года, «Академикъ, Профессоръ или Адъюнктъ, представившій какое-либо отъ трудовъ своихъ сочиненіе, одобренное къ напечатанію, получаетъ единовременное награжденіе годоваго жалованія [4])».

Насколько несимпатично относилось общество къ типографіямъ вообще, можно видѣть также изъ характера всѣхъ существовавшихъ въ Россіи до конца XVIII вѣка учрежденій такого рода. Выше мы уже указывали, какъ враждебно отнеслась народная масса къ новой затѣѣ, къ той типографіи, которая была учреждена въ Александровской слободѣ; скоро типографія эта была сожжена, и рабочіе принуждены были спасаться бѣгствомъ отъ народной ярости [5]). Смутное время, такъ гибельно отозвавшееся на Россіи вообще, не могло, конечно, способствовать развитію типографскаго искусства, которое въ это время еле-держалось въ Литвѣ, гдѣ печатались нѣкоторыя русскія книги [6]). Михаилъ Ѳеодоровичъ возобновилъ книгопечатаніе, насколько это можно судить по тому, что при немъ, напримѣръ, были оттиснуты въ 1624 году требникъ патріарха Филарета, а въ 1632 году—часть трефолоя съ послѣсловіемъ патріарха Іосафа I-го [7]). И вотъ, начиная съ этого времени—и почти до середины XVIII вѣка мы можемъ прослѣдить слѣдующее характеристичное явленіе: *отсутствіе частныхъ типографій*. Всякая типографія этого періода существовала на спеціальныя средства, доставляемыя правительствомъ, общество же упорно отказывалось подать какую-нибудь надежду на возможность существованія типографіи частной. Вѣдь даже въ началѣ XVIII ст.—по свидѣтельству Kohl'я [8])—въ Россіи существовалъ цѣлый классъ людей, занимавшихся перепискою сочиненій.

При такомъ ничтожномъ развитіи способовъ механическаго воспроизведенія и при столь маломъ распространеніи печат-

---

[4]) Шершеневичъ, op. cit. стр. 124.

[5]) Карамзинъ, Ист. Г. Р. т. XI пр. 91.

[6]) Такъ, извѣстны типографіи, существовавшія въ Львовѣ, Галичѣ, монастырѣ Дерманскомъ; см. Калмыковъ, op. cit. стр. 94.

[7]) Калмыковъ, op. cit. стр. 95.

[8]) Ibid. стр. 97, пр. 26.

ныхъ книгъ вообще—конечно, нечего и искать даже признаковъ авторскаго права.

Первая типографія, которая должна была въ извѣстной степени существовать на доходы отъ продажи своихъ изданій, получила и первую привилегію на тѣ книги, которыя имѣли быть выпущены изъ подъ ея прессовъ. Такою типографіею, первою по времени основанія, нужно признать ту, которая была учреждена при Академіи Наукъ. Эта типографія получила право печатать календари: политическій, адресный и астрономическій,—но въ дозволеніи, выданномъ ей, ничего не упоминалось о запрещеніи другимъ лицамъ печатать такіе же календари или перепечатывать, вообще, изданія Академіи (конечно потому, что въ это время въ Россіи не было кому заняться перепечаткой). Только въ 1732 году появился у Академіи конкуррентъ (заграничный), который ввозилъ въ Россію книги, перепечатанныя съ изданій академической типографіи. Академія тотчасъ обратила вниманіе правительства на такое невыгодное для нея положеніе дѣла. Императрица Анна Іоанновна издала по этому случаю 26-го Октября 1732 года слѣдующій указъ. Академія Наукъ доносила [9]):

«Въ Санктпетербургѣ-де явилась на нѣмецкомъ языкѣ книга (тарифъ (,) пошлинный уставъ и трактатъ (,) учиненной между Россіей и короною Датской), которая перепечатана въ Любекѣ съ оригинала... Академіи (Наукъ)—печатникомъ Ашмусомъ Кооиомъ, и привезенная для продажи изъ-за моря; а понеже такимъ вывозомъ печатнымъ при Академіи Наукъ книгамъ, для продажи весьма учинится препятствіе, интересу Вашего Величества убытокъ. И чтобъ Ваше Имп. Вел. указала вышеписанной и впредь таковымъ книгамъ (которыя уже при Академіи имѣются и впредь имѣться будутъ) ввозъ изъ-за моря для продажи въ Россію воспретить... Резолюція: Быть по сему».

Насколько широко стала толковать Академія дарованныя ей привилегіи можно видѣть изъ слѣдующаго любопытнаго факта, имѣвшаго мѣсто три года спустя послѣ вышеприведен-

---

[9]) П. Св. З. № 6420, т. VIII стр. 963.

наго указа. Въ 1735 году нюренбергскій типографщикъ Іоганнъ Адамъ Шмидтъ перепечаталъ съ академическаго изданія книгу: «Nachricht von gezogenen Büchsen und etliche rare Anmerkungen von Schiessen» [10]). Академическій оригиналъ никакою привилегіею въ Германіи не пользовался, что, однако, не помѣшало русскому посланнику—по просьбѣ Академіи—подать императору Карлу VI жалобу, въ которой говорилось, что Петербургская Академія Наукъ отъ такого воспроизведенія ея изданій терпитъ убытокъ. Неизвѣстно, изъ политическихъ ли какихъ видовъ или просто изъ особенной международной вѣжливости — но императоръ рескриптомъ книжному коммисару приказалъ конфисковать изданіе, *запретивъ, вообще, перепечатывать какія бы то ни было книги, напечатанныя впервые въ Петербургѣ*. Фактъ этотъ заслуживаетъ вниманія, какъ прототипъ современной защиты интересовъ иностранныхъ авторовъ. Въ настоящее время русскіе, конечно, не пользуются такимъ покровительствомъ германскихъ законовъ.

Послѣ появленія въ Россіи частныхъ типографій, особымъ Указомъ (изданнымъ въ 1780 году) было спеціально подтверждено исключительное право типографіи Академіи Наукъ печатать всякаго рода календари. Этого рода изданія — при тогдашнемъ умственномъ уровнѣ общества — составляли, кажется, наиболѣе выгодную отрасль книгоиздательской дѣятельности, такъ что частныя типографіи начали, было, печатать значительное количество календарей, что и было имъ очень скоро запрещено, такъ какъ [11]) «та часть, по которой онъ (мѣсяцесловъ) имѣетъ сіе названіе, есть не только то, что напечатано въ другой Типографіи, а именно Академической, но и самаго мѣсяцеслова есть сочиненіе особо Академіи съ начала ея учрежденія, да и всякое перепечатываніе какой бы то ни было книги дѣлаетъ Академіи убытокъ и разстройку». Несмотря на то, что постановленіе это редактировано — какъ можно замѣтить—весьма неудобопонятно, однако смыслъ его вполнѣ ясенъ изъ способа его примѣненія на практикѣ: въ томъ же 1780 году приказано было «внесть въ академію наукъ кален-

[10]) Калмыковъ op. cit., стр. 136.

[11]) П. Св. З. № 14985, т. XX, стр. 917.

дари, перепечатанные содержателемъ типографіи артиллерійскаго и инженернаго корпуса Клееномъ» [12]). Окончательно опредѣлены были права Академіи въ уставѣ ея, изданномъ 5 іюля 1803 года: «Запрещается всѣмъ типографіямъ въ Имперіи, подъ опасеніемъ конфискаціи въ пользу Академіи, перепечатывать безъ особаго ея дозволенія книги, изданныя въ академической типографіи, и т. д.» [13]).

Уже изъ этого видно, что подобныя привилегіи, выданныя въ разное время Академіи Наукъ, защищали не авторовъ, а скорѣе промышленника-типографа: привилегія, какъ и на западѣ въ первый періодъ, выдавалась не на сочиненіе, а на оттиснутые экземпляры, не автору—а издателю. Для того чтобы подтвердить это положеніе, приведемъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи привилегій, выданныхъ въ разное время другому юридическому лицу, коммиссіи объ установленіи народныхъ училищъ, и, наконецъ, частнымъ лицамъ, потому что по однимъ академическимъ привилегіямъ еще судить нельзя: большинство изъ нихъ выданы на газеты и календари, т. е. на такія произведенія, у которыхъ даже и нѣтъ одного опредѣленнаго автора.

Коммиссія народныхъ училищъ получила привилегію на исключительное право печатать и продавать принадлежащія ей изданія, согласно указу Сената отъ 1-го ноября 1784 г. [14]). Привилегія эта была подтверждена въ ея уставѣ (§ 110) [15]), причемъ для насъ важны, собственно, тѣ мотивы, на основаніи которыхъ была выдана эта привилегія, а именно: 1) часть расходовъ по изданію могла быть покрыта продажею книгъ, каковая продажа отъ дѣятельности контрафакторовъ уменьшалась, и 2) коммиссія не могла отвѣчать за исправность напечатанныхъ безъ ея вѣдома книгъ, тогда какъ подобное наблюденіе входило въ кругъ ея обязанностей.

Такимъ образомъ и эти привилегіи были выданы для того, чтобы вознаграждать издателей (а не авторовъ, такъ какъ о

---

[12]) Калмыковъ, op. cit. стр. 136.
[13]) П. Св. З. т. XXVII № 20863.
[14]) Калмыковъ, op. cit. стр. 106.
[15]) П. Св. З. т. XXII, № 16421.

послѣднихъ нѣтъ даже и рѣчи въ «мотивахъ»)—и, кромѣ того, изъ видовъ цензурныхъ (т. е. буквально то же самое, что мы видѣли, разсматривая привилегіи западно-европейскихъ государствъ,—разница только въ времени).

Въ заключеніе необходимо упомянуть еще о тѣхъ привилегіяхъ, которыя выдавались частнымъ лицамъ (именно, типографамъ—на отпечатанныя ими книги). Какъ ни странно, но приходится отмѣтить тотъ фактъ, что первая русская привилегія на продажу книгъ въ Россіи была выдана амстердамскому типографщику Ивану Тесингу [16]) (или Тесенгу). Впрочемъ, это обстоятельство легко объясняется тѣмъ, что спросъ на книги въ Россіи былъ черезчуръ незначителенъ; заниматься, поэтому, издательствомъ для Россіи можно было только между другимъ, болѣе вѣрнымъ и выгоднымъ дѣломъ. То есть, не представлялось никакой выгоды заводить типографію въ Россіи и спеціально для Россіи; Тесингъ же взялся за рискованное дѣло продажи книгъ въ Россіи исключительно подъ тѣмъ условіемъ, что ему будутъ даны всѣ гарантіи, какія только могутъ способствовать успѣху дѣла—и Петръ согласился на его требованія, желая во что бы то ни стало развить въ Россіи книжное дѣло. Требованія же Тесинга оказались не малыми—онъ просто-на-просто получилъ исключительное право ввозить въ Россію книги, земныя и морскія картины, чертежи, персоны и пр. «Иному никому изъ иноземцевъ такихъ картъ, чертежей и книгъ не печатать (!) и изъ Европейскихъ государствъ въ Россійское царство не привозить»—подъ страхомъ конфискаціи всѣхъ экземпляровъ и «пени за всякій привозъ по 1000 ефимковъ, и изъ этой пени брать въ казну двѣ доли, а третью долю отдавать Ивану Тесингу».

Въ самой Россіи первая частная типографія была основана въ 1771 году иноземцомъ, мастеромъ словолитнаго художества, Іоанномъ Михелемъ Гартунгомъ въ С.-Петербургѣ. Этотъ Гартунгъ получилъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ устроить «вольную» типографію, также привилегію печатать книги на иностранныхъ языкахъ (но не на русскомъ, чтобъ не было

---

[16]) Калмыковъ, op. cit. стр. 116, сс.

подрыва казеннымъ типографіямъ). Привилегія дана была на вѣчныя времена, но въ ней ничего не упоминается о перепечаткѣ книгъ другихъ вольныхъ издателей, вѣроятно потому, что таковыхъ въ Россіи не было. Но какъ только появилась вторая типографія, такъ тотчасъ было упомянуто въ выданной ей привилегіи, что эта типографія (Вейтбрехта и Шпора) не имѣетъ права перепечатывать книги, изданныя въ другихъ типографіяхъ, иначе, какъ по особому съ ними соглашенію. Такимъ же образомъ защищалось и все то, что напечатаютъ Вейтбрехтъ и Шпоръ. Понапрасну только проф. Калмыковъ говоритъ [17]) по этому поводу: «здѣсь впервые встрѣчается ясно высказанное огражденіе частной литературной собственности...» Конечно, эти издательскія привилегіи косвеннымъ образомъ охраняли и интересы авторовъ—но, въ сущности, онѣ не имѣли никакого отношенія къ авторскому праву, къ литературной собственности [19]).

Гораздо правильнѣе было бы отнести это выраженіе Калмыкова къ другому, незначительному, но, въ сущности, весьма интересному и симпатичному факту, который, не будь онъ *единичнымъ*, далъ бы намъ полное право утверждать, что въ Россіи въ серединѣ прошлаго вѣка признавалось въ чистомъ видѣ право автора и переводчика. Къ сожалѣнію, факты такого рода не повторялись—и указываемый нами случай вѣрнѣе отнести къ непослѣдовательностямъ правительства, которое вдругъ узаконило то, о чемъ оно себѣ не отдавало даже отчета, санкціонируя авторское право—по ошибкѣ или просто изъ особеннаго сожалѣнія къ бѣдности секретаря Академіи Наукъ Волчкова. Этотъ послѣдній для облегченія бѣдности [20]) занимался переводами помимо тѣхъ, которые онъ исполнялъ, какъ присяжный переводчикъ Академіи. Издавая переводы, онъ поддерживалъ доходомъ съ изданій себя и семью и, потому, подалъ жалобу, когда нѣкто надв. сов. Тауберть самовольно издалъ его, Волчкова, переводы и не только дарилъ

---

[17]) op. cit. стр. 126 сс.

[19]) Ср. у проф. Шершеневича, op. cit. стр. 123 пр. 1.

[20]) Калмыковъ, op. cit. стр. 124.

ихъ, но и пускалъ въ продажу. Просьба Волчкова была уважена, и указомъ Сената повелѣно запретить дѣйствія Тауберта и учредить для печатанія трудовъ Волчкова особую типографію, причемъ изъ вырученной отъ продажи книгъ суммы выдавать Волчкову $^1/_{12}$ часть. Въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, можно усмотрѣть «ясно выраженное ограждеиіе частнаго авторскаго права». Къ сожалѣнію, указъ этотъ такъ и остался единичнымъ—и былъ скоро забытъ.

Во введеніи, говоря объ исторіи авторскаго права на западѣ, мы указывали, что возникновенію издательскихъ привилегій въ значительной степени способствовала большая распространенность взглядовъ, будто достоинство автора унижается, если онъ пользуется доходами со своихъ сочиненій (см. стр. 17). У насъ въ Россіи также довольно долго господствовалъ такой взглядъ на свободное искусство. «Во главѣ литературы издревле—говоритъ Скабичевскій [21])—господствовалъ особеннаго рода Олимпъ, на которомъ возсѣдали въ видѣ литературныхъ боговъ писатели первой величины, каждый со своей свитой. Затѣмъ слѣдовали писатели второстепенные, третьестепенные и т. д. вплоть до журнальнаго плебса, пресмыкающагося въ самомъ низу, пишущаго ради презрѣнныхъ денегъ, корыстныхъ барышей и чуждаго поэтому того высшаго литературнаго благородства и безкорыстія, которыя казались свойственными лишь особаго рода избранникамъ. Но, съ презрѣніемъ смотря на честно заработанныя трудомъ деньги, олимпійцы, въ то же время, были очень падки на подачки свыше. Они упорно держались стараго покровительственнаго режима и поэтому старались вращаться въ великосвѣтскихъ кругахъ, проникать по возможности въ придворныя сферы и всячески заискивать у сильныхъ міра, добиваясь то пенсіи, то уплаты долговъ, то какой-либо льготы».

Но, приблизительно, со времени Пушкина начинается новое вѣяніе. Послѣдній уже нисколько не стѣсняется продавать свои произведенія издателямъ за большія суммы и

---

[21]) Скабичевскій, Исторія новѣйшей русской литературы. Цитата взята у проф. Шершеневича, op. cit. стр. 124 сс.

даже заявлять, что денежные вопросы составляютъ одинъ изъ первыхъ побудителей его музы. Вліяніе писателей стало увеличиваться, и скоро появилась потребность защитить ихъ интересы путемъ законодательнымъ.

Однако, когда въ 1830 году сочинялся уставъ о «литературной и художественной собственности», отношенія интеллектуальныхъ тружениковъ къ публикѣ и къ издателямъ были еще мало выяснены и недостатокъ опыта ставилъ тогдашнихъ юристовъ въ большое затрудненіе. Какъ бы то ни было, но цензурный уставъ былъ изданъ съ приложеніемъ къ нему довольно обширнаго положенія о правахъ сочинителей; — уже изъ одного факта такого соединенія можно составить себѣ извѣстное понятіе о томъ смѣшеніи самыхъ элементарныхъ понятій и о томъ смутномъ пониманіи самой сущности авторскаго права—которое проявили въ своемъ трудѣ составители «положенія». Можно до извѣстной степени относить авторское право, въ отдѣлъ, трактующій о правѣ собственности (какъ это сдѣлано въ изданіи 1887 года)—но помѣщать его вмѣстѣ съ полицейскими постановленіями, помѣщать его въ видѣ неразрывной части цензурнаго устава — и дѣлать это только потому, что и «уставъ» и «положеніе» говорятъ о *книгахъ* — это отзывается недоразумѣніемъ. И недоразумѣніе это нельзя объяснить недосмотромъ: въ самомъ текстѣ «положенія» существуетъ статья [22]), которая гласитъ, что «напечатавшій книгу безъ наблюденія правилъ Цензурнаго Комитета лишается всѣхъ правъ на нее». Составители, очевидно, были глубоко убѣждены, что цензурный уставъ и положеніе о правахъ сочинителей должны были составить неразрывное цѣлое.

Мы не станемъ слѣдить за всѣми перемѣщеніями изъ тома въ томъ, которымъ подвергалось «положеніе» по волѣ редакторовъ различныхъ изданій Свода [23]),—а позволимъ себѣ прямо перейти къ разбору главнѣйшихъ постановленій «положенія»— въ томъ видѣ, какъ оно теперь представляется.

---

[22]) Законы гражд. прил. къ ст. 420, ст. 21.

[23]) См. подробно у проф. Шершеневича, op. cit. стр. 125 и сл.

Мы уже указывали, что юридическая практика начала этого столѣтія давала очень мало матеріала для составителей положенія — что́, какъ мы увидимъ ниже, отозвалось на послѣднемъ самымъ яркимъ образомъ. Все положеніе носитъ какой-то странный, отрывочный характеръ; — статьи общаго характера перемѣшаны съ самыми мелочными постановленіями, съ заимствованіями изъ другихъ законодательствъ и даже съ такими постановленіями, которыя ничего общаго съ авторскимъ правомъ не имѣютъ (напримѣръ, ст. 9, трактующая объ опубликованіи частныхъ писемъ, защищаетъ не авторское чье-либо право, а личныя права частныхъ лицъ).

Вообще, постановленія «положенія» можно сгруппировать слѣдующимъ образомъ.

Субъектомъ авторскаго права признается всякій—

1) Сочинитель [24]) и переводчикъ книги [25]), имѣющіе основное авторское право; такое же право принадлежитъ

2) первымъ издателямъ [26]) народныхъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и повѣстей, сохранившихся однимъ изустнымъ преданіемъ, и первымъ издателямъ древнихъ рукописей.

3) Издатели журналовъ и другихъ періодическихъ изданій, а также и альманаховъ [27]).

4) Живописцы, скульпторы, архитекторы, граверы, медальеры и другими отраслями изящныхъ искусствъ занимающіеся художники [28]).

5) Композиторы [29]).

6) Наслѣдники всѣхъ перечисленныхъ лицъ [30]).

Для разбираемаго нами вопроса прежде всего является интереснымъ рѣшить, какой системы придерживается, вообще,

---

[24]) Ст. 1 прил. къ ст. 420 т. X ч. 1.

[25]) Вообще, положеніе считаетъ переводы самостоятельными произведеніями литературы, такъ что не защищаетъ никакого права исключительнаго перевода, ср. стр. 507.

[26]) ibid. ст. 2.

[27]) ibid. стр. 7: «пользуются исключительнымъ правомъ перепечатывать оныя въ той же формѣ».

[28]) ibid., ст. 28.

[29]) ibid., ст. 41.

[30]) Законы гражданскіе, ст. 1185.

наше законодательство въ дѣлѣ защиты авторскихъ интересовъ, т. е. защищаетъ ли оно ихъ на основаніи системы *территоріальной*, *національной*, или какой-либо *смѣшанной*. Въ схематическомъ видѣ этотъ вопросъ раздѣляется на слѣдующіе четыре.

1) Защищаются ли иностр. изданія иностр. авторовъ?
2) » » иностр. » русск. »
3) » » русскія » иностр. »
4) » » русскія » русск. »

На первый вопросъ должно отвѣтить отрицательно, ибо иначе намъ не пришлось бы говорить конвенціяхъ и заключать таковыя въ 1861—62 годахъ. Замѣчу, впрочемъ, что редакція статьи 1-ой даетъ возможность предположить совершенно обратное: постановленія ея сдѣланы въ самыхъ общихъ выраженіяхъ [31]) и исключеній объ иностранцахъ нигдѣ не имѣется; только горькій опытъ даетъ намъ возможность сказать, что русское законодательство не защищаетъ иностранныхъ изданій иностранныхъ авторовъ; на четвертый вопросъ нужно отвѣтить безусловно утвердительно, ибо иначе «положеніе» не имѣло бы raison d'être. Остаются вопросы второй и третій. Если мы отвѣтимъ утвердительно только на третій—положеніе придерживается системы территоріальной [32]); если утвердительный отвѣтъ мы дадимъ только на второй—національной [33]). Два утвердительныхъ отвѣта укажутъ на систему смѣшанную. Позволю себѣ оговориться: составители нашего положенія, очевидно, не руководились и не подразумѣвали никакихъ системъ,—они давали случайныя постановленія о тѣхъ предметахъ, которыя имъ случайно показалось необходимымъ защитить. Поэтому, по данному вопросу въ положеніи нѣтъ никакихъ положительныхъ, опредѣленныхъ указаній: приходится *догадываться* на основаніи нѣкоторыхъ *косвенныхъ* доказательствъ о духѣ положенія; ничего окончательнаго сказать нельзя.

---

[31]) «Каждый сочинитель или переводчикъ книги имѣетъ исключительное право пользоваться во всю жизнь свою изданіемъ и продажей и т. д.»

[32]) Какъ итальянскій законъ.

[33]) Какъ германскіе законы.

Защищаетъ онъ наше положеніе *иностранныя изданія русскихъ авторовъ*? По этому поводу есть нѣкоторыя указанія въ статьѣ 48 (о правѣ музыкальной собственности): «Музыкальныя произведенія, которыя Русскими сочинителями издаются за-границей, или на изданіе которыхъ право уступлено ими иностранному издателю, ограждаются отъ перепечатанія и публичнаго исполненія въ предѣлахъ Имперіи на основаніи постановленій сего положенія». Ничего подобнаго мы не находимъ въ «положеніи» относительно писателей и художниковъ (отдѣлы I и II положенія). Поэтому, представляется толковать приведенное постановленіе отдѣла III какъ *lex specialis* и утверждать съ *нѣкоторою* долею увѣренности, что по общему правилу русское положеніе защищаетъ только русскія территоріальныя изданія, а въ *видѣ исключенія* — заграничныя *музыкальныя* изданія [34]).

Запрещаются ли *русскія* (т. е. напечатанныя въ Россіи) *изданія иностранныхъ авторовъ*? По обычному толкованію «положенія», защищаются въ Россіи всѣ тѣ изданія, на обложкѣ которыхъ напечатано названіе какого-либо русскаго города, какъ мѣста изданія; національность автора не принимается во вниманіе. Прямыхъ основаній въ «положеніи» для такого толкованія, опять таки, нѣтъ. но косвенное—можно *до нѣкоторой степени* видѣть въ статьѣ 21-ой: «Напечатавшій книгу безъ наблюденія правилъ Цензурнаго Устава лишается всякихъ правъ на оную». Откуда e contrario можно предположить, что всякій напечатавшій книгу съ соблюденіемъ правилъ цензурнаго устава, получаетъ защиту въ полномъ объемѣ. Иностранцы, издавая свои сочиненія на русской территоріи, всѣ обязаны соблюдать правила цензурнаго устава; ergo, если они ихъ исполнили, и т. д. Итакъ, положеніе *защищаетъ права иностранцевъ, печатающихъ свои сочиненія внутри Россіи*.

Окончательное заключеніе можетъ быть сдѣлано такое: положеніе признаетъ по отношенію къ литературнымъ и худо-

---

[34]) Такъ и толкуются обыкновенно постановленія «положенія». Указываютъ, напримѣръ, что «Путешествіе на Востокъ» изд. князя Э. Ухтомскаго (изданное въ Лейпцигѣ) можетъ быть перепечатано въ Россіи кѣмъ угодно, если не предположить возможности административнаго вмѣшательства.

жественнымъ произведеніямъ—*территоріальную* систему защиты, а по отношенію къ музыкальнымъ—*смѣшанную* (территоріальную съ распространеніемъ: 1) на всѣ національныя произведенія (т. е. принадлежащія русскимъ композиторамъ) и 2) на всѣ произведенія, принадлежащія «пребывающимъ въ Россіи сочинителямъ»). Уже изъ этого видно, сколько путаницы содержитъ наше положеніе даже по такимъ первостепеннымъ вопросамъ [35]). Впрочемъ, отмѣчу еще разъ, что все сказанное — очень гадательно.

Возвращаясь къ вышеприведенному списку защищаемыхъ лицъ, можно сказать, что пункты второй и третій этого списка содержатъ перечисленія вродѣ тѣхъ, о неудобствѣ которыхъ мы говорили уже много разъ, указывая, что такія перечисленія, въ сущности, ничего не значатъ. Перечисленіе можетъ быть или ограничительнымъ, или примѣрнымъ; вышеприведенныя же перечисленія нельзя признать *ограничительными*, потому что несправедливо было бы защищать интересы того, кто издаетъ сборникъ пословицъ, и не защищать того, кто издаетъ сборникъ народныхъ загадокъ; защищать пѣсни—не защищать былинъ; защищать издателя древнихъ рукописей, и не защищать того, кто издаетъ надписи съ камней, стѣнныя надписи, ксилографы или даже печатныя книги первой эпохи. Нельзя считать это перечисленіе и *примѣрнымъ*, ибо таковому должны предшествовать общія понятія, — между тѣмъ какъ «положеніе» ничего подобнаго не даетъ. Получается же въ суммѣ смутное и неясное представленіе о томъ, какихъ лицъ защищаетъ положеніе, а какихъ—нѣтъ. Не проще ли было бы, по примѣру западныхъ законодательствъ, постановить, что защищается издатель всякаго сборника, разъ этотъ издатель проявилъ самостоятельную дѣятельность, выразившуюся въ собираніи, группировкѣ или обработкѣ матеріала?

Еще страннѣе постановленія объ авторскомъ правѣ *лицъ*

---

[35]) Сочиненіе русскаго писателя, напечатанное въ Германіи въ собственномъ изданіи автора, не будетъ пользоваться никакой защитой ни въ Россіи (см. предш. страницу), ни въ Германіи (см. §§ 78—79). Оно не будетъ пользоваться гдѣ-либо какой-либо защитой!

юридическихъ [36]): «Общества, издающія книги или иныя произведенія наукъ или словесности, пользуются исключительнымъ правомъ собственности на сіи произведенія, если авторъ оное (т. е. право) имъ предоставилъ, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ.» Въ этой статьѣ смѣшаны самыя разнообразныя понятія.

Прежде всего, является вопросъ, о какомъ правѣ юридическихъ лицъ говорится въ этой статьѣ? Изъ самой редакціи данной статьи можно предположить, что она говоритъ не о первоначальномъ (основномъ) авторскомъ правѣ, а о производномъ (пріобрѣтенномъ), ибо статья употребляетъ выраженіе: «если авторъ оное имъ предоставитъ». «Обществу» противополагается «авторъ»—такъ что невозможно предположить, чтобы положеніе не подразумѣвало двухъ лицъ. А разъ мы имѣемъ дѣло съ двумя лицами, т. е. съ обществомъ и авторомъ—первое можетъ имѣть только производное авторское право. Но въ такомъ случаѣ, т. е. если статья говоритъ о пріобрѣтенномъ (производномъ) авторскомъ правѣ—она, очевидно, заключаетъ нарушеніе основныхъ понятій: такое право *не можетъ* быть ограничено пятьюдесятью годами, ибо продолжительность защиты авторскаго права разсчитывается всегда въ зависимости отъ продолжительности жизни *автора*;—а таковымъ въ данномъ случаѣ является физическое лицо. Откуда, авторское право, даже если оно будетъ *передано юридическому лицу*—должно разсчитываться сообразно съ продолжительностью жизни *фактическаго автора*. Вѣдь, если авторъ «предоставляетъ право» своему сосѣду—никто не станетъ разсчитывать продолжительность этого права сообразно съ тѣмъ временемъ, которое проживетъ этотъ сосѣдъ. А между тѣмъ, если авторъ уступилъ свое право юридическому лицу—«положеніе» предлагаетъ поступать именно такъ, т. е. произвольно сокращать продолжительность защиты до 50 лѣтъ со дня изданія сочиненія въ свѣтъ [37]).

Составители положенія, очевидно, сами подозрѣвали какую-то нелогичность въ разбираемой статьѣ, ибо, сдѣлавъ выше-

---

[36]) ibid. ст. 22.

[37]) вмѣсто: 50 лѣтъ со дня смерти автора, что, очевидно, больше.

указанное странное постановленіе, они тотчасъ ворочаются назадъ и добавляютъ: «По истеченіи сего времени такія произведенія становятся собственностью публики, кромѣ тѣхъ лишь случаевъ, когда авторъ оныхъ еще въ живыхъ и удерживаетъ (?) за собою сію литературную собственность». Противорѣчіе слѣдуетъ за противорѣчіемъ! Или авторъ передалъ свое право ученому «обществу»—или онъ его сохраняетъ;—одно изъ двухъ. Но какъ предположить, что авторъ передалъ свое право ученому обществу, послѣднее пользовалось такимъ правомъ въ теченіе 50 лѣтъ, право это было погашено—и вдругъ, послѣ всего этого, можетъ случиться, что «авторъ *еще удерживаетъ* сію литературную собственность....» Сколько же авторовъ будетъ у этого одного произведенія?—сперва высчитывается срокъ согласно предположенію, что авторъ произведенія есть ученое общество; затѣмъ, черезъ 50 лѣтъ, оказывается второй авторъ и т. д. Остается предложить только одинъ вопросъ: если все случится такъ, какъ предполагаетъ положеніе, если «сочинитель» останется въ живыхъ, а право общества будетъ погашено опредѣленною давностью—то спрашивается, *кому* будетъ принадлежать *новое продолженіе авторскаго права*, которое возникаетъ въ силу разбираемой статьи?—фактическому автору или юридическому лицу?....

Понятіе *объекта авторскаго права* не опредѣлено въ положеніи даже самымъ приблизительнымъ образомъ, причемъ по этому вопросу особенно интересно прослѣдить терминологію [38]). Такъ, объектомъ авторскаго права считается «книга» въ ст. 1; «произведеніе»—въ ст. 6; «сочиненіе» въ ст. 7; «сочиненіе или переводъ» въ ст. 8; «статья» въ ст. 13; «статьи» въ ст. 14; «трудъ» въ ст. 23 и т. д. Такимъ образомъ, положеніе не только не даетъ общаго понятія, но и термины употребляетъ столь разнообразные, что изъ нихъ никакого обобщенія сдѣлать нѣтъ возможности. Поэтому, постараемся отмѣтить хотя бы нѣкоторыя главнѣйшія частныя постановленія по этому вопросу.

---

[38]) Ср. § 321.

Вообще нужно отмѣтить, что положеніе сплошь носитъ характеръ неудачной попытки какъ можно «точнѣе» опредѣлить границы защиты; къ сожалѣнію, вмѣсто «точнаго» очень часто получается просто-на-просто комическое. Переводъ чужаго произведенія считается, какъ таковой, объектомъ авторскаго права. Въ то же время [39]): «переводъ книги уже переведенной въ таковомъ только случаѣ считается самовольнымъ изданіемъ, когда въ ономъ двѣ трети сряду выписано слово-въ-слово изъ прежнихъ переводовъ». Если суды будутъ толковать постановленіе это буквально, то никакой защиты для переводчиковъ въ Россіи не будетъ, ибо контрафактору нужно будетъ по серединѣ своей перепечатки только вставить двѣ-три страницы своего собственнаго перевода, а остальное воспроизвести дословно изъ чужаго перевода; тогда въ его контрафактномъ изданіи нельзя было найти двухъ третей прежняго перевода слово-въ-слово и подрядъ—и наказанію онъ подлежать не будетъ.—Если же, что вполнѣ естественно, суды не будутъ толковать разбираемую статью буквально, то она потеряетъ всякій смыслъ, ибо она, очевидно, разсчитана на эффектъ словъ «двѣ трети» и «подрядъ».

Къ чести положенія нужно, однако, замѣтить, что существуетъ одинъ вопросъ, въ отношеніи котораго оно опережаетъ даже такой законъ, какъ германскій 11 іюня 1870 года. Мы говоримъ о защитѣ произведеній устныхъ (публично произносимыхъ рѣчей). Положеніе не дѣлаетъ никакого различія между произведеніями письменными и словесными, такъ что въ контрафакціи можетъ быть обвиненъ всякій [40]), «кто безъ согласія сочинителя напечатаетъ произнесенную имъ публично или читанную рѣчь или другое сочиненіе» [41]).

Зато, положеніе страдаетъ большею неясностью по вопросу о защитѣ рукописей. По этому поводу положеніе говоритъ [42]): «частныя записки и другія бумаги, не предназначавшіяся въ свѣтъ, могутъ быть изданы не иначе,

[39]) ibid., ст. 16.
[40]) ibid., ст. 13, 8.
[41]) Ср. § 87—89.
[42]) ibid. ст. 10.

какъ съ воли сочинителя, а въ случаѣ его смерти, съ согласія его наслѣдниковъ». Здѣсь прежде всего кажется страннымъ выраженіе: «не предназначавшія въ свѣтъ». Не говоря уже о чрезвычайной субъективности этого признака, мы должны отмѣтить одно важное недоразумѣніе, возникающее при чтеніи разбираемой статьи, недоразумѣніе, которое такъ и остается неразрѣшеннымъ: «а если записки и бумаги *предназначались «въ свѣтъ»*—тогда развѣ можно издавать ихъ *безъ разрѣшенія автора*?» Другими словами: развѣ авторъ сочиненія, предназначеннаго имъ къ изданію въ свѣтъ, не можетъ воспретить печатаніе своей рукописи, случайно попавшей (законнымъ образомъ, но только *какъ рукопись*) въ руки посторонняго? Вѣдь, по точному смыслу разбираемой статьи, всякій можетъ обнародовать «частныя записки и бумаги», разъ онъ въ состояніи доказать, что такія бумаги и записки авторомъ «предназначались въ свѣтъ»?

Въ области искусствъ изобразительныхъ защитой пользуются, согласно статьѣ 28, произведенія живописи, скульптуры, гравернаго, медальернаго и другихъ «изящныхъ искусствъ» [43]). Однако и здѣсь можно замѣтить большую непослѣдовательность. Статья 28 ясно различаетъ, что авторъ. создавшій художественное произведеніе, имѣетъ на него:

1) право собственности, какъ на матеріальную вещь, и

2) такъ называемую «художественную собственность», т. е. авторское право.

Въ то же время, положеніе ясно указываетъ на то, что эти права самостоятельны и другъ отъ друга независимы. Предположимъ теперь, что художникъ выставляетъ картину на выставкѣ и назначаетъ ей опредѣленную цѣну, *какъ за таковую*, напримѣръ 1000 рублей, разсчитывая, что извѣстную сумму онъ получитъ отъ тѣхъ издателей, которые пожелаютъ воспроизводить его картину — напримѣръ, еще 1000 рублей.

---

[43]) Фотографическіе оттиски, согласно установившейся практикѣ, *никакою защитою* не пользуются. Въ этомъ смыслѣ интересно сравнить ст. 28 прил. къ ст. 420 т. X ч. 1, изъ которой явствуетъ, что фотографы никакихъ правъ на свои оттиски не имѣютъ—со ст. 1185 т. X ч. 1, указывающей, что по смерти фотографа его права переходятъ къ наслѣдникамъ!

Между тѣмъ на выставку является агентъ какого-нибудь провинціальнаго правительственнаго музея и покупаетъ картину, причемъ художникъ можетъ даже и не знать, для пополненія какихъ коллекцій предназначается его картина. Значитъ, до сихъ поръ художникъ получилъ только одну тысячу, разсчитывая дополучить вторую впослѣдствіи отъ издателей. Между тѣмъ вдругъ картина его появляется въ правительственномъ музеѣ или просто въ «казенномъ мѣстѣ» — и художникъ какимъ-то образомъ, оказывается, теряетъ на нее всякое авторское право — въ силу статьи 31, гласящей: «художественныя произведенія, купленныя правительствомъ, или исполненныя по его заказу для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ и вообще казенныхъ мѣстъ, почитаются уже полнымъ достояніемъ тѣхъ вѣдомствъ и могутъ быть копированы безъ согласія художника.» Остается только художникамъ при продажѣ своихъ произведеній всегда освѣдомляться о покупателѣ — и дѣлать соотвѣтствующую надбавку въ томъ случаѣ, когда таковымъ окажется правительство. Однако, и тутъ встрѣчается затрудненіе: Третьяковская галлерея лѣтомъ была частною — а теперь стала правительственною, и Третьяковъ, передавъ ее правительству — уничтожилъ права третьихъ лицъ!

Такимъ образомъ, мы никакъ не можемъ признать справедливою эту ст. 31, хотя признаемъ всю правильность помѣщенія въ «положеніи» статьи 32, которая опредѣляетъ, что авторъ теряетъ право воспроизведенія, если произведеніе сдѣлано по заказу [44]) и если оно представляетъ портретъ живого лица (подобное лишеніе авторскаго права объясняется совершенно особыми соображеніями, см. § 406).

---

[44]) Впрочемъ эта статья заключаетъ въ себѣ, въ общемъ, слишкомъ широкое постановленіе: «Равномѣрно художникъ не имѣетъ права собственности (нужно подразумѣвать: *художественной*) и на работы, произведенныя имъ по заказу частныхъ лицъ, если не выговорилъ себѣ онаго особымъ условіемъ». Нужно было бы редактировать эту статью наоборотъ: «...Имѣетъ право собственности—кромѣ тѣхъ случаевъ, когда противоположное будетъ оговорено въ спеціальномъ соглашеніи»—иначе положеніе нарушаетъ установленное въ ст. 28-ой различіе между правомъ собственности на вещь и правомъ «художественной собственности» на произведеніе искусства.

Произведенія музыкальныя защищаются какъ въ томъ случаѣ, когда они уже изданы въ свѣтъ, такъ и въ томъ, когда остаются еще не напечатанными [45]).

Контрафакціей считается въ области литературы: 1) всякое воспроизведеніе чужого произведенія безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія автора, причемъ «положеніе» дѣлаетъ одно исключеніе: если авторъ передалъ свое право издателю и въ договорѣ между ними нѣтъ соотвѣтствующей оговорки, то авторъ имѣетъ право напечатать второе изданіе своего произведенія даже въ томъ случаѣ, если первое изданіе книгопродавца еще не разошлось—но не ранѣе, какъ черезъ 5 лѣтъ послѣ выхода его въ свѣтъ [46]); 2) ввозъ изъ-за границы напечатанныхъ тамъ контрафакцій [47]); 3) можетъ быть обвиненъ въ контрафакціи «журналистъ, подъ видомъ рецензіи или подъ другимъ предлогомъ перепечатывающій постоянно и вполнѣ мелкія изъ чужихъ изданій статьи, хотя бы оныя занимали и менѣе одного листа. Но случайное перепечатываніе въ какомъ либо изданіи (?) мелкой статьи, не занимающей болѣе одного печатнаго листа, а равно и перепечатываніе извѣстій политическихъ или относящихся къ словесности, наукамъ и художествамъ [48]), съ указаніемъ источника, откуда оныя заимствованы—не воспрещается» [49]). Эта статья въ особенности выдается по своей неопредѣленной и крайне неудачной редакціи. Мы уже указали на всю безполезность того перечисленія, которое она заключаетъ (см. прим. 48). Но кромѣ того, статья эта содержитъ еще признаки типичные по своей неопредѣленности, именно: «случайно»—«постоянно». Не мудрено, что у насъ въ Россіи въ настоящее время журналисты не стѣсняются перепечатывать другъ у друга что-угодно,

---

45) ibid. ст. 42.

46) ibid. ст. 5.

47) ibid. ст. 46.

48) Къ чему это перечисленіе? Дозволено перепечатывать: мелкія статьи, политическія извѣстія и статьи относящіяся къ словесности, наукамъ или художествами—что же останется? что *запрещается* перепечатывать? Объявленія?

49) ibid. ст. 18.

лишь бы статья не превышала одного печатнаго листа [50])— и все это несмотря на такое длинное и, повидимому, опредѣленное постановленіе.

Не считаются контрафакціей:

1) Заимствованія для хрестоматій [51]).

2) Цитаты (трактующая объ этихъ послѣднихъ статья 15-ая не особенно скупится дозволять цитированіе въ такихъ размѣрахъ, которые могутъ показаться странными: дозволяется перепечатать въ видѣ цитаты $^1/_3$ оригинала).

3) Дозволяется издавать переводы оригинальныхъ произведеній [52]), впрочемъ, какъ наивно заявляетъ статья 18-ая, «безъ приложенія оригинальнаго текста». Однако, если книга требовала «особыхъ ученыхъ изысканій», то авторъ получаетъ на нее право исключительнаго перевода, когда: 1) сдѣлаетъ заявленіе о своемъ желаніи сохранить такое право и 2) издастъ свой переводъ не позже, какъ черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ оригинала. И тутъ опять замѣчается ужасная неопредѣленность. Вѣдь, сколько судовъ будутъ толковать данную статью,—столько различныхъ пониманій будемъ мы имѣть для словъ: «особенное (?) ученое изысканіе».

Въ области искусствъ изобразительныхъ, контрафакціей считается всякое копированіе [53]), причемъ такимъ копированіемъ считается (см. ст. 37—длинное перечисленіе):

a) въ области живописи—всякое воспроизведеніе на плоскости же;

b) въ области скульптуры—всякое воспроизведеніе въ пространствѣ же;

---

[50]) Согласно имѣющимся у меня достовѣрнымъ извѣстіямъ, одна московская газета напечатала недавно въ фельетонѣ маленькій разсказъ («меньше печатнаго листа») нашего знаменитаго романиста Г—а. Одна изъ поволжскихъ газетъ перепечатала разсказъ съ указаніемъ источника; другая поволжская газета перепечатала уже изъ первой поволжской, съ указаніемъ этой послѣдней (а не московской)— какъ источника. Послѣ долгихъ странствованій изъ газеты въ газету, причемъ «источникъ» каждый разъ измѣнялся—разсказъ былъ напечатанъ въ одной сибирской газетѣ *безъ подписи* и помѣткой «переводъ съ французскаго» (дѣйствующія лица разсказа—французы).

[51]) ibid. ст. 14.

[52]) ibid. ст. 18.

[53]) ibid. ст. 36.

c) въ области гравюры—воспроизведеніе на мѣди, камнѣ и деревѣ *въ ту же величину* [54]),

d) въ области архитектуры: 1) постройки по чужимъ планамъ и воспроизведеніе чужихъ архитектурныхъ произведеній въ архитектурѣ же; 2) воспроизведеніе чужихъ плановъ гравюрой и т. д.; но дозволяется срисовывать построенныя зданія.

Безусловно разрѣшается воспроизводить художественныя произведенія въ подѣлкахъ мануфактурныхъ и ремесленныхъ, а также переносить художественныя произведенія съ плоскости въ пространство и обратно [55]).

Въ области *музыки*, считаются контрафакціей всякія переложенія на другіе инструменты («положеніе» ничего ни говоритъ о большемъ или меньшемъ количествѣ инструментовъ [56]), такъ что нужно заключить, что запрещаются всякія переложенія)—а также изданіе чужихъ произведеній съ измѣненнымъ аккомпанементомъ [57]). Относительно arrangements нужно руководиться статьей 44, которая дозволяетъ только такія заимствованія, которыя въ новой переработкѣ составляютъ оригинальныя произведенія.

По отношенію къ произведеніямъ музыкальнымъ русское положеніе дѣлаетъ вдругъ самое необычное и несогласное съ общимъ его характеромъ отступленіе—именно признаетъ [58]), вопреки своему основному принципу, защиту не только національныхъ, но и заграничныхъ (какъ я уже указывалъ выше) произведеній, причемъ послѣднихъ—въ томъ случаѣ, если они принадлежатъ:

1) композитору — русскому подданному;

2) композитору — иностранцу, находящемуся въ данный моментъ на русской территоріи. Эта статья имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, ибо она составитъ, вѣроятно, ту дверь,

---

[54]) Постановленіе, которое имѣло смыслъ въ началѣ настоящаго столѣтія, но которое лишаетъ теперь граверовъ всякой защиты, ибо фотографія позволяетъ теперь чисто-механическимъ путемъ воспроизводить гравюры какъ въ меньшемъ, такъ и въ большемъ размѣрѣ.

[55]) ibid. ст. 39.

[56]) подробно см. §§ 411—412.

[57]) ibid. ст. 42.

[58]) ibid. ст. 48.

черезъ которую пройдетъ въ русское законодательство защита иностранныхъ авторовъ.

Нужно, кромѣ того, отмѣтить, что по отношенію къ музыкальнымъ произведеніямъ, положеніе защищаетъ право исключительнаго публичнаго исполненія, со слѣдующими, впрочемъ, ограниченіями [59]):

a) исключительное право публичнаго исполненія произведенія музыкальнаго еще неизданнаго всецѣло принадлежитъ композитору;

b) исключительное право публичнаго исполненія произведенія музыкальнаго уже напечатаннаго принадлежитъ автору только въ томъ случаѣ, если на каждомъ экземплярѣ изданія сдѣлана соотвѣтствующая оговорка;

c) исключительное право публичнаго исполненія оперъ и ораторій безусловно принадлежитъ ихъ автору.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что «положеніе» требуетъ отъ авторовъ, для сохраненія своего права воспроизведенія извѣстныхъ *формальностей*. Кромѣ указанныхъ уже оговорокъ на каждомъ экземплярѣ изданнаго музыкальнаго произведенія—положеніе требуетъ еще, чтобы—

1) авторъ всякаго литературнаго произведенія исполнилъ всѣ требованія цензурнаго устава [60]),

2) авторъ всякаго художественнаго произведенія: a) записалъ свое произведеніе у нотаріуса, маклера или въ уѣздномъ судѣ съ подробнымъ описаніемъ произведенія; b) взялъ бы удостовѣреніе о совершеніи такой записи; c) извѣстилъ бы Академію Художествъ, прилагая засвидѣтельствованный экземпляръ удостовѣренія. Послѣдняя дѣлаетъ на счетъ художника соотвѣтствующее объявленіе въ газетахъ; d) если произведеніе можетъ быть повторено во многихъ экземплярахъ, художникъ долженъ представить два оттиска въ Академію [61]).

По-просту сказать, столько совершенно ненужныхъ, но стѣснительныхъ формальностей, что, кажется, до сихъ поръ ни одинъ художникъ не рѣшался исполнить всю эту процедуру.

---

[59]) ibid. см. 43.

[60]) ibid. ст. 21 (т. е. представилъ 9 экземпляровъ).

[61]) ibid. ст. 29.

Таковы, въ общихъ чертахъ, главнѣйшія постановленія нашего «положенія о правахъ сочинителей». Какъ видно, оно далеко отъ совершенства. Не даромъ проф. Мартенсъ говоритъ [62]),—что по вопросу о защитѣ авторскаго права «русское законодательство совершенно устарѣло и крайне недостаточно».

Намъ остается—согласно намѣченному плану—сказать нѣсколько словъ еще по одному вопросу. Предъидущее выяснило недостаточность и устарѣлость русскаго законодательства — шесть главъ второй части могутъ показать достаточно ясно, чего можно будетъ требовать отъ будущаго русскаго «положенія объ авторскомъ правѣ».

Остается—повторяемъ—разсмотрѣть послѣдній вопросъ: какъ должна Россія относиться къ защитѣ авторовъ иностранныхъ? Другими словами: полезно ли и выгодно ли нашей родинѣ присоединиться къ тому движенію, которое ратуетъ за защиту авторскихъ правъ иностранцевъ? Короче: должна ли Россія примкнуть къ государствамъ Бернскаго Союза?

---

[62]) Междун. право цив. народовъ т. II стр. 147.

II. Россія и международныя литературныя конвенціи.

Вопросъ, которымъ я закончилъ предъидущій отдѣлъ, много разъ обсуждался у насъ въ Россіи, обсуждался подъ вліяніемъ различныхъ политическихъ, экономическихъ и бытовыхъ условій. Было время, когда насъ противъ воли склонили заключить двѣ конвенціи; было время, когда мы отказались отъ этихъ конвенцій, считая для себя единымъ выгоднымъ—то положеніе, которое называется: «полная и безусловная свобода международной контрафакціи». Такимъ же осталось и до послѣднихъ поръ почти безусловно господствующее рѣшеніе предложеннаго вопроса. Можетъ возникнуть, такимъ образомъ, естественное недоумѣніе, зачѣмъ еще разъ поднимать дѣло, которое уже рѣшено безповоротно? Предвидя такое возраженіе и даже предполагая правоту тѣхъ, которые въ 60-хъ годахъ высказывались противъ конвенцій—я позволю себѣ замѣтить, что рѣшеніе предложеннаго вопроса зависитъ отъ вліянія такой громадной суммы самыхъ разнообразныхъ условій, что съ ними, съ измѣненіемъ ихъ въ постепенномъ развитіи отечественной науки, литературы и книжной производительности—необходимо считаться. Необходимо безпрестанно удостовѣряться, сохранили ли свой прежній характеръ эти условія: то, что при прежнихъ условіяхъ было истиной—можетъ оказаться ложнымъ при условіяхъ теперешнихъ. Если правы были дѣятели 1861 года — можетъ быть неправы тѣ, кто повторяетъ ихъ слова, не обращая вниманія, какой грогромадный шагъ въ дѣлѣ самостоятельнаго развитія сдѣлала Россія за послѣдніе 30—40 лѣтъ.

Приступая къ обсужденію предложеннаго вопроса, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Вопросъ этотъ очень сложенъ, и обсуждать его можно съ

разныхъ точекъ зрѣнія. Послѣ извѣстнаго письма Э. Золя, помѣщеннаго въ № 6394 «Новаго Времени», наши газеты и заинтересованныя корпораціи подняли оживленную полемику, слѣдя за которой, я могъ замѣтить, что нерѣдко ставился вопросъ даже о необходимости, вообще, защищать авторскія права *національныхъ авторовъ*.

Поэтому, я считаю необходимымъ указать, что во всемъ дальнѣйшемъ я предполагаю доказанною и общепризнанною—необходимость авторскаго права національныхъ писателей: иначе мнѣ пришлось бы повторять такія доказательства, которыя уже давно сдѣлались общими мѣстами. Затѣмъ, замѣчу, что я постараюсь, по возможности, воздерживаться отъ абстрактныхъ пространныхъ умозаключеній, въ которыхъ такъ легко ошибиться—а всю свою защиту сведу къ тому, чтобы привести нѣсколько фактовъ, взятыхъ изъ дѣйствительности и эту дѣйствительность освѣщающихъ. Впрочемъ, для полноты сдѣлаю сначала нѣсколько общихъ замѣчаній.

По моему мнѣнію [1]), на предложенный вопросъ прежде всего навертывается отвѣтъ съ точки зрѣнія вліянія международной контрафакціи на народную нравственность. Авторъ, создавая свою книгу, очевидно, тратитъ свое время и трудъ; поэтому, онъ имѣетъ безспорное право получить вознагражденіе отъ тѣхъ, кто пожелаетъ воспользоваться его трудомъ (т. е. купить его книгу). Покупая книгу, принадлежащую автору-иностранцу, я долженъ уплатить ему авторскій гонораръ; покупая же контрафакцію, издатель коей такого гонорара автору не платитъ—всякій изъ насъ нарушаетъ очевидныя права автора. Между тѣмъ оказывается, что, напримѣръ, русское законодательство, въ связи съ отсутствіемъ международныхъ русскихъ литературныхъ конвенцій—даетъ автору-иностранцу возможность получить слѣдуемый ему гонораръ только въ томъ случаѣ, если онъ издастъ свое сочиненіе на опредѣленной территоріи (въ данномъ случаѣ—русской). Рус-

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю своимъ долгомъ замѣтить, что часть послѣдующаго была мною изложена въ фельетонахъ «Новаго Времени» (см. №№ 6405, 6411, 6419, 6433 и друг.).

скій законъ поощряетъ насъ не платить за трудъ тому автору, который не соблюлъ тѣхъ-то и тѣхъ-то формальностей. Получается безмездное пользованіе услугой другого лица, даже безъ выясненія вопроса, желаетъ ли это лицо оказать мнѣ безплатную услугу – короче, получается нѣчто вродѣ грабежа. Не помню, кто изъ защитниковъ необходимости литературнаго соглашенія между Англіей и Америкой (С. Штатами) говорилъ, что является страннымъ, почему американскіе законы запрещаютъ украсть у англичанина свѣчку, а позволяютъ украсть у него книгу; запрещаютъ отнять у англичанина то вознагражденіе, которое ему слѣдуетъ за тасканіе кулей на пристани, но позволяютъ отнять то, которое ему слѣдуетъ за сочиненіе книги. Съ точки зрѣнія справедливости, вопросъ, конечно, рѣшается совсѣмъ просто: разъ мы признали, что всякій авторъ имѣетъ право на вознагражденіе — мы должны признать такое право и за иностранцемъ, если мы не желаемъ ворочаться къ средневѣковымъ воззрѣніямъ и считать всякаго иностранца за такое ненавистное существо, которое нужно, по возможности, «урвать» и обидѣть. «La contrefaçon – говоритъ De Gérandre — ne cesse pas d'être odieuse parce que la victime n'est pas notre compatriote. Elle est en une sorte de la piraterie d'armement en course qui ne sauraient être tolérés qu'en état de guerre».

Такъ рѣшается этотъ вопросъ съ точки зрѣнія той общественной нравственности, исконные принципы коей грозятъ глубокимъ паденіемъ тому народу, который во всѣхъ своихъ международныхъ отношеніяхъ не будетъ руководиться самою щепетильною честностью.

Но все, что мы сказали до сихъ поръ, покажется несправедливымъ и неубѣдительнымъ для тѣхъ лицъ, которыя отрицаютъ возможность того, чтобы государство руководилось въ международныхъ сношеніяхъ чувствомъ справедливости,—а говорятъ: если русскому народу выгодна международная контрафакція—эта контрафакція должна быть дозволена. Отбросимъ, поэтому, всякія помышленія о высшихъ идеяхъ справедливости и долга, о широкомъ пониманіи задачъ государства и о необходимости солидарности политическихъ единицъ, хотя бы, въ сферѣ интел-

лектуальныхъ интересовъ—но, ограничась сферой мелкой практичности—посмотримъ, насколько выгодна свобода международной контрафакціи для Россіи (понимая «выгодна» въ самомъ спеціальномъ смыслѣ).

Весьма интересно выясняетъ эту «выгоду» небольшая статья проф. Янжула, помѣщенная въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» за 1891 годъ [2]). «Если въ отношеніи политическомъ, военномъ и проч. наше отечество по справедливости считается великой державой, дружбу и расположеніе которой нужно заискивать, то, къ сожалѣнію, народное образованіе, а за ними наука и литература, хотя и сдѣлали извѣстный шагъ впередъ, но въ цѣломъ Россія далеко еще отстаетъ отъ всей Западной Европы и Америки: въ то время, какъ Англія еще по старымъ свѣдѣніямъ вывозитъ за-границу книгъ не менѣе какъ на сумму въ 10 мил. нашихъ рублей, Россія вывезла книгъ въ 1889 году по всѣмъ границамъ (включая сюда и Туркестанъ, т. е. въ свои же владѣнія) всего лишь на 570 тысячъ рублей». Далѣе пр. Янжулъ утверждаетъ, что русская литература въ значительной степени пользуется заимствованіями изъ литературъ другихъ странъ. «Стоитъ только взглянуть на книжку нашего толстаго журнала, чтобъ согласиться, что въ сущности значительная часть ихъ, нерѣдко чуть не половина, наполнена переводами, передѣлками и чуть не заимствованіями съ иностраннаго; за исключеніемъ развѣ беллетристики, русская умственная производительность еще такъ слаба, что volens—nolens приходится питаться иностраннымъ матеріаломъ за неимѣніемъ собственнаго въ достаточномъ количествѣ». На основаніи такого утвержденія, профессоръ Янжулъ дѣлаетъ заключеніе: слѣдовательно, заставить Россію платить за всѣ тѣ сочиненія, которыми она пользуется, было бы невыгодно для нея, ибо она получитъ гораздо меньше денегъ отъ иностранцевъ, чѣмъ сколько заплатитъ имъ.

«Мы заимствуемъ и переводимъ со всѣхъ европейскихъ языковъ массу не только по общей литературѣ, но даже по нау-

[2]) Русскія Вѣдомости, 1891 года № 112: «По поводу слуховъ о новой литературной конвенціи». Въ этой статьѣ уважаемый профессоръ очень удачно группируетъ всѣ существующія возраженія противъ конвенцій.

камъ: медицина, напримѣръ, переполнена у насъ по всѣмъ ея отраслямъ руководствами, учебниками, компендіями иностранныхъ авторовъ. Что же мы даемъ иностранцамъ въ обмѣнъ за всѣ эти сотни, если не тысячи ежегодныхъ переводовъ со всѣхъ рѣшительно европейскихъ языковъ? Мы даемъ всего лишь нѣсколько беллетристическихъ произведеній въ годъ, переведенныхъ на французскій и другіе иностранные языки; изъ нихъ притомъ сочиненія гр. Л. Толстаго несравненно болѣе переводятся и читаются въ Америкѣ и Англіи, а Достоевскаго—въ Германіи, нежели во Франціи. Вотъ и все, что мы можемъ доставить иностранцамъ въ обмѣнъ за ихъ многочисленные труды по всѣмъ отраслямъ знанія и искусствъ, переводимые на русскій языкъ». Въ концѣ концовъ, проф. Янжулъ приходитъ къ слѣдующему заключенію. «Интересъ небольшой кучки русскихъ писателей не можетъ вознаградить ущербъ для интересовъ просвѣщенія цѣлаго русскаго народа, въ случаѣ потери для насъ права на свободный переводъ и доступъ и слѣдовательно пользованіе многими тысячами произведеній иностраннаго генія и искусства». Ergo—заключеніе литературныхъ конвенцій вредитъ интересамъ русскаго народа, и такія конвенціи не должны быть заключаемы, ибо: «Salus publica suprema lex!»

Мнѣ кажется, что я привелъ всѣ существеннѣйшіе доводы, которые имѣются въ указанной статьѣ нашего маститаго ученаго. Въ виду того, что она затрогиваетъ нѣсколько вопросовъ различнаго характера, позволю себѣ сдѣлать нѣсколько возраженій по пунктамъ. Прежде всего [3]): *бѣдны ли мы литературой и наукой*? Отвѣтъ у насъ на это есть общеизвѣстный и общепринятый,—его же повторяетъ проф. Янжулъ; но очевидно, что подчеркнутый вопросъ можетъ предположить два пониманія, изъ коихъ первымъ будетъ: «бѣдны ли мы книгами?» а второй: «бѣдны ли мы книжной производительностью?» Общепринятый отвѣтъ «да, бѣдны» безусловно справедливъ по отношенію къ первому пониманію—проф. Янжулъ распространяетъ его и на второе. «За исключеніемъ развѣ

[3]) Ср. мою статью въ Droit d'auteur 1894 года.

беллетристики, русская производительность такъ слаба, что volens—nolens приходится питаться иностраннымъ матеріаломъ»—говоритъ проф. Янжулъ, основываясь на заполненіи нашихъ журналовъ переводами съ иностранныхъ языковъ. Къ этому заполненію я позволю себѣ вернуться нѣсколько дальше, теперь же замѣчу, что наши журналы, дѣйствительно, заполнены переводами—но заполненіе это доказываетъ, можетъ быть, ненормальность постановки редакторскаго дѣла, но вовсе не бѣдность нашей производительности. Ибо оказывается, что беллетристическіе журналы заполнены переводами на 40%, а научные—на 5% (въ среднемъ); очевидно, что съ этими цифрами не вяжется утвержденіе проф. Янжула, что *«за исключеніемъ* развѣ беллетристики, русская производительность такъ слаба...» Если бы цифры о «заполненіи» доказывали бѣдность нашей *производительности*,—онѣ доказывали бы одновременно такую очевидную несообразность, какъ *бо́льшую слабость* нашей *беллетристической* производительности по сравненію съ производительностью *научной*, что немыслимо. Итакъ, «заполненіе» доказываетъ не бѣдность нашей производительности, а нѣчто другое;—*что̀ именно*, я позволю себѣ выяснить нѣсколько дальше. Теперь же я приведу съ своей стороны нѣсколько цифръ, которыя доказываютъ, что Россія ощущаетъ недостатокъ въ книгахъ, но что недостатокъ этотъ наше общество старается заполнить не переводными, а оригинальными произведеніями, что наша публика предъявляетъ спросъ главнымъ образомъ на оригинальныя произведенія,—что при нормальныхъ условіяхъ наши интеллектуальные производители *могутъ удовлетворять* такому спросу. Прежде всего, слѣдовательно,—чего проситъ наша публика отъ книги: *оригиналовъ или переводовъ*?

Проф. Янжулъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: наша публика ищетъ переводовъ, эти послѣдніе играютъ важную роль въ ея умственной жизни—и доказываетъ свое положеніе слѣдующимъ [1]): «Насколько существенны для нашихъ читателей иностранные переводы, многочисленныя данныя для того представляетъ интереснѣйшій докладъ Н. А. Рубакина: «О книж-

[1]) Русскія Вѣдомости, 1893 г. № 357.

номъ оскудѣніи»,—по этимъ даннымъ, имъ собраннымъ, напримѣръ, Г'уставъ Эмаръ читался въ нижегородской библіотекѣ въ $1^1/_2$ раза больше Щедрина, Монтепенъ—больше Островскаго, Гоголя, Некрасова, Пушкина, Гончарова и друг. классиковъ, въ 3 раза больше Лермонтова и въ 5 разъ больше Жуковскаго!»—Обстоятельный и, дѣйствительно, интереснѣйшій докладъ Н. А. Рубакина нѣкоторыми своими выводами производитъ давящее, угнетающее впечатлѣніе. Бѣдность книжной нашей производительности, скудость библіотекъ, отсутствіе организованнаго обмѣна изданіями, изумительно малое количество читателей и невѣроятный иногда подборъ книгъ въ библіотекахъ—все это ясными картинами встаетъ передъ вашими глазами при чтеніи этого очерка. Мнѣ только кажется, что напрасно упоминаетъ профессоръ Янжулъ объ этомъ докладѣ въ своей статьѣ. Выводы самого г. Рубакина вовсе не согласуются съ обобщеніями проф. Янжула. Послѣдній утверждаетъ, что «Эмаръ читался въ нижегородской библіотекѣ больше Островскаго», и изъ этого выводитъ, что иностранные переводы очень важны для публики, очень много ею читаются. Первый же, на основаніи глубокаго знакомства съ библіотечнымъ дѣломъ, прямо заявляетъ страницей раньше Эмара, что «среди русскихъ читателей въ большомъ ходу *оригинальный* отдѣлъ беллетристики, а не *переводный* (какъ думаютъ многіе). Что оригинальная беллетристика читается больше, чѣмъ переводная, видно изъ слѣдующей таблички (года 1891—82):

	Астрахань.	Воронежъ.	Саратовъ.	Херсонъ.	Одесса.	Екатеринославъ.
Оригин. . . .	5,931	11,759	28,294	10,894	8,280	7,760
Переводн. . .	2,450	4,860	17,584	4,612	4,151	7,476

Очень жаль, что профес. Янжулъ не обратилъ вниманія на эту табличку. Можетъ быть, онъ бы тогда нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ на важность переводныхъ книгъ для русской публики. Оказывается, напримѣръ, что, составивъ таблички *десяти* авторовъ, *наиболѣе* требуемыхъ въ каждомъ изъ девяти главныхъ городовъ Россіи, г. Рубакинъ включилъ

въ эти таблички на общую сумму 90 авторовъ—всего только 11 иностранныхъ писателей! Во всѣхъ этихъ 9 городахъ первое и второе мѣсто по количеству требованій занимаютъ *русскіе* авторы. Третье мѣсто иностранные писатели занимаютъ только въ двухъ случаяхъ: Зола въ Харьковѣ (433 требованія) и Майнъ-Ридъ Екатеринославѣ (338 треб.). Четвертое мѣсто—только Шпильгагенъ въ Екатеринославѣ (304 треб.). Пятое и шестое мѣсто во всѣхъ городахъ занимаютъ русскіе писатели и только на дальнѣйшихъ мѣстахъ болѣе часты иностранныя фамиліи. Въ херсонской, самарской и саратовской библіотекахъ первыя десять мѣстъ заняты исключительно русскими именами. Всего же въ библіотекахъ Нижняго-Новгорода, Харькова, Херсона, Самары, Саратова, Екатеринослава и Воронежа и въ читальнѣ Херсона, если въ каждой изъ нихъ мы возьмемъ по десяти наиболѣе популярныхъ писателей,—оригинальныя произведенія даютъ болѣе 30,000 требованій, а переводныя—2,538, т. е. на послѣднія приходится немного больше 7%! Очевидно, что *эти* цифры выставляютъ уже въ совершенно иномъ свѣтѣ пресловутую важность для русской публики переводовъ съ иностраннаго. Когда публикѣ даютъ свободный выборъ—она только въ семи случаяхъ изъ ста беретъ иностраннаго беллетриста, только въ семи случаяхъ изъ ста онъ ей нуженъ. Переводы, дѣйствительно, когда-то составляли подавляющее большинство среди новыхъ русскихъ изданій—и съ тѣхъ поръ еще многіе изъ насъ, по наслышкѣ, повторяютъ, что русская литература и наука «больше, чѣмъ на половину» живетъ переводами, что русскіе поставлены относительно переводовъ въ особенное положеніе, по сравненію съ другими народами, что мы безъ переводовъ обойтись не можемъ. Между тѣмъ, какъ оказывается, публика девяти нашихъ первыхъ городовъ нуждается въ иностранныхъ переводахъ въ 7 случаяхъ изъ ста. Нужно признаться, это ужъ не слишкомъ большое число.

Уже изъ этого можно заключить, что въ жизни нашего народа въ *настоящее время* переводы перестали играть то доминирующее значеніе, которое они имѣли прежде. Приведу въ доказательство того, что наша публика протестуетъ

противъ теперешняго положенія дѣла еще нѣсколько фактовъ. Я уже указывалъ, что наши беллетристическіе журналы печатаютъ до 40% (въ среднемъ) переводныхъ статей, т. е. много больше, чѣмъ сколько публика беретъ переводовъ сама *отъ случая свободнаго выбора* (выше я вывелъ 7%). Оказывается, что такому громадному количеству иностранной макулатуры публика только подчиняется, только терпитъ его, какъ необходимость. Вотъ небольшая выдержка изъ характеристичнаго «письма въ редакцію», помѣщеннаго въ «Новомъ Времени» № 6417:

«За послѣднее время—пишетъ «читатель изъ провинціи» — переводы намъ такъ пріѣлись, что смотрѣть на нихъ безъ тошноты невозможно, не только-что читать ихъ—тѣмъ болѣе, что наши издатели не слишкомъ разборчивы на переводы и переводятъ все, и хорошее и плохое, лишь бы странички журнальчика и десятки тысячъ премій были заполнены. Не бѣда если съ заключеніемъ конвенціи придется русскому человѣку заплатить лишній гривенникъ на хорошій переводъ хорошаго произведенія, зато онъ за всякую переводную дрянь не будетъ платить ни одной копѣйки.»

Мнѣ могутъ указать, что письмо это подложно — и въ виду этого я позволю себѣ подкрѣпить мою мысль слѣдующими соображеніями и цифрами. Повторю поставленный вопросъ: чего проситъ наша публика отъ издателей и редакторовъ? Лучше всего можно было бы рѣшить этотъ вопросъ, сравнивъ относительное количество подписчиковъ съ относительнымъ количествомъ печатаемыхъ каждымъ журналомъ переводовъ — и доказавъ, что журналы съ бо̀льшимъ количествомъ переводнаго балласта имѣютъ меньшее количество подписчиковъ и наоборотъ. *Такой способъ* на практикѣ является неосуществимымъ: количество подписчиковъ обыкновенно скрывается журналами, да, кромѣ того, на это количество имѣетъ вліяніе масса постороннихъ причинъ (высота платы, составъ редакціи, молодость или давнишнее прошлое журнала, направленіе и т. д.). Поэтому, я старался рѣшить предложенный вопросъ нѣсколько инымъ, косвеннымъ путемъ. Оказывается, что изучая составъ нашихъ журналовъ по-мѣсячно

(см. таблицу III), мы приходимъ къ слѣдующему результату. Въ нашей публикѣ очень много такихъ, которые требуютъ отъ журнала только романовъ по-толще да по-страшнѣе, но есть, очевидно, и такіе, которые просятъ чего-то другого. Сами редакторы чуютъ, чего нужно этой второй категоріи читателей и, сознавая ихъ правоту, дѣлаютъ имъ, *когда нужно*, нѣкоторыя уступки. Подъ «когда нужно» я подразумѣваю, конечно, тѣ мѣсяцы, когда идетъ подписка на журналы.

Если мы возьмемъ за 1891 и 1892 годы слѣдующіе журналы: «Вѣстникъ Европы», «Вѣстникъ иностранной литературы», «Гражданинъ» (прилож.), «Живописное обозрѣніе» (прилож.). «Колосья», «Лучъ» (прилож.), «Наблюдатель», «Недѣля» (прилож.), «Пантеонъ литературы», «Русское Обозрѣніе», «Русская Мысль», «Русскій Вѣстникъ», «Сѣверный Вѣстникъ» и «Трудъ»—и сосчитаемъ общее количество страницъ, данныхъ ими за эти два года подписчикамъ, то мы получимъ въ среднемъ за каждый мѣсяцъ 3,884 страницы; если мы, затѣмъ, выведемъ *по мѣсяцамъ*, сколько эти журналы даютъ на эти 3,884 стр. оригинальныхъ произведеній, то мы получимъ, въ процентахъ: въ январѣ — 66%, въ февралѣ—62%, въ мартѣ—58%, въ апрѣлѣ — 61%, въ маѣ — 54%, въ іюнѣ—55%, въ іюлѣ—45%, въ августѣ—47%, въ сентябрѣ — 55%, въ октябрѣ — 58%, въ ноябрѣ — 63%, въ декабрѣ — 64%.

Не могу не назвать эти цифры очень краснорѣчивыми: въ январѣ намъ даютъ 66% оригинальныхъ произведеній, послѣ чего количество таковыхъ постенно понижается до іюля,— въ августѣ начинается повышеніе, идущее правильнымъ подъемомъ до момента подписки, т. е. до декабря. Правильность этого опусканія нарушаетси только два раза небольшими подъемами: въ апрѣлѣ — въ видѣ подарка на Пасху, да въ іюнѣ... передъ полугодовой подпиской.

Ко всякимъ цифрамъ нужно относиться осторожно: но неужели приведенныя цифры не даютъ намъ до нѣкоторой степени картины борьбы издателя съ читателями, въ которой въ январѣ первый заискиваетъ передъ вторыми и завлекаетъ ихъ 66 процентами хорошаго матеріала, а въ іюлѣ—вторые,

безусловно подпавъ подъ власть перваго, терпѣливо довольствуются только двумя третями прежняго количества оригинальныхъ статей!

Итакъ, я считаю очевиднымъ, что публика не ощущаетъ особенной потребности въ переводахъ, а только терпитъ ихъ. Но, можетъ быть, наша наука и литература не имѣетъ достаточно силы и производительности, чтобъ удовлетворить такому спросу? Въ этомъ смыслѣ является поразительнымъ то процентное отношеніе, которое я могу вывести изъ данныхъ относительно количества переводныхъ сочиненій, изданныхъ въ Россіи въ 1891 г. (ст. Л. Н. Павленкова въ «Истор. Вѣстникѣ», стр. 7). Оказывается, что въ этомъ году было выпущено 6,588 названій (на русскомъ языкѣ), изъ коихъ переводныхъ было только 265, т. е. немного больше 3%! Даже откинувъ 650 календарей, выпущенныхъ въ этомъ году, мы не получаемъ болѣе высокаго процента, какъ 4%. Распредѣляя же изданныя сочиненія по категоріямъ, мы находимъ, что по беллетристикѣ было издано только 20% переводовъ, по медицинѣ — 16%, по естественнымъ наукамъ — 7%, по технологіи—10%, по географіи — 4%, по педагогикѣ—9%, по этнографіи—2%, по исторіи—6% и т. д. На 105 книгъ статистическихъ и политико-экономическхъ, на 31 книгу по финансамъ и 19—по счетоводству—не было напечатано ни одного перевода.

Въ то же время оказывается, что, напримѣръ, научные журналы (т. е. тѣхъ которые цѣнятся не по толщинѣ, а по содержанію) дали въ 1892 году слѣдующее количество переводовъ (въ процентахъ на общее количество страницъ): «Вопросы философіи и психологіи» — 0%, «Юридическій Вѣстникъ»—1%, «Горный Журналъ»—15%, «Журналъ гражданскаго и уголовнаго права»—0%, «Военный Сборникъ»—0%, «Военно-Медицинскій журналъ»—8%, «Вѣстникъ Судебной и Клинической Невропатологіи»— 0%, «Русская Старина»—5%, «Морской Сборникъ»—20%, «Артиллерійскій журналъ»— 2%. Въ среднемъ, эти десять журналовъ, взятыхъ мною наудачу и, по возможности, изъ разныхъ отраслей знанія — дали не болѣе 5% переводныхъ статей. Я опять оставляю въ сторонѣ

вопросъ о процентномъ содержаніи переводныхъ статей въ беллетристическихъ журналахъ, думая, что необычайная его величина вызываетъ не нашей производительною слабостью (по беллетристикѣ), — а другими, совершенно посторонними причинами (см. дальше). Я думаю, что разъ доказано, что наши ученые могутъ удовлетворять спросу на научныя произведенія — невозможно предположить, чтобъ у насъ еще не было беллетристики. Развитіе самостоятельной науки всегда предполагаетъ уже достигшее извѣстной степени развитіе изящной литературы.

Всѣ приведенныя цифры могутъ служить — по моему мнѣнію — нѣкоторымъ доказательствомъ слѣдующихъ положеній:

I. Нашъ рынокъ чувствуетъ недостатокъ въ книгахъ.

II. Публика выказываетъ особенную склонность къ тому, чтобы этотъ недостатокъ былъ заполняемъ не переводными, а оригинальными произведеніями. Т. е. публика не чувствуетъ особенной потребности и не предъявляетъ особеннаго спроса на книги переводныя [5]).

III. Наша наука пользуется въ настоящее время переводными произведеніями въ чрезвычайно умѣренныхъ размѣрахъ — не болѣе 4 — 5%. Никакихъ признаковъ «недостаточной умственной производительности» не замѣчается. Спросъ на научныя книги малъ, но русскіе ученые вполнѣ въ силахъ удовлетворять этому спросу на 95%, причемъ нѣтъ указаній на то, что они не будутъ въ силахъ удовлетворить бо́льшему спросу.

Мнѣ могутъ замѣтить, что я обобщаю слишкомъ частные факты. Жалѣю, что за недостаткомъ времени мнѣ не удалось собрать бо́льшаго количества статистическихъ свѣдѣній (къ тому же, этотъ отдѣлъ статистики совершенно не разработанъ, такъ что всякое число приходится выводить самому, что представляетъ очень скучную работу)—но думаю, что приведенныя цифры позволяютъ мнѣ дѣлать мои выводы въ осо-

---

[5]) Откуда явствуетъ, что проф. Янжулъ не вполнѣ правъ, когда утверждаетъ, что переводы имѣютъ чрезвычайное значеніе для нашей публики.

бенности потому, что выводы противоположные никѣмъ никогда никакими цифровыми данными подкрѣплены не были. Къ тому же, насколько я могъ замѣтить, другіе годы даютъ, приблизительно, тѣ же цифры.

Итакъ я позволю себѣ отмѣтить, что наблюдаемые факты вовсе не подтверждаютъ нашего умственнаго безсилія или особенной важности переводовъ для русскаго народа, — не подтверждаютъ и того, что мы не можемъ обойтись безъ переводовъ (или, по крайней мѣрѣ, безъ *даровыхъ* переводовъ) — не подтверждаютъ того, чтобы мы стояли въ исключительномъ положеніи по отношенію къ умственной бѣдности.

***

Слѣдующій фактъ, который затронутъ проф. Янжуломъ— это та выгода, которую извлекаетъ наше общество изъ свободы международной контрафакціи. Другими словами: наше общество особенно не нуждается въ переводахъ—можетъ быть, оно, всетаки, извлекаетъ большія выгоды изъ того, что ничего не платитъ иностраннымъ авторамъ?

«Заключеніе литературныхъ конвенцій повредитъ интересамъ русскаго общества». Слѣдовательно, свобода международной контрафакціи выгодна для русскаго общества?

Посмотримъ.

Все то «общество», которому, будто бы, выгодна международная контрафакція, можно раздѣлить на: 1) авторовъ, 2) издателей и 3) читающую публику.

Посмотримъ, поэтому, прежде всего, какъ вліяетъ теперешняя свобода на положеніе нашихъ авторовъ. Самъ профессоръ Янжулъ признаетъ, что отсутствіе литературныхъ конвенцій лишаетъ нашихъ авторовъ того вознагражденія, которое они могли бы получать за переводы ихъ произведеній, печатаемые за-границей. Но это отсутствіе гонорара было бы еще полу-бѣдой, если бы свобода переводовъ, которой пользуются французскіе издатели по отношенію къ русскимъ произведеніямъ, не имѣла бы болѣе печальныхъ послѣдствій. Я позволю себѣ сдѣлать выдержку изъ очень интереснаго доклада

г. Гальперинъ-Каминскаго, выдержку довольно значительныхъ размѣровъ, ибо я боюсь что эта брошюра не будетъ пущена въ продажу. «Принявши нѣкоторое участіе—говоритъ г. Гальперинъ [6])—въ ознакомленіи съ русской литературой европейской читающей публики, я буду ссылаться теперь на собственный опытъ, вынесенный изъ моей литературной дѣятельности во Франціи. Всѣмъ памятно то сильное увлеченіе французовъ произведеніями русской литературы. Послѣ классиковъ и только нѣкоторыхъ извѣстныхъ новѣйшихъ писателей, стали безъ разбору переводить и авторовъ, мало пользующихся авторитетомъ въ самой Россіи. Отсутствіе защиты авторскихъ правъ привело къ злоупотребленіямъ, о которыхъ говоритъ слѣдующій отрывокъ изъ неизданнаго письма ко мнѣ иниціатора широкаго движенія во Франціи въ пользу русскихъ произведеній:

«Вы знаете мои послѣдующіе труды, нѣсколько менѣе скрытые, чѣмъ доклады, писанные мною въ качествѣ секретаря посольства;—пишетъ мнѣ г. де-Вогюэ—вы знаете, въ какое время я пріостановилъ ихъ, знаете, съ какой откровенностью я отвѣтилъ вамъ, когда вы явились въ послѣдніе годы просить моего содѣйствія, что коммерческая жадность книгопродавцевъ убила курицу, несшую золотыя яйпа. Они злоупотребили добротой нашей публики, которая хочетъ знакомиться съ избранными произведеніями, а не падать подъ тяжестью кучи непереваримыхъ сочиненій. Оставалось только отвернуться и уступить дорогу торговцамъ, такъ какъ литература, въ этомъ ажіотажѣ русской прозы, уже была не причемъ».

Въ то время, какъ самъ иниціаторъ литературнаго руссофильскаго движенія во Франціи отступилъ передъ «ажіотажемъ русской прозы», коммерсанты литературы, не встрѣчая никакихъ юридическихъ препонъ со стороны заинтересованныхъ русскихъ авторовъ, продѣлывали надъ произведеніями послѣднихъ всевозможныя манипуляціи, преподносили ихъ

[6]) Докладъ, читанный въ Русскомъ Обществѣ книгопродавцевъ и издателей 15 Января 1894 года, стр. 36.

французской публикѣ подъ разными соусами, и обманутые читатели переносили свое неудовольство на обезличенныхъ такимъ образомъ авторовъ. Такъ, chef d'oeuvre Гончарова «Обломовъ» былъ урѣзанъ до неузнаваемости; другой его романъ «Обрывъ» былъ сокращенъ до размѣровъ полемической брошюры, подъ характернымъ названіемъ «Marc le nihiliste». Я успѣлъ дать полный и точный переводъ только «Обыкновенной исторіи».

Такъ говоритъ человѣкъ, близко стоящій къ дѣлу, и изъ дальнѣйшихъ его словъ мы узнаемъ, напримѣръ, что «Семейное счастье» Л. Н. Толстого было переведено четыре раза подъ разными названіями («Katia», «Mascha», «Le Roman d'un Mariage», «Le Bonheur de famille»), а «Дѣтство, отрочество и юность»—три («Mes Mémoires», «Mes souvenirs» (урѣзанное изданіе) и «Enfance et adolescence» (еще болѣе сокращенное) и т. д.) Не мудрено, что французскіе читатели, получая подъ разными названіями, все ту же фабулу «Семейнаго счастья» или другого какого-нибудь романа, стали относиться недовѣрчиво вообще ко всякимъ переводамъ съ русскаго языка. Обмануть публику легко—но заставить ее позабыть обманъ очень и очень трудно: самъ проф. Янжулъ въ послѣднемъ своемъ фельетонѣ («Русскія Вѣдомости» 1894 г., № 14) констатируетъ фактъ «непонятнаго упорства заграничныхъ издателей печатать даже даромъ имъ предоставленные переводы съ русскаго». Упорство это становится вполнѣ понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на предъидущее: публика *боится* покупать переводы съ русскаго, на которыхъ ее столько разъ обманывали.

Есть и еще болѣе грустныя явленія. Съ публикой не только мошенничали (вышеприведенныя появленія разныхъ французскихъ романовъ, передающихъ все то же «Семейное счастье»—не заслуживаютъ иного названія)—но еще и давали ей такіе искаженные переводы, что она не могла оцѣнить ихъ по достоинству и сомнѣвалась въ искренности тѣхъ русскихъ, которые хвалили ей достоинство оригиналовъ. Мы знаемъ, что, напримѣръ, Тургеневъ со слезами на глазахъ говорилъ своимъ друзьямъ о томъ невѣроятномъ переводѣ его «Записокъ Охотника», въ которомъ не только выпущены были лучшія мѣста, но

еще и были сдѣланы *произвольныя* вставки, превращавшія этотъ chef d'oeuvre нашей литературы въ пошлѣйшій сборничекъ странныхъ разсказовъ. Можно представить себѣ, сколько стыда принесъ этотъ «переводъ» нашему романисту лично (никому, вѣдь, не станешь объяснять, что переводъ сдѣланъ дурно, что оригиналъ стоитъ неизмѣримо выше перевода: всякій иностранецъ невольно вѣрилъ, въ концѣ концовъ, все-таки, своимъ глазамъ)—сколько ложныхъ и обидныхъ для нашей гордости представленій о нашей литературѣ должно было составиться на основаніи этого жалкаго изданія, объ оригиналѣ котораго, однако, русскіе говорили иностранцамъ съ такимъ восторгомъ («если сами русскіе говорятъ, что у нихъ нѣтъ ничего лучшаго, чѣмъ эти «Reçits d'un chasseur»—то что же должно представлять изъ себя среднее русское литературное произведеніе?»)

Еще болѣе разителенъ тотъ фактъ, который подробно описанъ у г. Гальперинъ-Каминскаго [7]).

«Всѣмъ извѣстно, что знаменитый русскій писатель, гр. Л. Н. Толстой, публично разрѣшилъ перепечатывать, переводить, пользоваться какъ угодно его сочиненіями послѣднихъ лѣтъ, не спрашивая его дозволенія. Но вотъ появляется въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» его статья «Не-Дѣланіе», въ которой онъ возстаетъ противъ нравственныхъ положеній о трудѣ Зола и соглашается съ мнѣніемъ о томъ же предметѣ Дюма-сына. Понятно, что эту статью поспѣшили перевести на французскій языкъ и, на основаніи этого перевода, загорѣлась во Франціи оживленная полемика. И вотъ, недѣль за шесть до моего пріѣзда въ Петербургъ, я получаю отъ Льва Николаевича письмо, въ которомъ онъ меня «убѣдительно» проситъ помѣстить во французскихъ газетахъ слѣдующее его заявленіе, написанное по французски:

«La traduction de mon article: «Le Non-Agir», publiée dans la «*Revue des Revues*» du 1-er octobre, a été faite a mon insu et elle est tellement défectueuse, que je n'en accepte pas la responsabilité».

---

[7]) Ibid. стр. 29 — 30.

Л. Н. просилъ меня помѣстить этотъ протестъ въ «Journal des Débats» или «Figaro»; но ни та, ни другая газета не согласилась «faire la leçon à un confrère». Короче, письмо гр. Толстаго было получено мною, когда полемика по поводу его статьи уже почти улеглась, а протестъ появился только послѣ мѣсячнаго поиска за гостепріимной газетой, въ «Echo de Paris». Но на протестъ этотъ не отозвалось во всей французской печати никакое другое эхо: такъ онъ и заглохъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что «*Revue des Revues*» заявило о полученіи имъ отъ самого Толстаго рукописи оригинала его статьи и что въ своемъ письмѣ удивленный писатель сообщалъ мнѣ, что не только ничего не посылалъ редакціи этого журнала, но наоборотъ, ему эта продѣлка тѣмъ болѣе непріятна, что онъ послалъ по особой просьбѣ, въ редакцію другаго французскаго изданія «*Revue de Famille*» рукопись французскаго текста своей статьи одновременно съ русскимъ оригиналомъ въ «Сѣверный Вѣстникъ». По просьбѣ Л. Н., я справился у редактора «*Revue de Famille*» о судьбѣ статьи «Le Non-Agir» и онъ мнѣ отвѣтилъ, что послѣ перевода, какъ бы онъ плохъ ни былъ, появившагося въ «*Revue des Revues*», ему невозможно больше напечатать присланный подлинный текстъ».

Таковы результаты отсутствія защиты нашихъ авторовъ заграницей. Факты показываютъ, какъ ошибаются тѣ, кто думаетъ, что это отсутствіе защиты имѣетъ результатомъ только уменьшеніе гонораровъ «горсти» русскихъ писателей [8]), пере-

[8]) Кстати относительно этой «горсти», на которую такъ напираетъ проф. Янжулъ: «Перечисленіе, даже только въ видѣ каталога, того, что было сдѣлано во Франціи въ области руссовѣдѣнія, какъ прежде, такъ и въ особенности во второй половинѣ 80-хъ годовъ, способно было бы удивить не только русскихъ, но и самихъ французовъ. Достаточно будетъ напомнить о существованіи уже во Франціи, кромѣ многочисленныхъ переводовъ произведеній до-Пушкинскаго періода, сдѣланныхъ почти одновременно съ ихъ появленіемъ въ Россіи, французскихъ изданій всѣхъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, Л. Н. Толстого, многихъ произведеній Щедрина, Островскаго, Некрасова, Писемскаго, Данилевскаго, Крестовскаго (псевдонима), графа А. К. Толстого, затѣмъ нѣкоторыхъ болѣе современныхъ: Гаршина, Короленко, Ясинскаго и до новѣйшихъ: Голицына-Муравлина, Потапенко, Чехова и проч., и проч., не считая разныхъ хрестоматій и сборниковъ избранныхъ произведеній русской прозы и поэзіи. Тогда же были переведены и сочиненія русскихъ

водимыхъ заграницей. Факты показываютъ, что эта свобода, которою такъ умѣютъ пользоваться корыстолюбивые издатели—имѣетъ результатомъ униженіе нашей литературы, нашего народнаго достоинства, ибо иностранцы не могутъ не составить себѣ унизительнаго для насъ представленія о русской умственной производительности,—все конечно, по милости этихъ «переводовъ». Откуда, выводъ четвертый:

IV. Свобода международной контрафакціи не только лишаетъ нашихъ авторовъ заслуженнаго гонорара за иностранныя изданія ихъ сочиненій, но и подрываетъ распространеніе переводовъ съ русскаго и уваженіе къ нашей наукѣ и литературѣ—въ виду того искаженнаго вида, въ какомъ эти переводы даются въ руки иностранной публикѣ.

* *
*

Каково вліяніе свободы международной контрафакціи на нашихъ авторовъ внутри Россіи? Имѣется возможность доказать, что эта свобода приноситъ неисчислимый вредъ и убытокъ не только тѣмъ русскимъ авторамъ, которыхъ переводятъ за-границей, не платя имъ ни гроша, а тѣмъ авторамъ, которыхъ никто не переводитъ, и которые, заключи завтра Россія литературную конвенцію, все равно изъ-за границы двухъ франковъ не получатъ. Мы осмѣливаемся утверждать, что свобода международной контрафакціи приноситъ убытокъ тѣмъ русскимъ авторамъ, которые спокойно печатаютъ свои произведенія по-русски и никѣмъ не переводятся.

Молодой, неизвѣстный авторъ приноситъ редактору журнала свое произведеніе, прося просмотрѣть его, дать оцѣнку, «помѣстить», если можно. Что же редакторъ? Ходъ его мысли очень простъ: писатель никому неизвѣстенъ—первое неудобство; успѣхъ его произведеніе заработаетъ только со временемъ—второе неудобство; писателю *нужно заплатить гонораръ*—третье неудобство. Не лучше ли взять романъ иностран-

---

ученыхъ: Мендѣлѣева, Сѣченова, Манасеина, Мартенса, Драгомирова и другихъ. Теперь же по вышеизложеннымъ причинамъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ непосредственные переводы прекратились». См. Гальперинъ-Каминскій, op. cit. стр. 40.

ной знаменитости: романъ этотъ написанъ «знаменитостью»—первое удобство; успѣхъ его заранѣе обезпеченъ заграничными рекламами—второе удобство; помѣщеніе романа обойдется по 5 руб. съ листа (переводчику)—третье удобство.

И вотъ рукопись возвращается (можетъ-быть, нечитанная) неудачнику-автору, съ роковой помѣткой «слабо». Рѣдкій изъ нашихъ признанныхъ писателей не разскажетъ чего-нибудь подобнаго о своихъ первыхъ шагахъ на поприщѣ литературы.

Я позволю себѣ обратить вниманіе моихъ читателей на тѣ три таблицы, которыя помѣщены въ приложеніи. Изъ точнаго анализа состава нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ (кромѣ отдѣловъ хроники и библіографіи) явствуетъ, что въ 1891 и 1892 годахъ было помѣщено переводовъ (въ среднемъ) въ журналахъ: «Вѣстникъ Европы»—17%, «Вѣстникъ иностранной литературы»—97%, «Гражданинъ» (приложенія)—100%, «Живописное обозрѣніе»—36%, «Колосья»—37%. «Лучъ» (приложенія)—52%, «Наблюдатель»—42%, «Недѣля» (приложенія)—37%, «Пантеонъ Литературы»—77%, «Русское Обозрѣніе»—19%, «Русскій Вѣстникъ»—19%, «Русская Мысль»—25%, «Сѣверный Вѣстникъ»—28%, «Трудъ»—52%. Среднимъ числомъ за два года—42,4% переводныхъ статей. Причина этого явленія кроется, несомнѣнно, въ дешевизнѣ и легкости, съ которой можно брать изъ иностранной литературы, что ни понравится. Мы видѣли выше, какія требованія предъявляетъ публика къ книжному рынку: она нуждается въ переводахъ только въ количествѣ 4%—редакторы же журналовъ даютъ ей этой ничего не стоющей макулатуры въ десятерномъ количествѣ. Взаимная конкурренція журналовъ приводитъ редакторовъ къ необходимости заманивать публику не содержательными книжками (этого наше мало-развитое общество часто не пойметъ)—а *толстыми книжками*. Очевидно, что они не могутъ заполнить своихъ «30 листовъ въ мѣсяцъ» все оригинальными произведеніями—и, въ концѣ концовъ, чуть не 12 листовъ на тридцать оказываются дешевкой, пятирублевымъ балластомъ. Конкурренція же съ этой дешевкой, очевидно, не подъ-силу нашимъ авторамъ, которые принуждены,

такимъ образомъ, соглашаться на гроши, чтобы только видѣть свое произведеніе напечатаннымъ.

Проф. Янжулъ учитъ насъ: «положеніе авторовъ ненормально и могло бы быть улучшено—но пусть они нищенствуютъ, только бы Россія имѣла дешевыя книги». Странное ученіе! Точно всякій рубль, заплаченный автору, не ворочается въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ сторицею; точно «дешевыя книги» не убиваютъ нашу молодую литературу и науку. У насъ всѣ критическія статьи заполнены жалобами на ту спѣшность и торопливость, съ которою работаютъ теперешніе наши писатели. Да какъ же имъ иначе работать при тѣхъ грошовыхъ гонорарахъ, которые являются прямымъ слѣдствіемъ подавляющей массы даровыхъ переводовъ, находящейся въ безотчетномъ распоряженіи нашихъ редакторовъ? Проф. Янжулъ ратуетъ за salus publica; по моему мнѣнію, эта salus будетъ заключаться не въ возможно большемъ распространеніи французскихъ романовъ, а въ упроченіи положенія нашихъ писателей: чѣмъ лучше будетъ оплачиваться ихъ трудъ, тѣмъ больше времени будутъ они ему посвящать, тѣмъ меньше будутъ они разбрасываться на другія занятія (служба, хроникерство, репортерство и т. д.), тѣмъ спокойнѣе и ровнѣе будутъ они работать, тѣмъ скорѣе будетъ развиваться наша наука и литература. Въ концѣ же концовъ, я думаю, Россія выиграетъ прежде всего отъ того, что будетъ поощрять своихъ авторовъ и помогать имъ, обставляя ихъ дѣятельность возможно лучшими условіями. И маленькое дерево принесетъ иногда хорошіе плоды—былъ бы только заботливъ уходъ.

Итакъ, я позволю себѣ сдѣлать на основаніи всего только что сказаннаго сдѣлать слѣдующій пятый выводъ:

V. Свобода международной контрафакціи создаетъ на нашемъ книжномъ рынкѣ массу почти совсѣмъ даровыхъ (хотя и противъ воли) работниковъ (иностранцевъ)—произведенія которыхъ уменьшаютъ величину гонораровъ русскихъ авторовъ, что, въ свою очередь, ведетъ къ малой имущественной обез-

печенности послѣднихъ, вредно отзывающейся на ихъ творчествѣ [9]).

Замѣчу кстати, что изъ сравненія процентнаго содержанія переводовъ въ научныхъ изданіяхъ (5%) и беллетристическихъ (40%) явствуетъ, что послѣдніе всецѣло зависятъ отъ

---

[9]) Насколько вредно можетъ отзываться недостаточность имущественной обезпеченности автора на его творчествѣ—можно увидѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго глубоко-справедливаго указанія г. Гальперина-Каминскаго (ibid. стр. 12—13): «На что ужъ большій талантъ, скажемъ мы, какъ тотъ, которымъ обладалъ авторъ «Преступленія и Наказанія», а не даромъ говорилъ онъ съ наболѣвшей горечью о «помѣщичьей» литературѣ, какъ напоминаетъ объ этомъ т. Ясинскій. Всѣмъ теперь извѣстно то безвыходное матеріальное положеніе, которое давило его всю жизнь; и развѣ это не отражалось на его произведеніяхъ? Гонимый нуждой, онъ большей частью забиралъ впередъ гонораръ, необходимый ему и его семьѣ для каждодневнаго существованія, чтобы потомъ, съ лихорадочной поспѣшностью, диктуя стенографу, доставлять къ обязательному сроку свое, словно изъ-подъ палки, вымученное произведеніе. Гдѣ тутъ было холить и отдѣлывать свою работу, какъ могли спокойно это дѣлать современные Достоевскому великіе художники слова: Л. Н. Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ и самъ цитированный Григоровичъ? Намъ, французскимъ переводчикамъ сочиненій Достоевскаго, труднымъ опытомъ, хорошо извѣстны его нескончаемыя повторенія цѣлыхъ фразъ и даже мыслей, его нервный, безпорядочный слогъ, который приходилось отливать въ сжатый, ясный, гибкій какъ сталь и звонкій какъ серебро, языкъ Буало. Совсѣмъ другое происходитъ, когда переводишь сочиненія, напримѣръ, Тургенева. Прозрачная, блестящая струя живого слова катится ровно, спокойно; остается только довѣриться ея теченію, стоитъ только почти рабски слѣдовать указаніямъ оригинальнаго текста, чтобы въ переводѣ, точно по-неволѣ, отразилась вся виртуозность изящнаго слога. И нельзя сказать, чтобы этотъ чудный языкъ былъ исключительнымъ достояніемъ названныхъ собратьевъ Достоевскаго. Припомните только его первое произведеніе: «Бѣдные люди», въ которое онъ могъ не только вложить всю свѣжесть своего молодого таланта, но еще долженъ былъ, никому неизвѣстный, представить его въ совершенно законченной формѣ. Или, уже на склонѣ лѣтъ, когда явилась для него нѣкоторая возможность передышки, въ его «Дневникѣ писателя», мы находимъ такія жемчужины художественнаго стиля, какъ, напримѣръ, разсказы: «Кроткая» и «Мальчикъ у Христа на елкѣ», которые ничего не потеряли бы отъ сравненія съ самыми классическими образцами русской словесности. И на ряду съ этимъ, въ огромномъ большинствѣ его другихъ произведеній, замѣчается не только эта невольная невыработанность слога, но еще недостатокъ необходимой обдуманности, строгаго уравновѣшенія общаго плана произведенія, совершенно невозможныхъ при всякой скороспѣлой работѣ. Иногда встрѣчаются просто недосмотры. Напримѣръ, въ разсказѣ «Источка Незванова», говоря объ одной изъ героинь, авторъ сообщаетъ намъ, что она была бездѣтна; и всего нѣсколько страницъ дальше, онъ называетъ имена ея дѣтей. Очевидно, что у него не хватало времени даже для бѣглаго просмотра своего сочиненія до отдачи его въ печать».

*

ненормальнаго положенія редакторовъ, которые поставлены въ необходимость давать книжки не по содержанію, а только по объему. Эти 40% доказываютъ существованіе конкурренціи, отъ которой хорошо бы избавиться—но не бѣдность нашей беллетристики (ср. выше).

***

Переходимъ ко второй изъ намѣченныхъ нами категорій, т. е. къ *издателямъ*.

На первый взглядъ, дѣйствительно, можетъ показаться, что свобода заимствовать что угодно и у кого угодно, безъ того, чтобы кто-нибудь могъ такимъ заимствованіямъ помѣшать—можетъ повести къ развитію книгоиздательства, но это только на первый взглядъ.

Всѣхъ издателей можно раздѣлить на двѣ группы: 1) на такихъ, которые издаютъ произведенія честнымъ образомъ, уплачивая авторамъ гонораръ; 2) на такихъ, которые перепечатываютъ иностранныя произведенія въ подлинникѣ и переводахъ, пользуясь именно свободой контрафакціи. Относительно первой категоріи много говорить не приходится: тѣ изъ издателей, которые не платятъ ни гроша авторскаго гонорара, очевидно, сбиваютъ цѣны и, такимъ образомъ, въ значительной степени затрудняютъ дѣятельность ихъ болѣе честныхъ собратьевъ. Приведу по этому поводу нѣсколько строкъ изъ указаннаго письма Зола: «Г. Суворинъ говорилъ мнѣ недавно, пишетъ онъ, — что онъ боится что-либо издавать, вслѣдствіе загроможденія витринъ вашихъ книжныхъ магазиновъ переводными романами». Въ этихъ немногихъ словахъ много такой правды, что ее не нужно даже и доказывать: достаточно отмѣтить ее.

Въ то же время оказывается, что даже для издателей второй категоріи, т. е. прямо эксплоатирующихъ свободу международной контрафакціи, эта послѣдняя вовсе не такъ выгодна, какъ это можетъ показаться. Дѣло въ томъ, что у всякаго издателя-контрафактора существуетъ могущественный врагъ, съ которымъ онъ ничего не въ состояніи подѣлать. Этотъ

врагъ называется: «другой контрафакторъ» — и борьба между двумя конкуррентами, заключающаяся въ постоянномъ пониженіи цѣнъ контрафактныхъ изданій, ведетъ къ полному истощенію обоихъ враговъ и, слѣдовательно, къ гибельному концу того «развитія» промышленности, которое ошибочно желаютъ обосновать на грабежѣ и обманѣ.

Всякому извѣстно, что въ серединѣ настоящаго столѣтія особеннымъ развитіемъ международной контрафакціи славилась Бельгія. Выше я подробно указывалъ (см. §§ 10—16), каковъ былъ результатъ дѣятельности тѣхъ милліонныхъ обществъ, которыя были основаны единственно для эксплуатаціи такого «выгоднаго» дѣла, какъ безплатная перепечатка всякихъ французскихъ изданій. Дѣятельность этихъ обществъ характеристична тѣми, что они имѣли самыя благопріятныя условія для своей контрафакторской дѣятельности: громадные капиталы; сходство языковъ; большой, всесвѣтный спросъ на французскія изданія; дешевизна рабочихъ рукъ,—и свобода контрафакціи, какую только можно вообразить (они могли экспортировать книги во всѣ страны свѣта: ни одной конвенціи еще Франціей въ то время заключено не было). Отмѣчу съ особенною настойчивостью, въ какія благопріятныя условія были поставлены эти общества (съ точки зрѣнія тѣхъ, кто считаетъ контрафакцію выгодною для народнаго хозяйства), отмѣчу ихъ съ особенною настойчивостью, для того чтобы немедленно сдѣлать слѣдующій выводъ: благопріятныя условія вызвали и быстрое развитіе контрафакторской дѣятельности, быстрое развитіе этой дѣятельности вызвало и быстрое разореніе всѣхъ контрафакторовъ. Въ какіе-нибудь 5—8 лѣтъ всѣ эти общества погубили другъ друга, всѣ они сгорѣли отъ черезчуръ напряженной, лихорадочной дѣятельности. Черезъ короткое время уцѣлѣло только одно, самое богатое: «Société de librairie, imprimerie et fonderie». Контрафактору было бы очень легко схватить большой мѣшокъ наживы, если бы за тѣмъ же мѣшкомъ не стремился другой контрафакторъ, старающійся подставить ногу первому. Замѣчу кромѣ того, что всѣ эти общества погибли *раньше заключенія первыхъ* международныхъ литературныхъ конвенцій; ихъ убили не эти соглашенія, а только сама пресловутая свобода между-

народной контрафакціи и связанная съ ней неминуемая конкурренція [10]). Наши контрафакторы поставлены въ гораздо менѣе выгодныя условія, мало благопріятствующія особенному развитію ихъ дѣятельности; въ числѣ главныхъ неудобствъ нужно поставить то обстоятельство, что имъ нужно всякую книгу перевести, имъ нельзя печатать иностранныя книги, какъ онѣ есть (кромѣ того, они могутъ издавать контрафактныя изданія только для мѣстнаго потребленія: всякій экспортъ имъ закрытъ). Въ виду всего этого, у насъ въ Россіи еще не замѣтно особенно яркихъ послѣдствій свободы международной контрафакціи. Впрочемъ, можно указать, напримѣръ, на тотъ общеизвѣстный фактъ, что за послѣднія 20—25 лѣтъ у насъ почти не было большихъ и серьезныхъ изданій—переводовъ съ иностраннаго (за чрезвычайно рѣдкими исключеніями); оказывается, что наши издатели много спокойнѣе и осторожнѣе, напримѣръ, бельгійскихъ: они не желаютъ рисковать большими суммами и не пускаются на значительныя изданія, пробавляясь печатаніемъ переводныхъ романовъ, да небольшихъ популярныхъ сочиненій. Я позволю себѣ сослаться, опять таки, на свидѣтельство г. Гальперинъ-Каминскаго [11]), для того, чтобы выяснить, въ чемъ можетъ заключаться рискъ при изданіи въ теперешнее время серьезныхъ сочиненій, переводъ которыхъ требуетъ большихъ затратъ. Не такъ давно извѣстный петербургскій издатель г. Д—енъ предпринялъ изданіе одного научнаго труда и поручилъ переводъ его компетентному спеціалисту. Онъ уже началъ печатаніе изданія, когда случайно узналъ отъ г. Р—ра, также небезъизвѣстнаго въ дѣлѣ издательства, что этотъ послѣдній также началъ изданіе перевода того же сочиненія, поручивъ его также спеціалисту. Интересъ обоихъ издателей указалъ имъ необходимость соединить силы своихъ переводчиковъ (изъ коихъ одинъ дѣлалъ

---

[10]) Напомню моимъ читателямъ, что установленіе courtesy copyright'a (см. § 21)—не спасло, напримѣръ, американскихъ издателей отъ этой конкурренціи. Дѣло въ томъ, что если бельгійскіе издатели разорили себя уменьшеніемъ цѣнъ изданій,—издатели американскіе стали губить себя колоссальными расходами на то, чтобы *первыми* издать данное сочиненіе на территоріи Соединенныхъ Штатовъ.

[11]) ibid., стр. 28—29.

разъясненія съ зоологической точки зрѣнія, а другой—съ ботанической) и печатать общее изданіе. Какъ можно предположить, переводъ былъ обставленъ всѣми необходимыми гарантіями, но, конечно, требовалъ для исполненія довольно значительнаго времени. За нѣсколько недѣль до выхода его въ свѣтъ вдругъ вышла въ Кіевѣ скороспѣлая передѣлка того же труда, принадлежащая перу никому невѣдомаго «сочинителя», причемъ и цѣна ея была назначена много дешевле, чѣмъ та, которую могли взять петербургскіе издатели (въ виду необходимости уплатить гонораръ переводчикамъ). Между тѣмъ, очевидно, что параллельное болѣе дешевое изданіе убиваетъ болѣе дорогое; очевидно, поэтому, почему наши издатели боятся издавать что-нибудь большое и дорогое (переводное): свобода контрафакціи даетъ всякому встрѣчному возможность напечатать грошовое, безобразное, безграмотное параллельное изданіе, которое убьетъ болѣе дорогое,—которое всегда найдетъ большій сбытъ (по обложкѣ, вѣдь, нельзя узнать, грамотенъ ли переводчикъ,—а библіографія у насъ еще такъ мало развита). Такимъ образомъ, я позволю себѣ сдѣлать себѣ еще такой выводъ:

VI. Свобода международной контрафакціи нигдѣ никогда не способствовала правильному, здоровому развитію книжной промышленности — что объясняется неминуемо возникающей конкурренціей. У насъ въ Россіи эта свобода въ значительной степени затрудняетъ появленіе переводовъ большихъ серьезныхъ иностранныхъ трудовъ.

***

Остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какое значеній имѣетъ теперешняя свобода международной контрафакціи для третьей изъ намѣченныхъ нами категорій т. е. для *читающей публики*. Не приходится говорить особенно много по этому вопросу. Выше (см. стр. 520) я уже выяснилъ, что даетъ публикѣ эта свобода. Затрудняя изданіе большихъ серьезныхъ сочиненій, она даетъ ей *беллетристическіе журналы*, на $^2/_5$ на-

полненные никому не нужными переводами; даетъ ей сотни тысячъ безплатныхъ «приложеній» къ газетамъ и журналамъ, причемъ эти приложенія *въ среднемъ* заключаютъ 75% переводовъ. Кстати объ этихъ «безплатныхъ ежемѣсячныхъ приложеніяхъ», истинномъ дѣтищѣ свободы международной контрафакціи; многія изъ нихъ—конечно, это мое личное мнѣніе—противно взять въ руки: скверная бумага, безобразный шрифтъ и переводные романы, одинъ сомнительнѣе другого! А между тѣмъ, гдѣ-нибудь въ захолустьѣ эти приложенія считаются книгами, и какой-нибудь бережливый отецъ семейства, увидавъ что у него цѣлая комната завалена этими даровыми «Таинственными печатями» и «Омнибусами № 117-й», подумаетъ, да и не выпишетъ Тургенева: «и такъ книгъ много, не все ли равно, что читать!..»

Свобода международной контрафакціи, дѣйствительно, даетъ нашей публикѣ много печатной бумаги, но, въ то же время, она вноситъ въ нашу жизнь такую ядовитую струю анти-эстетичныхъ вліяній, что вредъ послѣднихъ, навѣрно, уравновѣшиваетъ и даже превосходитъ ту крошечную пользу, которую могутъ принести дешевыя книги вообще. Мое мнѣніе конечно скромно и неавторитетно, но я думаю, что многіе согласятся со мной, когда я выскажу слѣдующее положеніе: если главнымъ слѣдствіемъ заключенія литературной конвенціи будетъ повышеніе цѣнъ на «Таинственныя руки»; если вслѣдствіе этихъ конвенцій уравняется цѣна на эти «Руки» и, хотя бы, Островскаго—ей Богу, не большой вредъ будетъ Россіи отъ этихъ конвенцій.

Можетъ быть, мы переплатимъ немного иностраннымъ авторамъ, за то наши издатели будутъ обдуманнѣе относиться къ своему дѣлу. Теперь, что ни переводи, все ни гроша не стоитъ, а тогда,—когда за всякій переводъ придется платить автору — издатель, можетъ быть, сперва пообсудитъ: да стоитъ ли переводить данную вещь? да имѣетъ-ли она какую-нибудь литературную цѣнность? Читающая публика, дѣйствительно, будетъ получать переводныя вещи за болѣе дорогую цѣну, но она, по крайней мѣрѣ, будетъ имѣть гарантію, что эти вещи заслуживаютъ вниманія. А такая гарантія имѣетъ

чрезвычайную важность: что бы кто ни говорилъ, не количество намъ нужно книгъ, а качество.

Вообще, въ послѣднее время защитники теперешняго положенія дѣла особенно часто стали ссылаться на «интересы читающей публики». Предъидущее указываетъ, что̀, собственно даетъ свобода контрафакціи нашей публикѣ: вовсе не дешевыя научныя книги, которыхъ печатается всего только 4%,—а дешевыя изданія парижскихъ бульварныхъ романовъ. Не думаю, чтобы послѣдніе могли сыграть особенную цивилизаторскую роль, напримѣръ, въ провинціи или среди фабричнаго населенія и мелкихъ приказчиковъ, которымъ они теперь, благодаря дешевизнѣ, попадаютъ въ руки слишкомъ часто. А относительно «дешевыхъ научныхъ переводныхъ книгъ»—я сошлюсь на примѣръ, приведенный мною страницей выше: кіевская книжонка стоитъ въ два раза дешевле петербургскаго изданія — но, кажется, будетъ, всетаки, лучше, если наша публика заплатитъ двойную цѣну и возьметъ серьезный переводъ, а не скороспѣлую, небрежную и неумѣлую передѣлку. Седьмой мой выводъ будетъ таковъ:

VII. Факты доказываютъ, что читающая наша публика очень мало выигрываетъ отъ теперешней свободы международной контрафакціи.

* * *

Но предположимъ даже, что мой послѣдній выводъ невѣренъ, — что несмотря ни на какія соображенія, интересъ русскаго читателя заключается прежде всего *въ дешевой книгѣ*. Окажетъ ли это вліяніе на суть дѣла? — Не думаю. Я позволю себѣ утверждать, что даже если бы теперешняя свобода контрафакціи имѣла бы слѣдствіемъ чрезвычайно низкія цѣны на книги (чего особенно не замѣчается, см. выводъ VII), *даже еслибы конвенціи повысили бы цѣну на переводныя книги*— русскимъ читателямъ, *русскому обществу*, всетаки, *эти конвенціи будутъ выгодны*. Это утвержденіе кажется софизмомъ, такъ что я позволю дѣлать сдѣлать небольшое отступленіе, для того, чтобы доказать его истину.

Давнымъ давно, лѣтъ 70 — 80 тому назадъ, господствовалъ среди юристовъ спеціальный взглядъ на отношенія авторовъ и публики, отъ котораго только теперь мы начинаемъ мало-по-малу освобождаться. Дѣло въ томъ, что первыя три столѣтія послѣ изобрѣтенія книгопечатанія авторское право, не находившее себѣ санкціи въ дѣйствовавшихъ тогда законодательныхъ системахъ, было охраняемо особыми привилегіями, — и общество такъ привыкло къ общеупотребительной терминологіи, что стало смотрѣть, по аналогіи, на авторское право какъ на всѣ привилегіи, вообще, всѣ тѣ privilegia odiosa, которыя санкціонировали большею частью самыя нелѣпыя монополіи (дѣятели революціи уничтожили, въ силу той же безсознательной аналогіи, наряду съ средневѣковыми феодальными привилегіями — и привилегіи авторскія). Распространенію такого воззрѣнія на авторское право, какъ на несимпатичный налогъ, много способствовало также и то обстоятельство, что существованіе всякаго авторскаго права, очевидно, повышаетъ цѣны на книги.

Вотъ почему, общество до сихъ поръ относится къ авторскому праву, какъ къ неизбѣжному злу; этотъ взглядъ юристы начала нашего вѣка перенесли и въ свои теоретическія разсужденія, выходя въ нихъ изъ того основного принципа, что авторское право устанавливается на выгоду авторовъ и къ ущербу общества, что интересы авторовъ противорѣчатъ интересамъ общества, такъ что функція закона объ авторскомъ правѣ будетъ сведена къ *примиренію* этихъ двухъ *противоположныхъ* интересовъ. Новѣйшіе юристы уже оставляютъ такой взглядъ на авторское право и видятъ въ немъ никакъ не вредную монополію, а такую правовую норму, которая установляется, прежде всего *въ интересахъ самого общества*; такую норму, которая одновременно удовлетворяетъ интересамъ и общества, и авторовъ, причемъ эти интересы ни въ какомъ случаѣ не разсматриваются противоположными. Въ самомъ дѣлѣ, если общество отмѣнитъ законы объ авторскомъ правѣ и перестанетъ платить своимъ писателямъ — оно само первое и пострадаетъ: писатели и ученые будутъ принуждены

обратиться къ болѣе выгоднымъ занятіямъ, и общество лишитъ себя, такимъ образомъ, произведеній литературы и науки.

Указанное противоположеніе интересовъ публики и авторовъ проводится, напримѣръ въ статьѣ проф. Янжула, который разсматриваетъ интересы авторовъ и интересы общества *по одиночкѣ*, самостоятельно; напримѣръ, онъ утверждаетъ, что во Франціи интересы общества подчиняются интересамъ автора, а у насъ въ Россіи — наоборотъ: «... то, что выгодно интересамъ общества или нашего народа, то должно быть хорошо и достаточно для русскаго издателя, писателя и собственника журнала». Далѣе онъ разсуждаетъ какъ: «Мы, русскіе, слишкомъ бѣдны и малограмотны, чтобы позволить себѣ роскошь собственности на переводы, ради охраны матеріальныхъ интересовъ небольшой кучки писателей, издателей и журналистовъ и *вопреки* самымъ дорогимъ интересамъ сто-милліоннаго русскаго народа». Послѣ такого категорическаго заявленія остается непонятнымъ, почему проф. Янжулъ не предлагаетъ уничтожить всякіе законы о защитѣ авторскаго права? — русскому народу важно имѣть дешевыя изданія Островскаго; цѣна этихъ изданій повышается вслѣдствіе уплаты большихъ суммъ наслѣдникамъ его; уплата эта совершается «вопреки» интересамъ русскаго народа—слѣдовательно, ее нужно уничтожить! Въ концѣ концовъ, ученіе проф. Янжула сводится къ слѣдующему: каково бы ни было положеніе авторовъ и издателей, какъ бы губительно ни вліяло отсутствіе конвенцій на ихъ матеріальные интересы — не заключайте такихъ конвенцій, разъ отсутствіе ихъ позволяетъ намъ давать народу болѣе дешевыя книги.

По моему мнѣнію, всѣ подобныя обсужденія конвенцій съ точки зрѣнія «интересовъ читателя» — исходятъ изъ одного кореннаго недоразумѣнія: слишкомъ формальнаго, узкаго взгляда на отношеніе государства къ дѣлу народнаго образованія и распространенія книгъ. Нужно помнить, что государство не можетъ заботиться объ однѣхъ выгодахъ или невыгодахъ *даннаго момента*; его дѣйствіями должны прежде всего руководить соображенія о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя

въ будущемъ будутъ необходимымъ результатомъ того или другого положенія дѣлъ. Такимъ образомъ, заботясь, напримѣръ, о распространеніи знанія и книгъ — правительство должно принимать не тѣ мѣры, которыя *сегодня* дадутъ толчокъ этому распространенію, а тѣ — которыя обезпечатъ правильное его развитіе *въ будущемъ*. Можно сказать съ полною увѣренностью, что теперешняя свобода контрафакціи губительно дѣйствуетъ на здоровое развитіе нашей литературы и науки въ самомъ ихъ корнѣ, — заставляя почти нищенствовать нащихъ интеллектуальныхъ тружениковъ. Такимъ образомъ, разъ эта свобода контрафакціи вредна для дѣятельности писателей и ученыхъ — *само общество* является *заинтересованнымъ* въ уничтоженіи этой свободы, ибо само общество заинтересовано въ возможно болѣе широкомъ развитіи дѣятельности интеллектуальныхъ тружениковъ. *Обществу выгодно много платить своимъ авторамъ*; обществу выгодно сегодня лишить себя дешевой заграничной книги, для того чтобы впослѣдствіи имѣть прочно-обоснованное производство этихъ дешевыхъ книгъ уже дома. Общество и писатели — не враги, а союзники, и интересъ перваго заключается именно въ томъ, чтобы по возможности помогать вторымъ.

Въ то же время, если насъ спросятъ, что́ обезпечитъ дальнѣйшій ростъ нашей самостоятельной культуры, что̀ дастъ прочный залогъ дальнѣйшаго нашего умственнаго преуспѣянія — мы отвѣтимъ: «уничтоженіе свободы международной контрафакціи».

При этомъ отмѣчу, что — по моему мнѣнію — сильно ошибаются тѣ, кто называетъ конвенціи «китайскою стѣною», будто бы, имѣющей преградить къ намъ доступъ европейской мысли; конвенція только создастъ нормальное отношеніе цѣнъ оригинальныхъ произведеній къ цѣнамъ переводныхъ, — конвенція уничтожаетъ теперешнее положеніе, когда у всякаго является искушеніе купить за тѣ же 5 рублей, вмѣсто 3 томовъ сочиненій Некрасова — чуть не 25 томовъ Монтепена. Теперь дешевая книга, даже завѣдомо-безграмотная, покупается потому только, что она стоитъ въ 10 разъ дешевле русской. Послѣдняя, можетъ быть, — и лучше, но различіе

цѣнъ пугаетъ всякаго. Конвенція же уменьшитъ соблазнъ покупать этихъ «Морфиноманокъ» — а хорошія произведенія будутъ имѣть такой же сбытъ, какъ и теперь.

* *
*

Сдѣлаю еще послѣднее замѣчаніе. По моему мнѣнію, сильно ошибаются тѣ, кто думаетъ, что конвенціи особенно увеличатъ цѣны на книги. Во-первыхъ, какъ справедливо указываетъ г. Гальперинъ-Каминскій, не нужно думать, что иностранные авторы будутъ «ломить» съ насъ небывалые гонорары за право перевода [12]): «преувеличенныя требованія будутъ положительно немыслимы. По этому поводу я позволю себѣ упомянуть о неизмѣнныхъ законахъ предложенія и спроса. Никто себѣ не врагъ, и одинъ не дастъ больше чѣмъ можетъ, а другой не возьметъ больше чѣмъ дадутъ; и тотъ и другой возьметъ и дастъ то, что условія даннаго рынка установятъ. Такъ оно и происходитъ на рынкѣ переводной литературы во всѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ существуетъ авторское право на переводъ». То же самое можно сказать и объ авторахъ научныхъ произведеній. «Эти послѣдніе [13]) ставятъ себѣ главною цѣлью печатанія ихъ сочиненій не прибыль, а нравственное удовлетвореніе обнародованія и распространенія въ оригиналѣ и въ переводѣ ихъ научныхъ положеній и заключеній. Для нихъ важно, слѣдовательно, въ особенности то, что̀ юридическая наука называетъ, въ противоположность разсмотрѣнному уже нами *вещественному праву*,—*личнымъ правомъ*, т. е. въ переводѣ на простой языкъ: право воспретить при переводѣ искаженія общей мысли сочиненія и даже формы и способа выраженія ея. Они (авторы) откажутся скорѣе отъ всякаго денежнаго вознагражденія, когда имъ поручатся, что переводъ будетъ сдѣланъ компетентнымъ въ данной спеціальности лицомъ, чѣмъ согласятся

[12]) ibid. стр. 25.
[13]) ibid. стр. 28.

взять себѣ разницу между гонораромъ переводчика-спеціалиста и профана. Въ самомъ дѣлѣ, малѣйшая ошибка при передачѣ формулы, неточность въ пріисканіи терминологическаго эквивалента, компрометируетъ иногда всю книгу и нарушаетъ гораздо болѣе драгоцѣнное имущество, чѣмъ возможные гонорары — научное имя автора».

Подобное положеніе чрезвычайно ярко подтверждается опубликованнымъ въ концѣ 80-хъ годовъ въ Германіи протестомъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго [14]), Dr. Ferdinand Gregorovius'a, сочиненіе котораго «Geschiche der Stadt Rom im Mittelalter» было издано въ Россіи въ очень искаженномъ видѣ. Указавъ на недобросовѣстность такихъ поступковъ, Dr. Gregorovius, между прочимъ, говоритъ: «Der Uebersetzer eines wissenssbaftlichen Werkes, welcher seine nicht leichte Aufgabe hinter dem Rücken des Autors ausführt, muss auf die Verbesserungen verzichten, die ihm dieser noch an die Hand geben kann. Eine höfliche Anzeige jenes Unternehmens würde mir übrigens genügt haben, *und in Rücksicht auf den voraussichtlich nicht grossen russischen Leserkreis meines Werkes würde ich auf jede Entschädigung meiner Autorrechte verzichtet haben*». Уже изъ этого можно видѣть, что заграницей существуютъ авторы, понимающіе, что Россія не можетъ платить тысячныхъ гонораровъ. Что же касается тѣхъ, которые этого еще не соображаютъ, то первые десять, конечно, запросятъ сотни рублей, — а одиннадцатый, увидѣвъ, что такія требованія привели только къ отказу издателей продолжать переговоры — спроситъ ужъ много меньше. Въ концѣ же концовъ, авторы будутъ брать то, что имъ въ состояніи будутъ дать издатели: всетаки интереснѣе видѣть свое сочиненіе изданнымъ и получить 200—300 марокъ, чѣмъ ничего не получать и не имѣть перевода....

Относительно переводовъ беллетристическихъ произведеній я сдѣлаю только одно замѣчаніе. Всякое хорошее изъ нихъ печатается теперь въ нѣсколькихъ переводахъ («La Débâcle» — чуть не въ четырнадцати): такимъ образомъ, русская публика платитъ за всякій романъ Золя извѣстное количество денегъ,

---

[14]) Письмо его любезно было предоставлено мнѣ проф. Ф. Ф. Мартенсомъ.

сумму слѣдующихъ слагаемыхъ: 14 гонораровъ переводчиковъ, 14 платъ за наборъ, 14 платъ за корректуру, и т. д. Послѣ заключенія конвенцій всѣ эти расходы сведутся къ одному переводу, одному набору, одной корректурѣ. Предположимъ, что всякое хорошее иностранное беллетристическое произведеніе печатается у насъ въ Россіи (въ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ) всего только четыре раза. Цѣна набора листа не бываетъ (съ корректурой) менѣе 14—15 рублей, да за переводъ листа нужно, всетаки, заплатить 10—15 рублей. Изъ четырехъ наборовъ и переводовъ *три* являются лишними. Откуда, русское общество буквально бросаетъ за окно на каждомъ листѣ такихъ параллельныхъ изданій (30×3) до 90 рублей—а это составитъ богатѣйшій гонораръ за право исключительнаго перевода. *Столько* русское общество иностраннымъ авторамъ платить не станетъ; а я еще предположилъ только четыре параллельныхъ изданія—когда ихъ бываетъ до четырнадцати! Можно смѣло сказать, что *русскіе читатели за «Débâcle»—при свободѣ переводовъ—переплатили больше, чѣмъ сколько они заплатили бы при существованіи соглашеній* [15]). Отмѣчу особенно настойчиво, что здѣсь неумѣстно было бы возраженіе, исходящее изъ соображеній о томъ, *кому* переплачены эти *деньги* (*«не иностранцу*—а отечественнымъ работникамъ»)—было бы неумѣстно потому, что теперь я говорю съ точки зрѣнія тѣхъ экономовъ, которые утверждаютъ, что беллетристическія копіи обходятся *теперь* русскимъ *читателямъ* много дешевле. Оказывается, что *читатели* платятъ теперь больше, чѣмъ сколько они платили бы при существованіи соглашеній. А затѣмъ, *читателю* безразлично, кому онъ переплачиваетъ 140 р. на листъ. Итакъ, послѣдній выводъ:

VIII. Теперешняя дешевизна переводныхъ книгъ есть во многихъ случаяхъ только кажущаяся.

Мнѣ могутъ возразить, что не всѣ иностранныя беллетристическія сочиненія появляются теперь параллельными изда-

[15]) Тринадцать листныхъ наборовъ и переводовъ стоятъ, по приведенному разсчету (30×13) 390 р. листъ, Зола же беретъ за право исключительнаго перевода 120—150 р. листъ.

ніями. На это я осмѣлюсь указать, что при теперешней свободѣ международной контрафакціи *всѣ хорошія* беллетристическія сочиненія появляются въ нѣсколькихъ переводахъ, что же касается *дурныхъ* . . . такъ и слава Богу, если у насъ ихъ меньше будетъ, если они будутъ стоить дороже. Если ихъ *теперь* не печатаютъ въ двухъ-трехъ переводахъ— значитъ они и не нужны русской публикѣ....

*
* *

Итакъ, каково же будетъ мое заключеніе?

Россія должна приступить къ Бернскому Союзу для международной защиты авторскаго права иностранцевъ. Къ этому побуждаютъ ее не только абстрактныя соображенія о справедливости, но и очевидно ненормальное положеніе ея книжнаго дѣла, доказываемое неоспоримыми фактами.

Россія должна приступить къ Бернскому Союзу. Это необходимо для упроченія правильнаго развитія ея науки, литературы и народнаго образованія.

Россія должна приступить къ Бернскому Союзу. Этого требуетъ правильное толкованіе принципа «salus publica suprema lex». А *правильное* его толкованіе и примѣненіе всегда совпадаетъ съ примѣненіемъ того принципа, который гласитъ «suum cuique».

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ТАБЛИЦ

Количество статей

помѣщенныхъ въ главныхъ

НАЗВАНІЕ ЖУРНАЛОВЪ.	Январь.		Февраль.		Мартъ.		Апрѣль.		Май	
	С.[1]	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	
Вѣстникъ Европы [3]. . . .	345	87	349	56	394	52	344	68	348	
Вѣстникъ Иностр. Литер. . .	399	399	389	389	393	393	417	394	403	4
Гражданинъ (прил.). . . .	236	236	235	235	240	240	236	236	231	2
Живописное Обозр. (прил.). .	222	—	224	44	224	173	242	—	191	
Колосья	231	56	194	81	200	65	222	42	212	
Лучъ (прилож.)	238	—	238	—	235	—	240	—	201	
Наблюдатель	406	169	374	161	356	142	322	139	348	1
Недѣля (прилож.)	293	96	279	104	283	80	295	80	300	
Пантеонъ Литературы . . .	—	—	—	—	309	197	—	—	—	
Русское Обозрѣніе	344	17	318	46	338	82	350	58	350	
Русскій Вѣстникъ	395	85	418	115	378	72	440	65	384	
Русская Мысль	389	100	422	71	357	77	370	115	377	1
Сѣверный Вѣстникъ	312	79	326	86	292	65	314	74	300	
Трудъ	224	134	224	91	220	84	224	90	224	
ИТОГО	4084	1458	3990	1482	4219	1722	4016	1361	3869	14
Помѣщено ориг. статей. . .	2626		2508		2497		2655		2414	
Переводовъ въ %	36		40		41		34		38	

[1]) Въ первой графѣ каждаго мѣсяца обозначено общее количество страницъ (С.), помѣщ

[2]) Помѣщены сочиненія Лермонтова.

[3]) Кромѣ отдѣловъ хроники и библіографіи.

ЛЕРВАЯ.

...реводнаго содержанія,

...скихъ журналахъ за 1891 г.

Іюнь.		Іюль.		Августъ.		Сентябрь.		Октябрь.		Ноябрь.		Декабрь.		ИТОГО.		
С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	%
367	46	350	61	344	59	365	45	352	49	352	51	334	54	4244	697	16
392	377	369	374	369	355	370	339	395	350	401	356	388	365	4685	4494	96
228	228	226	226	238	238	233	233	234	234	239	239	237	237	2813	2813	100
192	142	[2])	—	[2])	—	[2])	—	184	—	208	96	205	37	1892	592	31
260	48	—	[2])	265	75	276	131	245	81	273	50	247	29	2675	702	27
205	205	205	205	205	205	238	158	235	150	240	128	173	—	2653	1067	40
332	140	332	163	332	141	350	119	344	159	358	182	366	140	4220	1827	43
266	120	236	111	276	148	304	158	275	64	315	79	318	79	3440	1199	35
329	234	—	—	—	—	315	196	—	—	—	—	322	298	1275	925	72
368	30	362	91	298	51	322	62	326	32	380	42	321	83	4077	594	15
355	73	390	61	386	104	341	66	411	84	362	58	341	70	4601	926	20
376	113	358	121	363	96	367	88	376	85	358	99	374	72	4487	1149	25
234	46	253	108	294	79	288	89	260	70	314	47	335	91	3522	899	26
220	114	224	121	224	84	220	106	224	109	224	103	222	63	2674	1192	45
4124	1916	3305	1642	3594	1635	3989	1790	3861	1467	4024	1530	4183	1618	47258	19076	
2208		1663		1959		2199		2394		2565		2565		28182		
46		50		46		45		38		38		39		40,4		

...ыхъ въ данномъ номерѣ; во второй—количество страницъ, занятыхъ переводными статьями (П).

ТАБЛИЦА

Количество статей пе

помѣщенныхъ въ главныхъ ру

НАЗВАНІЕ ЖУРНАЛОВЪ.	Январь.		Февраль		Мартъ.		Апрѣль.		Май.	
	С. [1])	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.
Вѣстникъ Европы [1])	362	46	372	50	369	61	366	99	364	3
Вѣстникъ Иностр. литерат. . .	386	386	370	369	417	400	397	376	395	3
Гражданинъ (прилож.) . . .	400	400	—	—	396	396	—	—	389	3
Живописное Обозрѣніе . . .	228	72	221	109	251	101	218	98	219	1
Колосья	222	98	234	84	219	92	222	113	235	1
Лучъ (прилож.)	236	128	238	238	218	218		С	В	
Наблюдатель	394	126	366	163	334	124	346	135	328	1
Недѣля (прилож.)	220	77	290	92	297	110	280	126	281	1
Пантеонъ Литературы. . . .	—	—	—	—	271	257	—	—	—	—
Русское Обозрѣніе	400	103	369	69	308	40	389	118	336	
Русскій Вѣстникъ	402	20	378	28	412	70	389	47	378	
Русская Мысль	450	133	444	96	340	136	379	104	330	1
Сѣверный Вѣстникъ	292	66	260	70	270	72	264	83	272	
Трудъ	242	82	236	133	230	184	240	93	231	1
ИТОГО	4234	1737	3778	1501	4332	2261	3490	1392	3758	19
Помѣщено ориг. статей . . .	2497		2277		2071		2098		1825	
Перев. статей въ %	41		40		52		40		51	

[1]) См. примѣчаніе первое на предыдущей страницѣ.

[2]) Въ Публичной Библіотекѣ свѣдѣній не имѣется.

[3]) См. примѣчаніе третье на предъидущей страницѣ.

ВТОРАЯ.

ɔеводнаго содержанія,

ɔкихъ журналахъ за 1892 г.

Іюнь.		Іюль.		Августъ.		Сентябрь		Октябрь.		Ноябрь.		Декабрь.		ИТОГО.		
С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	С.	П.	%
365	29	400	133	341	45	348	51	382	102	362	55	332	62	4363	767	18
378	378	384	384	391	391	368	368	414	414	420	391	410	410	4730	4635	98
—	—	400	400	—	—	393	393	—	—	393	393	—	—	2371	2371	100
226	110	218	122	228	124	234	138	222	83	238	—	270	—	2773	1134	41
241	82	332	251	186	135	230	103	288	76	350	152	334	83	3093	1452	47
Д	Ѣ	Н	І	Й			Н	Ѣ	Т	Ъ.	[2]	216	—	908	584	64
348	170	362	166	354	141	338	156	344	148	332	116	372	172	4218	1753	41
295	111	290	128	219	132	286	98	298	96	306	112	287	114	3349	1338	40
348	316	—	—	—	—	366	238	—	—	—	—	309	249	1294	1060	82
372	94	290	68	323	121	390	113	386	67	414	86	427	89	4404	1052	24
362	89	300	78	369	136	364	113	358	80	347	74	378	68	4437	869	19
394	93	390	90	369	103	426	104	366	81	432	92	425	117	4745	1275	26
254	110	264	69	292	69	294	99	292	61	336	108	—	—[2]	3090	902	29
236	164	237	154	237	141	221	175	—	—[2]	—	—[2]	—	—[2]	2110	1260	60
3819	1746	3867	2043	3309	1538	4258	2149	3350	1208	3930	1580	3760	1364	45885	20452	
2073		1824		1771		2109		2142		2350		2396		25433		
46		53		47		51		36		40		37		44,6		

ТАБЛИЦА ТРЕТЬЯ.

Количество оригинальныхъ статей, данныхъ главными русскими журналами

въ 1891 и 1892 г. (по-мѣсячно).

Мѣсяцъ.	1891	1892	Сумма.	%[2]).
Январь [1])	2626	2497	5123	66
Февраль	2508	2277	4785	62
Мартъ	2497	2071	4568	58
Апрѣль	2655	2098	4753	61
Май	2414	1825	4239	54
Іюнь	2208	2073	4281	55
Іюль	1663	1824	3487	45
Августъ	1959	1771	3730	47
Сентябрь	2199	2109	4308	55
Октябрь.	2394	2142	4536	58
Ноябрь	2565	2350	4915	63
Декабрь	2565	2396	4961	64

[1]) Перечисленіе журналовъ см. таблицы I и II.

[2]) По отношенію къ средней мѣсячной книгѣ, см. стр. 520.

УКАЗАТЕЛЬ.

(Цифры указываютъ на параграфы).

Австро-Венгрія—44, 130, 131, 152, 153, 222, 225, 330, 344, 403, 404, 412, 428. см. Венгрія

Adaptation—18, 167, 254, 255, 284, 409. см. Драматизація.

Англія—см. Великобританія.

Анонимныя произведенія—96, 256.

Антрепренеры—см. Издатели.

Arrangements—103, 175, 201, 410, 411, 412. Закл. стр. 508, см. Музыкальныя произведенія.

Arrêt 1777 года—Введ. стр. 22.

Архитектурныя произведенія—59, 116, 166, 170, 391—395; стр. 508.

Бельгія—9, 10—16, 132—135, 158, 159, 162, 171—184, 261, 341, 369, 407, 413, 428.

Бернскій Союзъ—Историческ. очеркъ 212—228; анализъ конвенціи—229—274.

Боливія—308, 343, 369.

Бразилія—369.

Бюро международное—267, 268.

Cautio judicatum solvi—232.

Clause de la nation la plus favorisée—164, 166, 180, 185, 208.

Варіація—см. **arrangements**.

Ввозъ контрафакцій—257; Заключеніе, стр. 506.

Великобританія—Введ. стр. 30; §§ 36, 37, 136—138, 157, 262, 312, 369, 428. см. Драматизація, Stationer.

Венгрія—131, 308, 330, 345, 404, 407, 428.

Венецуэла—298.

Взаимная защита—33, 38, 47, 78, 130, 138, 139, 140, 142, 143.

Выпускъ (отличіе отъ тома)—241, 242.

Вѣчность защиты авторскаго права—Введ. стр. 10; §§ 21, 25, 281—292.

Газетныя статьи—89, 94, 181, 197, 244—247, 360—364..

Гватемала—300, 342.

Гаити—311, 341.

Германія—Введ. стр. 27—29; §§ 39, 40—43, 48, 78—129, 155, 198, 192—261, 263, 309, 330, 403, 404, 407, 413, 428.

Голландія—302, 345.

Греція—301, a.

Гравюры—Введ. стр. 16; Заключ. стр. 497, 508, §§ 35, 312.

Данія—139, 308, 330, 369, 404, 407, 428.

Délai fixe (système du)—293, 301.

Domaine public payant—313.

Драматическія произведенія—см. Право публичнаго исполненія.

Драматизація—255, 284.

Droit d'auteur—267.

Египетъ—26.

Einzelcopie—121, 405.

Endymion—21.

Журналы—см. Газеты.

Заглавія—55, 317.

Заимствованія—см. Хрестоматія, Указаніе источника.

Заказчики—406, см. Портреты.
Законы—см. Оффиціальные документы.
Издатели (защита ихъ правъ)—Введ. стр. 17; §§ 79, 80, 85, 194, 204, 230; Заключ. стр. 492—494.
Изобразительныя искусства—196, 386—407.
Иллюстраціи—236.
Испанія—140, 164—170, 306, 343, 369, 407, 413, 428.
Италія—44, 141—144, 152, 153, 313, 345, 369, 403, 407, 413,428.
Колоніи—272.
Колумбія—307, 330, 343, 369.
Компиляціи—325, 326.
Комментаріи—327, 328, 329.
Коммиссія (1866 г. французская)—Введ. стр. 13.
Косвенные способы воспроизведенія—см. Adaptations.
Конвенціи — Прусскія — 39; Австрія—Сардинія 1840 г.—152, 153; Пьемонтъ—Австрія 1840 г.—44; Франція—Сардинія 1843 г.—48, 154; Пруссія—Англія 1846 г. — 155; Франція — Португалія 1847 г.—48, 156; Франція—Ганноверъ 1851 г.—48; Франція—Англія 1851 г.—157; Франція — Бельгія 1852 г.—15, 158; Бельгія—Нидерланды—159; Россія-Франція—160, 161; Россія-Бельгія 1862 г.—162; Франція-Пруссія 1862 г.—198, 202; Франція-Испанія 1880 г.—164—170; Франція-Бельгія 1881 г.—171—184; Франція-Швейцарія 1882 г.—185—191; Франція-Германія — 192—211. Позднѣйшія—266.
Конгрессы—213—219.
Конференціи членовъ Бернскаго Союза—222—225.
Лекціи—55, 352, 353.
Литературная собственность—283—286.
Люксембургъ—271.
Манускрипты—86, 231, 235; стр. 503.
Международная контрафакція—3—26.
Мексика—299, 330, 369, 404, 428.
Механическіе инструменты—190, 253, 414, 415.
Монако—271, 308, 330, 369, 428.
Музыкальныя импровизаціи—102, 408.
Музыкальныя произведенія—35, 102, 251, 408—415.
Музыкальные сборники—104, 200.
Неизданныя произведенія—см. манускрипты.
Норвегія—308, 330, 347, 369, 403, 404, 407, 413, 428.
Объектъ авторскаго права—196, 236, 314—324; стр. 502.
Оговорка наиболѣе благопріятствуемой націи—см. Clause.
Оговорка о сохраненіи права исключительнаго перевода—342.
Отказы отъ Бернской Конвенціи—273.
Оффиціальные документы—72, 95, 320.
Pays d'origine—235.
Переводы—33, 61—64, 71, 91, 92, 108, 161, 167, 169, 180, 189, 202, 203, 210, 215, 238—243, 284, 331—348.
Перенесеніе худож. произведеній въ другую область—396—402.
Переходный періодъ—111, 259—263.
Перу—309.
Pluquet (письма аббата—)—Введ. стр. 26.
Пластическія произведенія—см. Изобразительныя искусства.
Пожизненная система защиты—294.
Полицейскія постановленія—258, 314, a.
Политическія рѣчи — см. Словесныя произведенія.
Портреты—407.
Португалія—308, 343, 369.
Пошлина на произвед. искусствъ—24.
Право публичнаго исполненія—20, 35, 56, 106—110, 179, 188, 215, 249—251, 302, 365—385.
Право первой контрафакціи—6, 12, 21.
Привилегіи—Введ. стр. 21—30; заключ. стр. 490—495.
Продолжительность защиты авт. права—96, 166, 174, 185, 215, 233—235, 275—313; таблица—313.
Промышленныя произведенія—387, 404.
Проповѣди—см. Словесныя произведенія.
Проэктъ Союза 1883 г.—220, 221.

Проэктъ Союза 1884 г.—224.
Pütter—33.
Регистрація—см. Формальности.
Resident—34.
Ретроактивность—170, 209, 210, 259—263.
Рисунки—101, см. Изобразительныя искусства.
Романы—фельетоны—246.
Россія—308, 330, 403, 404, 407. См. заключеніе passim.
Рѣчи судебныя—354—359; см. Словесныя произведенія.
Сборники—85, 198.
Скульптурныя произведенія—58, 312, см. Изобразительныя искусства.
Словесныя произведенія—87—89, 285, 349—359; стр. 503.
Соавторы—74.
Сокращенія—см. Компиляціи.
Соединенные Штаты—34, 145—147, 304, 342, 428.
Срокъ защиты—см. Продолжительность защиты.
Stationer—Введ. стр. 30.
Телеграммы—361.
Транскрипціи—284; см. Arrangements.
Турція—305.
Указаніе источника—247.
Учебныя изданія—см. Хрестоматіи.
Фабричные рисунки—57; см. Промышленныя произведенія.
Фантазіи—409; см. Arrangements.
Фельетонъ—см. Газетныя статьи.
Vertheiltes Verlagsrecht—82, 83, 183, 205, 252.
Финляндія—308, 330, 347, 428.
Формальности—75, 76, 100, 126, 178, 180, 187, 189, 202, 215, 231—232, 348; стр. 509.
Фотографіи—35, 60, 123—129, 166, 171—173, 237, 312, 416—428.
Франція—Введ. стр. 27; §§ 9, 15, 28—32, 52—76, 308, 341, 369, 415, 428.
Хореографія—253, a.
Хрестоматіи—168, 176, 177, 187, 198, 199, 248, 322, 323, 324, 330; стр. 507.
Цитаты—93, 248; стр. 507.
Чили—310, 369.
Швейцарія—148, 149, 188, 309, 346, 369, 407, 415, 428.
Швеція—208, 330, 347, 369, 404, 407.
Школьныя пособія—см. Хрестоматіи.
Южно-Африканская республика—303.
Юридическая природа авт. права—Введ. стр. 9.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
10	4 снизу	Шершенева	Шершеневича
17	18 »	Soufrir	Souffrir
33	17 »	fortiriori	fortiori
63	8 сверху	Исторію Rénonard'á	Теорію Rénourd'á
		объ указанной	объ оказанной
63	10 снизу	fortiriori	fortiori
72	19 »	взаимность	взаимности
75	5 сверху	контрафакціи	конфедераціи
98	1 «	они	онѣ
114	13 снизу	наслѣдпяго	послѣдняго
123	2 сверху	истественно	естественно
135	6 снизу	и 1 года для всѣхъ осталь-	и 3 лѣтъ для всѣхъ осталь-
		ныхъ видовъ литературы	ныхъ видовъ литературы (при условіи начать переводъ въ теченіе одного года)
190	9 сверху	Delalande	Delalain (дальше еще нѣсколько разъ та же опечатка)
218	18 снизу	Замѣтить	замѣнить
253	18 сверху	éminément	éminemment
267	9 »	не полномъ	не въ полномъ
301	6,12 »	свѣденія	свѣдѣнія
315	14 »	L'ouevre	L'oeuvre
316	15 »	исторіей	теоріей
374	16 снизу	раздѣлятся	раздѣляться
380	8 »	См. § 242	См. § 240
402	10 сверху	См. § 102	См. § 88

Z
552
.P6

Z 552 .P6 C.1
Mezhdunarodnyia teraturnyia ko
Stanford University Libraries
3 6105 036 959 752

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305